

Российская академия наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории и археологии УрО РАН

На правах рукописи

Кокшаров
Сергей Федорович

**КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ**

Специальность – 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историографический очерк	10
Глава 2. Важнейшие памятники переходного времени от неолита к бронзовому веку	23
2.1. Поселения Кондинской низменности	24
2.2. Поселения Нижнего Приобья	72
2.3. Погребения	85
Глава 3. Обсуждение материалов переходного времени от неолита к бронзовому веку	102
3.1. Памятники ушьинского типа	102
3.2. Памятники еныйского типа	105
3.3. Памятники атымьинского типа	110
3.4. Пернашорский комплекс поселения Геологическое III	134
3.5. Памятники волвончинского типа	144
Глава 4. Важнейшие памятники бронзового века	163
4.1. Поселения Кондинской низменности	163
4.2. Поселения Нижнего Приобья и Надым-Пуровского междуречья	221
4.3. Могильники, промысловые и культовые объекты	255
Глава 5. Обсуждение материалов бронзового века	266
5.1. Памятники досейминского времени	266
5.1.1. Замечания к хронологической позиции полымьятских памятников	300
5.1.1.1. Время бытования ранних полымьятских памятников	302
5.1.1.2. Возраст поздних полымьятских памятников	313
5.2. Памятники сейминского времени	319
5.2.1. Хронология памятников варпаульского типа	334
5.3. Памятники постсейминского периода	344
5.3.1. Датировка лозьвинских и атлымских памятников	359
Заключение	366
Архивные материалы	374
Библиография	378
Список сокращений	424

ВВЕДЕНИЕ

Изучение археологических памятников Нижнего Приобья и прилегающих районов севера Западной Сибири ведется не одно десятилетие, и в этом направлении достигнуты несомненные успехи. К настоящему времени накоплен значительный корпус источников, отражающих этапы развития культуры местного населения от эпохи камня до Средних веков. Ценность новых материалов, недостаточно хорошо известных специалистам, заключается в том, что они происходят с однослойных или хорошо стратифицированных археологических объектов. Оба обстоятельства очень важны при установлении относительной хронологии древностей в рамках всего обозначенного временного диапазона или отдельных периодов, включая переходное время от неолита к эпохе бронзы и собственно бронзовый век. Материалы северных памятников позволяют не только уточнить, но и откорректировать существующие культурно-хронологические схемы, разработанные для южных районов региона.

Древности севера Западной Сибири представляют интерес для исследователей и еще по одной причине. Благодаря особенностям рыболовного и охотничьего промыслов, оформившихся еще в каменном веке и сохранивших местами свое значение до настоящего времени, развитие культуры немногочисленного населения Обь-Иртышья носило непрерывный характер, не осложненный массовыми внешними миграциями. Максимальная продуктивность присваивающего хозяйства была возможна при относительной оседлости рыболовов и охотников, имевших наряду с базовыми поселками (места постоянного проживания) сезонные лагеря, где добывались рыба и животные.

Образ жизни рыболовов и охотников севера Западной Сибири и южных популяций того же региона отличался кардинальным образом. Скотоводы, совершавшие постоянные перемещения, включая циклические, способствовали оформлению относительного культурного единства в обширном евразийском степном коридоре. Северяне и южане безусловно контактировали. На такие связи указывают привозные изделия из меди и бронзы, найденные на археологических памятниках тайги и тундры. Характер этих взаимоотношений не выяснен, и можно лишь догадываться об их опосредованности. Наряду с меридиональными связями поддерживались и широтные контакты. Последние осуществлялись между восточноевропейскими группами населения – уральцами и сибиряками, а также между отдельными группами обь-иртышского населения. Однако широтные связи не столь явны и отходят обычно на второй план в сравнении с меридиональными.

Актуальность темы. Бронзовый век севера Западной Сибири является одним из слабо изученных периодов древней истории. Это время примечательно уже тем, что при отсутствии собственной рудной базы местное население приобщается к литейному делу, а в досейминское время происходит становление собственного металлопроизводства. В начале позднего бронзового века некоторые южнотаежные группы населения овладевают совершенной технологией тонкостенного втульчатого литья, осваивая производство кельтов простейших форм и других предметов, оснащенных скрытой втулкой. Новая сфера деятельности представляет значительный исследовательский интерес, т.к. ее появление и развитие привело к качественным изменениям в социальной организации северных сообществ. Наконец, материалы севера Западной Сибири позволяют дать иное объяснение такому явлению, как сейминско-турбинский (СТ) феномен.

Цель работы – изучение культуры северного населения Западной Сибири, развивающейся на протяжении эпохи раннего металла (ЭРМ). Ее достижение возможно при наличии упорядоченных во времени источников, позволяющих провести моделирование исторических процессов далекого прошлого.

Обозначенная цель предполагает решение следующих задач:

- обзор истории изучения памятников переходного времени и бронзового века на севере Западной Сибири;
- характеристика важнейших памятников переходного времени и бронзового века Кондинской низменности, Нижнего Приобья и прилегающих территорий;
- критический анализ собранной источниковой базы;
- определение специфики бронзового века на изучаемой территории;
- установление относительного возраста археологических памятников эпохи раннего металла и сопоставление полученных данных с калиброванными ^{14}C датами;
- установление корреляции полученной схемы с имеющимися периодизациями региона;
- рассмотрение эволюции материальной культуры и, отчасти, социальной организации северного населения в переходное время и в бронзовом веке;
- определение векторов культурных связей населения севера Западной Сибири в ЭРМ.

Новизна работы предопределена новой источниковой базой. В исследовании учтены не только опубликованные материалы, но и находки из раскопок 30–40-летней

давности, почти неизвестные специалистам. В работе дан критический анализ имеющихся источников, отражающих особенности развития культуры сообществ рыболовов и охотников севера Западной Сибири в ЭРМ, а также определено место археологических материалов севера Западной Сибири в свете синхронных древностей сопредельных территорий.

Материалы северных археологических памятников, сопоставленные с синхронными древностями юга Западной Сибири, Урала и Восточной Европы, дали возможность решить ряд важных вопросов:

- прослежено развитие культуры рыболовов и охотников севера Западной Сибири, не прерывавшееся вторжениями мигрантов, что, конечно же, не исключает перемещений отдельных групп внутри региона;

- в рамках ЭРМ региона обоснована правомерность выделения переходного периода от неолита к эпохе бронзы и собственно бронзового века;

- особенность переходного периода на изучаемой территории проявляется в отсутствии изделий из меди и следов ее переработки, несмотря на то, что они известны на синхронных энеолитических памятниках Среднего, Южного Урала и Нижнего Приоболья. Он разделен на четыре стадии, отражающие изменения в культуре местного населения;

- при градации бронзового века в качестве рубежного маркера учтено появление памятников с вещами СТ облика (изделия из металла, камня, кости) и сопутствующей им керамической посудой, которые занимают на севере изучаемого региона вполне конкретную хронологическую позицию. Таким образом выделены досейминский, сейминский и постсейминский периоды бронзового века;

- применительно к изучаемой территории признана неправомерность использования понятия «квазиэнеолит» и неуместность обращения к способу производства как критерию археологической периодизации. В качестве приоритетного должен учитываться технологический принцип;

- обоснован вывод о становлении металлопроизводства и функционировании металлообрабатывающего очага в бассейне Конды в досейминский период бронзового века;

- установлено приоритетное значение контактов населения Кондинского бассейна и Нижнего Приобья с различными группами уральского и прикамского населения;

- на основе имеющихся материалов признана вторичность СТ металлопроизводства на севере региона и исключена его связь с внешними миграциями;

– обращено внимание на недооценку широтно-меридиональных связей населения Северной Евразии, обусловивших распространение металла и способов его обработки, технологий производства керамики, каменных изделий и появление синхронизмов;

– установлен факт разделения труда внутри отдельных общин рыболовов и охотников, приведший к выделению группы мастеров-литейщиков в позднем бронзовом веке.

Территориальные рамки исследования ограничены севером Западно-Сибирской равнины, районами, примыкающими с востока к Северному, Приполярному и Полярному Уралу (протяженность горной цепи ~1100 км). Здесь особое внимание обращено на обширную Кондинскую низменность, по которой проложили русла рр. Тавда и Конда. Она ограничена с севера Северо-Сосьвинской возвышенностью, занимающей значительную часть нижнеобского левобережья. В ее пределах обособлены Приуральская ландшафтная область, включающая Вольинские, Средне-Сосьвинские, Маньинские и Ляпинские Увалы, Лепля-Няисскую впадину и Тапсуй-Ляпинскую низменную равнину. Восточной границей Северо-Сосьвинской возвышенности является долина р. Обь.

Обь – центральная водная артерия севера Западной Сибири, но в нашем случае речь идет не обо всей реке, а лишь о нижнем ее течении, от устья Иртыша на юге до Обской губы на севере, определяемом как Нижняя Обь. На данном отрезке она выдерживает в целом меридиональное направление, пересекая лесоболотную, лесотундровую и тундровую зоны. В пределах Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) выделяется Приуральско-Нижнеобской озерный район (~100 тыс. км²), в котором насчитывается свыше 37 тыс. озер.

На севере Западной Сибири нас интересуют прежде всего Кондинская низменность и Нижнее Приобье, а также граничащие с ними районы, где сосредоточены наиболее значимые археологические объекты переходного времени и бронзового века. В административном отношении эти территории входят в состав ЯНАО и Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) Тюменской области и, отчасти, в Свердловскую область.

Хронологические рамки исследования охватывают всю ЭРМ с конца IV до первой четверти I тыс. до н.э. В ее рамках обособлены переходный период от неолита к эпохе бронзы, когда зарождается «общность культур с керамикой гребенчатого геометризма», и собственно бронзовый век, отсчет которого ведется с появления ранних полымьятских поселений с первым металлом и следами его обработки. Эпоха бронзы завершается с

появлением памятников кульминского типа, южные параллели которым усматриваются в древностях иткульской культуры железного века Урала и Притоболья.

Источниковая база включает археологические, археозоологические, антропологические и иные материалы, происходящие преимущественно с Кондинской низменности, Нижнего Приобья и сопредельных районов севера Западной Сибири. В работе сконцентрирована информация о поселениях, могильниках, отдельных погребениях, культовых и промысловых объектах ЭРМ, содержащуюся в научных отчетах, и доступные материалы других археологов, не вошедшие по разным причинам в научный оборот.

При составлении карт и иллюстративного ряда были использованы данные из отчетов, хранящихся в архивах ИА РАН (Москва), ИИА УрО РАН, ПНИАЛ УрФУ (Екатеринбург), НПЦ «Наследие» (Ханты-Мансийск), а также коллекции из фондов ПНИАЛ УрФУ, Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С.Шемановского (Салехард), Музея природы и человека (Ханты-Мансийск), Музейно-выставочного центра г. Советского, Музейно-культурного центра г. Нягань, музея г.Югорска. Кроме материалов автора в работе были использованы коллекции, полученные в разные годы Н.А. Алексахенко, М.Ю. Барановым, Е.М. Беспрозванным, А.Г. Брусницыной, Е.А. Васильевым, Г.П. Визгаловым, В.Т. Галкиным, И.Г. Глушковым, К.Г. Карачаровым, О.В. Кардашем, Е.А. Курлаевым, В.М. Морозовым, А.Н. Панфиловым, С.Г. Пархимовичем, А.А. Погодиным, А.В. Растороповым, Ю.Б. Сериковым, Л.Н. Сладковой, Н.К. Стефановой, В.И. Стефановым, Л.М. Тереховой, Е.А. Устиновой, Л.П. Хлобыстиным, Ю.П. Чемякиным, С.И. Шумайловым.

Объектом исследования являются исчезнувшие сообщества рыболовов и охотников севера Западной Сибири.

Предмет исследования – совокупность остатков жизнедеятельности исчезнувшего населения, сохранившихся в культурных слоях археологических памятников.

Методология и методы исследования обусловлены объектом и предметом исследования, а также особенностями изучаемой эпохи.

ЭРМ севера Евразии представляет значительный исследовательский интерес, поскольку она ознаменована функционированием Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской и Евразийской металлургических провинций (соотв. БКМП, ЦМП и

ЕАМП) [Черных, 1978]. Сменяя друг друга, они оказывали прямое или опосредованное влияние на обширные территории, население которых не только получало необходимое сырье для металлопроизводства (медь, бронзы) из горно-металлургических центров, но и перенимало новые технологии обработки металла, ориентируясь на определенный сортамент орудий. Несмотря на удаленность от рудных источников, в новые системы связей были вовлечены обитатели севера Западной Сибири, овладевшие литейным делом.

Эти и другие явления в культуре, повлекшие со временем изменения социальной структуры обществ (причем не только с производящими, но и присваивающими формами хозяйства), достаточно полно раскрываются в работах, посвященных изучению многолинейной эволюции [Классен, 2000, с. 4–10; Салинз, 1999; Коротаев, 2003, с. 71–84]. С другой стороны, общества и культуры испытывают на себе внешние воздействия, включая диффузионные явления. Диффузия признается специалистами универсальным механизмом существования, воспроизводства и функционирования обществ. Она определяет векторы их экзогенного развития, хотя ее результаты находятся в существенной зависимости от тех исторических контекстов, к которым приходится адаптироваться обществам [Арутюнов, 1989, с. 143, 195; Фаган, ДеКорс, 2007, с. 91–92; Побережников, 2011, с. 4, 12]. По отношению к значительной части Северной Евразии, включая изучаемую территорию, уместно говорить о модели пролиферации, или размножения, когда на местах возникают металлообрабатывающие очаги, ориентированные на использование единых технологических схем, которые самостоятельно ретранслируют нововведения с учетом местной специфики [Побережников, 2011, с. 6]. Обращение к диффузии способствует пониманию процессов становления и развития металлопроизводства, которое резонно рассматривать в качестве одного из ярких примеров глобализации в истории человечества.

В работе использованы традиционные для археологии методы исследования такие как стратиграфический, типологический, сравнительно-исторический, картографический, статистический. В исследовании приводятся определения археозоологических остатков, выполненные канд. биол. наук П.А. Косинцевым, а также характеристики антропологических коллекций, авторство которых принадлежит д-ру. ист. наук В.А. Дремову и канд. ист. наук Д.И. Ражеву. Спектральный и атомно-эмиссионный анализы цветных металлов проведены при деятельном участии канд. ист. наук А.Д. Дегтяревой и С.В. Кузьминых. Относительная хронология памятников сопоставлена с имеющимися калиброванными ^{14}C датами северных памятников (19 дат для объектов переходного времени и 30 для бронзового века).

Практическая ценность исследования заключается в том, что развитие культуры северного населения Западной Сибири, прослеженное по археологическим материалам, позволяет перейти к построению более точных моделей исторических процессов, протекавших к востоку от Урала в интересующее нас время. На основе полученных материалов возможно написание обобщающих работ по древней истории Урала и Западной Сибири, учебников для средних школ и ВУЗов, разработка общих и специальных учебных курсов для бакалавров и магистрантов. Выводы, полученные автором, используются в лекциях, читаемых им для студентов-историков первого курса ИГНИ УрФУ. Часть материалов, фигурирующих в исследовании, размещена в экспозициях краеведческих музеев гг. Югорск, Нягань, Ханты-Мансийск, Сургут (Ханты-Мансийский автономный округ), Салехард (Ямало-Ненецкий автономный округ), в археологическом музее ИГНИ УрФУ (Екатеринбург).

Апробация. Результаты исследования обсуждались на международных, всероссийских и региональных конгрессах, конференциях, совещаниях и семинарах, проходивших в Москве, Ханты-Мансийске, Сургуте, Тюмени, Тобольске, Томске, Уфе, Екатеринбурге и Челябинске. Основные положения работы опубликованы в одной авторской монографии, в 9 авторских разделах 7 коллективных монографий, а также в 90 статьях, материалах и тезисах конференций на русском, английском и немецком языках, 15 статей изданы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 5 глав, заключения, графических иллюстраций и таблиц. Объем: основной текст – 425 с.; таблицы – 20; графические иллюстрации – 269 ед.; список архивных дел – 45 экз.; список литературных источников – 582 экз.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Изучение археологических памятников севера Западной Сибири сдерживалось длительное время отдаленностью территории и отсутствием регулярного транспортного сообщения. Это сказалось на специфике научных исследований, которые велись индивидуально или небольшими коллективами. Работы имели точечный характер и преследовали ознакомительные цели. Информаторы из числа местных жителей обращали внимание археологов на местонахождения костей ископаемых животных или вещей позднего происхождения, изготовленных из черного и цветных металлов, стекла и камня. Находки выводили ученых либо на плейстоценовые объекты, либо на городища/могильники эпохи раннего железа или Средневековья. Памятники же более ранних эпох, слабо выраженные на поверхности и не содержащие эффектных вещей, такого интереса не вызывали. Слабая изученность территории не позволяла разработать хронологию и периодизацию археологических памятников интересующего нас региона.

Прорыв в исследовании культур энеолита – бронзового века Западной Сибири связан с деятельностью В.Н. Чернецова. Опираясь на данные собственных изысканий на рр. Северная Сосьва, Иртыш и в низовьях Оби (стоянки Хулюм-сунт, Сортынья II, Сузгун II, Салехард I) и используя материалы коллекций из музеев Тобольска, Томска, Свердловска и других городов, он обобщил результаты в монографии «Древняя история Нижнего Приобья» [1953]. Здесь содержится историографический очерк археологических работ, проводившихся до и после 1917 г., впервые дается обзор западносибирских древностей эпохи бронзы, отмечено их локальное своеобразие. В работе фигурируют энеолитические объекты – Липчинская и II Андреевская стоянки, расположенные в бассейне р. Туры [Чернецов, 1953, с. 36]. Автор оперировал материалами памятников бронзового века (Салехардская и Сартыньинская стоянки, Сузгун II), о существовании которых в то время мало кто знал. В.И. Мошинская, супруга и спутница Валерия Николаевича, опубликовала оригинальные материалы из жилища бронзового века, открытого в черте города Салехарда [1953], и находки с жертвенного места Сузгун [1957].

В 1960–1970-х гг. начались исследования памятников ЭРМ на рр. Конда, Тура, Тавда, Васюган, Вах и Обь. Работы проводились археологами ИА АН СССР, Ленинградского отделения ИА АН СССР, Томского и Уральского государственных университетов. Коллективы ученых из перечисленных академических и вузовских центров занимались изучением отдельных памятников, выявляли археологические микрорайоны, публиковали новые источники, вели подготовку обобщающих трудов.

В 1966 г. Л.П. Хлобыстин осуществил ознакомительную поездку на р. Конда. Он посетил места, где в 1920–1930-х гг. проводил археолого-этнографические изыскания В.Н.Чернецов [1987, с. 164, 170]. В последующие годы исследования археологических памятников в окрестностях поселков Шугур и Карым, а также на р. Сумпанья проводили свердловские и тобольские ученые. Научные интересы Л.П. Хлобыстина не ограничились таежной Кондой, и в 1969 г. он совместно с Ю.Г. Королевым опубликовал материалы Йоркутинской стоянки, расположенной на полуострове Ямал [1969, с. 79–83].

В те же годы на рр. Тура, Тавда проводились изыскания свердловским археологом В.Д. Викторовой. При анализе разновременного керамического материала она наметила основные этапы развития фигурно-штамповой орнаментации на глиняной посуде ЭРМ–Средневековья [1970]. С этого времени в археологической литературе закрепились предложенные ею определения «сотниковский, лозьвинский и вагильский типы памятников» бронзового века.

Благодаря исследованиям на территории Среднего Урала и Тюменского Притоболья, были обособлены материалы шапкульской культуры [Старков, 1976, с. 39, 47–48], своеобразные моршининские комплексы, получившие статус локального варианта липчинской культуры из-за наличия в их составе керамики с гребенчатыми узорами [Он же, 1980, с. 155]. В.Т. Ковалева отнесла к отдельному андреевскому типу, а затем и к одноименной культуре поселения на оз. Андреевском и р. Иске [1979, с. 68–71].

Расширение зоны археологических поисков на север Сибири привело к переносу культурно-хронологических схем энеолита, разработанных для Среднего Урала и Притоболья, на новые территории. Как следствие, «керамика шапкульского типа», или посуда «со специфическими шапкульскими орнаментами», обнаруживалась в черте г. Салехарда, на поселениях Шеркалы X и Униига I на Нижней Оби [Старков, 1976, с. 46, рис. 3, 8–9; Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 44; Васильев, 1989, с. 12–13].

В те же годы проводились разведки М.Ф. Косарева в среднем и верхнем течении Конды. На ее притоках, рр. Евра и Ух, он обнаружил керамику, схожую по декору с посудой аятского типа Среднего Урала [1977, с. 208; Он же, 1981, с. 27].

На рубеже 1960–1970-х гг. коллективы археологов из университетов Томска и Свердловска начинают работать в различных частях Сургутского Приобья. В ходе раскопок на р. Вах В.А. Посредников получил любопытные материалы бронзового века. Определяя культурную принадлежность памятников, автор обратил внимание на их сходство с материалами еловской культуры. Приняв во внимание упрощенный декор, он предположил более ранний возраст ваховской керамики, отнеся ее к числу раннееловской [Посредников,

1973, с. 104]. Тем временем уральцы сосредоточились на изучении древностей Барсовой горы, расположенной западнее города Сургута. По форме керамических сосудов и их декору М.В. Елькина разграничила две группы поселений позднего бронзового века [1977, с. 107–110, рис. 3–4], которые в последующем были соотнесены с барсовской и атлымской культурами [Чемякин, Кокшаров, 1991, с. 106; Васильев, 1982, с. 11].

Значителен вклад в изучение древностей бассейна р. Васюган Ю.Ф. Кирюшина. Полученные им результаты обобщены в книге, написанной совместно с А. М. Малолетко [1979]. Ю.Ф. Кирюшин отнес васюганские *«памятники эпохи раннего металла и бронзового века»* к еловской культуре, прошедшей в развитии четыре этапа: степановский, тухэмторский, тухсигатский и позднееловский. Противоречие, заложенное в схеме, когда в андронидную еловскую культуру были включены более ранние памятники, было устранено позже. Недавно он провел ревизию взглядов на культурную принадлежность памятников энеолита–бронзового века Васюганья [2004], соотнеся доандроновские древности со степановской археологической культурой. По существу, он поддержал точку зрения И.Г. Глушкова и А.И. Петрова [1984] о существовании степановской культуры доандроновского времени, расширив ее ареал на северо-восток.

В 1970-х гг. почти одновременно выходят обобщающие работы В.И. Матющенко [1973А–Б; 1974А] и М.Ф. Косарева [1974], посвященные изучению бронзового века Томско-Нарымского Приобья. Они обратились к материалам археологических памятников (Самусь IV, Еловское и др.), изученных коллективом томских специалистов, но разошлись друг с другом во взглядах по ряду ключевых вопросов. В.И. Матющенко представлял бронзовый век как череду сменяющих друг друга самусьской, андроновской, еловско-ирменской археологических культур [1973А–Б, 1974А]. Затем эта схема была им дополнена и перенесена на всю территорию Западной Сибири [Матющенко, 1999, с. 84–92]. М.Ф. Косарев разработал и обосновал периодизацию бронзового века, отталкиваясь не только от облика датирующих металлических вещей, но и от социально-экономических и этнокультурных процессов, значительное влияние на которые оказывали изменения окружающей среды [1974, с. 20]. Другие расхождения касались, в частности, определения авторами возраста ключевых памятников и их взглядов на существование единой урало-сибирской общности. Несовпадение мнений двух ведущих археологов и оживленные дискуссии стимулировали научный поиск других исследователей. Более того, упомянутая работа М.Ф. Косарева стала хорошим заделом для других обобщающих трудов, выполненных исследователем [1981; 1984; 1987А–Г; 1991; 1993].

В 1986 г. вышла статья Л.П. Лашука и Л.П. Хлобыстина, обобщившая материалы ЭРМ ЯНАО Тюменской области. Своеобразие керамики со стоянок Йоркутинской, Пернашор, Тазовской и Хэ-яха дало основание говорить о выделении соответствующих типов памятников и культур. Из-за специфического облика находок для Йоркутинской стоянки предлагались плавающие датировки в пределах энеолита – начала бронзового века [Королев, Хлобыстин, 1969, с. 82–83; Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 44–45; Васильев, 2000Б, с. 26]. Особое внимание археологов привлекла керамика южноямальской стоянки Хадыта-яха. По составу примесей и особенностям формовки она имела сходство с посудой ымыяхтахской культуры Восточной Сибири [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 43–50].

На рубеже 1970–1980-х гг. развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и развернувшееся строительство транспортных магистралей стимулировали дальнейшие полевые археологические изыскания. К концу 1980-х – началу 1990-х гг. количество материалов эпохи раннего металла резко возросло, что позволило археологам перейти к построению локальных культурно-хронологических схем.

Е.А. Васильев подготовил ряд обобщающих статей и диссертационное исследование, посвященные памятникам и культурам эпохи раннего металла средне- и северотаежного Приобья. В 1979 г. он провел раскопки одного из известнейших памятников в бассейне Северной Сосьвы – поселения Сартынья I. Исследователь отметил необходимость обособления и выделения северососьвинского и унига типов керамики периода энеолита [Васильев, 1989, с. 9–10]. Тем же временем были датированы и памятники кошкинского типа [Там же, с. 10–13]. Встречаемость разнотипной керамики на энеолитических поселениях Северной Сосьвы и Нижней Оби объяснена интенсивным заселением (?) западносибирской тайги [Там же, с. 20].

По Е.А. Васильеву, северососьвинские памятники локализируются в бассейне эпонимной реки, а комплексы унига – на правом берегу Оби, в районе Белогорского материка. На сегодняшний день можно констатировать, что первый тип, датированный второй–третьей четвертями III тыс. до н.э., включает керамику бронзового века из перемешанных слоев Сартыньи I [Кокшаров, 2006А, с. 47]. С другой стороны, отсутствие публикаций материалов поселения Унига затрудняет понимание их своеобразия на фоне других энеолитических комплексов [Косарев, 1993, с. 50].

Е.А. Васильев рассматривает комплексы кошкинского типа не только как самые северные, но и как самые поздние среди подобных, относя их к середине – второй половине III тыс. до н.э. [1989, с. 11]. Однако позиция исследователя по данному вопросу представляется более чем спорной. Результаты исследований на Среднем Урале и Южном

Зауралье свидетельствуют, что кошкинские слои датируются по ^{14}C первой половиной – серединой V тыс. до н.э. Данные стратиграфии также противоречат омоложению северных кошкинских комплексов. По наблюдениям археологов, объекты с керамикой кошкинского типа расположены ниже неолитических боборыкинских (поселения Ташково III и ЮАО–XV) [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 51, 59]. В этой связи любопытна радиоуглеродная дата из другого неолитического объекта – боборыкинского жилища поселения Геологическое XVI, расположенного на водоразделе Конды и Северной Сосьвы, – 5440 ± 60 лет (Le-6995). Симптоматично, что в обобщающей работе М.Ф. Косарева, в разделе, посвященном энеолиту, отсутствуют какие-либо комментарии в отношении материалов кошкинского типа из бассейна Северной Сосьвы [1993, с. 38–67].

Е.А. Васильев внес существенный вклад в изучение бронзового века Нижнего Приобья, выделив сартыньинскую и атлымскую археологические культуры и наметив внутри каждой из них ранние и поздние комплексы [1980; 1982; 1983; 1989; 2000Г; 2004]. Интересна его работа по типологии ладьевидных сосудов сартыньинской культуры и опыт реконструкции миропонимания населения Нижнего Приобья [Васильев, 1984, с. 5–17].

В 1980–1990-х гг. В.М. Морозов и В.И. Стефанов открывают энеолитические памятники в бассейне р. Казым. Одним из ярких объектов является поселение Амня IA. В отличие от памятников северососьвинского и унига типов, здесь изучены остатки жилища и связанная с ним коллекция находок, включающая керамическую посуду и изделия из камня [Стефанов, Морозов, 1992]. С одной стороны, своеобразный орнамент на сосудах, выполненный гребенчатыми штампами в виде арок и шагающей гребенкой, сближал их с материалами поселений чужьяельской культуры, открытой В.С. Стоколосом на Европейском Северо-Востоке [1988, с. 25–47], с другой – общие черты в камнеобработке обнаруживались среди среднеуральских и западносибирских древностей. Таким образом, комплекс Амня IA позволил археологам использовать две линии привязок: западную пещеро-мезенскую и юго-западную притобольскую [Стефанов, Морозов, 1992, с. 89]. Значительным своеобразием отличались и другие казымские памятники – поселения Каксинская Гора 3 и Амня II.

Почти одновременно Ю.П. Чемякин, опиравшийся на материалы с Барсовой горы, проследил эволюцию культуры населения бронзового века в Сургутском Приобье [Чемякин, 1994; Он же, 1996; Он же, 2008; Чемякин, Коротаев, 1976; Чемякин, Кокшаров, 1984; Чемякин, Кокшаров, 1991; Чемякин, Карачаров, 2002]. Исследователь проводил мысль о том, что на основе барсовской культуры при участии атлымской, носители которой мигрировали сюда из Нижнего Приобья, сложилась белоярская культура начала железного

века. Внимание обращено также на архаичный керамический комплекс с городища Барсов городок I/3, который, по мнению исследователя, может датироваться началом бронзового века [Чемякин, 1989, рис. 1, 1–8]. В нем присутствовал плоскодонный сосуд, украшенный псевдотекстильными отпечатками. Новый сюжет в древней истории Сургутского Приобья обозначился после открытия в 1986 г. культового комплекса Сайгатино VI [Кокшаров, Чемякин, 1991].

С конца 1970-х гг. XX в. до настоящего времени ведется обследование памятников переходного времени и бронзового века в Кондинской низменности. Здесь открыто свыше трех сотен объектов ЭРМ, десятки из которых раскопаны. Сейчас это одна из наиболее полно изученных территорий севера Западной Сибири. Накопление источниковой базы позволило разработать для данной территории локальную типолого-хронологическую схему [Кокшаров, 1991В; Он же, 1993В]. Не случайно, что в предлагаемой работе рассмотрение материалов переходного времени от неолита к бронзовому веку ведется с важнейших памятников Кондинской низменности (см. рис. 1). Некоторые проблемы в изучении памятников ЭРМ на севере Западной Сибири озвучены автором в пленарном докладе, зачитанном на II Северном археологическом конгрессе в г. Ханты-Мансийске [Кокшаров, 2006А, с. 41–67].

Вопросы взаимоотношений лесного и андронидного населения сузгунской культуры в южнотаежном Тоболо-Иртышье изучались коллективом, возглавляемым В.И. Стефановым. Исследователи предложили не смешивать черноозерские памятники АКЮ с андронидными образованиями и различать среди них разновременные пахомовскую, сузгунскую и бархатовскую культуры [Стефанов, 1979; Стефанов, Корочкова, 1984, с. 88; Генинг, Стефанов, 1991, с. 58–59; Корочкова и др., 1991, с. 70–92 и др.]. Те же темы затронуты в трудах В.Т. Галкина [1989; 1991А; 1991Б], А.В. Матвеева и О.М. Аношко [2009]. А.В. и Н.П. Матвеевы акцентировали внимание на формировании культур эпохи железа, сложившихся в западносибирской лесостепи при участии носителей «крестовой керамики» переходного времени от бронзового века к железному [Матвеев 1988; Матвеева 1991], публикуя одновременно материалы атлымской культуры из Сургутского Приобья [Матвеев, Матвеева, 1995].

Керамические комплексы позднего бронзового века Нижней Конды (р. Чилимка) и Нижнего Прииртышья обстоятельно рассмотрены в монографии И.Г. Глушкова и Т.М.Захожей [2000]. Они отметили своеобразный облик находок, сочетающих признаки барсовской, лозьвинской и атлымской культур, предположив, что за расцветом фигурно-штамповой орнаментации в названный период может скрываться определенная мода, а не

миграции «северного населения», о которых принято говорить с момента открытия атлымской культуры [Там же, с. 42–43].

На рубеже XX–XXI столетий поиски археологов расширились и сориентированы на неизученные районы севера Сибири. Интереснейшие памятники и объекты изучались археологами Екатеринбурга, Томска и Тюмени в бассейне Казыма [Стефанов, 2001Б, с. 35–42; Он же, 2006, с. 44–58; Морозов и др., 2001, с. 26–34], Надым-Пуровском междуречье [Косинская, 2000, с. 14–18; Пошехонова, Скочина, 2012], на юге полуострова Ямал [Васильев, 2000Б, с. 263–270; Он же, 2011], Нижней Оби [Кудрич, 2010; Она же, 2011; Рудковский, 2012] и в Сургутском Приобье [Носкова, Карачаров, 2008; Сергеев, Погодин, 2008; Мызников и др., 2012]. В ходе исследований от сартыньинских древностей были обособлены арктические комплексы типа вары-хадыта, а в Сургутском Приобье и Надым-Пуровском водоразделе обозначены памятники кульёганского типа. Примечательно, что в поле зрения специалистов все чаще стали попадать археологизированные объекты, связанные с традиционной промысловой деятельностью (системы ловчих ям), часть из которых функционировала в каменном и бронзовом веках. В 2010 г. была составлена одна из наиболее полных сводок, включающая уже известные и вновь выявленные объекты каменного и бронзового веков на территории ЯНАО и ХМАО Тюменской области [Косинская, 2010].

Последние годы ознаменовались выпуском монографических исследований. Они посвящены не только рассмотрению материалов и находок с отдельных памятников, например, могильника сейминского времени Сатыга XVI [2011], но и обоснованию локальных хронологических схем. В этом плане представляют интерес работы Ю.Ф.Кирюшина [2004] и Ю.П. Чемякина [2008], в которых упорядочены материалы ЭРМ из Васюганья и Сургутского Приобья.

Эти и другие культурно-хронологические схемы представляют исключительную важность, поскольку учитывают большие массивы данных и дают представление об особенностях культуры населения севера Западной Сибири, которое уже не предстает в качестве обезличенного «гребенчато-ямочного массива». Не удивительно, что любая работа, вводящая новые источники, вызывает неподдельный интерес. С другой стороны, среди специалистов не утихают дискуссии вокруг возраста отдельных археологических культур и памятников.

Проблемы хронологии и периодизации. Корректное решение вопросов, связанных с реконструкциями или моделированием исторических процессов, зависит от наличия

выверенных в хронологическом отношении археологических источников. Таким образом, на первый план археологических исследований выходит установление возраста археологических памятников. Упорядоченная и выверенная в хронологическом отношении источниковая база позволяет перейти к этапу интерпретаций, избежав, насколько это возможно, последствий субъективного фактора. Это очень важно, поскольку археологические источники из-за своей специфики, не содержат, в отличие от письменных, унифицированной информации, предназначенной для прочтения, и дают лишь ограниченные возможности для социально-экономических и иных реконструкций [Генинг, 1982, с. 8]. Группировка большого количества разновременных археологических источников по крупным блокам, получившим определение типолого-хронологических пластов или этапов, с последующей характеристикой каждого из них, представляет собой наиболее оптимальный путь исследования, к которому неоднократно обращались специалисты [Кокшаров, 1993А, с. 88–89].

В.Н. Чернецов использовал преимущества подобного подхода при изучении средневековых памятников Западной Сибири [1957]. Он предложил схему развития культуры таежного населения I – начала II тыс. н.э., в которой по названиям опорных памятников были намечены четыре керамических комплекса – ярсалинский, карымский, оронтурский, кинтусовский – давших, в свою очередь, названия этапам. Несмотря на серьезные коррективы, внесенные в схему Валерия Николаевича [Федорова и др., 1991, с. 126–145; Зыков, 2012], она до сих пор не утратила своей значимости.

Схожий подход демонстрирует исследование Ю.Ф. Кирюшина и А.М. Малолетко, в котором проанализированы древности бронзового века Васюганья. Авторы пришли к выводу о непрерывности развития культуры местного населения во II тыс. до н.э. Опираясь на эталонные керамические комплексы, авторы выделили четыре этапа: степановский, тухэмторский, тухсигатский и позднееловский. Однако в итоге культура васюганского населения объявлена еловской археологической культурой, то есть на нее перенесено название четвертого этапа [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 158–160]. Если учесть мнение специалистов об андронидной принадлежности еловского населения, то вывод о культурной принадлежности васюганских памятников действительно представляется алогичным [Косарев, 1981, с. 145–162].

В том же плане, что и работа В.Н. Чернецова, написана монография его ученика М.Ф. Косарева «Бронзовый век Западной Сибири» [1981]. Приняв во внимание облик керамики и вещевого инвентаря, он наметил сменяющиеся культурно-хронологические пласты, или горизонты. Если каждый из них рассматривать как определенный этап,

отражающий культуру западносибирского таежного и южнотаежного населения в конкретное время, то за их сменой отчетливо проступает процесс ее развития со второй половины III до начала I тыс. до н.э.

В схеме М.Ф. Косарева упорядочен археологический материал энеолита – бронзового века и она по праву рассматривается в качестве региональной периодизации эпохи палеометалла [Грушин, 2002, с. 85]. В дальнейшем М.Ф. Косарев скорректировал свои построения и определил переходное время от неолита к бронзовому веку как «*эпоху раннего металла*», в которой обособил энеолит и ранний бронзовый век [1993]. Развитой бронзовый век он разделил на сейминскую и андроновскую эпохи. Далее следуют поздний бронзовый век и переходное время от бронзового века к железному. По мнению исследователя, каждому из обозначенных временных отрезков соответствует определенный типолого-хронологический пласт, или культурно-хронологический горизонт. Они выделены по декоративно-морфологическим особенностям керамики и сопутствующим ей остаткам металлургического производства, изделиям из камня и т.п.

В предложенной культурно-хронологической схеме М.Ф. Косарева учтен обширный корпус археологических источников ее приняли многие специалисты [Грушин, 2002, с. 84–87]. Она адаптирована к материалам различных районов Западной Сибири: Барабинской лесостепи [Молодин, 1985], предтаежного Тоболо-Иртышья [Корочкова и др., 1991, с. 70–92], бассейна р. Конды [Кокшаров, 1991Б–В; Он же, 1993В; Он же, 2006А] и Кузнецко-Салаирской горной области [Зах, 1997Б, табл. 25; Бобров, 2008, с. 288–290].

Несколько ранее Е.Н. Черных предложил рассматривать энеолит и собственно бронзовый век на территории СССР в качестве сменяющихся этапов ЭРМ [1978]. В его периодизации учтено изменение типов металлического инвентаря, технологии металлообработки и употребление новых видов сплавов. Согласно концепции, перечисленные изменения происходили в рамках трех основных металлургических провинций (МП) энеолита – бронзового века, сменявших друг друга во времени: БКМП, ЦМП и ЕАМП. Основываясь на технологическом принципе, Е.Н. Черных разделил бронзовый век на три периода – ранний, средний и поздний. Древности Западной Сибири связывались с памятниками СТ и андроновского облика, укладываясь в рамки ЕАМП позднего бронзового века.

В конце 1980-х гг. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых уделили пристальное внимание находкам, связанным с СТ транскультурным феноменом, а также остаткам СК металлопроизводства из таежной зоны Западной Сибири. Главный вопрос заключался в выяснении соотношения между изделиями СТ и СК облика. Проанализировав собранные

данные, авторы заключили, что СК производство отражает особенности металлообработки лесного населения Северо-Западной Сибири, уходящее корнями в более раннее СТ производство [Черных, Кузьминых, 1989, с. 259]. По их мнению, возникновение металлообработки на севере Западной Сибири было вызвано своеобразным культурным толчком извне со стороны мигрирующих СТ племен (групп, популяций).

К началу 1990-х гг. археологи Тобольского пединститута и Уральского госуниверситета, исследовавшие памятники р. Конды, обнаружили следы архаичной металлообработки досейминского облика. Это тигли, литейные формы и изделия из металла, связанные со слоями ранних полымьятских поселений Лева VIII и Геологическое III [Визгалов, 1988, с. 51; Кокшаров, 1991В, с. 95]. Находки привлекли внимание специалистов, давших им первые оценки. С.В. Кузьминых предложил отнести к числу квазиэнеолитических те *«таежные постнеолитические культуры и памятники, в которых наблюдаются относительно несложные приемы металлургии и металлообработки меди»*, которые *«ориентированы на охоту и рыболовство»* и *«не входят в систему определенной металлургической провинции, но синхронны ей»*. По его мнению, население северных, в том числе и таежных, районов непосредственно из квазиэнеолита вступает в поздний бронзовый век [Кузьминых, 1993, с. 117–119]. В перечне, приводимом исследователем, фигурируют не только разнотипные, но и одновременные комплексы: полымьятские поселения Лева VIII и Геологическое III, одиновское поселение Марково-2, а также аятские, липчинские, суртандинские, байрыкские, шапкульские и сосновоостровские памятники. В списке отсутствуют ташковские древности, упоминаемые наряду с елунинской, кротовской, коптяковской, черкаскульской и другими культурами, когда археолог говорит об их вхождении в ЕАМП позднего бронзового века.

Действительно, в модель СТ культурного феномена хорошо вписывался образ отсталых (постнеолитических=квазиэнеолитических, по С.В. Кузьминых) культур таежных рыболовов и охотников Урала и Западной Сибири, пребывавших в состоянии длительной стагнации и полной изоляции от окружающего мира, которые познакомились с секретами металлопроизводства благодаря мигрирующим металлургам-коневодам. Если отвлечься от исторического содержания квазиэнеолита, приняв во внимание наличие подвески из биллона с полымьятского поселения Геологическое III и обратившись к технологическому аспекту, взятому за основу археологических периодизаций, то выясняется, что применение дефиниции «квазиэнеолит» по отношению к полымьятским памятникам не корректно. В этой связи уместно привести мнение Е.Н. Черных, пояснявшего, что в качестве основного признака для разграничения этапов меди и бронзы должны учитываться факты

обнаружения на памятниках соответствующих металлических предметов независимо от того, где они были изготовлены, знало ли местное население металлообработку или нет. *«Введение дополнительных побочных условий может, кроме всего, внести ненужную путаницу в понятие, что повлечет за собой уже имеющий место произвол в отнесении различных культур к эпохам»* [Черных, 1965, с. 109].

Особый подход С.В. Кузьминых не вызвал дискуссии, а предложенный им термин квазиэнеолит не был востребован археологами Урала и Сибири [Бобров, 2006, с. 347–349]. Исключением стали, пожалуй, работы О.Н. Корочковой [2010А, с. 86; 2010Б, с. 100].

Несмотря на разработки Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, значительная часть археологов по-прежнему отдает предпочтение периодизации бронзового века, предложенной М.Ф. Косаревым. Вместе с тем в схемах Косарева и Черных–Кузьминых имеются свои сильные и слабые стороны, и думается, что было бы правильнее их не противопоставлять, а рассматривать как взаимодополняющие. Естественно, периодизация эпохи раннего металла севера Западной Сибири должна рассматриваться как региональная, но в ней следует максимально полно учитывать позиции всеобщей периодизации, основанной на технологическом принципе.

На рубеже XX–XXI вв. были изучены новые археологические памятники и внесены неизбежные коррективы в предложенные периодизации. Опираясь на материалы рр. Конды и Нижней Оби, автор данной работы предложил выделить в ЭРМ на севере Западной Сибири энеолит и бронзовый век [Кокшаров, 2006А]. При этом отмечу условность использования понятия «энеолит» по отношению к рассматриваемой территории, поскольку здесь пока не обнаружены факты использования металлических предметов (орудий, украшений) и следы металлопроизводства.

«Энеолитические» древности севера Западной Сибири были упорядочены во времени, а данный период в Кондинской низменности разделен на четыре стадии, демонстрирующие эволюцию культуры местного населения от последней трети IV по последнюю треть III тыс. до н.э. [Кокшаров, 2009А, с. 252–258, рис. 99–102]. Введение понятия «стадия» призвано подчеркнуть плавность и преемственность в развитии культуры. Оно представляется оптимальным подходом в работе с древностями, среди которых отсутствуют явные следы металлопроизводства. Несмотря на последнее обстоятельство, северные памятники синхронны другим металлоносным культурам Урала и Приоболжья, входящим в одну культурно-историческую область (КИО). Бронзовый век разделен на три периода (досейминский, сейминский и постсейминский) в соответствии со

схемой, предложенной Е.Н. Черных для Урала и Поволжья [Черных, 1970; Кокшаров, 2006А, с. 45].

С.П. Грушин провел сходную работу по систематике древностей бронзового века. Проанализировав материалы Южной Сибири, Северо-Запада Китая и Монголии, он пришел к выводу о неоднородности многочисленных СТ металлических изделий. Принимая во внимание облик изделий, а также исходя из продолжительности их существования при неизбежной динамике стандартов, исследователь выделил три последовательных этапа бронзового века. Первый из них, досейминско-турбинский, или елунинский (конец III – первая четверть II тыс. до н.э.), характеризуется использованием оловянистых бронз, полученных из Cu+Pb+Zn руд, и металлокомплексом, где отсутствуют типы изделий евразийского компонента, характеризующие одноименную МП [Грушин, 2008, с. 392–394; Он же, 2009, с. 125–126, табл. I]. Вторым этапом, «классический» СТ, или «ростовкинский» (вторая четверть II тыс. до н.э.), характеризуется металлокомплексом могильника Ростовка и погребением литейщика некрополя Сопка-2. В это время практикуется литье по восковой модели, а в историческом аспекте оно связывается со значительной миграцией СТ населения на территорию Восточной Европы и контактами последнего с андроновскими племенами [Грушин, 2008, с. 392–394; Он же, 2009, с. 128]. Схему венчает постсейминский этап (вторая половина II – первая четверть I тыс. до н.э.), когда трансформация классических СТ бронз приводит к сложению СК металлокомплекса, связанного с андронидными культурами Северной Евразии [Там же].

Приведенные примеры свидетельствуют о постоянно ведущемся поиске оптимальных схем развития культур ЭРМ Западно-Сибирского региона.

К числу наиболее острых и не решенных проблем относится разрыв между относительным возрастом памятников, устанавливаемым традиционными методами датировки (типологический и стратиграфический), и калиброванными ^{14}C датами.

Отмеченная лакуна обусловлена сложностью измерения радиоактивных изотопов карбона и несовершенством калибровочной кривой на период 2500–1000 гг. до н.э., что «не позволяет достигнуть желаемого временного разрешения календарных дат» [Панюшкина и др., 2011, с. 431]. Е.Н. Черных одним из первых указал на калиброванные ^{14}C даты, удревняющие многие археологические памятники Урала и Западной Сибири [1970, с. 105]. Последующие исследования лишь подтвердили данный вывод [Зданович, 1997, с. 60; Матвеев, 1998, с. 371; Черных и др., 2002, с. 21, рис. 16; Епимахов и др., 2005, с. 92; Черных, 2007, с. 84–86, рис. 5.10; Черных, 2008, с. 48–50, рис. 10; Черных, Орловская, 2009, с. 39;

Кирюшин и др., 2003, с. 107; Молодин и др., 2008, с. 325, 328; Молодин, 2012, с. 193–194; и др.].

Специалисты все чаще призывают взвешенно подходить к радиоуглеродным датам при определении возраста памятников. Принимая во внимание имеющиеся результаты, они настаивают на необходимости их критической оценки и обязательном учете всего археологического контекста [Линдафф, 2005, с. 29; Кузьмина, 2008, с. 92, 236; Кайзер, 2011, с. 27; Молодин, 2012, с. 193–194]. В этом отношении представляют интерес размышления Ю.Л. Щаповой, подметившей, что предметом относительной хронологии является *установление последовательности* событий чисто археологическими методами, тогда как *существование* событий устанавливает абсолютная хронология [Щапова, 2005, с. 103]. Абсолютная хронология археологических объектов представляет собой отдельную часть археологического знания, имеющую естественно-научную направленность, а многие методики получения этого знания посильны лишь профессионалам. Что касается археологов, то они способны выполнять лишь часть этой рутинной работы [Там же].

ГЛАВА 2. ВАЖНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ НЕОЛИТА К БРОНЗОВОМУ ВЕКУ

Прежде чем перейти к рассмотрению интересующих нас археологических памятников необходимо определить отношение к использованию понятия «энеолит». Сейчас оформились два основных подхода к принципам археологической периодизации. Альтернативные мнения по данному вопросу уже изложены [Мерперт, 1981, с. 11, 20; Массон, 1982, с. 7; Стоколос, 1988, с. 14-21; Бобров, 2006] и нет необходимости воспроизводить их вновь. Более аргументированной представляется позиция сторонников выделения энеолита в северных районах как этапа исторического развития, вне зависимости от перехода тех или иных сообществ к производящим формам хозяйства. Эти исследователи исходят из технологического принципа, лежащего в основе археологической периодизации, и учитывают прямые признаки нового времени (использование медных орудий, изделий).

Специалисты включают памятники Кондинской низменности и Нижнего Приобья в состав энеолитической области культур керамики гребенчатого геометризма [Чаиркина, 1993; Шорин, 1993; Косинская, 2010]. Параллели северным материалам обнаруживаются в керамике с поселений кысыкульской, суртандинской, аятской и липчинской культур горно-лесной зоны Южного и Среднего Урала [Крижевская, 1977, с. 7–48; Старков, 1980, с. 147–157; Косарев, 1981, с. 27–32, 37–45; Матюшин, 1982; Шорин, 1999А; Чаиркина, 2005; и др.], на которых найдены как металл, так и следы металлопроизводства. Между тем, в предыдущей главе отмечалось, что специфика памятников севера Западной Сибири проявляется в отсутствии изделий из металла и следов его обработки, поэтому было бы правильнее относить эти древности не к энеолиту, а к переходному времени от неолита к бронзовому веку, вернувшись к определению, введенному М.Ф. Косаревым [1981, с. 22].

Не вступая в дискуссию о необходимости объединения или обособления перечисленных памятников под новыми или существующими дефинициями (восточно-уральская историко-культурная область, общность культур с керамикой гребенчатого геометризма и др.), обращу внимание на один примечательный факт. На 12 из 16 уральских поселений, где имеются следы использования металла, присутствовала керамика с ложношнуровой орнаментацией, относимая к липчинской культуре [Мосин, 2008, с. 161–161]. Липчинские материалы демонстрируют вступление уральского населения в эпоху металла, но особенности региональной периодизации проявляются в том, что эти энеолитические древности синхронны ямно-полтавкинскому очагу среднего бронзового

века, базировавшемся в Каргалах. Решающая роль в становлении местного металлопроизводства также принадлежала скотоводам, оставившим позднеямные (ямно-полтавкинские) памятники [Черных, 1970А, с. 106–107; Он же, 1978, с. 64]. Если говорить о Западной Сибири, то самые ранние медные изделия обнаружены в Нижнем Приобье [Юровская, 1973, с. 6, рис. 1, 1–2; Она же, 1975, с. 89, рис. 2, 4]. С памятниками андреевской культуры связана также технологическая керамика [Ковалева, 1995, с. 14, 32]. Энеолитический металл известен и в Васюганье [Кирюшин, 2004, с. 53, рис. 71, 1–2].

Работая с материалами переходного времени севера Западной Сибири, следует учитывать еще одно важное обстоятельство, объясняющее облик археологического материала. Таежное население существовало с глубокой древности до нового времени благодаря двум жизнеобеспечивающим промыслам – рыболовству и охоте. Функционирование же высокопродуктивного присваивающего хозяйства предполагает оседлость коллективов и сохранение глубокой традиционности всех сторон их жизни. Если учесть, что стабильность существования обитателей тайги была обусловлена малочисленностью и дисперсностью отдельных общин, то это исключало массовые миграции, о которых нередко говорится в работах археологов. Не отрицая полностью передвижений рыболовов и охотников, следует признать определяющим автохтонное развитие культуры значительной части населения изучаемого региона и рассматривать древности переходного времени от неолита к бронзовому веку именно под этим углом зрения. Подобный подход объясняет выстраивание связей между изучаемыми памятниками по принципу археологической непрерывности.

Интересующие нас территории – Кондинская низменность и Нижнее Приобье – изучены очень неравномерно, что отразилось в количестве открытых археологических памятников. Если в первом районе учтен 221 пункт с материалами переходного времени, то во втором лишь 20. Этим обусловлен повышенный интерес к кондинским материалам, полнее отражающим изменения в культуре северного населения.

2.1. Поселения Кондинской низменности

Памятники переходного времени в бассейнах рр. Тавды и Конды представлены в количественном отношении неравномерно. Недостаточная изученность Тавдинского бассейна обусловлена отсутствием до настоящего времени регулярного сообщения с немногочисленными населенными пунктами и наличием особых режимных зон в по течению реки. Несмотря на это, для археологических исследований была доступна северная часть территории, пересекаемая железной дорогой «Ивдель–Приобье», вдоль которой

возникли поселки лесозаготовителей. На северо-востоке Свердловской области магистраль проходит через небольшую таежную р. Атымья, левый приток Пелыма. Здесь были впервые раскопаны поселения Атымья VII, IV и II с остатками построек и представительными коллекциями керамики, каменного инвентаря и костями животных. Находки позволили говорить о выделении своеобразного атымьинского типа памятников как одного из северных вариантов липчинской культуры [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 60]. Затем памятники атымьинского типа были открыты в бассейне Конды (Геологическое XVI, Енья 12, Пашкин Бор VI). В начале 1990-х гг. они рассматривались как наиболее ранние из числа комплексов переходного времени данного микрорайона.

Позднее они сменяются памятниками волвончинского типа, выделенными по материалам поселения Волвонча I, которое было раскопано в нижнем течении р. Конды [Там же, с. 61]. В результате раскопок поселений Геологическое III (раскопы III–IV), Геологическое XVI (раскоп I) и Леуши XIX были расширены представления о памятниках этого типа, прослежены различия в домостроении и обработке каменных орудий. Особый интерес для изучения связей северного населения представляют стилизованные антропо- и зооморфные изображения, размещенные на стенках волвончинской керамики.

Древности переходного времени Кондинской низменности включают поселенческие комплексы и могильники. Последние крайне немногочисленны, и работа с ними осложнена почти полным отсутствием керамики в захоронениях и неудовлетворительной сохранностью антропологических останков. По этой причине погребальные памятники Конды рассмотрены не изолированно, а вместе с другими подобными объектами, открытыми на севере Западной Сибири. Раскопки археологических объектов проводились по всему течению Конды. Эта территория изучена относительно равномерно, но учитывая ее площадь (~70000 км²) преждевременно говорить о ее исчерпывающем исследовании.

Имеющиеся источники различны по информативности: в ряде случаев жилища оказались незамеченными при раскопках, работа с некоторыми коллекциями затруднена многослойностью поселений, свои сложности создает неудовлетворительная сохранность археозоологического материала.

2.1.1. Поселение Атымья VII расположено в 3 км к ЮВ от одноименного поселка лесозаготовителей в Ивдельском районе Свердловской области. Оно находится на краю 7-метровой левобережной террасы р. Атымья, одного из притоков Пелыма в его верхнем течении. В 1980 г. памятник открыт автором, а в 1984 г. изучался раскопом площадью 84 м². Из исследованного сооружения происходит керамика атымьинского типа, изделия из

камня, глины, кости животных. Материалы других эпох отсутствуют [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 44–52, 60].

Углубленная часть жилища (рис. 2) имела подпрямоугольную форму, размер $7,4 \times 6,4 \times 0,3$ м. Котлован ориентирован длинными сторонами вдоль террасы, в направлении ЗСЗ–ВЮВ. В его центре находилось пятно бурой супеси, возникшее на месте открытого кострища. Его диаметр около метра, мощность слоя до 0,16 м. В заполнении объекта встречены каменные изделия, фрагменты керамики и мелкие жженые косточки.

Часть ям выполняла хозяйственные и, возможно, культовые функции. Внимание обращает углубление, расположенное к югу от очага. В его заполнении обнаружены развалы нескольких сосудов (рис. 3, 1; 4, 11), кости и зубы двух бобров и гастролиты птиц. Содержимое обильно пересыпано охрой, которой много и на полу жилища.

Из четырех внешних ям брался грунт для подсыпки стен.

При разборке заполнения некоторых ям и ямок от столбов отмечены относительно поздние подсыпки охры, перекрывающие ранние отложения. Эти факты свидетельствуют о ремонте или незначительной перестройке жилища на протяжении его существования. Временной интервал между функционированием и перестройкой объекта был минимален.

Находки, представленные керамикой, изделиями из камня и фаунистическими остатками, происходят преимущественно из раскопанного жилища.

Коллекция керамики включает фрагменты более 100 сосудов, выделенных по венчикам и стенкам. В статистическую обработку включены 94 экз. (92 венчика и 2 стенки). Графические реконструкции позволили представить их форму и размеры. Диаметр по венчику восстановлен у 17 емкостей, у 7 из них замерена высота.

Посуда представлена банками (72,5%) и чашами (23,5%). Среди банок много закрытых емкостей (рис. 3; 4, 2, 9–12; 5, 5, 7–8). Единичны изделия миниатюрных форм и четырехугольные миски (рис. 5, 1–1А, 3–4). За редким исключением все днища круглые. Диаметр по венчику варьирует от 10 до 41 см, среднее значение данного параметра – 22,1 см. Емкости с диаметром ниже этого значения отнесены к числу малых, а все остальные к крупным: их соотношение – 64,7 и 35,3%. Диаметр по венчику равен или превышает высоту сосуда. Наиболее характерны плоские венчики, хотя имеются округлые и приостренные. Нередко им придана волнистая форма. У некоторых сосудов на внутренней стороне стенок под венчиком оформлен наплыв. Толщина черепков 3–9 мм, они имеют светло-желтый цвет. В тесте наблюдается большая примесь песка, встречаются фракции шамота,

крупнозернистых пород камня и лимонита. Снаружи стенки сосудов тщательно заглажены, на внутренней стороне нередко следы затирки гребенчатым штампом.

За исключением отдельных экземпляров, вся посуда орнаментирована. Узоры покрывают наружную поверхность сосудов, включая днища. Среди способов нанесения орнамента абсолютно преобладает печатная гребенка: отпечатками гребенчатого штампа украшено более 90% сосудов. Судя по оттискам, инструменты имели различную нарезку зубцов: обычную однорядовую, двухрядовую (т.н. рамчатый штамп) и диагональную, когда рабочая поверхность оформлялась в виде диагональной сетки.

При нанесении орнамента гребенчатый штамп ставился часто под углом к поверхности и, в зависимости от количества пропечатанных зубцов, напоминает то отступающую палочку (рис. 3; 5, 4, 8), то отступающую «шапкульскую» гребенку (рис. 4, 4, 7, 11; 5, 5, 9). Удельный вес отступающе-накольчатой техники невелик (4%). На керамике отмечено использование гребенчатой качалки (рис. 3; 4, 8; 5, 1; 6, 1, 2, 4), составляющей 7,3% от прочих технических приемов. У более половины сосудов (52%) в верхней части, в зоне под венчиком, помещены ямки.

По орнаменту на тулове посуда разделена на две группы: украшенную геометрическими узорами и с монотонными мотивами из горизонтальных поясков гребенчатого штампа.

На керамике первой группы узоры либо построены на основе сеток с различными по форме ячейками – квадратными и ромбическими (рис. 3, 1; 4, 9, 11), шестиугольными (напоминающими пчелиные соты), либо состоят из чередующихся оконтуренных вертикальных колонок (рис. 3, 2; 4, 1, 4, 7, 12; 5, 5, 8; 6, 2–3). Иногда сетчатые орнаменты и колонки заполняют всю боковую поверхность сосудов, сливаясь в придонной части. Если сетки и колонки рассечены, то на сосуде образуется несколько чередующихся сверху вниз широких горизонтальных поясов (бордюров). Интервалы между ними заполнены отпечатками гребенки.

Сосуды, отнесенные к данной группе, теряют свою нарядность, если бордюры или колонки становятся слишком узкими. Эта керамика близка посуде второй группы (рис. 5, 4, 7; 6, 2), которую отличает монотонный орнамент из чередующихся оттисков штампов (прямых, наклонных, горизонтальных, гребенчатой качалки) и неглубоких наколов.

Ямки встречаются чаще всего в зоне под венчиком. На тулове они не образуют сплошных рядов, а сосредоточены на углах геометрических фигур или маркируют вершины колонок, восходящих почти до устья (рис. 4, 12; 5, 8; 6, 3). Ямки, сгруппированные в розетку: две сверху, одна снизу (рис. 3, 2; 6, 2), рассматриваются в качестве стилизованных

зооморфных изображений [Косарев, 1981, с. 252]. На внешней стенке одного из сосудов помещена профильная фигура водоплавающей птицы с длинной шеей (рис. 4, 5).

Каменный инвентарь (322 экз.). Примерно две трети находок из кремня и кремнистых пород, менее 10% – из кварца (рис. 7) и сланца. Преобладание отходов производства и наличие большого количества материала с остатками желвачной корки свидетельствуют о полном цикле обработки камня, который велся в пределах жилища.

Представление о технике первичного расщепления дают продольные и поперечные сколы нуклеусов (8 экз.). Комплекс заготовок и отходов включает отщепы (106 экз.), чешуйки (32), расколотые гальки и куски камня (30), пластины неправильного ограничения (10).

Среди орудий выделяются скребки, скобели, остря, резцы, долотовидные изделия, наконечники стрел, абразивный инструмент, отбойники, отщепы и пластины со следами ретуши.

Скребки (29 экз.) – самая представительная группа изделий (рис. 8, 1–2, 4–5, 7–8, 10, 15). Форма предметов зависит от многообразия типов заготовок. Вторичная обработка заключалась в ретушировании лезвия. Чаще всего ретушь наносилась со стороны спинки. Лезвия скребков прямые и округлые. По размерам орудия делятся на мелкие (18×24 мм) – 17 экз., средние (26×28) – 11 и крупные (32×34) – 1.

Скобели (15 экз.) (См. рис. 8, 14, 18, 23, 25–27, 30). Общая форма зависит от исходной заготовки, чем обусловлено малое количество выраженных форм. У мелких изделий лезвие выражено не так четко, как у крупных.

Остря (10 экз.) имеют подтреугольную форму (рис. 8, 3, 9, 11, 17). Среди них есть четко выраженные сверла с лезвиями, оформленными противоположающей ретушью со следами сработанности. Судя по всему, сверление велось вручную на глубину 3–7 мм.

Резцы (2 экз.) изготовлены на отщепах. Они относятся к типу угловых и имеют следующие размеры: $16 \times 16 \times 4$ и $24 \times 16 \times 4$ мм.

Долотовидные орудия (4 экз.) выполнены на отщепах сланца (2), плитке и куске кварца (рис. 8, 20, 24, 29). Три отнесены к числу предметов типа *pieces esaillees*. Они имеют подпрямоугольную форму, снабжены одним рабочим лезвием, расположенным в узкой части изделия. Лезвия прямые, на кромке фиксируются следы заломов и забитостей. Размеры варьируются от $25 \times 21 \times 6$ до $35 \times 28 \times 14$ мм. Четвертое орудие – шлифованное тесло на сланцевом отщепе (рис. 8, 20). Оно подпрямоугольной формы, с прямым лезвием и обушком. На одной плоскости имеется несколько граней. Размер $22 \times 20 \times 7$ мм.

Наконечники стрел представлены целым экземпляром, обломком и заготовкой с остатками желвачной корки (рис. 8, 22). Сохранившийся наконечник выполнен из кремня, имеет листовидную форму, округлое основание (рис. 8, 13). Он обработан сплошной двусторонней ретушью, его размер $29 \times 12 \times 4$ мм. Второй наконечник, судя по сохранившейся части, был аналогичен первому, но отличался от него размерами.

Отбойники (6 экз.). В качестве орудий использовались кварцевые гальки. Следы сработанности на них фиксируются в виде звездчатой забитости на выступающих и боковых частях. Размеры варьируются от $42 \times 43 \times 24$ до $84 \times 67 \times 46$ мм.

Фаунистические остатки из жилища представлены костями лося, бобра и рыбы. В заполнении одной из ям в пределах котлована жилища вместе с костями бобра находились гастролиты птиц. Кости и гастролиты были аккуратно сложены на фрагменте крупного сосуда, графическая реконструкция которого приводится на рис. 3, 1. Обломку была придана форма квадратного блюда.

По углю, взятому из жилища и внешней ямы II, получены две абсолютные даты: 4130 ± 40 л.н. (Le-2642) и 4410 ± 40 л.н. (Le-2644).

2.1.2. Поселение Атымья IV расположено в 3–4 км к СВ от эпонимного поселка и в 9 км вверх по течению реки от Атымья VII. Оно занимало участок пологого склона левой надпойменной террасы [Морозов и др., 1979, с. 258; Сериков, 1983, с. 173–174]. В раскопе площадью 150 м^2 отмечены остатки пяти построек наземного типа, три из которых относятся к переходному времени. Следует отметить важное наблюдение: при возведении сооружений 2 и 3 использованы углубления, возникшие на месте мезолитических жилищ.

Сооружение 1 (рис. 9, 1) было наземной постройкой легкого типа, подпрямоугольной формы размером $5 \times 3,5$ м, ориентированной длинными сторонами по линии ССВ–ЮЮЗ. Пол в жилище был чуть ниже древней поверхности и посыпан охрой. В восточной части жилища, около стен, отмечены три ямы, две из которых, возможно, от столбов. Очаг отсутствовал. Немногочисленные находки концентрировались у стен.

Сооружение 2 находилось в 7 м СЗ от первого. Основание этого наземного строения фиксировалось в плане в виде пятна охры. Находки сосредоточены в его пределах на площади около $16\text{--}17 \text{ м}^2$. Судя по их составу (керамика, каменные изделия, глиняные грузила) и наличию очажного слоя, сооружение являлось жилым.

Объект 3 выделен достаточно условно. В 10 м выше по склону от жилищ 1–2 на небольшой площади найдено около 40 мелких фрагментов керамики, обломок грузила и три каменных предмета. Отметим, что на пространстве между жилищами и данным

объектом не найдено ни одного предмета. Возможно, здесь находился открытый очаг (остатки которого не сохранились) или располагалось легкое сооружение (навес, шалаш).

Наличие общих черт (наземность, малая площадь, посыпка пола охрой, концентрация находок в пределах площади пола, сходство инвентаря и, что очень важно, присутствие обломков от одних сосудов в разных постройках) позволяет рассматривать исследованные объекты как один поселок.

Керамика с поселения включает фрагменты примерно от 25 сосудов (рис. 10; 11, 1–3, 6–8, 10; 12, 12–15). Они представлены преимущественно круглодонными банками закрытых форм. Среди них имеется лишь один экземпляр с открытым устьем. Диаметры по венчикам варьируются от 12 до 32 см. Этот параметр всегда превышает высоту сосудов. Венчики скошены внутрь или, редко, наружу. Характерно незначительное утолщение на внутренней стороне стенок под скошенным венчиком. Края венчиков обычно прямые, у трех сосудов волнистые. Вся посуда вылеплена из хорошо промешанной глины, содержащей песок, мелкую дресву, шамот. В изломах нескольких черепков отмечены кусочки охры. Наружные стенки аккуратно заглажены, а внутренние часто затерты гребенчатым штампом. Посуда отличается тонкостенностью (4–6 мм).

Стенки покрыты сплошным и довольно плотным орнаментом. Исключение составляет сосуд, украшенный пояском ямочных вдавлений. Декорирование велось гребенчатым штампом из 3–5 зубцов, поставленным под углом к поверхности сосуда, а также концом круглой палочки. Единично встречены штампы индивидуальных форм (рис. 12, 12), прочерчивание (рис. 11, 1) и наколы (рис. 11, 3). В расположении узоров прослеживается много общего с керамикой Атымьи VII. Однако ямки в сочетании с соединяющими их гребенчатыми оттисками образуют фигуры, напоминающие формулы органических соединений (рис. 10, 2). По характеру орнамента на тулове посуда быть разделена на две группы: сосуды с геометрическими узорами (рис. 10, 1, 4; 10, 1–2, 7) и украшенные повторяющимися поясками из наклонных оттисков гребенчатого штампа, разделенных наколами того же штампа (рис. 11, 6).

Отдельного упоминания заслуживает посуда оригинальных форм. Овальная чаша (рис. 12, 12), имеющая в сужающейся части налуп в виде головы птицы с оформленным сливом. Ее тулово покрыто орнаментальным полем из отпечатков гладкой скобки, а дно – гребенчатой сеткой. Узоры имитируют, вероятно, оперение птицы. Второй экземпляр – ладьевидный круглодонный сосуд открытой формы в виде усеченного овала (рис. 11, 3). В зоне под венчиком имеется поясок из отпечатков гребенки и ямок. Стенки и дно покрыты

многочисленными параллельными наколами. Они нанесены на дно и образуют фигуру, повторяющую конфигурацию сосуда.

Рыболовные грузила. Во всех объектах найдены глиняные грузила для сетей. Они представлены тремя целыми предметами биконической формы длиной от 71 до 98 мм (рис. 11, 4–5, 9) и 20 фрагментами от еще 5–6 экз. У целых круглое или овальное сечение. Одно изделие украшено наклонными параллельными насечками (рис. 11, 5).

Каменный инвентарь включает почти равное количество орудий и отходов. Находки распределены следующим образом: в первой постройке – 3 предмета, во второй – 26 и в третьей – 2. Орудия изготовлены из кремня, кремнистых пород, кварцита, песчаника и сланцев. Предельно экономное использование каменных орудий свидетельствует о дефиците качественного сырья у обитателей поселка.

В первом сооружении найдены: обломок двусторонне ретушированного наконечника стрелы, пластинчатый отщеп с краевой ретушью с трех сторон (рис. 12, 2) и каменный диск. Его диаметр 80, толщина 15 мм; на одной из сторон сохранилась выкрошенность, характерная для скребков по дереву.

Коллекция каменных предметов из второй постройки включает 10 орудий и 16 отщепов. Изделия представлены шлифованными предметами, скребками и наконечниками стрел.

Шлифованные тесла (2 экз.). Длина целого экземпляра 49 мм, ширина в средней части – 23, у лезвия – 24, толщина – 10 мм (рис. 12, 10). В работе использовались оба конца орудия. От второго экземпляра сохранилось сколотое лезвие.

Скребки (5 экз.) изготовлены на отщепах диаметром 23–26 мм. Лишь один скребок имеет длину 46 мм (рис. 12, 1, 4–5, 8–9). Кромка его лезвия заглажена и скруглена, на ней присутствуют четкие линейные следы, характерные для инструментов по обработке кожи. У остальных скребков рабочие кромки выкрошены – по-видимому, они применялись для обработки дерева.

Наконечники стрел (3 экз.). Сохранившийся экземпляр (рис. 12, 3) имеет листовидную форму, усеченное основание, кончик его пера слегка поврежден. Длина изделия 24 мм. Два сломанных наконечника, как показал микроанализ, были переделаны в сверла диаметром 6–7 мм. Судя по тонким концентрическим следам на скругленных участках, орудия служили для перфорации керамики или камня. Глубина сверления составляла 4–6 мм.

С третьим объектом связаны обломок *наконечника дротика* (рис. 12, 6) и *подпятник* (рис. 13, 4). Первый предмет длиной 7,5 мм использовался вторично в качестве пилки. На

одном из выступов бокового края сохранились линейные следы, параллельные кромке лезвия. Второе изделие представляло собой округлую уплощенную гальку (100 × 85 мм) с двумя коническими углублениями на противоположных плоскостях, диаметром 35 и глубиной до 9 мм. На боковых гранях по периметру имеются следы использования орудия для дробления и растирания твердых материалов (камень, кость?). Основное назначение орудия – использование в качестве упора при лучковом сверлении или добывании огня.

2.1.3. Стоянка Атымья II расположена в 350 м к ЮВ от Атымья IV на 7-метровом мысу левого берега реки. В раскопе (42 м²) обнаружены остатки сооружения, в котором найдена керамика атымьинского типа и несколько каменных предметов. В раннем железном веке в центральной части углубления, возникшего над постройкой переходного времени, возникло кострище. В верхней части культурного слоя содержались находки эпохи железа и средневековья [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 57–58].

Постройка, исследованная на памятнике, была наземной (рис. 14), имела прямоугольную форму. Ее конфигурация и параметры установлены по очертаниям пола, посыпанного охрой. Объект ориентирован по линии СЮ, его размер 6 × 4,8 м. В западной стене отмечен выступ, возникший на месте предполагаемого выхода, который обращен в сторону реки. Зафиксированы два скопления камней: одно с южной границы выступа, другое у южной внутренней стенки постройки.

В объекте и вокруг него найдены обломки глиняной посуды и немногочисленные изделия из камня.

Коллекция керамики включает фрагменты полутора десятков сосудов, в том числе двух плоскодонных (рис. 15).

По основным показателям керамика обнаруживает значительное сходство с материалами поселения Атымья IV. Оно проявляется в форме емкостей, одинаковой рецептуре глиняного теста, заглаживании внутренних стенок гребенчатым штампом, в способах орнаментации печатной гребенкой, в том числе поставленной под углом к поверхности, и ямками, а также в наличии двух групп посуды, т. е. украшенных геометрическими фигурами и со сплошным монотонным орнаментом.

Типологическое сходство комплексов Атымья II и Атымья IV очевидно несмотря на то, что в первом имеется несколько черепков, украшенных шагающей гребенкой, арочным гребенчатым штампом и полностью отсутствует отступающе-накольчатая техника. Примечательно, что на Атымье II встречен фрагмент сосуда, развал которого найден на

поселении Атымья IV (рис. 11, б). Последнее обстоятельство можно расценивать как свидетельство синхронности обоих объектов и условности отнесения Атымья II к самостоятельному памятнику.

Коллекция *каменных предметов* (13 экз.) включает отщепы и два орудия. Наконечник выполнен из кремневого отщепа, имеет подтреугольную форму и выемку в основании (рис. 12, 11). Второе орудие – обломок небольшого шлифованного тесла.

2.1.4. Поселение Геологическое III расположено в 10 км к СЗ от г. Югорска в Советском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Оно находится на первой надпойменной террасе р. Эсс, самого северного и полноводного притока Конды. В 1985–1990 гг. здесь заложено семь раскопов площадью 1292 м² (рис. 16). На изученном пространстве выявлены остатки сооружений мезолита – раннего железного века [Кокшаров, 1986; Он же, 1987; Он же, 2009А–Б; Кокшаров, Погодин, 2000, с. 109; Чемякин, 2007, с. 208–213]. Интересующие нас объекты и находки обнаружены в раскопах III–IV, которые расположены в южной части памятника возле старичного озера.

В раскоп III (348 м²) вошли три впадины, возникшие на месте древних жилищ, и значительные участки межжилищного пространства. Интерес представляла крупная впадина 1. Она возникла на месте расположения жилищ, относящихся к мезолиту (жилище 1), переходному времени (жилища 2–3) и бронзовому веку (жилище 4). Стратиграфия и планиграфия свидетельствуют о последовательности их возведения в углублениях, возникавших на месте прежних построек. В 3,5 м к востоку от жилища 3 прослежены остатки очага-кострища того же времени и две ямы (рис. 17).

В раскопе IV (166 м²) к переходному времени относится лишь один объект – яма 4.

Неоднократные перестройки в пределах впадины 1 привели к смешиванию вещевого материала. Это затрудняет вычленение каменного инвентаря ЭРМ от мезолитической коллекции, часть которой также представлена орудиями из кварца и отходами их производства. По этой причине для установления возраста выявленных объектов особое значение имеет керамический материал, который с ними связан.

Керамика переходного времени, собранная в раскопах III–IV, включает развалы и фрагменты более чем 80 сосудов. В начале 1990-х гг. она воспринималась в качестве единого комплекса, отражающего локальные особенности памятников верхнего течения Конды. Однако сейчас подобный подход представляется ошибочным. Обнаружение новых объектов на севере Западной Сибири послужило причиной для повторной обработки

материалов данного памятника. При повторной обработке выделены три разновременные группы керамики [Кокшаров, 2009Б].

Первая группа представлена посудой **еныйского** типа. Она встречена исключительно в пределах раскопа III, однако связанных с нею объектов не обнаружено. Принимая во внимание неудовлетворительную сохранность материала и его концентрацию вокруг впадины 1, можно предполагать, что на ее месте могло находиться жилище (?), уничтоженное при поздних перестройках.

Группа состоит из 16 круглодонных баночных сосудов, выделенных по 15 венчикам и стенке (рис. 18; 19, 1–8). Лишь одна банка открытой формы имеет плоское дно (рис. 19, 8). Диаметр по венчику установлен в 5 случаях: он варьирует от 10,2 до 38 см, среднее значение составляет 24,2 см. Кроме стандартных емкостей, в коллекции имеется обломок ладьевидного сосуда (рис. 19, 7).

Для лепки подготовлена глина, содержащая примеси в виде мелкого песка, крупных фракций шамота и дресвы (окатанная кварцевая галька диаметром от 1–3 до 7 мм). Черепки плотные, снаружи хорошо заглажены, часто залощены, изнутри встречаются расчесы, возникшие при выравнивании стенок зубчатым шпателем. В некоторых случаях лощение проводилось поверх расчесов. Лепка велась ленточным способом. Ленты либо стыковались (рис. 18, 7), либо накладывались внахлест снаружи (рис. 19, 8). Посуду отличает тонкостенность: несмотря на ее размеры, средняя толщина черепков 4 мм, с незначительным отклонением в обе стороны. Горловины 8 сосудов имеют волнообразное оформление. Венчики скошены наружу. В двух случаях лощеные внешние стороны затерты охрой. На 4 банках имеются сквозные отверстия для жгутов, стягивавших треснувшие стенки. Фрагмент одного из крупных сосудов имеет следы сработанности, характерные для скребка или шпателя (рис. 18, 6). Правда, нельзя исключить, что вторичное использование предмета могло произойти в более позднее время.

Малочисленность и неудовлетворительная сохранность материала затрудняют проведение статистической его обработки по приемам орнаментации и мотивам, поэтому ограничимся общим описанием коллекции.

Венчики, стенки и днища сосудов покрыты плотным орнаментом, нанесенным гребенчатыми штампами в технике печати и шага, а также концом палочки круглого и прямоугольного сечения. Вдавления палочки приводили к образованию выступов – «жемчужин» на внутренних или внешних стенках. Внутри банок, в зоне под венчиком,

отмечены следы ногтей, оставшиеся при формовке емкостей. Не исключено, что некоторые из отпечатков на внешней стороне были оставлены перевитым шнуром.

В расположении узоров отмечается определенная закономерность: выделяются венчик и зоны под венчиком изнутри и снаружи сосуда. Здесь помещены пояски из наклонных отпечатков штампа. В зоне под венчиком снаружи можно встретить бордюры из рассеченных сеток. Ниже расположены пояски ямок или «жемчужин». Они маркируют верхнюю часть емкостей и никогда не встречаются на их тулове или в придонной части. На тулове отмечаются широкие волны, собранные из 3–9 поясков, выполненных гребенчатым штампом (рис. 18, 1, 6–7). Подобные мотивы разрежены рассеченными сетками (рис. 18, 6). В других случаях тулово заполнено монотонными горизонтальными поясками шагающей гребенки (рис. 18, 5). В коллекции имеется придонная часть сосуда с вертикальной разбивкой орнаментального поля: плотные ряды из поясков печатной гребенки разделены вертикальными лентами в виде полых зигзагов (рис. 18, 4).

Вторая группа представлена керамикой **пернашорского** типа [Кокшаров, 2009Б, с. 79]. Она найдена преимущественно в раскопе III и связана с жилищем 2 и остатками очага-кострища на межжилищном пространстве. Из раскопа IV происходят фрагменты дна одного сосуда.

Много керамики сконцентрировано в заполнении впадины 1 и окружающем ее пространстве. При обработке керамики и рассмотрении стратиграфии выяснилось, что обломки сосудов второй группы, окрашенные охрой, залежали в слое пигмента, находившегося ниже уровня пола жилища 3 (рис. 21, 1, 3, 9–12, 14–16; 22, 2, 5, 7–8, 11, 13–14; 23, 9). В западном профиле А–А' хорошо видно, что ровная полоса охры толщиной 2–3 см, протяженностью не менее 60 см, покоящаяся на материке, перекрыта переотложенным желтым материковым песком (слой 6, см. рис. 20). В свою очередь, песок погребен культурным слоем с керамикой третьей группы.

Вряд ли упомянутая полоса охры возникла случайно. При изучении памятников эпохи камня и раннего металла на севере Западной Сибири неоднократно замечено, что охристые подсыпки на полу жилищ или других объектов характерны для эпох камня и раннего металла [Кокшаров, 1991В, с. 93, 97; Стефанов, Морозов, 1992, с. 79; Кокшаров, Погодин, 2000, с. 110; и др.]. Допуская, что в данном случае она также маркирует основание сооружения, можно вести речь о существовании еще одного разрушенного сооружения (жилища 2). Стратиграфия свидетельствует о его хронологическом приоритете по отношению к жилищу 3 с керамикой третьей группы (волвончинского типа).

Развал небольшого сосуда (рис. 22, 1) обнаружен в заполнении внешнего очага, находящегося в 3,5 м восточнее жилища 3, на уч. 3-И/14-15, ур. -8-9 см. Объект имеет в плане Т-образную форму и ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Его длина 1,3 м, а мощность слоя до 0,17 м (рис. 17).

В коллекцию входят 37 круглодонных сосудов стандартной формы. Они выделены по 27 венчикам и горловинам, 10 стенкам и двум донцам. Диаметр по венчику установлен у 5 емкостей: он варьирует от 7,2 до 31 см, среднее значение – 15,8 см. Высота сосудов может как превышать данный параметр, так и уступать ему. Больше половины банок имеют закрытую форму (18 экз.) или прямые стенки (10). Венчики, отогнутые наружу, придают некоторым сосудам горшковидную форму. Оформление верхней части сосудов очень вариативно. Среди венчиков преобладают скошенные в обе стороны (8). Плоские и скошенные наружу составляют соответственно 2 и 6, округлые – 4. В четырех случаях с внутренней стороны имелся наплыв.

Сосуды изготовлены из глиняного теста, отличающегося по составу от керамики первой группы. В 23 случаях отмечена примесь каменной крошки, преимущественно дробленого кварца. К подобному тесту мог добавляться песок (3 экз.), шамот (9) и мелкая кварцевая галька (7). В качестве дополнительных компонентов отмечены кусочки опоки (1), охры (5), растительные добавки, возможно, осока (2). Не исключено, что органика попала в замес случайно. В тесте четырех сосудов отмечена исключительно примесь песка, в трех – дресва и в одном – шамот. Шамот в сочетании с дробленным кварцем, песком, дресвой и органикой встречен в 9 случаях. Средняя толщина стенок 5–6 мм, отклонения от этого интервала наблюдаются как в меньшую (4 экз.), так и в большую сторону (3).

Керамика второй группы украшена плотным орнаментом, покрывающим венчик, внешние стенки и дно. У трех сосудов узоры помещены на внутренних стенках (рис. 21, 1, 11; 23, 9).

Орнамент наносился гребенчатыми штампами в технике печати (81%) и шага (1,9%). Гребенчатые штампы имеют прямую нарезку зубцов (59%) и фигурную (4,8%). Кроме них, широко применялись зубчатые штампы в форме арок (17,1%). Узоры в виде ямок сосредоточены в верхней части сосудов (11,1%): на тулове и дне они не размещались. Значительно реже применялся гладкий штамп (2,8%) и такой декоративный прием, как желобки (2,8%) (рис. 21, 4–5, 8; 22, 6, 8).

Для орнамента характерна горизонтальная зональность в расположении узоров: выделяются венчик, зоны под венчиком изнутри и снаружи сосудов, вторая зона под

венчиком в виде поясков из ямок. Ниже ямок размещены мотивы, покрывающие тулово и придонную часть. Дно емкостей украшают розетки.

Венчик, зоны под венчиком изнутри и снаружи сосудов украшены схожими мотивами. Это пояски наклонно и вертикально поставленных отпечатков гребенчатого штампа. На внешней стороне они могут быть заменены рассеченными ромбическими сетками (8 экз.) (рис. 21, 11–12, 14; 22, 1; 23, 4). Вторая зона под венчиком представляет собой горизонтальные пояски из ямок, расположенные в 1–4 ряда. При многорядовом исполнении вдавления размещаются обычно в шахматном порядке. Они соединяются между собой неглубокими желобками, гребенчатыми отпечатками. Некоторые ямки включены в ячейки ромбических сеток (рис. 21, 3). Арочные отпечатки гребенки, наклонные и горизонтальные линии и ленты, размещенные между рядами ямок, также разнообразят вторую орнаментальную зону под венчиком.

На тулове и в придонной части сосудов доминируют линейные мотивы. Они представляют собой 1–4 пояска из вертикально расположенных отпечатков штампов (рис. 21, 1, 3, 11, 13, 15; 22, 1, 10–13). Наряду с ними можно встретить узоры в виде елочки и поля, заполненные шагающей гребенкой. Монотонные узоры оживлены сетчатыми бордюрами (рис. 21, 3, 8, 11, 15; 22, 9, 13), зигзагами (рис. 21, 13, 16), ромбами, поясами из вложенных углов (рис. 21, 10, 15; 22, 14) и горизонтальными полями из 1–5 рядов арочных отпечатков. В виде исключения на пяти сосудах отмечена вертикальная разбивка орнаментального поля. На тулове одного зафиксированы вертикальные колонки, образованные арочными отпечатками (рис. 23, 9), на двух других – наклонные колонки из одиночных и сдвоенных поясков гребенки (рис. 22, 10; 23, 4). В придонной части двух банок размещены восходящие со дна колонки. В одном случае они выполнены гладким штампом и перемежаются с сетчатыми узорами, выполненными гребенчатыми отпечатками (рис. 21, 9). В другом случае колонки из отпечатков фигурного гребенчатого штампа разделены полями, свободными от орнамента (рис. 21, 15). Здесь же сохранился фрагмент вертикальной дорожки, оставленной зубчатым штампом в технике шага.

Из немногочисленных геометрических узоров на тулове следует отметить оригинальный бордюр из двух рядов заштрихованных треугольников, между которыми помещена лента в виде зигзага (рис. 21, 8) и арочные отпечатки со свисающими с уголков каннелюрами (рис. 23, 2А–Б). Подобные мотивы можно рассматривать в качестве варианта рассеченных сотовых фигур, или сеток с шестиугольными ячейками. Днища сосудов также украшают сетчатые узоры (рис. 23, 2Б; 23, 12).

Керамика *третьей группы* представлена посудой **волвончинского** типа. Она распределена на памятнике следующим образом: раскоп III – 28 сосудов, раскоп IV – 6.

В раскопе III она связана с остатками жилища 3 (рис. 17), расположенного во впадине, которая возникла над разрушенным мезолитическим жилищем 1 и более ранним жилищем 2 с посудой второй группы. В свою очередь, котлован жилища 3 был использован в начале бронзового века для строительства жилища 4. Полоски охры в западном профиле А–А' маркируют основания объектов переходного времени и бронзового века.

Жилище 3 (рис. 20) имело котлован подпрямоугольной формы глубиной 0,8–0,9 м, ориентированный длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ. Его размер в основании 6,3 × 5,3 м. В центре помещения находилось открытое кострище в виде линзы бурой супеси (1,9 × 1,57 × 0,15 м). Из него извлечены фрагменты керамики второй и третьей групп, обломок глиняного грузила. В восточной части котлована, находилось значительное понижение.

В раскопе IV керамика третьей группы происходит из ямы 4. Она расположена на краю коренной террасы в 22 м восточнее жилища 2 (рис. 17). Объект имеет подпрямоугольную форму, ориентирован длинными сторонами по линии СЮ, его размер 1,77 × 1,12 × 0,23 м. В яме обнаружены кости молодой собаки и раздавленная 4-угольная миска со следами ремонта (рис. 25). Вероятно, это погребение животного с сопровождающим инвентарем.

Коллекция волвончинской керамики включает 34 сосуда, выделенных по 27 венчикам и 7 стенкам. Она делится на стандартную и индивидуальную (2 экз.). Стандартные формы представлены преимущественно круглодонными банками с прямыми или закрытыми стенками (соответственно 14 и 9 экз.) и круглым дном. В коллекции имеются две плоскодонные емкости, одна из которых – четырехугольная миска (рис. 24, 6; 25). Диаметр по венчику установлен в 12 случаях, он варьирует в интервале 10,4–39 см, среднее значение составляет 23,6 см. Соотношение малых и крупных форм равное. Индивидуальные емкости представлены упомянутой миской размером 21×21 см и фрагментом слива ладьевидного сосуда (рис. 24, 5). Почти треть сосудов ремонтировалась (13 экз.), стенки перфорировались и стягивались жгутами (рис. 24, 5, 11; 25; 26, 1, 3–4), на некоторых плоскостях помещалось смолистое вещество черного цвета (рис. 27, 18).

Лепка велась ленточным способом, внахлест. В ряде случаев с внутренней стороны венчика прослежена формовка наплыва путем подлепа дополнительной ленты (рис. 26, 2; 27, 4). В глиняном тесте содержится примесь измельченной кварцевой крошки (4 экз.), крупнозернистой породы типа гранита (5), шамота (3). Они могут присутствовать одновременно в одном замесе (4). В других случаях в качестве отошителей добавлены дресва,

песок и, редко, кусочки лимонита, охры и слюды. Толщина стенок 4–6 мм (29 экз.). Массивные днища отдельных емкостей могут достигать 10–11 мм. Внешние стенки сосудов тщательно заглаживались и ложились. На внутренних плоскостях чаще наблюдается затирка грубым шпателем, оставлявшим параллельные бороздки и неровности из-за смещения крупных фракций отощителя.

Венчики формовались округлыми и плоскими. Округлые венчики имели с внутренней стороны небольшой уступ (5 экз.) или наплыв (7). Плоские венчики формовались с карнизиком, нависающим над горловиной (6), либо с утолщением – наплывом с внутренней стороны в зоне под венчиком (4).

Керамика полностью украшена. Декор нанесен гребенчатыми, гладкими штампами и концом круглой палочки. Из орнаментированных отметим гребенчатый штамп с прямой нарезкой зубцов, глубокие наколы того же инструмента в виде овальных отпечатков (15,3%), которые располагались в шахматном порядке (рис. 24, 4; 26, 2–6; 27, 2–3, 6, 9–10, 13, 16, 19–20). На двух сосудах встречены узоры, выполненные оригинальным зубчатым штампом в виде трубочки (рис. 26, 6; 2627, 15). Доля гладких штампов в декоре невелика – 4,1%. Ямки, выполненные концом палочки, составляют 12,9%.

Для орнамента характерно зональное расположение: выделяется венчик, зона под венчиком снаружи сосудов, тулово и придонная часть, днище. Особенностью данной группы керамики является отсутствие зоны под венчиком внутри сосуда. Единственное исключение – сосуд, устье которого оформлено пальцевыми вдавлениями (рис. 27, 9).

Венчики украшены поясками отпечатков гребенчатых штампов. Зона под венчиком представляет пояски из отпечатков гребенки с наклоном вправо или поля из наклонных колонок, выполненных тем же инструментом. Здесь единично отмечены бордюры из взаимопроникающих треугольников (рис. 26, 9), наклонные колонки (рис. 26, 5; 27, 11).

Зона под венчиком, оформленная в виде бордюра из глубоких наколов, находящихся в шахматном порядке, полностью перекрывает пояски из ямок (рис. 26, 6; 27, 9). Наколы, соединенные парными отрезками гребенчатых штампов, фактически заменяют комбинированные гребенчато-ямочные композиции, известные на керамике атымьинского типа (рис. 24, 2). Ямки теряются среди наколов и явно имеют второстепенное значение. Наколы в верхней части некоторых сосудов маркируют одновременно не только зону под венчиком, но и верхнюю часть вертикальных орнаментальных композиций, опускающихся от горловины на тулово. В качестве примеров можно привести узоры в виде сеток с рассеченными шестиугольными ячейками придающими посуде нарядность (рис. 26, 6; 27, 6, 19). Другие мотивы представляют собой вертикальные колонки из глубоких отпечатков

гребенки (рис. 24, 6, 11А; 26, 5; 27, 10, 12, 16, 20). Поля между ними заполнены поясками гребенчатых штампов. Наколы, располагающиеся в шахматном порядке, соединены попарно гребенчатыми отрезками (рис. 27, 16). Наколы могут быть размещены в центре ромбов, образующих цепочки, свисающие по тулову сосуда (рис. 27, 17).

В один комплекс с посудой волвончинского типа входят грузила для рыболовных сетей и керамические скребки.

Грузила распределены по раскопам III–IV неравномерно: соответственно 22 и 5 экз. В раскопе III подавляющее большинство изделий залегало выше уровня пола жилища 3, вдоль очертаний котлована и частично за его пределами, по склонам впадины. Находки на полу концентрировались в южной половине помещения. Скопления грузил зафиксированы восточнее очага и к югу от границы котлована, куда отбрасывался грунт при рытье котлована жилища 4 бронзового века.

Грузила представляют собой керамические палочки округло-овальной формы в поперечном сечении, длиной 101–125 мм (рис. 28, 1, 4–12; 29). Они различаются оформлением концов и конфигурацией тела. У 20 предметов концы приплюснуты, у 4 – заострены. Большинство имеет провисающую центральную часть, лишь 6 грузилам придана почти правильная цилиндрическая форма. Некоторые изделия украшены: их поверхность затерта охрой или орнаментирована штампами. Внимание привлекает предмет с изображением рыбы, контур которой обозначен двузубой гребенкой. Существо имеет прямую линию спины и провисающее брюшко, хорошо читаются раздвоенный хвост и брюшной плавник (рис. 30, 5). В целом рисунок повторяет форму грузил. В стилизованном изображении распознается представитель вида карповых (елец, язь?).

Керамические скребки (3 экз.) представляют собой обломки горшков случайной или заданной формы.

Для одного скребка использован фрагмент верхней части сосуда волвончинского типа (рис. 23, 1). Выгнутая рабочая кромка, расположенная на стороне, противоположной венчику, имеет характерные поперечные бороздки – следы сработанности. Длина лезвия 100 мм. Принадлежность данного предмета к волвончинскому комплексу не вызывает сомнений, поскольку обломок сосуда с тем же узором найден в очаге жилища 3. Для второго орудия использована стенка сосуда еныйского типа размером 56 × 48 мм (рис. 18, 6; 28, 3). Его лезвие имеет длину 45 мм. На третьем скребке орнамент не сохранился: возможно, он утрачен в процессе утилизации. Предмету придана форма равнобедренного треугольника (рис. 28, 2), длина его основания 27 мм, высота 13 мм. Все три кромки имеют

следы сработанности. Оба изделия происходят из переотложенных слоев, и установить их принадлежность к какому-то из трех комплексов переходного времени трудно.

Выше отмечалось, что каменный инвентарь сложно соотнести с выделенными группами керамики. Переотложенность материала в раскопах III–IV и отсутствие индивидуальной фиксации находок в 1985–1986 гг. затруднили работу с этой группой вещей. К переходному времени с уверенностью можно отнести три предмета: два шлифованных тесла и кремневый скребок (рис. 23, 3, 5, 7). Тесла, выполненные из мягких пород камня серо-зеленого и коричневого цвета, имеют подтрапециевидную форму и округло-овальное сечение. Кремневый скребок имеет трапециевидную форму и три лезвия, оформленные пильчатой (зубчатой) ретушью.

2.1.5. Поселение Геологическое VII расположено в 80 м к ЮВ от раскопа III поселения Геологическое III, на южном берегу старицы р. Эсс. До раскопок здесь отмечались три впадины, вытянутые вдоль береговой кромки. В ходе исследований выяснилось, что они не образуют одновременного поселка: если крайние из них связаны сооружениями неолита и бронзового века, то средняя возникла на месте расположения постройки переходного времени [Кокшаров, 1989; Гаджиева, Кокшаров, 1989, с. 143–145].

Ее котлован (рис. 31) имел подпрямоугольную форму, ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ. Его размеры составляли $4,9 \times 4$ м (~ 20 м²), глубина от уровня погребенного подзола 0,75 м. В центральных частях длинных стен котлована четко фиксировались выступы, направленные от центра объекта. Западный выступ подпрямоугольной формы размером $1,2 \times 0,34$ м, восточный – неправильной петлеобразной формы размером $0,6 \times 0,5$ м. Если первый можно связать с разрушениями от корней дерева, то второй рассматривается как остатки выхода из помещения. В пределах котлована проявились также сгоревшие деревянные конструкции. Они лежали вдоль стен или были ориентированы к центру котлована. На полу сооружения, посыпанном охрой, отмечены 6 ям.

Находки из постройки представлены каменным инвентарем (к сожалению, комплекс не обработан) и развалами двух сосудов (рис. 32, 7, 11). Первоначально посуда была датирована неолитом [Гаджиева, Кокшаров, 1989, с. 144], но данные, накопленные за последние годы, позволяют говорить о ее более позднем возрасте и отнести к отдельному ушынскому типу. В ходе раскопок сделано важное наблюдение: в слое современного подзола, перекрывавшего котлован постройки, лежала часть развала сосуда волончинского типа (рис. 33, 2).

2.1.6. Поселение Геологическое XVI расположено в 9,1 км к СЗ от г. Югорска в Советском районе ХМАО–Югры Тюменской области [Кокшаров, 2003А, с. 19–21; Тупота, 2004]. Оно находится в 0,9 км к ЮЮЗ от поселения Геологическое III и занимает участок левобережной надпойменной террасы, возвышающейся на 2,5–4 м над р. Эсс. До начала раскопок на берегу отмечались 4 впадины, возникшие на месте древних жилищ. В 2001–2004 гг. здесь были заложены четыре раскопа площадью 527 м² (рис. 34). На всех исследованных участках обнаружены материалы переходного времени от неолита к бронзовому веку.

Керамика атымьинского типа и остатки сооружений, связанные с ней, сосредоточены в прибрежной части памятника, где находятся раскопы III и IV. Именно здесь отмечены слои, объекты и находки эпох камня, раннего металла и железа, свидетельствующие о многократных посещениях данного места древними людьми. В раскопе I открыто единственное на памятнике жилище с керамикой волвончинского типа, а также связанные с ней каменный инвентарь и глиняные грузила. Между раскопами I–III и IV остался значительный неисследованный участок межжилищного пространства, который может быть перспективен для дальнейшего изучения.

Объекты и находки в раскопе I

В раскоп вошла полностью впадина № 2 и значительный участок окружающего межжилищного пространства. При ее изучении установлено, что она возникла на месте жилища 1 с керамикой волвончинского типа, над которым было возведено жилище 2 бронзового века.

Котлован жилища 1 (рис. 35) подпрямоугольной формы, длинными сторонами ориентирован по линии СВ–ЮЗ, размером до 7,6 × 7 м. На уч. И/60–61, в северо-западной стенке имелся расширяющийся выступ, обращенный в сторону от котлована, размером 1,5 × 1,6 м, а на уч. И/61 обозначилась материковая ступенька, обращенная внутрь котлована. Есть основания предполагать, что и выступ, и ступенька могли возникнуть в месте расположения выхода из помещения. С его конструкцией можно связать также две ямки от столбов на уч. И/60 и узкую прерывающуюся канавку глубиной 0,04 м на уч. З–И/61–62. Канавка прокопана поверх двух небольших ям, из которых происходит волвончинская керамика. Этот факт указывает на перестройки или ремонт сооружения.

С жилищем 1 связаны остатки очага, 8 ям, отнесенных условно к числу хозяйственных, ямки от столбов и канавки.

Очаг располагался в центральной части котлована. Это линза гумусированного песка бурого цвета, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Ее размер $2 \times 1,5 \times 0,2$ м. В заполнении расчищены куски камня и волончинская керамика.

На полу котлована и на дне многих ям, расположенных в пределах его очертаний, отмечен минеральный пигмент – охра. Она применялась и в бронзовом веке: в профиле уч. И/62 прослежено перекрытие очага с волончинской керамикой слоем охры мощностью 2–3 см, маркирующим пол жилища бронзового века.

В заполнении отдельных ям встречались фрагменты волончинской керамики, а в яме на уч. К/61 расчищен развал небольшого сосуда (рис. 36, 1). Ямки от столбов расположены бессистемно. Вероятно, кровля держалась на стенах жилища.

В прилегающем к постройке пространстве отмечены 5 ям, пятно прокала и ямки от столбов, часть из которых может быть отнесена к переходному времени. В яме, отмеченной на уч. М/60, лежал развал ладьевидного сосуда (рис. 37, 3).

Из раскопа I происходит керамика переходного времени двух типов, грузила для сетей, штампы и коллекция каменных предметов.

Посуда переходного времени включает фрагменты 34 емкостей, из которых 29 относятся к волончинскому типу, а 5 к атымьинскому.

Сосуды атымьинского типа выделены по трем венчикам и двум стенкам (рис. 36, 7; 38, 1–2). По основным характеристикам она сопоставима с материалами, происходящими из раскопов III–IV этого же поселения. Вероятно, черепки и архаичные рыболовные грузила в виде сфероидов попали сюда в процессе функционирования более ранних жилищ, располагавшихся в прибрежной полосе.

Волончинская коллекция включает посуду индивидуальных (ладьевидных) и стандартных форм (соотв. 2 и 27 экз.), выделенных по 28 венчикам и одной стенке (рис. 36, 1–6, 8–11; 37; 38, 3–8).

Два ладьевидных сосуда представляют собой открытые овальные блюда (рис. 37, 3; 38, 4). Их размеры – $9,4 \times 6,2 \times 3,5$ см и $22,2 \times 14,8 \times 6$ см. Они близки по форме ладьевидным емкостям первого типа сартыньинской культуры [Васильев, 1984, с. 6].

Графические реконструкции позволили установить полные параметры у одного стандартного сосуда и замерить диаметры по венчику еще у 9. Они варьируют от 7,8 см до 35,5 см, и среднее значение составляет 25 см. Количество малых и больших сосудов составляет соответственно 4 и 6 экз. Судя по единственному восстановленному экземпляру, профилировке и пропорциям других емкостей, их высота была равна диаметру по

горловине или не превышала ее. У 11 сосудов имеются отверстия, выполненные каменными остриями (рис. 36, 1, 3, 9; 37, 1, 4, 6; 38, 6, 8), которые указывают на ремонт.

Стандартная посуда представлена круглодонными банками. Они различаются оформлением устьевой части и делятся на закрытые (10), прямостенные (7) и открытые (9) емкости. С внутренней стороны некоторых прямостенных сосудов, в зоне под венчиком, встречаются наплывы-утолщения, создающие впечатление закрытости (рис. 36, 4–5, 9; 38, б). Горловины одних банок сформованы в виде волны (рис. 37, 1), у других плоскость венчика деформирована при орнаментации (рис. 36, 4–5, 9, 11), у третьих волнистый край образован глубокими наколами гребенки с внешней стороны стенок (рис. 36, 10; 38, 8).

Рецептура глиняного теста разнообразна. В качестве отощителей использованы песок, дресва, шамот, крошка камня черной зернистой породы и, реже, фракции лимонита. Часты в глиняном тесте блестки слюды. Толщина стенок сосудов значительно варьирует, от 4 до 12 мм, но в среднем укладывается в диапазон 5–7 мм. Внешние стенки гладкие и часто подлощены. На внутренней поверхности видны следы затирки гребенчатым штампом, которые затем выровнены. Замечено, что стенки небрежно вылепленных сосудов покрывает простой и столь же неаккуратный орнамент.

Вся посуда украшена. Для нанесения узоров использован гребенчатый штамп, круглая палочка. Нередко гребенкой или нешироким шпателем (?) оставлялись глубокие овальные лунки или наколы. Интересно, что при раскопках жилища были обнаружены обломки инструментов, которыми воспроизводился гребенчатый орнамент (см. ниже).

С внутренней стороны сосудов, в том числе в зоне под венчиком, декор почти не встречается. Отпечатки гребенки зафиксированы на венчиках 16 сосудов.

Оформление зоны под венчиком решено в нескольких вариантах. Чаще всего здесь помещен поясok из наклонных или вертикальных отпечатков гребенки, осложненный иногда наколами того же штампа или гладкого шпателя (рис. 36, 1, 3–4, 9–10; 37, 1, 3, 5; 38, 4, 8). Реже встречаются два таких пояска. Единично отмечен поясok из вертикальных отпечатков гладкого штампа (рис. 37, 2). На нескольких сосудах наблюдаются глубокие наколы штампов (рис. 36, 11; 37, 6; 38, 5–6), колонки, собранные из параллельных поясков гребенки (рис. 36, 5; 38, 3), бордюры из вложенных углов (рис. 38, 7).

Ниже этой зоны находятся пояски из ямок, расположенных как в одну линию, так и в две-три в шахматном порядке. Одни из них соединены гребенчатыми отрезками, другие вписаны в сетчатые узоры. На некоторых сосудах ямки замещаются глубокими наколами гребенки или гладкого штампа, которые также располагаются в шахматном порядке (рис.

36, 11; 37, 2–3; 38, 8). Узоры из ямок и наколов не отмечены лишь на единичных сосудах, в том числе на одном из ладьевидных (рис. 36, 8; 38, 4).

Следующая зона – тулово сосудов. В зависимости от заполнения декором этого орнаментального поля посуда может быть разделена на две группы. К первой относится керамика с монотонными узорами, составленными из чередующихся поясков гребенчатых штампов. Во вторую входит посуда, украшенная широкими бордюрами из геометрических фигур (прямоугольников, рассеченных шестиугольников), разделенных вертикальными колонками или свободными от декора полями (рис. 36, 1, 4; 37, 1–2, 4–6; 38, 3, 6–7). Колонки выполнены оттисками гребенчатого штампа (рис. 37, 1–2) или наколами (рис. 36, 11; 37, 6). У части сосудов широкие бордюры из наклонных колонок параллельных отпечатков гребенки разделены ямочными вдавлениями (рис. 36, 9).

В коллекции сохранились днища двух ладьевидных и одного стандартного сосудов. Первые покрыты отпечатками гребенки или насечками (?), собранными в параллельные пояски (рис. 37, 3; 38, 4). В третьем случае дно украшено вертикальными колонками, расходящимися в виде многолучевой розетки вверх по придонной части банки (рис. 38, 7).

Рыболовные грузила (26) разделены по оформлению их концов и тела на четыре группы: биконические, сигаровидные, скалковидные и сфероиды. Три первые могут быть связаны с керамикой волончинского типа, а последняя – с атымьинской посудой.

Биконические грузила (5) имеют приостренные концы, раздутое и провисающее брюшко (рис. 39, 8–12). Три из них украшены наколами двузубого штампа. Длина предметов варьирует от 114 мм до 156 мм, диаметр тулова 28 мм.

Сигаровидные грузила (3) отличаются шляпкообразными приплюснутыми концами (рис. 40, 4, 6, 10). Они не украшены. В тесто одного изделия добавлены кусочки охры. Длина изделий достигает 112 мм, диаметр – 28 мм.

Грузила скалковидной формы (19) имеют притупленные, закругленные концы и плавно расширяющееся тулово цилиндрической формы (рис. 40, 1–3, 5, 7–9, 11–13, 15–17). 13 предметов украшены отпечатками гребенчатого штампа. Длина стержней 91–112 мм. Не исключено, что они были изготовлены одним человеком.

К сфероидам (4) отнесены изделия округлой или эллиптической формы (рис. 41, 1, 4–5, 7). Их длина и диаметр в поперечном сечении варьируют в пределах 50–60 × 19–32 мм. Они украшены поясками из отпечатков гребенки, гладких штампов или наколами палочки. Принадлежность находок раскопанному жилищу вызывает сомнения, так как вещи сходного облика сосредоточены в раскопе III, в прибрежной части поселения.

С волвончинским жилищем связаны три обломка от двух (?) *гребенчатых штампов*, которыми украшалась керамическая посуда. Это пластинки из обожженной глины, внешний край которых оформлен зубчатой насечкой (рис. 42, 1–2, 6).

Каменный инвентарь из раскопа I (400 экз.) разбит на две группы: комплекс переходного времени из жилища I и изделия из переотложенных слоев, возникших после возведения во впадине жилища бронзового века.

Комплекс переходного времени (266, см. табл. 1) включает предметы, отражающие все стадии обработки камня: ядрища, заготовки, отходы, орудия и их обломки.

Технику первичного расщепления характеризуют нуклевидные формы (9 экз.). Преобладают монофронтальные нуклеусы (6), из них 5 кварцевых. Высота ядрищ от 39 мм до 64 мм. Расщепление проводилось контрударным способом с подготовленной или неподготовленной ударной площадки для получения заготовок удлиненных пластинчатых очертаний. Единичные экземпляры призматического и торцевого нуклеусов показывают стадии развития монофронтальных ядрищ. Расщепление их на заготовки также осуществлялось контрударным способом.

Комплекс *заготовок* и *отходов* включает пластинчатые отщепы, отщепы без ретуши, сколы со шлифованных орудий, целые и расколотые гальки и плитки.

Пластинчатые отщепы (9). Размер изделий от $15 \times 7 \times 3$ мм до $37 \times 15 \times 8$ мм. Большая их часть получена с использованием техники контрударного расщепления. Имеется один предмет со шлифованной спинкой (скол со шлифованного орудия?).

Отщепы без ретуши (145). Преобладают изделия из кварца, полученные контрударным расщеплением. Около половины изделий имеют следы галечной корки на спинке. Размеры предметов варьируют от $16 \times 14 \times 8$ мм до $68 \times 50 \times 24$ мм.

Сколы со шлифованных орудий (3). Два из них – фрагменты рабочей части рубящих орудий, один представляет собой скол с тела инструмента.

Целые и расколотые гальки и плитки составляют соответственно 10 и 23 предмета.

Орудийный комплекс

Пластинчатый отщеп с ретушью из розового кремня, снятого в ударной технике расщепления (рис. 43, 4). Его размер $26 \times 10 \times 3$ мм, форма в плане подпрямоугольная. По обеим сторонам и нижнему концу он обработан крутой краевой ретушью со спинки; обработанная кромка неровная, выемчатая.

Острие на пластине (?) размером $38 \times 15 \times 8$ мм. Рабочее жало расположено на нижнем конце заготовки, сработанность выражена в виде ретуши утилизации со спинки.

Скребки на отщепях (12). Десять изделий относятся к типу концевых. Размер инструментов варьирует от $17 \times 12 \times 4$ мм до $27 \times 23 \times 9$ мм. Для шести орудий в качестве заготовок использованы прямоугольные в плане сколы контрударного снятия. У трех инструментов, помимо концевого лезвия, отретуширован и боковой край. Один из концевых скребков подтреугольный в плане, размером $24 \times 20 \times 8$ мм. Концевое лезвие и сходящиеся боковые стороны обработаны полукрутой ретушью со спинки заготовки. С брюшка изделие подработано встречными уплощающими сколами. Из остальных инструментов один скребок округлый ($18 \times 19 \times 6$ мм), его лезвие круто отретушировано практически по всей окружности со спинки. Второй скребок выполнен из крупного первичного отщепя размером $41 \times 30 \times 13$ мм. Крутой ретушью со спинки обработана одна из продольных сторон заготовки.

Острия на отщепях (7). Размер изделий варьирует от $13 \times 9 \times 3$ мм до $17 \times 12 \times 8$ мм (рис. 43, 29). Шесть инструментов имеют по одному рабочему жалу, у двух рабочие стороны расположены на противоположных концах заготовок. Шесть отщепов-заготовок использовались в работе без какого-либо предварительного оформления рабочего края, износ сформировался в процессе утилизации. Один предмет выполнен из кремнистого отщепя ($27 \times 13 \times 6$ мм). Тело орудия обработано с двух сторон уплощающей ретушью. Рабочим краем служил узкий конец заготовки. Сработанность фиксируется визуально. Возможно, данные орудия использовались для сверления керамики.

Отщепы с ретушью (19). Размер изделий варьирует от $16 \times 15 \times 2$ мм до $43 \times 16 \times 6$ мм. 18 предметов изготовлены из кремнистых пород, один из кварца (рис. 43, 10–17, 19, 21–26, 28). Крутая краевая ретушь покрывает в большинстве случаев один или два продольных края заготовки со спинки. Форма ретушированного лезвия прямая или вогнутая. В двух случаях при схождении ретушированных сторон образовано подтреугольное острие на одном из концов заготовки. У четырех отщепов крутой краевой ретушью обработан нижний край заготовки, имеющий выпуклый абрис. Ретушь нанесена со спинки, лишь в одном случае – с брюшка.

Наконечники стрел (4). Три выполнены из отщепов, один из плитки. Среди наконечников стрел из отщепов один целый, у двух других сломаны кончик пера и насад (рис. 43, 3, 8). Целый предмет листовидной формы, размером $41 \times 12 \times 4$ мм, с выемкой в основании (рис. 43, 7), имеет линзовидное поперечное сечение. Тело и острие предмета обработаны встречной пильчатой ретушью. В центральной части тела стрелы имеется

небольшое расширение, маркирующее переход от насада к острию. Выемка со стороны насада оформлена снятием двусторонних продольных сколов. Шлифованный наконечник из сланцевой плитки представлен фрагментом насада с усеченным основанием, размер $23 \times 13 \times 4$ мм (рис. 43, 2). Со стороны основания на обе плоскости выведены неглубокие подтреугольные желобки. Кроме того, по одной плоскости оформлены грани.

Долотовидные орудия (3) выполнены из кварцевых отщепов. Их размеры $18 \times 19 \times 5$ мм, $26 \times 13 \times 12$ мм и $29 \times 22 \times 6$ мм. Орудия имеют по одному лезвию, расположенному на нижнем конце заготовки или боковом крае.

Топор имеет подтрапещиевидную в плане форму, размер $73 \times 25-40 \times 17$ мм, поперечное сечение многогранное. Орудие выполнено из куска зеленокаменной (сланцевой?) породы в технике пиления и абразивной обработки. Лезвие – углы перехода к тулову скруглены. Инструмент использовался в качестве тесла для обработки дерева.

Тесло представлено фрагментом рабочей части размером $42 \times 52 \times 16$ мм (рис. 13, 1). Форма лезвия округлая, с одной плоскости оно заострено фаской шириной 9 мм.

Нож изготовлен из отщепа серо-зеленой сланцевой породы. Форма изделия в плане сегментовидная, размер $24 \times 12 \times 2$ мм. Тело орудия зашлифовано, лезвие оформлено по прямой длинной стороне и с одной плоскости подработано фаской шириной до 1,5 мм.

Пила изготовлена на крупном первичном отщепе подпрямоугольной формы размером $107 \times 47 \times 21$ мм. Лезвие оформлено на одной из продольных сторон и подработано двусторонними краевыми сколами

Отбойники (3). Один целый. В качестве заготовки использована галька подовальной в плане формы размером $104 \times 69 \times 45$ мм. Рабочие зоны инструмента располагаются на торцевых участках заготовки. Остальные орудия представлены обломками рабочей части.

Абразивные инструменты (4). Одно изделие представлено плиткой размером $48 \times 30 \times 5$ мм подтрапещиевидной в плане формы. Хорошо отшлифованная рабочая плоскость инструмента располагается по продольной боковой стороне. На широких плоскостях следы использования выражены хуже: здесь есть только небольшие локальные участки пришлифовки. Еще одно изделие представлено четырьмя фрагментами, образующими плитку подтрапещиевидной формы размером $136 \times 65 \times 36$ мм. Рабочие плоскости абразива расположены на широких плоскостях заготовки. Сработанность значительная, на одной плоскости направленность износа диагональная, в виде кюветообразного углубления, и продольная на другой. Плитка была расколота в древности пополам. Фрагмент размером $124 \times 67 \times 12$ мм использовался в качестве пилы. Лезвие инструмента оформлено на одной из продольных сторон краевой двусторонней оббивки. Третий абразив представлен

небольшим фрагментом плитки – сколом с рабочей поверхности. Четвертый абразив – плита подовальной в плане формы. Рабочие плоскости в виде небольших локальных зашлифованных зон расположены на широких плоскостях заготовки.

Подпятник. В качестве заготовки использован плоский камень подпрямоугольной в плане формы размером $116 \times 85 \times 30$ мм (рис. 13, 3). Сработанность в виде округлой ямки диаметром 32 мм и глубиной до 4 мм фиксируется в центре одной из широких плоскостей. Кроме того, один из торцов заготовки и боковая сторона имеют негативы сколов краевой двусторонней оббивки. Не исключено, что изделие использовалось в качестве землеройного инструмента.

Двусторонне обработанные изделия (6) выполнены из плиток и галек округлой (2) и подпрямоугольной формы (4) (рис. 13, 2), имеющих по бокам негативы краевых сколов. Размер предметов варьирует от $65 \times 52 \times 17$ мм до $116 \times 65 \times 30$ мм. На подпрямоугольных изделиях один торцевой край более уплощен, в продольном сечении симметричен. Данные предметы могли являться заготовками рубящих орудий.

Изделие из камня представлено плиткой подтрапециевидной в плане формы размером $262 \times 74 \times 39$ мм (рис. 13, б). На естественном скругленном конце плитки видны следы охры красноватого цвета. От этого же торца по одному из ребер на длину до 90 мм фиксируется забитость и односторонние краевые заломы, также перекрытые слоем охры.

Камень со следами пропилов (рис. 44, 10) представляет собой подпрямоугольный в плане кусок мягкой сланцевой породы зеленоватого цвета. Его размер $106 \times 62 \times 33$ мм. Первоначально изделие использовалось как абразив. Его рабочие плоскости расположены на боковой стороне и одной из широких поверхностей. Следы от встречных пропилов в виде продольных относительно длинной оси канавок с подтреугольным сечением располагаются в центре широких плоскостей куска породы. Глубина пропилов составляет 3–5 мм. После того как пропилы были сделаны, камень попытались расколоть на плитки по длинной оси. Часть плоскости от пропила до бокового края была сколота. Попытка получить такую плитку с другой плоскости привела к расщеплению камня по диагонали вдоль длинной оси. Раскол проводился контрударным способом.

Каменные изделия из переотложенных слоев (134).

Нуклевидные формы (3) представлены монофронтальными ядрищами высотой 36–64 мм. Техника расщепления контрударная.

Скребки на отщепках (5). Четыре орудия изготовлены из прямоугольных в плане сколов и имеют одно круто ретушированное лезвие по одной боковой стороне со спинки.

Размеры предметов от $20 \times 12 \times 8$ мм до $26 \times 16 \times 8$ мм. Еще один скребок оформлен на крупном отщепе, лезвие округлое, занимает боковые стороны и нижний край заготовки. Размер предмета $29 \times 33 \times 10$ мм.

Острия на отщепях (2). Размеры изделий $14 \times 10 \times 3$ и $26 \times 25 \times 6$ мм. Рабочее жало инструментов расположено на нижнем конце заготовки и выделяется по следам износа – по ретуши утилизации и завальцовке кончика жала.

Наконечник стрелы размером $25 \times 11 \times 2$ мм (рис. 43, 1) имеет укороченную листовидную форму с выемкой в основании. В качестве заготовки использован пластинчатый скол. Тело изделия обработано двусторонней встречной уплощающей пильчатой ретушью. На месте перехода от тела к перу имеется легкое расширение. Выемка оформлена краевыми продольными сколами, глубина ее до 1,5 мм.

Заготовка наконечника стрелы представлена небольшой плиткой размером $49 \times 14 \times 5$ мм (рис. 43, 6). На обеих плоскостях заготовки сохранилась корка. По боковому краю и одному из концов плитка обработана краевой двусторонней ретушью. На конце заготовки этой ретушью выделен подтреугольный насад. Жало пера обработано только крутой ретушью на одну сторону. На кончике жала фиксируется скругленность граней фасеток.

Отщепы с ретушью (8). Размеры изделий варьируют от $15 \times 16 \times 7$ мм до $33 \times 23 \times 4$ мм, семь выполнены из кремнистых пород, одно из кварца (рис. 43, 9, 18, 20, 27). У четырех предметов краевая ретушь утилизации расположена по одному продольному краю со спинки и заполняет выемку. У трех инструментов такая же ретушь покрывает небольшой участок на нижнем конце заготовки или на боковой стороне, обработанная кромка прямая. Одно изделие имеет обработку нижнего края двусторонней краевой уплощающей ретушью.

Долотовидное орудие изготовлено на первичном кварцевом сколе контрударного снятия. Форма изделия в плане подовальная, размер $36 \times 30 \times 12$ мм. Со стороны брюшка заготовка уплощена поперечным сколом. Лезвие расположено на нижнем конце отщепа и не несет предварительной обработки. Кромка лезвия сильно забита.

Тесло подпрямоугольной формы размером $48 \times 36 \times 15$ мм (рис. 44, 7), изготовленное в технике шлифовки. Лезвие выпуклое, асимметричное относительно продольной оси, заострено с двух сторон фасками шириной 7 и 9 мм. Обушок округлый. Одна из боковых сторон тщательно зашлифована: имеются грани на переходе к плоскостям изделия.

Абразивные инструменты представлены небольшими плитками (5) и шлифовальной плитой. Размеры плиток от $34 \times 34 \times 4$ мм до $75 \times 40 \times 5$ мм. У инструментов по одной или две рабочих поверхности, прямых или вогнутых, которые расположены на плоских сторонах заготовок. В ряде случаев использовались и боковые стороны плиток. Абразивная

плита изготовлена из куска гранито-гнейсовой породы (рис. 13, 5), размером $217 \times 130 \times 87$ мм, подтрапещевидной в плане формы. Рабочая поверхность, расположенная на одной из широких плоскостей, имеет вогнутый рельеф.

Двусторонне обработанные изделия (6) изготовлены из плиток и галек подпрямоугольной формы размером от $55 \times 34 \times 9$ мм до $117 \times 70 \times 15$ мм.

Пластинчатые отщепы (2). Один представляет собой первичный кварцевый контрударный скол размером $57 \times 22 \times 10$ мм. Второй является целой пластинкой размером $24 \times 6 \times 1$ мм.

Отщепы без ретуши (83) имеют размеры от $11 \times 13 \times 5$ мм до $50 \times 33 \times 10$ мм. Преобладают кварцевые сколы, полученные контрударным расщеплением.

Объекты и находки в раскопах II–III

Оба раскопа расположены в южной части поселения. Они заложены с целью изучения впадины № 1 и межжилищного пространства.

Раскоп II (20 м^2) заложен между жилищными впадинами 1–2. Здесь не обнаружено объектов, но отмечено скопление каменных предметов, отнесенное к производственной площадке № 1. Ее южная граница уходила в северо-западную часть раскопа III, поэтому данный комплекс рассмотрен ниже, при обзоре материалов раскопа III.

В раскоп III (198 м^2) вошла впадина № 1, возникшая на месте жилища бронзового века. Под полом сооружения прослежены две ямки от столбов и более крупные ямы 13, 17, в заполнении которых залегала керамика атымьинского типа переходного времени. Это обстоятельство можно объяснить тем, что котлован бронзового века выкопан в пределах раннего жилища, уничтоженного до основания. Вывод подтверждается еще одним наблюдением. В валообразной насыпи, окружающей впадину, залегало большое количество керамики атымьинского типа и рыболовные грузила. Они могли попасть сюда при возведении сооружения бронзового века.

В обваловке находились фрагменты ~20 сосудов неолитического времени. Эта коллекция может свидетельствовать о том, что жилище с атымьинской керамикой возводилось во впадине, возникшей на месте расположения неолитического дома.

О размерах постройки переходного времени можно только догадываться. Вряд ли она превышала котлован дома бронзового века ($7,4 \times 7,4$ м). На длительный период ее существования указывают обломки посуды, глиняные грузила, каменный инвентарь.

Посуда атымьинского типа включает фрагменты более 100 емкостей, представленных преимущественно банками с круглым дном (рис. 45, 7, 9; 46, 5–6; 47, 11; 48, 14). В коллекции выделяются два сосуда индивидуальных форм: четырехугольная низкая чаша с уплощенным дном, размером 8,3 × 7,3 × 3,6 см (рис. 47, 5), и обломок крышки (или тарелки?) диаметром 5,4 см (рис. 48, 1). У отдельных банок имеется отогнутый венчик, который можно принять за намечающуюся шейку (рис. 45, 5; 48, 8, 13; 49, 3). Из 53 сосудов, включенных в обработку, почти четверть со следами ремонта (24,5%) (рис. 45, 4, 6–8; 46, 4–6; 47, 4, 12; 48, 1; 49, 10). Отверстия для стяжки отдельных фрагментов расположены в зоне под венчиком, на тулове и в придонной части.

Диаметр установлен у 20 стандартных емкостей и у 4 из них – высота. Первый параметр обычно превышает второй, но встречаются и отклонения от этого правила. Разброс диаметров по венчику составляет 6,3–34,8 см, а среднее его значение 19,9 см. Количество посуды малых и крупных форм примерно одинаковое (55 и 45%).

В коллекции преобладают слабо и сильно закрытые банки (27, или 50,9%), сосуды с прямыми стенками (9, или 17%) и открытые емкости (7). Среди последних преобладают малые формы (рис. 45, 6; 46, 3; 47, 5, 10; 49, 8).

Керамика, вылепленная из глины с примесью песка, мелкой кварцевой гальки в сочетании с другими примесями, с одной стороны, и шамота – с другой, представлена примерно равным количеством: 28,3 и 26%. Блестки слюды, встречающиеся в глиняном тесте, являются, вероятно, естественной примесью. В качестве отощителя использовалась кварцевая крошка в сочетании с иными компонентами (18,8%), и, значительно реже, в тесто добавлена измельченная зернистая порода черного цвета (11,3%). Единично в тесте отмечены кусочки опоки (3) и лимонита (10), хотя не исключено, что фракции последнего могли быть естественной примесью.

Внешние стенки почти всегда хорошо заглажены и часто залощены, а на внутренних обычны следы затирки гребенчатым штампом или иным грубым предметом. Толщина стенок небольших сосудов составляет 3–4 мм, а в целом посуду отличает тонкостенность (5–7 мм). Толщина черепков некоторых крупных сосудов варьирует от 6,5 мм до 10 мм.

Оформление венчиков отличается большим разнообразием. Наиболее распространены плоские, среди которых выделяются скошенные внутрь и наружу. Реже отмечены округлые или со скосом в обе стороны. Имеются венчики с карнизиком, свисающим внутрь (рис. 45, 2, 7; 46, 4; 48, 6). У одной из банок карнизик сформован подлепом ленты с внутренней стороны сосуда (рис. 45, 1). Венчикам двух сосудов придана волнистая форма (рис. 46, 2; 48, 11).

Декор покрывает всю внешнюю поверхность стенок, заходя на венчик и даже на внутреннюю сторону горловины. Он отсутствует лишь на единичных экземплярах (рис. 45, 5). В орнаментации использованы гребенчатые штампы различной конфигурации (прямые, в виде арочек), гладкие скобки (рис. 47, 7, 10) и палочка круглого или прямоугольного сечения. Нередко на одном сосуде наблюдается использование сразу нескольких видов гребенки (рис. 46, 2–3; 47, 1, 3, 5–6, 8–9, 11–12; 49, 2), а также сочетание способов ее применения: наряду с печатной гребенкой встречается и шагающая (рис. 39, 6, 13; 46, 1, 3, 5–6; 48, 8; 49, 10). Самостоятельный декоративный элемент представляют горизонтальные желобки (рис. 45, 1; 47, 4, 12).

Орнаментальное поле состоит из нескольких зон: морфологически выделенного венчика, внутренней и внешней зон под венчиком, тулова, придонной части и дна.

Срез венчика украшен обычно пояском из наклонных оттисков гребенки, лишь в одном случае был встречен гребенчатый зигзаг. Под венчиком с внутренней стороны сосудов обычны пояски гребенки (31% сосудов). Для зоны под венчиком с внешней стороны характерны мотивы из отпечатков гребенчатых штампов с наклоном вправо или влево, в 4 случаях отмечена ромбическая сетка и, единично, зигзаг и вложенные углы.

Пояски из ямок, расположенные ниже рассмотренной зоны, отмечены на подавляющем большинстве сосудов. В одном случае ямки подчеркивают переход от стенок к придонной части у довольно крупного сосуда (рис. 46, 6), однако для данной коллекции – это исключение. На нескольких сосудах ямки были выполнены концом палочки трех- или четырехугольного сечения (рис. 45, 2), а также глубокими вдавлениями гребенчатого штампа (рис. 46, 3). На 5 сосудах (11%) с диаметром по венчику 6,3–9,2 см ямочные узоры отсутствовали совсем.

Ямки собраны обычно в 1–4 горизонтальных пояска, нередко отмечается шахматное расположение вдавлений. Ямки, включенные в комбинированные узоры с гребенчатыми отпечатками, подчеркивают узлы сеток либо центр ячеек (рис. 45, 4, 8; 46, 4, 6; 48, 2, 6, 8–9; 49, 1, 7), перемежаются с поясками из гребенчатых линий, зигзагов (рис. 39, 6, 13; 48, 3, 5, 7, 11, 13; 49, 9–10), образуют самостоятельные геометрические фигуры – треугольники (рис. 45, 7; 48, 10). На нескольких сосудах они соединены неглубокими горизонтальными желобками (рис. 45, 1; 47, 4, 12). Глубокие ямки образуют на внутренних стенках «жемчужины». При внимательном рассмотрении обнаружилось использование одного и того же инструмента для нанесения ямок овальной формы при украшении трех сосудов (рис. 39, 6, 13; 49, 10). Кроме того, они имеют идентичный декор в зоне под венчиком в виде рассеченной ромбической сетки, исполненный одними и теми же орнаментами. Похоже,

что все три сосуда вылеплены одним мастером. Данное обстоятельство любопытно по той причине, что они различаются между собой как по набору орнаментальных мотивов на тулове, так и по технике нанесения декора.

Орнамент на тулове и придонной части позволяет разделить посуду на две группы. Одна из них украшена довольно монотонными, однообразными узорами, а другая – геометрическими фигурами. Стенки посуды первой группы покрыты горизонтальными поясками гребенчатого штампа. Разнообразие вносят чередующиеся пояски с различным углом наклона штампа, использование инструментов с различной конфигурацией рабочей поверхности (нарезкой зубцов) или сочетание печатной и шагающей гребенки (рис. 39, 6; 45, 1, 7; 46, 5–6; 47, 4, 6, 8–9). Разрежение монотонных полей, достигаемое включением рассеченных по горизонтали ромбических сеток, ромбов и зигзагов (рис. 45, 4, 6; 47, 12; 49, 1, 3–4, 7–8, 10), стирает различия между двумя группами посуды.

Во второй группе керамики вариации геометрических узоров восходят к нескольким исходным мотивам. В их основу заложен принцип вертикальной разбивки орнаментального поля. Речь идет о колонках, выполненных печатной, шагающей гребенкой, которые чередуются со свободными от орнамента полями (рис. 39, 13; 46, 1–3; 48, 2, 4–5, 8–9; 49, 6), с цепочками вертикальных ромбов (рис. 48, 12), одно- или двухрядовыми зигзагами, от углов которых могут отходить ответвления (рис. 48, 10; 49, 9–10). Судя по всему, мастера стремились к максимальному заполнению свободного пространства на стенках сосудов. Предельная насыщенность орнамента достигалась помещением в свободные поля между колонками и зигзагами неглубоких наколов гребенки или поясков шагающей гребенки (рис. 39, 13; 48, 7, 12; 49, 10), усложнением вертикальных зигзагов ответвлениями, направленными от их изломов (рис. 49, 9). В других случаях ответвления, отходящие от горизонтальных одно- или двухрядовых зигзагов, достигают такой длины, что сами воспринимаются как вертикальные колонки. Подобная игра с орнаментальными конструкциями позволяла получать оригинальные сетки с шестиугольными ячейками (рис. 49, 7), именуемые часто сотовыми, а также их производные – рассеченные шестиугольники – соты (рис. 48, 5, 8–9, 14; 49, 4, 9).

Днища сосудов покрывают сетчатые узоры (рис. 45, 9) либо многолучевые розетки. Восходящие от розеток ответвления, переходящие от дна на тулово, воспринимаются уже как вертикальные колонки (рис. 48, 14). Донце единственной в коллекции четырехугольной чашки украшают параллельные линии из отпечатков арочного штампа (рис. 47, 5) – того же инструмента, которым декорирована вся емкость.

Рыболовные грузила (15 экз.), связанные с атымьинской керамикой, также вылеплены из глины. Они достаточно специфичны и наиболее близки биконическим изделиям с поселений р. Атымьи и сфероидам из раскопа I поселения Геологическое XVI.

Одни из них имеют тело цилиндрической формы и сильно скругленные концы (рис. 39, 4–5; 41, 3, 10), другие отличаются раздутым туловом (рис. 39, 1–3; 41, 2, 6, 8–9, 11–12, 14), и, наконец, третьи – укороченных пропорций – приближаются по облику к сфероидам (рис. 41, 7). Максимальная длина предметов 90 мм, минимальная – 60 мм, диаметр тела 23–35 мм. Многие поделки украшены отпечатками зубчатых штампов.

Есть основания считать, что сфероиды, встреченные в раскопе I, попали вглубь берега при естественном «растаскивании» археологического материала. Это обычное явление на памятнике, неоднократно посещаемом людьми в течение длительного времени.

Орнаменты. Из переотложенных слоев раскопа III происходят два штампа, которыми наносился гребенчатый орнамент на посуду. Один (рис. 42, 5) изготовлен из обожженной глины и представляет собой пластину прямоугольной (?) формы. Три его грани покрывает косая зубчатая нарезка. Другой (рис. 42, 4) выполнен из плитки зеленоватого камня. На одной из ее граней намечены 7 неглубоких пропилов. Он мог оставлять неглубокие, возможно, смазанные следы.

Каменный инвентарь в раскопах II–III превосходит количественно коллекции из других изученных участков поселения (см. *табл. 1*). Находки сосредоточены в трех скоплениях, отмеченных севернее котлована жилища 1.

Сразу следует оговориться, что с полной уверенностью с атымьинским керамическим комплексом можно отнести материалы производственной площадки № 1 и ямы 13. Находки с производственных площадок № 2–3 включены в сводку древностей переходного времени условно. Независимо от хронологической принадлежности они образуют представительные выборки для последующих сопоставлений. И последнее замечание. Значительное количество находок происходит из перемешанных слоев и по этой причине не поддается хронологической идентификации. С учетом данного обстоятельства эти материалы исключены из предлагаемого обзора.

Комплекс переходного времени (1185 экз.) объединяет материалы из собственно атымьинского жилища, производственных площадок № 1–3 и из ямы 13.

Инвентарь, связанный с атымьинской керамикой, представлен 581 предметом (см. *табл. 1*). Это заготовки, отходы производства и значительный орудийный комплекс.

Отходы производства включают отщепы контрударного снятия (415), целые (13) и расколотые гальки (30), кусочки лимонита (2), пластинчатые сколы (7), продольные (2) и поперечные (1) сколы подправки ядрищ и отщепы со шлифованных орудий (3). В этой категории преобладают предметы из кварца.

Нуклевидные формы (21) – кварцевые ядрища продольного монофронтального расщепления в контрударной технике скола. Их размеры варьируют от $28 \times 25 \times 15$ до $67 \times 43 \times 46$ мм. Ударные площадки изделий прямые, зачастую скошены к контрфронту, покрыты галечной коркой.

Орудийный комплекс насчитывает 76 предметов.

Наконечники стрел (2) изготовлены из кремнистых пород. Один представлен насадом с округлым основанием, второй – листовидной формы, размером $28 \times 11 \times 4$ мм, с небольшой выемкой в основании (рис. 50, 22). Не исключено, что элемент насада наконечника был повторно переоформлен после слома. Оба изделия обработаны двусторонней встречной уплощающей ретушью.

Нож (рис. 50, 19) из темно-серого кремнистого отщепа имеет серповидную форму, размер $50 \times 12 \times 6$ мм. Тело орудия обработано двусторонней встречной ретушью.

Острие (рис. 50, 21) из кварцевого отщепа подромбической формы, размером $37 \times 28 \times 14$ мм. Рабочее жало острия выделяется на одном из приостренных концов по следам сработанности. Оно выражено в виде скругленности выступающих участков боковой кромки и самого кончика жала. Глубина проникновения в обрабатываемый материал составляет 16 мм, минимальный диаметр острия 5 мм, максимальный – до 25 мм. Инструмент использовался в качестве сверла-развертки для ремонта керамической посуды.

Скребки на отщепах (10) изготовлены из кварцевых (3 экз., рис. 50, 7, 11, 14) и кремнистых (7 экз., рис. 50, 1–3, 5–6, 12, 16) сколов. Типологически представлены концевые и боковые типы инструментов (соответственно по 5 предметов). Рабочие лезвия оформлены крутой краевой ретушью со спинок заготовок. Интересен концевой скребок подтреугольной в плане формы размером $34 \times 17 \times 5$ мм. Боковые стороны аккомодационной части оформлены крутой краевой противоположающей ретушью (рис. 50, 3).

Отщепы с ретушью (8). Заготовками являются кремнистые (7 экз., рис. 50, 9, 13, 15, 17–18, 20, 23) и кварцевый сколы (рис. 50, 10). Ретушь краевая, покрывает один или оба продольных края заготовки по всей длине со спинки (5) или с брюшка (3 экз.).

Пластинчатые отщепы с ретушью (2). Первый (рис. 50, 8) представлен подпрямоугольным в плане сколом с подтреугольным поперечным сечением. Заготовка получена в контрударной технике, ее размер $27 \times 10 \times 6$ мм. По боковой продольной стороне

изделия со спинки фиксируется краевая ступенчатая ретушь утилизации. Второй из кремнистой темно-серой породы размером $38 \times 20 \times 6$ мм (рис. 50, 4). Краевая ретушь с брюшка покрывает продольный боковой край заготовки. Рабочее лезвие в плане зубчатое.

Долотовидные орудия (23) изготовлены из кварцевых (20) и кремнистых (3) отщепов и галек. Форма изделий в плане подпрямоугольная. Все орудия однолезвийные, рабочий край подработан двусторонними краевыми уплощающими сколами.

Отбойники (6) выполнены из кварцевых (4) и кварцитовых (2) галек. Размеры изделий варьируют от $41 \times 41 \times 38$ мм до $92 \times 66 \times 60$ мм.

Абразивы (23 экз.) из галек, плиток, кусков камня. Размеры изделий варьируют от $30 \times 23 \times 4$ мм до $111 \times 70 \times 25$ мм. Они имеют по одной, две и более рабочих зон. Рельеф поверхностей прямой или вогнутый, чаще всего в центральной части зоны. Интересны изделия с совмещенными функциями. Одно из них (рис. 44, 8) представлено подпрямоугольной в плане плиткой размером $108 \times 26 \times 10$ мм. Обе широкие плоскости предмета использовались в качестве абразивной поверхности. На боковой грани фиксируется след спила глубиной 4 мм. На этой же стороне расположено рабочее лезвие пилы, имеющей в поперечном сечении округло-подтреугольную форму. Второе изделие (рис. 44, 9), плитка гнейсовой породы, первоначально использовалось в качестве абразива. Участок рабочей поверхности располагается на широкой плоскости заготовки. В последующем плитка была оббита по периметру, что привело к ликвидации большей части поверхности абразива. После краевой обработки плитка приобрела подтрапезиевидную в плане форму. На широком торцевом конце выделено округлое лезвие рубящего инструмента. Кромка лезвия забита, выступающие участки скруглены. На торце аккомодационной части есть спил шириной 5 мм.

Тесла (5) изготовлены из галек и плиток в технике абразивной обработки. Три представлены фрагментами (одно из них – лезвийная часть), два других со сломанным рабочим краем. Форма изделий со сломанным рабочим краем в плане подтрапезиевидная. Еще одно тесло выполнено из плитки подпрямоугольной формы, размер $67 \times 39 \times 5$ мм. Тело орудия обработано по широким плоскостям шлифовкой. Лезвие прямое, слегка скошено, заострено фаской шириной 7 мм с одной стороны. На продольной стороне плитки фиксируется рабочий край пилы, выделяемый по характерной сработанности кромки. Ширина лезвия со следами утилизации 3 мм. Пятое тесло изготовлено из гальки (рис. 44, б), его размер $90 \times 49 \times 27$ мм. Форма орудия в плане подпрямоугольная. Лезвие округлое, выделено с одной стороны диагональной фаской шириной 25 мм, с другой – перпендикулярными кромке сколами. Обушок округлый. Боковые стороны орудия и широкие плоскости зашлифованы. Перед абразивной обработкой боковые плоскости тесла

были подработаны в технике пикетажа. На одной из плоскостей фиксируется зона сработанности от использования гальки как наковальни при обработке камня.

Изделия из камня (6 экз.) представлены предметами, выполненными из галек и плиток. На всех предметах фиксируется краевая одно- или двусторонняя оббивка всего периметра или одной из сторон.

Производственная площадка № 1 (рис. 51). Отсюда происходят продукты первичного расщепления камня, заготовки, отходы производства и орудия (171 экз.). В коллекции имеются целые и расколотые гальки, нуклевидные формы, отщепы и небольшой орудийный комплекс. Предметы, связанные с расщеплением ядрищ и галек на заготовки, превосходят по количеству орудия.

Группа *расколотых галек* (16) представлена формами, расщепленными вдоль длинной оси контрударным способом без предварительного оформления конструктивных элементов ядрищ. Размеры предметов от $23 \times 19 \times 12$ до $56 \times 32 \times 20$ мм.

Нуклевидные формы (6) из кварца, размерами от $19 \times 11 \times 9$ до $34 \times 26 \times 21$ мм. Скалывание заготовок проводилось по одной фронтальной плоскости (4), на заключительной стадии – по двум (2). Ударные площадки естественные (1) или подработаны краевыми сколами, скошены к контрфронт.

Отщепы (138) представлены изделиями из кварца, за исключением трех предметов из кремнистой, сланцевой и гнейсовой пород. Все кварцевые отщепы продольного контрударного расщепления. Их размеры варьируют от $15 \times 10 \times 3$ мм до $51 \times 31 \times 11$ мм. Большинство сколов имеют на спинке или боковых сторонах галечную корку.

Орудийный комплекс

Наконечник стрелы (рис. 44, 4) листовидной формы из неоднородного темно-коричневого кремня, размером $56 \times 20 \times 10$ мм. Поперечное сечение наконечника подовальное. Тело орудия обработано уплощающей встречной ретушью, по краю – краевой уплощающей ретушью. Насад подтреугольный, торец притуплен.

Отбойник изготовлен из небольшой кварцевой гальки размером $37 \times 27 \times 21$ мм. Рабочие края, определяемые по характерным забитостям, расположены на торцевых частях. От участка забитости на плоскость гальки идут сколы утилизации, простирающиеся вплоть до середины тела орудия.

Долотовидные изделия (5) выполнены из кварцевых отщепов. Четыре орудия однолезвийные, размер трех из них довольно стандартный, в пределах $24 \times 19 \times 9$ мм, четвертое крупнее – $54 \times 44 \times 7$ мм. Пятое долото – двухлезвийное, рабочие кромки

расположены на противоположащих сторонах заготовки. Лезвия всех орудий покрыты мелкими сколами и следами забитости.

Абразивная плита (рис. 52) представлена тремя кусками, один из которых был найден непосредственно на площадке точка, а два других – на восточной кромке заплывшего котлована жилища бронзового века. Плита подовальной в плане формы, из гранитоидной породы, размером $513 \times 246 \times 36-45$ мм. Края заготовки по периметру грубо обколоты. В качестве рабочей поверхности использовались обе широкие плоскости плиты. На одной из них фиксируются три продольных и одно диагональное желобообразные углубления шириной 35–45 мм при максимальной глубине до 35 мм. На обратной плоскости выражен один центральный продольный желоб и прилегающая к нему широкая, чуть вогнутая площадка. Обращает на себя внимание тот факт, что один край зон сработанности на этой плоскости приходится на поперечную сторону слома плиты. Не исключено вторичное использование обломанной части изделия во время функционирования жилища бронзового века, после чего она раскололась надвое по длинной оси.

Производственная площадка № 2 (рис. 51). Здесь сосредоточены предметы, связанные со стадией первичного расщепления, заготовки и отходы производства, а также орудия (всего 292 экз.).

Стадию первичного получения заготовок характеризуют *нуклеидные формы* из кварца (8). Размеры изделий варьируют от $25 \times 19 \times 12$ мм до $64 \times 34 \times 31$ мм. У ядрищ выделены ударные площадки – прямые горизонтальные или скошенные к контрфронт, естественные, покрытые галечной коркой. Плоскость расщепления фронтальная. На двух изделиях фиксируется подработка бокового ребра поперечными сколами.

Комплекс отходов и заготовок

Расколотые кварцевые и кварцитовые гальки (14), расщепленные в контрударной технике по длинной оси заготовки. Одна из них представляет собой расколотую форму и скол-позитив. В целом виде галька имела подпрямоугольно-уплощенную форму, ее размер $49 \times 42 \times 27$ мм. Для получения скола по ней был нанесен удар по диагонали. В результате получился первичный отщеп подовальной формы, размером $48 \times 34 \times 13$ мм. Имеется еще одна крупная галька миндалевидной в плане формы. Ее размер $162 \times 118 \times 75$ мм. Не исключено, что первоначально узкий конец заготовки служил рабочей зоной для массивного ударного инструмента. Впоследствии от этого края верхняя часть гальки с одной плоскости была оформлена поперечными сколами.

Отщепы (247) в подавляющем большинстве кварцевые (236), единичны кварцитовые (6) и из кремнистых пород (5). Основная часть кварцевых сколов-заготовок получена контрударной техникой. По форме выделяются заготовки удлиненной подпрямоугольной или овальной формы. У многих отмечается галечная корка на спинке.

Пластины (3 экз.) из кварца (2) и кварцита. Размеры изделий $18 \times 7 \times 3$ мм, $24 \times 6 \times 5$ мм и $23 \times 11 \times 4$ мм.

Пластинчатые отщепы (2 экз.) из кварца. Размеры изделий $43 \times 29 \times 7$ мм и $35 \times 15 \times 8$ мм. Оба получены в контрударной технике скола.

Сколы со шлифованных орудий (4) из сланца. Один предмет использован вторично, скорее всего в качестве оселка. Изделие имеет подпрямоугольную форму, размер $26 \times 14 \times 3$ мм. Все его плоскости являлись рабочими.

Орудийный комплекс

Отщепы с ретушью (2). В качестве заготовки одного из них использован кварцевый скол подтрапециевидной в плане формы размером $24 \times 17 \times 13$ мм. Крутой ретушью со спинки обработан продольный край по всей его длине. Второе изделие выполнено на первичном сколе из кремнистой породы (рис. 44, 2). Размер предмета $27 \times 12 \times 4$ мм. Краевой ретушью с брюшка оформлен продольный край заготовки.

Долотовидные орудия (10) выполнены из кварцевых отщепов подпрямоугольной и подчетыреугольной в плане формы. Их размеры варьируют от $23 \times 20 \times 10$ мм до $45 \times 31 \times 16$ мм. Они имеют по одному прямому лезвию, расположенному в торцевой части заготовок, оформленному двусторонней уплощающей ретушью.

Острие (рис. 44, 1) выполнено из отщепка светло-розового кремня. Размер изделия $18 \times 7 \times 3$ мм, форма в плане подпрямоугольная. Тело орудия обработано двусторонней встречной ретушью. Рабочий край притуплен краевыми сколами. Сработанность выражена в интенсивной скругленности выступающих участков поверхности торцевой кромки. Скорее всего инструмент использовался для сверления керамики.

Изделие из камня (подвеска?) (рис. 44, 5) сохранилось частично, выполнено из плитки светло-серой опоквидной породы. Размер предмета $22 \times 16 \times 4$ мм. Широкие плоскости изделия зашлифованы. Один из углов подтреугольный, выделен с боковых сторон желобками-пропилами (?).

Производственная площадка № 3 (рис. 51). Здесь сосредоточены ядрища, расколотые гальки, продукты расщепления и небольшое количество орудий (всего 133 экз.).

Нуклевидные формы (2) представлены кварцевыми гальками, с которых, без подготовки ударной площадки, проводилось их продольное расщепление на удлиненные заготовки. Размеры предметов $33 \times 21 \times 21$ мм и $41 \times 39 \times 28$ мм. Ядрища имеют фронтальные и фронтально-торцевые поверхности расщепления.

Из 6 *расколотых галек* 5 кварцевых и одна кремнистая. Три кварцевые гальки рассечены по длинной оси заготовки, одна обколота по периметру, а у другой отсечен торец. Кремнистая галька расколота вдоль.

Отщепы (115) в подавляющем большинстве кварцевые (111), также имеются один кварцитовый и три из кремнистых пород камня. Размеры сколов-заготовок варьируют от $20 \times 11 \times 4$ мм до $49 \times 39 \times 1$ мм. Преобладают изделия подпрямоугольной в плане формы. Техника скола контрударная. Практически все кварцевые отщепы имеют остатки галечной корки на спинке или боковых сторонах.

К числу заготовок отнесены три кварцевых *пластинчатых скола*, их размеры $20 \times 12 \times 3$ мм, $47 \times 24 \times 11$ мм и $52 \times 27 \times 10$ мм. Они также получены контрударным способом.

Кроме этого, в комплексе есть одна небольшая *целая кварцевая галька*, которую можно отнести к числу заготовок.

Орудийный комплекс включает скребок, долотовидные орудия и отщеп с ретушью.

Скребок (рис. 44, 3) концевой выполнен на кварцевом сколе. Размер изделия $17 \times 15 \times 5$ мм. Лезвие округлое, оформлено крутой ретушью со спинки.

Долотовидные орудия (4). Три изделия выполнены из кварцевых отщепов. Размеры изделий довольно стандартные: $22-26 \times 14-20 \times 7-9$ мм. Орудия однолезвийные, рабочие лезвия прямые, подработаны по кромке двусторонними уплощающими сколами. Четвертое орудие изготовлено из кварцевой гальки. Его размер $28 \times 29 \times 14$ мм, форма в плане подтрапезиевидная. Лезвие расположено на нижнем конце заготовки, кромка забита. Боковые стороны изделия обработаны на всю длину двусторонними краевыми сколами. Не исключено, что боковые стороны заготовки служили лезвиями долотовидного орудия.

Отщеп с ретушью имеет удлиненную подтрапезиевидную в плане форму. Размер изделия $40 \times 24 \times 7$ мм. Заготовка получена контрударным способом расщепления. На продольных краях отщепа со спинки фиксируется крутая краевая ретушь утилизации. Кромочная линия лезвий зубчатая.

Яма 13 (рис. 51) прослежена под полом жилища бронзового века. находки из объекта представлены 8 предметами. Изделия выполнены из кварца (7) и кремня (1).

Отщепы (6 экз.). Из них пять кварцевых, получены контрударным способом расщепления. Спинки заготовок полностью или частично покрыты галечной коркой. Форма

изделий овально-подпрямоугольная. Кремнистый отщеп является продольным сколом с нуклеуса.

Галька из кварца, расколота по длинной оси в контрударной технике.

Долотовидное орудие из кварцевого отщепа, размер 28 × 18 × 12 мм. Лезвие торцевое, прямое, подработано краевыми уплощающими двусторонними сколами.

Объекты и находки в раскопе IV

В раскоп IV (193 м²) вошли впадины № 3–4, возникшие на месте жилищ бронзового века, и межжилищное пространство (рис. 34). Изучение стратиграфии показало, что под впадиной № 3 бронзового века находился котлован постройки с боборыкинской керамикой. В свою очередь, последний прорезал культурный слой мезолитического времени. Самый поздний объект – очаг эпохи железа, перекрывающий отложения бронзового века.

В пределах впадины № 3, между слоями неолита и бронзового веков, обнаружены ямка от столба и хозяйственная яма, в заполнении которых находилась атымьинская керамика переходного времени. Это наблюдение и фрагментированность последней, сконцентрированной в обваловке жилища бронзового века и его заполнении, позволяют говорить, что здесь располагалось связанное с ней жилище. Скорее всего, оно было возведено в котловане неолитического сооружения, но полностью скрыто в бронзовом веке.

К сожалению, вычленение изделий из камня, связанных с атымьинской керамикой, осложнено смешанностью находок из-за многочисленных перекопов. Такой проблемы не возникает при работе с керамическим материалом, который в силу специфики легко отделяется от материалов неолита и бронзового века. В раскопе IV почти не представлена такая категория находок, как рыболовные грузила из керамики. Возможно, это обусловлено характером сооружений, функционировавших на данном месте в эпоху раннего металла.

Керамика атымьинского типа (рис. 53–54) происходит из восточной части раскопа и, как отмечалось выше, может быть связана с еще одним разрушенным жилищем. Коллекция включает фрагменты 30 стандартных и одного ладьевидного сосуда (рис. 53, 8). Они представлены 28 венчиками, двумя стенками и одним донцем. Материалы имеют целый ряд особенностей, демонстрирующих разнообразие комплексов переходного времени. Среди стандартных встречаются банки закрытой и открытой форм (соответственно 6 и 9 экз.), прямостенные емкости (6). Особенность данной коллекции проявляется в том, что в ней присутствуют два горшка (рис. 54, 3, 9) и две банки с плоским

дном (рис. 53, 5, 10). Меньшая из банок имеет изнутри круглое дно. На трех сосудах отмечены следы ремонта.

У 10 емкостей восстановлен диаметр по венчику, а у трех, кроме того, – высота. Первый параметр варьирует от 5,6 до 30 см, его среднее значение 16,3 см. Это самый низкий показатель из всех привлеченных для обработки коллекций переходного времени.

Для лепки использована глина с примесью песка, дресвы (мелкой кварцевой гальки и крошки) – 67,7%, шамота – 29%, в двух случаях добавлены кусочки охры. Средняя толщина черепков 4–6 мм, хотя встречаются стенки до 8 мм. Этот показатель может существенно варьировать. Так, например, банка с плоским дном вылеплена из лент толщиной от 3 до 7 мм (рис. 53, 10). Внешняя поверхность емкостей обычно хорошо заглажена или даже заложена, внутренняя тоже выровнена, но здесь видны следы затирки гребенчатым штампом.

Среди венчиков преобладают округлые и плоские. Последние имеют скос внутрь либо наружу. Волнистое оформление горловины не встречено. Венчики с карнизиком, свисающим внутрь, единичны (рис. 53, 8).

Стенки керамики покрыты плотным орнаментом, выполненным различными по форме гребенчатыми штампами (прямыми, арочными) и различными приемами (в технике печати и шага). Следующим по частоте использования штампом является круглая в сечении палочка. Глубокие ямочные вдавления оставляли на внутренней поверхности выступы – «жемчужины». На одном сосуде можно наблюдать использование сразу нескольких видов штампов, а также сочетание печатной и шагающей гребенки.

В расположении узоров на сосудах просматривается определенная зональность.

Орнамент у 11 емкостей расположен на внутренней стороне, в зоне под венчиком. Узоры просты – поясok из наклоненных вправо или влево отпечатков гребенки.

Венчики 19 сосудов покрыты орнаментом. В большинстве случаев это пояски гребенки, аналогичные помещенным с внутренней стороны горловины, а на трети венчиков отмечены зигзаги.

У всех сосудов выделяется зона под венчиком. Ее украшают пояски из наклонно или вертикально поставленных отпечатков гребенки (15 экз.), ромбическая сетка (5), единично – рассеченные соты (рис. 54, 9), поясok шагающей гребенки (рис. 53, 5), двойная линия арочек (рис. 54, 8).

Ниже этой зоны располагаются пояски из ямок (10 экз.). Многорядовые ямочные пояски зафиксированы на обоих горшках (рис. 54, 3, 9); в одном случае ямки образуют колонки, разделенные отпечатками арочного штампа. Ямки, расположенные в шахматном

порядке, соединяются гребенчатыми линиями, образуя комбинированные узоры в виде одинарных и двойных зигзагов (3) и ромбов (1). В двух случаях ямки заполняют ячейки ромбических сеток. На единичных банках ямочные пояски либо отсутствуют (рис. 53, 5), либо заменены глубокими вдавлениями гребенки (рис. 54, 3).

По орнаменту на тулове посуда делится на две группы: украшенную плотными монотонными узорами и геометрическими мотивами. Плотный декор на керамике первой группы разрежен поясками ямок (рис. 53, 9) и чередованием поясков гребенки в технике печати и шага (рис. 54, 6, 10). На одном из сосудов перемежаются пояски прямой и арочной гребенки (рис. 54, 11). На сосудах второй группы отмечена разбивка орнаментального поля различными вертикальными колонками или зигзагами (8 экз.). Обращает на себя внимание различие в построении колонок. Самые простые образованы отпечатками гребенки (рис. 53, 6). Для усложненных вариантов колонок, встреченных на крупном горшковидном сосуде, характерна оконтуренность арочными вдавлениями и зигзагами из прямых отпечатков, причем последние создают впечатление опускающихся сотовых фигур – вертикальных зигзагов с короткими ответвлениями от углов (рис. 54, 9). На других емкостях широкие колонки воспринимаются как прямоугольники (рис. 54, 4). Поля между колонками могут быть свободны от узоров или заполнены зигзагами и рассеченными сетками (рис. 53, 10; 54, 9). В качестве варианта построения колонок воспринимаются ответвления от опущенных краев арочных штампов (рис. 54, 8). К данной группе керамики относятся две банки. Одна из них сохранилась полностью (рис. 53, 5). На внешней ее стороне помещены пять зигзагов, поднимающихся от дна до горловины сосуда. Поля между ними заполнены шагающей гребенкой на стенках и поясками печатной гребенки в основании сосуда. Локальный участок придонной части емкости зашлифован – видимо он использовался в качестве абразива, однако наличие нагара изнутри указывает на приготовление в банке пищи. Другая банка, восстановленная графически, опоясана в средней части тулова двойным гребенчатым зигзагом, дополненным поясками из насечек (рис. 53, 1).

Днища сосудов – неважно, круглые они или плоские – обязательно украшались. Здесь размещены сетчатые узоры, многолучевые розетки или двойные параллельные линии, осложненные разнонаправленными поясками (рис. 53, 1, 5, 10; 54, 9, 10А, 11).

2.1.7. Поселение Волвонча I расположено в 4 км к СЗ от с. Кондинского одноименного района ХМАО–Югры Тюменской области. Мыс, занимаемый памятником, омывается водами оз. Деревенского и протокой Полымьятской. Оно открыто в 1977 г. директором Тобольского музея-заповедника А.В. Малышкиным [1978]. На его поверхности

была видна одна большая глубокая впадина с насыпью по периметру и опоясывающим ее ровом, который в условиях сильного половодья 1979 г. был подтоплен водой. В тот же год здесь проводились археологические раскопки под руководством Н.К. Стефановой [1979; 1980]. В раскоп (558 м²) вошла впадина, окружающая ее насыпь и частично ров. При исследованиях выяснилось, что объект возник на месте двух построек, относящихся к эпохе раннего металла (переходному времени и бронзовому веку).

Памятник интересен во многих аспектах. Во-первых, здесь изучено самое большое по площади жилище переходного времени от неолита к бронзовому веку, раскопанное на севере Сибири. Во-вторых, с этим жилищем связана большая коллекция керамики волвончинского типа. В-третьих, здесь получены радиоуглеродные даты. В-четвертых, на поселении установлено соотношение разновременных материалов эпохи раннего металла.

Котлован волвончинского сооружения имел подпрямоугольную форму (рис. 54), ориентирован по линии СЮ, его размер 16 × 13 × 0,8–0,9 м. Отсутствие очага может быть объяснено его разрушением при строительстве жилища бронзового века. Большая площадь постройки при ее незначительной глубине предполагает достаточно мощную несущую конструкцию. С ее остатками связаны наиболее глубокие (0,3 м и более) ямки, сгруппированные по две–три в ряд вдоль северного, восточного и южного бортов котлована. От последних столбы отстояли на 2–4 м. По-видимому, на них укреплялась подпрямоугольная рама, которая служила основой для сооружения наклонных стен и кровли. Снаружи стены присыпались грунтом, вынутым из котлована и канавы. Жилище было шатрового типа и выглядело со стороны как большой песчаный холм.

Вокруг жилища был вырыт ров шириной около метра, глубиной до 0,5 м. В ЮВ углу ров прерывался, образуя проход шириной 6–7 м и небольшую площадку. Очевидно, здесь находился выход из дома.

Из жилища происходит внушительная по численности коллекция керамики волвончинского типа [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 61]. В один комплекс с нею входят рыболовные грузила из глины. Находки залегают в пределах котлована или рядом с ним.

Волвончинский комплекс включает свыше 300 сосудов (рис. 55–63), выделенных по венчикам. Это преимущественно круглодонные банки, делящиеся по степени наклона стенок на закрытые – 63 экз. (82,9%), с прямыми стенками – 9 (11,8%) и открытые – 3 (4%). Встречены также ладьевидная и многоугольная чаши (рис. 58, 1, 3), тарелка (рис. 60, 3).

У 63 сосудов замерены диаметры устья, у 20 – высота. Как правило, первый параметр превышает второй. Диаметры венчиков варьируют от 5,5 до 41 см (среднее значение 25,6 см). В группе малых сосудов (рис. 61) насчитывается 27 экз. (42,9%), к крупным отнесено

36 (57,1%). Больше половины всех венчиков приостренные, часто со скосом во внутрь, примерно треть – плоские и уплощенные. Одна из распространенных черт – наплывы с внутренней стороны венчиков. Нередко устье сосудов деформировалось при орнаментации и приобретало неровную поверхность, хотя в отдельных случаях волнистое оформление среза венчика проводилось намеренно. Толщина стенок сосудов в среднем 6–7 мм. В тесте содержится примесь шамота, встречаются фракции лимонита и небольшое количество дресвы. Сквозь хорошо заглаженные участки поверхности проступают следы черновой зачистки стенок грубыми предметами.

Посуда предельно насыщена орнаментом. Он располагается на всей внешней поверхности стенок, прослеживается на венчиках (в 20 случаях из 76), отмечен на внутренних стенках отдельных сосудов. При орнаментировании использовались гребенчатый и гладкий штампы (рис. 57, 4; 57, 3, 6; 61, 1, 3, 5–7), круглая палочка, встречены вдавления пальцев и ногтей. Частота использования в орнаменте ямок достигает 19,2%. Свообразие декору придают глубокие наколы гладкого и гребенчатого штампов. Единичны на посуде «жемчужины» и прочерчивание палочкой (рис. 60, 1; 61, 7).

У большинства сосудов выделена зона под венчиком – поясok прямо и наклонно поставленных отпечатков штампов. Гребенчато-ямочные пояски в зоне под венчиком, столь характерные для атымьинской посуды, встречаются на них реже (рис. 58, 5; 263). На тулове узоры из 1–2 широких горизонтальных бордюров, заполненных отпечатками штампов. Меньшая часть этих узоров построена на основе рассеченных сеток с прямоугольными, ромбическими или сотовыми (простыми и сложными) ячейками (рис. 59, 1, 6; 60, 1; 63–64). Несетчатые фризы часто рассечены колонками из одного или нескольких вертикальных поясков наколов, ямок (рис. 56, 1, 3; 57, 1, 3–4; 61, 3; 61). Ямки могут быть соединены гребенчатыми отпечатками и выглядеть как один комбинированный узор (рис. 56, 3; 59, 1, 5–6). Наколы и ямки, расположенные в шахматном порядке, выступают в качестве разделительных зон между отдельными горизонтальными мотивами (рис. 56, 1, 3–4; 57, 2–3; 58, 2, 5–6; 59, 3, 6–7; 60, 1–2; 61, 1, 7; 62–64). Привнесение в широкие бордюры колонок, выполненных наколами штампов, значительно разнообразит композиции на ненарядной посуде. Нарядная керамика, как и прежде, украшена вертикальными колонками, чередующимися со свободными полями (рис. 56, 2) и рассеченными сетчатыми узорами (рис. 59, 1–2, 5; 60, 1; 61, 2; 63–64), заполняющими боковые стенки. Вместе с тем очевидна тенденция к снижению доли колонок в орнаменте и преобладанию полосовых мотивов.

На керамике Волвончи I известны антропо- и зооморфные изображения. Те и другие размещены на внутренних и внешних стенках сосудов, украшенных геометрическими фигурами, и органично включены в сложные орнаментальные композиции [Кокшаров, 1990, с. 4-28]. Антропоморфы выполнены гребенчатым штампом в контурно-плоскостной манере, в так называемом скелетном стиле (рис. 30, 3–4; 63–64). В зооморфных изображениях угадываются некоторые виды животных, в основном пресмыкающихся. Гады представлены двояко: в контурно-плоскостной и объемной манере. В первом случае это двойные (полые) или одиночные гребенчатые вертикальные зигзаги, восходящие по внутренним и внешним стенкам (рис. 58, 4; 62). Объемные изображения более реалистичны. Змеи, ползущие к устью сосуда, выполнены из сплюснутых жгутов глины, налепленных на внешней поверхности (рис. 30, 2). Тела животных покрыты гребенчатыми поясками. Скульптурное изображение животного находится в узкой части овальной чаши. Его голова, обращенная внутрь емкости (рис. 57, 3), близка по исполнению образу на сосуде с Атымьи IV (рис. 12, 12).

Рыболовные грузила, сопутствующие рассмотренной керамике, представляют собой обожженные глиняные палочки с притупленными концами, имеющие в поперечном сечении овальную форму. В коллекцию входят фрагменты не менее 15 предметов. Длина целых изделий 110 мм, диаметр до 25 мм (рис. 60, 5–6).

В процессе исследования памятника выяснилось, что в подстилающих слоях памятника, разрушенными волвончинским жилищем и окружающим его рвом, залегают другие находки переходного времени – керамика ушьянского и атымьинского типа.

Ушьянская коллекция включает не менее 35 круглодонных сосудов баночной формы, обломки которых сосредоточены в погребенной почве в юго-восточной части раскопа. Их отличает от прочей керамики переходного времени тонкостенность (3–4 мм) и орнамент, нанесенный концом круглой палочки, короткими гребенчатыми штампами, включая так называемые рамчатые. Композиции довольно просты. В зоне под венчиком обязательны поясок ямок, «жемчужин» или сквозных ямок. Внешние стенки покрыты монотонными узорами в виде наклонно поставленных отпечатков штампов или многорядовых горизонтальных линий. Сплошные поля разрежены одиночными или двойными зигзагами.

Атымьинская керамика, представленная обломками 15 сосудов и шести грузил, также не связана ни с какими сооружениями. Находки имеют плохую сохранность, что также подтверждает их более древний возраст.

2.1.8. Поселение Енья 12 расположено в 47,5 км к ЮЮВ от г. Югорска в Советском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Оно находится на левом берегу р. Большая Енья, которая через 2,1 км сливается с Малой Енией, образуя р. Енья. Последняя втекает в оз. Арантур после чего впадает в Конду. Раскопками 1993–1994 гг. исследовано 218 м² культурного слоя и выявлен неизвестный тип керамики переходного времени, определенный как *еныйский* [Стефанов и др., 2005, с. 70].

В ходе исследований почти полностью раскопана жилищная впадина 2 и установлен более ранний возраст еныйской керамики по отношению к атымьинской [Там же, с. 50, 52].

Посуда еныйского типа связана с котлованом сооружения, проявившегося практически над уровнем грунтовых вод (рис. 65). Он имел подпрямоугольную форму, ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ, его размер 8 × 6,8 × 1,2 м. С постройкой связаны остатки очага, располагавшегося у западной стенки. Это пятно буро-коричневого цвета, вытянутое по оси СВ–ЮЗ, размером 2,4 × 0,8–1,6 × 0,15 м.

Керамика еныйского типа (рис. 19, 9–11) представлена обломками 83 сосудов. Это емкости полуяйцевидной формы с округлыми и в некоторых случаях со слегка уплощенными днищами. Стенки в верхней части слегка загнуты внутрь или имеют почти вертикальный профиль, экземпляры открытых форм редки. Около 65% сосудов имеют волнистый или полого-волнистый венчик, их срезы, как правило, приостренные, редко – округлые. Заметно преобладают венчики, скошенные симметрично на обе стороны. Почти на всех экземплярах под венчиком имеется утолщение до 13–14 мм, тогда как толщина стенок достигает 4–6 мм, редко превышая 8 мм. Диаметр по венчику установлен у 22 сосудов: у двух он составляет 12–13 см, у 14 сосудов – 21–38 см, у 6 сосудов – 44–56 см. В формовочной массе фиксируются фракции шамота, кусочки охры и овальные пустоты диаметром до 2 мм, оставшиеся от выгоревшей органики. Поверхность стенок заглажена мягким предметом и пальцами, внутренняя подвергалась дополнительной (по подсушенной глине) обработке твердым инструментом. После этого она приобретала своеобразный «желобчатый» микрорельеф и блеск.

Орнамент выполнен гребенкой в технике печати (100% сосудов), своеобразного отступления (около 85%) и шага (5%). Зачастую перечисленные приемы встречаются на одном сосуде. В зоне под венчиком обязательно располагался один (и не более) прямой или волнистый поясок ямок. Ямки наносились таким образом, что на обратной стороне – внутренней или внешней – образовывались «жемчужины». Иногда круглой палочкой выполнялись сквозные отверстия. На некоторых экземплярах отмечены отпечатки ногтей.

Среди орнаментальных мотивов доминируют горизонтальные многорядовые волнистые пояски, выполненные в отступающей технике гребенчатым штампом с изогнутым или прямым краем. В той же технике нанесены волны или горизонтальные линии в верхней половине (около 57% случаев) или в верхней трети (27%) тулова большинства сосудов. Узоры между рядами волн выполнены исключительно в штампованной технике. Сосуды с геометрическими фигурами (взаимопроникающие треугольники, ромбы, паркетный узор, сетка) немногочисленны и составляют чуть более 10%. Днища украшены узорами в виде сетки, параллельными линиями и розетками.

Керамика атымьинского типа связана с поздним жилищем (рис. 65). Оно имело подпрямоугольный котлован, ориентированный в направлении ССВ–ЮЮЗ, размером 8–8,4 × 7,6–8 × 1 м (~64 м²). Вдоль стен котлована отмечено несколько канавок, мелких и неглубоких ямок. Пол сооружения был посыпан охрой. Предполагается, что жилище имело каркасно-столбовую конструкцию [Стефанов и др., 2005, с. 52]. Стены котлована укреплялись деревом, а основание стены опускалось в канавки. Долговременный характер постройки устанавлен по обилию вещевого материала в котловане и на прилегающих к нему участках.

Атымьинская коллекция (рис. 67, 1, 3, 5–6, 8–9) насчитывает около 100 сосудов. Это емкости полуяйцевидной формы со слегка закрытым устьем, округлым или округло-коническим дном. Две из них имели плоское дно. Основу комплекса составляют сосуды с диаметром по венчику от 18 до 28 см. Кроме того, в комплексе имеются миниатюрные чашечки диаметром 6–7 см, высотой до 4 см и очень крупные емкости диаметром 35–40 см, высотой до 40 см. Окружность по венчику и высотный показатель примерно равны. Отклонения редки, в таких случаях сосуды приобретают вытянутую или приземистую форму (рис. 67, 3–4). Маленькие или миниатюрные сосуды более вариабельны, но среди них преобладают чашечки с полусферическим или округло-коническим профилем. Керамику отличает тонкостенность (4–6 мм). Это достигалось, вероятно, особой рецептурой глиняного теста. Оно представляет собой однородную хорошо промешанную массу с почти неразличимыми примесями. В качестве таковых отмечен мелкотолченый шамот, охристые частицы и, может быть, мелкий гравий (крупнозернистый песок). Не исключено, что последний мог быть естественной примесью. Внешние стенки – гладкие, на внутренних, заглаженных грубым предметом, сохранились расчесы.

Декорирование проводилось гребенчатыми штампами, различающимися конфигурацией рабочей поверхности, формой нарезки и количеством зубцов. Авторы публикации отмечают двузубую гребенку (т.н. копытный штамп) и арочный (чешуйчатый)

орнаментир, использованный при декорировании 7 сосудов (рис. 67, 1). Печатная техника – ведущий технический прием; не менее чем на 18 сосудах имеются следы шагающей гребенки (рис. 67, 9). Оба приема дополняют друг друга.

Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Примерно у половины сосудов украшен венчик и зона под венчиком с внутренней стороны. На срезе венчика помещены пояски наклонных отпечатков гребенки. В зоне под венчиком – как изнутри, так и снаружи – обычны ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа или, реже, шагающей гребенки, а также зигзаги. На внешних стенках ниже поясков размещены комбинированные гребенчато-ямочные узоры. Ямки, расположенные в шахматном порядке и соединенные гребенчатыми отрезками, образуют решетки, зигзаги и иные геометрические фигуры (рис. 67, 5–6, 8–9). Они отмечены в декоре на 80% сосудов, за исключением малых и миниатюрных емкостей. Глубокие ямки образуют на противоположной стороне стенок «жемчужины». В исключительных случаях ямки не связаны между собой вдавлениями гребенки и выступают как самостоятельные мотивы.

По характеру композиций в средней и нижней частях тулова посуда может быть условно разделена на две подгруппы. Для первой характерны однообразные узоры из многократно повторяющихся полос шагающей гребенки, вертикальных и/или наклонных оттисков зубчатого штампа (рис. 67, 9). Они перемежаются с поясами косой решетки, зигзагов и арочного штампа. Орнаментальные мотивы на керамике второй подгруппы построены по аналогичной схеме, но включают геометрические фигуры, придающие ей праздничность и нарядность. Довольно большую часть (около 15% от общего количества) составляют сосуды, в орнаменте которых присутствуют вертикальные столбцы (рис. 67, 6). Мотивы, составленные из геометрических фигур (треугольников, сеток из ромбических, прямоугольных, шестиугольных сотовых ячеек и ленточных зигзагов) встречаются реже (рис. 67, 1, 5, 8), хотя в совокупности их удельный вес достигает 7–8%.

Днища украшены многолучевыми розетками, вдавлениями арочного штампа и сетками (рис. 67, 1А, 3, 6А, 8А).

Предположительно с керамическим комплексом связаны биконические рыболовные грузила (4 целых и обломки от 6–7 экз.), а также керамическое изделие, напоминающее по форме пряслице. Размеры целых грузил 67–81 × 23–35 мм (рис. 67, 7). Они вылеплены из глины близкой по структуре керамике. Пряслице (?) овальное в разрезе с отверстием в центре имело круглую форму диаметра 45–47 мм, (рис. 67, 2). Поверхность предмета покрыта гребенчатым орнаментом в виде сетки.

2.1.9. Поселение Пашкин Бор VI расположено в 12 км к ЮВ от с. Кондинского в одноименном районе ХМАО–Югры Тюменской области. Оно занимает участок высокого (15–20 м) правого берега протоки Пашкиной в бассейне р. Конды. В 1980 г. Н.А. Алексащенко заложен раскоп площадью 192 м². Коллекция включает посуду атымьинского типа и каменный инвентарь [Алексащенко, 1980; Кокшаров, 2009А, с. 121–122].

Каменный инвентарь (59 экз.) однороден по составу сырья: это исключительно сургучно-зеленая яшма. Многие сколы и изделия имеют остатки желвачной корки. Данное обстоятельство позволяет рассматривать памятник как производственную площадку.

Продукты первичного расщепления камня и его вторичной обработки включают нуклевидные куски (2 экз.), продольные и поперечные сколы (5), ребристую пластину и пластины неправильного ограничения (7), чешуйки (20) и мелкие отщепы (13).

Орудия представлены скребками, резцами и долотовидным изделием.

Скребки (6) – аморфной формы, соответствуют конфигурации отщепов-заготовок. Вторичная обработка минимальна: ретушью, нанесенной со спинки, оформлялось лишь одно округлое лезвие.

Резцы (2) выполнены на пластинах, относятся к типу угловых. Размеры 30 × 9 × 4 и 31 × 19 × 5 мм.

Долотовидное орудие имеет подпрямоугольную форму и одно прямое лезвие, расположенное на узкой стороне отщепа. Рабочая кромка характеризуется изломами. Размер предмета 23 × 18 × 7 мм.

2.1.10. Поселение Карым IX расположено в 500 м к Ю от с. Карым в Кондинском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Оно находится на левом берегу эпонимной реки, впадающей в Юконду, северный приток Конды. Памятник открыт В.Н. Чернецовым. В 1978 г. он осмотрен А.И. Петровым, открывшим здесь 9 самостоятельных археологических объектов [Петров, 1978; Кокшаров, 2009А, с. 122–123, рис. 67, 2–4]. В.Т. Галкин заложил на поселении раскоп площадью 196 м², которым изучена жилищная впадина с посудой атымьинского типа (рис. 68, 2–4) и биконическими грузилами. Культурный слой переходного времени перекрыт напластованиями железного века [Галкин, 1983].

2.1.11. Поселение Сумпанья II расположено в 8 км к З от пос. Ягодного в Кондинском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Оно находится на правом берегу р. Сумпанья, в 0,5 км от ее впадения в оз. Сатыгинский Туман. Памятник открыл и изучал Л.П. Хлобыстин. Вскрытая площадь составила 71 м². Сюда вошла видимая на поверхности

впадина, возникшая на месте постройки с керамикой атымьинского типа (рис. 9, 2). Из культурного слоя происходят каплевидные подвески, шлифованное тесло и нож [Хлобыстин, 1967; Он же, 1980]. Материалы не опубликованы.

2.1.12. Поселение Леуши XIX расположено в 1,5 км к СВ от д. Леушинки в Кондинском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Оно занимает участок первой надпойменной правобережной террасы р. Леушинки, впадающей с юга в оз. Леушинский Туман. Памятник открыл и раскапывал сотрудник Тобольского пединститута Г.П. Визгалов [1988, с. 50; Кокшаров, 2009А, с. 123]. В раскопе II (160 м²) прослежены остатки жилища 2 с волончинской керамикой.

Котлован жилища 2 (рис. 69) имел подпрямоугольную форму, ориентирован длинными сторонами по линии СЮ, его размер 9,6 × 8 × 0,9 м. Выход в форме выступа обращен на запад, в сторону реки. Очаг и ямки от столбов отсутствуют [Визгалов, 1986]. В жилище обнаружено ~3000 обломков сосудов волончинского типа (рис. 70). Представление о находках можно получить из статьи Е.Г. Фильчакова [1989, с. 3–12].

2.2. Поселения Нижнего Приобья

Длительное время в Нижнем Приобье не велось целенаправленного изучения древностей переходного времени от неолита к бронзовому веку. Не удивительно, что территория в разы уступает Кондинской низменности по количеству выявленных памятников (20 против 221). Если учесть, что исчерпывающие публикации раскопанных поселений стали выходить лишь с начала 1990-х гг., то объяснимы заблуждения археологов по поводу облика северных материалов (отдельных типов памятников или керамики). Исходя из этого, приоритетное внимание в работе уделено раскопанным объектам, на которых выявлены остатки сооружений и связанные с ними коллекции находок.

Интересующие нас поселения известны на правых и левых притоках Нижней Оби – в бассейнах рр. Казым, Северная Сосьва и Сыня. К числу интереснейших объектов на Казыме относятся поселения Амня IA, II и Каксинская Гора 3. В Ляпинско-Сосьвинском Приобье к таковым относятся поселения Сартынья I, Хулюм-сунт I и Ясунское.

Несмотря на немногочисленность, оригинальный облик находок позволяет говорить о наличии в Нижнем Приобье эталонных комплексов интересующего нас времени. Эти материалы дают возможность спрогнозировать облик других древностей переходного времени в бассейне Оби и выстроить памятники в хронологические цепочки. Они чрезвычайно важны для понимания исторических процессов, протекавших не только на

севере региона, но и на сопредельных с ним территориях. Вместе с тем неординарность материалов создает определенные трудности в установлении их культурной и хронологической принадлежности.

2.2.1. Поселение Амня IА расположено в Белоярском районе ХМАО–Югры Тюменской области, в 6 км восточнее пос. Казым. Оно находится на правом, коренном берегу р. Амни (левый приток Казыма), в 0,7 км к СВ от речного русла. Памятник возник на площадке неолитического городища, получившего название Амня I. Оно занимает оконечность мыса боровой террасы высотой 7 м, окруженного верховым болотом. В 1987–1989 гг. раскопками изучено ~400 м² памятника [Стефанов, Морозов, 1993, с. 145].

К поселению переходного времени отнесены жилище, построенное в котловане неолитического сооружения 1, и остатки кострища на межжилищном пространстве.

Оба жилища ориентированы по линии СВ–ЮЗ. Основание поздней постройки, посыпанное слоем охры, расположено на 0,4–0,6 м выше пола неолитической (рис. 71). Котлован первой составлял 8,4 × 8,4 × 0,8–1 м [Стефанов, Морозов, 1992, с. 77]. Выход располагался в середине северо-восточной стены. Спуск в жилище оформлен в виде ступеньки высотой 0,25 м. Перед входом находился пристрой размером 3 × 2 × 0,5–0,6 м. С его конструкцией связаны ямки от столбов по сторонам от входа [Там же, с. 79].

В центре помещения располагалось кострище (2 × 1,8 × 0,12 м). Вдоль трех стен прослежены остатки земляных нар (?) шириной до 1,2 м, приподнятых над полом на 0,26 м. Местами они перекрыты настилом из сосновой древесины. В углах лежали 4 сосуда.

По расположению остатков сгоревших конструкций воссоздан облик сооружения. Котлован, где находилась углубленная часть дома, был обшит жердями или плахами в один или два слоя [Стефанов, Морозов, 1992, с. 77, 79]. Крыша, видимо, была четырехскатной. Ее остов составляли четыре установленных наклонно бревна или жерди, нижними концами упирившиеся в землю по углам верхнего края котлована. Верхние соединялись в квадратную или прямоугольную раму, где находилось дымовое отверстие, служившее одновременно окном. Крыша покрывалась жердями, застилалась берестой и, возможно, пластами дерна, затем засыпалась землей.

В 6 м к северу от сооружения обнаружено кострище. Авторы раскопок не приводят его размера, но указывают на насыщенность очажного слоя мелкими обожженными косточками и шлаками красноватого цвета [Там же, с. 79].

Коллекция керамики (рис. 71–72) включает ~800 фрагментов от 18 круглодонных сосудов. Это закрытые банки, слабопрофилированные горшки и индивидуальные емкости.

Среди группы стандартных сосудов выделены крупные (диаметр по венчику 38–39 см и примерно такая же высота), средние (диаметр по венчику 19–20 см, высота 21–24 см), и несколько сосудов меньших размеров. Количественно преобладает посуда средних размеров [Там же, с. 82].

Нестандартная посуда включает четыре овальных чаши (рис. 72, 2) и одну четырехугольную емкость. У трех из них днища округлые, в одном случае уплощенное. На углах четырехугольного сосуда размещены изображения звериных голов (рис. 72, 1).

Для лепки использована глина с естественной примесью песка, содержащая добавления шамота, дресвы, жженой кости и, видимо, растительных примесей [Там же, с. 81–82]. Комплекс отличает тщательность выделки и тонкостенность.

Для рассматриваемого комплекса характерно своеобразное оформление венчиков сосудов: среди них есть округлые, приостренные, но чаще они несколько утолщенные со скошенным наружу (в виде карнизика) или внутрь краем, в результате чего образуется ребро.

Внешние стенки посуды перенасыщены орнаментом. При декорировании использованы различные виды гребенчатого штампа: обычный прямой формы – 100%, дуговидный арочный или чешуйчатый – 47%. Довольно часто встречается шагающая гребенка (70%). Из-за малого шага она нередко воспринимается как проташенная. В верхней части практически всех сосудов имеются пояски ямок. Глубокие вдавления круглой палочки образуют на внутренней стороне стенок выступы – «жемчужины».

В расположении орнамента прослеживается определенная зональность: выделяются венчик и зона под венчиком, стенки сосудов (плечики и тулово) и дно.

Венчики украшены наклонными поясками короткого прямого гребенчатого штампа или сгруппированных арочных отпечатков. В зоне под венчиком отмечен узор в виде сетки (рис. 73, 1). Эта зона отделена от орнамента на стенках поясками ямок. Они вытянуты в одну или несколько линий, располагаясь в шахматном порядке.

Узоры на стенках представляют собой широкие бордюры в виде взаимопроникающих фигур (рис. 72, 8–9, 12; 73, 2), прямоугольников и параллелепипедов (рис. 73, 1–2, 6), сеток (рис. 72, 5–7, 11; 73, 2), полей из вертикально и горизонтально расположенных гребенчатых отпечатков. В некоторые поля включаются геометрические фигуры в виде ромбов с сетчатым заполнением (рис. 72, 5–6). На одном из горшков в трех фризах помещены стилизованные изображения млекопитающих, обращенных мордами вправо (рис. 73, 1, 3–5). Бордюры отделены друг от друга либо поясками шагающей гребенки, либо многорядовыми (от 4 до 8) арочными отпечатками.

Днища украшены сетками и бессистемными отпечатками прямых и чешуйчатых штампов (рис. 72, 2; 73, 6А).

На стенке одного из индивидуальных сосудов помещен гребенчатый зигзаг (рис. 71, 1) – мотив, отсутствующий на посуде основной группы [Там же, с. 83].

Каменный инвентарь. К сожалению, перестройки привели к смешиванию одновременных материалов, поэтому находки довольно сложно отделить [Там же]. Особенности комплекса приведены в *табл. 1*.

Источниками сырья служили местные галечники, в основном это кварц стекловидный и молочно-белый, сланцы глинистые и серицито-кварцевые, микрогаббро, габбродиабаз и др. [Там же, с. 84]. Исходной формой заготовок являлись отщепы различных размеров и форм, большей частью снятые с кварцевых галек.

На отщепах изготовлены *скребки* с полукруглым, обработанным притупленной ретушью рабочим краем, сильно заглаженным в процессе работы, и *скобели*. Из изделий выделяется *острие* из отщепа подтреугольной формы, рабочая кромка орудия обработана по двум граням мелкой ретушью.

На небольшой кварцевой гальке изготовлено *долотовидное орудие* (28 × 23 × 13 мм). Лезвие имеет двустороннюю обработку и сильную забитость.

Наконечники стрел (3 экз.). Два из них кремневые, обработанные двусторонней ретушью. Сохранившийся экземпляр имеет иволистную форму, его размер 34 × 11 мм. Шлифованный наконечник представлен фрагментом острия. Предмет имел продольные желобки на обеих плоскостях [Стефанов, Морозов, 1992, с. 85].

Тесло с симметрично сужающимся лезвием и выделенной обушковой частью. Орудие полностью зашлифовано.

Продольный скол с небольшого тесла с четко оформленными боковыми гранями и выделенным асимметричным лезвием [Там же].

В жилище переходного времени найдено довольно много небольших *оселков*, крупных и средних размеров шлифовальных плит. К комплексу относятся также три *каменные плитки* удлиненных пропорций, края которых обработаны сколами и ретушью практически по всему периметру. Судя по заметной стертости и легкой зашлифовке продольных граней, данные предметы выполняли функцию пилы.

Отбойники и наковаленка выполнены из кварцевых галек [Там же].

Шлаки красноватого цвета найдены в заполнении кострища, находящегося в 6 м к северу от жилища. Они могли образоваться при обжиге лимонита в процессе получения красящего пигмента – охры [Там же, с. 79, 85].

2.2.2. Поселение Амня II расположено на правом берегу р. Амня в 6 км к востоку от пос. Казым. Оно находится с напольной стороны к городищу Амня I и включает 9 впадин.

Раскопом площадью 56 м² изучены остатки жилища (рис. 73). Его котлован имел размер 5,4 × 3,7–4,4 × 0,75 м (~20 м²). Расположение выходов устанавливается по двум коридорообразным выступам, находящимся в середине северной и южной стенок котлована. Размер северного выступа, ориентированного в глубину террасы, 1,9 × 1,2 м. Южный выступ обращен к болоту, его длина 1,15 м, ширина 1 м [Стефанов, 2001, с. 35].

Ровный пол подсыпан охрой. Его окрашенность неравномерная, много краски в центре постройки, перед выходами и в юго-западном углу объекта. За пределами котлована пигмент встречается редко, маленькими локальными пятнами. Периметр котлована оконтурен канавкой шириной 0,1–0,28 м, глубиной 0,15–0,24 м. В разрезе она конусовидная. Узкие канавки ограничивали также коридорообразные выступы входов.

Очаг располагался в центре помещения. Он помещен в углублении овальной формы, размером 0,44 × 0,52 м. Глубина ямы ниже уровня пола на 0,35 м. Она заполнена бурым песком, с включениями угольков, частиц охры, мелких кальцинированных косточек. Ее стенки пологие, дно округлое [Там же].

Как отмечает В.И. Стефанов, *«очевидных свидетельств того, что пол имел какое-то покрытие (доски, жерди, береста и т.п.), не зафиксировано, но, судя по косвенным данным, оно существовало. Песчаные стенки котлована были укреплены деревом, основание деревянной обшивки опускалось в канавку»* [Там же, с. 36].

Находки представлены обломками керамики, немногочисленным каменным инвентарем и кальцинированными косточками.

Коллекция керамики (рис. 74, 5–9) включает ~360 фрагментов от 7–8 сосудов с круглым дном, пять из которых восстановлены графически. Крупные экземпляры (диаметр по устью до 37–38 см) – это банки закрытой формы, небольшие емкости имеют открытую форму. В глине видны примесь дресвы, шамота и жженных костей. Толщина стенок от 6 до 8–9 мм. Венчики уплощенные, с внутренней стороны (ниже устья сосудов) имеется утолщение. Снаружи емкости гладкие, стенки крупных сосудов изнутри заглажены грубым шпателем, образующим характерные расчесы [Там же, с. 39].

Стенки сосудов сплошь орнаментированы (рис. 75, 7–9). Снаружи, в зоне под венчиком, нанесены ямки, собранные в горизонтальные пояски; глубокие вдавления образуют на внутренних стенках «жемчужины». Тулово посуды покрывают пояса

горизонтальных, вертикальных и наклонных поясков шагающей гребенки. На единственном восстановленном сосуде (рис. 75, 8) ямки сгруппированы по 5–6 и 8 в ряду, а поверх монотонных рядов гребенчатой качалки нанесены либо горизонтальные (сдвоенные), либо вертикальные оттиски гладкого штампа. На стенке маленькой чашечки видны две короткие линии, другой малый сосудик орнаментирован шагающей гребенкой (рис. 75, 5–6).

Коллекция каменного инвентаря из жилища состоит из 63 предметов (табл. 1). Изделия из кварца составляют в ней 77,7%, из сланца – 9,5%. В коллекции есть предметы, отражающие стадию первичного расщепления камня (ядрища, заготовки, отходы производства) и орудия. Несмотря на присутствие первых, основной цикл первичного расщепления осуществлялся за пределами постройки [Там же, с. 37].

Нуклевидные формы представлены сработанными нуклеусами (3 экз.) и крупными сколами с негативами последующих снятий отщепов ударным способом (2 экз.).

В комплексе 7 морфологически выраженных орудий, большинство из них предназначено для разовых операций.

Концевой *скребок* с дополнительным боковым лезвием выполнен на первичном кварцевом отщепе. Рабочий край оформлен ретушью и имеет зубчато-выемчатую кромку.

Долотовидные орудия (2 экз.). Одно подпрямоугольное, изготовлено из отщепа. Два (?) рабочих лезвия расположены на широких гранях предмета и подработаны с одной плоскости краевой ретушью; профиль лезвий желобчатый (рис. 75, 2). Другое долото – клиновидной формы, изготовлено из расколотой гальки; лезвие дополнительно подработано плоскими краевыми сколами (рис. 75, 1).

Отщеп с ретушью имеет подтреугольную форму. Рабочий край расположен ближе к острию и фиксируется по краевой ретуши утилизации.

Наконечник стрелы изготовлен шлифовкой из сланцевой плитки. Форма изделия иволистная, часть насада и кончик острия сломаны; поперечное сечение – линзовидное.

Абразив из сланцевой плитки с тремя обрабатываемыми поверхностями. Приоритетно использовалась одна из плоскостей, судя по следам изношенности – для заточки предметов игловидной формы, возможно, из кости или рога. На другой плоскости видны следы, связанные со скоблением, причем направленность износа идет со стороны нерабочей поверхности.

Наковальня-терочник представляет собой гальку подпрямоугольной формы. Четыре боковые плоскости использовались в качестве наковальни, а две противоположащие – как абразивы.

Фаунистические остатки представлены 170 кальцинированными косточками, происходящими с пола жилища. Среди находок имеются фрагменты лопатки, лучевой, берцовой, фаланги II, грифельной кости северного оленя (5/1), фаланга I и грифельная кость лося (2/1), по одной кости птицы и рыбы; возможно, две кости принадлежали бобру [Стефанов, 2001, с. 36, 38].

2.2.3. Поселение Каксинская Гора 3 расположено на правом берегу р. Амня (левый приток Казыма), в 6 км к востоку от поселка Казым в Белоярском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Памятник находится в основании длинного узкого мыса, оконечность которого занимает средневековое городище Каксинская Гора I.

В раскопе (148 м²) выявлены остатки четырехугольного котлована жилища, углубленного от уровня древней поверхности на 0,4–0,7 м (рис. 76). Стены ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Протяженность стен неодинакова: длина северо-западной стены 6,8 м, северо- и юго-восточной – 8,1 м, юго-западной – 9,5 м (~68 м²). Пол посыпан охрой. Оттенки краски варьируют от бледно-розового до бордового [Морозов и др., 2001, с. 26].

Дно котлована по периметру ограничено канавкой шириной 0,1–0,2 м, глубиной до 0,3 м. В сечении она конусовидная или полуовальная. В центре постройки находился песчаный материковый останец подпрямоугольной формы размером 1 × 0,9 × 0,1 м. Судя по сохранности, он был облицован досками или жердями. Авторы статьи склонны рассматривать данную платформу в качестве остатков очажной площадки: *«Огонь, по-видимому, разводили на вымостке (навале), состоявшей из более или менее крупных камней. Несколько таких булыжников, явно подвергшихся термическому воздействию, найдены в котловане жилища и около него»* [Там же]. На полу расчищены также два углубления, использовавшиеся, вероятно, для хозяйственных нужд.

С конструкцией постройки связано около 25 ямок от столбов.

Исследованный объект реконструирован как полужемляночный дом каркасно-столбовой конструкции. Опорой стен и перекрытия являлись расположенные вдоль стен и по углам котлована столбы, связанные в верхней части в прямоугольную бревенчатую раму. Стены были наклонены к центру, их основание находилось за пределами котлована. Нижняя часть стен, упирившихся в землю, располагалась на расстоянии 0,51–1 м от краев углубленной части жилища, а верхняя часть опиралась на раму. Снаружи стены присыпались песком. Песчаные стенки котлована укреплялись деревом, основание деревянной обшивки опускалось в канавки. Вероятно, пол имел какое-то покрытие. Вход мог находиться в северо-западной или северо-восточной стене [Там же, с. 27].

Находки представлены керамикой, каменным инвентарем и примерно десятком кальцинированных косточек.

Коллекция керамики включает 105 фрагментов от 13–14 круглодонных банок со слегка закрытым устьем (рис. 77, 2, 5, 11) или почти прямыми стенками (рис. 78, 1). Венчики округлые или слегка скошенные вовнутрь. Один из сосудов имел, возможно, форму открытой ладьи (рис. 78, 3). Посуда лепилась из глины с примесью шамота, в изломе пяти фрагментов видны включения окатанного и дробленого кварца размером до 6 мм. Толщина черепков 4–7 мм, они утолщаются к дну до 10–12 мм. Внешняя и внутренняя поверхности стенок хорошо заглажены. У одного из сосудов внутренние стенки затерты гребенчатым штампом, но только в верхней половине (рис. 78, 1). На одном черепке имеется отверстие, просверленное для ремонта сосуда.

Орнамент наносился гребенчатыми штампами. Инструменты имели различную форму зубцов (длинные и короткие узкие, короткие широкие – гусеничные, с более или менее аккуратной нарезкой зубцов). Орнаментир ставился перпендикулярно к поверхности или под различным углом к ней, прокатывался и протаскивался.

Узоры покрывают внешние стенки сосудов, в ряде случаев – венчик и зону под венчиком изнутри емкостей. Орнаментальные композиции просты и достаточно стандартны. В зоне под венчиком отмечаются пояски из ямок, оставляющих на внутренних стенках бугорки – «жемчужины». Круглые ямки составляют большинство, встречаются также вдавления семечковидной и полуовальной формы.

Ямки наносились поверх гребенчатых узоров, представляющих собой горизонтальные ряды наклонно поставленных отрезков. Последние часто образуют елочные пояса, повторяющиеся затем на тулове сосудов. Реже встречены гребенчатые зигзаги (рис. 77, 3, 5, 7, 9), единично отмечено чередование отпечатков гребенки и круглых углублений (рис. 77, 11). Среди преобладающей посуды с монотонными узорами выделяется банка, украшенная профильными орнитоморфными изображениями (рис. 78, 1). Голову и шею птиц передают одинарные гребенчатые отрезки различной длины. Туловище смоделировано тремя-четырьмя параллельными вдавлениями штампа. Пояски гребенки разрежены цепочками ромбов, в зоне под венчиком помещены «жемчужины», а не ямки.

Сосуд, отнесенный предположительно к числу ладьевидных, украшен по верхнему краю наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 78, 3). Ниже прочерчена волнистая линия, выполненная двузубой гребенкой. Вдоль линии размещены овальные ямки. Ниже данной зоны по тулову опускаются волнистые линии.

Каменный инвентарь насчитывает 98 предметов, выполненных из местного плиточного и галечного сырья (*табл. 1*). В цветовой гамме преобладают изделия из твердого кремнисто-сланцевого и опокового материала светлых и темных серо-зеленых тонов, у изделий из кварцевого материала – светло-розовых. Первичное расщепление сырья осуществлялось в ударной и контрударной технике скола. Высота *ядрищ* контрударного расщепления (3 экз.) не более 3 см. Два из них (рис. 78, 27–28) – с двумя противоположными поверхностями скалывания, со скошенными ударными площадками и с естественными или оформленными сколами. Нуклеусы ударного расщепления подпризматической и конусовидной формы (2 и 1 экз. соответственно). Одно из подпризматических ядрищ двухплощадочное, высотой 2 см (рис. 78, 29). Площадки прямая и скошенная, оформлены сколами. Морфология негативов сколов свидетельствует о приоритетном направлении скалывания удлинённых заготовок (рис. 78, 13–15, 17–18, 20).

Среди орудий преобладают *скребки* (17 экз.) разной формы. Большая их часть (14 экз.) выполнена из отщепов (рис. 78, 5–7, 9, 12, 16, 19, 20, 22, 25–26). Единично использованы другие типы заготовок – нуклеусы (рис. 78, 8), гальки (рис. 78, 11) и сколы (рис. 78, 23). По расположению лезвий к продольной оси выделяются концевые (4 экз.), боковые (10) и округлые (1) скребки. Лезвия орудий ретушировались исключительно со спинки заготовки. Часть скребков (2 экз.) не имеют обработки лезвий и выделены по следам износа (рис. 78, 20). Характер следов на 16 орудиях свидетельствует о применении этих инструментов для обработки шкур. Наблюдается максимальное использование длины рабочего края орудия (зоны сработанности выделены на рис. 3 пунктиром).

Долотовидные орудия (рис. 78, 21, 24) выполнены из галек (2 экз.) и отщепов (2). Поверхность орудий оформлялась продольным уплощением галек или частичным уплощением сколами со стороны лезвий. Дополнительная подработка лезвия осуществлялась односторонними краевыми сколами с целью придания ему желобчатой формы. Рабочий край изделий располагался на узком дистальном конце заготовки; одно орудие имеет два смежных лезвия (рис. 78, 21).

В коллекции имеются две пластинчатые заготовки, использовавшиеся, судя по следам сработанности, в качестве ножей по мясу (рис. 78, 14, 18).

Единичными экземплярами представлены отщеп с краевой эпизодической ретушью, острое и резец.

Острия (2 экз.). Одно из них, первичный кварцевый отщеп подтреугольной формы, имеет следы износа на боковых гранях, прилегающих к кончику острия, в виде стертости и

нескольких мелких фасеток выкрошенности. Отсутствие следов сработанности на самом кончике острия указывает на то, что орудием работали скорее всего в качестве развертки. Еще одно острие выделено при анализе скребков (рис. 78, 25). Очевидно, после фрагментации орудия краевым сколом образовавшийся выступ использовался как шило или проколка (в протыкающе-провертывающей кинематике) при обработке кожи.

Резец выполнен из остаточного кварцевого нуклеуса. Инструмент многофасеточный, применялся при обработке кости.

Макроинструменты включают *отбойники*, *наковальни* и *пилы*. Они связаны в первую очередь с обработкой камня в процессе расщепления исходного сырья на заготовки и первичной отделкой изделий из мягких пород пилением. Представленные в комплексе абразивные инструменты использовались для обработки каменных и костяных орудий.

2.2.4. Поселение Сартынья I расположено на западной окраине поселка Сартынья в Березовском районе ХМАО–Югры Тюменской области, на левом 10 м берегу р. Северная Сосьва. Оно открыто в 1931 г. В.Н. Чернецовым и названо Сортыньинской стоянкой. Им зачищена осыпь берега реки, собран подъемный материал (рис. 78, 15), который впоследствии опубликован [1953, с. 14, 63–64; рис. 2]. Он отметил, что культурный слой стоянки перекрыт отложениями железного века, связанными с городищем Сортынья I.

В 1979 г. Е.А. Васильев изучил жилищную впадину за пределами городища [1983, с. 41]. Он обнаружил остатки жилища бронзового века размером 12×12 м (~ 145 м²). Из раскопа (2224 м²) получена коллекция керамики эпохи раннего металла, разделенная впоследствии на три хронологические группы [Там же, с. 43]. Посуда энеолита (переходного времени) выделена в первую группу и не связана с сооружениями. Впоследствии Е.А. Васильев отнес ее к северососьвинскому типу [1989, с. 9–10].

Этот комплекс представлен фрагментами 17–20 сосудов, залегающими *in situ* в пятом–шестом горизонтах. Находки смешивались только с неолитическим комплексом, но располагались в целом ниже слоев бронзового века.

Коллекция включает полузакрытые банки с круглым дном и чаши. Отношение диаметра по венчику к высоте сосуда составляет 0,65–0,75. В глиняном тесте отмечена обязательная примесь песка, в качестве дополнительного отощителя – слюда. Несмотря на немногочисленность и минимальные вариации в форме и технологии изготовления, автор раскопок счел возможным разделить этот материал на три типа по устойчивым сочетаниям орнаментальных мотивов.

К *первому типу* (9–10 экз.) относится керамика с геометрическим орнаментом. Наиболее часто употребляются следующие мотивы: простые зигзаги, штрихованные зигзагообразные пояса, штрихованные ромбы, ромбическая сетка. Геометрические мотивы композиционно выделены разделяющими их рядами гребенки и очень редко поясами шагающей гребенки.

Второй тип (5–6 экз.) объединяет посуду, украшенную шагающей гребенкой. Орнамент однообразен, композиция отдельного сосуда состоит из одного (пояса шагающей гребенки) или двух (пояса шагающей гребенки, чередующиеся с рядами гребенчатых отпечатков) мотивов. При преобладании горизонтальной зональности в нескольких случаях отмечено вертикальное расположение поясов шагающей гребенки.

Третий тип (3–4 экз.) – это гребенчато-ямочная керамика в ее самом простом варианте. Декоративная схема едина: ряды короткого гребенчатого штампа чередуются по вертикали с поясами глубоких круглых ямок. Варьирует только количество гребенчатых рядов и наклон штампов.

Керамика первого типа Сартыньи I идентична материалам поселения Хулюм-сунт I [Васильев, 1983, с. 56].

По замечанию Е.А. Васильева, каменный инвентарь ЭРМ немногочислен, типологически однороден, найден в отрытых комплексах и не поддается хронологической дифференциации [Там же, с. 53–54]. Примечательно, что среди изделий присутствует шлифованный наконечник с выступающими жальцами и продольными желобками [Там же, рис. 8, 3], который можно с уверенностью отнести к переходному времени.

2.2.5. Поселение Хулюм-сунт I расположено в черте национального поселка Хулюм-сунт пауль (пер. с манси «в устье язевой речки поселок»), в юго-западной части Березовского района ХМАО–Югры Тюменской области. Оно находится на правом коренном берегу р. Северная Сосьва, в среднем ее течении. Его обнаружил еще в 1926 г. В.Н. Чернецов [1953, с. 18, 20, 23]. В разные годы этот памятник изучали Л.Н. Приль [Борзунов, Стефанова, 2002, с. 37, 52, 56], А.Н. Панфилов [1990], С.Ф. Кокшаров [1993; 2009А, с. 144–147]. В 1997 г. Е.А. Васильев заложил раскоп площадью 88 м², однако не выявил каких-либо сооружений [2000В, с. 59–71].

В раскопе и на поверхности собрано более 300 экз. находок, разделенных на две культурно-хронологические группы: переходного времени (энеолита) и поздней бронзы.

Первый комплекс (рис. 79, 1–14) включает фрагменты 50–55 сосудов. Плохая сохранность материала не позволила установить основные параметры емкостей – диаметр

по венчику и высоту. Наиболее распространенная форма – полузакрытые банки с округлым дном. Среди прочих выделяются 5 экземпляров с оригинальной профилировкой: прямая шейка, слегка наклоненная внутрь при переходе к тулову, образует слабо выраженное плечико. Наряду со стандартными емкостями обращают на себя внимание обломки небольшой чаши и ладьевидного блюда (рис. 79, 5, 14).

Посуда изготовлена из глины с примесью мелкозернистого песка и слюды при незначительном количестве шамота и дресвы. Толщина стенок составляет в среднем 5–7 мм, внутренние и внешние поверхности тщательно заглажены. Для всего комплекса переходного времени характерно разнообразие в оформлении венчика. Каждый пятый из них утолщен наплывом или карнизиком (рис. 79, 4), а закраины имеют уплощенный, округлый, приостренный, либо скошенный внутрь или наружу профиль.

В качестве инструментов при декорировании использованы прямые и арочные штампы с различной нарезкой зубцов. На 5–6 сосудах отмечен прием шагающей гребенки, которая из-за короткого шага напоминает отступающую. Другим распространенным инструментом являлась круглая палочка, оставлявшая на глине круглые ямки. Ее глубокие отпечатки приводили к образованию на внутренней стороне стенок «жемчужин».

Для посуды характерна сплошная орнаментация внешней поверхности. Не украшались лишь округлые или приостренные закраины, но в этом случае орнамент, как правило, наносился на внутренней стороне венчика. В расположении узоров отмечается определенная зональность. Так, например, ямки наносились исключительно в верхней части посуды. Они располагаются в шахматном порядке, чаще в 2–4 ряда, сочетаясь с ромбической сеткой или желобками (рис. 79, 1–3, 8, 12). Узоры на тулове и в придонной части представлены, с одной стороны, геометрическими фигурами (зигзаги, ромбы, сетки, шестиугольники; рис. 79, 6, 9–10, 12–13), с другой – над ними количественно преобладают горизонтальные, вертикальные и наклонные ряды отгисков гребенки. Они монотонны и чаще выполняют функцию разделителей. В ряде случаев эти узоры образуют целостные композиции. На 8–10 сосудах отмечены арочные штампы, они часто комбинируются в одни узоры с гребенчатыми отпечатками (рис. 79, 4, 11).

Каменный инвентарь (36 экз.) включает *отходы производства*, заготовки и орудия. В качестве сырья отобраны кремнистые и сланцевые породы.

Самая многочисленная группа – отходы производства (осколки и чешуйки). Заготовки включают только отщепы (4 экз.). Изделия представлены двусторонне ретушированными *наконечниками стрел*, *концевым однолезвийным скребком*, *ножами* на

пластинах и на отщепе (3 экз.), *теслом* и *орудиями* на гальках и плитках (лощила, песты, пилы и абразивные инструменты).

В комплексе отсутствуют орудия с четкой хронологической или культурной привязкой. Несмотря на это, автор раскопок предполагает, что абсолютное большинство предметов связано с первым керамическим комплексом [Васильев, 2000В, с. 64].

2.2.6. Ясунское поселение. Памятник расположен в истоках р. Ляпин, на берегу оз. Ясунского в 5 км от поселка Саранпауль Березовского района ХМАО–Югры Тюменской области. Е.А. Васильевым датировал памятник предварительно «энеолитическим временем» и отнес его «к кругу памятников чужьяельского типа» [1996, с. 36; Викторова, 2005, рис. 5, 4; Кокшаров, 2009А, с. 147–148]. Название поселения перенесено на соответствующую археологическую культуру [Васильев, Глызин, 2008, с. 116; Они же, 2010, с. 121–124].

Из раскопа площадью 234 м² происходят находки переходного времени от неолита к бронзовому веку, эпохи бронзы (керамика лозьвинского типа) и средневековья.

Много материала обнаружено в жилище переходного времени. Оно имело прямоугольный котлован площадью ~80 м², ориентированный по линии СЗ-ЮВ, углубленный до 0,9 м. Выход из помещения обращен, предположительно, к реке. На полу, посыпанному охрой, отмечены очаговая яма, ямки от столбов и ямы хозяйственного назначения. Коллекция находок включает каменный инвентарь, керамическую посуду (~150 сосудов), обломок антропоморфной скульптуры из керамики и тигель? Площадь жилища и состав находок позволяют отнести объект к числу базовых поселков.

Основная форма заготовки для орудий – отщеп. Среди изделий выделены скребки (боковые и концевые), двусторонне ретушированные наконечники стрел листовидной формы. Другая группа каменных предметов – тесла, стамески – обработана абразивами. Они представлены пилами, плитами, оселками. Техника пикетажа применена в изготовлении подпятников (пряслица, по Е.А. Васильеву и И.П. Глызину).

Декоративно-морфологические характеристики керамической посуды Ясунского поселения сближают ее, с одной стороны, с пернашорскими комплексами Нижней Оби (Пернашор, Амня IА, Усть-Низямское I), с другой, с атымьинскими объектами Верхней Конды (Геологическое III, XVI), с третьей, чужьяельскими коллекциями Северного Приуралья. Эти материалы демонстрируют явление, известное как археологическая непрерывность, когда памятники выстраиваются в пространстве по принципу «домино».

К сожалению, Е.А. Васильев и И.П. Глызин не прояснили соотношение открытой ими ясунской культуры с другими синхронными древностями Нижней Оби (кошкинскими, униега, северососьвинскими) [Васильев, 1989, с. 9–11].

2.2.7. Пернашорское поселение расположено в одноименном урочище на правом берегу р. Полуй, в черте г. Салехарда. Оно открыто в 1964 г. экспедицией под руководством Л.П. Лашука. Судя по собранному материалу, место неоднократно посещалось людьми. Из нижних отложений происходит посуда пернашорского, тазовского, атлымского типов эпохи раннего металла, а из верхнего культурного горизонта – средневековая керамика [Косинская, Федорова, 1994, с. 54].

Памятник не копался, но происходящая с него керамика пернашорского типа заслуживает особого внимания, так как дает общее представление об особенностях посуды кануна бронзового века Крайнего Севера. Правда, Л.П. Лашук и Л.П. Хлобыстин неоправданно омолодили пернашорский комплекс, синхронизировав его с материалами сартыньинской культуры бронзового века [1986, с. 44–45].

Исследователи отмечают, что сосуды имеют круглое дно, прямые и слегка отогнутые приостренные венчики. Внешние стенки покрыты плотными узорами, выполненными гребенчатыми и гладкими штампами, концом палочки. Различаются гребенчатые штампы мелко- и крупнозубчатые, а по конфигурации рабочей плоскости – прямые и арочные. Узоры, выполненные гребенкой, наносились в технике печати и шага. Для орнаментального поля характерна горизонтальная зональность или, как пишут исследователи, «поясной орнамент». К числу характерных мотивов они относят пояски из 2–3 рядов ямок в зоне под венчиком и плотные ряды мелкозубчатых арочных вдавлений, образующих подобие чешуйчатого узора.

Особенности рассмотренного комплекса позволили соотнести его с находками Ортинской стоянки, расположенной в нижнем течении р. Печоры. Правда, Л.П. Лашук и Л.П. Хлобыстин допускали, что со временем его можно будет отнести к особому, пернашорскому, более раннему варианту ортинской культуры [Там же, с. 45].

2.3. Погребения

В настоящее время имеются сведения о 4 могильниках и 6 одиночных захоронениях, расположенных на севере Западной Сибири, которые можно отнести к переходному времени от каменного к бронзовому веку.

Число погребений на могильниках варьирует от 3 до 7. Эти данные не окончательные, и отражают степень изученности и сохранности памятников. На северных памятниках не проводилось сплошного изучения культурного слоя, а раскапывались лишь ограниченные площади. При строительстве жилых и оборонительных сооружений неизбежно разрушались ранние подстилающие слои и могилы.

Выявление захоронений затруднено и по другим объективным и субъективным причинам. Так, например, в песчаных почвах неудовлетворительно сохраняются антропологические остатки. Если не удастся обнаружить сопровождающий инвентарь, то выявленные объекты обычно исключаются из числа захоронений. В других случаях, когда человеческие останки не найдены, а вещи, безусловно, связаны с погребальной обрядностью, объекты переводятся в разряд кенотафов. К ним отнесено, например, Кокшаровское погребение [Старков, 1970Б, с. 106]. Кенотафы являются одной из основных черт погребального обряда СТ племен [Черных, Кузьминых, 1989, с. 225]. Однако число ям неясного назначения и кенотафов на могильниках сокращается, причем весьма ощутимо, когда к работам приступают специалисты, имеющие опыт раскопок могильников и практикующие просеивание грунта из заполнения могильных ям. Данная методика позволяет извлечь эмаль зубов, по расположению которой устанавливается ориентировка умерших в могилах, а структура дентина позволяет конкретизировать количество захороненных и их возраст [Кокшаров, 2013Б, с. 133].

Ввиду немногочисленности погребальных комплексов переходного времени от неолита к бронзовому веку признано целесообразным привлечь материалы не только с Кондинской низменности и Нижней Оби, но и Сургутского Приобья. Это продиктовано схожестью отдельных сторон погребального обряда, сопровождающего инвентаря и наличием серии радиоуглеродных дат, позволяющих откорректировать возраст памятников.

Высокие надпойменные террасы, где находились могильники, привлекали людей, вследствие чего там возникли поздние поселения. Наиболее крупные из них обнаружены под культурным слоем бронзового века на поселении Лева VIII (Средняя Конда) и под средневековыми отложениями городища Старые Покачи 5 (Средний Аган). В обоих случаях было открыто по семь захоронений различной степени сохранности. Барсовский II могильник (он же могильник Барсов городок 2), состоящий из трех объектов, исследован под напластованиями эпохи железа и средневековья на городище Барсов городок I/6. Отдельные погребения известны в бассейнах Конды и Северной Сосьвы. Они зафиксированы при раскопках поселений Леуши XIV, городища Большая Умытья 36

(Шаман-гора), Кама II, поселений Ясунское и Лов-Санг-Хум III¹. К данной группе отнесено захоронение животного, выявленное на поселении Геологическое III.

2.3.1. Могильник Лева VIII расположен в 3–4 км к ВЮВ от поселка Ягодного в Кондинском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Памятник находится на невысоком левом берегу р. Левы, в 6 км от места впадения ее в оз. Леушинский Туман [Визгалов, 1986; Он же, 1987, с. 14; Кокшаров, 2009А, с. 149–154]. В трех раскопах общей площадью 359 м² изучено семь погребений, перекрытых слоем поселения бронзового века (рис. 80).

Погребение 1 (яма III) обнаружено в раскопе 1 (уч. 3/4–5) и наиболее отчетливо прослежено на двух горизонтах. На ур. –27 см оно представляло прямоугольное пятно, ориентированное по линии СЗ–ЮВ, размером 3,2×1,7 м. На ур. –68 см (рис. 81, 1) яма стала более вытянутой и отчетливо видной, ее размер составлял 2,2 × 1,02 м. В северо-западной части объекта проявилось пятно охры размером 0,37 × 0,3 м, мощностью до 0,3 м. В профиле яма имела почти отвесные стенки и ровное дно. Глубина ямы от современной поверхности 1,69 м. Заполнение объекта – песок с примесью охры. Особенно много пигмента вокруг головы умершего.

В пятне охры обнаружены фрагмент черепа и зубы. Рядом с пятном лежала каплевидная подвеска из камня темно-красного цвета. В юго-восточной части ямы находились фаланги пальцев, рядом с ними – два отщепы из гальки. В северо-западной части, правее пятна, лежали ретушированный наконечник стрелы, изображение головы медведя из расколотой гальки и скребок. На дне ямы найдены целые и расколотые гальки малых размеров (на плане погребения отмечены 7 камней). В двух местах прослежены скопления обугленной бересты. *«Судя по расположению фрагментов костей (черепа, зубов, фаланг пальцев) покойник лежал головой на северо-запад»*. Автор раскопок предполагает, что *«покойник, возможно, был завернут в бересту или накрыт ей. После чего береста была подожжена и яма тут же засыпана»* [Визгалов, 1986, с. 19–20].

Погребение 2 (яма IV) в раскопе 1 (уч. 3–Ж/5–6) прослежено на двух ур. –34 и –70 см (рис. 81, 2). На ур. –34 см могильная яма представляла собой пятно охры в виде неправильного овала, ориентированного в направлении ЗЮЗ–ВСВ, размером 1,5 × 1,36 м. На ур. –70 см яма приняла вытянутую форму – 1,76 × 0,9 м. Глубина могилы от современной

¹ Об энеолитическом могильнике Лов-Санг-Хум упоминают Е.А. Васильев и И.П. Глызин [2010, с. 121].

поверхности около 1 м. Дно ямы неровное, заполнение – песок серо-желтого цвета, песок с охрой красного цвета, желто-серый песок с углями.

В северо-восточной части ямы найдены челюсть и зуб человека, обломок каменного наконечника стрелы. Судя по расположению костей, тело лежало головой на ВСВ.

На плане погребения, приведенном в отчете, не отмечено расположение антропологических остатков, но указаны 5 камней, лежавших скоплениями по 2 и 3 в противоположных частях могилы, о которых не упоминается в тексте.

Погребение 3 (яма XII) зафиксировано в раскопе 1 (уч. И/6–7) на трех горизонтах (рис. 81, 3). На ур. –60 см могильная яма представляла собой пятно охристого цвета прямоугольной формы, ориентированное по линии СЗ–ЮВ, размером 2,5 × 1,5 м. На ур. –105...–120 см остались два насыщенных охрой пятна. На ур. –115 см северо-западное пятно существенно сократилось, его диаметр стал 0,32 м. На ур. –120 см юго-восточное пятно имело овальную форму, его размер был 1,25 × 0,84 м. На ур. –130 см и оно сократилось – до 0,95 × 0,57 м. Глубина ямы от современной поверхности 1,33 м.

В профиле яма имела трапецевидную форму и крутые стенки. Дно неровное, юго-восточная часть находилась ниже северо-западной. Это отчасти объясняется и общим уклоном террасы. Из заполнения объекта происходят останки человека: из северо-западного охристого пятна (ур. –110 см) – челюсть, из юго-восточной части ямы (ур. –130 см) – фрагмент берцовой кости. Судя по расположению костей, погребенный был уложен головой на СЗ.

Вещевой материал сконцентрирован в юго-восточной части ямы и представлен заготовкой наконечника стрелы, шлифованным долотом, скребками, обломком шлифованного орудия, отщепами и расколотыми гальками [Визгалов, 1986, с. 21–22].

План погребения 3, приводимый в отчете, позволяет уточнить и конкретизировать состав сопроводительного инвентаря. Он включает обломки трех каменных предметов (копья, тесла и пластины), два скребка, два обломка одного (?) абразива, 5 отщепов и 7 камней. Правда, на плане не обозначено расположение фрагмента берцовой кости.

Погребение 4 (яма IX) отмечено в раскопе 1 (уч. Б/2), оно изучено частично. Судя по очертаниям, объект ориентирован по линии ЗСЗ–ВЮВ. На ур. –115 см могила приняла подпрямоугольную форму, в профиле она параболическая. Глубина ямы от современной поверхности 0,73 м. Объект заполнен серо-желтым песком, ниже которого находился охристый песок красного цвета.

В яме найдена неопределимая косточка и фрагменты керамики. К сожалению, на плане погребения не указано расположение находок, а в тексте отчета ничего не говорится

о количестве найденной керамики и ее типологической принадлежности. Объект отнесен к числу погребений условно.

Погребение 5 (яма IV) прослежено в раскопе 2 (уч. а/5). Объект изучен неполностью, и судить о его параметрах и ориентировке сложно. На ур. –50 см он представлял собой пятно песка красноватого цвета длиной 1,6 м. На ур. –64 см объект сократился до 0,96 м. На дне ямы (ур. –74 см), в ее юго-восточной половине, находилось пятно охры овальной формы размером 0,4 × 0,2 м, мощностью до 0,06 м. Глубина могилы от современной поверхности 0,52 м. В профиле яма имела ступенчатую форму, заполнена песком красноватого и пестрого желто-коричневого цвета. В пятне охры найдена небольшая неопределимая косточка.

Погребение 6 (яма VIII) зафиксировано в раскопе 2 (уч. в/5). Могильная яма прослежена на двух уровнях. На ур. –52 см ее очертания имели форму овала размером 1,3 × 0,7 м, ориентированного по линии СЗ–ЮВ. На ур. –63 см размер объекта сократился до 0,9 × 0,6 м. В его юго-восточной половине отмечено пятно охры овальной формы. Глубина ямы от современной поверхности 0,3 м. Заполнение – красный охристый песок, на дне угольки. В охристом пятне найдены два фрагмента керамики переходного времени и эмаль от зубов человека [Визгалов, 1986, с. 30–31].

Погребение 7 (яма I) отмечено в раскопе 3 (уч. К/5–6) на двух уровнях. На ур. –25 см могильная яма имела форму овала, ориентированного длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Она заполнена песком красно-серого цвета, размер 3 × 1,26 м. На ур. –35 см юго-восточная граница объекта сократилась в размерах (к сожалению, в отчетной документации отсутствует план могильной ямы на ур. –35 см и, соответственно, все объекты, перечисленные в его границах, включая вещевой материал). Он принял овальную форму и размер 1,65 × 0,85 м. В южной части ямы отмечены 2 охристых пятна. В одном из них найдены три фрагмента керамики переходного времени, два отщепы, скребок, пластина. Глубина ямы от современной поверхности 1,1 м, в заполнении – красно-серый светло-серый песок.

Позднее, в одной из работ Г.П. Визгалов подытоживает имеющиеся данные. Он затрудняется судить о количестве погребений на могильнике и лишь предполагает, что он был грунтовым. Глубина могильных ям 0,2–0,3 м (вероятно, от древней поверхности?), в них обязательна подсыпка охры, иногда очень интенсивная на дне. Помимо *«труположений раскопано два неполных сожжения. Покойники были завернуты в бересту, которая поджигалась в могиле, и тут же яма засыпалась песком так, что береста успевала полностью сгореть»* [Визгалов, 1987, с. 14]. Во всех

могилах кроме 4 погребенные лежали головой к берегу реки. Сопроводительный инвентарь (нуклеусы, колотые гальки, заготовки наконечников) располагался вдоль туловища, а наконечники стрел лежали с левой стороны ближе к голове [Там же].

2.3.2. Погребение на поселении Кама II. Памятник расположен на р. Кама, левом притоке Конды в ее нижнем течении, на территории Кондинского района ХМАО–Югры Тюменской области. Объект изучался Г.П. Визгаловым, поместившим краткую информацию о нем в тезисах доклада на одной из региональных конференций [1987, с. 14].

Исходя из заметки, захоронение человека было обнаружено при исследовании жилища переходного времени [Кокшаров, 2009А, с. 154]. К сожалению, автор раскопок не указывает соотношение постройки и погребения. Из контекста следует, что по параметрам могильная яма соответствует известным на Конде погребениям: длина и ширина объекта варьируют между 1–2 м и 0,5–1,5 м соответственно. Могила расположена перпендикулярно реке, в сторону которой ориентировано тело умершего. Судя по всему, погребение подобно другим кондинским памятникам по наличию в нем пигмента – охры. Информация о наличии и составе сопроводительного инвентаря отсутствует [Визгалов, 1987]. Памятник рассматривается в одном ряду с жилищем 2 поселения Леуши XIX, из которого происходит керамика волвончинского типа [Он же, 1988, с. 22].

2.3.3. Погребение на городище Большая Умытья 36 (Шаман-гора). Памятник расположен в 74,5 км к ЮЮВ от г. Советский Советского района ХМАО–Югры Тюменской области. Он занимает оконечность мыса, образованного правым коренным берегом р. Большая Умытья, левого притока Конды в ее верхнем течении. В 2004–2006 гг. изучено 208 м² культурного слоя, и под полутораметровыми отложениями эпохи железа и средних веков, на уровне материка, обнаружены остатки грунтового захоронения [Кокшаров, 2006, с. 28, рис. 87; Он же, 2009А, с. 154–155].

Могила зафиксирована на уч. О/16 на уровнях –150 и –155 см от условного «0». На ур. –150 см она имела аморфные очертания и размер 0,46 × 0,37 м. У северной его границы лежали 4 мелкие кальцинированные косточки. На ур. –155 см пятно приняло форму овала, вытянутого в направлении СЗ–ЮВ. Северо-западная часть объекта разрушена ямой раннего железного века. Размер могильной ямы достигал 1(?) × 0,5 × 0,08 м. В профиле объект имел ступенчатую форму, был заполнен охристо-желтым песком. Вдоль юго-западной стенки ямы лежал фрагмент расслоившейся кальцинированной трубчатой кости млекопитающего. П.А. Косинцев и Д.И. Ражев склонны относить ее к человеческим

останкам. Не исключено, что мы имеем дело с грунтовым (частично разрушенным) погребением, совершенным по обряду кремации.

Отсутствие сопроводительного инвентаря затрудняет установление времени захоронения. Гипотетически с ним связаны ранние находки, обнаруженные на городище. Это ретушированная пластина из кремнистой породы серого цвета размером 14×4 мм, имеющая, скорее всего, мезолитический возраст, и фрагменты сосуда ЭРМ, типологическая принадлежность которого не определена.

2.3.4. Погребение на поселении Леуши XIV. Памятник расположен в 7,5 км к ЮЗ от поселка Лиственичный в Кондинском районе ХМАО–Югры Тюменской области [Беспрозванный, Старостина, 1986, с. 33–38; Кокшаров, 2009А, с. 155–157]. Могильная яма находилась в 7 м от края надпойменной террасы, удаленной на 2 км к ЮВ от русла р. Леушинки. Она имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии СЗ–ЮВ, т. е. перпендикулярно линии берега.

На уровне –84 см размер ямы составлял $1,8 \times 0,68$ м (рис. 82Б). На уровне –128 см она приняла более вытянутую форму, но уменьшилась в ширине: $1,9 \times 0,48$ м. Глубина объекта от первой фиксации составила 0,63 м. Дно, покрытое слоем ортзанда, довольно ровное, над ним залегал слой темно-малиновой охры, имевший в плане очертания человеческой фигуры, которая была ориентирована головой на СЗ. В месте расположения предполагаемой головы, в ее нижней части, лежали 6 человеческих зубов. Они располагались в два ряда и были прикрыты слоем краски толщиной 5–6 см.

В заполнении ямы найдены три предмета: пластина, обломок шлифованного наконечника стрелы с выступающими шипами, лежавший в 8 см от зубов, и небольшой фрагмент керамики, украшенный гребенчатыми оттисками (рис. 82, 1–2).

Обряд захоронения интерпретирован как труположение на спине с вытянутыми вдоль туловища верхними конечностями. Вероятно, тело заворачивалось в органические материалы и засыпалось слоем охры [Беспрозванный, Старостина, 1986, с. 36].

2.3.5. Погребение животного на поселении Геологическое III обнаружено в яме 4, расположенной в раскопе IV (см. рис. 17). Она находилась на краю берега, в 22 м к востоку от одновременного жилища 3, изученного в раскопе III, с которым связан комплекс волвончинской керамики [Кокшаров, 2009А, с. 157].

Яма подпрямоугольной формы, ориентирована длинными сторонами вдоль берега по линии СЮ, ее размер $1,77 \times 1,12 \times 0,23$ м. В профиле она трапецевидной формы,

заполнена коричневым песком различных оттенков, супесью бурого цвета и углем. В объекте, отнесенном сначала к числу хозяйственных ям, обнаружено скопление костей животных. В ходе обработки выяснилось, что они принадлежат молодой собаке. Это обстоятельство и наличие в яме развала волончинского сосуда (рис. 25) дают основания для отнесения ямы к числу погребений.

Емкость почти квадратной формы (длина стороны 21 см) имеет сквозные отверстия – следы ремонта. Не исключено, что из миски кормили животное. На сегодняшний день это единственное погребение животного, известное на изучаемой территории.

Традиция захоронения собак сохранилась у манси, проживающих в бассейнах рр. Северной Сосьвы, Конды и Туры. Здесь отмечено даже существование особых собачьих кладбищ [Мошинская, Лукина, 1982, с. 56–57; Головнев, 1993, с. 108]. Иное отношение к этому животному в восточном ареале обско-угорского мира. Так, у ляминских хантов полагалось хоронить собаку без закапывания, завернув ее тело в тряпку и просто закидав ветками. Запрет на закапывание собаки соблюдали и другие восточные ханты [Мошинская, Лукина, 1982, с. 57–58].

2.3.6. Ясунское погребение обнаружено при раскопках эпонимного поселения на оз. Ясунт, расположенном в 5 км от поселка Саранпауль в Березовском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Его предложено отнести к числу памятников ясунской культуры энеолита [Васильев, Глызин, 2010, с. 121].

Могильная яма имела подпрямоугольную форму, ориентирована по линии СЮ, с небольшим отклонением к востоку. Ее размер 1,88 × 0,8 × 1,25 м [Васильев, 1996].

В отличие от рассмотренных выше погребение относится к числу ярусных. Первый ярус начинался от уровня обнаружения могильной ямы и ограничивался слоем красной охры. В центральной части могилы, в толще заполнения первого яруса, прослежены следы огня: угли, пепел, обожженный песок. В золисто-углистых линзах отмечены костная труха и частички эмали зубов человека. В заполнении первого яруса обнаружены каменный зубчатый орнаментир (рис. 42, 3) и два сланцевых шлифованных наконечника стрел с продольными желобками и раздвоенными на шипы основаниями.

В охре, отделявшей верхний ярус от нижнего, залежали асимметричное шлифованное тесло из зеленокаменной породы и два сильно оббитых предмета из того же материала. Ниже покоился пласт заполнения второго яруса мощностью 0,6 м, состоявший из чистой супеси почти неотличимой от материка. Дно объекта было засыпано красной охрой. По всей

длине охристой подсыпки, в западной ее части, найдены обломки верхней части пера пяти шлифованных сланцевых наконечников стрел.

Несмотря на наличие костной трухи, Е.А. Васильев интерпретирует погребальный обряд как «*трупосожжение на стороне с последующим размещением остатков в верхнем ярусе могильной ямы*» [1996, с. 37, рис. 1].

2.3.7. Барсовский II могильник (или Барсов городок 2) расположен на правом, коренном берегу Оби, достигающем 27 м в высоту, в урочище Барсова гора, находящемся западнее г. Сургута в ХМАО–Югры Тюменской области [Челякин, 1980, с. 276–280].

В I тыс. до н.э. на месте некрополя возникло городище, а во II тыс. н.э. – святилище, просуществовавшее, возможно, до XIX в. В раскопе площадью 197 м² открыты остатки трех захоронений, отнесенных к переходному времени от неолита к бронзовому веку.

Погребение 1 представляло собой яму в виде овала неправильной формы, ориентированную в направлении СВ–ЮЗ, размером 2,05 × 0,7 × 0,35 м. Ее очертания проявились примерно в метре от поверхности. Она имела покатые стенки и ровное дно. В яме отмечен слой охры мощностью до 0,3 м. На дне объекта, вдоль северо-западной стенки, зафиксированы спекшиеся скопления обожженных костей человека. Самое крупное из них локализовано в юго-западном конце ямы, где найден наконечник стрелы из камня (рис. 83, 2). Еще два скопления, включающие фрагменты черепа, отмечены в северо-восточном конце ямы. Вдоль юго-восточной стороны ямы лежали фрагменты двух раздавленных сосудов (рис. 83, 3–4). Между ними находились отщеп и черепок от еще одного сосуда (рис. 83, 1, 5). В северо-восточной половине могильной ямы, вдоль ее длинной оси, лежали полуобгоревшие плахи шириной 0,1–0,12 м. Поверх деревянных конструкций и под ними лежали кусочки керамики. В центре части могилы отмечены угольки; с внешней стороны юго-западной границы объекта лежал крупный камень.

Погребение 2 представляло собой яму овальной формы, ориентированную по линии ЗВ, размером 2,1 × 0,9 × 0,2–0,25 м. Ее очертания были отмечены на ур. –70 см (0,6 м от современной поверхности). Она имела покатые стенки и ровное дно. Заполнение объекта – красная охра. Антропологические остатки и погребальный инвентарь отсутствуют.

Погребение 3 сохранилось в виде ямы в форме параллелограмма, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. Ее размер 1,5 × 0,75 × 0,23 м. Объект углублен на 0,3 м ниже уровня погребенного подзола. Заполнение – красная охра мощностью до 0,2–0,23 м. На дне ямы, вдоль ее длинных сторон и в центре, лежали фрагменты сгоревшего дерева и угольки.

Ю.П. Чемякин реконструирует погребальный обряд следующим образом. Для захоронений вырывались ямы, в которые после кремации на стороне сыпались останки умершего. Сюда же помещали испорченные вещи и сосуды. На дне ям разводили небольшой костер, после чего засыпали его охрой. Над ямой могло быть перекрытие, которое перед засыпкой поджигалось. Мог существовать и другой обряд, при котором в могилы ничего не клали (могилы 2, 3).

Облик керамики затрудняет определение типологической принадлежности памятника [Чемякин, 2008, с. 35]. Однако автор раскопок возражает включению Барсовой горы (и, следовательно, могильника) в ареал игрековских древностей [Васильев, 1989, с. 13; Васильев, Мец, 1994, с. 35–36].

2.3.8. Могильник Старые Покачи 5.1 расположен в окрестностях г. Покачи в Нижневартовском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Памятник находится на мысу коренной террасы правого берега р. Аган высотой до 9 м, в 4,8 км от русла. У подножия протекает ручей, впадающий в старицу Нёх-урий. Могильник обнаружен при раскопках средневекового городища Старые Покачи 5 [Носкова, Карачаров, 2008, с. 146–169].

В 2004–2005 гг. изучено 524 м² культурного слоя памятника, под средневековыми отложениями которого зафиксированы 7 захоронений (рис. 84). Часть могил уничтожена при строительстве средневековых укреплений и прокладке современной дороги.

Могилы образуют два ряда, вытянутых в широтном направлении. Первый включал погребения 1 и 4, второй – погребения 2, 3, 5–7. Не исключено, что между ними был еще один ряд могил, который мог быть разрушен рвом городища.

Погребение 1 расположено на уч. М–Н/30–31 (рис. 85, 4). Могила имела в плане форму близкую к овалу, вытянутому практически по линии СЮ, размер ее составлял 2,2 × 0,5 м. Заполнение – песок, окрашенный охрой с вкраплениями угля. Мелкие кусочки и пятна порошкообразной охры сконцентрированы в центральной части объекта. Глубина ямы от древней поверхности 0,2–0,3 м, т.е. тело едва скрывалось в яме. На дне были обнаружены плохо сохранившиеся останки человека. В северной части ямы найдены кости черепа, фрагменты ребер и плечевых костей, принадлежавших мужчине (?) 30–45 лет.

В погребении найдены две пластины из светлой серо-зеленой кремнистой породы. Одна из них лежала у северо-западной стенки могильной ямы. Вторая была обнаружена в процессе просеивания грунта со дна ямы из области груди умершего с северо-западной стороны. В грунте, отобранном для просеивания из юго-западной части могильной ямы, найден отщеп из кремня.

По углю из погребения получены две радиоуглеродные даты: 3985±55 л.н. (SOAN-5697) и 3970±45 л.н. (SOAN-5698).

Погребение 2 расположено на уч. О/26. На ур. –237 см оно имело форму неправильного овала размером 2 × 0,67 м, вытянутого по линии СЗ–ЮВ. При понижении на 0,05 м длина ямы сократилась до 1,75 м. На этом уровне яма приобрела форму правильного овала. Заполнение погребения – песок, окрашенный охрой, и угли. Глубина могильной ямы от древней поверхности достигала 0,6 м. На дне объекта обнаружены плохо сохранившиеся фрагменты костей и эмаль зубов человека, возраст и пол которого определить не удалось.

По углю из погребения получены две даты: 4050±55 л.н. (SOAN-5699), 3980±35 л.н. (SOAN-5670).

Погребение 3 расположено на уч. М/22–23 (рис. 85, 3). На ур. –218...–221 см (в 0,65–0,75 м от современной поверхности) объект имел форму близкую к прямоугольнику, вытянутому по линии СЮ, размером 1,6 × 0,5 м. Он заполнен песком с охрой и углем.

Северная часть могилы прорезана средневековой канавкой. В этом месте за пределами погребения, в слое, нарушенном канавкой, зафиксировано пятно костного тлена, возможно, фрагмента черепа человека. Если предположение верно, то погребенный был ориентирован головой на север. Глубина могилы от древней поверхности до 0,4 м.

Со дна могилы происходят две каплевидные подвески из мягкого камня темно-красного цвета. Они лежали в центральной части могильной ямы, одна находилась в 0,1 м от длинной стенки погребения (рис. 86, 5), вторая – в 0,06 м от противоположной стенки ямы (рис. 86, 4). Одна подвеска имеет край, оформленный в виде округлых зубчиков.

В заполнении погребения встречались крупные угли и фрагменты обугленной бересты. Из находок отметим фрагмент изделия из серой кремнистой породы, обработанного двухсторонней ретушью, возможно, это обломок наконечника стрелы, два отщепы из красно-коричневой яшмы и серо-желтого кремня.

Из погребения датировано три образца угля: 3940±75 л.н. (SOAN-5696); 4500±125 л.н. (SOAN-6050); 5555±110 л.н. (SOAN-6351).

Погребение 4 расположено на уч. Л–М/29–30 (рис. 85, 2). Очертания могильной ямы зафиксированы на ур. –245...–247 см, она была ориентирована по линии СЗ–ЮВ и ее заполнение почти сливалось с окружающим материком. Северо-западная оконечность объекта выделялась по примеси угля и едва заметным вкраплениям охры. Размер ямы достигал 1,7 × 0,5 м. Глубина ямы от древней поверхности она не превышала 0,25–0,3 м. В

северо-западной части могильной ямы, окрашенной углем и охрой, лежали остатки черепа ребенка 1–7 лет.

Сопровождающий инвентарь в захоронении отсутствует.

Из погребения датирован один образец угля – 3980 ± 85 л.н. (SOAN-6051).

Погребение 5 расположено на уч. М/22 (рис. 85, 1). На ур. –226 см форма могильной ямы близка овалу, ориентированному по линии СЮ, его размер $1,5 \times 0,46$ м. Заполнение погребения – песок, окрашенный охрой малиново-розового цвета с редкими вкраплениями мелких углей. Кроме того, в погребении найдено два крупных обугленных куска дерева. Глубина ямы от древней поверхности $\sim 0,35$ –0,4 м. На ее дне, в северной части, обнаружены остатки черепа, в южной части – фрагменты двух трубчатых костей. Они могли принадлежать мужчине 18–30 лет.

В северной части могильной ямы, рядом с черепом, лежало шлифованное тесло из светло-серого сланца (рис. 86, 21). Длинные стороны изделия практически параллельны, рабочий край слегка закруглен. Размер тесла $82 \times 26 \times 7$ мм.

На черепе находилась круглая плоская бусина из кости, окрашенная охрой (рис. 86, 1). Это диск диаметром 38 мм и толщиной 13 мм. В центре предмета имеется круглое отверстие диаметром 13 мм. Аналогичный предмет найден при просеивании грунта, заполнявшего погребение. Размер изделия 4×11 мм (рис. 86, 2).

В 0,1 м от юго-восточной границы могилы, рядом с фрагментом кости человека, обнаружены два предмета из светлой серо-зеленой кремнистой породы (рис. 86, 18, 22). Оба окрашены с одной из сторон охрой. Это пластины, покрытые разнонаправленными сколами. Одна имеет две длинные, практически параллельные стороны. У другой оформлен острый край, обработанный мелкой двусторонней ретушью. Возможно, это заготовки каких-то орудий. При просеивании заполнения могилы обнаружен еще один подобный предмет из аналогичного материала (рис. 86, 16), фрагмент наконечника стрелы из серо-зеленой кремнистой породы (рис. 86, 6), отщеп из серо-коричневой патинизированной яшмы и сердоликовая чешуйка. Фрагмент наконечника представлен верхней частью пера, обработанного уплощающими сколами. В сечении перо линзовидной формы.

Из погребения датирован один образец угля – 3980 ± 35 л.н. (SOAN-6053).

Погребение 6 расположено на уч. Н–О/25–26. На ур. –205 см очертания могильной ямы стали более четкими. Ее форма близка к овалу, размером $0,83 \times 0,69$ м. Заполнение – песок, насыщенный охрой с примесью мелких угольков. Глубина ямы от погребенной поверхности $\sim 0,25$ –0,3 м. В заполнении найдены фрагменты 4 (?) трубчатых костей, ориентированных по линии СЗ–ЮВ. Одна из них – большеберцовая, другие могли быть

бедренными, большеберцовыми или плечевыми. Они могли принадлежать ребенку 6–8 лет. После расчленения или скелетирования тело было помещено в яму компактным пакетом. Не исключено также, что в могиле находились тела двух детей 4–8 лет. За пределами могильной ямы тоже найдены фрагменты костей человека (диафизы большеберцовой, длинной и лучевой костей). Они также могут быть связаны с погребением 6.

Погребальный инвентарь включает два целых и один фрагментированный наконечник стрелы (рис. 86, 9, 12–13). Они изготовлены в технике шлифовки из светло-серого сланца, поверхность предметов окрашена охрой. Наконечники имеют треугольную форму и выступающие шипы в основании, между которыми имеется овальная выемка, переходящая в продольные желобки на обеих плоскостях пера. При просеивании грунта из объекта найдены фрагмент костяной бусины (рис. 86, 8), скол со шлифованного сланцевого орудия, отщеп из серой яшмы.

К погребению 6 отнесен еще один наконечник стрелы, аналогичный рассмотренным выше (рис. 86, 14), лежавший в 0,65 м к югу от могильной ямы (уч. Н/26).

Из погребения датирован один образец угля – 4650 ± 95 л.н. (SOAN-6054).

Погребение 7 расположено на уч. Н–О/23. На ур. –225 см очертания могильной ямы приняли форму овала, ориентированного по линии СЮ, его размер $2 \times 0,7$ м. Глубина ямы от древней поверхности до 0,3 м. Заполнение – серо-желтый песок, окрашенный охрой. В центральной части ямы прослежены два пятна с более интенсивной окраской охрой. При просеивании грунта из заполнения могилы найдены два фрагмента эмали зуба взрослого человека. Сопроводительный инвентарь в погребении не обнаружен.

Из межмогильного пространства памятника происходят немногочисленные фрагменты керамики неопределенного типологического облика (рис. 87).

2.3.9. Погребение на стоянке Салехард 1. Стоянка расположена в черте г. Салехарда ЯНАО Тюменской области, на мысу правого берега р. Полуй. Мыс возвышается над речной поймой на 10–15 м. Это место активно застраивалось как в прошлом, так и в настоящее время. В разные годы здесь проводили изыскания Д.Н. Редриков и В.Н. Чернецов, заложивший на памятнике небольшой раскоп. Основные результаты исследований опубликованы [Чернецов, 1953, с. 8–9, 46; Мошинская, 1953, с. 79–188]. В 2004 г. раскопки мыса продолжил О.В. Кардаш [2005, с. 17]. Он проследил на материке яму, которая заполненную грунтом с охрой. В ней лежали два опрокинутых сосуда. Несмотря на отсутствие человеческих останков, яма отнесена к числу погребений ЭРМ [Там же, с. 20].

При вариациях погребальный обряд и материалы рассмотренных памятников севера Западной Сибири (*табл. 2*) имеют много соответствий с энеолитическими могильниками южных районов Западной Сибири и горно-лесной зоны Урала.

Северные и южные комплексы объединяет наличие грунтовых захоронений, совершенных в местах проживания и даже под полом домов (Геологическое III, Кама II, погребение 6 на поселении Аятском [Берс, 1976]), а также могильников, вынесенных за пределы мест проживания, которые включают от трех и более захоронений. Различия проявляются в количестве совершенных захоронений. Если самые крупные таежные некрополи на рр. Аган и Лева насчитывают не менее 7 могил, то количество открытых погребений на памятниках Нижнего Притоболья и в Прииртышье может превышать эту цифру в несколько раз. Так, например, на могильнике Бузан 3 отмечено 11 захоронений [Матвеев, Волков, 1999, с. 124], на могильнике Большого Андреевского острова (далее МБАО) – 26 [Зах и др., 1991, рис. 3], на могильнике Сопка-2 – более 60 [Молодин, 2001, с. 41–93]. После знакомства с материалами Чепкуля 21, где захоронения проводились очень плотно, образуя четкий ряд, становится очевидным, что археологи изучили лишь малую его часть [Зах и др., 2005, рис. 1, 2].

Южные погребальные памятники отличает от северных более плотное расположение могильных ям, образующих, кроме того, четкие ряды. Именно в южных районах открыты и неординарные погребения, которым отведена центральная часть некрополя (Бузан 3). Они отличаются от прочих большими размерами, глубиной и представительностью сопроводительного инвентаря. Вероятно, правы коллеги, связывающие подобные объекты с захоронениями людей, имевшими достаточно высокий социальный статус [Матвеев, Волков, 1999, с. 124].

Общими чертами погребального обряда северного и южного населения являются захоронения по обряду ингумации и кремации, а также использование охры.

На севере Западной Сибири исследователи фиксируют полную кремацию на стороне (Барсовский II могильник, Большая Умытъя 36, Ясунское?), ингумацию (Леуши XIV, Геологическое III), частичную кремацию тел при сжигании бересты, в которую они заворачивались (Лева VIII), и ингумацию с последующим частичным обгоранием костей (Старые Покачи 5.1). Однако обгорание костей могло быть следствием неглубокого залегания останков. В одних случаях они попадали в зону пожаров, когда лес и лесная подстилка уничтожали надмогильные конструкции. В других – высокая температура могла возникать при горении сооружений, возведенных позднее на месте могильников

переходного времени. Примечательно, что во всех погребениях человека присутствует охра, тогда как в могиле животного на Геологическом III она отсутствует.

Неудовлетворительная сохранность костяков затрудняет определение положения умерших в могилах и установление их возраста. Исходя из имеющихся данных (размеров могильных ям, костных остатков), можно говорить об абсолютном преобладании одиночных захоронений. Исключения встречены лишь единично (погребение 6 на могильнике Старые Покачи 5.1).

Несомненный интерес представляет ярусное захоронение на Ясунском поселении. Ярусные погребения известны на МБАО (погребение 6) [Зах и др., 1991, с. 24, 35], Втором Перейминском могильнике (погребение 5) [Там же, с. 16, 19]. Кроме того, они есть на могильнике Верхняя Алабуга и святилище Савин I [Петров, 1994, с. 51; Шорин, 1999А, с. 47], на могильнике Сопка-2 [Молодин, 2001, с. 113]. В поиске параллелей археологи неизменно обращаются к материалам энеолитического Хвалынского могильника, для которого характерны одно- и многоярусные погребения [Агапов и др., 1990, с. 62–63].

По мнению А.Ф. Шорина, ярусные захоронения не характерны для погребального обряда Урала. Правда, в этой связи он не упоминает о ярусном кенотафе (каменном ящике), обнаруженном на оз. Юрьинском [Старков, 1970Б, с. 105–106]. А.Ф. Шорин связывает их появление с влиянием или прямым проникновением в регион степных групп населения хвалынского-среднестоговского или ямно-афанасьевского круга культур [1999А, с. 47]. Если согласиться со сказанным, то зона влияния южных скотоводов должна быть расширена до районов Ляпинско-Сосьвинского Приобья, с чем трудно согласиться. Иное, более приемлемое объяснение подобным фактам предлагает В.И. Молодин. Он рассматривает черты сходства в погребальном обряде энеолитического населения в контексте эпохальных тенденций, сформировавшихся конвергентно на пространствах Евразии [2001, с. 113].

Обитатели восточных склонов Урала и равнинной части Западной Сибири поддерживали между собой определенные контакты, например обменные отношения. Связи того времени отражены в составе сопроводительного инвентаря, обнаруженного при раскопках некрополей. Несомненный интерес для нас представляют две категории вещей: шлифованные наконечники стрел и украшения.

Наконечники стрел, варьирующиеся в пропорциях, имеют достаточно выдержанную форму. Они снабжены выступающими шипами и продольными канавками для более прочного крепления в расщепленном древке. Эти изделия происходят не только из погребений, но и из поселений, тяготеющих к восточным склонам Урала и равнинной части

Западной Сибири. Распространение однотипных наконечников на данной территории свидетельствует об их синхронном существовании у разных групп населения.

В северных некрополях найдены украшения, представленные костяным бисером (погребение 5 на Старых Покачах 5.1) и каплевидными подвесками из камня темно-красного цвета (погребение 3 на Старых Покачах 5.1 и погребение 1 на Лева VIII).

Костяной (чаще ракушечный) бисер – обычная находка на могильниках и поселениях энеолита Европы и Азии. Он встречен в погребениях Хвалынского могильника в Поволжье [Агапов и др., 1990, с. 67; рис. 4, 4–5, 8–9, 22–23, 27; 5, 2, 5–10, 14 и др.], в могильнике Сопка-2 в центральной части Барабинской лесостепи [Молодин, 2001, с. 103; рис. 25, 33–37 и др.], на памятниках серовского времени Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 172, рис. 85–86] и ряде других объектов, расположенных на территории Южного Урала и Северного Казахстана.

Каменные каплевидные подвески известны на могильниках и поселениях неолита – эпохи раннего металла [Молодин, 2001, с. 102] и сопутствуют костяным украшениям аналогичной формы [Зах и др., 1991, с. 38, 40; Молодин, 2001, с. 102; Сериков, 2004, с. 101–103]. Они крепились на одежде, головных уборах погребенных либо собирались в ожерелья [Полосьмак и др., 1989, с. 27; Зах и др., 1991, с. 37; Сериков, 1998, рис. 3; Ткачев, 2001, с. 113; рис. 1, 4; 2]. Отсутствие на некоторых каменных подвесках следов ношения указывает на жесткое крепление изделий к одежде [Сериков, 2004, с. 100]. Он полагает, что подвески подбирались по цвету и к энеолиту «более доказуемо» относятся небольшие украшения (1–2 см) из шифера красно-бурого цвета [Там же, с. 103], то есть речь идет об изделиях, аналогичных найденным на Старых Покачах 5.1.

Каплевидные подвески из камня красного цвета различных оттенков распространены на памятниках Урала и Западной Сибири. Они происходят из разрушенного погребения на оз. Шайтанском (13 экз.), из культурного слоя Усть-Вагильского холма [Там же, с. 100], из погребения 6 на Аятском поселении (56 экз.) [Берс, 1976, рис. 7, 1–21; Сериков, 2004, с. 102], со II Береговой стоянки [Рыжкова, 2004, с. 63], из Третьего Перейминского могильника [Зах и др., 1991, с. 40], могильника Бузан 3 [Матвеев и др., 1997, с. 156–158]. 460 подвесок, выполненных из алевролитоглинистых, песчано-глинистых сланцев и аргиллитов красноватых тонов, найдены при раскопках МБАО [Зах и др., 1991, с. 35–37]. Подвески из красноватого тонкозернистого песчаника встречены в качестве сопроводительного инвентаря в могильнике Протока [Полосьмак и др., 1989, с. 22–23]. Украшения из розоватого сланца найдены в погребении 359 могильника Сопка-2 [Молодин, 2001, рис. 52, 32–37]. Ю.А. Титаренко перечисляет памятники Среднего Приртышья, на которых найдены подвески из камня розоватых тонов. Здесь фигурируют как погребальные комплексы (Окунево VII, Хутор

Бор IV), так и поселения (Танатово VI, Айлинка I, Алексеевка III, Екатериновка I и Омская стоянка) [2008, с. 96–97]. Аналогичные предметы связаны с поселениями переходного времени, расположенными в бассейне Конды (Леуши III–IV, Большая Умытья 57).

Каменные подвески каплевидной формы с волнистым оформлением края встречены в погребении 6 на Аятском поселении [Берс, 1976, рис. 7, 1–7, 24], на МБАО [Зах и др., 1991, с. 35–37], в погребении 36 могильника Боровлянка-XVII [Хвостов, 2001, с. 137].

В составе сопроводительного инвентаря в могилах северных и южных памятников Западной Сибири почти не встречена керамическая посуда. А в тех случаях, когда она присутствует, специфический облик такой посуды создает проблемы для исследователей в определении ее типологической принадлежности (Леуши XIV, Старые Покачи 5.1, Барсовский II могильник).

ГЛАВА 3. ОБСУЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ НЕОЛИТА К БРОНЗОВОМУ ВЕКУ

Материалы поселений и могильников, рассмотренные во второй главе, отражают основные черты культуры населения севера Западной Сибири в переходное время от каменного века к бронзовому. Вместе с тем, источники свидетельствуют о локальных особенностях памятников Кондинской низменности и Нижнего Приобья, нашедших отражение в характере поселений, домостроении, облике керамического материала и сопутствующего ему инвентаря. Представительная и более разнообразная источниковая база с поселений рр. Конды и Тавды позволяет внести существенные коррективы в ранее предложенную схему [Кокшаров, 1993А; Он же, 1993В; Он же, 2006А, с. 47]. Развитие культуры населения, проживавшего в Кондинском бассейне, занимающем срединное положение по отношению к Нижнему Приобью и Приртышью, с одной стороны, Приоболью и Уралу, с другой, позволяет понять процессы, протекавшие в прошлом на перечисленных территориях.

Погребальные памятники севера Западной Сибири отличает от поселений отсутствие или типологическая неопределенность найденного на них керамического материала. Это создает определенные трудности в установлении связи могильников и поселений. Вместе с тем, отдельные категории погребального инвентаря (орудия, украшения) могут рассматриваться в качестве своеобразных хроноиндикаторов. В связи с этим возрастает значимость ^{14}C дат могильника Старые Покачи 5.1.

Сейчас в пределах Кондинской низменности выявлены группы памятников, занимающих совершенно определенные позиции в интервале между древностями неолита и эпохи бронзы. Они связаны с четырьмя типами керамики: ушьинским, еныйским, атымьинским и волвончинским. Остановимся на основных характеристиках упомянутых этих древностей и попытаемся конкретизировать время их бытования.

3.1. Памятники ушьинского типа

Поселения с керамикой ушьинского типа являются наименее изученными древностями периода переходного времени в Кондинской низменности. Это название было предложено А.В. Тупота при изучении коллекции поселения Ушья, раскопанного С.Ю. Каменским в среднем течении Конды [Тупота, 2004; Она же, 2006, с. 80–82, рис. 1, 2–4].

Ушьинская керамика и прежде попадала в поле зрения археологов. При исследовании поселения Волвонча I Н.К. Стефанова обратила внимание на специфический

керамический комплекс, отнесенный предварительно к «шапкульскому» типу [1979, с. 36–37, рис. 24]. Ее поддержал Е.Г. Фильчаков, включивший схожие материалы с Леушей XIX в группу Б [1989, с. 4, рис. 2]. Сравнив технологические характеристики волончинской (группа А) и шапкульской (группа Б) посуды упомянутого поселения, он пришел к выводу, что они оставлены разными группами населения [Там же, с. 11]. В 1988 г. автор данной работы изучил жилище с керамикой ушьинского типа на поселении Геологическое VII [Кокшаров, 1989, с. 3–6]. В настоящее время в бассейне р. Конды учтены 39 памятников с ушьинской посудой (рис. 89).

Коллекции ушьинской керамики включают банки с округло-приостренным дном, прямыми и слегка закрытыми стенками (рис. 32, 1, 4–5, 9, 11; 88, 1–3, 6, 8–9) и слабопрофилированные горшки (рис. 32, 7; 88, 7, 11). Венчики преимущественно плоские или округлые, без каких-либо наплывов и карнизиков. Посуда изготовлена из теста без видимых примесей, имеет тщательно заглаженные внутренние и внешние поверхности. Одна из важных особенностей ушьинской керамики – тонкостенность (3–4 мм).

Орнамент выполнен разнообразными гребенчатыми штампами обычной формы (длинными и короткими), гусеничными и рамчатыми (рис. 32, 6, 9), а также концом круглой палочки диаметром 3–4 мм. Декор нанесен в технике печати и отступания. В одном случае отмечены отпечатки шнура (?) (рис. 88, 11). Венчики и внутренние стенки свободны от узоров, однако орнамент полностью покрывает лицевую сторону сосудов. Заполнение орнаментального поля стандартно: под венчиком помещен поясok из ямок, «жемчужин» или отверстий, на тулове – монотонные узоры в виде горизонтальных линий, «елочки» и поясков однонаклонных оттисков штампов (рис. 32, 1–2, 4–5, 7, 9, 11; 88, 1–4, 6–9, 11). Они разрежены одинарными, двойными и многорядовыми зигзагами, флажками (рис. 32, 1, 3, 5, 7, 11; 88, 2–3, 5, 7–9). В редких случаях плотные поля гребенчатых отпечатков разделены геометрическими фигурами – треугольниками (рис. 32, 10; 88, 5).

Ушьинские материалы любопытны по параллелям, которые обнаруживаются среди древностей Притоболья и Среднего Урала.

Н.К. Стефанова первой указала на их сходство с шапкульскими комплексами Притоболья, что проявлялось в форме сосудов, тонкостенности, использовании отощителя в виде мелкого песка, отсутствии наплывов под венчиками и карнизиков. Близость наблюдается в использовании длинного и короткого гребенчатых штампов, включая рамчатые [Старков, 1980, табл. XXXI, 22], в способах нанесения ими узоров (техника печати и отступания), в построении орнаментальных композиций. Для посуды северных и южных памятников обязательна зона под венчиком из пояска ямок или «жемчужин» [Там

же, табл. XXXI]. Общими мотивами являются многорядовые пояски из наклонных отпечатков гребенчатых штампов, разделенные одинарными зигзагами [Там же, табл. XXXI, 3, 5–8], сплошные ряды «елочки» [Там же, табл. XXXI, 20], зоны взаимопроникающих треугольников [Там же, табл. XXXI, 12–13].

Ушьянская керамика близка шувакишским комплексам горно-лесной зоны Среднего Урала. Это проявляется в форме сосудов, наборе гребенчатых орнаментов (прямой однорядный, гусеничный, рамчатый) и преобладании в композициях монотонных линейных узоров, однорядовых зигзагов, флажков [Чаиркина, 2005, с. 79–81, рис. 9, 1, 2]. По декоративно-морфологическим показателям кондинская посуда имеет много общего с находками со стоянок Купол, I и VI Береговой Горбуновского торфяника [Сериков, 1984, рис. 2, 5, 7; 5, 1–3; 6, 1–2] и ницинскими комплексами Туры [Викторова, 1967].

Отмеченное сходство ушьянской керамики с шапкульской и шувакишской может объясняться их одновременностью. Идея объединения памятников двух последних типов в рамках одного хронологического пласта (рубеж IV–III тыс. до н.э.) высказывалась ранее, и аргументы, приводимые по этому поводу, вполне убедительны [Ковалева, Клементьева, 2004, с. 17; Чаиркина, 2005, с. 274]. В связи с этим отмечу особый взгляд Н.М. Чаиркиной, указывающей сходство урало-притобольских материалов с раннеэнеолитическими новоильинскими, борскими и позднеэнеолитическими волосовскими (верхневожскими) комплексами. Она включает первые в восточную периферию волосово-гаринской общности и говорит об их сложении на местной неолитической основе [2005, с. 274]. Правда, не поясняется, каким образом соотносится данная общность с Зауральско-Северо-Казахстанской культурно-исторической областью, в состав которой наряду с шапкульскими и шувакишскими поселениями включены липчинские [Там же, с. 290]. Из логики рассуждений следует, что они синхронны, с чем трудно согласиться

В определении возраста шапкульских комплексов Притоболья и шувакишских древностей, необходимо обратить внимание на присутствие в коллекциях наконечников стрел кельтеминарского типа, которые традиционно относятся к числу архаичных.

Г.Н. Матюшин относил появление этих наконечников на Урале к IV тыс. до н.э. [1975, с. 150–151]. По А.В. Виноградову, они появились первоначально в Средней Азии в конце раннего неолита (V тыс. до н.э.), а на рубеже V–IV и в IV тыс. до н.э. широко распространились на других территориях [1979, с. 8]. Единичные изделия этого типа присутствуют в шапкульских комплексах (Малый Барашек I, Шапкуль I) [Старков, 1976, рис. 2, 7; 3, 4–5]. Свыше 20 таких предметов собрано на поселении Горушки шувакишской культуры (Средний Урал) [Чаиркина, 2005, с. 276–277]. Они встречены на поселении

ЮАО-VIII в одном комплексе с пластинчатыми наконечниками, имеющими черешки или выемки в основании [Ковалева, 1977, рис. 2, 1–9]. По одному наконечнику кельтеминарского типа найдено на поселении Серебрянка 1 (Нижнее Приишимье), где он связан с гребенчато-ямочной керамикой екатерининского облика [Зах и др., 2005, с. 40], и на могильнике Боровлянка-XVII (Среднее Прииртышье) [Хвостов, 2001, с. 136–137]. Поселения Чертова Гора и Большая Умытъя 100² на Конде являются самыми северными пунктами в Западной Сибири, где найдены подобные изделия [Сладкова, 2007Б, с. 147, рис. 4, 11].

На ранний возраст памятников с кельтеминарскими наконечниками указывают некалиброванные радиоуглеродные даты с могильника Чепкуль 21. Здесь датированы три образца из погребений 2–3: 5245±75 л.н. или 3295±75 л. до н.э. (СОАН-4257), 5315±55 л.н. или 3365±55 л. до н.э. (СОАН-4258) и 5200±55 л.н. или 3250 л. до н.э. (СОАН-4256) [Зах, 2002, с. 35, табл. 3]. К последней трети IV тыс. до н.э. относится и одна из дат, полученных для могильника Бузан 3: 4640±120 л.н. или 2690±120 л. до н.э. (ИГАН-1840) и 5140±60 л.н. или 3190±60 л. до н.э. (СОАН-3537) [Там же]. Если учесть, что еще более ранние даты получены для кельтеминарских наконечников из шестого – четвертого горизонтов поселения Тыткескень 2 (среднее течение Катунь): 6860±90 л.н. (СОАН-5149), 6620±95 л.н. (СОАН-5150), 6585±85 л.н. (СОАН-5151), 6510±130 л.н. (ГИН-8455), 5430±140 л.н. (ГИН-8456) и 5360±90 л.н. (СОАН-5148) [Кирюшин Ю., Кирюшин К., 2003, с. 362], то заключение об атлантическом возрасте могильников Чепкуль 21 и части могил Бузана 3 представляется вполне обоснованным [Зах и др., 2005, с. 40]. Оба некрополя действительно могут относиться в наиболее ранним энеолитическим объектам на территории Притоболья, а их существование должно укладываться в пределах последней трети IV– начала III тыс. до н.э.

Синхронизируя шапкульские, шувакишские и ушьинские комплексы, необходимо отметить, что еныйские памятники занимают по отношению к ним более высокую хронологическую позицию.

3.2. Памятники еныйского типа

В среднем и верхнем течении Конды известно 28 памятников еныйского типа (рис. 90). Это преимущественно местонахождения керамики, выявленные при разведках.

² Устное сообщение А.А. Погодина в марте 2014 г.

Раскопки проведены на пяти поселениях, но лишь на двух из них изучены остатки построек (Еныя 12 и Большая Умытья 57).

Материалы поселения Еныя 12 свидетельствуют об относительной долговременности существования жилища. Для него был подготовлен котлован площадью 54,4 м², глубиной более метра. Помещение обогревалось и освещалось крупным очагом-кострищем (рис. 65). Мощность очажного слоя достигала 0,15 м. Коллекция из 83 сосудов также согласуется с выводом о долговременности функционирования объекта.

Эти памятники изучены недостаточно полно, поэтому сложно определить перечень вещей, сопутствующих керамике. Похоже, что для еныйских поселений не характерны керамические грузила для сетей. Это не означает, что население не было знакомо с сетевым рыболовством. Оно могло использовать сети с утяжелителями из камня. Таким образом, отсутствие керамических грузил можно рассматривать как хронологический признак, указывающий на ранний возраст еныйских объектов по отношению к атымьинским, на которых найдены самые архаичные формы этих изделий.

Материалы поселения Ушья позволяют связать с еныйской керамикой шлифованные наконечники стрел листовидной формы [Каменский, 2006]. Они имеют выступающие шипы и продольные желобки (рис. 91, 1). В свое время отмечалось, что эти вещи не имеют аналогов на территории Западной Сибири [Полосьмак и др., 1989, с. 22, рис. 10, 4], однако такой вывод не соответствует действительности. Подобные наконечники найдены на многих уральских и западносибирских памятниках. Они происходят с Береговой I стоянки [Эдинг, 1940, рис. 11, 7], поселений Липчинское [Чернецов, 1953, с. 38, табл. XX, 84], Чечкино 2 [Зах, 2002, с. 28, рис. 5, 8], Пашкин Бор I [Стефанова, Кокшаров, 1988, рис. 6, 7], Леуши III, VII [Беспрозванный, Старостина, 1986, с. 36], Чёртова Гора [Сладкова, 2007Б, рис. 4, 13, 16], Сартынья I [Васильев, 1983, с. 55, рис. 8, 3], Амня IA [Стефанов, Морозов, 1992, рис. 5, 2], Большая Умытья 57 [Погодин, Миронов, 2009, ил. 10, 1–5]. Эти изделия встречены в погребениях, обнаруженных при раскопках целого ряда поселений: Аятского [Берс, 1976, рис. 7, 30], Леуши XIV [Беспрозванный, Старостина, 1986, с. 36], Ясунского [Васильев, 1996, с. 36–37, рис. 1, 3–9]. Они известны на могильнике Большого Андреевского острова [Зах и др., 1991, рис. 5, 1, 3–8, 12; 7, 31–39; 9, 20, 27–29, 31, 33; 10, 17; 11, 9, 16], могильниках Старые Покачи 5.1 [Носкова, Карачаров, 2008, рис. 9, 1–4] и Боровлянка-XVII [Хвостов, 2001, с. 136]. Нетрудно заметить, что наконечники обнаружены почти исключительно на памятниках энеолита (переходного времени) Обского бассейна: от Приполярного и Среднего Урала на западе до Среднего Приобья (р. Аган) на востоке, от рр. Северная Сосьва и Казым на севере до Среднего Прииртышья на юге (рис. 92).

Возраст еныйских объектов устанавливается по стратиграфическим данным, облику находок и двум радиоуглеродным датам, связываемым предположительно с посудой еныйского типа.

Важное наблюдение сделано на поселении Еныя 12, где жилище с еныйской керамикой частично разрушено и перекрыто атымьинским сооружением. Специалисты, изучавшие памятник, пришли к однозначному выводу о «доатымьинском» возрасте еныйского комплекса [Стефанов и др., 2005, с. 70]. Сходная ситуация прослеживается в раскопе III поселения Геологическое III. Здесь отмечена концентрация еныйской посуды вокруг впадины № 1. Этот факт косвенно указывает на расположение в данном месте связанного с ней сооружения. Если таковое существовало, то оно было разрушено котлованами поздних жилищ с керамикой пернашорского и волвончинского типов, возводившихся одно над другим [Кокшаров, 2009Б, с. 80].

Исследователи, впервые опубликовавшие еныйскую коллекцию, отметили, что посуда подобного облика отсутствует в составе неолитических комплексов Конды и, следовательно, не может датироваться каменным веком [Стефанов и др., 2005, с. 70]. Полные ее аналоги отсутствуют и среди энеолитических древностей соседних территорий, хотя она ближе к последним по характеру обработки внутренних стенок сосудов грубыми шпателями, оставлявшими расчесы, и по наличию узоров в виде сеток, вертикальных колонок и зигзагов (рис. 18–19; 93).

Композиции, включающие монотонные и несложные геометрические узоры, выполненные зубчатыми штампами в технике печати и «шага», в сочетании с поясками «жемчужин» известны на посуде поселений Тюменского Притоболья. Это, в частности, второй комплекс керамики стоянки Сосновый остров. Судя по статистической таблице, опубликованной В.Д. Викторовой, «жемчужины» в зоне под венчиком характерны исключительно для этой части коллекции [1968, рис. 5; 9].

Посуда, сопоставимая со вторым комплексом Соснового острова, известна на целом ряде археологических объектов. Это поселения Гилево VIII, Исток IV, Дуванское V и ЮАО V [Дрябина, Пархимович, 1991, с. 105, рис. 2, 6, 9; 3, 1, 5–6; Стефанова, 1991А, с. 141, рис. 4, 4, 6, 8, 12; Стефанов, 1991, с. 158, рис. 7, 1, 4–5, 7; Алексашенко, Викторова, 1991, рис. 3, 1, 3, 5]. На перечисленных памятниках встречены сосуды, украшенные узорами в виде волны, которые нанесены гребенчатыми штампами [Дрябина, Пархимович, 1991, рис. 4, 8]. На горловинах отдельных экземпляров размещены невысокие выступы – ушки [Алексашенко, Паутова, 1979, с. 56; Стефанов, 1991, рис. 7, 1]. «Жемчужины» в зоне под венчиком, плотные поля взаимопроникающих геометрических фигур характерны и для

керамики с гребенчатой орнаментацией поселения «VIII пункт» на оз. Андреевском, объединенной И.В. Усачевой в IV комплекс [2001, рис. 8, 4; 9, 1]. Кстати, в этой коллекции замечена одна плоскодонная емкость [Там же, рис. 9, 4].

Залегание керамики IV комплекса на «VIII пункте» указывает, что он соответствует нижнему пласту распространения культур энеолитического времени (андреевской, липчинской). Он перекрывает неолитические горизонты, включая поздние. Исходя из стратиграфии, комплекс датирован временем не ранее финального неолита – начала энеолита [Усачева, 2001, с. 128]. Ссылаясь на работы коллег, И.В. Усачева говорит о более высокой стратиграфической позиции керамики этого облика по отношению к боборыкинской и сосновоостровской [Там же, с. 131; Зах, Матвеева, 1997, с. 5–7].

Действительно, при сравнении еныйской посуды с притобольской обращает на себя внимание распространение на первой сетчатых бордюров и деление орнаментального поля на вертикальные зоны, что придает еныйской керамике более поздний облик. Однако отнесение кондинских материалов к началу или финалу переходного времени было бы в равной степени неверно. О том же свидетельствуют встреченные с еныйской керамикой шлифовальные наконечники с шипами.

Замечено, что эти наконечники встречаются на целом ряде энеолитических памятников в комплексах с двусторонне ретушированными наконечниками стрел. Оба типа изделий присутствуют в жилище 2 поселения Чечкино 2 [Зах, 2002, рис. 5, 3–4, 15], в погребении 6 на Аятском поселении [Берс, 1976, с. 199], в погребениях на МБАО [Зах и др., 1991, рис. 4, 5, 7–8; 5, 2; 7–8; и др.] и на могильнике Старые Покачи 5.1 [Носкова, Карачаров, 2008, рис. 8, 5; 12, 2–3]. По наблюдениям В.А. Заха, шлифованные и двусторонне ретушированные наконечники «рыбковидной» формы никогда не присутствуют в одних комплексах с наконечниками кельтеминарского типа [2002, с. 34]. Этот факт представляется очень важным и требует соответствующего объяснения. Он привлек внимание Л.Я. Крижевской, допускавшей сосуществование в местном энеолите двух традиций камнеобработки – пластинчатой и отщеповой [1990, с. 134]. По ее мнению, первая характерна для шапкульских объектов, а вторая – для части южноуральских памятников и поселения Ботай I. Она объясняла наблюдаемые различия техническим прогрессом (появление металлургии) и социально-экономическими изменениями [Там же, с. 132, 136–138]. С другой стороны, несоответствия в технике обработки камня и форме наконечников могут отражать одновременность археологических памятников, на которых они найдены. Причем более ранними следует признать шапкульские комплексы Притоболья, шувакишские поселения Среднего Урала, могильник Чепкуль 21 и, вероятно, часть могил

Бузана 3, где обнаружены пластинчатые наконечники с боковой выемкой, о которых велась речь выше.

Для памятников со шлифованными и двусторонне ретушированными наконечниками имеется серия радиоуглеродных дат (*табл. 19*). Речь идет о МБАО, могильниках Старые Покачи 5.1 и Протока. Некалиброванные значения для двух первых некрополей укладываются в основном в пределах III тыс. до н.э.: 4734±103 л.н. (УПИ-738), 3985±55 л.н. (SOAN-5697), 3970±45 л.н. (SOAN-5698), 4050±55 л.н. (SOAN-5699), 3980±35 (SOAN-5700), 3940±75 л.н. (SOAN-5696), 4500±125 л.н. (SOAN-6050), 5555±110 л.н. (SOAN-6351), 3980±85 л.н. (SOAN-6051), 3980±35 л.н. (SOAN-6053), 4650±95 л.н. (SOAN-6054). Та же картина наблюдается при обращении к калиброванным датам со Старых Покачей: 7 из 10 значений не выходят за рамки III тыс. до н.э. (Правда, Л.В. Носкова и К.Г. Карачаров, использовавшие для калибровки программу OxCal v3.10, особо отмечают, что выбивающиеся из общего числа образцы SOAN-6351, 6054, 6050 удреваются до V–IV тыс. до н.э. Эта ситуация объяснена загрязнением древним углем [2008, с. 166]). Для могильника Протока получены две даты – 6200±80 г. до н.э. (СОАН-2699) и 6355±200 г. до н.э. (СОАН-2700) [Молодин, 2001, с. 27]. После пересчета стало очевидно, что оба значения существенно выбиваются из приведенных выше серий, позволяя отнести памятник к неолиту. Однако, учитывая наличие на могильнике Протока почти полутора десятков погребений, образцы можно было бы связывать не со всем могильником, а лишь с наиболее древними захоронениями. Интересующий нас шлифованный наконечник с шипами происходит из погребения 5, где найден керамический сосуд, сопоставимый по орнаменту на тулове и в придонной части скорее с энеолитической посудой юга Западной Сибири, чем неолитической. Это дополнительное обстоятельство позволяет усомниться в правомерности распространения полученных дат на все могилы. С другой стороны, нельзя исключить загрязнение отобранных образцов более ранней органикой. В любом случае к датам могильника Протока следует относиться с осторожностью до тех пор, пока они не будут перепроверены.

Две радиуглеродные даты, связываемые предположительно с еныйской керамикой и шлифованными наконечниками, получены для поселения Большая Умытъя 57: 4310±135 л.н. (СОАН-7642) 4130±130 л.н. (СОАН-7641) [Погодин, Миронов, 2009, с. 165, ил. 7, 10, 1–5]. Калиброванные значения – 2880–2500 (68,2%) ВС, 3050–2300 (95,4%) ВС и 3350–2650 (68,2%) ВС, 3350–2550 (95,4%) ВС – указывают на существование памятника во второй половине IV– первой половине III тыс. до н.э. (*табл. 19*).

Привлекая шлифованные наконечники с шипами для определения возрастных памятников, следует указать на встречаемость единичных предметов этого типа в более поздних атымьинских комплексах (рис. 91, 13) и на Амне IА. Данное обстоятельство свидетельствует о длительном бытовании подобных предметов на протяжении III тыс. до н.э. Распространение наконечников на памятниках разной культурной принадлежности в пределах Обского бассейна (рис. 92), позволяет констатировать, что они характеризуют культуру исключительно восточноуральского и западносибирского населения.

Сейчас сложно очертить круг памятников, входящих в единый хронологический горизонт с еныйскими поселениями Конды. Однако отрицать наличие таких объектов было бы неосмотрительно. Возможно, в него войдут притобольские памятники близкие «VIII пункту», исследованному И.В. Усачевой, и оригинальный комплекс поселения Каксинская Гора 3 на р. Амня, хотя не исключено помещение этого объекта и в предшествующий шапкульско-шубакишский пласт. Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что еныйские памятники Конды будут занимать срединное положение между комплексами с ушвинской и атымьинской керамикой. Опираясь на калиброванные даты Старых Покачей 5.1 и Большой Умытьи 57 (табл. 19), время их существования можно ограничить первой третью III тыс. до н.э. Этот вывод не противоречит стратиграфическим наблюдениям. Судя по планиграфии находок на поселении Геологическое III и стратиграфии поселения Енья 12 еныйские древности должны предшествовать атымьинским и пернашорским (ясунским) памятникам.

3.3. Атымьинские памятники

В бассейне р. Конды учтено 85 объектов с керамикой атымьинского типа (рис. 94). Они представлены местонахождениями керамики и поселениями с остатками сооружений, часть из которых изучена раскопками. Исследованные объекты различаются между собой по топографии, характеру выявленных построек, составу и количеству связанного с ними материала. Исходя из перечисленных признаков, они разделены на кратковременные и долговременные поселения.

Первые располагались в верховьях небольших таежных рек и могут рассматриваться в качестве специализированных стоянок рыболовов и охотников (Атымья II, IV, VII). Для них характерно наличие одного – трех сооружений площадью ~17–28 м². Это наземные постройки, для которых не подготавливались специальные котлованы (рис. 9, 2; 14). Для строительства домов выбирались ровные участки боровых террас или углубления, возникшие на месте жилищ предшествующего времени. Отсутствие очагов в помещениях и немногочисленность находок указывают на эпизодичность посещения этих мест людьми

в теплое время года. Фаунистические остатки и гастролиты, обнаруженные на поселении Атымья VII, демонстрируют охотничье-рыболовческую направленность хозяйства.

Среди промысловых стоянок выделяется Атымья VII, на которой изучено одно относительно крупное жилище площадью 47 м² (рис. 2). Оно имело центральный очаг в виде кострища, а по внешнему периметру постройки были выкопаны ямы, выполнявшие, вероятно, функции дренажа. При раскопках зафиксированы следы перестройки дома, многочисленные находки, включающие обломки посуды и каменный инвентарь. Подобные памятники следует расценивать как факт существования традиционных мест охоты и рыболовства у отдельных коллективов.

Другие поселения, относимые к местам постоянного проживания таежных общин, находились вблизи устьев рек, впадающих в озера проточного (сорового) типа. Жилище, обследованное на одном из таких памятников – Еные 12, крупнее вышеупомянутых (64 м²). Оно сооружено во впадине, образовавшейся на месте постройки с керамикой еныйского типа. Основание дома помещено в заранее подготовленный котлован почти метровой глубины. Основательность постройки, мощный культурный слой, насыщенный находками, указывают на долговременность поселения. В этом выводе убеждает и большое число находок. Если на промысловой стоянке Атымья IV, где находились три сооружения, найдены фрагменты примерно 25 сосудов, то коллекция, связанная с жилищем Еныи 12, превосходит ее численно в четыре раза (рис. 66).

Характер атымьинских поселений определяется и при более детальном изучении керамического материала. Внимание обращает количество посуды со следами ремонта. Вряд ли охотники и рыболовы, находившиеся вдали от мест постоянного проживания общин, отвлекались от промыслов и занимались изготовлением новой посуды. Они не обременяли себя трудоемким производством и просто чинили керамику. В этом отношении представляет интерес коллекция из раскопа III поселения Геологическое XVI. Четверть сосудов из 53 емкостей, включенных в обработку, имеет перфорированные стенки. Они стягивались с помощью ремешков или жгутов, продетых через отверстия. Сосуды со следами ремонта найдены также на поселениях Атымья IV и VII. В раскопе III поселения Геологическое XVI и на Атымье IV найдены каменные острия с характерными следами сработанности, возникшими при сверлении керамики (рис. 12, 3; 50, 21).

Интересные наблюдения сделаны и при изучении параметров сосудов. Речь идет об определении среднего значения диаметра по венчику и установлении количества емкостей, отклоняющихся от него в обе стороны (табл. 3). Замечено, что соотношение малых и крупных форм в составе исследуемых комплексов существенно варьирует. На поселении

Атымья VII среднее значение диаметра соответствует 22,1 см, а количество малых и крупных форм составляет 64,7 и 35,3%. На поселении Геологическое XVI (раскоп III) порядок цифр в целом сходный: среднее значение 19,9 см, а соотношение сосудов малых и крупных размеров – 55 и 45%. (табл. 3).

Эти данные существенно разнятся с цифрами, полученными для поселения Волвонча I, рассматриваемого в качестве постоянного места проживания крупной общины таежных рыболовов и охотников [Кокшаров, 1992А, с. 12], но речь о нем пойдет ниже.

Доминирование емкостей малых размеров на атымьинских сезонных стоянках объясняется удобством их транспортировки на значительное расстояние. Скорее всего, они являлись личными вещами конкретных людей, отправлявшихся на места промыслов.

С памятников атымьинского типа происходят представительные коллекции каменного инвентаря. Население, проживавшее в различных частях Кондинской низменности, разрабатывало местные галечники. Тем не менее сравнение коллекций с памятников верхнего течения Тавды и Конды позволяет установить локальные отличия и предпочтения в использовании сырья, необходимого для производства каменных изделий, а также особенности расщепления камня и ассортимент орудий.

Две трети предметов с Атымья VII составляют изделия из кремня и кремнистых пород, а лишь 10% – из кварца и сланцев (табл. 1). Иная картина наблюдается на поселении Геологическое XVI: на производственных площадках № 1–3 доля кварцевых изделий доходит до 95,3–97%. На этом фоне весьма специфично выглядит сырье поселения Пашкин Бор VI. Оно представлено сургучно-зеленой яшмой (100%). Желвачная корка свидетельствуют о его галечниковом происхождении. В этом отношении любопытна информация Л.Р. Шульца, сообщающего об особом составе отложений на возвышенности, расположенной в нижнем течении Конды, между рр. Карым и Кама. С его слов, там сосредоточено много «обломков яшм и других цветных камней» [1926, с. 22]. Однако не исключен и привозной характер сырья. Оно могло поступать с Урала транзитом через Нижнее Притоболье. Здесь локализованы поселения ЮАО-VIII, Липихинское 5 и могильник Бузан 3, на которых найдена яшма аналогичной цветовой гаммы и изделия из нее [Ковалева, 1977, с. 94; Волков, 2006, с. 29, 45; Скочина, 2009, с. 99].

Атымья VII, Геологическое XVI (раскопы II–III), Пашкин Бор VI демонстрируют полный цикл обработки камня. Ведущей формой заготовок для орудий являлся отщеп. При использовании кварца применялось контрударное расщепление. Контрударная техника и технология получения заготовок, применявшаяся в первую очередь к кварцево-кварцитовый сырьевой базе, не претерпевает изменений на протяжении каменного и

бронзового веков [Стефанов и др., 2005, с. 77, 80]. Действительно, изоморфные свойства кварца не позволяли получать заготовки с заданными параметрами, такие, например, как кремневое сырье. Несмотря на это, в коллекциях атымьинских памятников есть небольшое количество кварцевых пластин и пластинчатых сколов. Правда, значительная часть колотого кварца отбраковывалась. Долотовидные орудия – один из немногих классов кварцевых изделий, имеющих морфологически выдержанную подпрямоугольную форму и одно прямое лезвие, расположенное на нижнем конце заготовки или боковом крае. Рабочая кромка определяется по характерной выкрошенности и заломам (рис. 8, 24).

Дефицит качественного сырья вел к вторичному использованию сломанных вещей, выполненных из кремня или кремнистых пород. Так, например, острия и насады наконечников стрел применялись вторично в качестве сверл по дереву, кости и керамике (камню) (рис. 12, 3). В целом же набор типологически определимых изделий из качественных пород камня невелик. Если говорить об аналогиях, то атымьинская камнеобработка имеет много общих черт с чужьяельской. Их объединяет использование галечникового сырья, сходная технология расщепления, направленная на получение отщепов, состав орудийного комплекса, в котором количество обработанных орудий составляет меньшинство [Стоколос, 1986, с. 105]. Вместе с тем обитатели Верхней Конды разрабатывали кварцевые галечники.

Среди кремневых орудий выделяются наконечники стрел, окончательная форма которым придавалась двусторонним ретушированием. Несмотря на то что данный класс представлен единичными находками, они разделены на четыре типа. К пятому типу отнесены наконечники из сланцевых пород камня, выполненные абразивной обработкой.

Тип 1 – изделие листовидной формы, резко расширяющееся в средней части при переходе от насада к острию. Единственный предмет происходит с производственной площадки № 1 поселения Геологическое XVI (рис. 44, 4). Изделие не завершено, поэтому не ясно, намеренно ли мастер придал ему подромбическую форму.

Наконечники подобного типа изготавливались в энеолите – начале бронзового века как на Урале, так и на сопредельных территориях. Они встречены на I Береговой стоянке и поселениях Березки, Карабалыкты VII, Давлеканово и Муллино в горной части Среднего и Южного Урала [Косарев, 1981, рис. 6, 28, 29, 32; Матюшин, 1982, табл. 49, 10; 77, 7, 10–11; 94, 3; 113, 12], на поселениях Ипкуль VIII в Притоболье и Самусь IV в Среднем Приобье [Косарев, 1981, рис. 13, 9; рис. 37, 16]. К западу от хребта они известны на Висских I–II поселениях в междуречье рр. Вымь и Вишера [Буров, 1967, табл. XV, 21, 42], поселениях Конещелье, Атаман-Нюр I и Шиховском в Северном Приуралье [Стоколос, 1988, табл. 17, 6; 24, 16; 32, 9], поселениях Бор I, IV–V в Чусовском Прикамье [Бадер, 1961А, рис. 17, 1–2,

4–5; 60, 1–3; 61, 6; 90, 3], Юртик [Ошибкина, 1980, рис. 15, 3, 7, 11; и др.], Кочуровском IV [Гусенцова, 1980, рис. 13, 5–7], Аркуль IV и Чернушка I в Вятском крае [Наговицын, 1984, рис. 4, 1–2, 30–31].

Тип 2 – наконечник листовидной формы с округлым насадом, приближающийся по форме к миндалевидным. Изделие этого типа и заготовка для подобного (?) изделия найдены на поселении Атымья VII (рис. 8, 13, 22).

Сходные орудия найдены на многих объектах эпохи раннего металла: I–II Береговых стоянках [Косарев, 1981, рис. 6, 32; Рыжкова, 2004, рис. 10, 12], Кокшаровском погребении 1 и поселении Шувакиш I на Среднем Урале [Старков, 1970Б, рис. 5, 4–5, 10, 13; Чаиркина, 2005, рис. 15, 23], на памятниках суртандинской и агидельской культур Мурат и Сауз III на Южном Урале [Матюшин, 1982, табл. 31, 4–6; 120, 28], в комплексах Логиновского городища, на поселениях Чечкино 2, Хулюм-сунт I, Самусь IV и Ботай I в Западной Сибири [Зах, 2002, рис. 5, 4; Васильев, 2000В, рис. 3, 2; Косарев, 1981, рис. 31, 4; Кирюшин, 2004, рис. 39, 10–17; Зайберт, 1993, рис. 43, 9, 15]. По другую сторону от Урала они встречены на поселениях с пористой керамикой, относящихся к чойновтинской и гаринско-борской культурам: Чойновты II [Стоколос, 1986, рис. 85, 23; 99, 3; 107, 2], Бор I и Басенький Борок [Бадер, 1961А, рис. 16, 18; 17, 21–23], в составе комплекса с накольчатой керамикой поселения Конещелье [Стоколос, 1988, табл. 17, 2].

Тип 3 – наконечники листовидной формы с усеченным основанием и слегка заууженным насадом. Изделие найдено в сооружении 2 поселения Атымья IV (рис. 12, 3).

Орудия этого типа происходят с целого ряда энеолитических памятников Среднего и Южного Урала: Кокшаровского погребения 1 [Старков, 1970Б, рис. 5, 1–3, 8, 10–12], Шувакишского I поселения, I–II Береговых стоянок [Чаиркина, 2005, рис. 15, 22, 28; Косарев, 1981, рис. 6, 14, 19; Рыжкова, 2004, рис. 10, 11], Суртанды VIII, Мурат и Березки [Матюшин, 1982, табл. 13, 9; 31, 9, 18; 49, 13]. Один подобный предмет найден на раннеэнеолитической стоянке Агаповка I [Мосин, 2004, рис. 4, 36]. На территории Западной Сибири наконечники этого облика обнаружены в составе погребальных и поселенческих комплексов неолита – начала бронзового века: в захоронении 14 могильника Протока [Полосьмак и др., 1989, рис. 10, 7], в погребениях 643, 656, 660, 614 могильника Сопка-2, расположенных в Барабинской лесостепи [Молодин, 2001, рис. 14, 38; 25, 12, 15; 29, 9; 65, 2], в слоях поселений Васильковка IV и Красный Яр (ботайская культура) в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, рис. 39, 2; 43, 16], Тух-Сигат IV и Тух-Эмтор IV в Васюганье [Кирюшин, 2004, рис. 94, 3; 95, 6; 98, 2]. Западнее Уральских гор подобные наконечники встречены на стоянке Синдорское озеро I (пункт II) и поселениях Вис I [Буров, 1967, табл.

XV, 48, 52, 59, 65], Чойновты II, Конещелье и Бор I [Стоколос, 1986, рис. 92, 5, 7, 12; 101, 2; Он же, 1988, табл. 17, 1; Бадер, 1961А, рис. 17, 7].

Тип 4 – наконечники подтреугольной формы с выемкой в основании. Предмет происходит со стоянки Атымья II (рис. 12, 11).

Единичные наконечники данного типа найдены в горной части Среднего и Южного Урала: на поселениях Шувакиш I [Чаиркина, 2005, рис. 15, 7] и Карабалыкты VII [Матюшин, 1982, табл. 77, 4]. В Западной Сибири они известны на васюганских поселениях Сохта II и Тух-Сигат IV, датируемых энеолитом – началом бронзового века [Кирюшин, 2004, рис. 56, 4; 72, 15; 95, 14]. Подобные предметы происходят с североказахстанских поселений Ботай I и Кожай I [Зайтов, 1985, рис. 4, 5; Калиева, 1998, рис. 9, 3, 10; 135, 1]. В Приуралье они входят в состав чужьяельских и чойновтинских комплексов (Ошчой I, Чойновты II) [Стоколос, 1986, рис. 60, 2; 85, 19, 25], найдены на поселениях гаринско-борской культуры (Бор I, Боровое озеро VI, Басенький Борок) [Бадер, 1961А, рис. 17, 11; 76, 4; 105, 3], на памятниках синдорского микрорайона Вычегодского края (Висские I–II поселения) [Буров, 1967, табл. XV, 58, 64]. Интересно, что наконечники с выемкой в основании не упоминаются в работах исследователей энеолитических поселений Вятского края и базовых южноуральских памятников [Ошибкина, 1980, рис. 12; 15; 19; Гусенцова, 1980, рис. 13; Мосин, 2004, с. 84, рис. 4].

Тип 5 – шлифованные наконечники с выступающими жальцами и неглубокими продольными желобками (рис. 91, 13). Один из таких предметов найден на поселении Пашкин Бор I и может быть связан с керамикой атымьинского типа. На Конде подобные вещи встречены и в составе предшествующих еныйских комплексов. Вероятно, следует согласиться с мнением, что они являются своеобразным маркером энеолитических древностей [Стефанов, Морозов, 1992, с. 90; Носкова, Карачаров, 2008, с. 166–168].

Среди археологов нет единого мнения по поводу эволюции двусторонне ретушированных наконечников стрел. Как отмечал О.Н. Бадер, на гаринском этапе турбинской культуры начинают преобладать наконечники с усеченным основанием, используемые наряду с архаичными иволистными, миндалевидными и ромбическими. На позднем борском этапе той же культуры вместо наконечников с усеченным основанием замечено преобладание стрел миндалевидной формы [1961А, с. 182–184]. Исследования последующих лет внесли кардинальные изменения в схему О.Н. Бадера. Прежде всего была установлена обратная хронология памятников: поселения борского типа признаны более ранними по отношению к гаринским, хотя и допускается их частичное сосуществование

[Наговицын, 1990, с. 93–94; Мельничук, 1990, с. 101, 104]. Соответствующие коррективы коснулись и тенденций в изменении форм каменных орудий.

На материалах чойновтинской культуры Европейского Северо-Востока эволюция наконечников прослеживается от листовидных (обоюдоострых) к треугольным в их различных вариантах [Стоколос, 1988, с. 70]. Сходная картина отмечается на ранних и поздних памятниках юртиковской культуры Вятского края. На первых доминируют наконечники листовидной формы, а на поздних возрастает количество треугольно-черешковых, ромбических и впервые появляются треугольные [Наговицын, 1984, с. 106, 110]. При изучении ботайских древностей установлено, что наконечники стрел с выемкой в основании характерны для поздних поселений второй группы [Зайберт, 1993, с. 154].

Если говорить о северных районах Западной Сибири, то общая тенденция проявляется в постепенном исчезновении шлифованных наконечников пятого типа и преобладании двусторонне ретушированных орудий, изготовленных на отщепках. Этот вывод подтверждают немногочисленные находки атымьинских поселений. Они позволяют говорить о более позднем возрасте изделий треугольной формы. Примечательно, что наконечник четвертого типа найден на одном из самых поздних объектов – поселении Атымья II [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 59].

Среди других двусторонне ретушированных изделий атымьинских памятников обращает на себя внимание нож серповидной формы (рис. 50, 19). Аналогии ему неизвестны, но по характерному излому тела и тщательности отделки он отдаленно напоминает ножи с поселения Бор I [Бадер, 1961А, рис. 18, 4, 8–9]. Близкое по облику орудие с поселения Ботай I отнесено к варианту коленчатых ножей [Зайтов, 1985:рис. 3, 7].

Если говорить о таких классах орудий, как скребки, скобели, острия и резцы, то их форма подчинена конфигурации заготовок-отщепов. Минимальная вторичная обработка прослеживается обычно на рабочих кромках.

Наиболее распространенная категория орудий – скребки, делящиеся на концевые и боковые. Лезвия скребков прямые, округлые или аморфные, оформленные крутой краевой ретушью, нанесенной чаще всего со стороны спинки.

В коллекциях непременно выделяются наборы макроинструментов из плиток и галек. Это абразивы (шлифовальные плиты и пилы) (рис. 44, 8–9; 52), отбойники, подпятники (рис. 13, 4), каменные диски и тесла (рис. 44, 6).

Керамические рыболовные грузила представляют собой непреходящий атрибут атымьинских комплексов. Предметы объединяет отсутствие каких-либо приспособлений

для крепления к снасти (шляпки, канавки или рожки на концах). Различия в конфигурации тела и оформлении торцевых частей позволяют выделить три типа изделий.

К первому типу отнесены грузила в виде сфероидов (рис. 39, 7; 41, 7). Они найдены пока только на поселении Геологическое XVI. Похожий предмет, близкий по форме «обыкновенной гальке», встречен на поселении переходного времени Кама (Нижняя Конда) [Визгалов, Фильчаков, 1988, с. 24, рис. 1, 1].

Второй тип представлен изделиями укороченных пропорций с цилиндрическим или слегка раздутым туловом и округлыми концами (рис. 39, 3–5; 41, 1–6, 8, 11, 13–14). Предметы происходят с поселения Геологическое XVI.

Третий тип – укороченные грузила с резко раздутым туловом и округло-приостренными концами. В работах М.Ф. Косарева они фигурируют как биконические [1979, с. 16]. Они найдены на поселениях Атымья IV, Тыня XXIII, Еныя 12, Деревенское II, Сатыга VIII, XI и многих других (рис. 11, 4–5, 9; 39, 1–2; 41, 9; 67, 7). Это самая распространенная форма изделий не только на рассматриваемой территории, но и за ее пределами. Особенно много их найдено на памятниках Нижнего Притоболья [Юровская, 1973, рис. 4, 4; 7, 3–4; Ковалева, 1977, рис. 4, 7–8; рис. 5, 2–3; Зах, 2002, рис. 5, 1, 5–7, 11–14; 7, 8–9; Ткачева, 2004, рис. 1, 4, 7; Волков, 2004, рис. 3, 2, 3; Зах, Скочина, 2006, рис. 2, 9]. Единичные предметы были обнаружены на поселениях Екатериновка I в Среднем Прииртыше [Петров, 1987, с. 11, рис. 1, 29], Ботай I в Северном Казахстане [Зайберг, 1993, фото 13], Соровское II в бассейне р. Большой Салым, Тух-Сигат IV в Васюганье [Жирюшин, 2004, рис. 69, 8]. Вместе с тем необходимо отметить, что биконические грузила, найденные на уральских объектах (Шигирский торфяник, поселение Шувакиш I) и отдельных стоянках Нижнего Притоболья (Андреевская II стоянка, ЮАО-VIII), отличаются от грузил третьего типа более вытянутой формой. Эта особенность позволяет рассматривать их в качестве отдельного варианта в рамках третьего типа (см. ниже).

До сих пор у большинства исследователей существует устойчивое мнение, что на территории Нижнего Притоболья на протяжении ЭРМ сосуществовали керамические грузила различных форм: биконические, сигаровидные, с раздвоенными концами [Косарев, 1979, с. 18; Ковалева, 1995, с. 26–27; Волков, 2004, с. 34–35, рис. 3; Волков, Чикунова, 2006, с. 43–44]. Однако на поселениях Конды наблюдается иная картина. Здесь исследованы однослойные и стратифицированные памятники переходного времени и бронзового века, с которыми связаны грузила разных типов. Находки позволяют наметить общие тенденции в развитии данной категории вещей на протяжении всей ЭРМ [Визгалов, Фильчаков, 1988, с.

25; Кокшаров, 1993В, с. 7–8, 11]. Причем в основание намеченного эволюционного ряда попадают грузила атымьинских поселений, имеющие самую простую форму.

Наиболее массовая группа находок на поселениях – бытовая керамика. Она представлена преимущественно круглодонными сосудами. Они тонкостенны, имеют аккуратно обработанные внешние поверхности, расчесы, оставленные на внутренних стенках грубыми шпателями. Несмотря на общие декоративно-морфологические признаки, атымьинские коллекции имеют локальные особенности.

Керамика отдельных памятников отличается по составу формовочных масс. Это замечание касается материалов, происходящих как из разных речных систем, так и из расположенных в пределах одного Кондинского бассейна. Так, например, сходные (но не идентичные) рецептуры глиняного теста отмечаются на комплексах поселений Атымья VII и Еныя 12 [Стефанов и др., 2005, с. 76]. Иная картина наблюдается при рассмотрении комплекса поселения Геологическое XVI (раскоп III), где в качестве отощителя в глину добавлена кварцевая дресва в виде гальки (28,8%) или измельченной крошки (18,8%).

Своеобразие керамических комплексов отражено в наборе штампов, технике воспроизведения декора и наборе орнаментальных мотивов.

Для посуды верхнекондинских памятников характерно использование зубчатых штампов в виде арок. На поселении Геологическое XVI, в раскопах III–IV, их удельный вес составляет, соответственно, 6,8 и 6,3% (рис. 95). Из почти сотни сосудов, найденных при раскопках поселения Еныя 12, семь экземпляров были украшены данными орнаментами [Стефанов и др., 2005, с. 70, 76, рис. 13, 1; 16, 1, 4]. Черепки с отпечатками дуговидных штампов найдены на поселениях Еныя 13 [Старков, 1994], Шешушум [Стефанов, Морозов, 1992, с. 89], Лемья 1.5 [Беспрозванный, 1992] и Большая Умытъя 66 [Плешкова, 1994]. На керамике поселений р. Атымья отпечатки арочного штампа встречены лишь на одном сосуде стоянки Атымья II (рис. 15, 1). С другой стороны, на тулове и в придонной части сосудов с северных памятников Тавды и Конды не известны узоры из ямок, обычные для нижнекондинских комплексов (рис. 68, 19–20).

Существенные вариации наблюдаются и в использовании приема шагающей гребенки. На посуде Еныя 12 он встречен на 12% сосудов. Его доля среди других способов орнаментации на поселениях Атымья VII и Геологическое XVI (раскоп III) до 7,6 и 2,2% соответственно. Имитация такого архаичного приема, как отступающая палочка, исполненного мелкозубой гребенкой, на керамике Атымья VII ~5% от числа прочих приемов. Он ни разу не встречен на памятниках Верхней Конды. При обработке коллекции Атымья VII было установлено, что более 50% сосудов украшено геометрическими узорами,

что сближает ее с материалами раскопов III–IV Геологического XVI – 57 и 54%. Однако эти показатели более чем в два раза превосходят результаты, полученные для материалов Еныи 12 (до 20%) [Стефанов и др. 2005:76]. Комплексы различаются между собой по удельному весу в орнаменте бордюров из рассеченных сеток. На керамике Атымьи VII и Геологического XVI (раскопы III–IV) они составляют соответственно 0,5, 4,7 и 6,1%. Этот мотив достаточно типичен и для Еныи 12 [Там же]. Несоответствия прослеживаются и по частоте встречаемости линейных мотивов. Так, например, пояски из вертикально поставленных отрезков гребенки на Атымье VII, Геологическом XVI (раскопы III–IV) составляют 4,9, 12,3 и 16,6%.

В типологическом отношении посуда атымьинского типа сопоставима с липчинской, поэтому она рассматривалась в качестве одного из северных вариантов последней [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 61]. Причем наиболее близка липчинской керамика самых ранних атымьинских поселений – Атымьи VII, Карыма IX, Пашкиного Бора VI и др., где отмечены гребенчатые узоры, выполненные путем имитации приема отступающей палочки (рис. 3; 4, 1, 4, 7, 9, 11–12; 5, 2, 4–5, 8–10; 68, 2, 20).

На яркие и своеобразные комплексы атымьинского типа pp. Тавды и Конды обратили внимание специалисты.

Поселение Атымья VII, где более 90% сосудов украшено оттисками гребенчатых штампов [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 47], включено М.Ф. Косаревым в число энеолитических памятников с отступающе-накольчатой керамикой. Оно фигурирует в одной группе с липчинскими, артыньскими и новокусковскими комплексами [Косарев, 1991, рис. 17–19]. Позднее он высказался о сходстве атымьинских и липчинских комплексов более определенно, указав, что они *«генетически родственны и относятся к единому этнокультурному массиву»* [Косарев, 1993, с. 55].

Предложения по выделению локальных вариантов липчинской культуры [Ковалева, 1977, с. 99; Старков, 1981, с. 67–69] поддержала в целом Н.М. Чаиркина [1995, с. 17–18]. Атымьинские памятники фигурируют в ее работах в качестве северозауральского варианта липчинской культуры [Там же; Она же, 1998, с. 308–309]. Она подчеркивает, что в атымьинской керамике наиболее органично сочетаются и воплощаются синкретичные технико-морфологические показатели [Она же, 1995, с. 19; Она же, 2005, с. 296].

А.Ф. Шорин также указывает на специфику материалов Кондинской низменности на фоне известных энеолитических древностей, говоря об их существенном сходстве с аятскими и липчинскими комплексами Среднего Зауралья. По мнению исследователя, они тяготеют к материалам Нижнего Приобья (Амня IA, Сартынья I, Малый Атлым и др.) североуральской

провинции, входящей наряду с горно-лесной зауральской и казахстанской провинциями в состав культурно-исторической области (КИО) культур гребенчатого геометризма [Шорин, 1995, с. 19, 21; Он же, 1999А, с. 31–32].

По В.С. Мосину, оригинальность керамики атымьинских поселений проявляется в сочетании липчинских и аятских черт [2000, с. 92]. К первым археолог относит отступающе-накольчатую манеру исполнения узоров, наличие среди мотивов высоких треугольников, вертикальных заштрихованных полос, вертикальное деление орнаментальных зон, использование ямок; ко вторым – преобладание оттисков гребенчатого штампа, наличие геометрических мотивов (ромбы, низкие треугольники, зигзаг) и простых (полосы оттисков штампа, шагающей гребенки). Исследователь рассматривает атымьинскую керамику как синкретичную, объясняя подобный облик тесными контактами разных групп населения. Результат этого взаимодействия отражен в смешении двух орнаментальных традиций – аятской и липчинской [Там же].

Принадлежность атымьинских поселений верховьев р. Тавды к памятникам липчинской культуры не отрицают В.Т. Ковалева и Т.Ю. Клементьева [2004, с. 18].

Приведенные мнения показывают, что некоторые археологи не воспринимают многокомпонентность атымьинских комплексов, пытаясь разделить последние на составляющие. По своей сути подобное отношение контрпродуктивно, так как любые упрощения, включая типологические построения, неизбежно ведут к искажению исходных данных. Впрочем, подобный подход к северным материалам не удивляет, поскольку почти все упомянутые авторы являются сторонниками «классического» определения облика керамики липчинского типа. Согласно ему липчинская посуда декорирована исключительно в отступающе-накольчатой (крупнонакольчатой и ложношнуровой) технике орнаментации [Косарев, 1981, с. 42; Чаиркина, 2005, с. 53, 60; Шорин, 1999А, с. 61]. Однако этот взгляд существенно расходится с картиной, складывающейся при изучении источниковой базы, и порождает проблему идентификации липчинских древностей. Приведу лишь некоторые из цифр.

При анализе коллекций 323 энеолитических памятников Среднего Зауралья и выяснилось, что «классическая» липчинская посуда крайне редко встречается в чистом виде. Она отмечена лишь на 14 пунктах, или 4,5% поселений, из которых раскопками изучена лишь одна стоянка – Исетское XIII. В числе торфяниковых объектов, давших исключительно ложношнуровую керамику, фигурирует Дальний «разрез» Горбуновского торфяника [Чаиркина, 2005, с. 51, 53, 67]. В других случаях ее сопровождают сосуды швакишского и аятского типов, украшенные гребенчатыми узорами [Там же, с. 270]. Не

менее примечательная картина наблюдается и к востоку от Урала. За многолетний период археологических исследований на юге Тюменской области удалось выявить лишь одно поселение с «классической» липчинской керамикой – Велижаны 1 [Асташкин и др., 1995, с. 33]. Не исключено, что раскопки Исетского XIII и Велижан 1 могут изменить сложившиеся взгляды в отношении этих памятников. Таким образом, вычленение из коллекций посуды с ложношнуровым орнаментом привело к отнесению подавляющей части липчинских поселений горно-лесного Урала и собственно Липчинской стоянки к числу памятников со смешанными материалами.

Отступающе-накольчатая (ложношнуровая) керамика, присутствует практически на всех археологических объектах лесной, лесостепной и степной зон Зауралья. Она имеется на большинстве памятников аятской культуры в Среднем Зауралье [Мосин, 2003, с. 75], на поселениях кысыкульско-суртандинской культуры Южного Зауралья, где составляет 10–12% от числа орнаментированных фрагментов [Он же, 2005, с. 35]. В.С. Мосин не склонен рассматривать эту посуду «как примесь отдельной липчинской культуры». Отсутствие поселений с исключительно «классической» посудой привело его к постановке закономерного вопроса: а была ли вообще липчинская культура? [2003, с. 74–75]. Правда, отрицая ее существование, исследователь сохраняет определение «*липчинский тип*» по отношению к своеобразной технике нанесения орнамента. Не столь категорична Н.М. Чаиркина, использующая по отношению к липчинским древностям обтекаемый термин «*культурный тип памятников*». Он созвучен, но одновременно не тождествен понятию «археологическая культура» [2005, с. 279].

Е.Н. Волков полагает, что отступающе-накольчатая техника, используемая для воспроизведения геометрических узоров, воплощает в себе «*липчинский орнаментальный (культурный) стандарт*» [2002, с. 67]. На это можно возразить, что использование определения «*стандарт*» по отношению к образцам первобытного декоративного творчества представляется некорректным [Кокшаров, 2008Б, с. 143]. Несмотря на присутствие небольшого количества «классической» липчинской керамики на памятниках лыбаевской культуры (могильник Бузан 3, поселения Лебяжий Борок 17 и Двухозерное 1), Е.Н. Волков заключает, что «*липчинская культура в Тоболо-Исетском междуречье самостоятельного значения не имеет*» [2006, с. 34], предлагая провести ревизию памятников, отнесенных ранее к числу липчинских, исключив Тюменское Притоболье из ареала этой культуры [Там же, с. 22; Он же, 2007, с. 13]. Однако даже сторонники «классического» определения облика липчинской посуды включают Среднее и Нижнее Притоболье в территорию липчинской культуры [Шорин, 1999Б, с. 8; Чаиркина, 2005, с.

279]. К сказанному можно добавить, что воспроизведение узоров в технике ложного шнура отмечено за пределами липчинского ареала на энеолитической керамике поселения Тух-Сигат IV в Васюганье [Кирюшин, 2004, с. 47].

Действительно, исключение из состава липчинских коллекций посуды с гребенчатыми узорами позволило обойти другую крайне сложную тему – выяснение различий между липчинской и аятской керамикой [Шорин, 1993, с. 87, 89]. Если учесть, что *«основные характеристики аятской посуды почти полностью совпадают с признаками кысыкульско-суртандинской керамики и в значительной степени с ботайской и северотургайской»* [Мосин, 2000, с. 71], а также ставится знак равенства между раннеаятскими и шувакишскими материалами [Шорин, 1999А, с. 61], то глубина поднятой проблемы становится еще более очевидной.

Пристальное внимание к орнаментальным традициям обусловлено тем, что они могут отражать своеобразие оставившего их населения. По мнению М.Ф. Косарева, ложношнуровые, гребенчатые и гребенчато-ямочные орнаментальные комплексы Тюменского Притоболья свидетельствуют об одновременном проживании разных в культурном (этническом?) отношении групп населения – липчинцев, шапкульцев и носителей гребенчато-ямочной керамики [1981, с. 59]. Многие археологи восприняли предложенную историческую интерпретацию археологических находок с большим воодушевлением, поскольку она наполняла конкретным содержанием самый массовый археологический источник – керамику. Однако они не придали значения последующему изменению позиции автора по данному вопросу. В одной из поздних работ М.Ф. Косарев уже не столь категоричен и поясняет, что группировка энеолитической керамики по особенностям декора выбрана им для *«более системной подачи материала»* [1993, с. 39].

При существенных разногласиях в определении особенностей липчинской и других культур археологи сходятся во взглядах относительно необходимости объединения средне- и южноуральских, а также ряда западносибирских энеолитических древностей в составе культурно-исторических общностей и областей. Этот вопрос поднимался еще в 1990 г. при публикации материалов поселений р. Атымьи [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 62]. Почти одновременно было предложено несколько определений для обозначения данного явления: *зауральская общность энеолитических культур геометрической керамики* [Калиева, 1990, с. 13–16; Она же, 2001, с. 154–156; Калиева, Логвин, 2006, с. 380], ЗСК КИО [Чаиркина, 1993, с. 217], *зауральско-казахстанская культурно-историческая область культур гребенчатого геометризма* [Шорин, 1995, с. 14–24]. Наконец, В.С. Мосин ввел новую

дефиницию «*центральноуральская энеолитическая культура*», призванную вновь объединить кысыкульско-суртандинско-аятско-липчинские древности [2007, с. 169].

В перечисленных образованиях фигурируют примерно одни и те же памятники, общей чертой которых является керамика со специфической орнаментацией. Однако приведенные дефиниции нельзя признать удачными по следующим причинам. Во-первых, под Зауральем подразумевается неопределенное обширное пространство, лежащее к востоку от Урала. Во-вторых, убедительны доводы С.С. Калиевой, указывающей на этнополитический подтекст таких определений, как «казахстанский» и «североказахстанский», неуместных по отношению к изучаемому периоду [2001, с. 154–156]. В-третьих, авторы предлагаемых концепций фактически продолжают развивать взгляды О.Н. Бадера, рассматривавшего энеолитические памятники указанной территории в рамках липчинского этапа *восточноуральской историко-культурной области* [1970, с. 163, рис. 2], что объясняет сходство керамики различных энеолитических культур. Наконец, важно подчеркнуть приоритет взглядов О.Н. Бадера по данному вопросу [Кокшаров, 1993А, с. 90; Он же, 2008Б, с. 150–151].

В границы восточноуральской области органично вписываются и атымьинские поселения Кондинской низменности. Однако следует пояснить следующее.

Соотнесение атымьинских материалов с липчинскими не означает, что они оставлены мигрирующим населением липчинской культуры Среднего Зауралья или Притоболья, как это представляется некоторым специалистам [Ковалева, Клементьева, 2004, с. 16; Чаиркина, 2005, с. 270–271]. Для подобной интерпретации археологического материала отсутствуют достаточные основания. Сейчас правильнее вести речь о близости или значительном сходстве культуры горно-уральского и части западносибирского населения, заселявшего Кондинскую низменность в конкретный период, за которым следует сохранить название «липчинский», предложенное ранее О.Н. Бадером.

Говоря об атымьинских древностях, ряд исследователей не исключают возможности выделения в перспективе атымьинской археологической культуры [Стефанов и др., 2005, с. 76]. Введение нового понятия на источниковедческом этапе работы поставит перед археологами новые исследовательские задачи, в числе которых фигурируют выяснение территории культуры, ее локальных вариантов, хронологии, динамики, внешних связей [Стефанов и др., 2005, с. 76]. Безусловно, обозначенные вопросы важны, но они должны решаться на втором, интерпретационном, этапе, когда специалисты подходят к конечной цели исследования – возможной социологической интерпретации археологического материала [Бунятян, 1988, с. 197] или к системно-экологическим построениям, которыми

занимается процессуальная археология [Фаган, Де Корс, 2007, с. 96–97]. Такая работа уже проводилась и была реализована в виде социально-экономической модели исчезнувшего кондинского общества, которое оставило, кстати, не только атымьинские памятники [Кокшаров, 1992А, с. 3–17]. Предложенная модель, построенная на основании данных экологии, археологии и этнографии, не может быть признана окончательной, так как нуждается в дальнейших уточнениях и дополнениях.

Определяя время существования атымьинских памятников, следует принять во внимание стратиграфические и планиграфические наблюдения, облик керамики и каменного инвентаря, а также радиоуглеродные даты, полученные как для поселений атымьинского типа, так и для липчинской культуры.

Из наблюдений на поселении Еныя 12 следует, что атымьинские комплексы не самые архаичные из древностей переходного времени Кондинской низменности. О том же свидетельствует облик керамики еныйского и атымьинского типов.

Атымьинская посуда с декором, насыщенным геометрическими узорами, не выглядит статичным во времени явлением. Материалы с верховьев рр. Тавды и Конды демонстрируют тенденции в изменении соотношения приемов орнаментации и орнаментальных мотивов и, как следствие, позволяют наметить относительную хронологию отдельных объектов. Установлено, что на посуде поздних тавдинских стоянок (Атымья II, IV) исчезают такие архаичные приемы, как отступающая палочка (точнее, ее имитация), прекращается использование рамчатых штампов, снижается количество мотивов, выполненных шагающей гребенкой. При этом появляются узоры, выполненные зубчатым орнаментом в виде арочек (так называемый чешуйчатый штамп). Если на Атымье II зафиксировано единичное использование этого инструмента, то на керамике поселений Еныя 12 и Геологическое XVI он применялся относительно регулярно. Частота его применения на верхнекондинской керамике может быть объяснена эпизодическими (?) проникновениями на эту территорию северососьвинского или нижнеобского населения. Речь об этом пойдет в следующем параграфе, при рассмотрении поселений пернашорского типа. Кроме того, чешуйчатые отпечатки на атымьинской посуде можно рассматривать в качестве своеобразного хронологического маркера. Они характерны для керамики чужьяельской культуры во второй период ее существования. К этому времени относится комплекс находок из жилища 3 чужьяельского поселения Ошчой V, датированный 2580 г. до н.э. (4530±40 л.н., ЛЕ-1730) [Стоколос, 1986, с. 100–101].

Декоративно-морфологические особенности не позволяют отнести атымьинскую керамику ко времени более раннему, чем еныйская, не говоря уже об ушынских материалах. Для атымьинских сосудов не характерны выступы на венчике, «жемчужины» с внешней стороны стенок под венчиком, известные по упомянутым коллекциям. С другой стороны, для последних обычно плотное орнаментальное поле, обладающее не столь выраженным по сравнению с атымьинскими комплексами геометризмом. Это проявляется в отсутствии узоров, построенных по принципу синонимии. Однако создается впечатление, что еныйские и атымьинские комплексы разделяет незначительный временной интервал. Об этом можно судить по распространению узоров в виде рассеченных сеток на тулове, вертикальных зигзагов, разделяющих узоры, и взаимопроникающих фигур. На то же указывают шлифованные наконечники с жальцами, встреченные с еныйской и атымьинской керамикой. В качестве дополнительного хронологического маркера, указывающего на архаичность еныйских объектов, можно рассматривать отсутствие в составе последних керамических грузил для сетей. Для устранения предубеждений, касающихся времени их существования, данная категория находок требует более детального рассмотрения.

Выше отмечалось, что материалы Кондинской низменности позволяют наметить общую тенденцию в развитии этих вещей на протяжении всей эпохи раннего металла [Визгалов, Фильчаков, 1988, с. 25; Кокшаров, 1993В, с. 7–8, 11], а в начале намечаемого эволюционного ряда оказываются грузила самых простых форм из атымьинских объектов. Как выясняется, наблюдаемая картина может быть справедлива не только для данной территории, но и для Нижнего Притоболья и Приишимья. В этой связи наибольший интерес представляют изделия, отнесенные к третьему типу, которые распространены на значительной территории Приуральской части Западной Сибири. Самые северные памятники, где они встречены, расположены на юге Северососьвинской возвышенности (Кондо-Сосьвинский водораздел) и в Приишимье (Северный Казахстан). Западная граница ареала биконических грузил проходит по горно-лесной зоне Среднего Урала, а восточная – по объ-иртышскому междуречью. В большинстве случаев вещи залегали в переотложенном состоянии или в нестратифицированных слоях, поэтому их связь с каким-то определенным типом керамики не установлена. Исключения из этого правила немногочисленны – поселения Ботай I, ЮАО-VIII и Чечкино 2. Рассмотрим материалы перечисленных памятников подробнее.

Поселение Ботай I, расположенное в Приишимье, отнесено В.Ф. Зайбертом, наряду с Красным Яром, Васильковкой, Бестамаком и др., к первой хронологической группе

памятников ботайской культуры. Время их существования определено XXIX–XXI вв. до н.э., а более узкие границы – XXVI–XXII вв. до н.э. [1993, с. 153, рис. 56]. Несмотря на расположение Ботая I в совершенно иной ландшафтно-климатической зоне, грузила, найденные на нем, абсолютно идентичны атымьинским [Там же, фото 13]. Применение однотипных вещей узкого назначения южным и северным населением Западной Сибири позволяет рассматривать их в качестве своеобразного надкультурного явления, ограниченного во времени. Синхронность ботайских и атымьинских поселений неоднократно подчеркивалась ранее, когда говорилось о сходстве геометрических узоров на керамике обоих типов при очерчивании ареалов этнокультурных областей энеолита [Кокшаров, 1993А, с. 89; Чаиркина, 1997, с. 35; Шорин, 1999А, с. 89]. Этому выводу не противоречит отщеповой характер каменной индустрии и использование двусторонне ретушированных наконечников стрел на обозначенной территории.

Коллекция биконических грузил связана с поселением ЮАО-VIII, расположенным на оз. Андреевском на юге Тюменской области. Андреевские находки отличаются от атымьинских и ботайских более вытянутой формой [Ковалева, 1977, рис. 4, 7–8]. Сейчас преждевременно говорить о синхронности кондинских, приишимских и притобольского памятников, хотя последний, казалось бы, удачно заполняет лакуну между северными и южными комплексами. Причина тому – своеобразие посуды ЮАО-VIII, неоднозначно оцениваемой специалистами, а также архаичный облик каменного инвентаря.

Археологи затруднялись с определением культурной принадлежности ЮАО-VIII, относя его к шапкульским и липчинским комплексам [Ковалева, 1979, с. 10; Она же, 1977, с. 102–103; Косарев, 1981, с. 37, 45]. Выход из противоречивой ситуации виделся в переосмыслении типологической принадлежности памятника, но это ограничивалось обычно попыткой введения новых неудачных дефиниций. Сначала М.Ф. Косарев включил ЮАО-VIII в особую группу энеолитических памятников Притоболья, названную им козловской [1993, с. 46–48]. Однако его предложение не нашло поддержки. Затем Н.М. Чаиркина определила ЮАО-VIII в качестве поселения протошапкульского типа [1997, с. 30], что также не встретило понимания у коллег [Ковалева, Клементьева, 2004, с. 18].

Коллекция ЮАО-VIII включает две группы посуды: гребенчатую и менее представительную крупнонакольчатую, которые, по мнению В.Т. Ковалевой, образуют единовременный комплекс [1977, с. 98, 101]. В декоре первой группы, определенной условно как шапкульская, имеются несомненные архаичные черты: пояски «жемчужин» снаружи сосудов в зоне под венчиком, плотное орнаментальное поле в виде монотонных и геометрических узоров, выполненных гребенчатыми штампами [Там же, рис. 4, 5–6, 9]. По

перечисленным признакам она, несомненно, ближе к ушьинской и еныйской посуде, чем к атымьинской и ботайской. Вторая группа керамики ЮАО-VIII имеет явное сходство с богато декорированной атымьинской посудой. Это проявляется в построении и разреженности орнаментальных композиций, в которых присутствуют вертикальные и наклонные колонки, зигзаги, треугольники и сетки. Правда, узоры воспроизведены своеобразными двузубыми штампами или палочкой. Одни археологи относят подобные комплексы к варианту липчинской культуры [Там же, с. 102–103; Панфилов, 1993, с. 36, рис. 17, 1–2], другие – к байрыкской культуре [Зах, 2006, с. 31].

Сейчас можно признать, что проблема культурной атрибуции ЮАО-VIII не решена и дальнейшее обсуждение этой темы полностью зависит от оценок специалистов. По этому поводу оформилось два взаимоисключающих мнения.

Если признать однослойность памятника, на чем настаивает В.Т. Ковалева, опирающаяся на его стратиграфию [1977, с. 99, рис. 1, *Б–В*], то правильнее говорить о комплексах «типа ЮАО-VIII», которые из-за многокомпонентности керамики не укладываются в действующие типологические схемы. В таком случае поселение ЮАО-VIII является единственным, где в одном комплексе присутствуют биконические грузила и наконечники стрел кельтеминарского облика [Там же, с. 95, рис. 2, 1–9].

При допущении двуслойности ЮАО-VIII, следует признать самостоятельность и разновременность посуды с гребенчатым и крупнонакольчатым орнаментом. Этот подход отстаивает В.А. Зах. Аргументация построена на материалах поселения Чечкино 2, где представлены обе группы керамики, известные по ЮАО-VIII. По его мнению, они связаны с двумя разновременными жилищами [2002, с. 25–36]. Судя же по публикации, в заполнении котлована жилища 1 встречены развалы сосудов обоих типов: как с гребенчатым, так и с крупнонакольчатым орнаментом. Несмотря на преобладание в жилище 1 посуды с гребенчатыми узорами, исследователь отодвигает на второй план присутствующую в нем керамику с крупнонакольчатым орнаментом, относя сооружение к числу шапкульских [Там же, с. 34]. По облику находок и дате, полученной по углю – 4784 ± 167 л.н. (УПИ-736) или 2834 ± 167 л. до н.э. – жилище 1 отнесено к концу IV – началу III тыс. до н.э. [Там же, с. 34–35]. Жилище 2, где представлена керамика с крупнонакольчатым и гребенчато-ямочным орнаментом, датировано более поздним временем [Там же]. Выводы подкреплены стратиграфическими наблюдениями, находками биконических грузил третьего типа и наконечников стрел (двусторонне ретушированный и шлифованный наконечники с шипами) [Там же, с. 26–27, рис. 4; 5, 1, 3, 4–7, 9, 11–15; 6].

Знакомство с материалами Чечкино 2 позволяет усомниться в некоторых выводах В.А. Заха. Во-первых, настораживает то обстоятельство, что они сформулированы на материалах жилищ, раскопанных менее чем наполовину. Во-вторых, не убеждает шапкульская принадлежность жилища 1, поскольку в его заполнении лежали развалы сосудов обеих орнаментальных групп [Зах, 2002, с. 26]. Обойдены молчанием и не комментируются материалы ЮАО-VIII, где керамика с гребенчатым и накольчатым орнаментом образует единовременный комплекс. Между тем, сосуществование на одном поселении двух орнаментальных традиций (отступающе-накольчатой и гребенчатой или гребенчато-ямочной) не представляет собой исключительного явления, так как оно отмечается с неолита [Панфилов, 1993, с. 35]. Этот вывод, сформулированный в свое время для памятников Тюменского Приишимья, может быть справедлив и для Нижнего Притоболья. Судя по всему, В.А. Зах не допускает существования многокомпонентных энеолитических комплексов, которые могли эволюционировать по пути исчезновения в них архаичной составляющей, воплощенной, например, в шапкульской керамике.

Присутствие в чечкинском жилище 2 посуды с крупнонакольчатым и гребенчато-ямочным орнаментом, а также шлифованного наконечника пятого типа и биконических грузил, действительно, свидетельствует о его позднем возрасте. Если при дальнейших раскопках объекта в нем не обнаружатся керамика шапкульского облика и кельтеминарские наконечники, его можно будет уверенно синхронизировать с атымьинскими памятниками и поселением Ботай I. Учитывая дату, полученную для жилища 1, и факт перекрытия его слоем, заполняющим жилище 2, можно говорить, что второй объект функционировал позже, вероятно, речь может идти о второй трети III тыс. до н.э.

Рассматривая керамические грузила как хронологический индикатор, необходимо объяснить причины их отсутствия на собственно шапкульских поселениях [Старков, 1976, с. 44, 46]. Здесь могут отражаться как особенности хозяйственной деятельности обитателей жилищ, раскопанных на Малом Барашке I и Шапкуле I, так и более ранний возраст шапкульских памятников, о чем говорилось выше (архаичность шапкульской керамики и сопутствующих ей кельтеминарских наконечников). Если в будущем подтвердится существование объектов «типа ЮАО-VIII», то их следует признать также более поздними по отношению к шапкульским. Правда, принимая во внимание характер камнеобработки, хронологический разрыв между ними не должен быть велик. Население, оставившее те и другие памятники, использовало сходное сырье (уральскую яшму), применяло единую технологию расщепления камня, изготавливало однотипные наконечники стрел. Много общего имеется и в облике керамики. Как неоднократно отмечалось выше, посуда с

гребенчатыми узорами с ЮАО-VIII, Чечкино 2 и Чепкуля 21 определяется археологами как «шапкульская» или «протошапкульская».

Вместе с тем в коллекциях Шапкуля I и Малого Барашка I отсутствует посуда с крупнонакольчатым орнаментом, относимая некоторыми археологами к варианту липчинской. Если рассматривать ее наличие в коллекциях в качестве позднего признака, то архаичность собственно шапкульских памятников получает дополнительное подтверждение. Однако возведение абсолютизация различий шапкульской и всей липчинской керамики представляется неправомерной. Так, например, 5 из 84 сосудов стоянки Шапкуль I украшены узорами, нанесенными в технике отступающей палочки, а сама техника гребенчатой орнаментации очень близка отступающе-накольчатой липчинской [Старков, 1976, с. 42]. Близость коллекций проявляется также *«в видах орнаментальных узоров и их композиции на сосудах. Для обеих ... характерен ярко выраженный геометризм: основным видом орнамента является мотив треугольника, реже встречаются прямоугольники и трапеции. Размещение орнамента на сосудах строится по принципу деления его на горизонтальные зоны, применяется и вертикальный поясok – мотив, идущий от наиболее ранней керамики лесного Зауралья. Узоры сопровождаются ямочными вдавлениями в верхней части сосуда»* [Там же, с. 47].

На реальность существования многокомпонентных комплексов, отличных по своему составу от ЮАО-VIII, указывают материалы притобольского могильника Чепкуль 21 [Зах и др., 2005]. В его пределах изучено 7 погребений, расположенных в линию, из которых происходит керамика с гребенчатым и ложношнуровым орнаментом. Первая соотносится с посудой шапкульского типа, а вторая – с липчинской. На одновременность погребений 3–5 указывают найденные в них фрагменты от одного сосуда, отнесенного к шапкульскому типу [Там же, с. 27, рис. 4, 1]. Кроме того, фрагменты горшка липчинского типа обнаружены в заполнении погребений 4 и 6, что также дает основания для их синхронизации. Правда, авторы публикации не акцентируют внимания на липчинском материале, говоря о проблематичности его связи с могильником [Там же, с. 40]. Наконец, в захоронениях 3–6 обнаружены кельтеминарские наконечники стрел [Там же, табл. 2], а в могиле 2 – обломок керамической поделки, определенной как грузило [Там же, с. 25]. Однако данный предмет слишком невыразителен, чтобы можно было говорить о его функциональном назначении. Несмотря на присутствие липчинской керамики в заполнении не одного, а сразу двух погребений, тюменские и екатеринбургские археологи отнесли могильник к числу шапкульских памятников [Там же, с. 40; Чаиркина, 2005, с. 289].

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что решение вопроса о времени бытования памятников атымьинского типа Кондинской низменности связано теснейшим образом с проблемами датировки не только липчинских, но и шапкульских памятников.

В свое время В.Н. Чернецов отнес материалы Липчинской стоянки к III–II тыс. до н.э., или переходному периоду от каменного к бронзовому веку, времени появления первых металлических орудий [1953, с. 40]. В.Ф. Старков принял во внимание сходство керамики липчинской и открытой им шапкульской культур и пришел к выводу об их синхронности. Для выяснения возраста обеих культур были привлечены стратиграфические данные с поселения Малый Барашек I, где отмечен один из немногих случаев перекрывания шапкульского жилища слоем, содержащим керамику андреевской культуры [Старков, 1980, с. 165]. Исследователь активно оперировал данными почвоведов и палеогеографов, полученными на уральских торфяниках, которые сопоставлял впоследствии с археологическими материалами. При анализе источников было определено, что каменный век Зауралья не выходит за рамки атлантического периода, а энеолит (время существования шапкульских и липчинских памятников) укладывается во вторую половину III тыс. до н.э., или в начало суббореала. В построениях учитывалась абсолютная дата для дерева, найденного в нижнем слое VI разреза Горбуновского торфяника – 4360 ± 200 л.н. (Mo-1), содержащем, кроме того, обломки липчинской посуды [Старков, 1970А, с. 8]. С отнесением липчинских памятников к суббореальному времени согласились другие археологи [Ковалева, 1979, с. 10; Косарев, 1981, с. 44; Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 60]. Складывалась парадоксальная ситуация: несмотря на почти 500-летний период существования липчинской культуры, подчеркивалась невозможность выделения внутри нее хронологических этапов [Ковалева, 1979, с. 17; Косарев, 1993, с. 54].

Ранее Н.М. Чаиркина рассматривала энеолитические комплексы Среднего Зауралья в рамках одной археологической культуры, прошедшей в развитии липчинский и аятский этапы. Ею отмечена важность выявления стадий или культурно-хронологических пластов энеолита, но указано на отсутствие необходимых стратиграфических и радиоуглеродных данных [1993, с. 217]. Позднее она не ведет речи об археологической культуре, разделяя энеолит на две фазы. Первая, липчинская (по распространению памятников липчинского типа), удревнена до второй – начала третьей четверти III тыс. до н.э., а вторая, не атрибутированная, совпадает с существованием ЗСК КИО второй половины III – началу II тыс. до н.э. [Чаиркина, 1995, с. 20; Она же, 1997, с. 35, 38; Она же, 1998, с. 309].

В работах А.Ф. Шорина также говорится о выделении периодов раннего и позднего энеолита [1995, с. 38–40; 1999А, с. 88–90]. Исследователь удревняет уральский энеолит до

рубежа IV–III тыс. до н.э., или заключительного этапа атлантика, связывая его начало с формированием липчинских комплексов. В позднем энеолите (середина III – начало II тыс. до н.э.) липчинская орнаментальная традиция растворяется в аятской печатно-гребенчатой, усилив геометризм последней. Это отражено в сложении моршининских комплексов [1995, с. 38–39], хотя и допускается неоднозначность полученных выводов [1999А, с. 88–90].

В диссертационном исследовании В.А. Заха рамки энеолита определены концом IV–рубежом III–II тыс. до н.э. Опираясь на стратиграфические данные и абсолютные даты, он обозначил ранне- и позднеэнеолитические древности. В числе первых фигурируют объекты шапкульской и екатерининской культур екатерининского этапа, а ко вторым отнесены материалы байрыкской, липчинской и андреевской культур, а также памятники александровского этапа екатерининской культуры [2006, с. 28–34, 44–45]. К сожалению, исследователь не обозначил хронологические границы этапов.

В.С. Мосин отвел существованию энеолитических комплексов почти полторы тысячи лет – от второй половины IV до начала II тыс. до н.э. [2007, с. 158]. Несмотря на внушительный временной диапазон, его отношение к внутренней периодизации энеолита более чем скептически: *«...известные нам памятники не относятся к какому-либо конкретному хронологическому срезу, а охватывают весь период»* [2007, с. 158]. Следуя логике исследователя, центральноуральская культура (включающая, кстати, памятники липчинского типа) оставалась совершенно неизменной более тысячи лет! Если говорить о зауральском энеолите в целом, то его понимание затруднено из-за обилия археологических культур [Моргунова 2011:189].

В выяснении возраста энеолитических памятников Среднего Зауралья и определению места, занимаемого среди них липчинскими комплексами, следует учесть стратиграфические наблюдения на уральских торфяниках и имеющиеся ¹⁴C даты. Н.М.Чаиркина установила, что самые ранние культурные слои энеолита с посудой шувакишского типа (нижние горизонты поселения Шувакиш XI-Е, Ельничное I-А) или комплексы с преобладанием керамики липчинского типа (нижние слои стоянок Разбойничий Остров, VI разрез Горбуновского торфяника) расположены в сапропеле и нижней части торфяной толщи. Причем однотипная керамика может залегать на разных торфяниках в различных литологических условиях. Этот факт демонстрирует диахронность процессов заболачивания как на отдельных участках какого-либо одного палеоозера, так и на разных водоемах Среднего Зауралья [Чаиркина, 2005, с. 287–288]. Примечательно, что те и другие *«перекрываются слоями, содержащими керамику липчинского, аятского, в меньшей*

степени шувакишского типов, залегающими совместно...» [Там же]. Аналогичная картина наблюдается и на береговых поселениях [Там же, с. 270].

Опираясь на стратиграфические, палинологические показатели и радиуглеродные даты, Н.М. Чаиркина определяет нижнюю границу энеолита (вслед за А.Ф. Шориным) последней третью IV тыс. до н.э. и датирует липчинские комплексы Среднего Зауралья рубежом IV–III – серединой (третьей четвертью?) III тыс. до н.э. [2005, с. 281–282]. Она подкрепляет свои выводы радиоуглеродной датой по дереву из нижнего слоя сапропеля стоянки Разбойничий Остров – 4960 ± 210 л.н. (ИЭРЖ-131) [Там же, с. 288]. Одновременно ею высказаны сомнения относительно происхождения дерева из нижнего слоя VI разреза Горбуновского торфяника, по которому получена дата, использованная в работах В. Ф. Старкова (4360 ± 200 л.н.). Образец может маркировать средний слой стоянки, находящийся в нижней части торфа [Там же, с. 289].

Согласно последним данным, существованию липчинских древностей Урала отводится 500 и более лет, что совпадает в целом с завершающимся атлантическим периодом и началом суббореала [Чаиркина, 2005, с. 288, 290, 296–297]. Липчинские памятники сменяются поселениями с посудой аятского облика. Для последних имеются ^{14}C даты – 4525 ± 175 лет (ИЭРЖ-130) и 4660 ± 35 лет (СОАН-5809), но заключительный этап аятских древностей отнесен к последней трети III тыс. до н.э. [Там же, с. 284, 289].

На сегодняшний день энеолитические памятники горно-лесной части Среднего Урала и территорий, лежащих к востоку от него, разделены на ранние и поздние, т. е. выделяются два этапа энеолита. Уточнения Н.М. Чаиркиной касаются содержания первого из них, в который наряду с липчинскими помещены шувакишские (раннеаятские, по А.Ф. Шорину) комплексы. В предыдущем параграфе говорилось о синхронизации шувакишских и шапкульских древностей и их объединении в один культурно-хронологический пласт, охватывающий отрезок времени на рубеже IV–III тыс. до н.э. [Ковалева, Клементьева, 2004, с. 16–17; Чаиркина, 2005, с. 289]. Синхронизация этих памятников с липчинскими привела к выводу о проживании на одной территории неоднородного в языковом и антропологическом отношении населения [Ковалева, Клементьева, 2004, с. 20].

Вероятно, двухчастная схема справедлива по отношению к Среднему Уралу, где мало однослойных и стратифицированных памятников, но она представляется излишне упрощенной, когда заходит речь об энеолитических объектах Нижнего Притоболья и Кондинской низменности. Это следует из предложения В.А. Заха отнести липчинские памятники к позднему энеолиту, чем допускается более молодой возраст липчинских объектов по отношению к шапкульским и шувакишским. Вместе с тем приведенные факты

и наблюдения позволяют говорить о одновременности липчинских памятников на Среднем Урале и в Притоболье. Ранние должны быть синхронны отчасти шувакишским и шапкульским объектам и, судя по всему, для них характерна посуда с ложношнуровой орнаментацией (Чепкуль 21). Поздние распознаются лучше в Притоболье, где появляются поселения с крупнонакольчатой керамикой. На территории Среднего Урала, где подобная орнаментация отсутствует, угасание ложношнурового декора совпадает с доминированием гребенчатого, ассоциируемого с «аятским геометризмом». В связи с этим следует помнить о специфике памятников с преобладанием липчинской керамики, которое проявляется в отсутствии на них кельтеминарских наконечников [Чаиркина, 2005, с. 283]. Изложенное свидетельствует о одновременности липчинских памятников Среднего Урала и Притоболья. Изучение же их динамики на памятниках Урала и Притоболья осложнено многокомпонентностью и смешанностью находок.

Хронологическая позиция атымьинских древностей корректируется абсолютными датами, полученными на поселении Атымья VII: 4410 ± 40 л.н. (Le-2644) и 4130 ± 40 л.н. (Le-2642) (табл. 19). Судя по их калиброванным значениям – 3100–2920 (68,2%) BC, 3330–2910 (95,4%) BC и 2870–2620 (68,2%) BC, 2880–2580 (95,4%) BC – памятник функционировал на рубеже IV–III – в первой половине III тыс. до н.э. По сообщению А.А. Погодина, в обозначенный временной интервал укладываются радиоуглеродные даты с атымьинского поселения Большая Умытья 74 в верхнем течении Конды. Первый некалиброванный образец с Атымьи VII хорошо согласуется с данными для приуральского комплекса Ошчой V (4530 ± 40 л.н.) и одной из дат для раннеаятского поселения Макуша III (4525 ± 175 л.н.). Эти значения не противоречат выводу о синхронности атымьинских, чужьяельских и части аятских объектов. В тот же хронологический пласт следует отнести поселения ботайской культуры (первая группа) и притобольские комплексы с крупнонакольчатой и гребенчато-ямочной керамикой, объединяемые В.А. Захом в байрыкскую культуру. На одновременность памятников, расположенных к востоку от Урала, указывает не только облик керамической посуды, но и отщеповая техника обработки камня и распространение керамических грузил архаичных форм. Эти синхронизмы свидетельствуют о тесных связях населения, проживавшего восточнее Урала.

Говоря об относительной хронологии атымьинских поселений Кондинской низменности, следует учитывать их более поздний возраст по отношению к еныйским памятникам и, тем более, к шувакишским и шапкульским комплексам. С другой стороны, атымьинские комплексы предшествуют волончинским поселениям р. Конды, относящимся к самому концу переходного периода [Кокшаров, 1991В, рис. 1; Он же, 1993В,

с. 16–17]. Принимая во внимание имеющиеся данные, допустимо отнести памятники атымьинского типа ко второй трети III тыс. до н.э.

3.4. Пернашорский комплекс поселения Геологическое III

Он включает два объекта: жилище 2, от которого сохранились остатки пола, посыпанного охрой, и очаг за пределами сооружения. Для строительства дома была выбрана впадина, возникшая на месте более ранних сооружений. Одно из них надежно датируется мезолитом, другое, к сожалению не сохранившееся, могло быть связано с посудой еныйского типа, обломки которой были сосредоточены вокруг жилищной впадины 1 (см. главу 1). Основательность жилища 2, имевшего углубленный котлован, наличие внешнего очага-кострища, а также представительность керамической коллекции (37 сосудов) свидетельствуют об относительно долговременном характере памятника.

Смешанность находок мезолита – бронзового века в раскопе III делает невозможным выделение пернашорского каменного инвентаря. Однако можно уверенно говорить, что к нему не имеет отношения ни одно из найденных в раскопе III керамических грузил. Они надежно соотносятся с жилищем 3, из которого происходит керамика волвончинского типа.

Пернашорская керамика не вписывается по целому ряду параметров в местную схему развития и является чужеродной на территории Кондинской низменности. При этом она обнаруживает черты сходства с комплексами атымьинского типа. Однако речь идет не обо всех атымьинских объектах, а лишь о материалах раскопов III–IV поселения Геологическое XVI. Коллекции близки не только морфологически, но и в технологическом отношении. Они включают преимущественно круглодонные емкости закрытых форм. Некоторые имеют отогнутые наружу венчики и воспринимаются в качестве горшков с невысокой шейкой. Другая общая черта – разнообразие форм венчиков. Вместе с тем среди сосудов с Геологического III не отмечены емкости индивидуальных форм: ладьевидные и четырехугольные. Древние гончары применяли сходные по визуальному осмотру формовочные массы, включавшие песок, кварцевую крошку и дресву, кусочки охры, а также приемы обработки поверхностей. Если внешние стенки тщательно заглаживались и ложились, то внутренние обработаны зубчатыми шпателями или щепой.

Сравниваемые материалы сближаются по размещению орнамента на внешних и внутренних стенках сосудов и особенностям декора. Пернашорский комплекс Геологического III и атымьинская посуда из раскопов III–IV Геологического XVI имеют

сильные связи по технике орнаментации (*табл. 4* и *рис. 96*)³³ и орнаментальным мотивам (*табл. 5* и *рис. 97*). Сопоставление керамики Геологического III и Атымьи VII показало сильную связь по первому признаку и ощутило более слабую по второму (*табл. 4–5*). Это может быть объяснено территориальной удаленностью памятников.

Нетрудно заметить, что в композициях пернашорской керамики Геологического III абсолютно доминируют монотонные горизонтальные мотивы, которые разрежены бордюрами из простейших геометрических фигур. Геометризм реализован в виде узких полос (зигзаги, вложенные углы, ромбы, треугольники, сетки, ленты), т. е. совершенно иначе, чем на посуде атымьинского типа, где обычны вертикальная разбивка орнаментального поля и построение узоров по принципу обратимости. В зоне под венчиком не наблюдается разнообразия гребенчато-ямочных поясков, характерных для посуды Атымьи IV, VII и Еныи 12. В этом отношении керамика Геологического III опять-таки сближается с материалами Геологического XVI.

Находки с поселения Геологическое III обнаруживают несомненную их близость с коллекцией керамики поселения Амня IA. Это проявляется в закрытой форме сосудов, отогнутых наружу венчиках различной профилировки, в наличии круглых днищ и составе теста, содержащего дресву. Вместе с тем на Геологическом III отсутствуют емкости индивидуальных форм и отмечена затирка внутренних стенок грубыми шпателями.

В свою очередь, амнинский комплекс отличает отсутствие узоров на внутренней стороне стенок сосудов (исключая зону под венчиком), а также желобчато-ямочных поясков. Если же говорить о применении арочных (чешуйчатых) гребенчатых штампов, то они почти в равной степени характерны для сравниваемых материалов. Количество сосудов на Геологическом III и Амне IA, украшенных этими отпечатками, составляет 35 и 47% соответственно (*рис. 98*). В обоих случаях штампы собраны в горизонтальные пояса, разделяющие орнаментальные композиции на зоны разной ширины. Пояса на кондинской посуде составлены из 2–5 параллельных рядов арочных отпечатков, а на амнинской – из 3–11. На посуде Геологического III встречаются отпечатки штампов, не использовавшихся в комплексе Амни IA. Это гребенчатые орнаменты со смещенными зубцами неправильной конфигурации (*рис. 21, 15*).

На керамике обоих памятников отмечено зональное расположение орнамента с обязательным выделением двух зон под венчиком, а также зон тулова и днища. Материалы

³³ Обработка керамики велась по программе, предложенной В.Ф. Генингом [1973].

различаются по составу орнаментальных мотивов. На кондинской посуде обычно встречаются сетчатые узоры, размещенные не только в зоне под венчиком, но и на тулове (рис. 21, 3, 8–9, 11–12, 14–15; 22, 1, 9, 13; 23, 4). Арочные отпечатки с опускающимися ответвлениями, украшающие тулово сосудов Геологического III (рис. 23, 2А–Б), ни разу не зафиксированы на керамике Амни IA. Если на кондинских материалах узоры на тулове в целом монотонны и оживляются узкими бордюрами из геометрических фигур или чередующимися поясами, нанесенными различными зубчатыми инструментами, то на казымских они представляют собой широкие горизонтальные зоны из геометрических фигур (ромбов, прямоугольников, треугольников, рассеченных сеток, зооморфных изображений) (рис. 72, 5, 12; 73). В обеих коллекциях на днищах отдельных сосудов отмечены сетчатые узоры (рис. 23, 2Б; 23, 12; 72, 2А).

Если отвлечься от облика посуды, то сходство поселений Геологическое III и Амни IA проявляется в наличии жилищ с углубленными котлованами, вырытыми на месте более ранних сооружений, в подсыпке охры на полу, открытых кострищах, располагающихся за пределами построек, и в отсутствии керамических грузил для сетей.

Отдельного рассмотрения заслуживают параллели между пернашорской керамикой Геологического III и материалами чужьяельской и ортинской культур.

Сибирские и европейские комплексы посуды действительно схожи по форме и профилировке ее венчиков. Однако говорить о полном их тождестве не приходится. Керамика европейских памятников формовалась преимущественно из глины с примесью песка и шамота. Лишь в единичных случаях зафиксированы отощители в виде гравия, мелкой известковой (?) крошки и измельченного кварцита (?) белого цвета [Пядышев, Хлобыстин, 1962, с. 73; Хлобыстин, 1973, с. 61; Стоколос, 1986, с. 16, 29, 82, 85]. В то же время присутствие дробленого камня в глиняном тесте вполне обычное явление для сибирских материалов. Различия отмечены в обработке поверхностей сосудов. Если посуда Европейского Северо-Востока имеет хорошо заглаженные и даже лощеные стенки и близка по данному признаку материалам нижнеобской Амни IA, то для второго комплекса Геологического III, как, впрочем, и для атымьинских коллекций, характерна затирка внутренних стенок грубыми шпателями или зубчатыми штампами.

Общие черты имеются и в декоре. Это проявляется в использовании гребенчатых штампов с различной конфигурацией зубцов, в том числе дуговидного (чешуйчатого), а также в орнаментальных мотивах, которые делятся на линейные, монотонные и геометрические. Вместе с тем на приуральских памятниках встречены целые группы сосудов, для которых характерна вертикальная зональность в расположении узоров и

построение последних по принципу синонимии. По присутствию подобной керамики они, безусловно, ближе к атымьинским коллекциям, чем к материалам Геологического III.

В коллекции Геологического III выделяются шесть сосудов, украшенных в зоне под венчиком горизонтальными желобчато-ямочными поясками в сочетании с арочными отпечатками. Интересно, что аналогичные орнаментальные мотивы известны к западу от Урала на керамике с поселений Ружникова, Пижма II и Нерчей II, отнесенных к тундровому варианту чужьяельской культуры [Стоколос, 1986, с. 104; Он же, 1988, табл. 3, 7; 4, 8; 7, 5]. Те же находки привлекли внимание Л.П. Лашука и Л.П. Хлобыстина. Они отметили их сходство с материалами Ортинской стоянки, поселения Чужьяель и западносибирскими коллекциями со стоянок в бухте Находка на Ямале и Пернашор в черте г. Салехарда. В результате было предложено объединить керамические комплексы перечисленных объектов в одну ортинскую культуру [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 45]. Исследователи предположили, что со временем *«памятники севера Западной Сибири удастся выделить в особый пернашорский, более ранний вариант ортинской культуры»* [Там же, с. 44]. В.С.Стоколос, открывший чужьяельскую культуру, уклончиво заметил, что выявление полного перечня признаков ортинской керамики является перспективной задачей, но и не исключил, что ортинские древности могут представлять собой *«особый культурный тип или, возможно, вариант чужьяеля»* [1986, с. 105].

Предложение включить в ортинскую культуру материалы эпонимной стоянки, а также комплексы поселений Ружникова, Пижма II, Чужьяель I и Пернашора вызвало возражение у В.И. Стефанова и В.М. Морозова. Они сочли преждевременным объединение материалов Приуралья и Западной Сибири, указав на слабую изученность Нижнего Приобья и связав проблему с необходимостью получения новых материалов [Стефанов, Морозов, 1992, с. 88]. Сомнения были небеспочвенными, поскольку требовалась атрибуция комплекса поселения Амня IA. Исследователи предпочли не форсировать события и оставили открытым вопрос его культурной принадлежности [Там же:88–90]. В настоящее время это один из эталонных комплексов Нижнего Приобья, дающий представление о посуде переходного периода.

Позицию В.И. Стефанова и В.М. Морозова в отношении нижнеобских древностей разделил Е.А. Васильев, подошедший сходным образом к материалам Хулюм-сунта I.

Сравнивая керамику Хулюм-сунта и Амни IA, он отметил несомненную близость находок, выразив уверенность в их принадлежности к одному типу или культуре. Исследователь констатировал, что *«оформление нового культурного образования и определение его статуса – дело ближайшего будущего»* [Васильев, 2000В, с. 67, 69]. В

одной из работ мною отмечалось, что в поиске аналогий хулюмсунтской коллекции Е.А.Васильев ограничился Амней IА, не упомянув о материалах Ясунского поселения. Оно отнесено предположительно к чужьяельским памятникам, что расширяло территорию эпонимной культуры до западной части Ляпинско-Сосьвинского Приобья [Васильев, 1996, с. 36]. В данном выводе учтены высказывания В.С. Стоколоса об аморфности восточных границ чужьяельской культуры [Стоколос, 1986, с. 105; Он же, 1988, с. 195], но Е.А.Васильев затронул другую проблему: выяснение соотношения чужьяельских древностей Европейского Северо-Востока и материалов Нижнего Приобья. Она сравнима с той, что обозначили В.И. Стефанов и В.М. Морозов в отношении ортинской культуры. Действительно, признание сходных характеристик керамических комплексов Ясунского и Хулюм-сунта I означало бы дальнейшее расширение ареала чужьяельских памятников на восток и, как следствие, включение в их число казымского поселения Амня IА.

С.И. Рудковский и И.П. Глызин подошли к этому вопросу иначе. Исходя из особенностей керамического комплекса поселения Лов-Санг-Хум II (р. Сыня), где присутствуют сосуды отпечатками арочных штампов (рис. 99, 3), они отнесли его к памятникам чужьяельско-ортинского типа и датировали концом III тыс. до н.э. [Рудковский, Глызин, 2007, с. 511]. Однако эта компромиссная позиция, учитывающая взгляды В.С. Стоколоса, Л.П. Лашука и Л.П. Хлобыстина, также не может быть принята.

Во-первых, небесспорен возраст керамики с Лов-Санг-Хум. Несмотря на отдельные архаичные черты (круглодонность, отпечатки дуговидной гребенки), она обладает признаками, присущими посуде более позднего времени. Это проявляется в округлой форме венчиков, наличии ребра на месте перехода к придонной части, по которому нанесен поясок ямок (рис. 99, 2). Зигзаговые ленты, образованные из рассеченных сеток (рис. 99, 3), и ромбы, от углов которых отходят короткие отрезки-ответвления (рис. 99, 2), характерны в различных вариациях для посуды сартыньинского и полымьятского типов бронзового века [Косарев, 1987, рис. 96, 6; Кокшаров, 1991В, рис. 1, 50; рис. 2, 13, 21; Югорск, 1997, с. 29].

Во-вторых, исследователи переносят дефиниции, используемые для синхронных поселений и комплексов Европейского Северо-Востока, на западносибирские материалы, что представляется недопустимым.

Недавно Е.А. Васильев и И.П. Глызин достаточно полно опубликовали материалы Ясунского поселения, обозначив еще одну нижнеобскую культуру переходного времени – ясунскую, в которую включены Амня IА, Хулюм-сунт I, бухта Находка, Пернашор и др. [2008, с. 116]. Как отмечалось выше, по орнаменту и морфологическим особенностям

посуда Ясунского поселения сближается с нижнеобскими пернашорскими комплексами, с атымьинскими древностями Верхней Конды и чужьяельскими коллекциями Северного Приуралья. Они великолепно демонстрируют явление археологической непрерывности, выстраивающейся по принципу «домино». К сожалению, исследователи не пояснили соотношения ясунской археологической культуры с другими образованиями переходного времени того же района, о чем говорилось выше. Если упомянутые дефиниции перешли в разряд неактуальных, то следовало бы дать соответствующие комментарии.

При отсутствии пояснений соглашусь с коллегами, что сейчас необходимо введение собственного обозначения для древностей Нижнего Приобья, содержащих посуду с арочно-чешуйчатым орнаментом. Имеющиеся немногочисленные материалы свидетельствуют о существенных локальных (и хронологических) особенностях этих комплексов в пределах изучаемой территории. Совершенно очевидно, что по мере дальнейшего изучения территории количество таких примеров будет лишь увеличиваться. Думается, было бы справедливо сохранить за ними определение Л.П. Хлобыстина «памятники пернашорского типа». Подобным образом поступили Л.Л. Косинская и Н.В. Федорова, относившие к числу пернашорских поселения Юган-горт IV–V на р. Войкар. Основным аргументом для них явилось присутствие в слое керамики с арочными гребенчатыми отпечатками [1994, с. 62–63, рис. 3, 3–5]. Прежде это мнение разделял Е.А. Васильев [2000А, с. 261].

Для более полного понимания чужьяельско-ортинского феномена, воплощенного в приуральской керамике с чешуйчато-дуговым орнаментом, необходимо устранить предубеждение, касающееся локализации памятников с подобной посудой.

В.С. Стоколос отметил 16 памятников, с которых происходит посуда чужьяельского типа. Картографируя объекты, он пришел к выводу, что характерный для нее элемент декора (оттиски арочной формы) *«был сильно развит в Северном Приуралье и намного слабее в Приобье»* [1988, с. 59, рис. 1]. Эти слова были справедливы для своего времени, а сейчас в Нижнем Приобье и Кондинской низменности открыто 20 поселений, содержащих керамические комплексы с арочными узорами (рис. 101).

Отчасти можно согласиться со В.И. Стефановым и В.М. Морозовым, не рассматривающими данный декор как единственный культуруопределяющий признак [1992, с. 88]. Действительно, он характерен для различных поселений переходного времени, тяготеющих к циркумполярной зоне по обе стороны Урала. В связи с этим его правомерно рассматривать как специфическое трансуральское явление, отражающее (сильные?) широтные связи европейского и сибирского населения на определенном отрезке времени. Появление арочно-чешуйчатых отпечатков на чужьяельской керамике относится лишь к

среднему этапу эпонимной культуры (вторая половина II тыс. до н.э.) [Стоколос, 1988, с. 47, 58–60, табл. 1], о чем может свидетельствовать некалиброванная ^{14}C дата из жилища 3 поселения Ошчой V (4530±40 л.н., ЛЕ-1730). Кроме того, В.С. Стоколос привлек материалы нижнеобских поселений Хулюм-сунт I, Сартынья I и Малый Атлым, на которых также найдена керамика с чешуйчатым орнаментом [1986, с. 100–101; 1988, с. 58–59]. Остановимся на двух последних объектах подробнее.

Говоря о Сартынье I, В.С. Стоколос апеллирует к опубликованным материалам [Чернецов, 1953, табл. IV, 7; V, 8]. На одном из рисунков В.Н. Чернецова помещен сосуд закрытой формы с круглым дном. В его орнаменте выделяются две зоны под венчиком (тройной ряд арочных отпечатков и, ниже, желобчато-ямочный пояс), тулово, покрытое до дна чередующимися рядами вертикально поставленных гребенчатых отпечатков прямой формы и арочных вдавлений, которые сгруппированы по четыре в широкие пояса [Кокшаров, 2008А, с. 29]. Датируя его неолитом, В.Н. Чернецов ошибался.

Малый Атлым (Малоатлымское II городище) привлек В.С. Стоколоса не только находками, но и датой по ^{14}C из кострища, находившегося на контакте культурного слоя и материка: 4600±65 л.н. (СО АН-300) [Окладников и др., 1979, с. 119–120, табл. I–III]. Нетрудно заметить, что она хорошо согласуется с ошчойской и действительно указывает на присутствие ранних отложений. Однако ее калиброванные значения – 3520–3120 (68,2%) ВС, 3650–3050 (95,4%) ВС – не выходят за пределы IV тыс. до н.э. (см. табл. 19). Первые исследователи Малого Атлыма связали ее с первой группой керамики. Ее отличает своеобразный орнамент, включающий ленты и геометрические фигуры, среди которых выделяются бордюры, составленные из рассеченных особым образом сеток с шестиугольными ячейками [Там же, с. 120–125]. Сравнивая европейскую и сибирскую керамику, В.С. Стоколос заметил, что на первой геометрические узоры представлены менее выразительно, чем на второй, и вводит определение «*сотовый геометризм* в орнаменте», противопоставляя его *обычному геометризму*, нашедшему отражение в материалах Среднего Урала и Тюменского Притоболья [1988, с. 59]. Выводы исследователя в отношении параллельного существования Малого Атлыма и поселений среднего этапа чужьяельской культуры разделяют другие уральские археологи [Шорин, 1995, с. 40; Чаиркина, 1998, с. 33; Мосин, 2003, с. 97].

Однако есть все основания усомниться в столь раннем возрасте рассмотренного комплекса. По форме сосудов, включающих, кстати, плоскодонные емкости, оформлению венчиков и по особенностям декора с преобладанием монотонных горизонтальных мотивов, зигзагов и бордюров в виде рассеченных сеток с ромбическими и шестиугольными ячейками

коллекция может быть уверенно отнесена к сартыньинской культуре бронзового века [Васильев, 1983, рис. 6а]. По перечисленным признакам малоатлымские находки близки посуде северных памятников полымьятского типа, датируемых по остаткам металлообработки досейминским временем [Кокшаров, 2006А, рис. 2, 28, 32, 47, 49-50 и др.; Он же, 2008В, рис. 1]. В материалах же однослойных памятников Нижнего Приобья (Амня IА, Каксинская Гора 3) нет ничего, напоминающего сотовые фигуры или их подобие. Сетки с шестиугольными ячейками и зигзаги с ответвлениями от изломов есть на керамике Хулюм-сунта I (рис. 79, б, 10), но по воспроизведению они схожи с находками атымьинских поселений Кондинской низменности. Если говорить о радиоуглеродной дате, то она может иметь отношение к единичным фрагментам керамики, украшенным дуговидными гребенчатыми штампами, на которую ссылаются А.П. Окладников с коллегами. К сожалению, этот материал не отражен в иллюстрациях [1979, с. 120].

В 1999 г. при зачистке обнажений Малоатлымского II городища отснят участок берега длиной 14,4 м и установлено залегание основных слоев (рис. 102). Ранние культурные отложения (слой 9) покоились на материке (слой 10) и действительно содержали материалы каменного–бронзового веков (рис. 102, 11–12). Они перекрыты погребенным подзолом (слой 8) и позднейшим средневековым слоем (слой 2), в толще которого сохранились остатки деревянных конструкций (стены?) [Зыков, Кокшаров, 2000, с. 117–118, рис. 3]. Кроме того, значительная часть напластований была разрушена до основания разновременными средневековыми рвами (слои 2 и 7). Антропогенное воздействие привело к значительной перемешанности разновременных материалов. Данное обстоятельство следует учитывать при работе с коллекциями этого археологического объекта и упомянутой выше калиброванной датой.

Время существования памятников пернашорского типа устанавливается по стратиграфическим данным, полученным на поселении Геологическое III, по облику керамики, сопровождающим ее вещам и радиоуглеродным датам.

В раскопе III поселения Геологическое III установлен хронологический приоритет пернашорского жилища 2 по отношению к жилищу 3 с волвончинским типом керамики. В качестве дополнительного аргумента, свидетельствующего об их разновременности, можно расценивать отсутствие пернашорской посуды в волвончинском жилище поселения Геологическое XVI (раскоп I), хотя расстояние между поселениями не более 1 км. Соотношение пернашорского и еныйского керамических комплексов в раскопе III поселения Геологическое III выглядит не столь определено. Учитывая неудовлетворительную сохранность еныйской посуды, сконцентрированной вокруг

впадины 1, можно предполагать, что здесь могло находиться связанное с ней сооружение. Если таковое действительно существовало, то оно скорее всего было скрыто до основания при копке котлована пернашорского дома. Как отмечалось выше, пол последнего, посыпанный охрой, фиксировался непосредственно на материке.

Целый ряд признаков позволяет говорить о существенном сходстве пернашорской керамики Геологического III с атымьинскими комплексами Верхней Конды и Тавды, чужьяельскими материалами Европейского Северо-Востока и можно ставить вопрос об их одновременности.

По версии В.С. Стоколоса, расцвет геометрического орнамента на керамике среднего этапа чужьяельской культуры был обусловлен как тесными связями населения, проживавшего по обе стороны Урала, так и прямыми миграциями сибиряков, происходившими в середине III тыс. до н.э. [2000, с. 16]. Для подкрепления вывода приводит ^{14}C даты с поселений Ошчой V и Малый Атлым, о которых шла речь выше. С учетом этих данных хронологическая позиция пернашорских и, по-видимому, атымьинских, памятников может быть удревнена еще на 100–200 лет. Учитывая сказанное, можно отнести перечисленные памятники к одному хронологическому пласту, укладывающемуся в пределах второй трети III тыс. до н.э.

В качестве дополнительного хронологического маркера, свидетельствующего о синхронности пернашорских и атымьинских древностей, можно привлечь шлифованные наконечники стрел с желобками. Они встречены на трех нижеобских памятниках: поселениях Амня IA (рис. 91, 17), Сартынья I (рис. 91, 28) и в Ясунском погребении (хотя, не исключено, что речь может идти о поселенческо-погребальном Ясунском комплексе) (рис. 91, 7, 16, 21). Примечательно, что четыре наконечника данного типа происходят из погребения 6 могильника Старые Покачи 5.1, для которого получена дата 4650 ± 95 лет (табл. 19). По мнению Л.В. Носковой и К.Г. Карачарова, она не вписывается в серию образцов, полученных для данного могильника, и поэтому не отражает реальный возраст объекта [2008, с. 155]. Относя ее к числу «сбойных», они исходят, вероятно, из кратковременности могильника, хотя и не приводят соответствующей аргументации для обоснования своей позиции. Если радиоуглеродный образец Малоатлымского II городища действительно связан с пернашорской керамикой, то и дата, полученная со Старых Покачей 5.1, выглядит вполне приемлемо. Кроме того, следует учитывать длительное использование шлифованных наконечников, на что уже указывалось выше.

При сравнении пернашорских комплексов с материалами поселения Каксинская Гора 3 (рис. 77; 78, 1–4) следует признать более поздний облик первых. К сожалению,

сейчас нельзя сказать ничего определенного о возрасте поселения Амня II, поскольку связанные с ним находки аморфны (рис. 75). Не исключено, что оно будет отнесено к началу бронзового века.

Наблюдаемые различия пернашорских коллекций Геологического III и Амни IA могут отражать как локальное своеобразие, так и хронологические несоответствия комплексов. Однако этот вопрос нуждается в детальной проработке с привлечением новых материалов. В качестве предварительного наблюдения можно указать на архаичный облик пернашорской керамики Конды. Это отчетливо проявляется при ее сравнении с разведочными материалами поселения Старый Хангокурт II (р. Малая Сосьва), которое территориально близко Геологическому III.

Среди хангокуртских находок выделяются два сосуда. Один орнаментирован вдавлениями гребенчатого штампа арочной формы, между которыми помещено антропоморфное изображение, выполненное в скелетном стиле (рис. 104, 12). Рисунок имеет самые полные параллели в керамике поселения Волвонча I (рис. 63, 1; 64, 2–3). Другой сосуд украшен наколами гребенки, характерными для посуды волвончинского типа (рис. 104, 10). Хангокуртская керамика свидетельствует о сохранении арочной орнаментации вплоть до начала бронзового века.

Рассмотренные источники позволяют допускать, что и пернашорские комплексы Нижней Оби существовали не одно столетие и могли иметь хронологические различия. Самые ранние из них (вторая группа керамики Геологического III) были синхронны поздним атымьинским объектам (Атымья II, Геологическое XVI, Енья 12), а поздние (Амня IA, Усть-Низямское I) могут сосуществовать с волвончинскими поселениями Конды. Разумеется, в дальнейшем их хронологическая позиция будет конкретизирована. В связи с этим любопытна керамика с Северной Сосьвы, украшенная гребенчатыми наколами, которые сближают ее с посудой волвончинского типа (рис. 104, 4–5, 10).

Если проводить исторические параллели, то появление ортинско-чужьяельско-пернашорских керамических комплексов с арочно-чешуйчатым орнаментом сопоставимо с распространением в завершающий период бронзового века культур с крестовой керамикой (атлымской и др. синхронных ей) [Косарев, 1987Г, с. 295–296]. Правда, до накопления необходимой источниковой базы говорить о массовых миграциях в данный период преждевременно. Памятники, тяготеющие к циркумполярной зоне, отражают тесные широтные (трансуральские) связи восточноевропейского и сибирского населения. При этом пернашорский комплекс поселения Геологическое III является одним из периферийных в

обширном пернашорском ареале, предполагаемый центр которого должен локализоваться в Нижнем Приобье.

Судя по объектам с верховьев Конды и Нижней Оби, население, оставившее их, сохраняло самобытность в декоре на посуде и не испытывало потребности в сетях с керамическими грузилами. Однако оно применяло наконечники стрел общераспространенного на севере Сибири типа, следуя местным традициям в домостроительстве (подсыпка пола жилых и хозяйственных сооружений охрой) и погребальной практике (использование охры, отсутствие в могилах керамики, ярусные погребения).

Особенности нижеобской пернашорской керамики позволяют легко распознать ее среди других древностей Западной Сибири, хотя ранее указывалось на аморфность материалов этого времени на территории от р. Вах на востоке до Европейского Северо-Востока на западе [Васильев, 1983, с. 62].

Е.А. Васильев и И.П. Глызин привели две даты, полученные для пернашорских (ясунских) древностей поселения Лов-Санг-Хум II: $4620 \pm 30 \text{BP}$ и $4480 \pm 25 \text{BP}$, предложив отнести их к середине – второй половине III тыс. до н.э. Они не исключили удревнения памятников этого типа до второй половины IV тыс. до н.э. после калибровки приведенных значений [2010, с. 123]. Высказанное предположение действительно полностью подтвердилось (см. *табл. 19*). Сейчас же можно констатировать, что типологические схемы, в которые встраиваются пернашорские комплексы, вступают в противоречие имеющимися калиброванными датами, что требует корректных объяснений.

3.5. Волвончинские памятники

В бассейне р. Конды выявлено 69 памятников, содержащих керамику волвончинского типа (см. рис. 105). На поселениях Геологическое III, XVI, Леуши XIX и Волвонча I обнаружены остатки жилищ, на Каме II и Геологическом III погребение человека и животного.

Топография поселений, характер жилых сооружений и состав находок позволяют говорить о существовании сезонных стоянок и базовых поселков. Первые возникали в местах промыслов рыболовов и охотников, а вторые в районах их длительного проживания.

К объектам, связанным с промысловой деятельностью, можно отнести с большой степенью уверенности Геологическое III и XVI на р. Эсс (Верхняя Конда). Они расположены в 0,9 км друг от друга, на одном полуострове в заболоченной пойме реки.

Вряд ли оба объекта существовали одновременно. Они отражают, видимо, эпизодические посещения людьми промысловых угодий в ограниченный промежуток времени.

Основания домов на обоих поселениях находились в неглубоких котлованах (0,2–0,9 м) прямоугольной формы площадью 33,4 и 43,2 м² (рис. 20; 35). По параметрам они мало отличаются от долговременного сооружения на поселении Атымья VII, которое также связано с ведением промысловой деятельности (см. выше). На Геологическом III и XVI найдено примерное равное количество керамической посуды, соответственно 34 и 29 экз. Более трети емкостей в обеих коллекциях имеют следы ремонта. У 12 сосудов с каждого из памятников установлен размер по венчику, составляющий в среднем 23,6 и 25 см. Соотношение малых и крупных экземпляров почти равное (см. табл. 3).

Присутствие на поселении Геологическое XVI двух глиняных штампов для украшения посуды (рис. 42, 1–2, б) должно указывать на местное производство керамики. Однако при рассмотрении памятников атымьинского типа говорилось, что лепка посуды на поселениях, связанных с промысловой деятельностью, теоретически возможна, но маловероятна, так как она отвлекала добытчиков от рыбной ловли и охоты. Обнаруженные орнаменты могли быть применены и для декорирования рыболовных грузил или могли не использоваться вовсе. Окончательный ответ на поставленный вопрос мог бы дать трасологический анализ рабочей поверхности инструментов.

В дополнение к сказанному замечу, что если бы обитатели Геологического XVI действительно занимались лепкой керамики, то вряд ли они стали бы заниматься ее ремонтом. Интересно, что на поселении Геологическое XVI обнаружены острия (7 экз.), с помощью которых велась перфорация стенок треснувших сосудов (рис. 43, 29).

На сезонность поселений Геологическое III и XVI указывают керамические грузила для сетей (соответственно 27 и 26 экз.) и захоронение животного, которое можно было совершить только в оттаявшей земле. С брошенной сетью на поселении Геологическое XVI связаны 19 грузил стандартной формы, изготовленных, вероятно, одним мастером (рис. 40, 1–3, 5, 7, 9, 11–13, 15–17). Примечательно, что для лова на небольших таежных реках или водных артериях, соединяющих проточные озера (они именуются в бассейне Конды «ах»), применялись сети длиной до 8 м, которые снабжались 10–14 утяжелителями [Визгалов, Фильчаков, 1988, с. 23]. При доминировании коллективных способов рыбной ловли, связанных с перегораживанием водоемов (так называемое запорное рыболовство), промысел сетями велся преимущественно индивидуально [Кокшаров, 1992А, с. 10].

К местам длительного проживания таежной общины относится поселение Волонча I, расположенное в нижнем течении Конды. Здесь изучены остатки жилища размером 16 ×

13 м (~ 208 м²), окруженного по периметру земляной насыпью и рвом (рис. 55). Топография памятника и трудозатраты на возведение дома свидетельствуют, что здесь обитал крупный коллектив, который вел общее хозяйство. Долговременность поселения устанавливается также по количеству и составу археологических находок, представленных керамической посудой и рыболовными грузилами.

Коллекция керамики включает обломки более 300 сосудов, что в 10 раз больше, чем на поселениях Верхней Конды. У 63 емкостей установлен диаметр по венчику, его среднее значение 25,6 см. Количество посуды с меньшим и большим показателем этого значения составляет 42,9 и 57,1% (см. табл. 3). Таким образом, наблюдается заметное преобладание крупных емкостей, не характерное для промысловых поселений. Крупная посуда служила для хранения продуктовых запасов и приготовления пищи для большого числа людей. На последнее обстоятельство указывают многочисленные черепки со следами нагара пищи.

Раскоп на Волвонче I составляет 558 м², что незначительно превышает площадь четырех раскопов на Геологическом XVI (527 м²), но здесь найдено лишь 15 керамических грузил, из которых только три сохранились полностью. Эта коллекция заметно уступает материалам промысловых стоянок верховьев Конды (р. Эсс).

Не исключено, что к местам длительного проживания относится жилище 2 поселения Леуши XIX, имеющее площадь 76,8 м² (рис. 69). Оно крупнее обеих построек, открытых на р. Эсс, но уступает в размерах дому Волвончи I. С жилищем связаны почти 3000 фрагментов керамики волвончинского типа при полном отсутствии грузил для сетей. К сожалению, авторы раскопок не указывают количество обнаруженных сосудов [Визгалов, Фильчаков, 1988].

Характер камнеобработки и состав используемого сырья на волвончинских поселениях определяется по материалам жилища 1 поселения Геологическое XVI (раскоп I). Эта коллекция включает 266 предметов (см. табл. 1).

Находки демонстрируют полный цикл обработки местного галечникового сырья. Это проявляется в приоритетном использовании кварца и кварцита, контрударной технике расщепления ядрищ, отщеповом характере индустрии и единичности типологически выраженных орудий.

Среди орудий выделяются наконечники стрел, острия, отщепы с ретушью, тесла и группа макроизделий.

Три ретушированных наконечника выполнены из кремневых отщепов, а один – шлифованный – из мягкого камня. У двух кремневых изделий сломаны перо и насад (рис.

43, 3, 8), у шлифованного утрачена большая часть острия (рис. 43, 2). Неудовлетворительная сохранность вещей затрудняет типологизацию.

Целый экземпляр (рис. 43, 7) можно отнести к самостоятельному (шестому) типу наконечников переходного времени, не встреченных до сих пор на памятниках атымьинского типа. Он имеет листовидную форму, расширение в месте перехода от насада к острию, выемку и небольшой шип в основании, придающий изделию асимметричность. Вряд ли асимметричность возникла случайно, например, при скалывании одного из шипов. Дело в том, что одношипные наконечники известны на археологических памятниках по обе стороны Урала. Три наконечника, один из которых почти идентичен эсскому, найдены в жилище 1 прикамского поселения Бор I [Бадер, 1961А, рис. 17, 8, 16–17]. Одношипные изделия, правда укороченных пропорций, присутствуют на поселениях Выстелишна и Бор V [Там же, рис. 43, 7; 61, 4–5]. Двусторонне ретушированные наконечники подтреугольной формы с прямым или вогнутым основанием, снабженные асимметричными шипами, найдены на поселении Иня 3, относящемся к кипринскому этапу верхнеобской неолитической культуры [Зах, 2003, с. 134, рис. 93, 33; 94, 2, 29].

Не исключено, что к волвончинскому комплексу Геологического XVI относится наконечник седьмого типа, найденный в переотложенных слоях раскопа I. Он имеет листовидную форму, но отличается от предыдущего почти квадратной формой тела, наличием в основании симметричных шипов (рис. 43, 1). Сходные вещи имеются на прикамских поселениях Бор I, Боровое озеро VI [Бадер, 1961А, рис. 31, 4; 76, 2] и в притобольском могильнике Большого Андреевского острова [Зах и др., 1991, рис. 8, 31]. Правда, тело этих наконечников имеет своеобразный «перехват» [Там же, рис. 7, 41; 8, 33–34, 37–38]. Изделие, близкое кондинскому, происходит со II Береговой стоянки [Рыжкова, 2004, рис. 10, 8].

Серия макроорудий включает абразивы, пилу, отбойник и подпятник (рис. 13, 3, 5–6; 43, 10). Большая часть предметов имеет следы, указывающие на обработку камня.

Каменный инвентарь данного комплекса сближается по составу сырья, типологическому набору и представительности отдельных категорий предметов с атымьинской коллекцией, происходящей из раскопа III того же поселения.

На волвончинских поселениях встречены керамические грузила для рыболовных сетей. По конфигурации тела и оформлению концов выделяются изделия двух типов: биконические и цилиндрические (сигаровидные) с притупленными концами.

Биконические грузила (рис. 39, 8–12; 28, 1, 4, 7) сближаются с атымьинскими третьего типа (Геологическое III, XVI), но отличаются от них вытянутыми пропорциями и могут

рассматриваться как их вариант. Некоторые экземпляры имеют провисающее брюшко и украшены наколами гребенчатого штампа (рис. 39, 11–12). Изделия прямой формы именуется П.А. Дмитриевым как «длинные веретенообразные палочки». Исследователь отмечает, что они найдены на Шигирском торфянике, на озерах Черном, Ирбитском, Аятском, Первом и Втором Карасьем и на Палкинской стоянке [1951Б, с. 74–75]. Подобный предмет известен на Шувакишском торфянике [Чаиркина, 2005, рис. 9, 3–4]. Биконические грузила найдены на притобольских поселениях ЮАО-VIII и Средний Баклан 1 [Ковалева, 1977, с. 99, рис. 4, 7–8; 5, 2–3; Зах, Фомина, 1999, рис. 5, 7]. Примечательно, что последний памятник относится к андреевской культуре.

Грузила с притупленными концами, названные в работах М.Ф. Косарева как сигаровидные [1979, с. 17], представлены в четырех вариантах (А–Г).

Вариант А (рис. 40, 2–3, 8, 12–13, 15–17; 60, 6) объединяет предметы цилиндрической формы в средней части, с сужающимися округло-притупленными концами (Волвонча I, Геологическое XVI). Они напоминают миниатюрные скалки. Большая часть предметов с поселения Геологическое XVI украшена гребенчатым штампом в отступающей технике.

Вариант Б (рис. 40, 6) отличается от предшествующего загнутыми концами, обращенными в одну сторону от длинной оси предмета (Геологическое XVI). Подобное изделие было обнаружено на межжилищном пространстве поселения Роза Ветров 2 [Ткачев, Ткачев, 2006, рис. 3, 4].

Вариант В (рис. 29, 4, 8–9, 12) представлен грузилами в виде почти прямых цилиндрических палочек с приплюснутыми концами – шляпками (Геологическое III). П.А. Дмитриев называл подобные изделия цилиндрическими палочками «с перехватом около концов для привязи веревки» [1951А, с. 19]. Они происходят с однослойного поселения Сергеевка в Приишимье [Зайберт, 1993, рис. 34] и памятников Тюменского Притоболья с неопределенной культурной принадлежностью: ЮАО-XII [Юровская, 1973, с. 7, рис. 2, 5], Ипкуль VIII [Косарев, 1979, рис. 1, 12–14], Шапкуль VI [Косарев, 1993, рис. 24, 1, 3], Андреевская 2-я стоянка [Дмитриев, 1951А, рис. 2, 8], Юртобор 3 [Зах, 2002, рис. 7, 6–7], САО-VI [Юровская, 1973, рис. 1, 5].

Вариант Г (рис. 28, 8; 29, 1, 3, 5–7, 11; 40, 1, 4, 5, 7, 9, 10, 15; 60, 5) отличается от прочих раздутым туловом (Геологическое III, XVI, Волвонча I). Подобные утяжелители найдены на поселении Сергеевка [Зайберт, 1993, рис. 34], на однослойном поселении андреевской культуры Велижаны 1 [Асташкин и др., 1995, рис. 2, 2–3] и памятниках с

невыясненной культурной принадлежностью Ипкуль VIII [Косарев, 1979, рис. 1, 19], Байрык-Иска I [Косарев, 1981, рис. 16, 5], Юртобор 3 [Зах, 2002, рис. 7, 10].

Говоря о керамике волвончинского типа, происходящей с памятников Верхней и Нижней Конды, следует указать на высокую степень ее сходства по форме, приемам орнаментации и набору использованных штампов. Она имеет преимущественно баночную форму и круглое дно. В каждой коллекции присутствует небольшое количество индивидуальных емкостей в виде овальных и четырехугольных чаш. Ее отличает от атымьинской посуды толстостенность и более грубая обработка стенок. На качество обработки поверхностей влияли примеси, добавлявшиеся в тесто. Крупный размер включений препятствовал их выравниванию и последующему лощению.

Локальные различия в составе формовочных масс, отмеченные для атымьинской керамики, сохраняются и в волвончинских материалах. Если при изготовлении посуды верхнекондинским населением (поселения Геологическое III, XVI) часто использовалась дресва в виде каменной крошки (кварц и крупнозернистые породы камня), то мастера низовьев Конды (Волвонча I) добавляли в глиняное тесто шамот.

Для волвончинской керамики не характерна многокомпонентность, выраженная на ранней атымьинской посуде в сочетании различных видов штампов и способах нанесения ими декора. На ней не встречены узоры, выполненные в технике отступающей палочки, и почти не известен прием шагающей гребенки. Несмотря на это, между отдельными волвончинскими и атымьинскими комплексами наблюдается значительная близость в технике (приемах) орнаментации. Так, например, коэффициент их сходства на Волвонче I и Атымье VII составляет 77%, на Волвонче I и Геологическом XVI, раскопы III–IV, – соответственно 71,9 и 71,3% (см. табл. 4).

Сходство обусловлено использованием ограниченного набора инструментов (гребенчатые штампы, круглая палочка), которые применялись в технике печати. Наиболее характерным приемом орнамента являются глубокие наколы гребенчатого штампа овальной, подтреугольной или подпрямоугольной формы, расположенные обычно в шахматном порядке. Их доля в верхнекондинских комплексах Геологического XVI и III варьирует от 10,1 до 24,3%. В тот же интервал укладываются и материалы Волвончи I (21,7%). Единично отмечены обводка и разграничение геометрических фигур прочерченными линиями (рис. 57, 4; 60, 1; 61, 7) и применение такого экзотического инструмента, как гребенчатая трубочка (рис. 23, 1; 26, 6; 27, 15). В тех случаях, когда трубочка ставилась под углом к украшаемой плоскости, отпечатки напоминали не арочные вдавления, а все те же глубокие наколы, о которых речь шла выше. К редким и

оригинальным способам декорирования относятся пальцевые вдавления (Волвонча I и Геологическое III, раскопы III–IV). Специалисты, изучавшие материалы Волвончи I, отметили на них текстильные отпечатки [Собольникова, 1999, с. 20]. Несмотря на локальные различия волвончинских коллекций по составу формовочных масс, материалы Волвончи I, Геологического III и XVI демонстрируют высокие коэффициенты сходства по технике орнаментации: 87,4 и 81,6% соответственно. Примечательно, что связь по тому же признаку между последними памятниками существенно ниже – 71,3% (см. *табл. 4*).

Нетрудно заметить, что керамика волвончинского и атымьинского типов имеет большое сходство не только по техническим приемам, но и по набору орнаментальных мотивов. Это обусловлено наличием в обоих комплексах посуды с орнаментом в виде геометрических узоров (зигзагов, ромбов и др.). Среди них выделяются узоры, построенные на основе рассеченных сеток с ромбическими и шестиугольными ячейками. Сравнение волвончинских коллекций поселений Волвонча I, Геологическое III и XVI показало, что количество геометрических фигур в их орнаменте варьирует от 29,7 до 38,5%, что на 10–16% выше аналогичного показателя для атымьинских комплексов.

Любопытные результаты дает сравнение волвончинских керамических комплексов по орнаментальным мотивам. Сильные связи обнаруживаются у территориально удаленных памятников Волвончи I и Геологического III (77,4%), а слабые – между памятниками Геологическое III и XVI (60,8%) (см. *табл. 5*). Этот показатель уступает на 1% коэффициенту сходства разновременных коллекций атымьинского и волвончинского типов Геологического XVI из раскопов I и III.

Керамика волвончинского типа была отнесена первоначально к одному из северных вариантов липчинских древностей [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 61]. Однако этот вывод пришлось признать поспешным. При обработке комплекса поселения Волвонча I выяснилось, что в нем органически сочетаются черты, характерные не только для местной посуды атымьинского типа (геометрические фигуры и сетчатые узоры), но и для андреевских коллекций Нижнего Притоболья (широкие пояса ямок-наколов) [Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 63]. Облик волвончинской керамики и сопровождающих ее вещей позволил отнести их к более позднему времени, чем атымьинские находки, а также объединить волвончинские и андреевские памятники Нижнего Притоболья в единый хронологический горизонт [Кокшаров, 1993А, с. 88–90].

Сходство волвончинских и андреевских комплексов привлекло внимание М.Ф. Косарева. Археолог отметил оригинальный облик волвончинской керамики, которая характеризует северный вариант аятской общности [1993, с. 78]. «Однако аятский

декоративный набор осложнен ... элементами гребенчато-ямочного и ямочного (андреевского) декоративных комплексов» [Там же, с. 45, 65]. Он говорит об одновременности андреевской и аятской керамики, указывая на присутствие андреевских по манере исполнения ямочных поясов на посуде Конды [Там же, с. 65].

В.Т. Ковалева согласилась с обособлением волвончинских памятников от атымьинских и отнесению их к самостоятельному типу. Она указала на несомненную близость андреевских и волвончинских материалов по распространению ямочного орнамента в декоре и использованию керамических грузил сходных форм [1995, с. 15–16]. Несмотря на это, исследователь настойчиво выступает против синхронизации названных памятников [Там же; Ковалева, Клементьева, 2004, с. 18].

А.Ф. Шорин допускает возможность включения памятников с волвончинской керамикой в состав таежного зауральско-нижнеобского локального района северной (североуральской) провинции КИО культур гребенчатого геометризма периода энеолита [1999А, с. 31–32]. Однако больший интерес представляют не интерпретации автора, объясняющего возникновение и распространение *«идеи гребенчатого геометризма»* [Шорин, 1999А, с. 89], а его хронологические построения. Если памятники андреевской и шапкульской культур датированы ранним энеолитом (конец IV– середина III тыс. до н.э.), то атымьинские и волвончинские древности отнесены к позднему этапу энеолита (середина III– начало II тыс. до н.э.), чем допускается их параллельное существование [Он же, 1995, с. 38–39; Он же, 1999А, с. 89]. Однако данная схема не бесспорна. В ней не учтены наблюдения и факты, свидетельствующие об диахронности как шапкульских и андреевских объектов, так и упомянутых комплексов Конды.

Культурогенетические построения А.Ф. Шорина близки выводам Н.М. Чаиркиной. Атымьинские и волвончинские памятники отнесены ею к североуральскому локальному району, но выделяемому уже в составе другой области – ЗСК КИО. Правда, она разделяет мнение о разновременности атымьинской и волвончинской керамики [2005, с. 295].

На сходство волвончинской и андреевской посуды указывает В.А. Зах [2003, с. 29].

На мой взгляд, сходство материалов Конды и Притоболья неслучайно и объясняется их хронологической близостью. Относительный возраст волвончинских древностей устанавливается по наблюдениям и материалам, полученным при раскопках поселений Волвонча I, Геологическое III, VII, XVI и Леуши XIX.

В процессе исследований поселения Волвонча I выяснилось, что большое жилище и окружающий его ров, связанные с посудой волвончинского типа, разрушили подстилающие слои с посудой ушбинского и атымьинского типов [Кокшаров, Стефанова,

1993, с. 56]. Находки фрагментированы, что косвенно указывает на их древний возраст. Присутствие на памятнике материалов более раннего времени подтверждают радиоуглеродные даты. Хронологическое несоответствие волвончинских и ушынских древностей было подтверждено также при изучении поселения Геологическое VII.

Стратиграфия раскопа III поселения Геологическое III показывает перекрывание пернашорского слоя волвончинским. Этому наблюдению не противоречит вывод о синхронизации ранних пернашорских и атымьинских поселений.

На разновременность атымьинских и волвончинских объектов указывает планиграфия поселения Геологическое XVI. Если первые расположены в прибрежной части памятника (раскопы III–IV), то единственное жилище с волвончинской керамикой, удалено от края террасы почти на 35 м (раскоп I). Внимание обращает сохранность и распределение находок по площади поселения. Атымьинская посуда из раскопа I представлена в обломках, а ее присутствие в глубине берега можно объяснить растаскиванием материала в процессе длительного функционирования поселка. С другой стороны, в раскопах III–IV нет ни одного фрагмента волвончинской керамики. Это дает основания говорить о позднем возрасте волвончинского жилища, для которого была подобрана ровная площадка без ранних перекопов.

Весьма показателен вещевой инвентарь волвончинских памятников. В отличие от находок с атымьинских объектов он представлен вещами, поздними в типологическом отношении. Это сигаровидные рыболовные грузила и наконечники стрел. Малочисленность орудий из камня и продуктов его расщепления на поселениях Средней и Нижней Конды можно рассматривать как дополнительный аргумент для подтверждения позднего возраста Волвончи I и Леушей XIX.

Верхняя хронологическая граница волвончинских комплексов устанавливается по случаям их перекрывания слоями бронзового века, содержащими раннюю керамику полымьятского типа. Они зафиксированы на поселениях Лева VIII [Визгалов, 1988, с. 52], Геологическое III (раскоп III) [Кокшаров, 1991В, с. 95; Он же, 1993В:16–17; Он же, 2009А, с. 33 и др.] и Геологическое XVI (раскоп I) [Он же, 2002, с. 7, 11; Он же, 2009А, с. 59 и др.].

Эти наблюдения представляются достаточными для отнесения волвончинских памятников Кондинской низменности к более позднему времени, чем атымьинские и пернашорские поселения. С другой стороны, они предшествуют ранним полымьятским объектам начала бронзового века. Эти выводы согласуются с двумя из пяти радиоуглеродных дат с поселения Волвонча I: 4240 ± 40 л.н. (Le-1453) и 3900 ± 60 л.н. (Le-1448), калиброванные значения которых составляют 2910–2760 (68,2%) ВС, 2920–2670 (95,4%) ВС и 2470–2290

(68,2%) ВС, 2570–2200 (95,4%) ВС. Они свидетельствуют, что объект с волвончинской керамикой мог существовать в рамках всего III тыс. до н.э. Не исключено загрязнение образцов органикой из ранних отложений, которые могут быть соотнесены с находками неолита из подстилающих слоев памятника. С ними можно связать еще три даты: 5950±80 л.н. (ЛЕ-1451), 5260±40 л.н. (ЛЕ-1452) и 4720±60 л.н. (ЛЕ-1450) [Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 63].

Заключение об отнесении волвончинских древностей к завершающей стадии переходного времени, основанное на стратиграфических и планиграфических наблюдениях, облике находок (керамики, вещевого материала) и абсолютных датах, противоречит, казалось бы, выводу об их синхронизации с памятниками андреевской культуры. Это действительно сложная проблема, для решения которой требуется обращение к истории изучения памятников андреевского типа.

С 1979 г., когда притобольские поселения с керамикой, украшенной ямочно-гребенчатым орнаментом, были объединены в андреевскую культуру [Ковалева, 1979], и до настоящего времени ведется полемика по вопросам ее происхождения и развития. Ситуация примечательна тем, что проблема хронологии андреевских памятников увязывается в большей степени с интерпретацией исторических процессов, протекавших к востоку от Урала в период энеолита, чем с анализом имеющейся источниковой базы.

Многие археологи разделяют взгляды В.Т. Ковалевой, связывающей появление андреевских памятников с мигрирующими группами восточноевропейского населения [Ковалева, 1979, с. 70–72; 1995, с. 13, 16; Шорин, 1999А, с. 66; Волков, 2007, с. 16]. Сначала появление ямочно-гребенчатой керамики в Тюменском Притоболье представлялось кратковременным эпизодом [Ковалева, 1979, с. 72]. Подчеркивалось, что это событие не могло произойти в конце энеолита, так как притобольские материалы хорошо перекликаются с комплексами *«культур с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамике»* лесной зоны Восточной Европы. После их миграции в Зауралье *«...на широкой местной и пришлой (андреевской) основе сформировалась собственно липчинская культура...»* [Ковалева, Чаиркина 1991:66]. Считалось, что липчинские комплексы (наряду с сосновоостровскими) могут быть наиболее ранними из энеолитических древностей, поскольку залегают в сапропеле и на контакте сапропеля и торфа [Там же]. Однако в одной из поздних работ В.Т. Ковалевой говорится об ассимиляции большинства населения андреевской культуры лишь к началу бронзового века [1995, с. 14]. Из приведенных высказываний следует, что ее существованию отводится почти весь период энеолита. Позже было предложено увеличить хронологический диапазон андреевских памятников от позднего неолита до рубежа III–II тыс. до н.э. [Чаиркина, 2005, с. 294, 296].

Иной взгляд на генезис андреевской культуры изложили М.Ф. Косарев и В.А. Зах.

Первый исследователь разделяет доводы Д.А. Крайнова и С.В. Ошибкиной об отсутствии генетической близости между ямочной керамикой Восточной Европы и Тюменского Притоболья [1981, с. 49, 52]. Он допускает сложение андреевской культуры на позднебоборыкинской основе с участием носителей гребенчато-ямочной традиции [1993, с. 65]. Неудивительно, что его позиция вызвала возражения В.Т. Ковалевой [1995, с. 13].

В.А. Зах видит за сходством андреевских керамических комплексов с восточноевропейскими (ямочно-гребенчатыми) наличие *«общего этнического, вероятно финноязычного, субстрата»* [2006, с. 31]. Коллега отводит существованию андреевской культуры III тыс. до н.э. и намечает два этапа ее развития: андреевский и мысаевский [Там же, с. 44]. Исследователь не конкретизирует рамки этапов, но, исходя из факта их выделения, культура представляется ему длительным явлением. Он солидарен с М.Ф. Косаревым, отмечающим близость отдельных черт андреевского и липчинского декора [1993, с. 65], и с А.Н. Панфиловым, обратившим внимание на сходство текстильно-ямочной керамики мысаевского типа с липчинской и андреевской [1989, с. 154–156].

Наконец, отмечу еще одно мнение, наиболее полно объясняющее ситуацию, сложившуюся в изучении андреевских древностей. Проанализировав имеющиеся материалы и суждения, группа тюменских археологов пришла к выводу об отсутствии обоснованных концепций генезиса андреевской культуры [Асташкин и др., 1995, с. 35]. Примечательно, что ни они, ни другие специалисты не акцентировали внимание на ключевой проблеме – датировке памятников андреевского типа. Ее решение позволило бы ответить на этот и другие вопросы, касающиеся изучения урало-притобольского энеолита.

Установление возраста андреевских памятников Нижнего Притоболья действительно затруднено отсутствием абсолютных дат, на что справедливо указывает В.Т. Ковалева [1995, с. 14]. Вместе с тем имеются другие важные факты, конкретизирующие хронологическую позицию этих древностей.

Прежде всего следует обратиться к стратиграфическим данным. На поселении Малый Барашек I слой с андреевской керамикой располагался над шапкульским жилищем раннего энеолита [Старков, 1976, с. 46; Он же, 1980, с. 165]. Случаи перекрытия боборыкинских жилищ слоями с ямочно-гребенчатой керамикой андреевского типа отмечены на памятниках оз. Андреевского (участки V, IX, XII), на поселениях Ташково I, Юргаркуль III и IV [Ковалева, 1979, с. 70; Косарев, 1981, с. 53; Он же, 1993, с. 65]. На поселении ЮАО-ХIII-А слои с андреевской посудой перекрыты ташковскими [Ковалева, 1995, с. 14].

Чаще всего стратиграфическая позиция андреевских комплексов неопределенна. На ряде археологических объектов констатируется совместное залегание керамики андреевского, липчинского и шапкульского типов (Сосновый остров, Липчинское, Дуванское XVII, Ташково I и др.) [Ковалева, 1995, с. 14; Асташкин и др., 1995, с. 35]. Если разновременность шапкульского и андреевского слоев на Малом Барашке I очевидна, то хронологическое соотношение липчинских и андреевских комплексов не установлено. Правда, археологи отмечают близость отдельных орнаментальных мотивов на липчинской и андреевской посуде [Косарев, 1993, с. 65; Зах, Фомина, 1999, с. 20; Зах, 2006, с. 30, 44]. Притобольские материалы, сочетающие черты разных культур, объясняются спецификой территории, где одновременно проживало несколько иноэтничных групп. Эта мысль, последовательно проводимая в работах М.Ф. Косарева, является, по существу, интерпретацией источников из смешанных слоев [1979, с. 19; 1981, с. 22; 1993, с. 39].

Хронологическое соотношение липчинских и андреевских древностей может быть установлено при анализе материалов поселения Велижаны I, расположенного на р. Иска в Нижнетавдинском районе Тюменской области. На двух возвышениях, находящихся на площади поселения, заложены два раскопа, в которых изучены однослойные памятники – андреевский и липчинский [Асташкин и др., 1995, с. 35]. Наблюдаемая ситуация расценена как сосуществование липчинского и андреевского населения, когда ни одна из сторон не перенимала «чужих» культурных стереотипов [Там же, с. 38; Зах, 2006, с. 44].

Эта версия полностью вписывается в концепцию М.Ф. Косарева, но она не может быть признана единственной и убедительной. Ее принятие было бы возможно при удаленности друг от друга липчинского и андреевского поселков на сколько-нибудь значительное расстояние или при их расположении на противоположных берегах реки. Судя же по опубликованному плану, раскопы на Велижанах заложены в 20 м друг от друга [Асташкин и др., 1995, рис. 1А]. Трудно представить, что, проживая в таком тесном соседстве, древние жители игнорировали друг друга. Таким образом, наблюдаемая ситуация нуждается в совершенно ином, непротиворечивом объяснении.

Велижанская картина становится объяснимой и понятной, если допустить проявление на памятнике так называемой горизонтальной стратиграфии [Брей, Трамп, 1990, с. 63]. Она сходна с той, что наблюдается на поселении Геологическое XVI (см. выше), где атымьинские и волвончинские комплексы рассредоточены по береговой террасе. Подобное объяснение делает вполне уместным предположение о разновременности липчинского и андреевского поселков на Велижанах. По мнению М.Ф. Косарева, вполне допустимо сосуществование ранних андреевских памятников с поздними липчинскими.

При этом андреевские комплексы должны занимать в целом более высокую позицию, заходя в нижнюю часть пласта культур раннебронзового времени [Косарев, 1981, с. 53]. Данный вывод не противоречит андреевскому вещевому комплексу Велижан. Он включает фрагменты 15 сосудов, ~30 сигаровидных грузил, двусторонне ретушированный наконечник стрелы, пластину, скол, следы металлообработки [Асташкин и др., 1995, с. 31].

Присутствие на памятнике грузил сигаровидной формы, безусловно, сближает его с волвончинскими поселениями Конды. Однако не меньший интерес для нас представляют не только северные, но и южные параллели этих изделий. Они найдены на поселении Сергеевка постботайского времени [Зайберт, 1993, с. 106, рис. 34, 2–4]. Примечательно, что на другом постботайском поселении, Баландино, была встречена керамика с ямочным орнаментом, характерным для андреевской керамики [Там же, с. 105]. По мнению В.Ф. Зайберта, посуда с Сергеевки, Баландино и других объектов при всем сходстве с ботайской обладает чертами, сближающими ее с вишнево-котовскими комплексами Западной Сибири [Там же, с. 154]. Исследователь ограничивает постботайский период концом III – началом II тыс. до н.э., отводя ему 200–250 лет [Там же]. Таким образом, речь идет о кануне бронзового века, но никак не о раннем или среднем энеолите.

Распространение однотипных рыболовных грузил у населения, обитавшего в различных ландшафтно-климатических зонах, можно расценить как свидетельство одновременности поселений, на которых они обнаружены. В данном случае повторяется ситуация, прослеженная на атымьинских, ботайских и синхронных им притобольских поселениях, на которых были распространены биконические грузила третьего типа. Вновь можно констатировать, что синхронные изменения формы используемых грузил на значительных территориях не случайны. Скорее всего они отражают тесные меридиональные и широтные связи населения, установившиеся в на севере Западной Сибири в конце переходного времени.

Грузила сигаровидной формы известны на многослойном поселении Тух-Сигат IV в Васюганье [Кирюшин, 2004, с. 50]. Они не так многочисленны, но факт их обнаружения к востоку от ареала андреевской культуры очень любопытен.

Коллекция каменных изделий с поселения Велижаны I крайне мала, но немногочисленность следов камнеобработки и орудий является одной из черт андреевских памятников [Панфилов, 1989, с. 156; Зырянова, Шаманаев, 2001, с. 60]. Выше отмечалось, что аналогичная ситуация отмечена на волвончинских поселениях среднего и нижнего течения Конды (Волвонча I, Леуши XIX). Правда, из этого перечня выпадают материалы из раскопа I поселения Геологическое XVI, которые перекликаются по составу сырья и

технике обработки камня с атымьинскими. Наблюдаемая особенность может быть объяснена локальной спецификой верхнекондинских памятников. В этой связи замечу, что разработка галечникового сырья и активное использование кварца при изготовлении орудий сохраняется на севере Западной Сибири и намного позже, в бронзовом веке [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 111–112].

Сторонники миграционного происхождения андреевской культуры объясняют немногочисленность каменных орудий дефицитом сырья, с которым столкнулись ее носители на новой территории [Ковалева, 1995, с. 32]. Безусловно, данное объяснение заслуживает внимания, но его нельзя признать убедительным при проведении исторических параллелей. Допуская пришлый характер андреевского населения и неизбежную последующую его адаптацию к новым условиям проживания, это событие можно сопоставить с заселением в мезолите Кондинского бассейна. Он расположен на еще большем удалении от уральских источников сырья, чем Нижнее Притоболье, но первые поселенцы оставили археологические объекты, буквально перенасыщенные каменными изделиями и отходами их производства [Беспрозванный, Погодин, 1998, с. 48–62; Кокшаров, Погодин, 2000, с. 109–127]. «Андреевские мигранты» в отличие от них должны были внедриться на обжитую территорию Притоболья, население которого уже на ранних этапах энеолита получало южноуральскую яшму, и вряд ли местные обитатели испытывали серьезные проблемы с сырьем [Ковалева, Клементьева, 2004, с. 17; Волков, 2006, с. 29, 45]. Это более чем вероятно, поскольку археологи допускают совместное проживание в Притоболье сразу нескольких иноэтничных групп [Косарев, 1981, с. 59].

Приведенные рассуждения лишь одно из возможных объяснений немногочисленности каменных изделий на андреевских поселениях. Наряду с ними полное право на существование имеет и другая версия. Андреевская культура может являться одной из молодых энеолитических культур, о чем красноречиво свидетельствуют наконечники стрел и остатки металлопроизводства.

Из велижанских находок привлекает внимание двусторонне обработанный наконечник стрелы позднего облика. Он имеет треугольную форму и небольшую выемку в основании [Асташкин и др., 1993, рис. 2, 4]. Ассортимент андреевских наконечников разнообразят два предмета, обнаруженные при раскопках поселения Малый Байрык II. Один имел треугольную форму и округлое основание, другой – листовидную форму и небольшую выемку в зауженном основании [Чикунова, 2004, рис. 5, 1–2]. Рассмотренные изделия близки в типологическом отношении наконечникам шестого и седьмого типов поселения Геологическое XVI (рис. 43, 1, 7), и они не известны на атымьинских памятниках.

На этом фоне резко выделяются изделия архаичного облика, связываемые с андреевским комплексом поселения ЮАО-ХIII-А. Речь идет о трех черешковых наконечниках иволистной формы на пластинах, на которых сочетается одно- и двусторонняя обработка, и миндалевидный наконечник на плитке, оформленный двусторонней ретушью [Ковалева, 1995, с. 27, рис. 12, 2–3; Зырянова, Шаманаев, 2001, с. 61–64, рис. 2, 1–2, 4–5]. Однако В.Ф. Зайберт не удивлен возрождению пластинчатой (но не микролитической!) техники на позднеботайских памятниках Приишимья, для которых становятся характерными наконечники с черешком, выемкой или усеченным основанием [1993, с. 154].

В.А. Зах сомневается в андреевской принадлежности остатков литейного производства, хотя и не аргументирует свою позицию [2006, с. 30]. Его скепсис был бы понятен, если бы речь шла о поселениях ЮАО-ХIII-А и ЮАО-ХII, где кроме андреевской керамики встречены липчинская, шапкульская и ташковская [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 66; Ковалева, 1995, с. 12, рис. 32; 4, 1; 10, 3; 2005, с. 105]. Однако нет оснований сомневаться в связи технологической и ошлакованной керамики с андреевским комплексом на Велижанах I [Асташкин и др., 1993, с. 31, рис. 2, 7–8]. Отсутствие металла затрудняет выяснение места расположения центра, поставлявшего необходимое сырье, но, учитывая близость Урала, можно предположить его западное происхождение.

Становление металлообработки в Нижнем Притоболье, лишенном собственной рудной базы, было длительным процессом, которому предшествовало, вероятно, наличие устойчивых связей с уральцами – наиболее вероятными поставщиками металла. Ранние контакты отражают единичные металлические изделия с поселений САО-6 и Козлов мыс I [Юровская, 1973, с. 6; 1975, с. 89]. Имеющиеся источники свидетельствуют, что население андреевской культуры первым в Притоболье овладело металлопроизводством. Это событие могло предопределить быстрое распространение на данной территории технологий бронзового века. Во всяком случае, андреевские тигли, выполненные на фрагментах керамики путем наклепа к ним глиняных бортиков [Ковалева, 1995, с. 32] аналогичны изделиям ташковской культуры [Рыжкова, 1994, с. 11–12].

Позднеэнеолитический возраст некоторых андреевских комплексов выдают сосуды с плоским дном, на стенках которых фиксируются отпечатки текстиля. По мнению М.Ф. Косарева, увеличение количества плоскодонной керамики является общей хронологической тенденцией в развитии гребенчато-ямочной керамики Западной Сибири. Она наблюдается особенно отчетливо на одиновском этапе в рамках первой трети II тыс. до н.э. или XVIII–XVII вв. до н.э. [1981, с. 59, 62].

Интерес в этом отношении представляют материалы поселения Имбиряй-1, содержащие плоскодонные сосуды с ямочным орнаментом, которые *«не вписываются в каноны андреевской культуры»* по наличию на них отпечатков грубого текстиля [Волков, 2004, с. 35–36]. Исследователь атрибутирует имбиряйскую керамику как ямочно-текстильную, датируя ее началом бронзового века. *«Яркость и самобытность черт рассмотренной керамики, отличающих ее от посуды предшествующих андреевских, так и от синхронных таишкских памятников, позволяют поставить вопрос о культурном обособлении позднеандреевских комплексов»* [Там же, с. 37]. Другая сходная коллекция получена при раскопках поселения Роза Ветров 2. Из-за специфического облика керамического материала памятник отнесен к *«переходному раннебронзовому периоду»* (конец III– начало II тыс. до н.э.) [Ткачева, Ткачев, 2006, с. 238, рис. 2, 8–10]. Этим памятникам синхронны древности мысаевского типа с текстильно-ямочной керамикой, включающей емкости с острым, округлым и уплощенным дном [Панфилов, 1989, с. 154, 156]. А.Н. Панфилов полагает, что носители мысаевского типа керамики доживают до «одиновцев» и какое-то время сосуществуют с ними. Он ссылается на широкое распространение текстильной керамики в Западной Сибири, связанное с появлением памятников одиновско-крохалевского типа. По его мнению, в формировании памятников с текстильно-ямочной керамикой приняло участие население липчинской и андреевской культур [1989, с. 156]. Перечисленные наблюдения и комментарии учтены при выделении мысаевского этапа андреевской культуры, распространенной в основном в южно-таежных и лесостепных районах Тоболо-Иртышья [Зах, 2006, с. 30–31].

Присутствие на упомянутых поселениях сосудов с плоским дном может свидетельствовать об их позднеэнеолитическом возрасте. Правда, емкости в плоскими днищами встречены единично на памятниках еныйского и атымьинского типов и очень характерны для боборыкинских и сатыгинских комплексов каменного века [Ковалева, Варанкин, 1976, с. 22, рис. 1, 4, 6; Хлобыстин, 1993, с. 30, 33].

Решая вопросы происхождения и датировки андреевских памятников, следует обратить внимание на применение в керамическом производстве армирующего шнура. В процессе лепки он предотвращал от разрушения горловины необожженных сосудов, а затем выгорал при обжиге. В месте его расположения возникали пустоты, различимые в изломе венчиков. Эта технология зафиксирована на андреевских материалах из подстилающего слоя Ипкульского могильника и поселения Средний Баклан 1 [Ковалева, 1995, с. 25, рис. 7, 1; Зах, Фомина, 1999, с. 18].

Использование армирующего шнура было зафиксировано впервые М.Н. Комаровой на керамике кипринского типа лесостепного Приобья, выделенной по материалам одноименного поселения [1952]. Оно расположено в Кипринском Борке, который, судя по сборам П.Л. Рудометова, был достаточно привлекательным для проживания человека в разные периоды времени [1991, с. 44–47]. Из смешанных материалов были выделены типологически и древности переходного времени от неолита к бронзовому веку. По наблюдениям В.И. Молодина, кипринская посуда имеет круглое или плоское дно. Ее украшают ложнотекстильный орнамент (3,29%) и узоры в виде взаимопроникающих треугольников, выполненные отступающей палочкой и лопаточкой (23,37%) [1977, с. 20–21]. При сравнении каменного инвентаря завьяловских и кипринских памятников исследователь отметил на последних сокращение количества орудий на пластинах. В кипринских комплексах отсутствуют наконечники стрел на пластинах и ведущей формой становятся наконечники треугольной формы. Опираясь на уральские параллели, В.И. Молодин отнес время существования памятников к позднему неолиту или ко второй – началу последней трети III тыс. до н.э. [Там же, с. 24–25].

Изучение верхнеобских памятников было продолжено В.А. Захом, указавшим на единство технологии изготовления андреевской и кипринской посуды. К сожалению, он не объяснил причины этого явления [2003, с. 129]. С его слов, среди находок Кипринского поселения имеются сосуды параболоидной формы с выпуклым дном, плоскодонные банки и небольшое количество керамики, украшенной линиями отступающей палочки, наколами и рядами круглых и сегментовидных ямок. Он констатировал, что *«данная орнаментальная традиция возникла и распространена на территории Приишимья, Прииртышья и Барабы»*. Анализ кипринской коллекции позволил сделать вывод о ее двухкомпонентности и отнести одну из групп к эпохе раннего металла [Там же, с. 75]. При отсутствии абсолютных дат относительный возраст кипринских древностей установлен по стратиграфии поселения Иня 11. На этом объекте кипринская керамика залегает в слоях, перекрывающих горизонты с изылинской посудой, но погребена, в свою очередь, ирбинскими отложениями эпохи раннего металла [Там же, с. 129]. По В.А. Заху, кипринская керамика входит в одну хронологическую группу с гребенчато-ямочными (посткокуйскими, но добайрыкскими!) комплексами Нижнего Притоболья и Приишимья [Там же, с. 146]. Говоря в целом о времени существования верхнеобской неолитической культуры, прошедшей в своем развитии изылинский и кипринский этапы, исследователь определяет ее границы в пределах 5500–3500 лет до н.э. [Там же].

Нетрудно заметить, что В.И. Молодин и В.А. Зах предлагают для кипринских комплексов взаимоисключающие датировки. Это обусловлено во многом отсутствием радиоуглеродных дат. На мой взгляд, ближе к истине позиция, занимаемая в данном вопросе первым исследователем. Правда, она может быть принята при условии, что кипринские материалы следует считать энеолитическими.

Применение технологии армирующего шнура в лепке керамики на памятниках Приуральской части Западной Сибири и лесостепного Приобья не случайно и объясняется одновременностью сравниваемых объектов. Однако следует уточнить, что имеющиеся материалы документируют ее распространение на протяжении неолита – энеолита. Если приишимские поселения Кокуй 1 (второй и третий тип керамики), Боровлянка 2 и Серебрянка 1 [Панфилов, 1993, с. 11] и ранние кипринские находки датируются каменным веком, то памятники андреевской культуры и поздний компонент кипринских коллекций, который упоминает В.А. Зах, относятся к энеолиту [2003, с. 75]. Длительное сохранение упомянутой технологии позволяет рассматривать ее как традицию, оформившуюся в керамическом производстве у населения юга Западной Сибири. Речь идет также об обитателях Нижнего Приобья, оставивших поселения андреевской культуры. Данный факт является серьезным аргументом для сторонников автохтонного происхождения андреевских комплексов. Это любопытное явление сопоставимо с распространением в бронзовом веке другой технологии, заключавшейся в формовке керамики на опрокинутых вверх дном сосудах – шаблонах [Ковалева, 1997, с. 75; Виноградов, 1997, с. 90–91; Григорьев, 1999, с. 87; Зданович, 1983, с. 61; Кокшаров, Погодин, 2005, с. 110].

На мой взгляд, притобольские памятники андреевского типа не связаны с миграциями европейского неолитического населения. Они отражают своеобразие эволюции гребенчато-ямочной керамики в южнотаежной зоне Западной Сибири, которая протекала здесь не столь плавно, как в бассейне Конды, где наблюдается смена атымьинских и волвончинских гребенчатых комплексов. На одновременность андреевских и волвончинских памятников указывают не только форма сосудов, ямочный орнамент и текстильные отпечатки, но и сопровождающий керамику инвентарь. Ранее отмечалось, что эти древности образуют ядро андреевско-волвончинского хронологического горизонта [Кокшаров, 1993А, с. 89–90]. Сложнее определить параллели этому пласту на сопредельных территориях, поскольку там почти не представлены керамические комплексы с выразительным ямочным орнаментом, и приходится обращать внимание на иные признаки, присущие притобольским и кондинским поселениям. Учитывая сказанное, в обозначенный хронологический горизонт следует включить постботайские объекты Приишимья, где

найжены сигаровидные рыболовные грузила, и северососьвинские поселения Алтатумп II, Хулюм-сунт I и Старый Хангокурт II, на которых обнаружена керамика с характерными глубокими гребенчатыми наколами (рис. 104, 4–5, 10). На синхронность Старого Хангокурта II и Волвончи I указывают антропоморфные изображения на керамике, выполненные в скелетном стиле. Эти образы в сочетании с многоугольными геометрическими фигурами, среди которых они помещены, имеют четкие параллели на уральских писаницах. Речь идет о рисунках на Зенковской скале, Ирбитском и Писаных Камнях, отнесенных В.Н. Чернецовым к первому варианту первого сюжета [Чернецов, 1971, с. 76, рис. 8, 3; 51, 1–3].

В настоящее время хронологические рамки горизонта могут быть лишь намечены. Это обусловлено малочисленностью абсолютных дат и наметившейся тенденцией их удешевления при калибровке. Если же исходить из калиброванных значений, то андреевско-волвончинские памятники следует признать наиболее молодыми из объектов переходного времени от неолита к бронзовому веку. Вероятно, не будет большой ошибкой отнесение интересующих нас древностей к последней трети III тыс. до н.э. В начале бронзового века на севере Западной Сибири отмечено становление собственного металлообрабатывающего производства. Древности этого времени отнесены к одиновско-крохалевскому хронологическому горизонту и представлены в Кондинской низменности ранними полымьятскими комплексами [Кокшаров, 2006А, с. 48–49; Он же, 2012Б, с. 38–39; Он же, 2013Б, с. 145–146].

Глава 4. ВАЖНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Начало эпохи бронзы на севере Западной Сибири связано с появлением на археологических памятниках следов литейного дела и самого металла (рис. 106). Функционирование собственного металлопроизводства демонстрируют фрагменты ошлакованной посуды бытового назначения и т.н. технологическая керамика (литейные формы, тигли и сопла). Местное население не довольствовалось готовыми формами вещей, обмененными у соседей, а наладило выпуск своей продукции из привозного сырья. Самые архаичные и немногочисленные следы литейного дела досейминского облика зафиксированы пока на р. Конде в ранних полымьятских комплексах [Визгалов, 1988, с. 51–53, рис. 1, 9–11; Кокшаров, 2006А, с. 48–49, рис. 2, 17, 24–25; Он же, 2011В, с. 122–130 и др.]. Особенности ранних полымьятских древностей, проявляющиеся в облике бытовой посуды и сопровождающего ее инвентаря из камня, глины, позволяют выявить их отчетливые параллели в других культурах и памятниках Урала и Западной Сибири и объединить те и другие в рамках соответствующего культурно-хронологического горизонта, именуемого одинаовско-крохалевским. Этот горизонт уже был намечен предшественниками, но имеет, к сожалению, размытый, а точнее, неоправданно широкий временной диапазон.

Изучение материалов показало, что подавляющая часть памятников бронзового века севера Западной Сибири относится к различным фазам ПБВ. Причем выяснилось, что в этой свите древностей комплексы сейминского времени являются не самыми ранними. Говоря иначе, имеющиеся данные выстраиваются в совершенно иную хронологию, чем предполагалось ранее [Черных, Кузьминых, 1989]. Полученная картина позволяет внести существенные коррективы в имеющиеся периодизации бронзового века.

Количественное соотношение объектов бронзового века Кондинской низменности и Нижнего Приобья близко картине, прослеженной выше: 261 памятников против 54.

4.1. Поселения Кондинской низменности

Памятники бронзового века данной территории изучены относительно равномерно. Однако значительная часть материалов, полученных при раскопках, до сих пор не введена в научный оборот. Эти древности наиболее полно отражают вступление севера Западной Сибири в бронзовый век и демонстрируют эволюцию культуры местного населения на протяжении всего II тыс. до н.э. В верховьях реки изучены поселенческие комплексы Геологическое III, VI–VII, XVI, Большая Умытъя 28, в среднем течении – поселения Лева

VIII, XII, Леуши XIX, Талья I, в нижнем течении – поселения Пашкин Бор I, VI, Волвонча I и комплекс памятников на р. Чилимка.

4.1.1. Поселение Геологическое III (рис. 107). Объекты и слои бронзового века были исследованы в раскопах I–V [Морозов, 1985; Кокшаров, 1986; Он же, 1987; Он же, 2009А, с. 31–32; Он же, 2011Б; Он же, 2012Б; Кокшаров, Погодин, 2000, с. 109–127].

В расположении сооружений отмечены следующие особенности. Пять из них, удалены друг от друга на 8–13 м и выстроены в ряд, вытянутый по линии СВ–ЮЗ. Постройки в раскопах III–V ориентированы в направлении ССЗ–ЮЮВ. На первый взгляд все объекты можно было бы отнести к одному поселку. Однако из них происходит разновременная керамика полымьятского типа, указывающая на долговременное функционирование памятника. Это обстоятельство осложнило исследования прибрежной части поселения, где не удалось расчленить разновременный каменный инвентарь. С другой стороны, здесь прослеживается эволюция поселения, уточнено соотношение разновременных комплексов и объектов. Не исключено, что часть построек бронзового века осталась за пределами раскопанной части памятника и его планиграфия будет скорректирована. Остановимся на рассмотрении изученных объектов.

По наличию очагов сооружения разделены на жилые и хозяйственные.

В **раскопе I** исследовано жилище 1 (рис. 107), имевшее углубленную часть, которая приближалась к форме 6-угольника (~48,9 м²). Котлован ориентирован по длинной оси в направлении ССЗ–ЮЮВ, его глубина 0,25–0,3 м. Со всех сторон, кроме восточной, где мог располагаться выход, над полом возвышались земляные нары. На полу отмечена подсыпка охры. Почти в центре помещения располагались остатки очага в виде линзы бурой супеси, размером 1,2 × 1,1 × 0,2–0,35 м. Наибольшее скопление ямок от столбов наблюдалось в северо-западной углубленной части жилища. За пределами котлована фиксируется много ям, часть из которых использовалась в качестве хозяйственных.

На крайних восточных участках раскопа, напротив выхода из жилища обнаружены остатки кострища, аналогичного рассмотренному выше. Его размер 2 × 1,4 м. Грунт вокруг очага насыщен охрой. Находки распределены по сооружению относительно равномерно. Концентрация материала отмечена лишь в двух местах: в юго-восточной части раскопа и вокруг внешнего очага у восточной стенки жилища. Внутри постройки обращает на себя внимание скопление находок вокруг валуна у западной стенки объекта. Одна из плоскостей этого камня использовалась в качестве абразива.

С жилищем связаны фрагменты 17 сосудов позднего полымьятского облика (рис. 108, 2–3, 6, 8, 10, 12–13, 15, 17; рис. 109, 3, 5, 10, 11, 13, 15), изделия из камня и обломки бронзового ножа (рис. 110, 7).

В **раскопе II** исследовано жилище 15 (рис. 107). Оно имело подчетыреугольный котлован, ориентированный по линии ССЗ–ЮЮВ, размером $5,4 \times 5 \times 0,3\text{--}0,6$ м. Очень неровный пол посыпан охрой. Почти в центре жилища отмечено очажное пятно подчетыреугольной формы, вытянутое по линии СЗ–ЮВ. Его размер $1,4 \times 0,8 \times 0,4$ (?) м. Внутри котлована отмечены 8 ямок от столбов и две ямы.

Керамика и кварцевые отщепы концентрируются в южной половине сооружения и у юго-восточного угла. Из раскопа происходят фрагменты 9 разновременных полымьятских сосудов (рис. 108, 1, 4–5, 7, 9, 11, 14; 109, 1–2, 4, 6, 8–9, 12, 14).

В **раскопе III** прослежены хозяйственная постройка 4 и жилище 6.

Постройка 4 (рис. 111) расположена в северной части раскопа. Она возведена во впадине, возникшей на месте сооружения 3 с керамикой волвончинского типа [Кокшаров, 2009А, с. 33, рис. 19]. Более темное заполнение последнего, а также наличие охры на полу обеих построек позволило развести их в плане и профиле. Интересующий нас объект имеет подтрапещевидную форму и ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ, то есть в том же направлении, что и волвончинский. Размер котлована $7,4 \times 6,1 \times 0,7\text{--}0,8$ м.

На полу находились три ямы, две из которых связаны с жилищем. Яма 1 имела подпрямоугольную форму, ее размер $0,89 \times 0,71 \times 0,24$ м. Она заполнена серо-коричневой супесью, в которой стоял плоскодонный сосуд бронзового века (рис. 112, 2) с большим количеством мелких костей животных. Яма 2 имела в плане овальную форму, размер $0,61 \times 0,51 \times 0,14$ м. В яме обнаружен также каменный наконечник стрелы. Яма 3, расположенная в западной части котлована, имеет аморфную форму, ориентирована по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. Ее длина и ширина составляют $3,6 \times 0,46\text{--}2,05$ м. Судя по заполнению, включающему современный подзол, объект не связан с жилищем и может рассматриваться как поздний перекоп. На это указывают также находки, представленные поздней полымьятской керамикой (рис. 113, 1). Здесь и по бортам впадины лежали обломки сосудов типа вары-хадыга (рис. 113, 2, 5–6). Выкид из ямы проводился преимущественно в южную сторону, где расположен котлован мезолитического жилища 5 [Кокшаров, Погодин, 2000, с. 120, рис. 5], а также в восточную часть котлована, в которой отмечен переотложенный культурный слой (рис. 111, профиль В–В'). В переотложенном слое, перекрывающем мезолитический объект, сосредоточены керамика переходного времени и бронзового века, глиняные грузила сигаровидной формы.

С постройкой 4 связаны развалы и обломки 13 полымьятских сосудов раннего облика (рис. 112, 114–115). На полу сооружения лежала медная пластина (рис. 110, 5). В раскопе III, в межжилищном пространстве, найдены фрагменты 18 раннеполымьятских сосудов (рис. 116).

Жилище 6 (рис. 107; 117) расположено в юго-восточной части раскопа III. На ур. – 70 см оно имело подпрямоугольный котлован, ориентированный по линии СВ–ЮЗ, размером 6,6 × 5,6 м. Котлован выкопан над западением, возникшим на месте возможного расположения мезолитической постройки [Кокшаров, Погодин, 1990, с. 120, рис. 5].

На ур. –90 см котлован сократился в размере до 4,3 × 4 м. В пределах данного понижения площадью 17,2 м² отмечены остатки очага. Это пятно бурой супеси, ориентированное по линии СЗ–ЮВ, размером 1,06 × 0,68 × 0,16 м. Находки, представленные поздней полымьятской керамикой (13 емкостей, рис. 118–119), залежали преимущественно в центре котлована и его юго-восточном углу, а также рядом со впадиной. Не исключено, что отмеченное понижение указывает на наличие в раскопанном жилище нар. Они располагались по периметру и возвышались над полом на 0,2 м.

С постройками бронзового века в раскопе III связаны три ямы, обнаруженные в межжилищном пространстве, из которых происходит керамика полымьятского типа. Вне выявленных объектов встречены обломки односторонней литейной формы (уч. М/11, ур. – 70...–80 см, рис. 120, б) и фрагменты кованого медного стержня.

В **раскопе IV** к бронзовому веку относится жилище 1 (рис. 121). Оно имело подпрямоугольный котлован, ориентированный в направлении СВ–ЮЗ, размером 8,8 × 7,8 × 0,4–0,6 м. Пол понижается от краев объекта к центру. На отдельных его участках встречены пятна охры. В центре помещения обнаружены остатки очага, представляющие собой линзу бурой супеси. Она ориентирована по длинной оси жилища. Размер объекта 1,42 × 0,94 м, мощность слоя и подстилающего прокала 0,34 и 0,07 м. Из очажного пятна происходят керамика и бронзовая подвеска – "лунница" (рис. 110, 2). Северо-восточнее очага отмечена большая яма, имеющая подпрямоугольную форму и вытянутая по линии СЗ–ЮВ, размером 2,37 × 0,92 × 0,32 м. В ней найдены кварцевые отщепы и керамика эпохи бронзы. Еще одна яма прослежена в северном профиле, на границе уч. Г–Д/19. Она представляет собой перекоп, заполненный современным подзолом, который прорезает пол в западной части жилища. Из ямы происходит развал сосуда позднего полымьятского облика (рис. 122, 10), сформованного на горшке-шаблоне [Кокшаров 2011Б:79, рис. 1; 2, 10]. Примечательно, что верхняя часть раздавленной емкости обнаружена в глубине берега, в позднем полымьятском жилище 2 в раскопе V (рис. 128, 9).

Находки, представленные обломками 37 полымьятских сосудов раннего облика (рис. 122, 1, 3–5, 8–9; 123–125), тремя рыболовными грузилами в виде палочек с раздвоенными концами, изделиями из камня и металла (украшение, шило и кованая пластинка – рис. 110, 2, б), концентрируются в нижней (центральной) части котлована, вокруг очага и в заполнении ям.

В раскопе V к бронзовому веку относятся жилища 2–3 и ямы, обнаруженные на межжилищном пространстве.

Жилище 2 (рис. 126) имело аморфный округло-подпрямоугольный котлован размером $6,9 \times 5,9 \times 0,1-0,2$ м. Длинными сторонами котлован ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. В его пределах обнаружены: очаг, две ямы (хозяйственные?), пять ямок от столбов и в неровностях пола пятна охры. Очажное пятно имело подквадратную форму, его размер $1,2 \times 1 \times 0,19$ м. В заполнении одной из центральных ям, а также вокруг нее найдено около десятка предметов из качественного кремня и развал невысокой плоскодонной чаши с оформленным сливом. С пола объекта происходят поздняя полымьятская керамика (рис. 127, 1, 8, 17, 19; 128, 1, 3–9) и почти целая литейная форма досейминского типа для изготовления овального слитка (рис. 120, 3).

Жилище 3 (рис. 129) почти наземное, его пол углублен на 0,15 м по отношению к погребенной почве. Оно имело подпрямоугольный котлован, ориентированный в направлении ССЗ–ЮЮВ размером $5,4 \times 4,3$ м. Выхода из помещения зафиксирован в узкой северо-западной стенке сооружения. В пределах сооружения отмечены очаг, две ямы неясного назначения и две ямки от столбов. По заполнению очаг аналогичен остальным, он подпрямоугольной в плане формы, размером $0,84 \times 0,66 \times 0,2$ м. Находки представлены поздней полымьятской керамикой (рис. 128, 2, 8–9; 130, 1, 11–12, 16) и изделиями из камня. Судя по взаимовстречаемости сосудов, жилища 2–3 синхронны.

Интерес представляет яма VIII, расположенная на межжилищном пространстве. В ее заполнении находилось большое количество костей северного оленя. По определению П.А. Косинцева, здесь находились остатки 13 животных, среди которых много молодых особей. Забой мог проводиться в конце лета – начале осени [Кокшаров, 1992А, с. 7]. Среди костей были обнаружены фрагменты 4-угольного полымьятского сосуда позднего облика. По костям получена радиоуглеродная дата – 3510 ± 110 BP (Le-8039) (табл. 20).

Находки с поселения представлены изделиями из керамики (разновременная посуда полымьятского типа, рыболовные грузила, скребки, обломки литейных форм), инвентарем из камня, металла и фаунистическими остатками.

Хронологические группы полымьятской керамики количественно почти равны.

Много ранней полымьятской посуды связано с постройкой 4 (раскоп III) и жилищем 1 (раскоп IV) в прибрежной части памятника, тогда как поздние полымьятские материалы преобладают в раскопах I и V, находящихся в глубине террасы (табл. 6). Большое количество подобной керамики в раскопе III объясняется наличием здесь единственного позднеполымьятского жилища 6. Рассмотрим материалы более детально

Ранняя полымьятская керамика. Коллекция насчитывает 88 сосудов, выделенных по 73 венчикам, 14 стенкам и одному днищу (рис. 108, 5, 9–10; 112; 114–115; 116, 1–3, 5–8; 122, 1, 3–5; 123–125). Керамика делится на стандартную и индивидуальную (1 экз.).

В собрании отсутствуют горшки, а преобладают закрытые и открытые банки (соотв. 21 и 18 экз.). Они преимущественно плоскодонные, хотя встречаются также кругло- и остродонные емкости (рис. 114, 1, 2). По графическим реконструкциям восстановлены параметры у 8 сосудов, судя по которым высота почти всегда уступает диаметру по венчику. Диаметр устья замерен в 30 случаях (среднее значение 22,9 см). Соотношение сосудов, у которых диаметр венчика ниже и выше этого показателя, 55,2% и 44,8%. Нестандартный сосуд представляет собой 4-угольное блюдо с невысокими бортиками (рис. 112, 3), имеет размер 15,6 × 9,6 × 3,8 см. Единичны низкие чаши и миниатюрные емкости.

22 из 77 сосудов, включенных в обработку и представленных крупными фрагментами, имеют следы ремонта в виде сквозных отверстий (28,6%).

Формовочные массы вариативны. Почти половина керамики (44 экз.) содержит шамот. Шамот встречается и как единственная примесь, и в сочетании с кварцевой галькой (4), дробленой каменной крошкой (3), а также лимонитом (1) и песком (1). Дресва обоих видов – кварцевая галька и дробленая каменная крошка (кварц, гранит?) – в отдельности и в сочетании встречены в 14 случаях. Этот отоцитель замечен также в замесах с песком. Внешние стенки сосудов всегда заглажены более тщательно, чем внутренние.

Большая часть венчиков у сосудов – плоские, скошенные наружу. Лишь 10 венчиков округлой формы. У некоторых оформлен небольшой карнизик. Шесть венчиков деформированы вдавлениями пальцев. Любопытен сосуд с широким наплывом-гребнем изнутри, в зоне под венчиком (рис. 116, 8). Возможно, он удерживал деревянную или берестяную крышку.

Посуда насыщена орнаментом, выполненным преимущественно гребенчатыми штампами, различающимися конфигурацией рабочей поверхности (44 экз.). Вдвое реже встречаются такие приемы орнаментации, как «шагающий» гребенчатый штамп (21, или

10,1%) и глубокие ямки (22, или 13,8%), образующие изнутри выпуклые «жемчужины». Часть емкостей ямок не имеет (10).

Из прочих приемов орнаментации единично отмечены отпечатки гладкого прямого и волнистого штампов (рис. 115, 9; 122, 1), полая трубочка (рис. 115, 17; 123, 10), скобка (рис. 108, 9; 115, 7; 116, 5) и наклепной валик (рис. 116, 7). На четырех черепках замечены следы выбивки или «псевдотекстиль» (рис. 108, 10; 123, 6, 8).

Орнамент покрывает внешние стенки сосудов, включая венчик, днище и заходя даже внутрь сосудов. Из орнаментальных зон на керамике выделяются венчик, зона под венчиком снаружи сосуда, тулово и дно. В трех случаях узоры прослежены на внутренних стенках сосуда (рис. 116, 6А; 124, 3А, 4А).

Венчики украшены поясками гребенчатых и гладких штампов, среди которых преобладают отпечатки с наклоном влево (20 экз.), вправо (17) и вертикальные (9). Часть венчиков обработана угловыми вдавлениями гребенчатых штампов (11). В тех случаях, когда эти вдавления наносились поочередно снаружи и изнутри сосуда, образовывался рельефный зигзаг (рис. 115, 12; 123, 10, 12; 125, 4).

В зоне под венчиком и на тулове преобладают одиночные пояски из вертикальных и наклоненных вправо отпечатков гребенчатых штампов (соотв. 14 и 13 экз.). Другие пояски образованы «шагающей» гребенкой, поверх которой нанесены ямки (6). Из геометрических мотивов встречены фигуры в виде вложенных углов (рис. 115, 6; 122, 9; 123, 9), единично – флажки (рис. 112, 2).

Ниже названной зоны следуют обычно одиночные пояски из ямок (33 экз.). Комбинированные гребенчато-ямочные узоры, характерные для волвончинской керамики, встречаются значительно реже и не отличаются разнообразием (рис. 112; 114; 123–125). У 13 сосудов ямки отсутствуют. Внимание привлекает ритмичность ямочного пояска: два параллельных ряда ямок, соединенных наклонными гребенчатыми отрезками, сменяются пояском ямок, расположенных в шахматном порядке (рис. 114, 3). Картина усложнена пояском шагающей гребенки, перекрывающий ямочные узоры.

На тулове сосудов преобладающими узорами являются одиночные пояски из вертикальных отпечатков гребенчатых штампов, выполненных в технике печати (51) и «шага» (23) (рис. 112; 114). Нередко подобные пояса группируются по 2–4, образуя широкие зоны. Наклонные одиночные пояса встречаются столь же регулярно, как «шагающая» гребенка (24). Монотонность декора оживляют вертикальные/наклонные колонки и зигзаги (рис. 115, 17; 122, 19; 123, 1, 10; 125, 4, 10, 15). Однообразные мотивы на тулове разрежены 1–4-рядовыми зигзагами (рис. 112, 2; 116, 2, 8; 125, 15), вложенными

углами (рис. 122, 9; 124, 4, 15), единичными ромбами (рис. 116, 6), сетками (рис. 112, 1; 116, 8) и рассеченными сотовыми фигурами (рис. 123, 3). В качестве анахронизма следует отметить сохранение такого элемента, как глубокие наколы гребенчатых штампов, собранные в горизонтальные пояса, которые типичны для волвончинской керамики (рис. 112, 1; 115, 8, 10, 12; 116, 3; 122, 9; 125, 4, 6). Для данной зоны не характерны разделительные пояски в виде ямок.

Днища сосудов занимают 4–8-лучевые розетки или концентрические окружности (рис. 108, 9; 114, 1; 116, 1, 3, 5; 123, 7, 10, 14; 125, 11).

Некоторые фрагменты серого цвета ошлакованы от воздействия высокой температуры – вероятно, от соприкосновения с расплавленным металлом (рис. 114, 2). Затертые кромки на других черепках указывают на использование в качестве скребков (рис. 115, 16; 116, 6; 122, 5; 123, 3, 5; 125, 12).

Коллекция поздней полымьятской керамики включает развалы и фрагменты от 95 сосудов, из которых 92 учтены при характеристике морфологических особенностей (рис. 108, 1–4, 6–8, 11–18; 109; 113, 1, 4; 116, 4, 9; 118–119; 122, 2, 6–7, 10; 127–128; 130). Посуда делится на стандартные и нестандартные емкости (15 экз., или 16,3%).

Судя по графическим реконструкциям, первые представлены плоскодонными банками с прямыми стенками, открытыми и закрытыми емкостями (соотв. 25, 21 и 13 экз.). Полные параметры установлены в 8 случаях. Диаметр по венчику установлен у 19 емкостей, он превышает высоту сосудов или равен ей, исключения – единичны. Показатель варьирует в интервале 14–41,4 см (среднее значение 26,2 см). Соотношение малых и крупных сосудов почти равное (9 и 10).

Индивидуальные емкости нередко фрагментированы (рис. 109, 1–4, 6–9, 13, 15–16; 113, 1, 4; 118, 3; 119, 3–6; 127, 3, 5, 10, 16; 130, 1–2, 11). Среди них встречены овальные ладьи (2) и с усеченной кормой (3), прямоугольные (5) и небольшие чаши (6).

Почти треть керамики (27,2%) имеет перфорированные стенки. На некоторых отмечено темное смолистое вещество, которым замазывались трещины (рис. 130, 9, 15).

Лепка велась ленточным способом, внахлест. В коллекции выделяются сосуды (7 экз., 7,6%), донная часть которых формовалась на опрокинутых горшках (рис. 108, 16; 109, 10; 118, 6; 128, 4, 8–9; 130, 12). На внутренних стенках лепившейся керамики проступил негатив орнамента, покрывавшего основу. Доминирующая добавка в глиняном тесте – шамот. В выборке из 87 сосудов он отмечен в 43 случаях (45,7%). Очень вариативны замесы, включающие дресву. Данный отощитель представлен двумя вариантами: кварцевой галькой (6,4%) и дробленой зернистой породой, напоминающей гранит (18%).

Иногда оба варианта представлены в одном тесте, замечены с шамотом и песком. В различных комбинациях дресва отмечена в 37,1% сосудов. Редко отмечены кусочки охры. Внешние стенки сосудов тщательно заглажены, а изнутри видна затирка грубым шпателем.

Венчики имеют преимущественно плоский срез или округлую форму. Плоские венчики чаще всего скошены наружу. Приостренные закраины встречаются редко. Некоторые горловины имеют волнообразное оформление (рис. 118, 1). Оригинален стандартный сосуд в виде невысокой чаши с носиком-сливом из жилища 2 раскопа V. Его внешняя стенка служила абразивом для заточки орудий.

Посуда насыщена орнаментом, покрывающим боковые стенки, заходящим нередко на венчики и днища. В одном случае украшена вся внутренняя сторона небольшой чаши: это пересекающиеся под прямым углом линии, доходящие до венчика. В центре креста, расположенного на дне емкости, находится квадрат, от углов которого к внутренней стороне венчика восходят четыре луча (рис. 116, 6А). Декорирование велось гребенчатыми штампами с различной нарезкой зубцов в технике печати и концом круглой палочки, оставляющей глубокие ямки. Ямочные вдавления отсутствуют на стенках небольших чашек. Частота встречаемости узоров из ямок на поздней полымьятской посуде составляет 18,6%. В отличие от ранней полымьятской керамики здесь не отмечены отпечатки «шагающей» гребенки. В верхней части пяти сосудов замечены желобки (рис. 108, 3; 118, 4, 5, 9; 127, 1), а на двух емкостях – фигурные штампы в виде змейки (рис. 127, 3; 122, 6).

Для орнамента характерна зональность: выделяются венчик, зона под венчиком снаружи сосудов, тулово, придонная часть, днище.

На венчики нанесены разнонаклонные пояски штампов, хотя нередко декор здесь отсутствует. В зонах под венчиком и на тулове сосудов обращают на себя внимание бордюры в виде лент при небольшом количестве монотонных узоров. Чрезвычайно переменные в исполнении ленты придают посуде нарядность и неповторимость, вследствие чего поздняя полымьятская посуда кардинально отличается от предшествующих и последующих по времени керамических комплексов.

Ленты могут быть одинарными и сдвоенными, как прямыми, так и в виде зигзагов (рис. 108, 2, 4, 16; 109, 6, 11, 13, 15–18; 113, 1; 118, 8; 119, 3–5, 7; 122, 7, 10; 127, 10–11; 128; 130). Внутреннее пространство этих фигур заполнено обычно наколами штампов, ямками или гребенчатыми отпечатками. Некоторые двойные ленты оформлены по принципу шахматного поля или вложенными углами (рис. 119, 7; 122, 10; 128, 4, 8–9; 130, 9). Зигзаги могут быть дополнены еще одним элементом – короткими отрезками-ответвлениями (рис.

108, 1; 119, 5; 127, 10, 13; 128, 4, 6; 130, 8–9). Ленты усложнены поясками из ямок, которые обычно размещались в верхней части сосудов и крайне редко опускались на тулово.

Часть ленточных узоров в зоне тулова заполнена сетчатыми структурами (рис. 109, 10, 13, 15–16; 119, 5, 7; 127, 16; 128, 8). В этой же зоне отмечены бордюры из сот (рис. 109, 19; 127, 14), ступенчатые фигуры (рис. 109, 12; 118, 1–2, 8), флажки (рис. 116, 4; 122, 6), линейные одно- и многорядовые горизонтальные зигзаги (рис. 108, 12; 118, 7, 9), а также вертикальные композиции в виде колонок, зигзагов, сеток (рис. 108, 13; 109, 14, 16; 113, 1; 119, 3; 127, 5, 17, 19).

На днищах сосудов отмечены фигуры в виде крестов (рис. 108, 15, 17; 127, 18; 130, 14А), сеток (рис. 119, 6Б) и розеток (рис. 130, 7А). Орнамент на днищах ладьевидных емкостей подчинен их конфигурации (рис. 113, 1Б).

В поздней полымьятской коллекции выделяются по декору три сосуда, отнесенные к типу вары-хадыта. Один сосуд стандартной формы (рис. 113, 5). На нем хорошо выделяется зона под венчиком в виде отпечатков скобки, расположенных в шахматном порядке, а средняя часть сосуда занята оригинальным сетчатым бордюром, выполненным в необычной для кондинской керамики рельефной манере. Мастер, выполнявший работу, виртуозно владел небольшим шпателем, аккуратно снимая излишки глины. Для столь тонкой работы была подготовлена формовочная масса без посторонних примесей. Из подобного же теста выполнены две четырехугольные емкости (рис. 113, 2, б). Они украшены тем же штампом в виде скобки. В зоне под венчиком одной воспроизведен узор, имитирующий рыбью чешую, ниже которой расположен широкий зигзаг (рис. 113, 2). На другой емкости зона под венчиком не выделена, боковая и торцевая стороны сосуда сплошь украшены треугольниками, которые опрокинуты вершинами вниз (рис. 113, б).

Посуда, не подлежавшая ремонту, использовалась в качестве абразивов (скребков) и в литейном деле, на что указывают ошлакованные поверхности.

Керамические скребки встречены во всех раскопах. Однако наибольшее количество этих орудий происходит из раскопа IV. Здесь собрано 10 скребков, 6 из которых принадлежат одному сосуду (рис. 122, б). Они лежали за пределами жилища 1.

Крупные фрагменты сосудов с характерной вспененной поверхностью могли использоваться для сбора излишков разогретого металла (рис. 130, 1) или для размешивания расплава в тиглях (рис. 109, 12; 128, 4).

Поделки из керамики включают грузила для сетей, литейные формы и их обломки.

Керамические грузила (~10 экз.). Предметы в виде прямых палочек с раздвоенными концами (не менее 6 экз.) происходят из раскопа IV, где они связаны с жилищем 1 и ранней

полымьятской посудой (рис. 131, 1). Поделки вылеплены из плохо спекшейся массы, содержащей много песка. Длина изделий 85–95 мм, в сечении они овальные 21 × 19 мм.

Биконические грузила (4 экз. из раскопа V) имеют сильно провисающее брюшко (рис. 131, 2–6). Длина палочек ~80 мм, в сечении они округлые, диаметром 16,5–18,5 мм.

Литейные формы представлены обломками 3 изделий, относящихся к двум типам. Они обнаружены в раскопах III и V.

Форма первого типа (рис. 120, 3), найденная в позднем полымьятском жилище 2 (раскоп V), сохранилась почти полностью. Она выполнена из хорошо отмученной, пылевидной на ощупь глины. Ее основание деформировано и выгнуто наружу. Боковые стенки скошены наружу. Предмет отличается легкостью, характерная для глины, подвергнутой высокой температуре. Судя по графической реконструкции, в форме мог отливаться слиток в виде эллипса размером 36 × 16 × 8 мм.

Обломки формы второго типа (рис. 120, 6) найдены в раскопе III. Она изготовлена из тонкодисперсной глины и сохранилась на 2/3. На дне и стенках полости видны следы минерального пигмента – охры. Матрица, оформленная в виде равнобедренной трапеции, служила для изготовления слитков аналогичной формы. Размер последних: ширина оснований 45 и 65 мм (?), высота 65 мм (?), толщина до 15–17 мм.

Из жилища 2 (раскоп V) происходит обломок формы открытого типа, выполненной из напесоченной глины. К сожалению, он очень мал, чтобы можно было судить об отливке. Судя по высоте бортика, толщина заготовки составляла 16 мм.

Изделия из металла (состав металла дан в табл. 7) распределены на памятнике следующим образом: раскоп I – 1 экз., раскоп III – 2 экз. и раскоп IV – 3 экз.

С поздним полымьятским жилищем, исследованным в раскопе I, связан обломок бронзового двулезвийного ножа (рис. 110, 7) [Кокшаров, 2012Б, с. 28–29, рис. 1, 4]. Его длина – 71 мм, максимальная ширина – 22 мм, толщина – 4 мм. На одной из плоскостей отчетливо видно ребро, правда, небольшой его участок (~5 мм) раскован в месте максимального расширения клинка. Возможно, подработка обеспечивала более надежное крепление изделия в рукояти.

Из раскопа III происходят пластина и раскованный стержень из меди [Кокшаров, 1986, с. 13; Он же, 2012Б, с. 28, рис. 1, 7].

Пластина (рис. 110, 5) обнаружена на полу раннеполымьятского сооружения 4. Она имеет прямоугольную форму, размер 33 × 23–28 × 3 мм.

Россыпь мелких кусочков раскованного стержня собрана на уч. Н/10 (ур. –27 см) в межжилищном пространстве раскопа III. Учитывая данное обстоятельство, предмет можно

соотнести как с жилищем 4, так и с жилищем 6, с которым связан комплекс поздней полымьятской керамики.

В раннем полымьятском жилище в раскопе IV найдены украшение, шило и раскованная капля меди [Кокшаров, 1987, с.15, 18; Он же, 2011Б, с. 75, 87; Он же, 2012Б, с. 28–29, рис. 1. 2, 5].

Украшение в виде лунницы (рис. 110, 2) обнаружено при разборке очага-коstriща жилища. Изделие имеет серповидную форму, снабжено отверстием, просеченным пластинчатым пробойником (ножом?). С внешней стороны серпа, почти над отверстием, находится небольшой прямоугольный выступ. Размер поделки $27 (?) \times 6 \times 1$ мм.

Шило (рис. 110, б) представляет собой стержень длиной 89 мм. Круглое в сечении острие имеет диаметр 2 мм, а насаду, обработанную ковкой, придана прямоугольная форма, его размер 45×25 мм.

Раскованная капля в коллекции находок отсутствует, но из *табл. 7* можно получить представление о химическом составе пролитого металла⁴.

Шлаки. В раскопе III на уч. М/10, 11, 14, Л/14 и Н/9 (уровни –40...–90 см) обнаружены стекловидные шлаки, имеющие множество пузырьков-пустот и включения кусочков охры. К сожалению, состав материалов до сих пор не изучен.

Каменный инвентарь (557 ед.) распределен на изученной части поселения следующим образом: раскоп I, жилище 1 – 380 ед.; раскоп V, жилище 2 – 57 ед.; там же, жилище 3 – 58 ед.; там же, яма VIII – 62 ед. (*табл. 8*). В качестве сырья при производстве орудий использовался местный галечник, выходы которого находятся неподалеку от памятника. Преобладание в нем кварца предопределило доминирование изделий из этого материала.

В раскопе I предметы из кварца составляют 70,9% всего инвентаря. Он распадается на два отдела: отходы – 83,3%, заготовки и орудия – 16,7% (*табл. 8*).

Первый отдел представлен преимущественно отщепами (229 экз.), расколотыми гальками и кусками камня (23), нуклеусами и нуклевидными кусками (22), сколами с нуклеусов (30), пластинами неправильного очертания. Лишь три пластины имеют правильное очертание. Они выполнены из серого кремня, и не исключена их связь с мезолитическими объектами.

⁴ Спектральный анализ металла проведен в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН к.и.н. С.В.Кузьминых, которому я благодарен за переданные сведения.

Отдел орудий может быть разделен на две большие группы: предметы на отщепах и изделия на гальках, плитках и кусках камня. На отщепах выполнены скребки, скобели, острие, наконечник стрелы, на прочих заготовках – шлифованные топоры, тесла, абразивный инструмент, пест, дисковидное орудие и грузило. Из отщепов и кусков камня изготовлены орудия типа *pieces ecaillees*. Часть изделий из кварца настолько невыразительна (скобель, острие), что нет необходимости рассматривать их в отдельности.

Скребки (10 экз.) изготовлены из кварца. Общая их форма подчинена конфигурации заготовок. Вторичная обработка заключалась в ретушировании рабочей кромки, но оно применялось крайне редко. Расположение лезвий выдают заглаженности, заломы и выкрошенности кромок.

Долотовидные орудия включают изделия типа *pieces ecaillees* и шлифованные предметы (17 экз.).

Подавляющее большинство первых (всего 10 экз.) – на кварцевых отщепах и кусках. Они подчетырехугольной формы, снабжены одним-двумя лезвиями, расположенными в узкой части орудий. Рабочие кромки у наиболее выразительных предметов оформлены уплощающими сколами и несут следы забитостей, размеры от 16 × 19 до 60 × 60 мм. В этой категории преобладают мелкие орудия на отщепах.

Шлифованные изделия (7 экз.) изготовлены из сланцевых пород камня. Они имеют подтрапезиевидную форму и часто прямые лезвие и обушок, в поперечном сечении – четырехугольные (45 × 36 × 11 мм и 52 × 38 × 17 мм). Одно массивное изделие имеет подтреугольную форму, в сечении – округлое, размеры без учета сломанного лезвия – 157 × 70 × 43 мм.

Наконечник стрелы изготовлен из кремня низкого качества. Он имеет листовидную форму, прямой насад, по обеим плоскостям обработан ретушью (21 × 10 × 4 мм).

Каменный диск из плитки мелкозернистой породы. По периметру фиксируются следы многочисленных скалываний. Одно из возможных назначений данных предметов – использование в качестве скребел.

Грузило из плитки подквадратой формы, на противоположных кромках которой фиксируются выемки.

Из числа *абразивов* обращает на себя внимание валун, лежавший почти в центре жилища 1. На одной из его сторон отмечено характерное кюветообразное углубление, выработанное в процессе шлифовки.

В жилище 2 (раскоп V) предметы из кварца составляют 38,5% от общего количества инвентаря. Отдел отходов и заготовок включает главным образом расколотую гальку и

куски камня (14 экз.), отщепы (10) и аморфные сколы с нуклеусов (8). На отщепах, исключительно кремневых, изготовлены скребки, скобели, острия, наконечники стрел, на плитках и кусках камня – долотовидные орудия и шлифовальники.

Для *скребков* были использованы мелкие отщепы (4 экз.) и отщепы пластинчатых форм (3) (рис. 132, 2–3, 5–6, 9). У первых форма не выражена, лезвие прямое или округлое, оформленное притупляющей ретушью со спинки. Скребки на пластинчатых отщепах имеют ретушь на боковых гранях. На двух предметах она нанесена со спинки. Один экземпляр имеет подпрямоугольную форму, обработан встречной плоской ретушью по одной грани и плоской ретушью с брюшка по второй грани и торцу (рис. 132, 9).

Острия (3 экз.). У двух орудий фиксируются характерные «плечики». Один предмет обработан противоположащей плоской ретушью по двум граням; лезвие другого оформлено круговой ретушью, нанесенной со спинки отщепа (рис. 132, 7); третий определен как проколка, имеет мелкую ретушь с брюшка (рис. 132, 10).

Наконечники стрел представлены двумя целыми экземплярами (рис. 133, 1, 8) и заготовкой. Они имеют листовидную форму, выемку в усеченном основании и выступающие жальца. При переходе от тулова к острию имеется расширение. Наконечники обработаны двусторонней ретушью, их размеры – 75 × 13 × 4 мм и 50 × 12 × 6 мм. Заготовка имеет подпрямоугольную форму, обработана двусторонней ретушью (35 × 17 × 5 мм).

Группа *долотовидных орудий* включает два изделия. Одно (рис. 132, 12) – стамеска из светло-зеленого сланца подчетыреугольной формы с пришлифованными боковыми гранями, лезвие округлое, слегка асимметричное, со стороны обушка предмет обработан сколами (34 × 27 × 8 мм). Другое изделие (рис. 132, 13) – миниатюрная стамеска из черного сланца. В поперечном сечении она 5-угольной формы, на узком лезвии следы выкрошенности. Длина предмета 40 мм, в сечении 5 мм.

В жилище 3 (раскоп V) к кварцевому комплексу относятся 89,7% находок. Отдел отходов и заготовок включает преимущественно расколотые гальки и куски камня (23 экз.), аморфные сколы с нуклеусов (19) и отщепы (9). Изделия из камня представлены наконечником стрелы, двумя дисками и заготовкой подвески. К числу орудий относятся также три ретушированных отщепа (*табл. 8*).

Наконечник стрелы (рис. 132, 1) выполнен из некачественного кремня, имеет листовидную форму, усеченное основание с выемкой (21 × 10 × 4 мм).

Диски изготовлены из плиток мелкозернистой породы камня. Они обработаны по всему или по части периметра сколами. Один диск мог использоваться в качестве грузила для сети (рис. 132, 14), другой, судя по сработанности, – в качестве скребла по шкуре.

Заготовки *подвески* из плитки светло-зеленого сланца. Она имеет пришлифовку одного из торцов и следы сверления на одной широкой плоскости ($60 \times 43 \times 5$ мм).

В яме VIII (раскоп V) наряду с многочисленными фаунистическими остатками содержался комплекс каменных предметов (62 экз.). Находки из кварца составляют 64,5% всего инвентаря. Отходы и заготовки абсолютно преобладают над орудиями (соотв. 56 и 6 ед.; см. *табл. 8*). Первые включают много отщепов (29), расколотых галек и кусков камня (21), единично встречены нуклевидные куски (2) и аморфные сколы (4). Орудия представлены скребком (рис. 134, 10), двумя орудиями типа *pieces ecaillees* (рис. 134, 9, 11), пестом, каменным диском (рис. 131, 8) и наковаленкой (рис. 131, 9). Большая часть этих предметов имеет полные аналогии с орудиями из рассмотренных комплексов.

Определения фаунистических остатков, собранных на поселении, даны в *табл. 9*.

4.1.2. Поселение Геологическое VI расположено в 10,1 км к СЗ от города Югорска в Советском районе ХМАО Тюменской области [Морозов, 1985]. На поверхности памятника отмечена группа из 4 впадин, расположенных юго-западнее поселения Геологическое III. В отличие от последнего поселения Геологическое VI находится в глубине береговой террасы в 110 м от старицы р. Эсс. Раскопки специфическим грунтом, включавшим большое количество гальки. Одна из четырех жилищных впадин, отмеченных на поверхности памятника, изучена раскопками (67 м^2) [Кокшаров, 1987].

На ур. –85 см котлован сооружения принял подпрямоугольную форму (рис. 135; 136, 3). Он ориентирован в направлении СВ–ЮЗ, его размер $4,8 \times 4,3$ м. В юго-западной стенке прослежен выступ размером $0,4 \times 0,4$ м, возникший, вероятно, в месте расположения выхода. В центре сооружения прослежены остатки наземного очага в виде линзы бурой супеси диаметром ~ 1 м, толщина очажного слоя 0,04 м. В его заполнении встречены кварцевые отщепы и кусочки керамики.

Находки представлены фрагментами 3 сосудов бронзового века и одним развалом, что может указывать на кратковременность жилища.

4.1.3. Поселение Геологическое VII (см. п. 2.1.5.). В ходе раскопок выяснилось, что к периоду бронзового века относилась только впадина 3 [Кокшаров 1987; Он же, 2009А, с. 53; Гаджиева, Кокшаров, 1989, с. 143–145]. В раскопе (226 м^2) отсутствуют какие-либо другие объекты, относящиеся к данному времени. Вероятно, в состав поселка входило лишь одно сооружение.

Жилище, прослеженное на месте впадины 3, имело подпрямоугольный котлован, ориентированный длинными сторонами по линии СЮ, его размер $6,8 \times 5,0 \times 0,42$ м (рис. 136, 4). В центре находились остатки очага-кострища. Это объект аморфной формы, сложенный из супеси бурого цвета, достигающей в длину 1 и мощностью 0,18 м. В его заполнении найдена заготовка наконечника стрелы из камня, множество колотого кварца и фрагменты 5 сосудов позднего полымьятского облика (рис. 137, 14, 16, 18–19). Примечательно, что один из них был сформован на горшке-шаблоне (рис. 137, 14). В пределах жилища расчищена неглубокая (0,07 м) овальная яма, заполненная желто-коричневым песком с охрой, в которой лежали кости черепа и зубы бобра.

Находки представлены в основном кварцевыми отщепами, сосредоточенными вокруг очага. П процессе работ использована методика промывки отработанного культурного слоя. По количеству каменных предметов памятник не имеет аналогов среди поселений бронзового века во всей таежной зоне Западной Сибири (*табл. 8*).

Весь инвентарь (3483 ед.) может быть разделен на два отдела: отходы с заготовками и орудия. Среди изделий выделяется обломок подвески-лунницы.

Первый отдел – 98, 1% всех находок – включает отщепы и чешуйками кварца (3122 ед. или 89,6% находок). За ними в количественном отношении следуют сколы с нуклеусов (170 ед.), пластины неправильного огранения (88), расколотые гальки и куски камня (24), нуклеусы (рис. 58, 9), нуклевидные куски (8) и ребристые пластины (5).

Второй отдел представлен преимущественно изделиями на отщепах (57 ед., 10,4%), среди которых выделяются серии скребков, долотовидных орудий, несколько скобелей, острий, отщепов с ретушью и заготовка наконечника стрелы. Инвентарь на гальках и плитках – обломки шлифовальных плит и фрагмент грузила. Ввиду невыразительности многих изделий из кварца рассмотрены лишь те классы орудий, которые образуют крупные серии или представляют интерес с точки зрения технологии производства.

Скребки (26 экз.). Большая часть орудий выполнена из кварца (19) (рис. 137, 3, 15), и лишь серия из 7 микроскребков изготовлена из качественного розового и серого кремня (рис. 137, 2, 4–7). Форма целиком зависит от конфигурации заготовок. Вторичная обработка не имела большого значения и заключалась в частичном ретушировании орудий рабочего края со стороны спинки. На большей части кварцевых предметов ретушь практически не применялась. Рабочее лезвие на них фиксируется по следам сработанности в виде заглаженности и выкрошенности кромок. По аналогии со скребками стоянки Атымья VII они разделены на мелкие, средние и крупные (соотв. 8, 4 и 7 экз.).

Долотовидные орудия (13 экз.) представлены изделиями типа *pieces ecaillees* (рис. 137, 9, 10, 13). За исключением одного предмета (рис. 137, 9) все они выполнены из кварца. Орудия имеют выдержанную подпрямоугольную форму и обычно одно-два лезвия. Самый крупный предмет из этой группы, изготовленный из мелкозернистого кварца, имеет 4 рабочих края (рис. 137, 13). Лезвия прямые, оформлены уплощающей подтеской и несут следы забитости. Размеры орудий от $16 \times 14 \times 6$ до $45 \times 37 \times 11$ мм.

Заготовка наконечника стрелы (рис. 137, 12) на отщепе серого кремня. Она имеет неправильную листовидную форму и обработана плоской краевой ретушью с бьюшкой по боковым сторонам и основанию ($32 \times 18 \times 7$ мм).

Подвеска изготовлена из плитки мягкого камня (рис. 137, 1). Судя по обломку, она имела подтрапециевидную форму и снабжена отверстием. Размер поделки мог составлять $80 (?) \times 20 \times 3$ мм.

Определения фаунистических остатков приведены в *табл. 9*.

4.1.4. Поселение Геологическое XVI (рис. 34) – один из наиболее полно изученных ранних памятников полымьятского типа [Кокшаров, 2009А, с. 59–104]. К моменту раскопок на берегу, заросшем смешанным лесом и лесной подстилкой, отмечались 4 впадины, возникшие на месте древних жилищ. Самые поздние из них связаны с поселком начала бронзового века. Судя по керамике, они входили в состав одного поселка, поэтому получили сквозную нумерацию (жилища 1–4). Эпизодические посещения людьми этого места в более позднее время маркирует керамика лозьвинского и кулайского типов.

Описание ранних полымьятских сооружений и объектов

В **раскоп I** вошла впадина № 2 размером 7×6 м, окруженная насыпью высотой 0,25 м. Она возникла на месте двух древних сооружений. Жилище 1А, относящееся к поселению бронзового века, было возведено в западении, возникшем над постройкой 1, связанной с керамикой волвончинского типа [Кокшаров, 2009А, с. 59].

Остатки котлована жилища прослежены на уч. 3–М/60–64 (ур. –91...–94 см) по очертаниям современного подзола (рис. 138, А). Под ним проступило ржавое пятно ортзанда, образующегося обычно в углублениях от застаивающейся воды. Подзол и ортзанд с вкраплениями угольков и охры имели подпрямоугольные очертания, ориентированные длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ, их размер составлял $6,5 \times 4,5$ м. Дно котлована определено по охристой подсыпке в основании подзола. В пределах объекта отмечены остатки очага и ямы 1–2.

Остатки очага (ур. –93 см, уч. К/62) в виде пятна бурой супеси находились в центре котлована. Пятно имело форму усеченного овала, ориентированного в направлении СВ–ЮЗ, его размер $0,8 \times 0,62 \times 0,12$ м.

Яма 1 прослежена дважды. На ур. –86 см она имела подпрямоугольную форму, вытянутую в направлении ЗВ, ее размер $2 \times 0,6$ м. Объект заполнен современным подзолом и угольками. У северной границы лежали обломки двух крупных сосудов (рис. 139, 4, 7).

Яма 2 (ур. –109 см, уч. К–Л/62–63) имела в плане аморфные очертания, ее западная часть занята корнями деревьев. Размер ямы в поперечнике 1,2 м, глубина 0,22 м. Она заполнена погребенным подзолом, в котором лежал сосуд бронзового века (рис. 139, 6).

К югу и востоку от жилища отмечены внешние ямы I–III.

Яма I (ур. –107 см, уч. К–Л/64) имела подпрямоугольную форму, ориентированную длинными сторонами по линии ЗВ, ее размер $1,3 \times 0,61 \times 0,26$ м. В объекте, заполненном желтым песком с включениями угольков и охры, найдена пластинка металла (рис. 110, 3).

На уч. М–Н/60–62 (ур. –60...–62 см) обозначилась канава длиной до 4 м, вытянутая в направлении СЗ–ЮВ. Ее ширина 0,43–1,15 м. Концы канавы уходят под прямым углом в восточные границы раскопа. Затем на ее месте проявились ямы II и III.

Яма II (ур. –73 см) округлой формы, размером $0,78 \times 0,28$ м. Она заполнена погребенным подзолом и желтым песком с включениями угольков и охры.

Яма III (ур. –74 см) имела неправильную треугольную форму. Ее полные параметры не установлены, так как она выходит за пределы раскопа. Глубина объекта 0,48 м, заполнение – заплывы погребенного подзола и желтого песка с включениями угольков и охры. Из ямы происходят керамические грузила для сети стандартного облика и металлическая пронизка (рис. 110, 1).

С жилищем 1 связаны 5 раннеполымьятских сосудов (рис. 139, 4, 6, 7; 140, 4; 141, 7), 15 керамических грузил для рыболовных сетей (рис. 142, 2–3, 5–7, 9, 16, 18; рис. 143, 8), сопло (рис. 143, 11) и три металлических предмета (рис. 110, 1, 3–4). Не исключено, что к комплексу относится часть каменного инвентаря из перемешанных слоев (табл. 1) и скопление зубов и костей бобра на границе уч. Л–М/63 (ур. –64 см), см. табл. 9.

Раскопом III изучена впадина № 1, имевшая почти квадратную форму ($9,5 \times 9$ м) и ориентированная по линии СЮ. Ее окружает вал шириной до 3,5 м. Перепад высоты от вершины вала до дна ямы составляет полтора метра. При раскопках выяснилось, что впадина возникла на месте разновременных сооружений, последнее из них – жилище 2, связанное с архаичной полымьятской керамикой [Кокшаров, 2009А, с. 81].

Наиболее четко котлован жилища 2 отмечен на двух уровнях (рис. 138, В).

На ур. –132...-141 см он имел форму квадрата со стороной 7,8 м, ориентированного по линии ССВ–ЮЮЗ. Обращают на себя внимание два обломка шлифовальной плиты, находившиеся в вертикальном положении на юго-восточной границе котлована (ур. -124...-137 см). Этот предмет, связанный с производственной площадкой № 1 переходного времени [Кокшаров, 2009А, с. 89, рис. 50], был вторично использован в эпоху бронзы.

На ур. –159...-164 см на дне котлована проступило пятно ожелезненного песка размером 5,6 × 5,4 м, повторяющее в целом конфигурацию прослеженного объекта. В юго-западном углу отмечено скопление из пяти глиняных рыболовных грузил (рис. 142, 1, 4; 143, 9–10) и развал сосуда (рис. 141, 9).

В пределах котлована прослежены центральный очаг и ямки от столбов.

Очаг в виде линзы бурой супеси имел каплевидную форму, ориентирован по линии СЗ–ЮВ, его размер 1,7 × 1,23 × 0,15 м. В его основании находилось пятно оранжевого прокала подпрямоугольной формы размером 0,54 × 0,4 × 0,03 м.

Ямки от столбов расположены преимущественно вдоль северной границы котлована. В центральной его части находились 4 ямки большого диаметра, которые могут указывать на наличие перекрытия шатрового типа.

С жилищем связаны 7 сосудов раннего полымьятского облика (рис. 139, 3, 9; 140, 2–3, 7; 141, 6, 9; 144, 3), 9 керамических грузил и коллекция изделий из камня.

В раскоп IV вошли впадины № 3–4.

Первая из них имела диаметр до 10 м и глубину 1,2–1,5 м. В ходе раскопок установлено, что она возникла на месте расположения жилища 3 эпохи бронзы, которое перекрывало постройки более раннего времени [Кокшаров, 2009А, с. 99].

Котлован жилища 3 отмечен на уч. Д'–К'/38–43 на двух уровнях (рис. 138, Г).

На ур. –118...-124 см сохранил прямоугольную форму и ориентировку, а его юго-восточная граница приняла четкие очертания. Параметры объекта – 7,3–7,8 × 6,1–6,5 м. На северо-западной границе сооружения видны два выступа. Между ними на уч. Е'–Ж'/39–40 находился язык материкового светло-желтого песка, ориентированный по линии СЗ–ЮВ и вдающийся в более темное заполнение котлована. Длина материкового заплыва и его ширина в основании 1,2 м. У северного угла объекта (уч. Ж'/38) лежал крупный камень.

На ур. –134...-142 см котлован сократился по длине и ширине – 6,6 × 6 м.

В его пределах прослежены очаг, очажный выброс, 4 ямы, углубление вдоль северной стенки котлована и многочисленные ямки от столбов.

Остатки очага (ур. –160 см, уч. Ж'–З'/40–41) в виде линзы бурой супеси имели бобовидную форму. Объект ориентирован по линии СЮ, его размер 1,66 × 1,06 × 0,17 м.

Очажный выброс располагался у западного угла котлована. Это пятно четырехугольной формы светло-бурого цвета с включениями угольков. Его параметры $0,54 \times 0,43 \times 0,04$ м.

Яма 1 (ур. –142 см, уч. Ж'/39) располагалась в северном углу котлована, имела почти квадратную форму, ориентированную длинной стороной по линии СЗ–ЮВ, ее размер $0,58 \times 0,56 \times 0,24$ м. В профиле объект имеет аморфную форму, заполнен коричневым песком с включениями угольков и мелких галек.

Яма 2 (ур. –150 см, уч. З'–И'/42) располагалась в противоположном углу котлована. Она имела четырехугольную форму, ориентированную в направлении СВ–ЮЗ, размер $0,94 \times 0,64 \times 0,23$ м. В профиле она трапецевидная, в коричневом песке, заполняющем объект, найдена керамика раннего полымьятского облика.

Яма 3 (ур. –186 см, уч. З'/41) имела в плане прямоугольную форму, ориентированную по линии СЗ–ЮВ, размер $0,7 \times 0,56 \times 0,26$ м. В профиле она параболическая, заполнена коричневым песком, окрашенным охрой, и включениями угольков.

Яма 4 (ур. –171 см, уч. З'/39–40) имела трапецевидную форму, ориентированную длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ, размер объекта $0,95 \times 0,52 \times 0,13$ м. Она имеет плоское дно, заполнена коричневым песком. На верхних уровнях (–140...–148 см) ее перекрывает бытовой мусор в виде измельченной ранней полымьятской керамики, колотого камня и фаунистических остатков.

Углубление на уч. Ж'–З'/39–40 (ур. –156...–158 см) имело прямоугольную форму, размер $1,94 \times 0,56 \times 0,08$ м, заполнено серым песком. На ур. –152 см оно было перекрыто подсыпкой из желтого песка.

Ямки от столбов расположены вдоль стенок котлована и могут свидетельствовать о расположении кровли на стенах дома.

С жилищем 3 связаны обломки и развалы более 25 сосудов раннего полымьятского облика (рис. 140, 1, 5–6; 141, 3–4, 8, 12; 144, 1–5, 7; 145, 1, 3–6, 10), обломок керамической поделки (грузила?) и 30 каменных предметов. С пола сооружения происходит множество раздробленных костей животных. Изучение фаунистических остатков показало, что они принадлежат лосю и бобру (табл. 9). По костям получена ^{14}C дата (табл. 20).

Впадина № 4 имела круглую форму, ее размер $4 \times 0,4$ м. При изучении выяснилось, что она возникла на месте жилища 4.

Котлован жилища 4 (рис. 138, Б) прослежен на двух уровнях.

На ур. –48...–53 см очертания котлована приняли прямоугольную форму. Его размер $6 \times 4,8$ м. Длинной стороной он был ориентирован по линии ЗСЗ–ВЮВ. Обращает на себя

внимание выступ на уч. Б/37 в северной стенке котлована длиной до 1,2 м, шириной в основании до 1,6–1,9 м. Здесь же (ур. –45...–47 см) фиксировалось яркое пятно охры с включениями угольков. Его размеры 1,52 × 1 м, по длинной оси оно ориентировано в направлении СЗ–ЮВ. Возможно, пятно указывает на расположение выхода из помещения.

На ур. –54...–59 см котлован сохранил прямоугольную форму, ориентировку, но сократился в размерах (5,7 × 4,2 м). На этом уровне обозначились стены (за исключением южной) и углы котлована.

Ниже дна котлована, на уровне материка, прослежена канавка, прокопанная в основании восточной стены жилища, ее длина 1,3 м, ширина и глубина 0,13 × 0,04 м.

В котловане зафиксированы остатки очага, горелые плахи и ямка от столба.

Очажное пятно представляло собой линзу бурой супеси овальной в плане формы. Размер объекта 1,14 × 0,92 × 0,17 м, мощность подстилающего прокала 0,05 м. В супеси встречены обломки каменных предметов и фрагмент сосуда бронзового века (рис. 144, 9).

Небольшие размеры постройки и отсутствие большого числа ямок от столбов свидетельствуют о том, что кровля держалась в основном на стенах.

В жилище 4 найдены две целые емкости (рис. 139, 8; 141, 11), обломки 3 крупных сосудов (рис. 144, 1, 9) и абразивная плита (ур. –66...–77 см). Фрагмент того же абразива лежал за пределами постройки на уч. Г'/40 (рис. 146, 7). Из необычных находок отметим расколотую вдоль трубчатую кость крупного млекопитающего, внутри которой лежал плохо сохранившийся костяной наконечник стрелы с отчетливыми следами строгания (рис. 143, 12). К западу жилища собрана небольшая коллекция керамики лозьвинского типа позднего бронзового века (рис. 148, А).

Находки с поселения включают изделия из керамики (бытовая и технологическая посуда, рыболовные грузила, сопло), камня, металла, кости и фаунистические остатки.

Бытовая керамика бронзового века включает две хронологические группы: раннюю полымьятскую и лозьвинскую.

В первой группе 46 емкостей, выделенных по венчикам и двум днищам, большая часть которых (25 экз.) происходит из жилища 3. Они имеют преимущественно открытую (28) и в меньшей степени закрытую форму (9), реже – прямые стенки (5). Соотношение посуды с круглым и плоским дном почти равное (соотв. 10 и 9). Обращают на себя внимание 10 небольших банок и низких чаш открытой формы, 8 из которых связаны в жилищем 3. Две были опрокинуты и лежали одна над другой с внешней стороны его западного угла (рис. 139, 1, 2). Примечательно, что обломки одного из крупных сосудов встречены в раскопах III–IV (рис. 140, 7), а другого – в жилищах 3–4 (рис. 144, 1).

Диаметр сосудов по венчику установлен в 36 случаях. Он варьирует от 3,8 до 46 см (среднее значение 24,5 см). Соотношение малых и крупных форм 1:1. Высота горшков превышает диаметр по венчику и исключения единичны (рис. 141, 9). Миниатюрные и нестандартные емкости единичны (рис. 139, 8; 141, 7). Почти половина сосудов (47%) имеет следы ремонта (рис. 139, 3–4, 7, 9; 140, 2, 7; 141, 2, 6, 9).

Формовка крупных емкостей велась ленточным способом внахлест, с подлепом дополнительных выравнивающих полос на стенки и днища (рис. 141, 3; 145, 1). Малые формы выдавливались из одного куска глины. Самая распространенная примесь к глине – шамот (14). Нередко он применялся с дресвой (белая и прозрачная кварцевая галька, дробленая крупнозернистая порода типа гранита) (17), реже – в сочетании с кусочками охры, слюды и лимонита. Толщина стенок варьирует от 4,5 до 8 мм. Среди прочих обращает на себя внимание тонкостенная банка и ладья (?), вылепленные из глины с примесью слюды и мелкого песка, имеющие залощенные стенки (рис. 141, 6–7).

Среди венчиков преобладают плоские (24), округлые и скошенные внутрь (6 и 8), есть два сосуда с уступами с внутренней стороны. Внешние стенки сосудов покрыты орнаментом, заходящим нередко на венчики и днища. Если орнамент наносился на внутренние стенки, то он располагался исключительно в зоне под венчиком.

Декорирование велось преимущественно гребенчатыми штампами (79,4%): соотношение инструментов с косой и прямой нарезкой зубцов составляет 34,7 и 17,8%. Применение зубчатых штампов с фигурной нарезкой зубцов отмечается редко (рис. 141, 8; 144, 2, 6). Среди технических приемов выделяются глубокие наколы гребенчатых штампов (7,8%) и гребенчатая качалка (3%). Оттиски круглой палочки в виде поясов ямок составляют 10,6%. Очень редки оттиски инструментов в виде гладких штампов, змейки (рис. 140, 1), скобки (рис. 141, 7), трубочки (рис. 139, 1, 8; 141, 10;). С жилищем 3 связаны 4 сосуда, покрытые отпечатками «псевдотекстиля» (рис. 141, 1, 3, 12). На одном встречены следы палочки, обмотанной нитью или грубой тканью (рис. 141, 12). Коллекцию разнообразят сосуды с волнообразно оформленным устьем. Это достигалось различными способами: пальцами при формовке (рис. 144, 7), гребенчатыми штампами, поставленными под углом к поверхности с обеих сторон венчика (рис. 139, 4; 140, 1; 141, 6; 144, 2–3, 9; 145, 2), декорированием среза венчика и его неизбежной деформацией.

В расположении орнамента на стенках сосудов наблюдается определенная закономерность: выделяются зоны под венчиком изнутри и снаружи, венчик, тулово и днище. Зона под венчиком внутри сосудов украшена лишь у 10 сосудов. Это пояски из наклонных отпечатков гребенчатых штампов. Аналогичные отпечатки преобладают по

срезу венчика и в зоне под венчиком снаружи. У всех крупных сосудов ниже нее располагаются однорядовые пояски из ямок (13,8%).

Узоры на тулове более разнообразны. Треть из них составляют одиночные пояски, собранные из вертикально расположенных отпечатков гребенчатых штампов (рис. 139, 3, 7; 140, 2–7 и др.). Они создают плотный орнамент, отделяя друг от друга геометрические фигуры в виде треугольников (рис. 139, 3), ромбов, рассеченных сеток (рис. 139, 7; 140, 7; 141, 2–3, 8; 144, 7), одно-, трехрядовых зигзагов (рис. 140, 7; 141, 1; 144, 2, 4; 145, 5–7, 9–10), заштрихованных лент (рис. 140, 4), либо глубокие вдавления гребенчатого штампа (рис. 140, 2, 5; 141, 2, 8, 11; 145, 10), гребенчатой качалки (рис. 141, 6), ямок (рис. 141, 12; 144, 9; 145, 1) и отпечатков ткани (?) (рис. 141, 1, 3, 12). Вслед за вертикальными отпечатками в процентном отношении следуют одиночные пояски из наклонных (вправо и влево) отпечатков зубчатых штампов (17,2%).

Орнаментальное поле на малых и крупных сосудах оживляют вертикальные колонки (рис. 140, 1, 3) и зигзаги (рис. 140, 7; 141, 10; 144, 3). Тулово некоторых сосудов до дна покрыто монотонными рядами «шагающей» гребенки (рис. 139, 4, 6; 145, 1, 4, 8). Однообразие этого орнамента нарушают горизонтальные зигзаги или ступенчатые фигуры. Примечательны композиции с намеренным (или произвольным?) сбоем ритма, которого изначально придерживался мастер (рис. 139, 7, 9; 140, 2–3, 7; 141, 2–3, 9–10; 145, 6, 10).

На днищах сосудов встречаются розетки в виде геометрических фигур (рис. 140, 2А; 141, 9А), окружности (рис. 139, 1, 6; 145, 1А), одиночные ямки (рис. 139, 2) или узоры, нанесенные на тулово тех же горшков (рис. 139, 2, 4А; 140, 6; 141, 2А).

Вторая хронологическая группа – обломки 5–6 сосудов лозьвинского типа постсейминского времени (рис. 148, А). Они компактно лежали почти на дневной поверхности к западу от жилища 4 в раскопе IV. Это слабопрофилированные горшки, украшенные характерным фигурно-прокатанным орнаментом в виде зубчатых и волнистых отпечатков. В несложные линейные композиции включены пояски из ямок. Примечательно, что среди горшков нет ни одного экземпляра, украшенного крестовыми штампами, что может свидетельствовать о раннем возрасте данной коллекции.

Ранний полымьятский комплекс включает также предметы из керамики и камня.

Подделки из керамики включают грузила для сетей (17 экз.), сопло и обломок штампа для нанесения зубчатого орнамента.

По оформлению торцевых частей грузила относятся к одному типу. Однако имеющиеся особенности позволяют наметить два варианта изделий.

Грузила первого варианта (11) имеют на концах неглубокий желобок и ответвления, продолжающие длинную ось предмета. Изделия отличает провисающее «брюшко» (рис. 142, 1, 3, 5, 7, 9, 11–13, 15–16, 18; 143, 8). Длина грузил составляет 105–125 мм, диаметр средней части 24 мм. Их поверхность не декорирована, а залощена.

Грузила второго варианта (6) снабжены четко выделенными рожковидными концами, расположенные под острым или прямым углом по отношению к длинной оси предметов (рис. 142, 1–2, 4, 6, 8, 10, 14, 19–20). Один из предметов орнаментирован поясками гладкого штампа (рис. 142, 10). Длина сохранившихся обломков – до 97 мм, размер в сечении – 26 × 19 мм.

Сопло (рис. 143, 11) представляет собой конусовидный стержень, усеченный с одной из сторон и снабженный продольным отверстием [Кокшаров, 2006А, рис. 2, 17]. Его длина и диаметр в средней части составляют 138 и 30 мм соответственно. Сопло украшено 5 вертикальными поясками из оттисков гребенчатого штампа, чередующимися с 5 двойными зигзагами. Для лепки использована глина с обильной примесью песка.

С жилищем 2 может быть связан также обломок штампа из обожженной глины для нанесения гребенчатых отпечатков (рис. 143, 7). От поделок переходного времени, происходящих с данного памятника [Кокшаров, 2009А, рис. 41, 1–2, 6], его отличает подпрямоугольная форма. Размер плитки 32 × 24 × 4 мм, на трех сохранившихся гранях оформлены косые зубцы.

Каменный инвентарь происходит из всех раскопов (*табл. 10*). К сожалению, смешанность слоев не позволила установить связь находок с жилищем бронзового века в раскопе I [Кокшаров, 2009А, с. 71, *табл. 1*]. Не исключено, что к интересующему нас комплексу относится оселок из плитки сланца, на одной плоскости которого имеются 4 желобка, указывающих на заточку игл или шильев (рис. 146, 3).

В раскопе III комплекс находок бронзового века (108 ед.) разделен на две группы. Одна включает вещи, собранные в пределах котлована сооружения, другая – вещи с производственной площадки на полу жилища 2. Не исключено попадание в первую группу ранних изделий, так как для обработки камня характерна глубокая традиционность.

Первая группа сконцентрирована на участке пола размером 0,6 × 0,5 м (уч. Н/78–79). Здесь присутствуют исключительно кварцевые вещи (45), большая часть которых со следами термического воздействия. Технику первичного расщепления характеризует галька, расколота по длинной оси контрударным способом, и нуклевидные куски, а комплекс заготовок и орудий – отщепы и долотовидные изделия.

Нуклевидные формы (2) представлены монофронтальными ядрищами продольного расщепления, их размер $32 \times 28 \times 19$ мм и $32 \times 32 \times 21$ мм. Скалывание заготовок проводилось контрударным способом. Ударные площадки нуклеусов прямые, в одном случае использована ровная торцевая поверхность гальки-заготовки, покрытая галечной коркой, во втором площадка подработана сколом и слегка скошена к контрфронтону изделия.

Отщепы (37) имеют размер от $21 \times 12 \times 5$ мм до $68 \times 40 \times 32$ мм, на спинке 27 предметов сохранилась галечная корка.

Долотовидные орудия (5). Четыре из них изготовлены из отщепов, одно – из гальки. Размер инструментов – от $20 \times 15 \times 8$ мм до $30 \times 14 \times 8$ мм. Они имеют одно лезвие, оформленное двусторонними краевыми уплощающими сколами.

Вторая группа (63) включает предметы, отражающие все стадии обработки камня: целые и расколотые кварцевые гальки (6 и 4 экз. соотв.), кусочек лимонита, ядрища, заготовки, отходы, орудия и их обломки.

Нуклевидные формы (6) выполнены из кварцевых галек (5) и из кремнистой конкреции. Расщепление ядрищ осуществлялось в контрударной технике скола по одной фронтальной плоскости продольно. Размер предметов в среднем $30 \times 30 \times 15$ мм.

Отщепы (16) преимущественно кварцевые (14), единичные – из кремнистых пород (2). Размер варьирует от $16 \times 10 \times 4$ мм до $68 \times 56 \times 23$ мм.

Пластинчатые отщепы (2) из кварца размером $48 \times 13 \times 10$ мм и $33 \times 15 \times 7$ мм.

Пластина из кварца размером $27 \times 10 \times 7$ мм. Профиль изогнутый, в поперечном сечении подтреугольная.

Орудийный комплекс представлен 27 предметами.

Пластинчатый отщеп с ретушью (рис. 147, 8) изготовлен из кремнистого темно-серого скола удлиненной формы размером $37 \times 16 \times 5$ мм. По продольным краям заготовки со спинки фиксируется краевая ретушь, сходящаяся на нижнем конце. Ретушированная кромка имеет зубчато-выемчатый рельеф.

Долотовидное орудие из кварцевого отщепа имеет подчетыреугольную форму, размер $32 \times 30 \times 10$ мм. Лезвие расположено на нижнем конце скола и подработано краевой уплощающей ретушью с двух сторон. Такой же ретушью оформлены боковые стороны.

Отщепы с ретушью (7). Четыре изделия выполнены из кремнистых пород (рис. 147, 2, 6, 13), одно – из кварцита (рис. 147, 17), два – из кварца (рис. 147, 7, 12). Во всех случаях ретушь располагается по боковому краю предмета по всей длине. В 6 случаях она краевая крутая (5) или пологая (1) со спинки. В одном случае боковой край подработан

двусторонней уплощающей ретушью. Форма рабочих лезвий прямая (4), выпуклая (1) или вогнутая (1).

Фрагмент рабочей части *отбойника*. В качестве заготовки была использована кварцевая галька. Размер обломка $25 \times 33 \times 35$ мм. Утилизация рабочей части отбойника выполнена поперечным сколом в контрударной технике.

Тесло (рис. 147, 16) из сланцевой породы, размер $46 \times 35 \times 11$ мм. Форма предмета в плане подтрапециевидная. Лезвие прямое, скошено. Обушок слегка округлен. Обработка тела и рабочей части инструмента осуществлена в технике абразивной обработки. На широких плоскостях выделены ребра. Кромка лезвия заострена фаской шириной 4 мм.

Пила из плитки камня, размер инструмента $52 \times 46 \times 6$ мм. Форма изделия в плане сегментовидная. Лезвие расположено по длинной стороне изделия. В поперечном профиле кромка рабочего края подтреугольная. Ширина фаски, указывающая на глубину проникновения в обрабатываемый материал, не превышает 4 мм.

Абразивные инструменты (6) включают фрагменты плит (5) и оселок. Рабочие поверхности на плитах расположены на одной (4) или двух (1) широких плоскостях заготовок. Рельеф рабочих зон вогнутый, преимущественно в центральной части. Оселок (рис. 147, 14) имеет подпрямоугольную в плане форму, размер $69 \times 20 \times 11$ мм. В работе использовались все широкие плоскости заготовки, включая одну торцевую. Интенсивная сработанность выражена на фронтальных плоскостях, имеющих существенный прогиб в рельефе поверхности.

Пест представлен фрагментом аккомодационной части орудия, размер обломка $169 \times 59 \times 31$ мм. В поперечном сечении изделие подовальное. Тело орудия тщательно отшлифовано, за исключением торцевого участка, который покрыт негативами продольных сколов (следы утилизации ?).

Скребки (4) выполнены из отщепов кремнистых пород (3) и кварца (1).

Один из кремнистых скребков (рис. 147, 5) изготовлен из темно-серого кремня, имеет подтреугольную в плане форму и три лезвия, два из которых противоположные, расположенные на боковых сторонах. Его размер $25 \times 26 \times 6$ мм. Лезвия оформлены крутой ретушью, два со спинки – концевое и боковое, одно с брюшка. Другой скребок (рис. 147, 3) подчетыреугольной формы, выполнен из темно-серой породы и имеет 4 противоположных лезвия. Его размер $18 \times 17 \times 6$ мм. Третий предмет (рис. 147, 4) изготовлен из черного кремня. Его размер $26 \times 23 \times 10$ мм. Ретушь оформления рабочей части крутая со спинки. Со стороны брюшка кромка рабочего края подтесана плоской ретушью. Кварцевый скребок

(рис. 147, 1) имеет размер $25 \times 25 \times 7$ мм. Лезвие концевое округлой формы, подработанное крутой ретушью со спинки.

Наконечники стрел (3). Один из них выполнен из отщепа серого кремня (рис. 143, 5 и 147, 9). Он имеет сломанный насад и был, скорее всего, листовидной формы, его размер $42 \times 13 \times 4$ мм. Тело орудия оформлено плоской двусторонней встречной ретушью. Второй наконечник изготовлен из кремнистой породы красного цвета. У него также утрачен насад (рис. 143, 6 и 147, 10). Предмет размером $34 \times 14 \times 7$ мм обработан двусторонней встречной уплощающей ретушью. Третий наконечник найден в очаге, изготовлен из отщепа темно-серого кремня, имеет подромбическую форму, намеченный подтрапециевидный насад (рис. 143, 3 и 147, 11). Его размер $24 \times 13 \times 4$ мм, насада – 8 мм. Он оформлен краевой ретушью по боковым сторонам и торцу со стороны брюшка заготовки. Тело наконечника и острие обработаны двусторонней уплощающей ретушью также по краю.

Изделие сечковидной формы (рис. 147, 15) из гнейсовой породы. Его размер $96 \times 60 \times 21$ мм. Аккомодационная часть предмета выделена двусторонней оббивкой продольных сторон с последующим их притуплением в технике пикетажа. Торцец обушка прямой. Длина аккомодационной части инструмента 67 мм. Рабочая часть также обработана по краю двусторонними сколами. Лезвие округлое, на кромке фиксируется заглаженность выступающих участков рельефа поверхности, в профиле кромочная линия округлая.

В раскопе IV каменный инвентарь бронзового века включает 113 предметов. Он происходит из жилищ 3–4, а также из межжилищного пространства.

С **жилищем 3** связано 26 предметов из скоплений № 1–2, отмеченных на полу.

Скопление № 1 отмечено на уч. З\39, ур. –143...-150 см, включает 13 находок: отщепы, расколотую гальку, скребок и скол со шлифованного орудия.

Отщепы (10) от плитки темно-зеленого кварцито-песчаника (8) и кварцита светло-коричневого и серого цвета (2).

Скребок из кварцевого отщепы, расколовшегося по зоне спайности кварцитовой гальки, концевой, размером $32 \times 21 \times 7$ мм. Прямое лезвие оформлено отвесной ретушью на узком крае заготовки. Судя по следам, скребок использовался для обработки шкуры.

Скол со шлифованного орудия – размер $37 \times 16 \times 5$ мм, пластинчатый, с обушковой части. Возможно вторичное использование в качестве режущего инструмента с двумя продольными лезвиями.

Скопление № 2 отмечено на уч. Ж\39, ур. –141 см включает 13 предметов, представленных отщепами из кварца. Из них 5 предметов – первичные сколы, 3 предмета – сколы второго снятия. Все отщепы получены контрударным расщеплением. Размер

изделий варьирует от $13 \times 22 \times 10$ мм до $38 \times 17 \times 4$ мм. Следов использования заготовок в работе не выявлено.

Кроме того, ко времени функционирования жилища отнесены скребок и обломки наконечников стрел (4).

Скребок изготовлен из отщепы кремнистой породы. Форма орудия в плане подтрапещевидная, размер $19 \times 21 \times 11$ мм. Лезвие прямое, оформлено на узкой стороне крутой ретушью. Край противоположный лезвию обработан противоположающей ретушью. Со стороны брюшка фиксируются уплощающие сколы, со спинки крутой ретушью обработан продольный край.

Фрагменты от *наконечников стрел* представлены частями насада (3 экз.) и пера (1). Обработка поверхности изделий осуществлялась двусторонним ретушированием.

В **жилище 4** найдено 74 предмета. Сырье происходит из местных галечников. Спектр пород включает кварц, кварцит и кремнистый материал. Коллекция демонстрирует полный цикл обработки камня.

Нуклеусы (5) выполнены из кварца (4) и брекчевидной породы. Три ядрища находятся на стадии пренуклеуса. Высота изделий колеблется в пределах 54–68 мм. Ударные площадки оформлены под углом к плоскости расщепления, негативы снятий указывают на продольное монофронтальное расщепление в контрударной технике.

Отщепы (52) выполнены из кварца (39), кварцита (8) и кремнистых пород (5). Кварцевые изделия получены в контрударной технике скола.

Пластина из кварца, размером $15 \times 10 \times 5$ мм. Поперечное сечение подтреугольное. Профиль прямой, края параллельные. Техника скола – контрударная.

Наконечник стрелы выполнен из кремнистой пластины серого цвета. Его размер $46 \times 15 \times 4$ мм. Наконечник и насад, отделенный от тела с одной стороны плечиком, имеют подтреугольную форму. Продольные края изделия выделены с двух сторон краевой ретушью; насад оформлен ретушью по продольным краям с брюшка и уплощающими сколами со спинки.

Скребки (2) из отщепов, относятся к концевым. В качестве сырья использован кварц и серая брекчевидная порода. Кварцевый скребок ($18 \times 14 \times 6$ мм) имеет округлое лезвие, ретушированное со спинки, у второго инструмента ($30 \times 33 \times 8$ мм) оно веерообразное, оформленное со спинки полукрутой ретушью.

Отщеп с ретушью изготовлен из кремня черного цвета, его размер $22 \times 25 \times 3$ мм. В естественной выемке бокового края мелкой краевой ретушью со спинки оформлено лезвие. Глубина выемки 6 мм. Кроме того, на углу противоположной стороны фиксируется

участок с ретушью утилизации. Функциональное назначение предмета – скобель и одновременно сверло (развертка) по дереву.

Долотовидное орудие выполнено из кварцевой гальки путем ее двухстороннего продольного уплощения. Размер $22 \times 22 \times 10$ мм. Лезвие прямое, оформлено встречными продольными снятиями, уплощающими рабочую кромку.

Острия (2). Одно изготовлено из кварцевого отщепка, полученного в контрударной технике. Его размер $32 \times 11 \times 9$ мм. Форма заготовки сегментовидная. Жало острия выделяется по следам сработанности на одном из концов отщепка. Глубина проникновения в обрабатываемый материал – до 7 мм. Второе острие выполнено из кремнистого остаточного нуклеуса. Размер инструмента $23 \times 10 \times 7$ мм. Не исключено, что была использована заготовка более раннего возраста. У орудия два концевых рабочих жала, выделяющихся по следам сработанности. Глубина проникновения в обрабатываемый материал – до 5 мм.

Изделие из камня, выполненное из кварцито-песчаниковой галечной плитки с обработкой продольных краев по периметру. Размер $64 \times 62 \times 20$ мм.

Абразив (рис. 146, 7), изготовленный из крупной гальки мелкозернистой породы, представлен двумя крупными фрагментами. Его общий размер $290 \times 170 \times 120$ мм. Предмет имеет в плане подовальную форму, в поперечном профиле – подтреугольную. До фрагментации у него было три рабочие поверхности с вогнутым профилем на широких плоскостях. Рабочая поверхность абразива по длинной оси заготовки была выделена в виде желоба шириной до 15 мм и глубиной до 0,7 мм. На расстоянии 10 мм от желоба фиксируется еще один участок желобчатой сработанности шириной 10 мм и глубиной 0,15 мм. После разрушения плиты меньшая ее часть размером $75 \times 135 \times 140$ мм была вновь использована в качестве абразива, причем рабочей плоскостью послужила сторона слома.

Из очага того же жилища происходят 7 предметов: целая галька ($27 \times 24 \times 12$ мм), расколотая галька ($33 \times 24 \times 13$ мм) и 5 отщепов со следами термического воздействия.

С сооружениями бронзового века раскопа IV могут быть связаны 4 *каменных молотка*, найденных на межжилищном пространстве (рис. 146, 4–6; 266, 15).

Один из них изготовлен из гальки подовально-уплощенной формы (рис. 266, 15), размер $94 \times 70 \times 38$ мм. Место крепления к рукояти выделено желобками на продольных сторонах в 30 мм от торца. Рабочий край оформлен на торце и пришлифован. В результате интенсивного использования рабочая плоскость была деформирована сколами. Орудие использовалось также в качестве наковальни, рабочая зона которой фиксируется в центре плоской широкой поверхности в виде конусовидной выбоины диаметром чуть больше 1 см.

Другая широкая плоскость гальки использовалась в качестве абразивной поверхности. Направление износа идет вдоль длинной оси заготовки. Еще два молотка, один из которых фрагментирован, также изготовлены из галек. Рабочие зоны выделены на торцах и имеют вид зашлифованных плоскостей (рис. 146, 4–5). Размер инструментов $99 \times 56 \times 39$ мм, $73 \times 68 \times 27$ мм и $36 \times 46 \times 24$ мм.

Металлические изделия (3) связаны с жилищем бронзового века, изученным в раскопе I. Это пронизка и две небольшие пластинки [Кокшаров, 2012Б, с. 29, рис. 1, 1, 3, 6].

Пронизка (рис. 110, 1; 143, 1) лежала в яме III среди скопления керамических грузил для сети в виде палочек кругло-овального сечения. Возможно, здесь была брошена мережа, к которой крепился металлический предмет. Он представляет собой трубочку из свернутой пластинки металла размером $12 \times 3,5-4 \times 1$ мм.

Пластинки (2) обработаны ковкой. У одной из них «рваные» края и прямоугольное поперечное сечение. Ее размер $16 \times 12 \times 3$ мм (рис. 110, 3; 143, 2). Другая, подтреугольной формы, имеет клиновидное поперечное сечение, ее размер – $21 \times 10 \times 3,5$ мм (рис. 110, 4; 143, 4). Не исключено, что перед нами обломки более крупных орудий.

Химический состав металла приведен в *табл. 11*.

4.1.5. Поселение Пашкин Бор I расположено в 12 км к ЮЮЗ от поселка Кондинское в одноименном районе ХМАО–Югры Тюменской области. В 1980 г. оно изучалось раскопками под руководством Н.К. Стефановой [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 161–174; Стефанова, 1998Б, с. 393]. Поселение занимает участок высокого правого берега протоки Пашкиной. На поверхности до начала работ прослеживалась впадина, окруженная мощной валообразной насыпью и рвом. Общая площадь визуально фиксируемых участков достигала 700 м^2 ; средняя ширина рва около 4 м, глубина его от напольной поверхности 0,5–0,6 м; наибольший перепад высоты между гребнем вала и дном рва 2,2 м. В раскопе были вскрыты остатки жилой постройки, двух разновременных рвов и насыпей. Из жилища и окружающих его участков происходит поздняя полымьятская керамика, наконечники стрел, обломки глиняных грузил, литейных форм, тиглей и фаунистические остатки.

Сооружение сохранилось фрагментарно (рис. 149, 2). Его углубленная часть имела подпрямоугольную форму, длина сохранившейся СВ стенки составляла 15 м. Постройка практически наземная, площадью около 200 м^2 , ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Пол относительно ровный, отмечается повышение его уровня вдоль северной стенки и обширное понижение вокруг очага. На полу отмечены очаг-кострище, ямы хозяйственного назначения и ямки от столбов. Очаг смещен к юго-восточной половине постройки. Для его

устройства в полу выкопана неглубокая (30 см) яма диаметром 1,5 м; на дне ямы по периметру выкопана канавка шириной 30–40 см, глубиной до 15 см. Ямки от столбов расположены в четкой системе. Три самые большие глубиной до 90 см размещены по оси жилища, в направлении СВ–ЮЗ. Почти параллельно им и южной стенке жилища отмечен еще один ряд ямок меньшего диаметра и глубины. Три ямки зафиксированы у северной стенки жилища и еще три в параллельном ей направлении.

Снаружи жилища находились два одновременных рва и насыпи. Ширина раннего рва достигала 4 м, средняя его глубина от уровня погребенной поверхности 50–80 см, стенки вертикальные, дно уплощенное. Контуры этого рва сохранились частично, граница его внешней стенки почти везде скрыта при прокопке позднего рва. Лишь к СВ от жилища на протяжении 8–9 м они фиксируются отдельно, на расстоянии до 3 м. Ширина позднего рва сильно варьирует (1,5–3,5 м), его дно в среднем на 10–15 см ниже дна раннего рва, стенки пологие. Скопления керамики прослежены в центральной части постройки и у южной стенки. Остатки металлопроизводства лежали в северной и восточной частях жилища.

Коллекция находок, собранных при раскопках, представлена предметами из керамики, камня, кости и фаунистическими остатками.

Керамические изделия делятся на бытовую и технологическую посуду, а также включают поделки – рыболовные грузила.

Бытовая посуда, представленная керамикой полымьятского типа в ее позднем варианте, насчитывает свыше 90 плоскодонных емкостей баночной формы (рис. 150–151; 152, 5, 7). Единичные сосуды имеют ребристый переход от тулова к придонной части (рис. 150, 4; 151, 7), четырехугольную форму и короткую намечающуюся шейку (рис. 151, 2). В 11 случаях был установлен диаметр по венчику, его среднее значение составляет 22,8 см. Данный параметр варьирует в интервале 9,5–33,5 см, а соотношение малых и крупных сосудов составляет 45,5 и 54,5%.

При лепке использовалась глина с включениями крупных фракций шамота, реже – дресва, песок и измельченная кость или ракушка. Наружные стенки заглажены более тщательно, чем внутренние, на которых почти всегда имеются следы зачистки гребенчатым штампом или щепой.

Более половины венчиков имеют плоский срез (56,6%), по численности за ними следуют округлые (26,5%). В других случаях поверхность венчиков деформирована при декорировании. Некоторые сосуды формовались сразу с волнистым устьем (9,8%).

Плотный орнамент покрывал внешние стенки керамики, включая иногда дно и внутреннюю плоскость. Кроме преобладающих узоров, нанесенных гребенчатым штампом и концом круглой палочки, встречены желобки, гладкие насечки, отпечатки полых трубочки и пальцевые зацепы. Различия в технике нанесения орнамента гребенчатыми штампами позволили разделить коллекцию на три группы керамики.

К первой отнесены 28 сосудов, украшенных преимущественно в технике «шага» (рис. 150, 1, 2, 4, 5; 152, 7). При узком «шаге» инструмента данный прием трудно отличить от техники отступающей гребенки. Основные орнаментальные мотивы представлены чередующимися прямыми (34,7%) и волнистыми (12,5%) поясками, часто оконтуренными ямками или отпечатками угла гребенчатого штампа (рис. 150, 4–5). Геометрических узоров немного (7%). Орнаментальное поле разделено поясками ямок. Очевидно, они же подчеркивали и морфологические особенности посуды, в частности переход от тулова к придонной части (рис. 150, 4). В целом для первого типа керамики характерна горизонтальная зональность в расположении узоров.

Ко второй отнесено 10 сосудов, орнаментированных в основном прочерчиванием короткой гребенкой, – 45,4% (рис. 150, 3, 6). Часто встречаются ямки – круглые, прямоугольные и овальные.

Ведущие орнаментальные приемы: чередующиеся прямые (36,4%), волнистые (10,5%) и зигзаговые пояски (15%), оконтуренные ямками или углом гребенчатых штампов. Они расположены часто между параллельными прочерченными гребенкой поясками, образуя с ними один комбинированный узор (рис. 150, 3). Геометрические фигуры представлены в основном зигзагами, на изломах которых помещены короткие прямые отрезки – ответвления. В орнаменте абсолютно преобладают горизонтальные мотивы. Наличие в коллекции сосудов, украшенных в технике «шагающей» и протасенной гребенки, свидетельствует об условности выделения данных групп.

Третья группа керамики включает 45 емкостей, украшенных в технике штампованной гребенки. На отдельных сосудах имеются глубокие желобки, глубокие оттиски угла гребенчатого штампа, а также узоры, выполненные в технике «шагающей» гребенки. Наряду с прямыми и волнистыми поясками, составляющими соответственно 24,4 и 10,9%, для орнамента характерны одно- или двухрядовые зигзаги (7,8%) и ромбы (2,5%), образующие в сочетании с ямками комбинированные фигуры (рис. 151, 7). Чаше, чем на керамике первых двух типов, встречаются вертикальные и наклонные пояски (рис. 151, 1–2; 152, 5), перемежающиеся со свободными полями (4,7%). Нарядность сосудам придают прямоугольные фигуры, располагающиеся в шахматном порядке, и вертикальные цепочки

ромбов, перемежающиеся с поясками ямок (рис. 151, 1). Ямки, выполняющие разделительные функции, подчеркивали, как и на посуде первого типа, морфологические особенности сосудов (рис. 151, 5, 7). Ямки, сгруппированные по 2, 4 и 6, образуют розетки. Место их расположения – ячейки рассеченных по горизонтали и вертикали сетчатых узоров (рис. 151, 7). Они подчеркивают изломы зигзагов и узлы сеток (рис. 152, 5).

Технологическая керамика, связанная с литейным производством, происходит из заполнения котлована сооружения. В формовочной массе часто содержится мелкая жженная кость. Сюда входят литейные формы, сердечники, тигли и льячки.

Створки от двух *литейных форм* для изготовления кельтов сохранились полностью. Судя по негативам, в одной из них отливалось изделие высотой 71 мм, имевшее овальное устье размером 38 × 27 мм, и лезвие шириной 44 мм (рис. 153, 8). Второе изделие имело высоту 48 мм. Размер его устья 35 × 22 мм, ширина лезвия 39 мм (рис. 153, 4). Принимая во внимание небольшие размеры отливок и отсутствие соответствующих сердечников, вполне допустимо, что рассмотренные матрицы могли служить для производства клиновидных орудий, лишенных втулок, которые напоминали по конфигурации тесла.

Сердечники или литейные шишки (~7 экз.) служили для оформления втулок копий, кельтов и небольших втульчатых орудий (долот?):

– сердечник для небольшого по размерам копья (рис. 153, 7) сохранился полностью. Он представляет собой конус высотой 120 мм, круглый в поперечном сечении, его диаметр в основании 25 мм;

– сердечник для кельта (рис. 153, 1) имеет подпрямоугольную форму, его высота не менее 40 мм, в поперечном сечении он овальный, размером 44 × 25 мм;

– обломки других литейных шишек (рис. 153, 2–3) оформляли втулки некрупных копий и долот (?). Они круглые в сечении, диаметр изделий варьирует от 16 до 25 мм.

Тигли (~3 экз.). Судя по обломкам, один из них имел выраженный перехват в месте перехода тулова к плоскому дну (рис. 153, 5). Диаметр тигля составляет 55–60 мм, а глубина емкости доходила до 20–22 мм.

Обломок *лячки* (?) (рис. 153, 6) с сохранившимся желобком для слива металла. Его размер 60 × 39 мм. Обращает на себя внимание значительная толщина изделия (25 мм).

Керамические грузила (минимум 3 экз.) (рис. 154, 3) включают изделия в форме палочек. Один из предметов имеет форму палочки с Т-образными торцами длиной 84 мм, она круглой в сечении формы, диаметром 13–15 мм. Один из обломков принадлежал изделию с рожковидным оформлением концов.

Изделия из камня представлены 29 предметами, 11 из которых найдены на полу жилища. Последние включают разнообразные по форме и размерам абразивы, обломки песта, подвеску и два черешковых наконечника стрел. Находки, собранные за пределами сооружения, целый черешковый наконечник стрелы, аналогичный упомянутому выше, кремневые отщепы и сколы, скребок и 4 пластины.

Подвеска (рис. 154, 5) представляет собой плитку подпрямоугольной формы из мягкой породы камня, размер поделки $58 \times 40 \times 5$ мм. Если основание изделия почти ровное, то противоположная сторона, где имеется отверстие, дуговидная.

Наконечники стрел (2) относятся к типу черешковых. Длина сломанного изделия превышает 26 (?) мм (рис. 154, 2). Его максимальная ширина и толщина $17 \times 5,5$ мм, соответственно. Длина треугольного черешка 11 мм. В основании пера оформлены выступающие жальца. Размер целого изделия $38 \times 15,5 \times 6$ мм (рис. 154, 1). Черешок имеет треугольную форму, его длина 8 мм.

Костяные изделия (11 экз.) представлены целыми изделиями и обломками, которые найдены в заполнении жилища. Это проколки, тесловидные орудия (рис. 154, 4) и нож с продольным желобком (рис. 154, 6).

Археозоологические определения даны в *табл. 9*. Они свидетельствуют об охотничье-рыболовческой направленности хозяйства обитателей поселка.

4.1.6. Поселение Пашкин Бор VI (см. п. 2.1.9). До раскопок на поверхности фиксировалась впадина диаметром 8–10 м, глубиной 50–60 см, густо поросшая лесом. Изученная раскопками площадь составила 192 м². В ходе работ выяснилось, что объект возник на месте сооружения бронзового века, с которым связана коллекция керамики полымьятского типа. С памятника происходит также небольшое количество находок переходного времени.

Сооружение (рис. 136, 7) имело нечеткий подпрямоугольный котлован размером $9,2 \times 5,6 \times 0,3$ м, ориентированный по линии СВ-ЮЗ. В западном углу постройки фиксируется выступ-ниша полукруглой формы, в юго-восточной стенке – коридорообразный выступ длиной 2,2 м, шириной 1,4 м, служивший, очевидно, выходом. В нем фиксируется яма с пятном прокала. В центре котлована встречены два пятна охры мощностью до 0,1 м. Находки представлены керамикой полымьятского типа (рис. 155, 2–6). Примечательно, что в коллекции имеется фрагмент сосуда уральского происхождения, содержащий в тесте примесь талька (рис. 155, 1).

4.1.7. Поселение Волвонча I (см. п. 2.1.7). Остатки волвончинского сооружения на памятнике перекрыты слоем бронзового века, с которым связано жилище с поздней полымьятской посудой [Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 63; Стефанова, 1998А, с. 124]. Котлованы различались по цвету заполнения в плане в профилях.

Поздний котлован, почти полностью вписывавшийся в контуры ранней постройки, отличается цветом заполнения. Жилище подпрямоугольное (рис. 149, 1), размером 11,8 × 9,8 м, ориентировано длинной стороной в направлении СЮ. Пол имеет значительное понижение к центру. Здесь размещался очаг-кострище. Его остатки в виде пятна розово-оранжевой супеси мощностью до 0,15 м занимали площадку размером 1,15 × 0,95 м. С ЮЮЗ очаг оконтурен канавой.

Круговой ров, отстоящий на 8,8–11,5 м от стен жилища бронзового века, был связан, очевидно, именно с ним. Его ширина около 1,5 м, глубина от древней поверхности чуть больше 0,5 м. С сооружением связаны керамика позднего полымьятского облика и створка литейной формы кельта.

Коллекция бытовой посуды включает не менее 12 сосудов позднего полымьятского облика, большинство из которых банки с прямыми или слегка закрытыми стенками. В трех случаях отмечены короткие намечающиеся шейки (рис. 156, 4, 5), в одном – емкость имеет ребристый переход от тулова к придонной части. Все днища плоские, достаточно большие. Венчики сосудов округлые и уплощенные, два деформированы вдавливаниями пальцев (рис. 152, 2; 156, 3). В глине обильная примесь шамота, тесто рыхлое, слоистое. Толщина стенок 10–12 мм. Внутренние стенки затерты грубым шпателем.

Орнамент покрывает наружные стенки, заходя на венчик и дно сосудов. Для декорирования использовались штампы в виде гребенки и палочки с круглым концом. Первым нанесены горизонтальные, наклонные и зигзаговые пояса, вторым – ряды ямок. Часть посуды, украшена в технике «шагающей» и печатной гребенки, характерной для поздней полымьятской керамики поселения Пашкин Бор I. Орнаментальные мотивы достаточно монотонны и однообразны. Геометрические узоры представлены линейными многорядовыми зигзагами (рис. 156, 2), наклонными и вертикальными колонками (рис. 156, 1, 3, 6). На днищах имеются ямочные узоры (рис. 152, 6; 156, 6А) [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 168; Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 65, рис. 6].

Створка литейной формы (рис. 153, 9–9Б) выполнена из глины, содержащей лимонит (?) и мелкие пережженные косточки. На торцевой части, противоположной устью, видны два пропила для совмещения со второй створкой (рис. 153, 9А). Судя по графической реконструкции, орудие лишено ребер жесткости (рис. 153, 9В). Его высота достигала 98 мм.

Оно имело почти круглую втулку размером 35×30 мм и расширенное сечкообразное лезвие шириной до 51 мм. Изделие украшал валик и поясok из взаимопроникающих треугольников.

4.1.8. На поселении Лева VIII (см. п. 2.3.1) зафиксировано 12–13 (?) жилищных впадин и заложены три раскопа общей площадью 359 м^2 [Визгалов, 1986]. К поселку бронзового века относятся две впадины, одна из которых раскопана полностью, другая – частично. Материалы и находки отражены в предварительной публикации [Визгалов, 1988, с. 50, 52] и статье, посвященной металлообрабатывающему комплексу поселения [Кокшаров, 2011В, с. 122–130]. Примечательно, что одно из жилищ прорезает подстилающий культурный слой переходного времени [Визгалов, 1988, с. 52]. Судя по материалам из отчета, это отложения с керамикой волвончинского типа.

В раскопе 1 исследован котлован жилища 1 (рис. 136, 1; 157). Он имел подпрямоугольную форму, ориентирован по сторонам света, его размер $8 \times 7 \times 0,4\text{--}0,6$ м [Визгалов, 1986]. От южной стенки (в направлении на ЮЗ) отходила полоса темно-серого цвета длиной 1,9, шириной $0,4\text{--}0,9$ м, возникшая, по мнению Г.П. Визгалова, на месте расположения выхода. На полу котлована, у западной стенки, отмечены остатки очага в виде линзы серо-бурой супеси с включениями кальцинированных костей. Размер объекта $1 \times 0,6 \times 0,12$ м. Под этим слоем зафиксировано пятно прокаленного песка мощностью 0,02 м. Кроме очага в жилище встречены две хозяйственные ямы и четыре ямки от столбов [Визгалов, 1988, с. 50]. Судя по мощности слоя, насыщенного находками, можно предположить долговременный характер объекта.

В заполнении котлована жилища найдено большое количество керамики полымьятского типа в ее раннем варианте (рис. 158), керамические грузила в виде палочек (рис. 159, 6–7). 13 предметов лежали компактным скоплением на уч. Е/4. Примечательно, что лишь одно изделие покрывал орнамент. Вдоль юго-восточной стенки котлована найдены мелкие обломки технологической керамики. Несмотря на то что облик матриц не установлен, Г.П. Визгалов пишет: «...ясно, что они одностворчатые» [1986, с. 17–18].

В раскопе 2 прослежены остатки жилища 2 начала бронзового века (уч. д–з/4–5). Отчетливо проявилась северо-западная стенка котлована, северный и западный его углы. Судя по всему, он имел прямоугольную форму, ориентирован в направлении ССЗ–ЮЮВ, длина расчищенной стены $\sim 5,6$ м. В северном углу объекта отмечена яма овальной формы, ориентированная по линии СВ–ЮЗ, размером $1,34 \times 0,82 \times 0,42$ м.

С жилищем 2 (рис. 160) связана производственная площадка, откуда происходят обломки тиглей, литейных форм (рис. 159, 1–5) и капли меди. Она располагалась в 1,5–2 м от северо-западной границы котлована (уч. е/3–4). В отчете Г.П. Визгалова сообщается: «На ур. –34 см на квадрате е–д/3 зафиксировано пятно аморфной формы из песка черного цвета. На ур. –42 см границы пятна резко сократились до 1,04 × 0,86 м. В слое черного песка кроме керамики найдены мелкие обломки литейных форм и тиглей. На ур. –61 см пятно приняло четкие очертания округлой формы (0,82 × 0,9 м) и обозначено как яма I. Ее глубина 18 см от уровня –61 см. Заполнение – песок черного цвета (до 13 см). Дно и восточная часть ямы заполнены слоем черной сажи. Стенки ямы крутые, дно ровное. В яме найден развал сосуда без донной части. Судя по расположению фрагментов, сосуд был поставлен горловиной вниз. Внутри перевернутого сосуда найдены обломки тигля и всплески бронзы. Рядом с ямой в квадрате е/4 найдено множество мелких обломков литейных форм и тиглей (рис. 96; 108, 3–5). Очевидно яма I была местом, где проводилась расплавка бронзы» [1986, с. 29].

Коллекция вещей, собранных при раскопках памятника, включает многочисленные изделия из обожженной глины. Это фрагменты бытовой и технологической керамики, а также поделки в виде грузил для рыболовных сетей.

Бытовая посуда. Автор раскопок отмечает, что в заполнении жилищ 1, 2 и вокруг ямы I найдено множество обломков кухонной посуды стандартной формы, правда, количество самих емкостей им не просчитано. Они представлены слабо закрытыми или открытыми банками с плоскими, круглыми, приостренными днищами и плоскими венчиками (рис. 158). Диаметр по венчику установлен в 9 случаях: он варьирует в интервале 11–35 см при среднем значении 20,7 см. Часть посуды имеет следы ремонта в виде просверленных отверстий (рис. 158, 5). Для лепки готовились формовочные массы с добавлением шамота, иногда в сочетании с лимонитом. Внешние стенки гладкие, а на внутренних отмечены бороздки от затирки грубым шпателем. Некоторые венчики деформировались вдавлениями пальцев, принимая волнистую форму (рис. 158, 9). В одном случае в зоне под венчиком помещен формованный валик (рис. 158, 2).

Посуда украшена от венчика до днищ и отнесена Г.П. Визгаловым к гребенчато-ямочной группе. Определение справедливо лишь отчасти, поскольку в коллекции имеются черепки, украшенные гладкими и волнистыми штампами (рис. 158, 1, 3–4, 9). Кроме того, используемые зубчатые штампы существенно различаются в размерах, по количеству и конфигурации зубцов даже на одном сосуде (рис. 158, 10). Из способов декорирования отмечены техника печатной гребенки и «качалка» (рис. 158, 6). В зоне под венчиком

размещены пояски из наклонных отпечатков гребенки, бордюры из рассеченных сеток, углы которых иногда подчеркнуты ямками (рис. 158, 5, 7–8, 10, 12). Данная зона обычно отделена от узоров на тулове пояском ямок. Преобладающие мотивы на тулове – монотонные горизонтальные пояски вертикально поставленных штампов, чередующихся с поясками из ямок. Вертикальные колонки с линейными зигзагами (рис. 158, 2), зигзаги с заполненными углами (рис. 158, 3), ступенчатые фигуры (рис. 158, 7, 9) и ромбы (рис. 158, 10) вносят оживление в однообразие орнаментальных композиций.

Своеобразие коллекции придают остродонная банка, тулово которой полностью покрыто ямочными вдавлениями (рис. 158, 13), и крупный сосуд, на внутренней стороне которого находится граффити: две окружности соединены прямым отрезком, а от нижней фигуры ко дну емкости отходит изогнутая линия (рис. 158, 2).

Технологическая керамика. В 1986 г. по разрешению автора раскопок мною были проведены осмотр и зарисовка коллекции технологической керамики, в которой выделено 5 изделий. Фрагменты трех литейных форм опубликованы Г.П. Визгаловым, но в его статье отсутствует описание предметов и не указаны их параметры [1988, с. 51, рис. 1, 9–11]. Кроме того, автор не упоминает о тиглях, которые существенно дополняют представление о производственном комплексе. Рассмотрим имеющиеся материалы более детально.

Литейные формы (3 экз.) представлены односторонними матрицами двух типов.

Форма *первого типа* сохранилась полностью (рис. 159, 3). Она выполнена из куска напесоченной глины овальной формы, размером $70 \times 50 \times 14\text{--}19$ мм, в центральной части которого подготовлена емкость для расплавленного металла. Судя по негативу, в ней отливались эллипсовидные отливки линзовидного сечения размером $32 \times 15 \times 4$ мм. Примечательно, что ровное основание поделки и верхняя плоскость, где находится полость для металла, не параллельны, а сходятся на клин.

Второй тип представлен двумя предметами. Одна из форм восстановлена графически (рис. 159, 1–2). Она вылеплена из напесоченной глины и имеет вид трапеции. На лицевой стороне есть емкость, повторяющая конфигурацию изделия. Ее окружает бортик шириной 12–16 мм. Матрица служила для получения заготовок – слитков в виде равнобедренных трапеций размером $72 (74) \times 74 \times 5\text{--}7$ мм. У меньшего основания имелось кюветообразное углубление размером $36 \times 15 \times 2,5$ мм. По-видимому, оно оформляло в узкой части отливки утолщение, необходимое для более надежного закрепления металлического предмета в рукояти (?).

Второе изделие данного типа (рис. 159, 2) сохранилось неудовлетворительно. Оно изготовлено из глины с примесью песка и кальцинированных костей. Емкость для

расплавленного металла ограничена бортиком шириной 14–19 мм. Скорее всего, предмет служил для производства крупных слитков толщиной до 17 мм.

Тигли (рис. 159, 4–5). Сохранились фрагменты двух изделий, говорить об их первоначальном облике и полных размерах сложно.

Один тигель формовался в основании круглодонного сосуда. Оно наполнялось глиной с примесью песка, в которой выдавливались стенки для емкости, удерживавшей металл. Ложе имеет подпрямоугольную форму, его размер 80 (?) × 53 × 14 мм. Ширина бортиков варьирует от 18 до 33 мм.

Второй тигель отличается массивностью и грубой обработкой поверхности: если верхняя плоскость предмета затерта зубчатым шпателем, то его основание имеет многочисленные каверны и неровности (рис. 3, 5). Предмет изготовлен из глины с обильной примесью песка и мелких кальцинированных костей. Емкость имеет подпрямоугольную форму, ее размер 9 (?) × 45 (?) × 18 мм. Ширина бортиков доходит до 50 мм.

Рыболовные грузила. Из обоих раскопов происходят 40 изделий, из них 12 целые. Они имеют форму палочек длиной 108–134 мм с Т-образными или рожковидными концами. Отдельные вещи украшались насечками (рис. 159, 6–7). В жилище, исследованном раскопом I, отмечено скопление из 14 грузил (в том числе одно с декором), возникшее на месте брошенной сети [Визгалов, Фильчаков, 1988, с. 23].

4.1.9. Поселение Лева XII расположено в 1,5 км к СВ от предыдущего археологического объекта, на невысокой гриве в пойме реки. Памятник обнаружен и изучался раскопками Г.П. Визгаловым [1988, с. 50, рис. 1, 1]. Общая вскрытая площадь составляет 144 м². На его поверхности прослежены три впадины, одна из которых возникла на месте жилища бронзового века.

Жилище (рис. 136, б) имело подпрямоугольный котлован, ориентированный по линии ЗВ, размером 7,6 × 5,4 м. Расположение выхода определено по разрыву валообразной насыпи в южной части сооружения, обращенному к реке. Очаг располагался в центре помещения. Его остатки представляют собой линзу неправильной формы размером 0,8 × 0,7 м, под которой отмечен тонкий (0,03 м) прокал [Там же, с. 50].

Судя по находкам, представленным ранней полымьятской керамикой (рис. 161, 3–5, 8), поселение можно рассматривать как однослойный памятник. Из слоя происходят 20 керамических грузил для рыболовных сетей, 12 из которых целые. 10 изделий лежали в скоплении, одно из них украшено насечками [Визгалов, Фильчаков, 1988, с. 23].

4.1.10. Поселение Леуши XIX (см. п. 2.1.12). Кроме остатков переходного времени, на памятнике обнаружено жилище эпохи бронзы (раскоп I), из которого происходит небольшое количество ранней полымьятской керамики [Визгалов, 1988, с. 50, рис. 1, 3].

От жилища (рис. 136, 2; 162) сохранился котлован подтрапещевидной формы с основаниями 6,8 и 5,8 м, высотой 6 м (площадь ~36 м²). Глубина котлована от погребенной поверхности достигала 0,4 м. Он ориентирован основаниями по линии СЗ–ЮВ. Выход мог располагаться в ЮЗ стенке и был обращен в сторону ручья. Остатки центрального очага представляли собой линзу бурой супеси овальной формы, с включениями кальцинированных косточек мощностью до 0,2 м, под которой находился провал до 0,08 м.

Находки из котлована представлены 180 фрагментами от 6 ранних полымьятских сосудов (рис. 161, б). Примечательно, что в коллекции присутствует небольшой сосудик, украшенный гладкими скобками, имеющий соответствия в комплексах типа вары-хадыта. Кроме бытовой посуды, из жилища происходит керамическое грузило для сети с рожковидными концами [Там же, с. 51; Визгалов, Фильчаков, 1988, с. 22].

4.1.11. Поселение Большая Умытья 28 расположено на юге Советского района ХМАО–Югры Тюменской области, на правом берегу р. Большая Умытья, в 7,5 км к северу от места впадения ее в р. Конда, в 74 км к ЮЮВ от районного центра г. Советский. Расстояние от памятника до русла реки составляет 270 м. В Средние века на поселении, состоящем из двух видимых объектов – укрепленного жилища № 1 и жилищной впадины № 2, функционировал средневековый могильник [Кокшаров, 2004; Он же, 2005; Он же, 2006; Он же, 2008; Он же, 2008В:124–127, ил. 1; Зыков и др., 2006, с. 222–228, ил. 9].

Укрепленное жилище занимает юго-восточную часть мыса и представляет собой подчетырехугольное сооружение площадью около 750 м², состоящее из собственно жилищной площадки площадью около 200 м² и окружающего ее вала шириной 5–8 м и высотой до 1,6 м над уровнем поверхности мыса. Кроме того, вероятно, укрепление с наружных сторон оконтуривалось рвом, который в настоящее время полностью заплыл. Жилищная впадина № 2 расположена в 34 м к западу от укрепленного жилища и представляет собой округлое западение диаметром около 5–6 м и глубиной до 0,16 м от уровня окружающей поверхности.

В 2003–2006 гг. на памятнике было заложено 6 раскопов (337,4 м²) (рис. 163). На исследованной площади обнаружены остатки дома бронзового века, не проявлявшегося на поверхности, фрагменты рва, окружающего укрепленное жилище, а также ямы и пятна.

Котлован сооружения (рис. 164) был отмечен на уч. В–Д/4–7 на двух уровнях: –249 и –266 см. Его параметры установить сложно, поскольку в раскоп I он вошел частично. С уверенностью можно говорить лишь о том, что объект был ориентирован с небольшим отклонением от сторон света (ЗСЗ–ВЮВ) и вкопан в материк на 0,37–0,4 м.

В пределах сооружения зафиксированы остатки очага, 5 ям хозяйственного (?) назначения, 7 ямок от столбов, горелые плахи и 3 крупных камня.

Остатки очага в виде пятна прокаленной глины прослежены на уч. В/4. На ур. –264 см пятно имело округлую форму размером 1,18 × 1 м, мощность слоя 0,22 м.

Самым крупным объектом бронзового века является ров, связанный с укрепленным жилищем № 1. Очертания рва прослежены во всех раскопах (рис. 163). Установлено, что он опоясывает укрепленное жилище по всему раскопанному периметру.

Наиболее четкие очертания внешней и внутренней границ рва проявились в раскопе VI. Судя по ним, ширина объекта составляла чуть более 3 м, а глубина – 0,5–0,6 м. Примечательно, что дно находилось либо на 5 см выше уровня нахождения грунтовых вод, либо на одном уровне с водой (–312 см). Здесь прослежены многочисленные затеки ортзанда. Они представляют собой две параллельные полосы песка, сцементированные соединениями железа, которые придали ему различные оттенки ржавого цвета. Полосы, вытянутые по линии СВ–ЮЗ, полностью повторяют ориентировку рва. При расчистке этих образований наиболее активно проступали грунтовые воды. Возможно, эти объекты связаны с оборудованием дренажа вокруг жилища № 1.

На уч. И–К/16 на ур. –282 см обнаружена яма, выкопанная после заплывания рва. Она прямоугольной формы, ориентирована длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ, размером 1,07 × 0,85 м. В профиле имеет плоское дно, пологие стенки. Глубина объекта от уровня фиксации 0,15 м, заполнение – красная охристая супесь, на дне полоска переотложенного желтого песка. В центральной части ямы лежал развал сосуда бронзового века с бордюрами из сотовых фигур (рис. 165, 16).

Кроме рассмотренных объектов, на раскопанной части памятника обнаружены ямы и пятна охры, свидетельствующие о жизнедеятельности обитателей поселка.

С поселением связана коллекция полымьятской керамики позднего облика, изделия из камня и немногочисленные поделки из обожженной глины. Здесь же обнаружены обломки 5–7 горшков, обладающие чертами посуды вагильского и лозьвинского типов, не связанных ни с одним из раскопанных объектов (рис. 148, Б). Эту посуду отличает тонкостенность и филигранность в нанесении декора фигурными штампами.

Полымьятский комплекс состоит из обломков и развалов ~345 сосудов позднего полымьятского облика. Материал очень фрагментирован и сложен для всестороннего изучения. В обработку включены остатки 71 сосуда. По графическим реконструкциям восстановлены 5 емкостей (рис. 165, 2, 6, 12, 16; 166, 6). Диаметр по венчику замерен у 10 экземпляров. Показатель варьирует от 14,6 до 36,8 см при среднем значении 21,2. В морфологическом отношении посуда делится на две группы: стандартную и индивидуальную (16 экз., или 22,5%).

Первая имеет преимущественно баночную форму, лишь у четырех отмечены отогнутые наружу венчики или намечающиеся шейки (рис. 167, 2–3; 168, 4). Судя по графическим реконструкциям, диаметр посуды по венчику равен их высоте или превышает ее. В коллекции имеются два миниатюрных сосуда (рис. 165, 2–3). Вторая группа посуды представлена чашами овальной или прямоугольной форм, которые принято именовать ладьевидными (рис. 165, 8, 10, 15; 169, 4–13). К сожалению, в коллекции нет ни одной полностью восстанавливаемой емкости.

Для лепки использованы формовочные массы с примесью шамота (30), который сочетается нередко с дресвой в виде дробленой каменной крошки (20), реже – с песком (7) или в комбинации с песком и слюдой (6). Пять сосудов сформованы на горшках-шаблонах (рис. 165, 5, 12). Примечательно, что три из них имели индивидуальную форму. Судя по изломам, ленты подмазывались изнутри (рис. 169, 5).

Венчики сосудов имеют преимущественно плоский срез (41 экз.), среди них 18 со скосом на внешнюю сторону. У 6 сосудов венчики деформированы пальцами (рис. 168, 5, 7, 8, 11, 21), единичные емкости имеют волнистое оформление устья (рис. 168, 20).

Орнамент покрывает внешние стенки посуды, заходя на венчики и днища. Основные инструменты, которыми наносился орнамент, – гребенчатый штамп и конец круглой палочки, образующий ямки. Некоторые банки украшены прочерченными линиями, образующими сетчатый узор (рис. 165, 1), зигзагами, либо линиями, соединяющими ямки (рис. 168, 21). В зоне под венчиком отмечены также желобки и наклепные валики (рис. 165, 16; 168, 15–16, 20). Ведущая техника орнаментации – печатная, хотя на 8 сосудах отмечены узоры, выполненные в технике «шагающей» гребенки (рис. 168, 1–7). Из-за плохой сохранности материалов сложно дать детальную характеристику орнаментальных композиций по отдельным зонам. Вместе с тем по оформлению венчиков, набору орнаментальных мотивов в зоне под венчиком и ниже нее, где нередки прямые и зигзагообразные ленты с короткими ответвлениями, рассеченные сетки с шестиугольными (сотовыми) и ромбическими ячейками, вертикальные колонки, находки обнаруживают

сходство с позднеполымьятскими коллекциями Верхней Конды (поселения Геологическое III, VII). Близость сравниваемых коллекций проявляется и в орнаментации днищ. Здесь можно встретить ромбические сетки (рис. 165, 2, 7А), параллельные насечки, забранные в многоугольник (рис. 165, 6), крестовидные фигуры (рис. 165, 16А; 168, 18).

Вышедшая из употребления керамика использовалась в качестве скребков (рис. 167, 8; 168, 9; 169, 6). Стенки и придонные части небольших чаш и ладьевидных сосудов служили для шлифовки или заточки каких-то орудий (рис. 165, 5, 10; 169, 5, 7–7А). Некоторые ошлакованные фрагменты могли применяться в литейном деле.

Керамические грузила, связанные с посудой полымьятского типа, вылеплены из глины с примесью песка и шамота. По оформлению концов они делятся на два типа.

Биконические грузила (18) можно разделить на два варианта: изделия с прямым брюшком и провисающим брюшком (рис. 169, 1–3). Те и другие имеют в поперечном сечении круглую или овальную форму. Длина грузил варьирует в пределах 68–102 мм, диаметр в пределах 12–20 мм. На тулове этих изделий отмечаются продольные канавки и бороздки. Их отличительной особенностью являются укороченные пропорции, что не характерно для находок подобного назначения предшествующего времени.

Грузила с раздвоенными и сечкообразными концами (2 экз.) сохранились фрагментарно, поэтому их полные параметры не установлены.

Обращает на себя внимание *керамический шарик*, вылепленный из глины с добавлением песка (рис. 169, 3А). Его диаметр ~30 мм, в углублениях сохранилась охра.

Технологическая керамика (3 экз.). Это обломок односторонней литейной формы, тигля (?) и неясного изделия. В первой мог отливаться предмет толщиной ~17 мм (рис. 120, 11). Другой предмет слишком мал, чтобы можно было говорить о его параметрах и размере отливки (рис. 120, 2). Третий предмет замыт и не идентифицирован.

Каменный инвентарь, полученный при раскопках поселения, происходит из раскопов I, III–VI, его характеристика содержится в *табл. 10*.

Коллекция из **раскопа I** включает 101 предмет. В качестве сырья использовались местные галечники. Спектр пород представлен кремнистым материалом, кварцем, кварцитом, кварцито-песчаником, сланцем и горным хрусталем.

Стадию первичного расщепления характеризуют остаточные, фронтально-торцевые нуклевидные формы из кварца (5). Высота изделий 22–42 мм, толщина – 16–25 мм. Скалывание заготовок производилось контрударным способом. Три изделия имеют прямые ударные площадки с уклоном в 60° к фронту скалывания. Ударные площадки у других предметов оформлены иначе: прямая под углом 90° и нитевидная. Одно ядрище

подработано с контрфронта поперечными сколами, другое имеет подправку ребра между смежной с контрфронтом грани.

Заготовки и отходы производства представлены отщепами (63), среди которых 42 из кварца, 18 кремнистых, 2 кварцитовых и один сланцевый. Кроме того, в эту категорию включены целые небольшие гальки (5), расколотые гальки (3) и чешуйки (3).

Орудийный комплекс включает наконечники стрел, скребки, долотовидные орудия, абразив, отщепы с ретушью (4), остря (3) и изделия из камня (7).

Наконечники стрел (2) изготовлены из кремнистой серо-зеленой породы (рис. 170, 1, 5). Они имеют листовидную форму, выделенный через плечики черешок. В одном случае черешок подтрапещевидный, с усеченным основанием, в другом – подпрямоугольный, с небольшой выемкой в основании. Их размер соответственно $33 \times 15 \times 3$ мм и $26 \times 14 \times 4$ мм, у обоих утрачен кончик пера. Тело орудий покрыто двусторонней встречной уплощающей ретушью, хотя и встречены диагональные негативы сколов-фасеток.

Скребки на отщепах (3). Размер орудий $20 \times 14 \times 7$ мм, $29 \times 22 \times 11$ мм и $38 \times 42 \times 19$ мм. Два из них концевые, один – с дополнительным боковым лезвием. Рабочий край у обоих оформлен крутой ретушью со спинки заготовки. Третий скребок аморфный, рабочий край, выделенный по следам интенсивной сработанности, располагается у него на грани между спинкой и негативом ударной площадки. Судя по следам, орудия использовались при обработке шкур.

Долотовидные орудия (2). Одно выполнено из первичного кварцевого отщепа (рис. 170, 9), его размер $40 \times 28 \times 11$ мм. Форма орудия в плане подовальная. Лезвие прямое, чуть скошено, подработано с брюшка заготовки краевыми уплощающими сколами. Второе орудие изготовлено, скорее всего, из остаточного кварцевого нуклеуса (рис. 170, 10). Лезвие подработано со стороны основания ядрища краевыми сколами на одну плоскость и имеет желобчатый профиль. Следы сработанности указывают на использование инструментов в обработке дерева.

Абразив выполнен на плитке подпрямоугольной формы со скругленными углами (рис. 166, 2). Его размер $27 \times 18 \times 7$ мм. В работе использовались все плоскости. На одной из широких граней у края фиксируются риски с клиновидным профилем. Не исключено, что они оставлены лезвием металлического инструмента.

Отщепы с ретушью (4 экз.) являются изделиями с эпизодической ретушью по краю, не формирующей стабильное рабочее лезвие (рис. 170, 4, 6–7, 12).

Остря (3 экз.) (рис. 170, 2–3, 8). Любопытно орудие с двумя рабочими жалами на противоположащих концах изделия (рис. 170, 8). Оно изготовлено из серо-коричневого

кремня, в плане подовальное, тело обработано двусторонней ретушью. Поперечное сечение линзовидное. Глубина проникновения в обрабатываемый материал – от 6 до 8 мм. Судя по следам, сверло служило для перфорации керамики (каменя?).

Изделия из камня представлены 7 предметами.

Стержень из сланцевой плитки (рис. 170, 11) размером $60 \times 6 \times 4$ мм, в поперечном сечении – сегментовидный. Тело изделия зашлифовано.

Фрагмент *молотка* размером $57 \times 43 \times 17$ мм (рис. 166, 4). Сохранился участок рабочей плоскости, выделенный на торцевом участке заготовки (скорее всего, гальки) путем его утолщения и зашлифовки. Тело инструмента зашлифовано, он использовался в металлообработке.

Кусок лимонита размером $59 \times 59 \times 15$ мм со следами двустороннего сверления.

Кусок серпентинита размером $61 \times 35 \times 20$ мм (рис. 166, 3). Боковая сторона и противоположные плоскости оформлены спилами (глубина 13–18 мм).

Диск из лимонита размером $77 \times 71 \times 27$ мм (рис. 166, 9). Внешняя поверхность подверглась разрушению, но, скорее всего, была обработана шлифовкой. В центре одной из плоскостей имеется округло-коническая ямка диаметром 21 мм и глубиной 8 мм. Вероятно, данное орудие являлось подпятником – утяжелителем для лучкового сверления.

Плитка подовальной формы из слюдястого песчаника (?) размером $79 \times 50 \times 20$ мм, поперечное сечение подтреугольное (рис. 166, 5). Периметр обработан сколами, выступающие участки сильно залощены и скруглены. На одной из плоскостей фиксируется зона сработанности от использования заготовки в качестве абразива.

Подвеска-украшение (рис. 166, 1) из серпентинита, подтреугольной формы, размером $43 \times 24 \times 11$ мм. Одна из продольных сторон прямая, другая выгнута по центру. На зауженном конце выделен почти круговой желобок. Еще два ряда нарезок фиксируются ниже желобка по обеим боковым сторонам.

Раскол III. Коллекция представлена 150 предметами. Для орудий и заготовок использовалось местное сырье (гальки, плитки, бруски, конкреции). Это кремнистые породы различного качества, кварц, серпентиниты, сланцы, кварцит и лимонит.

В коллекции преобладают заготовки и отходы производства – целые (23) и расколотые (9) гальки, отщепы (75), пластинчатые сколы (2). Нуклевидные формы и доминирование отщепов, указывают на преобладающее контрударное расщепление камня.

Ядрища (6) имеют разную степень расщепления. Два изделия характеризуют начальный этап подготовки нуклеуса. В обоих случаях использованы гальки с естественным усеченным торцом. Размеры предметов $75 \times 46 \times 44$ и $61 \times 39 \times 30$ мм. На

первом фиксируется попытка продольного скалывания и обработка естественных боковых ребер. На одной из плоскостей имеется локальная зона выбоин, указывающая на использование изделия в качестве наковальни. У второго нуклеуса на естественной плоскости, служившей площадкой, имеются краевые торцовые сколы уплощения, забитость на кромке, прилегающей к торцевой плоскости, и забитость на ребре. Кроме этого, на его основании фиксируется точечная зона выбоин. Третий нуклеус представлен изделием на крупном куске кварцитовой породы. Заготовки с него снимались в контрударной технике по фронтальной плоскости, имеется подработка бокового продольного ребра. Остальные нуклеусы (3) остаточные. Их расщепление на заготовки происходило в контрударной технике по фронтальной (2) и торцевой (1) плоскости.

Со стадией первичного расщепления связаны фрагмент *отбойника* и *отбойник-наковальня* из кварца. Последний выполнен из подовальной уплощенной гальки, рабочие зоны отбойника торцевые, сработанность от использования заготовки под наковальню фиксируется на выпуклой поверхности изделия. Его размер $65 \times 56 \times 32$ мм. Из технологических сколов присутствуют отщеп с площадки кварцевого ядрища и кремнистый реберчатый скол.

Орудийный комплекс (27) включает скребки на отщепах, острия, долотовидные изделия, пилы на отщепах, абразивы и изделия с краевой обивкой.

Скребки (8). Половина из них изготовлены из кварца, другие – из кремнистых пород. Два изделия несут следы термического воздействия. Представлено два типа скребков – концевые (3) (рис. 171, 8, 15, 17) и боковые (4 экз.) (рис. 171, 10–11, 13–14, 16). Один скребок аморфной формы (рис. 171, 12). Размеры изделий варьируют от $8 \times 10 \times 5$ до $34 \times 16 \times 8$ мм. Шесть скребков выполнены из продольных сколов, полученных контрударным расщеплением. Лезвия инструментов оформлены крутой ретушью со спинки. Среди концевых форм два орудия имеют подработку такой же скребковой ретушью одного продольного края.

Долотовидные орудия (2) (рис. 171, 7, 9) изготовлены из кварцевых отщепов. Один предмет подтрапещиевидной в плане формы, размером $30 \times 20 \times 8$ мм, с концевым дистальным лезвием. Другой имеет подпрямоугольную форму, размер $21 \times 17 \times 8$ мм, три стороны изделия обработаны уплощающими краевыми сколами.

Абразивы (6) представлены преимущественно фрагментами (5). Целый экземпляр, размером $79 \times 63 \times 36$ – 49 мм, изготовлен из кварцитовой гальки. Поперечное сечение изделия подтрапещиевидное. Рабочая плоскость расположена на узкой грани орудия шириной 16–17 мм. На рабочей поверхности фиксируются продольные следы износа.

Кроме того, зашлифована одна из смежных сторон, также выполнявшая функцию абразива. У 4 обломков рабочая плоскость прямая, у одного – вогнутая.

Острия (6) изготовлены из отщепов: 4 – из кремнистых пород, остальные два – из кварца и кварцита. По следам износа выделяются три изделия, использовавшиеся для сверления или расширения отверстий в твердых абразивных породах (рис. 171, 1–2, 6) в лучковой технике. Одно из них – развертка по камню размером $70 \times 30 \times 20$ мм. Диаметр рабочего жала у кончика острия – 18 мм, на плечиках – 20 мм. Два изделия служили для перфорации керамики. Их размеры $49 \times 16 \times 10$ мм (рис. 171, 2) и $20 \times 12 \times 8$ мм (рис. 171, 6). Глубина проникновения в обрабатываемый материал составляет у первого 8 мм при диаметре сверла 6 мм, у второго – 13 мм при максимальном диаметре 12 мм. Еще три сверла имеют асимметричный рабочий край (рис. 171, 3–5).

Пилы (2). Одна выделена по следам износа (рис. 172, 2). Она выполнена на кремнистом первичном отщепе подовальной в плане формы размером $39 \times 17 \times 6$ мм. Следы износа фиксируются на небольшом участке продольного края, примыкающего к дистальной части скола. Не исключено, что орудие использовалось в качестве гравера по твердым абразивным материалам. Второй предмет (рис. 172, 3) – скол с участком лезвия пилы, изготовленной из сланцевой породы. Размер предмета $23 \times 32 \times 8$ мм. Лезвие пилы фиксируется на нижнем конце отщепа. В поперечном сечении кромка лезвия подтреугольная, глубина проникновения в обрабатываемый материал составляла 6–10 мм.

Изделия с краевой обивкой (3 экз.) выполнены из кварцитовых галек (1) и крупных отщепов (2). На всех предметах фиксируется обработка продольного или поперечного края односторонней краевой ударной ретушью. Не исключено, что орудия использовались в операциях по скоблению органических материалов.

К индивидуальным находкам отнесена прямоугольная плитка из гематита, размером $33 \times 14 \times 5$ мм. Все стороны предмета тщательно зашлифованы и даже заполированы.

Кроме того, в комплексе присутствуют фрагменты изделий, выполненных в технике абразивной обработки. Это обушковые части орудий (рис. 172, 1, 4–5) из серпентинитов (2 экз.) и лимонита (1).

Раскопы IV–V (60 экз.). Исходным сырьем для производства каменных орудий служили гальки и плитки местного происхождения. Это кремнистые породы различного качества, а также кварц, кварцит, гнейсы и габбро. Среди целых (10) и расколотых галек (6) преобладают предметы из кремнистых материалов. Размеры целых галек варьируют от $11 \times 11 \times 7$ до $31 \times 25 \times 15$ мм. Они могли входить в состав аллювиальных отложений. Расколотые формы исходного сырья представляют собой изделия с бессистемным

принципом расщепления, что, не исключает этап сортировки заготовок по качеству материала.

Нуклевидные формы (4). В трех случаях фиксируется продольное снятие сколов в контрударной технике с кварцевых ядрищ. Размеры изделий $27 \times 18 \times 9$ мм, $44 \times 22 \times 13$ мм и $36 \times 20 \times 13$ мм. Соответственно у первого и третьего изделий ударные площадки линейные, у второго изделия ударная площадка естественная, покрытая коркой, горизонтальная. Четвертое изделие представлено фрагментом кварцевого ядрища размером $66 \times 31 \times 31$ мм.

Заготовки и отходы включают 23 отщепа и пластину. Среди первых выделяется серия кварцевых сколов (13) подпрямоугольной в плане формы. Их размеры варьируют от $12 \times 11 \times 5$ до $24 \times 15 \times 5$ мм. Предметы получены контрударным расщеплением. Еще 5 отщепов – кремнистые. Их размеры от $11 \times 8 \times 6$ до $23 \times 46 \times 12$ мм. Четыре подтрапещевидных в плане отщепа получены ударным снятием, один подпрямоугольный отщеп получен контрударным способом. Остальные 5 предметов – 2 кварцевых и 3 кварцитовых отщепа имеют размеры от $15 \times 18 \times 18$ мм до $28 \times 62 \times 8$ мм. Скорее всего, это сколы оформления абразивных плит и других макроинструментов. В коллекции присутствуют еще два *скола*. Это подпрямоугольные отщепы размерами $35 \times 47 \times 11$ мм и $32 \times 67 \times 12$ мм.

Пластина из кварца, полученная контрударной техникой, размерами $25 \times 10 \times 6$ мм.

В самостоятельную группу выделены сколы со следами абразивной обработки (2), изготовленные из серо-зеленой сланцевидной (хлоритовой) породы. Один скол с негативом отполированной грани является фрагментом тела рубящего инструмента (тесла). Размеры отщепа $52 \times 32 \times 18$ мм. У второго скола, размерами $20 \times 12 \times 5$ мм, полностью зашлифована спинка.

Орудийный комплекс (12) включает скребки, острия, абразивы и иные изделия.

Скребки на отщепах (2). Один изготовлен на контрударном сколе серо-зеленой кремнистой породы. Относится к типу боковых скребков. Лезвие оформлено крутой ретушью со спинки практически на всем протяжении продольной стороны. Второй скребок концевой. Размеры инструмента $21 \times 18 \times 6$ мм. Орудие выполнено на кремнистой заготовке, обожжено. Скребковое лезвие расположено на нижнем конце скола, выделено дорсальной крутой ретушью. Участки продольных сторон отщепа, прилегающие к скребковому лезвию, также ретушированы.

Острия (2) выделены по следам сработанности. Одно орудие изготовлено из серо-зеленого сланцевого отщепа подтреугольной в плане формы, являющегося сколом со

шлифованного орудия, – нижняя грань отполирована. Размеры инструмента $21 \times 41 \times 13$ мм. Рабочее жало остря расположено на угловом участке нижней стороны заготовки. Сработанность довольно сильная: заполировка, линейный износ, глубина проникновения в обрабатываемый материал достигает 10 мм. Второе острие изготовлено из кремнистого отщепы подпрямоугольной в плане формы, полученного контрударом. Размер изделия $22 \times 10 \times 7$ мм. В работе использовались оба торцевых конца, глубина проникновения в обрабатываемый материал около 10 мм. Интенсивность износа на рабочих жалах различная. Судя по характеру износа, оба орудия использовались для сверления отверстий в керамике.

Абразивные инструменты (5). Одно орудие подтрапещевидной в плане формы, размером $113 \times 57 \times 26$ мм. Заготовка подвергалась продольному расщеплению в контрударной технике по одной плоскости. Противолежащая сторона использовалась под абразивную поверхность и наковальню. Рабочая плоскость абразива занимает практически всю плоскость, имеет желобчатый профиль. Направление износа продольное. Зона наковальни фиксируется в центре плоскости в виде подчетырёхугольной в плане воронки размерами 12×14 мм и глубиной 2 мм. Рабочая зона наковальни имеет абразивный износ. Кроме того, плитка использовалась в качестве скребла по шкуре. Скребокковые лезвия выделяются по следам сработанности, фиксирующейся на гранях боковых сторон, и на участках, прилегающих к широкому торцу заготовки. Второй абразив – кварцитовая плитка подпрямоугольной в плане формы, размерами $63 \times 49 \times 14$ мм. С одного из торцов заготовка обколота. В работе использовались обе плоскости плитки, интенсивность износа различная. Рабочие поверхности ровные, горизонтальные. Третье орудие изготовлено из кварцитовой гальки уплощенной формы. Изделие фрагментировано, размеры сохранившейся части $84 \times 53 \times 25$ мм. Рабочая зона абразива находится на ровной плоскости заготовки. Направление износа диагональное, в целом плоскость ровная, однако ближе к краю фиксируется намечающийся желоб. Фрагментация изделия произошла в результате попытки его продольного расщепления в контрударной технике и использования абразивного орудия под наковальню. Площадкой нуклеуса являлась плоскость торца, подработанная сколами к контрфронт, к плоскости абразива. Расщепление фронтально-торцевое. Длина негативов не превышает 30 мм. Смежная с фронтальной плоскостью грань служила площадкой для снятия поперечных сколов на фронт скалывания при выделении продольного ребра. Рабочий участок наковальни, по всей видимости, располагался в центре плоскости, подвергавшейся расщеплению. Использование инструмента в данной функции и привело к фрагментации заготовки, она раскололась. Четвертое орудие представлено крупным

кварцитовым отщепом размерами $88 \times 38 \times 18$ мм, сколотым с рабочей плоскости абразива. Пятый инструмент – крупная плитка размером $138 \times 73 \times 18$ мм, с широкой абразивной плоскостью и тщательной зашлифовкой боковых граней, от которых, после краевой оббивки, сохранился небольшой участок.

Изделия из камня (3). Одно – брусок-поделка размерами $41 \times 8 \times 5$ мм. В плане изделие подпрямоугольной формы, заужено с одного торца. Грани торцов прямые. Поперечное сечение предмета шестигранное. Отделка изделия выполнена в абразивной технике. Вторым предметом – расколота кварцевая галька размером $42 \times 33 \times 26$ мм. Одна сторона заготовки – идеально ровная полированная (?) плоскость. На противоположной плоскости также отмечается заполировка, отчасти нивелирующая рельеф поверхности. Однако при бинокулярном изучении износ на этих плоскостях не выявлен. Отмечается только забитость на ребрах с торцевой стороны предмета. Третье изделие имеет подовальную в плане форму, изготовлено из уплощенной гальки. Фрагментировано продольным сколом, снявшим значительный участок одной плоскости. Форма изделия отчасти придана пикетажем, обработанный в этой технике участок фиксируется по его боковой стороне. На сохранившейся плоскости заготовки отмечаются выделенные абразивной обработкой четыре грани.

Из **раскопа VI (25)** происходят необработанные гальки, ядрища (в том числе, вторично использованные), продукты расщепления камня и единичные орудия.

Целые гальки (4) происходят из слоев естественных аллювиальных отложений, в культурном слое оказались в процессе антропогенной деятельности в древности. Размеры предметов варьируют от $28 \times 8 \times 8$ мм до $24 \times 23 \times 23$ мм.

Ядрище двухплощадочное, переоформленное, размером $77 \times 69 \times 68$ мм. Первая площадка оформлена сколом, перед каждым снятием подрабатывалась по краю. Противоположная ей сторона сильно забита. Скалывание с первой площадки проводилось по две трети периметра нуклеуса (фронтально-двухторцевое) в контрударной технике. Вторая площадка оформлена на боковом фронте скалывания и предварительно подработана по краю сколами с контрфронта. С этой же площадки, также контрударом, снят всего один первичный скол. Судя по негативам снятий, получаемые сколы имели подпрямоугольные очертания.

Из 11 отщепов без следов сработанности 7 предметов из кварца, три из кварцита и один из гнейса. Шесть предметов получены в технике контрударного скола. Размеры предметов варьируют от $15 \times 10 \times 4$ мм до $88 \times 90 \times 28$ мм.

Изделие на расколотой гальке гнейсовой породы размером $90 \times 85 \times 72$ мм. В типологическом отношении это нуклевидная форма с фронтально-торцевым снятием заготовок в контрударной технике скола. Ударной площадкой служила плоскость гальки тщательно выровненная и заполированная. До расщепления оно могло использоваться в цикле производства по обработке цветного металла, но не являлось абразивом.

Изделие подпрямоугольной формы с отверстием в средней (?) части выполнено из серо-зеленой слоистой породы (рис. 166, 7). Размер сохранившейся части $121 \times 66 \times 28$ мм. Отверстие получено встречным двусторонним сверлением, его диаметр на входе 33–35 мм, в центре – 21 мм. Плоскости обработаны шлифовкой. На сохранившейся торцевой части виден скос. После того как изделие сломалось поперек, по сквозному отверстию, оно было использовано вторично как утяжелитель. На противоположных узких сторонах сколами намечены выемки, удерживавшие обвязку от соскальзывания.

Диск (рис. 166, 8) овальной формы из зернистой породы темного цвета размером $83 \times 66 \times 20$ мм. Плоские поверхности обработаны шлифовкой, края по всему периметру – сколами. Трасологическое изучение подобных предметов показало, что каменные диски, в числе которых фигурируют и каменные грузила, использовались в качестве грузил и скребел [Сериков, 1977, с. 215; Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 56].

Из орудий выделяется концевой *скребок* на отщепе кремнистой породы серо-белого цвета. Размер инструмента $23 \times 16 \times 7$ мм. Лезвие оформлено крутой ретушью со спинки на проксимальном конце заготовки. Тело орудия обработано со спинки полукруглой встречной ретушью с боковых сторон, с брющка – встречной уплощающей.

Абразивы (2). Для орудий использованы подовальный скол контрударного снятия и нуклевидная форма из кварцитовой гальки. Размер скола $80 \times 62 \times 22$ мм, участки рабочей поверхности абразива фиксируются на боковых гранях предмета. Размер нуклевидной формы $65 \times 37 \times 49$ мм. Площадка ядрища оформлена поперечным снятием, затем был снят продольный скол в контрударной технике. Рабочие плоскости расположены на плоскости от негатива снятия и на половине прилегающей грани, покрытой галечной коркой.

Отщепы с краевой ретушью (3). Один из них кварцитовый, подтрапециевидной формы размером $32 \times 49 \times 11$ мм. По кромке края отщепа со спинки фиксируется краевая многоступенчатая ретушь утилизации. Другой отщеп, первичный, из розового кремня, размером $22 \times 28 \times 8$ мм, подтреугольной формы, сколот в ударной технике. Продольный край с брющка покрыт полукруглой краевой ретушью. По кромке фиксируются мелкие краевые фасетки ретуши утилизации лезвия. Третий отщеп из серо-зеленой опоки, размером $38 \times 28 \times 18$ мм, подпрямоугольной формы. Один продольный край у него

ретуширован с двух сторон краевыми полукруглыми сколами по всей длине, на противоположающей стороне кромочная линия затуплена шлифовкой.

4.1.12. Поселение Ленино I расположено на территории деревни с эпонимным названием в Кондинском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Открыто и изучалось под руководством А.В. Расторопова. Памятник занимает участок правого берега р. Конды высотой 10–14 м. На нем были заложены три раскопа общей площадью 656 м² [1985, с. 237–238]. Материалы бронзового века частично отражены в работе Н.Ю. Адамовой [1991, с. 67–70, рис. 2]. С коллекцией варпаульской керамики (рис. 173–174; 175, 2–6), ошибочно датированной А.В. Растороповым неолитом–энеолитом, связан небольшой фрагмент литейной формы кельта (рис. 175, 1) и, возможно, глиняное грузило с перехватом [Кокшаров, 1992, с. 77].

4.1.13. Поселение Чилимка I (в более ранней работе памятник пронумерован арабской цифрой 1 [Глушков, Захожая, 2000]) расположено в устье р. Чилимка, правого притока р. Конды на границе Ханты-Мансийского и Кондинского районов ХМАО–Югры Тюменской области. Памятник занимает участок двухметровой правобережной террасы, на поверхности которой фиксировались две жилищные впадины. Одна из них вошла в раскоп площадью 90 м² (по другим данным, площадь раскопа составляла 100 м² [см., напр.: Глушков, Захожая, 2000, с. 192]).

В ходе работ выяснилось, что эта впадина возникла на месте жилища позднего бронзового века (рис. 176, 1). Постройка имела котлован подпрямоугольной формы, ориентированный по линии СЮ, его размер 7,5 × 7 × 0,3–0,4 м. Вход в сооружение располагался в восточной стене. Его расположение установлено по выступу, направленному от котлована в глубь берега. Размер выступа 2,5 × 1,8 м. По длинной оси жилища, с небольшим смещением к северной стенке, находились остатки очага. Это линза бурой супеси, принявшая форму неправильного овала, ориентированного по линии ЗВ, размером 0,5 × 0,15 м, который подстилал прокаленный грунт мощностью до 0,1–0,15 м. Как отмечает Т.М. Захожая, *«в восточной части раскопа ... (20 см от дневной поверхности) определилось пятно черного цвета, в котором обнаружены остатки бронзолитейного производства (фрагменты ошлакованной керамики, мелкие кальцинированные косточки)»* [2003, с. 105]. На занятия литейным делом указывают также зеленоватые вкрапления бронзы, встреченные в очажном слое [Она же, 1994, с. 3]. Взаиморасположение ямок от столбов позволяет предполагать каркасно-столбовую конструкцию сооружения.

Находки, связанные с сооружением, представлены фрагментами керамики (1,5–2 тыс. ед.). Они относятся примерно к 40 сосудам, выделенным по венчикам [Глушков, Захожая, 2000, с. 8]. Кроме того, в слое найдены три фигурки – голова медведя, птица, обломок ложки со скульптурным навершием в виде головы птицы [Там же, с. 192].

Посуда представлена слабопрофилированными горшками и закрытыми банками с плоским дном (рис. 177). Диаметр и высота миниатюрных сосудов составляют соответственно 5–6 и 4–6 см, а крупных емкостей – 15–36 и 28–30 см. Толщина стенок варьирует в интервале 0,3–0,5 см. Венчики имеют обычно округло-уплощенную форму.

Лепка велась из лент и жгутов с добавлением в замес шамота, песка и органики [Захожая, 2003, с. 106]. В некоторых случаях сосуды формовались различными по диаметру жгутами: придонная часть – жгутами диаметром 1 см, а устьевая – жгутами диаметром 0,6 см [Глушков, 1996, с. 109]. Использовался как внутренний, так и внешний подлеп, что характерно именно для жгутового способа формовки. Применение выбивки позволяло не только придать необходимую форму сосудам, но и уменьшить пористость стенок, увеличив их плотность. Обработка внутренних стенок велась деревянным (?) шпателем шириной 1–3 см и пальцами. В некоторых случаях места спаев не разглаживались. Внешняя сторона сосудов обрабатывалась в два этапа: сначала на подсушенный сосуд накладывался тонкий слой жидкой глины, затем применялось тусклое лощение (по влажной основе). Обмазка и лощение отсутствуют лишь на небольшой группе керамики. [Захожая, 2003, с. 106]. Технологические испытания керамики позволяют констатировать, что в гончарстве жители придерживались определенных традиций.

Исходя из облика фигурных штампов, использованных при орнаментации, посуда разделена Т.М. Захожей на три «декоративных стандарта» или группы, именуемые как гребенчато-крестовая (гребенчато-ямочная и собственно гребенчато-крестовая), рамчатая и луночно-ямочная. Автор отмечает сходство полученных материалов с посудой барсовской культуры Сургутского Приобья, памятников лозьвинского и лучкинского типов Конды и Нижнего Прииртышья [2003, с. 108].

4.1.14. Поселение Чилимка III расположено в 2 км вверх по течению от заброшенной дер. Чилимка на невысокой правобережной террасе [Захожая, 2001, с. 58]. В административном отношении памятник находится на границе Ханты-Мансийского и Кондинского районов ХМАО–Югры Тюменской области. В 30 м от края террасы обнаружены 4 жилищные впадины, находящиеся в 5–10 м друг от друга. Одна из них (центральная) вошла в раскоп площадью 120 м².

В ходе раскопок установлено, что изученная впадина возникла на месте наземного жилища бронзового века. Его котлован имел неправильную прямоугольную форму и был ориентирован по линии ВСВ–ЗЮЗ; размер объекта $8 \times 4,5$ м (рис. 176, 2). В юго-западной стенке отмечен выступ размером 2×1 м, проинтерпретированный как выход из помещения. Вдоль длинных стенок котлована прослежены канавы шириной 0,4–0,7 м, глубиной до 0,3 м. Очаг был смещен к противоположной от выхода стене. Его размер $1 \times 0,5 \times 0,25$ м.

Керамический комплекс (рис. 178) представлен горшками и банками, диаметр которых варьирует в интервале 15–27 см. В коллекции имеются также чаши [Глушков, Захожая, 2000, с. 9, 192]. По особенностям декора посуда отнесена к гребенчато-ямочным комплексам [Там же, с. 193].

Т.М. Захожая разделила коллекцию на *«три орнаментальных стандарта»* или три группы: гребенчато-крестовую, рамчатую и ямочно-луночную. Она включает выявленный комплекс керамики в нижнеиртышский вариант гребенчато-ямочной культурной общности, указывая на его близость материалам барсовской культуры Сургутского Приобья и лучкинским древностям Нижнего Прииртышья [2001, с. 59].

4.1.15. Поселение Чилимка VII расположено на невысокой (3 м) террасе, в 40 м от ее края и в 300 м от поселения Чилимка I. На поверхности берега прослеживались две жилищные впадины. Одна из них вошла в раскоп площадью 110 м². В процессе работ выяснилось, что объект возник на месте постройки позднего бронзового века. Размер пониженной части котлована 6×5 м. В центре помещения находился очаг [Глушков, Захожая, 2000, с. 193].

С изученным сооружением связаны коллекция бытовой и технологической керамики, керамические скульптурные изображения голов медведя и птицы.

Керамика (рис. 179) представлена фрагментами ~50 слабопрофилированных горшков и банок, выделенных по венчикам [Там же, с. 9, рис. 12–15]. Диаметр емкостей по венчику варьирует от 20 до 35 см. Венчики имеют плоскую или волнистую форму. Во втором случае они деформированы пальцевыми защипами.

Керамический комплекс схож с материалами Чилимки I и *«характеризуется наличием нескольких орнаментальных стандартов: гребенчато-ямочного, ямочно-луночного и слабого рамчатого»*. Исследователи отмечают культурную близость этого комплекса памятникам гребенчато-ямочной орнаментальной традиции Нижнего Прииртышья и Сургутского Приобья по технологии изготовления посуды и ее декоративному оформлению [Там же, с. 26–27].

Технологическая керамика представлена льячкой (рис. 176, 4). Она изготовлена из напесоченной глины, имеет ковшевидную форму и плоское дно. Возможно, изделие было снабжено рукоятью. Стенки льячки толщиной 12–15 мм тщательно обработаны, даже подлощены. Размер предмета $47 \times 27 \times 18\text{--}27$ мм [Захожая, 1994, с. 3, рис. 1, 3].

4.1.16. Поселение Чилимка VIII расположено на террасе высотой 2,5 м в 50 м от ее края и в 50 м от поселения Чилимка VII [Глушков, Захожая, 2000, с. 193]. На берегу фиксировалась одна жилищная впадина, изученная раскопом площадью 100 м^2 . В процессе работ выяснилось, что она возникла на месте жилища позднего бронзового века. Оно имело котлован прямоугольной формы размером 7×6 м. С западной части объекта отмечен выступ, указывающий на место расположения выхода.

Находки представлены бытовой и технологической керамикой, скульптурными изображениями медведя.

Бытовая керамика (рис. 180) включает слабопрофилированные горшки и банки, украшенные фигурными штампами в виде гребенки, креста, змейки, которые очень близки (если не сказать идентичны!) посуде барсовского типа Сургутского Приобья.

Технологическая керамика. Из культурного слоя поселения происходят обломок тигля (рис. 176, 3), две створки от литейной формы (рис. 176, 5–5А). Керамика изготовлена из глины с большим содержанием песка и органических примесей, о чем свидетельствуют многочисленные поры и каверны. *«Створки формы имели овально-подпрямоугольную форму с закругленными углами, размерами $14 \times 6 - 9 \times 3,8$ см (две створки)»* [Захожая, 1994, с. 3, рис. 1, 1]. Толщина одной из них составляла 19 мм. В форме отливался небольшой плоский предмет длиной 100–120 мм, шириной 45 мм. Изучив конфигурацию матрицы, автор публикации уточняет облик отливки: *«предмет, вероятно, представлял собой две узкие пластинки шириной 0,7 см, соединенные поперечно-наклонными линиями, ширина которых равна 0,4 см. С одной из сторон фиксируется небольшой выступ, «ушко». ...предмет оформлялся в так называемом скелетном стиле, который был широко распространен в эпоху раннего железного века. ... Судя по размерам и по наличию поперечных линий в центре изделия, это мог быть и наголовник (диадема), и накладка, например, на ножны»* [Там же, с. 3–4].

4.1.17. Городище Чилимка XIII расположено в ~5 км от устья эпонимной реки, на границе Кондинского и Ханты-Мансийского районов ХМАО–Югры Тюменской области [Глушков, Захожая, 1996, с. 49]. Памятник представляет собой площадку, огороженную

рвом глубиной 0,3–0,6 м шириной 2,5 м. Ров ориентирован по линиям СЮ (прослежен на 30 м) и ЗВ (25 м), образуя прямой угол. Площадь городища ~1050 м². Единственная жилищная впадина, расположенная на площадке, изучена раскопками.

Котлован сооружения имел подпрямоугольную форму, ориентирован по линии СЮ, его размер 12 × 6 м (рис. 176, б). В центральной части котлована находился очаг, сохранившийся в виде пятна бурого цвета размером 1,5 × 1 м. Кроме очага, в пределах объекта отмечены две хозяйственные (?) ямы и три ямки от столбов.

Глубина рва, окружающего площадку, 0,3–0,5 м от уровня материка, ширина 1–1,5 м. Стенки рва пологие. Ров мог использоваться в качестве дренажа [Там же, с. 50].

Находки представлены преимущественно керамикой атлымской культуры (2-й тип) (рис. 181, 2–3, 5, 7–9) и несколькими обломками сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией, характерной для декора посуды лозьвинского типа, что рассматривается как свидетельство связей разных групп таежного населения [Там же, с. 52, 54]. Кроме того, в работе И.Г. Глушкова и Т.М. Захожей упоминается тесло прямоугольной формы с овальным обушком размером 45 × 25 мм [Там же, с. 193].

4.1.18. Городище Чилимка XXIII расположено на правом берегу р. Чилимка на расстоянии 2,5 км от устья [Глушков, 1996, с. 50, рис. 1, 2; Глушков, Захожая, 2000, с. 194–195]. Оно имеет площадку подпрямоугольной формы размером 25 × 20 м, на которой не прослеживались какие-либо западения. В раскоп, заложенный в северной оконечности памятника, вошла часть площадки и остатки фортификаций.

В изученной части памятника отслежены остатки жилища (?), фрагмент оборонительной стены, в основании которой находились ямки от столбов, и ров.

Жилище наземное, каркасной конструкции, размером 9,5 × 7,5 м. В нем отмечены остатки наземного очага в виде пятна бурой супеси размером 0,75 × 0,6 × 0,45 м. Глубина рва от уровня материка – до 0,6 м, ширина 0,7–1 м.

Находки представлены фрагментами ~25 сосудов атлымской культуры (2-й тип), рис. 181, 1, 4, 6.

4.1.19. Поселение Талья I обнаружено в 1985 г. Г.П. Визгаловым, в 1987 г. изучалось Л.Н. Сладковой. Расположено на левом берегу р. Тальи, правом притоке Евры в средней части Кондинского бассейна (Кондинский район ХМАО–Югры Тюменской области). В раскоп (120 м²) включена впадина, возникающая на месте наземного жилища поздней бронзы [Сладкова, 1987; Она же, 1991, с. 30; Она же, 2007А, рис. 1, 25, 32–33].

Изученное жилище (рис. 182, 4) имело подпрямоугольный котлован размером $8 \times 6 \times 0,1$ м, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. В узкой юго-восточной стенке находился выход, о чем свидетельствует подквадратный выступ длиной около метра и шириной до 1,2 м. В пределах котлована обнаружены очаг, две хозяйственные ямы и ямки от столбов.

Очаг располагался по длинной оси жилища в двух метрах от северо-западной стенки. Его остатки представляют собой линзу темной супеси овальной формы размером $1 \times 0,7 \times 0,13$ м, под которой отмечен прокал.

Хозяйственные ямы находились у юго-западной стенки жилища. Одна из них располагалась в южном углу, другая более крупная в пределах выступа в западном углу. Ямки от столбов прослежены по углам и вдоль стен.

С жилищем связана керамика лозьвинского типа (рис. 183–185). Из разрушенного слоя происходит посуда полымьятского типа раннего облика (рис. 161, 1–2, 9).

Лозьвинская коллекция (~30 сосудов) включает круглодонные слабопрофилированные горшки с раздутым туловом и тонкими стенками. По моим прорисовкам (рис. 183, 1, 6–7) у крупных емкостей диаметр по венчику меньше высоты, а у малых – наоборот. Венчики в основном плоские и не украшены. Поверхности тщательно заглажены и залощены. Из примесей различимы дресва, фракции лимонита и песок.

Соотношение в орнаменте отпечатков в виде змейки и гребенки противоположно тому, что имеет место на посуде поселения Низямы VIII (ранней лозьвинской). Довольно много оттисков прямого креста, выполненных в отступающей манере (10%) и ямок (34,5%). Большое количество ямок на кондинской керамике объясняется локальным своеобразием памятников.

Выделяется зона под венчиком сосудов – пояски разнонаклонных и вертикальных оттисков штампов. Орнамент на шейке сосудов включает, кроме того, горизонтальные одно- и двухрядовые линии, выполненные змейкой. По основанию шейки обязательно размещены пояски ямок, сгруппированных по 2–3. Орнамент на тулове сосудов однообразен. Он состоит из линейных узоров, чередующихся с ямками и прямыми лентами. Ленты представляют собой пояски из наклонных колонок и вертикальных отпечатков штампов, оконтуренных сверху и снизу ямками. Лишь немногие сосуды отличаются исключительной нарядностью, которая достигнута расположением на тулове широких бордюров (рис. 183, 1, 4; 184, 1–2, 5–6; 185, 1, 7, 9–10) и меандров (рис. 183, 3, 5; 185, 3, 6, 8–9). На некоторых днищах отмечены розетки из вписанных прямых крестов (рис. 183, 4А, 5А; 184, 1А).

Особо отметим горшок инокультурного происхождения с дугообразной шейкой и крестовым орнаментом (рис. 183, 8), относящийся к атлымской культуре.

4.1.20. Поселение Атымья IA расположено на левом крутом берегу р. Атымья в 1,5 км к северу от поселка Атымья в Ивдельском районе Свердловской области. Оно находится в ~50 м от воды. У подножия террасы, поросшей сосновым лесом, выбивается несколько ручьев. В 1978 г. памятник изучался В.И. Стефановым [Морозов и др., 1979, с. 258; Стефанов, 2001А, с. 72–77]. В раскоп (108 м²) вошла впадина подчетырехугольной формы, окруженная насыпью. При раскопках выяснилось, что западение возникло на месте наземного жилища начала бронзового века.

Очертания объекта (рис. 186) прослежены на уровне 0,2–0,3 м от поверхности. Отчетливо видны южная, восточная границы котлована, а также участок западной стенки. Подпрямоугольный котлован ориентирован по линии СЮ, его размер 8,5 × 6,5 м. На полу, посыпанном охрой, прослежены остатки очага, прокал и пять ямок от столбов.

Очажное пятно в виде линзы прокаленного песка и глины имело размер 0,75 × 0,45 × 0,1–0,12 м. В заполнении встречены мелкие фрагменты керамики. Другое пятно прокала отмечено у восточной стенки сооружения.

Постройка площадью ~55 м² представляла наземную каркасно-столбовую конструкцию в виде усеченной пирамиды, возвышавшейся над землей не менее чем на 2,5 м. Вход мог помещаться в западной или восточной стенах [Там же, с. 75]. Сооружение отнесено к числу промыслово-хозяйственных объектов, использовавшихся не в зимнее время [Там же, с. 75–77].

С жилищем связано ~200 фрагментов керамики от 10–12 сосудов (рис. 187) и каменное изделие. Емкости имеют баночную форму, вертикальные или, реже, слегка отогнутые внутрь или наружу стенки. Среди округлых венчиков сосудов имеется один плоский. Переход от стенок ко дну плавный, дно одного сосуда округло-уплощенное.

Для лепки использована глина с добавлением крупного шамота, дробленой раковины (или пережженной кости), дресвы и, возможно, песка. За редкими исключениями посуда изготовлена небрежно.

Орнамент покрывал большую часть стенок сосудов и, видимо, придонную зону. Он наносился гребенчатыми штампами в технике печати, шага, а также концом круглой палочки. На двух сосудах отмечены прочерченные параллельные линии (рис. 187, 6, 12).

Орнаментальные мотивы довольно однообразны, они представлены монотонными горизонтальными рядами отпечатков гребенчатого штампа, которые сменяют друг друга. У

одного из сосудов выделяется зона, заполненная рядами «шагающей» гребенки, над которой размещены две (?) ленты в виде зигзагов, заполненные оттисками того же штампа в технике печати (рис. 187, 5). Некоторые емкости имеют зоны, заполненные наклонными линиями или поясками гребенчатой качалки (рис. 187, 3, 6, 12).

В.И. Стефанов датирует стоянку раннебронзовым временем и отмечает неопределенность ее культурной принадлежности.

4.2. Поселения Нижнего Приобья и Надым-Пуровского междуречья

Древности бронзового века на этих территориях исследованы не столь полно и равномерно, как в бассейне Конды. Они разбросаны на значительно большей территории, демонстрируя локальные особенности культуры обитавшего здесь населения. В данном параграфе основное внимание уделено памятникам, исследованных автором лично, либо тем комплексам, информация о которых рассредоточена по отчетам и малотиражным сборникам и почти не известна широкому кругу специалистов. К числу важнейших комплексов Нижнего Приобья отнесены поселения Ендырское VIII, Низямы VIII, Малоатлымское II городище (ранние слои), Перегребное IV, Сартынья I, Хулюм-Сунт I, Лов-Санг-Хум III, Салехардская стоянка, Вары-Хадыта II, Йоркутинская стоянка, Горный Самотнёл-1 и Паром 1. Специфику культуры населения, проживавшего в бронзовом веке восточнее, в районе Сибирских Увалов, демонстрируют такие памятники как Щетнматолор, Пякупур 3, Пяку-то I, Сугмутен-ягун IV и Улова II. Археологические материалы Сургутского Приобья привлечены в качестве фоновых необходимых для соответствующих сопоставлений с материалами приуральской части Западносибирской равнины.

4.2.1. Поселение Ендырское VIII расположено на р. Ендырь, левого притока Нижней Оби, в 71 км к ЮЮВ от г. Нягань в Октябрьском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Река берет начало на холмистых склонах Северососьвинской возвышенности. В ее внутренней петле расположено поселение Ендырское VIII. Оно занимает участок левого коренного берега высотой 3–5 м, заросшего хвойным лесом и покрытом лесной подстилкой из мхов, багульника и хвойного опада.

В 1999–2007 гг. изучалась центральная часть поселения, где заложен раскоп I площадью 473,5 м² (рис. 188). Здесь обнаружены остатки сооружения досейминского времени [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 100–113], жилище и канавка постсейминского периода (атлымская культура) [Кокшаров, 2007, с. 53–62], погребение бронзового (?) века, поселок из 7 жилищ эпохи железа, средневековое жилище и 33 захоронения XIV–XV –

XVI–XVII вв. [Зыков, Кокшаров, 2006, с. 116–117, 119–124; Каменский, 2008, с. 171–172]. В 2009–2010 гг. раскопом II (96 м²) исследована северная часть памятника. Здесь обнаружены разновременные объекты постсейминского времени – остатки сгоревшего наземного сооружения атлымской культуры и яма, на дне которой найдены фрагменты более архаичной фигурно-штампованной керамики, сопоставимой с лозьвинской [Кокшаров и др., 2010, с. 266, ил. 1, б].

Объекты и находки в раскопе I

К *досейминскому* комплексу относятся остатки мастерской и связанные с ней внешние ямы, расположенные за пределами сооружения. До начала раскопок на месте мастерской фиксировалась впадина трапецевидной формы, размером 15 × 12 м, глубиной относительно окружающей поверхности до 0,5 м. Объект был ориентирован длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ. В процессе раскопок выяснилось, что на внешнем валу, окружающем жилище, находились 9 поздних могил и две ямы. Одно из погребений на уч. Н–О/25–26 может быть предположительно связано с жилищным комплексом.

Котлован сооружения (рис. 189) имел подпрямоугольную форму, размер 6,9 × 6 × 0,3 м, ориентирован длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ. В сторону заболоченной поймы реки обращен длинный выход. Он смещен к южному углу дома. Его длина более 1,9 м, а ширина 0,5 м. В пределах котлована прослежены остатки очага, ямки и канавки.

Очаг в виде линзы буро-красной супеси находился в центре помещения. Он подпрямоугольной формы, размером 0,96 × 0,7 × 0,09 м, ориентирован вдоль жилища.

С конструкцией стен связаны ямки и канавки, отмеченные вдоль периметра котлована. Одна из них, имеющая Г-образную форму, повторяет контуры северного угла котлована. Две канавки на уч. К–Л/25 могли возникнуть на месте расположения ступени, ведущей к выходу из постройки. Еще две длинные канавки расположены в северо-восточной половине помещения. Одна из них вытянута от очага до северо-восточной стены. В ее заполнении и рядом найдены 7 фрагментов технологической керамики, связанной с литейным производством. Из других объектов выделяется большое углистое пятно в восточном углу котлована. Расположение ямок, канавок, наличие углистого пятна и почти полное отсутствие находок из камня позволяют предполагать, что в этой половине дома находились либо нары, либо какой-то деревянный помост.

Пол жилища окрашен охрой. Вдоль юго-западной стороны котлована прослежены два пятна охры размером 1 × 0,56 м и 0,55 × 0,17 (?) м.

С постройкой связаны ямы I–III, находящиеся за пределами котлована.

Яма I (рис. 189) имеет прямоугольную форму, размер $1 \times 0,88 \times 0,2$ см, ориентирована по линии СВ–ЮЗ.

Яма II (рис. 189) имеет подпрямоугольную форму, размер $1,24 \times 0,62 \times 0,22$ м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ.

Яма III расположена в 7,5 м к СЗ от жилища, на краю террасы. Она имела в плане каплевидную форму, размер $2,1 \times 1,58 \times 0,76$ м. Стенки, пологие в верхней части, затем круто переходили в корытообразное дно. Яма заполнена желтым песком с включениями угольков и охры. В яме найдены фрагменты керамики и три кварцевых отщепов.

Из жилища и связанных с ним объектов происходят керамика и каменные предметы.

По функциональному назначению керамика разделена на бытовую и технологическую, отдельную группу образует глиняная пластика.

В жилище и на прилегающих к нему участках найдены обломки не менее 10 сосудов *бытового назначения* (рис. 190, 4–15), три из которых представлены венчиками. Обломки от трех сосудов обнаружены в яме III (рис. 191, 1, 3, 6).

Посуда имела баночную форму, плоское или круглое дно (рис. 190, 13; 191, 6). В качестве примеси глиняное тесто содержит обычно шамот, часто в сочетании с белой кварцевой галькой, дробленой каменной крошкой (гранит?) и песком. В некоторых черепках хорошо видны блестки слюды и фракции лимонита. Керамику отличает толстостенность (5–10 мм). Внешние стенки всегда хорошо заглажены и даже залощены, на внутренних чаще встречаются «расчесы» от штампов или грубых шпателей. Ввиду фрагментации находок судить о параметрах посуды сложно.

Керамика декорирована от венчика до дна и относится к числу гребенчато-ямочных комплексов. Орнамент нанесен различными видами гребенчатых штампов – обычными и арочными (рис. 191, 6), – в печатной и шагающей технике (рис. 190, 6; 191, 3, 8, 10), а также концом круглой палочки. Гребенчатые узоры включают не только чередующиеся монотонные пояса вертикальных и горизонтальных отпечатков штампов (рис. 190, 7, 11, 13, 15; 191, 3, 6), но и одно- и многорядовые зигзаги (рис. 190, 4–6; 191, 6), ряды ромбов (рис. 190, 9–10, 15; 191, 1–2), ленты, усложненные иногда ответвлениями от внешних углов (рис. 190, 9, 12, 14; 191, 1); единично отмечены вертикальные колонки и зигзаги (рис. 190, 8; 191, 2) и шахматное заполнение орнаментального поля в зоне под венчиком (рис. 190, 10). Ямки образуют как самостоятельные мотивы — пояса, разделяющие гребенчатые узоры (рис. 190, 4–5, 10, 11, 14; 191, 1), так и комбинированные гребенчато-ямочные узоры. Ямки,

помещенные на углах и внутри геометрических фигур, усложняют их и разнообразят (рис. 190, 9, 12, 15).

В типологическом отношении посуда обнаруживает наибольшие соответствия с керамикой полымьятского и сартыньинского облика.

Завершая рассмотрение комплекса бытовой керамики, следует отметить на факт использования сосудов или их фрагментов в литейном производстве. Стенки от четырех емкостей имеют ошлакованную поверхность (рис. 190, 5–6, 14, 15).

Технологическая керамика представлена обломками трех односторонних литейных форм (рис. 192, 1–3), выполненных из напесоченной глины. От высокой температуры борта емкостей ошлаковались и потрескались. Их отличает толстостенность и массивность днищ. На месте перехода стенок ко дну отмечаются своеобразные перехваты. Судя по графическим реконструкциям, в коллекции представлены литейные формы двух типов. Они позволяют установить облик и параметры получаемых отливок.

В формах первого типа (рис. 120, 5; 192, 1) изготавливались бруски с округлыми концами, имевшие подпрямоугольную форму в поперечном сечении. Длина, ширина и толщина предметов составляли $50 (?) \times 17 \times 14$ мм.

В формах второго типа (рис. 120, 8; 192, 2) получали заготовки плоских тесел в виде равнобедренных трапеций. Длина оснований отливок 42 и 70 (?) мм, высота 60 (?) мм, толщина 15 мм. Фрагмент бортика от еще одной подобной формы (рис. 120, 7; 192, 3) позволяет говорить, что толщина изделия также не превышала 1,5 см.

С пола жилища происходят 3 *глиняные палочки*, обломанные с одного из концов (рис. 190, 1–3). Они имеют овальное сечение и размеры от 12×9 мм до 15×12 мм. Примеси в глине неразличимы. Судя по закругленности одного из концов, палочки могли быть обломанными конечностями скульптуры (?).

Коллекция *каменных предметов*, связанная с мастерской, насчитывает 143 предмета. Она разделена на три комплекса: первый происходит из котлована сооружения, второй локализован к северо-западу от первого и образует производственную площадку, третий комплекс включает находки из межжилищного пространства (*табл. 10*).

Первый комплекс (97) включает орудия и продукты первичного расщепления камня (нуклеусы и отщепы). Материал концентрируется у северо-западной стенки котлована и южнее очага в направлении выхода. Находки в юго-восточной части сооружения и у противоположной от входа северо-восточной стены единичны.

Орудия (6) представлены наковальней, острями, теслом, шлифованным изделием и шлифовальной плитой.

Наковальня (рис. 192, 4) выполнена из кварцевой гальки округлой формы размером $66 \times 81 \times 57$ мм. Рабочие зоны выражены в виде участков интенсивной забитости с конусовидными выбоинами на плоскости и боковой стороне. Помимо этого, со второй широкой плоскости гальки производилось ее расщепление. Ударными площадками служили боковые стороны без какой-либо подработки. Направление скалывания – радиальное, к центру.

Острия (2) из кварцевых отщепов (рис. 193, 2–3). Размер орудий $21 \times 10 \times 9$ мм и $29 \times 16 \times 12$ мм. Рабочие части сформированы на нижних концах заготовок в процессе использования. В одном случае жало сверла симметричное, в другом – асимметричное. Глубина проникновения в обрабатываемый материал 5 и 10 мм, ограничена небольшими плечиками. Орудия использовались для ремонта керамической посуды.

Тесло изготовлено из первичного кварцевого отщепа (рис. 194, 8) размером $65 \times 41 \times 22$ мм. Обушковая часть орудия подтреугольная, оформлена сколами. Продольные края изделия у лезвия обработаны пикетажем для придания лезвийной части округлой формы. Край, служивший лезвием, не подрабатывался. Он имеет угол заострения 45° , образованный при скалывании отщепа. Судя по следам износа на аккомодационной части, орудие крепилось в рукояти не менее чем на 35 мм. Инструмент использовался при обработке дерева.

Шлифовальная плита из кварца лежала в юго-восточной половине котлована, ближе к его южному углу. Размер предмета $250 \times 240 \times 100$ мм. На плоской лицевой поверхности имелись параллельные бороздки – следы сработанности.

Шлифованное изделие представлено небольшой фрагментированной галькой кремнистой породы темно-серого цвета размером $24 \times 22 \times 10$ мм. Возможно, данный предмет является абразивным инструментом.

Технику первичного расщепления характеризуют преформы, нуклевидные куски и нуклеусы. Преформы (9) выполнены из кварцевых галек (рис. 194, 6–7). Размеры изделий $16 \times 20 \times 12$ – $34 \times 20 \times 25$ мм. На четырех предметах боковыми сколами подготовлена плоскость ударной площадки. С одного экземпляра производилось продольное расщепление без оформления площадки. Еще у четырех предметов ударная площадка сформирована одним боковым сколом, и затем контрударным способом осуществлено снятие нескольких продольных сколов с приоритетом по боковому краю гальки. Нуклевидный кусок представлен кварцевой галькой подпрямоугольной формы размером 37

× 44 × 27 мм. Ее расщепление производилось по короткой оси предмета контрударным способом. Ударная площадка прямая, оформлена сколами с контрфронта. Еще одна нуклевидная форма – кремнистое изделие подконусовидной формы размером 15 × 10 × 9 мм. Скалывание заготовок производилось по длинной оси контрударным способом без оформления ударной площадки.

Нуклеусы (5) выполнены из кварцевых галек (рис. 193, 22; 194, 2, 5). Их размеры от 23 × 19 × 14 до 53 × 40 × 20 мм. Изделия представлены фронтально-торцевыми и плоскостными формами с одной ударной площадкой. Угол наклона к поверхности расщепления от 45°–50° до 75°–80°. Площадки естественные или подработаны сколами. Расщепление проводилось контрударным способом, основания нуклеусов сильно забиты или вовсе разбиты. Техническим приемом подготовки ядрищ к расщеплению являлось формирование продольного ребра и уплощение контрфронта ядрищ боковыми снятиями. Три ядрища могут быть охарактеризованы как остаточные. Один нуклеус был использован в работе в качестве скобеля по дереву (рис. 193, 22).

С жилищем связаны 3 кремнистые гальки, расколотые контрударом вдоль длинной оси, и 3 целые гальки. По размерам предметы соотносятся с группой преформ. Технические сколы представлены продольным и ребристым (рис. 194, 1) отщепами.

Из жилища происходят 67 отщепов (рис. 193, 6–19; 194, 3–4), из них 57 кварцевых, остальные из кремнистых, гнейсовых, кварцитовых и опоквидных пород. Большинство изделий получено контрударным расщеплением. Размеры кварцевых отщепов от 6 × 8 × 2 до 43 × 28 × 10 мм. По форме преобладают подпрямоугольные изделия (32). Среди отщепов выделены первичные (10) и вторичные (4). Шесть сколов происходят с ударной площадки: они получены при первоначальном оформлении (2) и подправке ядрищ (4). На четырех заготовках зафиксированы следы работы. Отщепы без оформленных рабочих частей использовались в качестве раскроечного ножа (рис. 193, 6), скобеля по дереву (рис. 193, 7), долота по дереву (рис. 193, 8) и скребка по шкуре (рис. 193, 9).

Второй комплекс (9) включает одно орудие – боковой *скребок* на кварцевом отщепе контрударного снятия (рис. 193, 1), его размер 21 × 20 × 6 мм. Негатив ударной площадки и основание заготовки покрыты коркой. Лезвие орудия оформлено крутой ретушью со спинки. Инструмент использовался для обработки шкур.

Поперечный скол с кварцевого нуклеуса имеет размер 20 × 18 × 21 мм. Его спинка, ранее служившая ударной площадкой, естественная, покрыта коркой. На двух третях периметра скола прослеживаются негативы снятий. Скол снят контрударом с контрфронта ядрища с целью подживления ударной площадки.

Пластинчатый скол зеленовато-серой кремнистой породы получен в контрударной технике. Отщеп полупервичный размером $31 \times 13 \times 5$ мм.

В этом комплексе представлены *отщепы* из кварца (3) и из кремнистых пород (3). Два кварцевых предмета составляли одну заготовку, фрагментированную ударом по центру со спинки. На одном из кремнистых отщепов размером $13 \times 13 \times 6$ мм, на углу у нижнего края заготовки, фиксируется ретушированный участок длиной 4 мм. Ретушь мелкая, краевая со спинки. Ни на одном из отщепов не выявлено следов сработанности.

В третьем комплексе (37) имеются орудия, нуклеусы и отщепы.

Отбойник из кварцевой гальки имеет размер $59 \times 50 \times 35$ мм. Рабочие зоны расположены по его периметру. Сработанность интенсивная: при ударах скалывались отщепы, что привело к потере галечной корки на одной плоскости. На другой плоскости также имеются негативы сколов у торцевых краев заготовки. На стороне с еще сохранившейся коркой, на возвышенном участке плоскости, фиксируются конусовидные выбоины, указывающие на использование данного предмета в качестве наковальни.

Орудие на пластинчатом кварцевом сколе (рис. 193, 4). Для него использована подпрямоугольная заготовка размером $26 \times 16 \times 9$ мм, треугольного сечения, являющаяся сколом второго снятия (на одной грани галечная корка). По боковым сторонам со спинки скол обработан крутой ретушью, кромка имеет зубчатые очертания. Под микроскопом на кромке прослеживаются мелкие сколы, не образующие ступенчатого рельефа, стертость выступающих участков и диагональная направленность износа. По-видимому, предмет использовался в качестве скобеля по дереву.

Отщеп с ретушью (рис. 193, 5) – подовальный в плане скол кливажа темно-серой кремнистой породы размером $24 \times 25 \times 2$ мм. Спинка покрыта коркой ожелезнения. Две трети периметра отщепа обработаны отвесными и крутыми сколами. На ретушированном лезвии фиксируется износ в виде скругленности, завальцованности и гофрированности отдельных участков кромочной линии, блеск матовый. Направленность сработанности перпендикулярно-диагональная. Скребок использовался для обработки шкур.

Долотовидное орудие (рис. 193, 20) на кварцевом отщепе контрударного снятия подпрямоугольной формы размером $36 \times 32 \times 10$ мм. Нижний край заготовки подработан со спинки перпендикулярными уплощающими сколами. Со стороны бруска рабочий край имеет естественный желобчатый профиль. На рабочем лезвии фиксируется забитость кромочной линии. Мелкие сколы, идущие на плоскость, не образуют многоступенчатого рельефа. Скорее всего, орудие использовалось для обработки дерева.

Сверло (рис. 193, 21) изготовлено из остаточного нуклеуса. Рабочая зона инструмента охватывает основание ядрища, боковые грани и ребра заготовки. Фиксируется концентрическая направленность износа, глубина проникновения в обрабатываемый материал составляет более 30 мм. Минимальный диаметр сверла 12 мм, максимальный – 35 мм. Орудие использовалось для сверления кости с абразивной подсыпкой в процессе работы. Сам нуклеус-заготовка кварцевый, плоский (монофронт), подтреугольной в плане формы, размером 53 × 40 × 20 мм. Площадка не оформлена и не подрабатывалась сколами. Угол между поверхностью расщепления и плоскостью, служившей ударной площадкой, составляет 45°. Скалывание заготовок проводилось в контрударной технике расщепления.

Концевой *скребок* на кварцевом отщепе подпрямоугольной формы размером 47 × 33 × 12 мм. Лезвие округлое, оформлено крутой ретушью со спинки. Той же ретушью подработана одна боковая сторона заготовки. Он использовался для обработки шкур.

Разделочный *нож* изготовлен из кварцевого отщепы подтрапещевидной формы, сколотого контрударным способом. Режущим краем служила одна из продольных сторон заготовки. Микроретушь утилизации фиксируется на кромке в виде полукрутых и пологих краевых фасеток.

Абразивный инструмент представлен шлифовальником из куса мелкозернистой песчаниковой породы сланцевидной структуры, его размер 80 × 64 × 28 мм. Абразив имеет подпрямоугольную форму и две противоположные рабочие плоскости. По характеру износа он мог использоваться для заточки металлических инструментов.

Особенности расщепления камня демонстрируют два *ядрища*.

Одно представлено кварцевым нуклеусом контрударного расщепления размером 45 × 40 × 22 мм. Заготовкой послужила галька. Поверхность скалывания фронтальная. Ударная площадка скошена к контрфронт и подработана сколами от фронта скалывания. Основание забито. Судя по негативам, с ядрища получали заготовки удлиненных пластинчатых очертаний или подовальные отщепы.

Второе ядрище имеет конусовидную форму и размер 30 × 33 × 17 мм. Оно выполнено из куса розового кремня. Фронт скалывания расположен на торце, ударная площадка прямая, подработана сколами. Скорее всего, это остаточный нуклеус. Забитость основания свидетельствует о попытке максимально утилизировать изделие из данного типа сырья.

Сколы-заготовки (отщепы) представлены изделиями из кварца (15) и кремнистых пород (12). Кварцевые отщепы получены в контрударной технике скола, их размеры 16 × 10 × 4 – 49 × 47 × 17 мм. Среди них имеется пластинчатый скол размером 40 × 11 × 9 мм с подтреугольным сечением и прямым профилем. Кремнистые отщепы получены как в

ударной, так и в контрударной технике скола. Их размеры $15 \times 11 \times 3 - 35 \times 30 \times 9$ мм. Форма изделий преимущественно подпрямоугольная.

Кроме того, в межжилищном пространстве найдены две мелкие уплощенные кремнистые галечки без следов использования.

Комплекс *постсейминского* времени (атлымская культура) включает два объекта. Это остатки жилища и фрагмент канавки.

Остатки атлымского *жилища* до раскопок не прослеживались. В ходе раскопок выяснилось, что впоследствии на его месте было выстроен дом раннего железного века, пол которого был выше на 5–10 см [Зыков, 2003]. Постройка бронзового века была наземной, углублена в погребенную почву на 10 см (рис. 195). В плане она имела прямоугольную форму размер $5,2 \times 3,35$ м, длинными стенами ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Следы выхода из сооружения не прослеживались.

В центральной части сооружения зафиксировано бурое пятно размером $1,38 \times 1 \times 0,04$ м. Неоднократно замечено, что подобные объекты возникают на месте расположения открытых кострищ [Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 117; Борзунов, Чемякин, 1995, с. 188].

Канавка, обнаруженная на уч. А`–А/8–10, находилась ниже очертаний другого жилища железного века [Зыков, 2004] и имела Г-образную форму (рис. 196). Ширина канавы до 1,02 м, глубина до 0,4 м. Внешние северная и западная стенки были отвесными, внутренняя и торцевая – довольно пологие. Ее назначение неясно. Возможно, это фрагмент оборонительного рва, окружавшего большое укрепленное жилище.

Основная часть находок сосредоточена в раскопанном жилище (фрагменты и развалы 18 сосудов, обломки двух тиглей, три капли металла и единичные изделия из камня). Посуда, найденная вне жилища, не образует скоплений и фрагментирована.

Керамика разделена по назначению на бытовую (30) и производственную (2). Она представлена горшками с круглым и плоским дном, которые выделены по 25 венчикам и 5 стенкам, а также фрагментам двух индивидуальных емкостей. Горшки имеют прямые шейки (11) или дуговидные (14). Последние, в свою очередь, можно разделить на слабо и сильно выгнутые (соотв. 5 и 9). В основании шеек, на месте перехода к плечу, неоднократно зафиксированы либо уступы (рис. 197, 2, 5; 198, 5), либо неглубокие бороздки и желобки (рис. 197, 1, 4; 198, 3, 8). В одном случае отмечен наклепной валик, закрепленный на подготовленной заранее канавке (рис. 198, 2).

Представление о коллекции дают графические реконструкции сосудов (рис. 197–199). У 12 экземпляров замерены диаметр по венчику (показатель варьирует от 14,4 до 30,5 см) и у пяти – высота. У четырех экземпляров первый показатель превышает второй, что делает посуду приземистой. Наряду с емкостями средних и крупных размеров встречены фрагменты от двух малых сосудов (рис. 199, 3).

Почти треть посуды ремонтировалась: на шейках и стенках видны сквозные отверстия. Перфорация велась обычно по ямкам, где толщина стенок была минимальной. Кроме того, встречено плоское днище со сквозными отверстиями, сделанными по сырой глине концом круглой палочки. Сломанная посуда не выбрасывалась, а собиралась в раскопанном сооружении, где использовалась вторично. На днищах 5 сосудов отмечены от 1 до 3 глубоких пропилов, возникших в результате заточки (?) каких-то длинных узких предметов (рис. 197, 4а; 198, 10а). Некоторые пропилов сквозные. Судя по характерным следам сработанности, отдельные черепки использовались в качестве скребков. Часть фрагментов ошлакована.

Керамика тонкостенная (4–5 мм) и тщательно залощена. В глину добавлялись песок, измельченная каменная крошка (гранит?), которая встречается в сочетании с шамотом и песком. У 6 сосудов примеси визуально неразличимы.

Внешняя поверхность сосудов покрыта орнаментом, выполненным фигурными штампами в виде косоугольного, редко – прямого креста, змейки и гребенки. Узоры разрежены поясками из ямок, образующих на внутренней стороне выступы – «жемчужины». Из особенностей можно отметить узоры, нанесенные крестовым штампом в технике отступания (рис. 198, 8–9), а также сбой при нанесении орнамента, когда мастер неожиданно перешел от печатной гребенки к технике шагающей гребенки (рис. 197, 4).

Орнаментальные композиции состоят из трех зон, выделенных и морфологически. Это шейка, плечики с туловом и придонная часть. Границы между зонами разделяются также поясками ямок. Несмотря на использование сходных по форме фигурных штампов при украшении всей посуды, обращают на себя внимание различия в выборе используемых инструментов, их сочетании и наборе узоров. Как это ни странно, но морфологически разная посуда – горшки с прямыми и слабо выгнутыми шейками – обнаруживает между собой большее сходство по декору, чем посуда однотипная, скажем с дугообразным оформлением шеек. Таким образом, можно вести речь о двух группах керамики, различающихся между собой по орнаменту.

На посуде первой группы наблюдается довольно стандартное заполнение орнаментального поля на шейках, плечиках и значительной части тулова. Границы между

этими зонами часто маркируются цепочками ямок. Здесь наблюдаются 1–4-рядовые пояски крестовых отпечатков, перемежающиеся с рядами ямок (рис. 197, 4, 7) и оттисками креста, расположенными в шахматном порядке и образующими зигзаги или ромбы (рис. 197, 1; 198, 2–4, 7, 8, 10; 199, 7–8, 10–11). Поверх плотных крестовых узоров нанесены пояски ямок. В придонной части имеются один-три ряда наклонных отпечатков гребенки, разделенных поясками ямок (рис. 197, 1, 4; 198, 8, 10). В одном случае гребенчатый штамп заменен крестовым (рис. 197, 7), и единично встречены оттиски змейки (рис. 199, 11).

Особенности декора *второй группы* керамики проявляются в применении штампа, оставившего на поверхности оттиск в виде размытой волны, который часто именуется в литературе струйчатым. Орнамент на посуде подчинен горизонтальной зональности. На шейке выделяется зона под венчиком в виде пояска наклонных отпечатков змейки или гребенки. Средняя часть шейки занята поясками крестовых отпечатков, расположенных в шахматном порядке, которые образуют простые и сложные зигзаги (рис. 197, 2–3; 199, 4, 9), ромбы (рис. 197, 5; 199, 2) или имитируют сетку (рис. 199, 9). Лишь в одном случае на шейке встречен узор в виде плетенки (рис. 199, 6). Эти мотивы ограничены снизу и сверху одной-двумя горизонтальными линиями гребенчатого или струйчатого штампов, поверх которых нередко нанесены пояски ямок (рис. 197, 2–3, 5; 199, 2, 4, 6, 9).

На плечиках и тулове повторяются узоры, характерные для срединной части шеек. Это центральная зона сосудов и внимание к ней приковывают чередующиеся пояса зигзагов (рис. 199, 4), ромбов (рис. 197, 5), разнонаклонных отпечатков штампов. Пояса разграничены горизонтальными линиями и воспринимаются как нарядные ленты (рис. 199, 2, 4, 9). На плечике одного сосуда сохранился фрагмент зигзага со ступенчатыми ответвлениями от него в стороны, которые именуются обычно меандроидными узорами (рис. 198, 6). Придонная орнаментальная зона резко отличается от рассмотренных выше елочкообразным декором, который представляет собой разнонаклонные отпечатки струйчатого и гребенчатого штампов (рис. 197, 5; 199, 4).

В коллекции выделяется инокультурный плоскодонный горшок, отличающийся от остальных орнаментом (рис. 199, 5). Его диаметр по венчику 15 см, высота – 13,8 см. Как и прочие, сосуд вылеплен из хорошо отмученной глины без видимых примесей, толщина его стенок 3,5–4 мм. Внутренние и внешние стенки горшка покрыты нагаром.

Декор нанесен гребенчатым штампом и концом круглой палочки. Орнаментальная композиция также подчинена морфологическим особенностям сосуда и делится на три зоны. Первая размещена на шейке, вторая – на плечиках и третья – в нижней части тулова и придонной части. На шейке, под обрезом венчика, помещен поясок из наклонных

отпечатков штампа, ниже – два горизонтальных пояска гребенки, перекрытые пояском ямок. Между ним и основанием шейки, где находятся три горизонтальных пояска гребенчатого штампа, имеется горизонтальный зигзаг. На плечике выделяются два зигзага с симметричными ответвлениями от их вершин. Негатив орнаментального поля, заключенный между зигзагами и их ответвлениями, представляет собой меандр, известный по декоративному творчеству таежных угров и самодийских народов северо-запада Сибири под названиями «уши зайца» и «щучьи зубы» [Кокшаров, Ермакова, 1992, с. 15]. Орнамент придонной зоны очень разрежен – два пояска наклонных отпечатков гребенки и столько же горизонтальных цепочек ямок. Зона отделена от предшествующей тремя гребенчатыми горизонтальными линиями.

Производственная керамика представлена обломками двух тиглей. Для них была подготовлена глина с большим содержанием песка. Плоский край одной из них украшен отпечатками гладкого штампа. К сожалению, имеющиеся фрагменты слишком малы, чтобы можно было говорить о форме и параметрах предметов. На занятие литейным делом указывают фрагмент ошлакованной керамики и три капли металла, найденные в очаге и на полу постройки. Спектральный анализ металла показывает повышенное содержание в нем мышьяка и серебра, в одном из образцов отмечена примесь сурьмы (*табл. 12*).

Изделия из камня. В пределах сооружения найдено 7 каменных предметов. Однако не все они могут быть с полной уверенностью связаны с изученным объектом. Это обусловлено близостью расположения к изученному объекту ранних сооружений, из-за чего нельзя исключить попадания посторонних находок в интересующий нас объект. Таким образом, к рассмотренному керамическому комплексу уверенно можно отнести три двусторонне обработанных орудия и два каменных бруска.

Двусторонне обработанные орудия. Одно из них (рис. 200, 3) выполнено из светло-коричневой кремнистой породы. Форма изделия подтреугольная, слегка асимметричная. Размер предмета $46 \times 24 \times 6$ мм. Тело орудия обработано встречной уплощающей ретушью. На узкой торцевой стороне крутой ретушью со спинки оформлено лезвие скребка. Форма рабочего края прямая. На кромке даже визуально фиксируется интенсивный износ. Скорее всего, орудие использовалось в рукоятке, для чего обе продольные стороны были притуплены с брюшка краевой ретушью. Другое орудие (рис. 200, 1) изготовлено из серой кремнистой породы. Форма изделия в плане иволистная, конец пера слегка асимметричен, размер $62 \times 18 \times 5$ мм. Тело предмета обработано встречной уплощающей ретушью. Вероятно, орудие использовалось в качестве ножа, для чего боковые его стороны были притуплены противоположащей краевой ретушью. Со стороны насада оформление

выполнено притуплением торцевой кромки на одну сторону. Третий предмет – фрагмент тела наконечника стрелы размером $16 \times 15 \times 6$ мм. Он имеет линзовидную форму в поперечном сечении, поверхность обработана встречной уплощающей ретушью.

Каменные бруски сохранились в обломках. Оба выполнены шлифовкой из мягких пород камня и имеют подпрямоугольную форму в плане и поперечном сечении (рис. 200, 2, 4). У одного бруска, изготовленного из породы красно-коричневого цвета, на широкой плоскости у торцов сохранились неглубокие поперечные пропилены, его размер – $74 \times 25 \times 7,5$ мм. Для другого бруска была выбрана зернистая порода с включениями пирита. Размер обломка $39 \times 34 \times 10$ мм.

Объекты и находки в раскопе II

Они представлены остатками сгоревшего наземного сооружения атлымской культуры, и ямой, со дна которой происходит керамика с фигурно-штампованной орнаментацией более раннего облика.

Остатки сооружения (рис. 201) не проявлялись на поверхности. В процессе раскопок его заполнение определялось по желтому переотложенному песку с мелкими угольками.

На линии уч. О/53–54 хорошо проявились горелые деревянные конструкции, наслаивавшиеся друг на друга. Выяснилось, что они образуют настил прямоугольной формы, ориентированный по сторонам света. Восточная и южная часть настила выходят за пределы раскопа, поэтому его полные размеры не установлены. Размер видимой части объекта $2,3 \times 1,26$ м. Это мог быть навес или легкое каркасное сооружение. С ним связаны фрагменты 7–8 атлымских сосудов (рис. 202, 2–13).

Яма III (рис. 201) прослежена в 0,8 м к ЗЮЗ от угла сгоревшего сооружения. До раскопок объект представлял собой углубление диаметром $\sim 3,5$ м, глубиной 0,4 м. Южная граница ямы определялась по ржавым затекам ортзанда, переходившим в средней части в современный подзол, а северная – по серо-коричневой супеси, насыщенной угольками. Яма овальной формы, ориентирована по линии ЗВ, ее размер $1,35 \times 1,13 \times 1,05$ м. На дне найден венчик баночного (?) сосуда, украшенного штампами в виде креста и змейки (рис. 202, 10), который можно отнести к числу поздней гребенчато-ямочной керамики (барсовский или лозьвинский тип).

4.2.2. Поселение Низямы VIII расположено около д. Низямы, на правом берегу Обь, в 200–210 м вверх по течению от строительной площадки, в Октябрьском районе

ХМАО–Югры Тюменской области [Морозов, 1985, с. 4; Он же, 1995, с. 23, 25]. Двумя раскопами здесь изучены остатки двух жилищ.

Жилище 1 (рис. 182, 1; 203) имело подпрямоугольный котлован размером $7,2 \times 6,4 \times 0,2$ м, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. Внутри котлована отмечена канавка шириной 0,2–0,8 м, глубиной 0,2–0,3 м.

Кроме того, в жилище находились остатки двух кострищ, располагавшихся по его длинной оси. Одно из них каплевидной в плане формы размером $2 \times 1,8 \times 0,1$ м. Почти по всему периметру оно окружено канавкой. Другое кострище аморфной в плане формы размером $2,5 \times 1$ м, по южной и северной границам его очертаний отмечены неглубокие ямки. Основная масса вещевого материала сосредоточена вдоль длинной оси жилища, вокруг очагов.

Жилище 2 (рис. 182, 2; 203) имело котлован подпрямоугольной формы размером $8,4 \times 5,2 \times 0,2$ м, ориентированный по линии ЗВ. По внутреннему периметру котлована фиксируется канавка шириной 0,1–0,5 м. Она прерывалась лишь в восточной, узкой, части, где располагался выход. В центре помещения имелось обширное понижение, где обнаружены остатки очага-кострища в виде пятна бурой супеси неправильной формы размером $1,3 \times 0,8 \times 0,1$ м. В его заполнении встречены угли, косточки и колотый кварц. С восточной стороны к очагу примыкала канавка и очажный выброс. Основная масса находок сконцентрирована в пониженной части котлована.

С поселения происходит коллекция находок, представленных керамической посудой, изделиями из того же материала и каменным инвентарем.

По венчикам выделено ~55 сосудов, 32 из которых включены в обработку. Это слабопрофилированные горшки (14) (рис. 204, 4, 7–8; 205, 1, 4, 6, 9, 11; 206, 2, 4, 8, 11, 13; 207, 1, 4, 10–11, 17; 208, 5), низкие чаши (9) (рис. 204, 1; 205, 8; 206, 1, 5, 7, 16; 207, 5–6; 208, 6–7), закрытые банки (3) (рис. 204, 2, 5; 205, 3, 5; 206, 6, 9, 12; 207, 15, 18–21; 208, 2) и фрагменты двух ладьевидных сосудов (рис. 206, 3). У 22 экземпляров замерены диаметры устья, у 13 – высота. Самый большой сосуд – чашевидный, его диаметр по венчику достигает 38 см (рис. 205, 3–3А). В числа самых маленьких обращает на себя внимание ладьевидная емкость с параметрами устья $5,9 \times 4,2$ (?) см (рис. 204, 4). Среднее значение диаметра по венчику составляет 17 см. Венчики во многих случаях плоские, часто деформированы отпечатками штампов. Стенки сосудов хорошо заглажены и нередко залощены, их толщина 3–10 мм. В глине отмечен шамот в сочетании с песком и лимонитом.

Орнамент выполнен глиняными штампами и концом круглой палочки. Среди первых преобладают гребенчатые – 34,1% и штампы с нечеткой рабочей поверхностью –

18,6% (рис. 204, 2; 205, 8; 206, 3, 16; 207, 2, 4, 8, 11, 15, 18–19), фигурные штампы в виде змейки составляют 11,5% и ямки – 16%. Гребенчатые орнаменты различаются нарезкой зубцов: она может быть обычной прямой (рис. 204, 1, 5, 8; 205, 6, 9; 206, 4–5, 10; 207, 5; 208, 2, 5), косой (рис. 204, 8; 205, 1, 11; 206, 14), ромбической и даже в виде взаимопроникающих треугольников (рис. 205, 3; 207, 20).

Декор покрывает сплошь все боковые стенки сосудов, отмечен с внутренней стороны стенок на венчиках и на дне. Закономерности в расположении узоров выражены слабо, тем не менее выделяется зона под венчиком, ниже которой следует пояс из ямок. Орнамент на тулове монотонен и воспринимается как одна большая зона.

Зона под венчиком занята рядами наклонных и вертикальных отпечатков штампов или как пояски из 1–3 горизонтальных линий. В одном случае отмечены чередующиеся наклонные колонки. На горшках орнамент локализован в основании шеек. Здесь наблюдаются исключительно переменные узоры из ямок. Они образуют пояса (рис. 204, 1–3; 205, 4, 9; 206, 8; 207, 5, 12; 208, 6), зигзаги (рис. 205, 7), розетки (рис. 204, 4, 6, 8; 205, 1, 5–6; 206, 1, 4, 6–7, 9, 11–14; 207, 1–2, 4, 10–11, 13–14, 16–20; 208, 2–3) и, единично, «жемчужины» (рис. 206, 5). На тулове доминируют монотонные мотивы, однообразие которых скрашено ритмично чередующимися поясками из отпечатков гребенчатых и иных штампов. Здесь почти не встречаются геометрические фигуры и пояски ямок, а вертикальное зонирование отмечено единично (рис. 204, 5). На днищах размещены крестовидные розетки и параллельные линии (рис. 204, 1А; 205, 2, 8А; 206, 1А, 3А).

С поселения происходит представительная коллекция *каменного инвентаря*. Он обработан отдельно по двум раскопам и может быть соотнесен с каждым из жилищ (табл. 8). Инвентарь распределен следующим образом: раскоп I – 142 ед., раскоп II – 242.

В раскопе I предметы из кварца составляют почти 50%. Из других пород отмечены кремь, сланцы, змеевик, песчаник и лимонит. Коллекцию можно разделить на два отдела: отходы, заготовки и орудия, которые составляют (соотв., 100 и 42).

Первый отдел представлен крупными и средними отщепами, составляющих более половины находок (65), расколотыми гальками и кусками камня (23), пластинами неправильного ограничения (7), нуклевидными кусками (2) и сколами с нуклеусов (3).

Во втором отделе выделяются орудия на отщепах (скребок, скобель, долотовидные орудия, отщепы со следами утилизации), на гальках, плитках и кусках камня (долотовидные орудия, шлифовальные плиты, наковальни, отбойники, рыболовческий инвентарь) и лишь одно орудие на пластине.

Скребок (рис. 209, 2) на подтреугольном отщепе черного кремня. Один край оформлен крутой скребковой ретушью со спинки, а второй – встречной плоской ретушью.

Долотовидные орудия (6 экз.) включают изделия типа *pieces ecaillees* и шлифованные предметы. Первые (рис. 209, 9) выполнены из кварца (2) и кремня (1), имеют подтреугольную или подквадратную форму. Они снабжены одним лезвием, подработанным встречной плоской ретушью или подтеской. У одного из них тем же способом обработана одна боковая сторона. Размеры варьируют от 23 × 19 до 49 × 36 мм.

Шлифованные орудия на плитках змеевика включают три экземпляра: два в обломках и один целый. Обломки представлены обушковыми частями рубящих (?) орудий. Одно имело подчетыреугольное, другое подшестиугольное сечение со скругленными кромками, изготовлены путем распиловки и последующей шлифовки. Целое орудие (топор) имеет подчетыреугольную форму (рис. 210, 2), в сечении – шестигранное, лезвие прямое. В профиле предмет симметричный размером 7 × 35 × 19 мм. К этой группе отнесена заготовка долотовидного орудия из серо-зеленой сланцевой породы, обработанная грубыми сколами. Она имеет подпрямоугольную форму, ее длина 140 мм.

Шлифовальные плитки представлены в обломках.

Пилы (4 экз.) выполнены из плиток гранита (?), имеют подчетыреугольную или треугольную форму и обработанные оббивкой края. У самого крупного предмета оббивкой подработаны два края. Кроме того, на одной из плоскостей видны следы пришлифовки. Размеры орудий 104 × 52 × 13 мм и 220 × 120 × 18 мм.

Пластина с ретушью (рис. 209, 5) выполнена из халцедона. Один ее край обработан приостряющей ретушью, нанесенной с брюшка.

В *раскопе II* кварцевые предметы составляют 80,6% от общего количества каменного инвентаря. Коллекция разделена на два отдела: отходы, заготовки и орудия (*табл. 8*). Первый отдел представлен средними и крупными отщепами (189 экз.), расколотыми гальками и кусками камня (9), нуклеусом и нуклевидными кусками (11), пластинами неправильного ограничения (4). Второй отдел включает изделия на отщепах (скребки, скобели, остря, часть долотовидных орудий), плитках и кусках камня (оселки, шлифовальные плитки, долотовидные орудия и др.).

На отщепах выполнены скребки, скобели, остря, часть долотовидных орудий типа *pieces ecaillees*.

Из *скребков* три кварцевых (рис. 209, 3) и один из серого кремня (рис. 209, 1). Три предмета имеют выраженную подтреугольную форму, один – подчетыреугольную.

Кремневое изделие имеет округлое лезвие, обработано крутой ретушью со спинки и плоской подтеской с бруска, по бокам расположена встречная плоская ретушь. Размеры скребка: длина 40 мм, ширина лезвия 2,5 мм и толщина до 8 мм. Другие орудия отличаются от него массивностью.

Долотовидные орудия (рис. 209, 6–7) изготовлены на отщепах и плитках. Первые представлены изделиями типа *pieces esaillees* из кварца. Все имеют подпрямоугольную форму и обработанное подтеской основание. Размеры не превышают 27 × 23 × 8 мм. Вторые включают два шлифованных предмета, один из которых имеет сколотые обухок и лезвие. Целый предмет – тесло изготовлен из антофиллита, имеет подпрямоугольную форму и округлое лезвие (рис. 210, 1). В поперечном сечении орудие подквадратное со скругленными кромками. Несмотря на шлифовку, на одной из боковых граней заметен распил. Размеры орудия 125 × 33 × 3 мм. Другой предмет (рис. 210, 5) был изготовлен из серо-зеленой сланцевой породы, имел подпрямоугольную в плане форму, в продольном профиле – клиновидный. На боковой грани отмечены следы пиления. После выхода из употребления обломок использовался в качестве отбойника.

Грузила (2 экз.). Одно из них представляет предмет каплевидной формы с двумя пазами, пропиленными на противоположных сторонах (рис. 210, 3) и расположенных под углом к длинной оси изделия. На обратных по отношению к пазам сторонах есть неглубокие выточки. В одном пропиле, расположенном в узкой части предмета, застыл кусочек черного смолистого вещества. Изделие можно рассматривать в качестве утяжелителя к составным рыболовным крючкам. Другое грузило являлось утяжелителем для рыболовной сети. Это галька с характерными выемками на противоположных боковых кромках.

Штампы - пинтадеры. Орнаменты отличаются разнообразием форм. Одни из них круглые (рис. 211, 7), другие приближаются по форме к эллипсам (рис. 211, 8). Часть предметов снабжена отверстием для подвешивания. Орудия служили для нанесения узоров в виде одно- и двухрядовых зигзагов (змеек) и ромбической сетки.

Среди находок выделяется *скульптура млекопитающего*, вероятно, северного оленя. Находка неоднократно публиковалась [Зыков и др., 1994, с. 74, 128, кат. № 20; Морозов, 1995, с. 23, рис. на с. 130; Кокшаров, 2006А, фото; Он же, 2012А, с. 138–140, рис. 1].

Изделие (рис. 212) выполнено из обожженной глины, в которой заметны блестки слюды. Размер фигурки 99 × 38 × 24 мм. Еще в древности были утрачены передние и задняя левая конечности, левое ухо и необычно толстый хвост. Несмотря на это, хорошо видно, что устойчивость скульптуре придавали широко расставленные ноги (рис. 1В). Функцию

дополнительного упора и одновременно противовеса (?) мог выполнять и утерянный хвост, иначе трудно объяснить его массивность.

Голова зверя плавно расширяется от приостренной морды в направлении шеи (рис. 212, *В*), переходя в верхней части в пологий лоб и треугольное прижатое (?) ухо (рис. 212, *А*). В профиле искусно проработаны слегка свисающая нижняя губа и изгиб нижней челюсти. Она четко отделена от вытянутой вперед овальной в поперечном сечении шеи (рис. 212, *А*, *Г*). Пасть специально не проработана. Пустота, возникшая в месте расположения правого глаза от попавшего в глину обрубка органики (ветки или травы), который выгорел при обжиге, создает впечатление, что древний мастер (намеренно?!) изобразил животное с одним глазом (рис. 212, *А*, *В*).

Переход шеи к спине оформлен уступом, который можно трактовать как холку. Линия спины слабовыгнутая до начала «хвоста». Она была обжата при лепке пальцами таким образом, чтобы передать выступающий позвоночный столб (рис. 212, *Б*). Эта деталь, а также вытянутая шея и устремленная вперед приостренная морда подчеркивают стройность воспроизведенного животного. Сохранившаяся задняя нога не подогнута и не сложена под брюхам, как это характерно для многочисленных изображений копытных, датируемых скифском временем [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, ill. 16, 20, 23 и др.]. Однако она и не перпендикулярна туловищу, а слегка заведена под живот, то есть расположена под небольшим углом к корпусу. Подобное взаиморасположение туловища и конечностей может быть объяснено самыми разными причинами: желанием мастера творить в привычных для него канонах; стремлением передать напряженность и настороженность зверя, готового умчаться в любую секунду прочь; намерением изобразить животное, упирающееся ногами и отказывающееся двигаться вперед (рис. 212, *А*).

Прямые параллели низямской находке на территории Приобья пока не известны. Сходное взаиморасположение туловища и конечностей, сходящихся углом под брюхом зверя, отмечено у деревянной скульптуры в виде лосихи, найденной в Горбуновском торфянике на Среднем Урале [Эдинг, 1940, с. 45, табл. II]. В отличие от низямского изображения у нее обозначены глаза, имеются ямки, в которых крепились уши (или рога). Предмет отнесен ко второй половине III–II тыс. до н.э. [Оборин, Чагин, 1988, с. 29].

4.2.3. Малоатлымское II городище (прежн. назв. городище Малый Атлым, Малоатлымское городище) расположено в черте села Малый Атлым в Октябрьском районе ХМАО–Югры Тюменской области, в устье р. Малый Атлым, правого притока р. Оби.

Первая публикация материалов памятника подготовлена исследователями из города Новосибирска [Окладников и др., 1979, с. 118–125]. Они отнесли материалы к двум хронологическим группам: ранней бронзе и переходному времени от бронзового века к железному. Первая была представлена 122 фрагментами керамики, а вторая – 15. Впоследствии эти группы были определены как сартыньинская и атлымская керамика в работах Е.А. Васильева [1982, с. 7–11; 1983, с. 59]. До настоящего времени указанные публикации дают наиболее полное представление о находках с названного археологического объекта. В 1999 г. памятник осмотрен А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым, уточнившим его стратиграфию [2000, с. 15–121, рис. 3].

Благодаря исследованиям Е.А. Васильева сартыньинская коллекция ощутимо увеличилась и стала включать не менее 250 сосудов (рис. 213; 216, 5), из которых 40 (16%) – ладьевидные [Васильев, 1984, с. 5]. Комплекс атлымской культуры уступает сартыньинскому количественно и насчитывает ~80–90 емкостей [Васильев, 1982, с. 8]. При этом исследователь обратил внимание на декоративно-морфологические особенности посуды атлымского типа, разделив ее на два типа [Там же, с. 7–11].

К посуде I типа (рис. 214, 1–5, 7–12) отнесены горшки с прямыми слабо- и сильнопрофилированными шейками, украшенные ямками и различными вариантами оттисков крестового штампа. Орнаментальные мотивы представлены ритмично чередующимися поясами плотно поставленных отпечатков крестового штампа и круглых ямок. Часто пояса ямок заменены зигзагами, треугольниками, ромбами, выполненными крестовым штампом другого вида. В верхней части горшков отмечены пальцевые защипы. Для композиций характерно деление орнаментального поля на горизонтальные зоны.

Второй тип посуды (рис. 215, 1–2, 4, 6) представлен плоскодонными горшками с дуговидной шейкой, имеющей четкий переход к плечу. На посуде отмечено увеличение количества элементов орнамента (за счет различных видов гребенчатого штампа) и орнаментальных мотивов. Геометрические мотивы в виде одно- и многорядовых зигзагов, треугольников, ромбов, нанесенных крестовыми штампами, дополнены елочными композициями гребенчатого штампа. По предположению исследователя, узоры в виде взаимопроникающих фигур появляются в орнаменте самых поздних сосудов. Горизонтальная зональность общей композиции подчеркнута несколькими резными или гребенчатыми поясками.

В комплексе с атлымской керамикой встречены каменные шлифованные бруски с пазами на одной из широких плоскостей (рис. 215, 3, 5).

Для отложений переходного времени от бронзового века к железному удалось получить две абсолютные даты по углю: 3100 ± 120 (Кi-991), 2910 ± 90 (Кi-998) л. н. [Ковалюх, 1980, с. 18] (табл. 20). Опираясь на эти данные, Е.А. Васильев ограничил время существования атлымской культуры XII–VIII вв. до н.э.

4.2.4. Поселение Перегребное IV расположено в Октябрьском районе ХМАО–Югры Тюменской области, в устье р. Колтысянка, правого притока Оби. В.М. Морозов заложил на памятнике 4 раскопа и две траншеи общей площадью $\sim 812 \text{ м}^2$ [1981]. В верхних слоях были обнаружены остяцкие могилы XVII–XIX вв. и более позднего времени, прорезавшие средневековые жилища. С нижним культурным слоем связана коллекция керамики атлымской культуры, включающая обломки и развалы 15 сосудов (рис. 217–218). Атлымские объекты (остатки жилищ и ямы) не зафиксированы.

4.2.5. На поселении Сартынья I (см. п. 2.2.4) обнаружены остатки котлована жилища бронзового века (рис. 219). Сооружение имело квадратную форму, ориентировано в направлении СВ–ЮЗ. Его размер – $12 \times 12 \times 1,5 \text{ м}$ (площадь $\sim 145 \text{ м}^2$). В его юго-восточном углу отмечен прямоугольный выступ, указывающий, возможно, на место расположения выхода [Васильев, 1983, с. 41–42, рис. 2].

Несмотря на многослойность памятника (что отмечалось выше), удалось выделить комплекс находок, связанных с изученным сооружением. Речь идет о керамической посуде сартыннинского типа, поделках из камня и каплях металла.

Сартыннинская керамика (рис. 220) отнесена ко второй группе и включает ~ 40 сосудов [Там же, с. 47, рис. 6а–в]. Исходя из особенностей орнамента, коллекция разделена на два типа, существующие в широком хронологическом диапазоне.

Первый тип (17–18 экз.). Ранний вариант представлен слегка закрытыми сосудами с округлым или уплощенным дном. По обе стороны венчика почти всегда имеются глубокие треугольные вдавления. Посуду отличает печатная техника орнаментации и строгая горизонтальная зональность.

Е.А. Васильев характеризует орнамент как геометрический. Ведущий мотив – многорядный гребенчатый зигзаг и его многочисленные вариации. Эти узоры сопровождаются рядами прямо поставленных отпечатков короткого гребенчатого штампа.

Поздний вариант включает сосуды с прямым или слегка вогнутым венчиком и уплощенным дном. Плоскодонные сосуды единичны. Основными элементами орнамента становятся различные по размерам и пропорциям шестиугольники, нанесенные

гребенчатым и гладким штампом. Из этих многоугольников составлены горизонтальные пояса из ромбов и зигзагов.

Посуда *второго типа* (13–14 экз.) идентична по форме рассмотренной выше. Она орнаментирована в технике шагающей и печатной гребенки. Автор указывает на хронологическую тенденцию, проявляющуюся в постепенном исчезновении круглодонных емкостей и вытеснении мотивов, нанесенных гребенчатой качалкой, узорами, выполненными в печатной технике. Для всех орнаментов, независимо от способов их нанесения, характерно отсутствие геометрических мотивов и наличие как вертикальной, так и горизонтальной зональности.

В отдельную группу, связанную с обоими рассмотренными типами керамики по орнаменту, объединены емкости нестандартных форм (12–13 ед.), названные ладьевидными (рис. 216, 1, 3–4) [Васильев, 1984, с. 5].

С керамикой сартыньинского типа связаны две капли бронзы [Васильев, 1983, с. 53], которая могла поступать из Волго-Камья и Южного Зауралья [Васильев, 1989, с. 17; Он же, 2000Г, с. 69]. Несмотря на скептическое отношение автора к определению хронологической позиции *«типологически однородного»* каменного инвентаря, к сартыньинской культуре можно отнести две каменные подвески, оснащенные отверстиями для подвешивания [1983, рис. 8, 8–9]. Позже Е.А. Васильев заметил, что *«к специфическим формам следует отнести длинные ножи из сланцевых плиток и округлые грузила с биконическими отверстиями. Наиболее показательные особенности сартыньинской индустрии – абсолютное преобладание шлифованных орудий и обилие кварцитовых осколков. Последние аморфны и... использовались в качестве разовых инструментов»* [2000Г, с. 69].

Время существования сартыньинских памятников отнесено к второй–третьей четверти II тыс. до н.э. [Васильев, 1983, с. 59].

С поздним бронзовым веком связана керамика третьей группы (9 экз.). Это слабопрофилированные горшки, чаши и ладьевидные емкости, изготовленные из глины без примеси слюды [Там же, с. 53, рис. 7]. Стенки сосудов покрыты однообразным орнаментом, нанесенным плотными рядами гладкого штампа, или так называемого прокатанного штампа. Монотонные горизонтальные мотивы оживлены вдавлениями круглой палочки, собранными в розетки. Материал близок коршаковским или лозьвинским комплексам.

4.2.6. Поселение Хулюм-сунт I (см. п. 2.2.5). Е.А. Васильев сообщает о находке в верхних слоях поселения обломков 5–6 горшков, относящихся ко второму этапу атлымской

культуры (первая четверть II тыс. до н.э.) [Васильев, 2000В, с. 69–70, рис. 4; Он же, 2001, с. 15]. Информация о каких-либо выявленных объектах данного времени отсутствует.

4.2.7. Поселение Лов-Санг-Хум III расположено в Шурышкарском районе ЯНАО Тюменской области, в среднем течении р. Сыня, левого притока Оби [Рудковский, 2012, с. 162]. Памятник находится на 25-метровой левобережной террасе в 100 м от русла реки. На его поверхности отмечены 9 впадин глубиной ~1 м, площадью 7–90 м². Раскопками изучены жилища 1 и 6.

Жилище 1 возведено на склоне и имело котлован подквадратной формы. Длина его стен котлована жилища составляет 6 и 6,4 м (площадь 39 м²). Глубина котлована до 0,66 м. В середине юго-восточной стены сооружения размещался выход. Из особенностей обращает на себя внимание обмазка, укреплявшая стенки котлована, и отсутствие ямок от столбов. Автор раскопок полагает, что кровля покоилась на краях котлована, а сама постройка типологически родственна чуму.

Жилище 6 имело котлован подпрямоугольной формы. Длина стен котлована составляла 6,8 и 5,4 м (площадь объекта ~38 м²). Глубина котлована до 0,53 м. Выход из помещения расположен в юго-западной стене. Вдоль юго-восточной стенки котлована сохранились остатки сгоревших деревянных нар. На полу отмечены ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Судя по сгоревшим остаткам, крыша была четырехскатной, опиравшейся основанием на края котлована. Она состояла из плотно сложенных жердей, скрепленных 2–3 поперечинами и защищенных берестяными полотнищами.

Находки представлены обломками керамической посуды, изделиями из камня и остатками литейного производства.

Керамика из жилищ почти равна в количественном отношении (30 и 36 экз.). Это горшки и баночки с плоским и круглым дном, украшенные фигурными штампами в виде змейки, креста, гребенки (рис. 221). В верхней части, в зоне под венчиком, и, реже, на тулове помещаются пояски из ямок. По характеру орнамента и технике его нанесения комплекс достаточно синкретичен и имеет соответствия с лозьвинскими, архаичными атлымскими и барсовскими материалами [Там же, с. 163]. Оригинальность коллекции позволила автору говорить о выделении особого, сынского, типа керамики [Там же, с. 165].

Каменный инвентарь включает отходы производства и изделия. Судя по описанию, здесь представлен весь цикл расщепления камня. При этом кварцевое сырье доминирует над кремневым (183 и 62 соотв.).

Среди орудий фигурируют скребки, ретушированные наконечники стрел, наконечник дротика (или крупный скребок?), три шлифованных топорики из серо-зеленой породы. Также упоминаются три шлифованных цилиндрика разных размеров, шлифованный шарик и предмет, напоминающий кость от игры в домино. Часть каменных предметов периода из подстилающих слоев переходного времени могла использоваться вторично.

О литейном деле свидетельствуют фрагменты тигля и льячки с каплями металла.

Для жилища 6 получены две ^{14}C даты по углю (*табл. 20*). Некалиброванные значения составляют 2720 ± 80 л. н., или 1120–76 гг. до н.э. (Le-8263), и 2850 ± 35 л. н. или 1130–910 гг. до н.э. (Le-8264) [Там же, с. 164].

4.2.8. Салехардская стоянка расположена на большом мысу вблизи пристани г. Салехард ЯНАО Тюменской области [Талицкая, 1953, с. 246; Мошинская, 1953, с. 184; Косинская, Федорова, 1994, с. 56]. В темноокрашенном культурном слое бронзового века найдены довольно крупные обломки сосудов баночных форм с круглым дном, невысокие чаши и кюветообразные прямоугольные (ладьевидные) ёмкости. Диаметр устья большинства сосудов около 20–30 см. Наряду с ними есть и миниатюрные изделия. Толщина стенок варьирует от 3–4 до 10 мм. Керамика лепилась ленточным способом.

Орнамент наносился штампами в виде гребенки, лопаточками различных форм (плоской широкой или узкой, желобчатой) и птичьей костью. Последней воспроизводились также желобки. Отмечен такой прием, как гребенчатая качалка. Внимание обращают геометрические фигуры в виде ромбов, сгруппированных в треугольники и шестиугольники, образующих «соты», а также ленты (заштрихованные и решетчатые). Часть сосудов снабжена наклепными ручками в виде стилизованных зооморфных изображений [Мошинская, 1953, с. 184, табл. IV–V; Чернецов, 1953, с. 46].

На крупных сосудах выделяется несколько зон. Зона под венчиком покрыта лентами, зигзагами и каннелюрами. Ниже ее встречены крупные фигуры в виде треугольников или ступенчатых композиций. Орнаментирована ли третья зона, расположенная между этим орнаментом и дном, не известно.

Облик керамического материала дал основания для отнесения Салехардской стоянки к раннему бронзовому веку и ее синхронизации с поселением Сартынья I [Окладников и др., 1979, с. 124–125; Васильев, 1983, с. 59]. Впоследствии Е.А. Васильев отнес комплекс к самостоятельному типу вары-хадыта [2000А, с. 264, 266; Он же, 2000Б, с. 28].

4.2.9. Поселение Вары-Хадыта II расположено в 7 км к ЗСЗ от поселка Яр-Сале в Ямальском районе ЯНАО Тюменской области. Памятник занимает 5-метровый левый берег реки Вары-Хадыта, соединяющейся через систему озер и многочисленные протоки с дельтой Оби (рис. 222). Открыт в 1997 г. сотрудником краеведческого музея поселка Яр-Сале К.А. Ощепковым. В 2000 г. А.Г. Брусницына заложила на поселении раскоп I (64 м²) [2001]; в 2001 г. Е.А. Васильев разбил здесь раскопы II–IV (284 м²) [2000Б:24; Он же, 2003].

Объекты и находки раскопа I

В раскопе I изучена юго-западная граница котлована № 1, остатки двух очагов, три внешние ямы и объект мерзлотного происхождения.

Очертания котлована жилища 1 отмечены в северо-восточной части раскопа и выходили за пределы раскопа. С уверенностью можно говорить лишь о том, что он был ориентирован в направлении СЗ–ЮВ, длина его юго-западной стенки превышала 8 м, а глубина котлована достигала почти 0,6 м.

Очаг I располагался в 6 м к югу от котлована жилища 1 на склоне террасы. Он представлял собой черное углистое пятно овально-грушевидной формы, ориентированное по линии СВ–ЮЗ, размером 1,05 × 0,65 м. Его подстилал провал рыжего цвета, перекрывавший погребенный подзол. В объекте найдены кальцинированные кости северного оленя. С очагом связан сплеск меди, найденный в 0,4 м к югу от объекта.

Очаг II (?) расположен в 2,4 м к западу от очага I. Он представлял собой углистое пятно подпрямоугольной формы, насыщенное керамикой, ориентированное в направлении СЮ, размером 0,7 × 0,56 × 0,04 м. Очаг перекрывал очень крупное скопление находок размером 2,66 × 1,06 м, включавшее керамики, камни и обломки каменных изделий.

Из раскопа происходит ~5000 ед. находок (40–50 сосудов баночной формы с уплощенным и плоским дном) (рис. 223–224), включая «*обработанные камни*» [Брусницына, 2001, с. 14]. Каменный инвентарь включает сколы, отщепы и небольшое количество изделий. Сырье представлено белым и розовым кварцитом, кремнистыми породами темных оттенков, черным и серым сланцем. Наиболее многочисленные орудия из камня – наконечники стрел – шлифованные и ретушированные. «*Они имеют подтреугольную форму, уплощенный корешок и зауженное острие*». Следующей по численности категорией предметов являются скребки (обычно из кварцита) и около десятка подвесок с отверстиями.

А.Г. Брусницына рассматривает памятник Вары-Хадыта II в качестве стационарного поселка охотников на дикого оленя [Там же, с. 15].

Объекты и находки раскопа II

Раскоп II (56 м²) заложен к юго-востоку от первого. В нем прослежены южный угол жилища 1, ямы 3–4, часть ямы-хранилища 1 и два пятна неясного происхождения. Из раскопа происходят обломки керамической посуды, каменные изделия и отходы их производства, единичные фаунистические остатки.

Объекты и находки раскопа III

Раскоп III (60 м²) примыкает к северо-восточной границе раскопа II. Здесь отмечены остатки жилища № 2, ямы-хранилища 1–2, пятно и одна канавка. Глубина котлована жилища относительно погребенной почвы достигала 0,25 м. На полу отмечена подсыпка охры. Границы объекта уходят за пределы раскопа. Находки включают керамику, каменные предметы и кальцинированной костью.

Объекты и находки раскопа IV

Раскоп IV (168 м²) заложен с целью изучения крупной жилищной впадины к северо-востоку от раскопа I. Однако исследования были прекращены из-за непогоды.

Е.А. Васильев, обработавший керамику из раскопа I, сообщает, что в качестве отощителя использовались песок, дресва (дробленая каменная крошка), слюда [2000Б, с. 25]. Состав добавок был индивидуален почти для каждого сосуда. Например, емкости со стилизованными изображениями птиц и животных лепились из глины с большим содержанием слюды (рис. 223, 1, 2). Стенки хорошо заглажены, часто до лощения. К внешней стенке одного из сосудов прилипла рыбья чешуйка диаметром 12 мм, негатив которой сохранился после обжига (рис. 224, 10). При обработке внутренних стенок шпатель перемещался не горизонтальными движениями, а вертикальными (от дна к венчику). Коллекция делится на емкости стандартной и индивидуальной формы (32–37 и 8 ед.). Кроме того, выделяются круглодонные чаши (2) и миниатюрные сосуды (2) (рис. 224, 4).

Е.А. Васильев выделил три орнаментальных стиля, проявляющиеся в подборе мотивов и способах нанесения. *«До трети сосудов украшались эффектными геометрическими композициями, первичными элементами которых являются разнообразные зигзаги, прямоугольники и шестиугольники – соты. Они наносились гладким штампом (лопаточкой) методом простой печати, и лишь на двух горшках эта техника сочеталась с оттисками короткой мелкозубой гребенки. Поскольку композиционными*

доминантами подобного стиля являются соты и другие четко очерченные геометрические фигуры, он может быть обозначен как стиль сотового геометризма.

Для декора другой трети сосудов характерно преобладание отступающе-накольчатого стиля. В качестве орнамента использовалась лопаточка, реже – палочка, которыми наносились наколы с последующим легким протягиванием инструмента. Классическая отступающая техника (периодические наколы без отрыва от поверхности сосуда) использовались редко. Орнаментальное поле, как правило, делилось прямыми линиями на горизонтальные зоны, которые заполнялись лишенными четкой геометрии зигзагообразными или четырехугольными фигурами.

Третий стиль определяется использованием уголкового (птицевидного), дуговидного (арочного), реже – круглого штампов и поэтому обозначен как фигурно-штампованный. Следует отметить абсолютное преобладание гладких фигурных орнаментов над гребенчатыми. Известны простые композиции, состоящие из однообразных прямых линий, но чаще сосуды украшались сложносоставными ромбовидными фигурами, образующими эффектные декоративные пояса. Керамика, украшенная в этом стиле, немногочисленна, на ее долю приходится около 15% от общего количества сосудов» [Васильев, 2000Б, с. 25–26]. Как универсальные декоративные элементы, не связанные с каким-либо из обозначенных стилей, следует рассматривать орнаменты, выполненные гребенчатой и гладкой качалкой. Они в равной мере сочетаются с сотовыми, отступающе-накольчатыми, фигурно-штампованными мотивами, занимая при этом придонную часть сосудов и лишь иногда поднимаясь до зоны тулова.

Е.А. Васильев указывает на значительное количество каменных предметов. Это кварцевые осколки, чешуйки и заготовки, несколько продолговатых галек с забитыми приостренными торцами, обломок плоской шлифованной подвески с отверстием. Исходя из состава каменного сырья, он определил индустрию как «кварцевую» [Там же, с. 27].

Типологически выраженные орудия единичны. Это обломок «остроконечного изделия (рис. 4, 1) и изготовленный из пластины, овальный в плане концевой (?) скребок с выпуклым лезвием (рис. 4, 1). Можно предположить, что в качестве орудий использовались необработанные заготовки, среди которых отщепы превалировали над пластинами в соотношении 4:1. Определенное место в каменной индустрии занимала технология изготовления шлифованных изделий, но, судя по двум сохранившимся обломкам, шлифованные орудия не получили широкого распространения» [Там же, с. 27].

Люди, оставившие поселение, занимались литейным делом. А.Г. Брусницына обнаружила небольшой сосуд с ошлакованными стенками и венчиком (рис. 224, 7), а также

сплеск металла. Судя по карте, приводимой Е.Н. Черных, он близок по образцам с памятников типа Волосово–Юртик–Гарино [2007, рис. 3.1].

Особенность обнаруженного керамического комплекса явилась основанием для отнесения его к особому вары-хадыта типу [Васильев, 2000Б, с. 28]. Е.А. Васильев включает в их число стоянку Салехард I [Мошинская, 1953]. Поселения данного типа занимают хронологическую позицию между йоркутинскими (первая четверть II тыс. до н.э.) и позднесартыньинскими комплексами Шеркалы XIII (XV–XIII вв. до н.э.) (рис. 216, 2, б). Вары-Хадыта II и памятники, принадлежащие данной археологической культуре, датированы XVII–XV вв. до н.э. [Васильев, 2000Б, с. 29; Он же, 2000А, с. 266].

4.2.10. Йоркутинская стоянка расположена в Ямальском районе ЯНАО Тюменской области [Королев, Хлобыстин, 1969, с. 79; Косинская, Федорова, 1994, с. 42]. Памятник занимает участок второй надпойменной террасы высотой 12–17 м на правом берегу р. Йоркута-яха, в 6 км от оз. Йоркутан-то, из которого она вытекает, и в 3 км выше впадения в нее р. Харха-яха. Вокруг археологического объекта простирается холмистая тундра с частыми озерами и редкими зарослями карликовой березы и ивы.

На выдуве площадью ~70 м² лежали фрагменты керамической посуды и немногочисленные каменные шлифованные орудия. В 1965 г. собрана часть материала, опубликованного Ю.Г. Королевым и Л.П. Хлобыстиным. Авторы констатировали однородность керамического комплекса, определив его как йоркутинский [1969, с. 82–83].

Керамика представлена фрагментами 16 сосудов закрытой формы, имевших, вероятно, округлое дно (рис. 225, 3–17). Диаметр посуды по венчику варьирует от 10 до 26–28 см. Толщина стенок зависит от размеров емкостей и составляет 0,5–0,9 см и имеет тенденцию к утолщению в местах соединения лент и в придонной части. Венчики прямой или округлой формы. Один из сосудов снабжен выступом-ушком для удобства захвата емкости [Королев, Хлобыстин, 1969, рис. 33, 2]. Необычна банка с формованными ступенчатыми валиками в зоне под венчиком (рис. 225, 3). Лепка сосудов велась из глины с примесью шамота ленточным способом. При осмотре отдельных черепков выявлены полости круглого сечения, которые могли остаться на месте выгоревшей щетины, попавшей в замес. Места соединения лент тщательно подмазывались. Несмотря на хорошую заглаженность внешних и внутренних стенок (иногда до лощения), на внутренней стороне некоторых черепков видны следы затирки пучком травы, который перемещался от дна к венчику сосуда. Перфорированные черепки указывают на ремонт сосудов (рис. 225, 4, б).

Снаружи посуда покрыта плотным орнаментом, выполненным штампами в виде гребенки, лопаточки, арочек и скобок, концом тонкой палочки. Часть узоров нанесена «шагающей» гребенкой и гладким штампом. *«Бедность компонентами искупается гармоничностью их расположения и тщательностью нанесения узора, в результате чего сосуда имели нарядный, привлекательный вид. Орнаментальные элементы располагаются в основном чередующимися лентами, опоясывающими сосуд. В двух случаях перемежаются пояса горизонтальных и вертикальных линий «качалки»... Этими линиями, создающими впечатление движения и легкости, умело разбиваются утяжеленные пояса, заполненные рябью мелких птичкообразных и арочковидных вдавлений»* [Королев, Хлобыстин, 1969, с. 81].

4.2.11. Поселение Горный Самотнёл-1 расположено в устье Малой Оби на правом ее берегу между поселками Аксарка и Салемал, на границе Приуральского и Ямальского районов ЯНАО Тюменской области [Кудрич, 2010, с. 192–194; Археологическая карта, 2011, с. 41]. Руководитель исследований – О.С. Кудрич.

Памятник занимает участок осыпающейся песчаной террасы высотой 5–6 м, где фиксируется культурный слой серого цвета с включениями угольков и керамики. Протяженность культурного слоя в обнажении составляет 120 м. При осмотре поверхности террасы какие-либо объекты не замечены.

В 2010 г. при сплошной зачистке берега выявлен котлован сооружения глубиной 1 м, перекрытый частично обгоревшей конструкцией из деревянных плах, травы и бересты. В нем обнаружены фрагменты керамических сосудов, каменные орудия, отходы камнеобработки, изделия из бересты, кости и зубы животных. Дно котлована выстлано травяной циновкой толщиной ~5 см. На полу зафиксированы остатки рыболовной сети, связанной из растительных волокон, и грузило в виде продолговатой гальки, обернутой в бересту [Кудрич, 2011, с. 233–234].

Керамика представлена баночными сосудами стандартной формы и ладьевидными с преобладанием первых. Материал отличает высокое качество обработки: черепки плотные, тонкие, покрытые матовым лощением. Формовочная масса хорошо отмучена, содержит дресву в виде дробленого камня мелкого и среднего размеров. На некоторых фрагментах фиксируются ленты шириной 4,3 см. Венчики приострены или уплощены, во втором случае они либо не украшены, либо имеют подтреугольные вдавления. На некоторых помещены стилизованные зооморфные изображения. Из ладьевидных сосудов (3 экз.) примечателен экземпляр, украшенный антропоморфным налетом. Руки изображенного персонажа

раскинуты, тело изогнуто и повторяет профиль сосуда таким образом, что голова слегка возвышается над емкостью.

О.С. Кудрич разделяет на керамике фигурный налеп, штамповку и прочерчивание.

Фигурный налеп использовался для украшения индивидуальных емкостей и, реже, стандартных.

Штамповка велась гладким шпателем или лопаточкой, уголковым штампом с острым рабочим краем, штампом с зубчатой нарезкой рабочей кромки либо штампом с ячеистой нарезкой. В зависимости от выбранного инструмента можно говорить о существовании трех орнаментальных стилей:

1) оформленные с помощью гладких штампов геометрические узоры в сотовом стиле, представляющие собою варианты сетчатых узоров, составленных из шестиугольных ячеек – сот;

2) фигурно-штампованные узоры, выполненные инструментом с крупной ячеистой нарезкой с ячейкой в виде ромба или квадрата, либо оттисками гребенки;

3) преобладание оттисков штампа в виде уголка (скобки) с острым рабочим краем.

Прочерчивание велось лопаткой или палочкой с тупым концом. Прочерченные линии имеют волнистую форму, встречены в качестве разделительных зон на орнаментальном поле.

Узоры, выполненные шагающей техникой, являются универсальным декоративным элементом, сочетающимся с геометрическими сотовыми и ромбическими фигурами. Однако обычное место их расположения – придонная часть посуды.

Отличительная черта керамики данного поселения – отсутствие узоров из ямок, характерных для культур сопредельных территорий [Кудрич, 2010, с. 193].

Комплекс Горного Самотнёла близок керамике Йоркутинского поселения и сартыньинским памятникам, но наиболее полное соответствие он имеет с материалами поселения Вары-Хадыта II. Бытование памятников с керамикой подобного типа определено серединой II тыс. до н.э. [Там же, с. 193–194] и отнесено к энеолиту [Тупахина, Тупахин, 2013, с. 50–52].

4.2.12. Поселение Паром 1 расположено на мысу Корчаги на правом коренном берегу р. Оби в 8 км к северо-западу от г. Салехарда в ЯНАО Тюменской области. Оно занимает участок первой надпойменной террасы высотой 6–8 м, где В.А. Захом заложен раскоп площадью 120 м² [1997А].

В.А. Зах обособил на поселении два разновременных комплекса находок. Первый, относящийся к бронзовому веку, связан со слоем светло-серой супеси. В нем зафиксированы «три ямы и сооружения, в которых находились три очага» [1997А, с. 30]. Объекты, отнесенные к сооружениям, представляют собой углубления аморфной в плане формы, о назначении которых можно только догадываться. С ними связаны фрагменты керамики, украшенной гребенчатыми узорами (рис. 226), и каменный инвентарь (орудия и отщепы из высококачественного кремня) [Там же, рис. 3, 3–12; 7].

Палинологические данные свидетельствуют о том, что нижний культурный слой формировался в теплый, влажный период, около середины II тыс. до н.э., когда на данной территории максимальное развитие получили березовые леса с островками кедровников. В.А. Зах видит параллели керамике первого комплекса в атаманнюрских древностях Северного Приуралья и датирует его второй половиной II тыс. до н.э. [Там же, с. 30].

4.2.13. Поселение Щетнмато-лор расположено на суходольном останце северо-восточного берега оз. Сетльмато-лор (бассейн р. Сугмутен-ягун) в Пуровском районе ЯНАО Тюменской области. Площадка, занимаемая памятником, находится на высоте 1–1,5 м над водой. На террасе хорошо видны три жилищные впадины. Одна из них, частично уничтоженная дорогой, изучена Л.Л. Косинской [2000, с. 13–23].

За пределами раскопа осталась южная часть котлована жилища, поэтому полные параметры объекта не известны. Котлован (рис. 227) ориентирован длинными стенками по линии СЮ, длина его северной стенки достигает 11 м. Жилище было почти квадратной формы площадью ~126,5 м². Его глубина от древней поверхности 0,25–0,5 м. По внутреннему периметру котлована отмечена узкая канавка глубиной до 0,2 м.

Очаг открытого типа располагался на материковом останце. Он представлял собою пятно подпрямоугольной формы, ориентированное параллельно стенкам котлована. Размер пятна 1,2 × 1 м. Хорошая сохранность объекта позволяет предположить наличие деревянной обвязки, предохранявшей его от расползания.

Вдоль западной и восточной стен котлована оставлены возвышения шириной 1–2 м, использовавшиеся, вероятно, для устройства нар.

По наблюдениям Л.Л. Косинской, конфигурация канавки свидетельствует о том, что основа стен дома не состояла из цельных горизонтально уложенных бревен. Если стены дома были наклонными и располагались на расстоянии от его края, то она служила для крепления бортов котлована. Снаружи они присыпались грунтом.

Постройка могла быть каркасно-столбовой. Несущая опора стен и кровли – горизонтальная квадратная рама – крепилась на столбах, вкопанных в пол по углам котлована. Каркас кровли мог состоять из нескольких ярусов бревен и/или жердей, уложенных взаимно перпендикулярно друг на друга. Выход представлял собой крытый, слегка углубленный тамбур, пристроенный к западной стене вблизи угла дома.

К западу и востоку от жилища прослежены остатки рва, ориентированного параллельно его стенам. Исследованная часть позволяет предполагать значительную его ширину (более 2 м по верхнему краю и более метра по дну) и глубину (до 0,7 м). Он мог выполнять дренажные и оборонительные функции.

Жилая площадка между рвом и котлованом жилища использовалась в хозяйственных целях: здесь расположено несколько крупных ям, некоторые – в окружении столбовых ямок, указывающих, вероятно, на существование внешних наземных пристроек и хозяйственных строений.

Находки представлены керамикой, остатками, связанными с обработкой металла, каменным инвентарем, немногочисленными костями животных.

Керамика. С жилищем связаны фрагменты ~30 сосудов кульёганского типа (рис. 228, 1–4, 6, 8–9). У них диаметр по венчику варьирует в пределах 17–37 см, а днища – в пределах 10–11 см. Толщина стенок 5–10 мм. Тесто рыхлое, комковатое, с примесью шамота, реже – песка и дресвы. Наружная поверхность гладкая, внутренняя – чаще с расчесами гребенчатого штампа и/или щепы.

Орнамент, покрывающий срез венчика, стенки и дно сосудов, нанесен гребенчатыми штампами в технике печати и шага, реже, палочкой (накол, прочерчивание).

Некоторые венчики имеют невысокие выступы – ушки плавных очертаний, иногда подчеркнутые коротким пояском гребенчатых оттисков под ними (рис 228, 1). Орнамент на стенках горизонтально-зональный, состоит из чередующихся поясков прямых линий, коротких наклонных оттисков штампа, зигзагов. Реже встречаются елочка (рис. 228, 9), ромбы – заштрихованные или с ямкой в центре (рис. 228, 1–2, 9), пояса шагающей гребенки (рис. 228, 8), зигзаг со свисающими отрезками (рис. 228, 4), прочерченные волнистые линии. На трех сосудах имеются рельефные горизонтальные валики, сформованные путем выдавливания параллельных глубоких желобков (рис. 228, 4). По гребню или основанию валиков нанесены наколы или оттиски штампа. Еще на одном сосуде желобки образуют вертикальную елочку. Декоративная схема дополняется рядами круглых глубоких ямок под венчиком и на тулове.

Следы металлопроизводства. В жилище найден небольшой эллипсоидный слиток меди или бронзы размером $20 \times 10 \times 5$ мм, полученный в открытой форме (рис. 228, 7). На литье металла может указывать фрагмент керамики, ошлакованный изнутри, и, возможно, обломок глиняного стержня (сердечника от литейной формы?) (рис. 228, 5).

Каменный инвентарь (161) изготовлен из местного сырья – мелких галек кварца, халцедона, кремня, кварцита и других пород. Техника первичной обработки отщеповая контрударная. В коллекции имеются нуклеусы и 15 морфологически выраженных орудий: скребки для обработки мяса, шкур и дерева, ножи по дереву и коже, резец, резчики, долотовидное орудие и сверло по дереву-кости. Двустороннему ретушированию подвергались только наконечники стрел; оба найденных обломка переоформлены в ножи и скребки. Инструментами для обработки камня служили гальки-отбойники и наковаленка. Найдены также фрагменты абразивов и шлифованное изделие из куса лимонита.

По определению П.А. Косинцева, 11 кальцинированных костей, найденных в очаге и хозяйственной яме, принадлежат северному оленю.

4.2.14. Поселение Пякупур 3 расположено в ~29 км к ЮВ от города Муравленко в Пуровском районе ЯНАО Тюменской области [Пошехонова, 2010, с. 130–131; Археологическая карта, 2011, с. 70; Пошехонова, Скочина, 2012, с. 31–41]. Оно занимает мыс левой террасы р. Пякупур (среднее течение). Памятник серьезно разрушен при обустройстве нефтяного месторождения. В ходе работ обнаружено основание «сооружения» с канавкой по его периметру и мощным прокалом в центральной части.

Коллекция находок включает изделия из керамики и камня. По обломкам удалось выделить ~40 сосудов, имевших круглое и плоское дно (рис. 229; 230, 3–5). Емкости отличаются толстостенностью, одна из них вылеплена на горшке-шаблоне (рис. 230, 5). Венчики плоские и округлые. Орнамент, выполненный в технике прочерчивания, печати (гладкий и гребенчатый штампы) и шага – плотный, покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, заходя иногда на внутренние стенки. Орнаментальные композиции представлены горизонтальными лентами-рядами, зигзагами, свисающими отрезками, сгруппированными ямками. Обнаруженный керамический комплекс не имеет полных аналогий среди древностей, известных на сегодняшний день в бассейне р. Пур.

С посудой связывается керамическое сопло в виде конической трубки, украшенной резными линиями. Ее длина ~59 мм, диаметр в основании и в противоположной части 29 и 11 мм. Диаметр воздухопроводного канала варьирует в интервале 13–6 мм.

Каменный инвентарь (91 экз.) более однообразен. В качестве сырья использовался кварц, разные виды песчаника и сланца, редко – кремень. Практически все орудия изготовлены на отщепах или сколах и представлены ножами, вкладышем, скребками по шкуре, скобелем, рубящими орудиями, абразивным инструментом.

Для памятника получены две ^{14}C даты: 3635 ± 90 л.н. (SOAN-7437) и 3765 ± 85 л.н. (SOAN-7438), см. *табл. 20*.

4.2.15. Поселение Пяку-то I расположено на древнем береговом валу одноименного озера в Пуровском районе ЯНАО Тюменской области. Поверхность памятника серьезно разрушена, и находки происходят с площади $\sim 35000\text{--}100000$ м² [Косинская, Федорова, 1994, с. 72; Косинская, 2001, с. 46]. На одном из скоплений материалов был заложен раскоп 112 м². Находки бронзового века представлены немногочисленными фрагментами керамики, в тесте которой заметна примесь шамота. Орнамент выполнен штампами в виде гребенки и концом круглой палочки. Один из фрагментов, украшенный гребенчато-желобчатым декором, близок посуде кульёганского типа [Косинская, 2010, с. 57].

С посудой соотнесен комплекс кремневой пластинчато-отщеповой индустрии. Он выделяется из всего остального разновременного инвентаря сырьем местного происхождения (качественный кремень светлых тонов), по технике первичной обработки (ударное и призматическое отжимное расщепление для получения отщепов и пластин), по приемам вторичной обработки (краевая и двусторонняя отжимная ретушь, резцовый скол). Кроме продуктов расщепления, в комплекс входят одно- и двухплощадочные нуклеусы, технические сколы (ребристые пластины, скол подживания нуклеуса), мелкие пластины и микропластинки (преобладает ширина 5–7 мм) и их сечения. Из пластинок изготовлены концевые скребки, резцы, острия, вкладыши, в том числе с краевой ретушью. Орудия из отщепов не менее разнообразны. Это долотовидные орудия, скребки (подпрямоугольные и трапециевидные с тесаной спинкой и подтеской брюшка). Примечательны вкладыши ножей с двусторонней ретушью, прямоугольные и треугольные, а также наконечники стрел с частичной и полной вторичной обработкой – подтреугольные, с усеченным и округлым основанием, в особенности, наконечник с оттянутым в сторону шипом. Оригинальны орудия в виде полиэдрических резцов-дрилей и два фигурных изделия из миниатюрных отщепов, напоминающие фигурки птиц [Косинская, 2010, с. 58].

Каменный инвентарь имеет соответствия (по сочетанию наконечников стрел с прямым основанием и пластин) в памятниках самусьско-сейминского горизонта и комплексах ымыяхтахской культуры (стоянка Абылаах I) [Косинская, 2001, с. 48].

В разрушенной части поселения найдена бронзовая височная подвеска в полтора оборота. Она изготовлена из литой пластинки с расширенными концами. Сечение в средней части округлое, на концах – линзовидное. Размер предмета – 25 × 11 × 12 мм. Металл отличается повышенной концентрация Ag (2%) и Sn (0,1%).

4.2.15. Поселение Улова II расположено на южной оконечности 5-метровой гряды оз. Пяку-то в Пуровском районе ЯМАО Тюменской области [Косинская, Федорова, 1994, с. 75–76, рис. 3, 8; Археологическая карта, 2011, с. 53]. Находки развезены на площади ~2000 м², что свидетельствует о значительном размере археологического объекта.

В раскопе (8 м²) зафиксирован край котлована жилища глубиной 0,3 м. На его полу отмечена углистая прослойка, а в заполнении и рядом с ним – линзы охристого песка и кусочки охры. В одной из них лежал сосуд с гребенчатым орнаментом (рис. 230, б). В рыхлом глиняном тесте содержится примесь дресвы. Сосуд сформован методом ленточного налепа, его стенки тщательно заглажены.

Каменный инвентарь из раскопа (32 экз.) идентичен подъемному (150). Обработка камня, преимущественно кварца, основана на контрударном расщеплении (расколотые гальки, сколы, отщепы, чешуйки). Из того же сырья выполнены одноплощадочный нуклеус, четыре долотовидных орудия, отщепы с оформленными ретушью участками скребковых лезвий. На некоторых предметах отмечены следы сработанности, характерной для скребков, скобелей и режущих орудий. Кремень плохого качества, кварцит и халцедон представлены пренуклеусом на мелкой гальке и продуктами расщепления. В коллекции имеется тесло прямоугольной формы из темно-зернистой породы, обработанное двусторонними сколами и шлифовкой лезвия, обломок сланцевой абразивной плитки и отбойник-наковальня на кварцевой гальке [Косинская, 2010, с. 55].

Форма сосуда и его декор позволяют отнести памятник к бронзовому веку.

4.2.16. Тазовская IV стоянка расположена на западном берегу дельты р. Таз Тазовского района ЯНАО Тюменской области. Памятник обнаружен в 1926 г. Р.Е. Кольсом. Исследователь собрал коллекцию каменных орудий и фрагменты плоскодонных горшков, украшенных гребенчато-ямочными узорами [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 43, 46, рис. 2, 1–14]. Облик керамики позволил специалистам говорить об особой, тазовской, культуре бронзового века [Там же, с. 46; Косарев, 1987А, с. 287–288], синхронизированной с сузгунской и еловской (конец II – начало I тыс. до н.э.). Декоративно-морфологические признаки тазовской керамики присущи другим древностям досейминского времени

(кульгганским, сартыньинским, полымьятским), поэтому назрела необходимость в аннулировании понятий «тазовский тип керамики» и «тазовская культура».

4.2.17. Стоянка Хэ-яха расположена на р. Хэ-яха, притоке р. Щучья, в Приуральском районе ЯНАО Тюменской области. Открывший ее Ю.Б. Брилон собрал с поверхности коллекцию керамики, орнаментированной фигурными штампами в виде змейки и концом круглой палочки. Находки были отнесены к особой, хэяхинской, культуре, датированной первой четвертью I тыс. до н.э. [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 43, 46, рис. 3, 1–3, 5–13; Косарев, 1987Г, с. 296]. По мнению археологов, в ее генезисе участвовали «потомки тазовского населения» и коллективы, оставившие памятники атлымской культуры [Лашук Хлобыстин, 1986, с. 48; Косинская, Федорова, 1994, с. 20].

4.3. Могильники, промысловые и культовые объекты

Кроме рассмотренных поселений на севере Западной Сибири известны иные археологические памятники и объекты, отражающие особенности культуры и хозяйства северного населения в данный период древней истории. Речь идет о могильниках, единичных захоронениях и остатках промысловых сооружений. К числу первых относятся могильники Сатыга XVI, Товкуртлор 3, одиночное погребение на Ендырском VIII поселении, а ко вторым – система ловчих ям Геологическое I. Эти археологические памятники не столь представительны в количественном отношении, что можно объяснить неравномерностью изучения территории, а также топографией самих объектов.

В список названных объектов включен еще один памятник, связанный с культовой практикой. Это комплекс Сайгатино VI, открытый в Сургутском Приобье. Он разнообразит представление об объектах бронзового века региона и, что крайне важно для данного исследования, позволяет установить относительный возраст и соотношение СТ/СК и андроновских древностей Западной Сибири.

4.3.1. Могильник Сатыга XVI находится в ~10 км к СЗ от поселка Ягодный в Кондинском районе ХМАО–Югры Тюменской области [Беспрозванный, 1987; Он же, 1988], на северном берегу оз. Сатыгинский Туман, представляющего собой расширенное русло р. Евры. Некрополь занимает холм высотой 2–3 м, отстоящий на 200 м к востоку от залива, в который впадает р. Городище. С противоположной стороны Сатыгинского Тумана находится устье р. Сумпаньи. Поверхность памятника задернована и поросла лесом. Е.М. Беспрозванный, открывший могильник, изучил в 1986–1987 гг. 282 м² площади памятника

и обнаружил остатки 33 грунтовых погребений. Тогда же, в 1987 г., в раскопках принял участие и автор этой работы. В 1991 г. посуда археологического памятника была отнесена к особому, варпаульскому, типу, отражающему эволюцию гребенчато-ямочной керамики таежной зоны Западной Сибири в сейминское время [Кокшаров, 1991В, с. :98; Он же, 2006А, с. 51], и обращено внимание на наличие среди прочих захоронений могилы 11 с сосудом полымьятского типа, разрушенной частично погребением 9 с варпаульским горшком [Кокшаров, 1992, с. 124; Он же, 2011А, с. 180].

В 2001 г. изучение памятника продолжила О.Н. Корочкова. В раскопах 3–6 (252 м²) выявлено еще 9 могил. Помимо того, она сочла возможным выделить 4 условных захоронения. Материалы всех лет исследований опубликованы в монографии [Сатыга XVI, 2011]. В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова, разделяющие концепцию СТ миграций, включили, пусть и с оговорками, некрополь с посудой варпаульского типа в число памятников СТ переселенцев. Полная публикация материалов могильника позволяет ограничиться замечаниями общего плана.

В хаотическом на первый взгляд расположении могил прослеживается определенная закономерность. Очевидно, что они тяготеют к наиболее возвышенной части береговой террасы, группируясь в три ряда. Один ряд образован погребениями 9, 12, 4, 27, 24 и ориентирован по линии ЗВ. Два других расположены перпендикулярно первому. Они включают захоронения 1, 2, (8?), 6, 5, 13, 14 и 25, 33, 23, 29, 28.

Тела укладывались в предварительно подготовленные ямы, стенки которых, во избежание обсыпания, могли обшиваться плахами. Учитывая незначительную глубину ям (0,27-0,5 м), логично предположить, что над ними находились сооружения, напоминающие надмогильные конструкции на кладбищах таежных угров. Вероятно, с ними связаны обрывки бересты, которые нередко встречаются в заполнении могил.

Останки умерших обнаружены в 25 могилах (рис. 231). Они свидетельствуют о том, что погребения осуществлялись по обряду ингумации⁵. В 1997–1998 гг. заполнение могил просеивалось и промывалось, что позволило получить фрагменты зубов и зубной эмали и, следовательно, определить ориентировку тел в ямах и существенно снизить количество кенотафов. Представление о форме и размерах могильных ям, об ориентировке

⁵ Большая часть коллекции обрабатывалась в Уральском госуниверситете В.А. Дремовым, уделявшим первостепенное внимание изучению черепов. Из этого может сложиться неверное впечатление, что антропологические останки представлены преимущественно данным отделом скелета.

погребенных и антропологическом материале, о сопроводительном и поминальном инвентаре из металла, камня, керамики, кости и бересты дает *табл. 13*.

Среди прочих выделяется погребение 5, в котором обнаружены останки взрослого мужчины – литейщика. Несмотря на то что оно разрушено, с ним уверенно связываются обломки трех литейных форм из глины (рис. 232–233), фрагменты керамической посуды, каменная булава (рис. 234, 1), наконечник стрелы из кремня и бронзовое долото.

На Сатыге XVI отсутствуют наконечники копий, кельты и кинжалы, являющиеся неизменным атрибутом СТ памятников. Однако здесь получена представительная коллекция пластинчатых ножей (рис. 235, 3, 5–10, 12–15), нож с перекрестием и перехватом срубно-андроновского типа (рис. 235, 11), отнесенный к числу дальнего импорта, и долота (рис. 235, 1–2, 4). Часть изделий имеет фрагменты деревянных рукоятей (рис. 235, 8, 10) и бересты, покрывавшей последние (рис. 235, 14–15). На одном из долот сохранилось черное смолистое вещество (деготь?), удерживавшее лезвие в деревянной или костяной рукояти (рис. 235, 2).

Бронзовые ножи, помещенные нередко в футляры из бересты, встречены в 16 погребениях (~30%). В ножны набивалась осока, которая надежно фиксировала клинки (рис. 235, 6–7). Один из ножей лежал над могилой (3), еще два ножа находились рядом с могилой 25 и два обломка – около могилы 31.

Другая многочисленная категория находок – наконечники стрел подтреугольной формы с прямым основанием (25 экз.) (рис. 236; 237, 1–10). Примечательно, что в коллекции нет черешковых изделий, характерных для поздних полымьятских поселений. Наконечники обнаружены в 8 захоронениях, около десятка лежали рядом с могильными ямами или в стороне от них. Из 8 могил с наконечниками лишь в двух отсутствовали бронзовые изделия. Большинство предметов залегало на 10–20 см выше дна могильных ям.

В четырех могилах найдены асимметричные ножи из светлых кремнистых пород (рис. 238), в двух из этих случаев такие ножи лежали вместе с металлическими вещами.

В 5 погребениях найдены кремневые пластины (рис. 239, 1–8), в трех из этих могил пластины встречены с бронзовыми орудиями.

Достаточно любопытна категория костяных изделий. Это пластинки с отверстиями (рис. 239, 12, 15–16, 18–19, 22–23), пластинки с гравированными орнаментами (рис. 239, 12, 17, 21, 23–25) и намеченными лунками (рис. 239, 14). Кроме того, найдены обломок наконечника стрелы и струганная кость, напоминающая проколку (рис. 239, 13).

Посуда с могильника, отнесенная к варпаульскому типу [Кокшаров, 1991В, с. 98; Он же, 2006А, с. 51, рис. 3, 23, 25–28, 32, 34–36, 39], включает развалы и обломки 54–55

сосудов. Многие сосуды, найденные в межмогильном пространстве, отражают, скорее, не погребальную обрядность, а более поздние поминальные церемонии.

Варпаульская коллекция посуды делится на две группы: на плоскодонную посуду стандартных форм и индивидуальные емкости.

Первая группа (рис. 240) включает наряду с банками слабопрофилированные горшки, которые почти неизвестны в предшествующих полымьятских комплексах. Диаметр устья горшков варьирует в интервале 16–25 см. Количество посуды, у которой этот показатель ниже или превышает данные значения, примерно равное (22%). Диаметр по венчику в целом превышает высоту емкостей. Профилировка стенок плавная, лишь в одном случае отмечен ребристый переход от тулова к придонной части. Любопытен тонкостенный горшок, отправленный на обжиг с деформированным устьем (рис. 240, 1). Декор посуды выполнен гребенчатыми штампами почти исключительно в печатной технике. В зоне под венчиком можно встретить пояски из ямок, которые иногда группируются по 2–3 (рис. 240, 1). В одном случае в той же зоне отмечены «жемчужины» (рис. 240, 5). Если характеризовать орнамент в целом, то он типичен для варпаульской посуды: это монотонные пояски разнонаклонных отпечатков гребенчатого штампа, покрывающие внешние стенки, заходящие даже на венчики и днища. Однообразие декора нарушают линейные зигзаги (рис. 240, 3, 6, 8), ромбы и прочерченные линии (рис. 240, 1, 7). В придонной зоне двух сосудов отмечены полосы, свободные от орнамента (рис. 240, 6).

Вторая группа посуды включает ладьевидные емкости овальной или овально-подпрямоугольной формы (рис. 241). Размер изделий по устью составляет от 13,5 × 10 до 21,9 × 12,4 см при высоте 4–7 см. Каждая емкость украшена одним орнаментом от венчика до дна. По декору они мало отличаются от стандартной посуды.

Соотношение полымьятских и варпаульских комплексов посуды установлено по стратиграфии погребений 9 и 11, с каждым из которых связаны емкости соответствующего типа (рис. 242, 1–2). Планы и профили обоих объектов указывают на хронологический приоритет могилы 11 с сосудом полымьятского типа [Кокшаров, 2013Б, с. 135–136].

Вывод о сопоставимости варпаульского комплекса керамики позднего бронзового века из Сатыги XVI «по многим показателям» с керамикой раннебронзовых культур таежной зоны Западной Сибири [Стефанов, 2011, с. 54] представляется мне поспешным.

4.3.2. Могильник Товкуртлор 3 расположен на западном берегу озера с эпонимным названием в Белоярском районе ХМАО–Югры Тюменской области. Водоем проточный, имеет сток в р. Казым. Памятник связан с мысовой частью увала, тянущегося вдоль берега

озера (рис. 243, А, Б). До начала раскопок могилы имели выраженные внешние признаки в виде овальных и подчетыреугольных ям. При раскопках выявлены 11 захоронений позднего бронзового века и условные могилы А и Б [Стефанов, 2006, с. 44–58]. Характеристика могильных ям и сопроводительного инвентаря сведена в *табл. 14*.

В расположении погребений видны два ряда. Первый образован объектами 1–5 и условной могилой А и вытянут в направлении с ЗСЗ–ВЮВ. В другой – почти параллельный первому – ряд входят погребения 6–11. Расстояние между ними составляет 4–8 м. Замечено, что в могилах из СЗ части некрополя содержится большее количество находок.

Тела помещались в ямы прямоугольной формы глубиной до 0,5 м. Судя по остаткам конструкций, стенки ям укреплялись обшивкой из плах, а на дне помещались жердевые настилы и береста. Человеческие останки обнаружены в пяти могилах. Кроме одиночных погребений, выделяются два, в которых находились останки двух индивидуумов. В могиле 5 могло иметь место подзахоронение ребенка. Не исключено, что места захоронений маркировались на поверхности деревянными конструкциями в виде домовин, которые до сих пор можно встретить на кладбищах местного населения.

Кроме могильных ям, на территории некрополя выявлены два кострища, связанные с погребальными или поминальными церемониями. Обращает внимание также большое количество сломанных и испорченных предметов [Стефанов, 2006, с. 52–53, 55].

Сопроводительный инвентарь включает бронзовый нож-скобель (погребение 11), каменный инвентарь, обломки керамической посуды и фигурку, несколько кальцинированных косточек. Около 75% находок происходит из могил 2, 3, 5 и 6 (*табл. 14*).

Каменный инвентарь (рис. 245) представлен наконечниками стрел (10 экз. из могил 3, 5 и 11), скребками (10 экз. из погребений 2, 3 и 6), асимметричным ножом (погр. 5) и более чем 20-ю отщепами и чешуйками. К числу единичных находок из камня относятся нуклеус (погр. 9), отбойник абразив (погр. 5), подвеска (погр. 10) (рис. 244, 4), стержень (погр. 9) (рис. 245, 14), обломок поделки из талька (погр. 5).

Коллекция керамики включает обломки ~20 сосудов, происходящих из 9 захоронений. Больше всего фрагментов связано с могилами 2, 3 и 5. Среди сосудов имеются слабопрофилированные горшки (рис. 244, 2, 11–12) и банки закрытой (рис. 244, 1, 10) и открытой форм, а также единственная в коллекции миска овальной формы (рис. 244, 13). Присутствие в этом комплексе посуды горшечных, баночных форм и индивидуальных емкостей, а также монотонность орнаментальных мотивов, среди которых нет сетчатых мотивов (включая сотовые) и вертикальных колонок, дают основания для соотнесения его

с посудой варпаульского типа сейминского времени [Кокшаров, 2006А, с. 51, рис. 3, 21–22, 24, 31, 37; Он же, 2012Б, с. 39; 2013Б:143].

4.3.3. Погребение на Ендырском VIII поселении обнаружено на обваловке, окружавшей мастерскую бронзового века (см. п. 4.2.1), в метре от ЮВ стенки ее котлована. Оно не проявлялось на поверхности, зафиксировано под двумя позднесредневековыми могилами, отличавшимися темным заполнением (рис. 246). Могильная яма имела подпрямоугольную форму, ее размер 2 (?) × 0,7 × 0,1 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В СВ ее части лежали череп человека с отделившейся нижней челюстью, фрагменты 6 шейных позвонков, нижний диафиз бедренной кости и медная пластинка длиной ~10 мм.

Останки принадлежали мужчине, умершему в возрасте 40–55 лет⁶. Череп мезокранный, со средними абсолютными размерами мозговой коробки. Лицевой отдел широкий, с абсолютно и относительно малой высотой, сильно уплощенный. Глазницы высокие. Нос средний по высоте и ширине. На правом височно-челюстном суставе имеется выраженный остеоартроз. Подобные патологии имеют форму и локализацию, типичные при ударе в нижнюю челюсть слева. Подобная травма могла быть следствием межличностного столкновения. Эта патология затрудняла пережевывание пищи и могла быть болезненной. Вполне вероятно, что ее проявление и определило специфику стирания зубов. На останках исследуемого человека также обнаружены проявления генерализованного гипертрофированного остеобластического (костеобразовательного) процесса, выражающиеся в разрастании лобных пазух черепа, полости костномозгового канала правой бедренной кости и поверхностных наслоениях на диафизе этой же кости. Костные разрастания на бедрах вели к давлению на окружающие мышцы и сильно деформировали места их прикреплений. Весьма вероятно, что это заболевание сопровождалось болями и нарушением движения конечностей.

Малочисленность костных элементов и их плохая сохранность затрудняют определение характера заболевания. Вполне правдоподобно, что описанный гиперостоз мог быть обусловлен остеобластическим раковыми проявлениями (метастазами) [Райнберг, 1955, с. 572–575; Ortner, Putschar, 1985, p. 391–398]. Травма правого челюстного сустава также могла быть обусловлена метастатическим поражением этой области.

⁶ Анализ антропологических остатков проведен сотрудником ИПОС СО РАН к.и.н. Д.И. Ражевым.

Недостаточная сохранность костяка объясняется либо разграблением могилы в древности, либо захоронением неполного, расчлененного (?) тела человека. При отсутствии датирующих вещей установление возраста погребения затруднено. Исходя из стратиграфии, можно заключить, что оно было совершено в момент функционирования литейной мастерской или через какое-то время, когда на поверхности террасы образовалась впадина. Речь может идти о бронзовом или железном веке. Сейчас нет весомых оснований для однозначного отнесения могилы и мастерской к единовременному комплексу. Вместе с тем обособленный характер захоронения может отражать профессиональную деятельность умершего (если это литейщик?) или серьезность заболевания. Физический недуг причинял ему не только физические страдания при передвижении, но и повлек изменение внешности. Несомненно, искаженное лицо выделяло данного мужчину из коллектива. Совершенно очевидно одно – статус этого неординарного человека в обществе не позволял окружающим хоронить его тело на общем кладбище.

4.3.4. Система ловчих ям Геологическое I обнаружена автором в верховьях р. Эсс, правого притока Конды, в Советском районе ХМАО–Югры Тюменской области [Кокшаров, 1991А, с. 53–54; Он же, 1993Б, с. 162–169; Кокшаров, Морозов, 1998, с. 143]. Памятник занимает перешеек мысовидной левобережной террасы протяженностью ~460 м, плавно понижающейся с востока на запад в сторону реки (рис. 247). Мыс занят сосновым бором и окружен пойменными болотами. В сужающейся части террасы отмечены 8 ям круглой в плане формы диаметром 5–6 м. Объекты размещены на одной линии, ориентированной в направлении ССЗ–ЮЮВ, с интервалом 60–70 м. Исключение составляют ямы 1–2 и 6–7, расположенные в непосредственной близости друг от друга.

В 1985 г. В.М. Морозов заложил на памятнике раскоп площадью 220 м², которым изучил впадины 6–7 [1985]. Ямы имели в плане округло-овальную форму. Их размер соответственно 5 × 4,5 и 4,4 × 4 м, а глубина от современной поверхности – 1,6 и 1,9 м. С противоположных краев ямы 7 (рис. 248) отмечены выступы прямоугольной и овальной формы, оставшиеся, вероятно, от плах перекрытия. В профиле яма имеет покатые стенки и округлое дно. Из раскопа происходят два предмета: отщеп из кремневой породы черного цвета, зафиксированный в 2 м от впадины 7, и обломок абразива из заполнения ямы 6 (рис. 249, 5–6). Судя по следам сработанности, отщеп использовался непродолжительное время в качестве ножа по мягкому материалу. Второе изделие служило для заточки небольших каменных или металлических орудий.

Подъемный материал представлен фрагментами керамики эпохи бронзы и железного века, собранными в южной части памятника. На возможное функционирование памятника в бронзовом веке указывают обломки сосудов атлымского и лозьвинского типов, найденные во впадинах 1 и 2 (рис. 249, 1, 7) и во впадине 8 (рис. 249, 4).

4.3.5. Культовый комплекс Сайгатино VI расположен в окрестностях дер. Сайгатино, в 35 км западнее г. Сургута ХМАО–Югры Тюменской области. Он занимает участок правого берега р. Оби, уничтоженный в значительной степени дорогой. В 1986 г. автор работы изучал объект раскопками. Изученная площадь составила 12 м² [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 43]. В 1987, 2003 гг. памятник раскапывала О.Н. Корочкова [2003]. В 2011 г. материалы раскопок С.Ф. Кокшарова были переопубликованы и памятник, без достаточных на то оснований, отнесен к погребениям [Корочкова, 2011Б, с. 129–136].

Основная коллекция вещей была получена в 1986 г. Она включает глиняную посуду, литейные формы, обломки металлических изделий, предметы из камня, кости и фаунистические остатки. Каждая из групп находок заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку аналогов комплексу нет на всем севере Западной Сибири.

Бытовая керамика представлена 8 сосудами варпаульского типа с плоским дном (рис. 250). Это 5 слабопрофилированных горшков, банка и два миниатюрных сосуда, один из которых подквадратной формы (рис. 251, 3–4). Внешняя поверхность сосудов заглажена более тщательно, на внутренней встречены следы затирки грубым предметом.

Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, включая иногда венчики и днища. Он определен как линейный, состоящий из поясков разнонаклонных оттисков гребенчатых штампов. Один сосуд украшен лентами, состоящими из трех горизонтальных поясов вертикально поставленной гребенки, которые чередуются со свободными от узоров зонами (рис. 250, 3). На дне квадратной чашечки помещается розетка в виде креста, вписанного в квадрат. У всех сосудов кроме одного, под венчиком расположен поясик из ямок и «жемчужин», которые отсутствуют на тулове и в придонной части.

Керамика Сайгатино VI обнаруживает сходство с комплексами бронзового века городищ Барсов городок I/18 (раскопки М.В. Елькиной в 1975–1976 гг.) и селища Барсова гора I/1А (раскопки Л.Л. Косинской в 1972 г. и Ю.П. Чемякина в 1973 г.), а также с отдельными сосудами Барцевки IV, относимыми к барсовской культуре позднего бронзового века [Чемякин, Кокшаров, 1991, рис. 1, 3, 8, 12; 3, 1–1А, 2, 5–6, 8–9]. Форма сосудов и простота орнамента сближают сайгатинские материалы с первой группой посуды еловской культуры [Косарев, 1974, рис. 26, 2–3, 5, 8, 10; 27, 15, 19; Он же, 1993, с. 98].

Остатки литейного производства включают формы для изготовления четырех предметов: двух кельтов, какого-то плоского (?) предмета-орудия и «украшения». Три матрицы глиняные, а одна из талькохлоритового сланца уральского происхождения.

Форма для кельта из талькохлоритового сланца (рис. 252, 1А–В). От нее сохранилась лишь одна створка, на боках и торцах которой сделаны пропилы для совмещения со второй половинкой. Отливавшийся кельт имел длину 162 мм, овальное устье размером 55 × 40 мм и лезвие длиной 69 мм. В среднем сечении он шестигранный, лезвие и втулка расширены. На боковых гранях располагались два ложных ушка. Они соединялись орнаментированным пояском из взаимопроникающих треугольников, вниз от которого опускались заштрихованные равнобедренные треугольники. Чуть ниже пояска начинались ребра жесткости, доходившие до самого лезвия.

Морфологические характеристики кельта сближают его с орудиями СТ облика. Однако наличие на нем ложных «ушек» в сочетании с пояском из заштрихованных треугольников позволяет сопоставить его с изделиями СК круга. По мнению специалистов, отливавшийся кельт представляет собой переходный тип от СТ разрядов к СК [Черных, Кузьминых, 1989, с. 152, рис. 77, 7].

Глиняная форма для отливки кельта представлена обломками обеих створок (рис. 253, 1–1Е). Они снабжены насечками, позволяющими совместить половинки. На внешней стороне створок сделаны неглубокие продольные желобки, один из которых плавно уходит в сторону (рис. 253, 1). Судя по негативу, высота кельта превышала 95 мм, а овальное устье имело размер 42 × 36 мм. В среднем сечении предмет шестигранный, лезвие и втулка расширены, орнамент отсутствовал. В 35 мм от края втулки начинались ребра жесткости в виде округлых валиков, подчеркивающих грани кельта.

По таким показателям, как вытянутые пропорции, расширенное по сравнению с втулкой лезвие и отсутствие орнамента, кельт можно было бы отнести к турбинскому типу. Однако турбинские изделия имеют более мощные ребра жесткости, нехарактерно для них и расширение втулки раструбом [Черных, Кузьминых, 1987, с. 90–91].

Створка от глиняной литейной формы для изготовления плоского (?) предмета (рис. 251, 1–1А). На тыльной стороне, вдоль створки, проходил желобок. Ширина изделия около 20 мм, ширина не менее 45 мм. Вдоль боковых граней имелись выступы, напоминающие обушки. Аналоги данного предмета не известны.

Две створки от глиняной формы для отливки «украшения» (рис. 251, 2–2В) имели плохую сохранность. В верхней части изделия оформлен воронкообразный литник, на тыльных сторонах створок – продольные желобки. Негатив «украшения» помещался только

на одной половинке формы, а другая была плоской. Отливаемый предмет имел вид кольца овальной формы, размером 54×47 мм, вниз отходили два крючка. Внутри кольца могло находиться антропоморфное изображение.

Оформление продольных желобков на внешней стороне глиняных створок сближает перечисленные изделия с одной из створок, найденных на поселении Самусь IV [Черных, Кузьминых, 1987, с. рис. 49, 14].

Изделия из металла представлены обломками втулки – по-видимому, от наконечника копья или долота (рис. 253, 4). Состав металла приведен в *табл. 15*.

Каменный инвентарь включает орудия и поделки, выполненные из местного галечникового сырья. На памятнике найдены орудия, которыми, вероятно, производилась холодная обработка металла. Это абразивные плитки из мелкозернистой породы (рис. 252, 2–4). На двух из них следы сработанности имеются с двух сторон. Судя по следам, заточка велась в продольном направлении. На третьем абразиве заточка производилась круговыми движениями. Среди изделий есть отбойники и терочки, выполненные на гальках (рис. 252, 6, 8, 9), ложило и долото (?), аморфный нуклеидный кусок из кремнистой породы.

Обращает на себя внимание штамп из плитки сланца для нанесения гребенчатого орнамента (рис. 252, 7). Ему придана треугольная форма, на каждой из сторон нарезаны зубцы. В одном из углов имеется отверстие для подвешивания, в двух других, расположенных на одной плоскости, – неглубокие ямки. На противоположной плоскости нанесена гравировка: в неправильную окружность вписан зигзаг, выходящий с одной стороны за ее пределы, в центре окружности размещены две вертикальные риски. Прямые аналоги данного предмета не известны, хотя изготовление штампов из камня и глины практиковалось у западносибирского и уральского населения в различные периоды [Чернецов, 1953, с. 34, табл. XIII, 1, 4; Викторова, 1970, с. 356–358, табл. 7, 11, 13; Косарев, 1981, рис. 71, 11; Борзунов, 1984, рис. 5, 26–27; Кокшаров, 2009А, рис. 41 и др.].

В культурном слое найдены также *костяные вещи* и фаунистические остатки. К сожалению, большая часть последних не поддается реконструкции и установить их количество затруднительно. Интерес представляют фрагменты пластинчатого предмета (предметов?) со сквозными отверстиями (рис. 253, 5). Аналогичные им «загадочные» изделия, найденные в Канинской пещере, датированы медно-бронзовым веком [Канивец, 1964, с. 55–56, рис. 18, 1–3]. С пластинками могут быть связаны округлые в сечении костяные штифты, сработанные местами по окружности. Следы сработанности указывают на вращение последних в отверстиях (рис. 253, 2–3).

Наконечник стрелы сохранился частично (рис. 253, б). Он имел листовидную форму, линзовидное сечение, длина составляла не менее 60 мм.

Накладки (2 экз.) представлены в обломках, обе украшены резным орнаментом. Узоры – зигзаги, размещенные между параллельными резными линиями (рис. 253, 7–8). Одна из накладок напоминает по орнаменту пластинку из слоя раннего железного века Канинской пещеры [Канивец, 1964, 89, рис. 31, 5].

Среди кальцинированных костей, собранных в раскопе, П.А. Косинцев определил по одной кости северного оленя и бобра [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 49].

Обилие разнообразных находок, сосредоточенных на относительно небольшой площади, отсутствие остатков очагов и сооружений свидетельствуют о неординарности раскопанного памятника. При выяснении характера памятника были выдвинуты две версии: либо выбоиной на грунтовой дороге уничтожены остатки литейной мастерской, расположенной за пределами поселения, либо это культовый (поминальный) комплекс, поскольку сломанные вещи не позволяют рассматривать его как клад [Там же, с. 51].

В отчете О.Н. Корочкивой указывается на наличие среди кальцинированных косточек человеческих останков: *«Скопление выглядело как кучка чрезвычайно мелких косточек, сосредоточенных на участке размером 0,2 × 0,25 м. Мощность слоя костей в этом месте достигала 3–4 см. Сами косточки локализовались в супеси буро-коричневого цвета»* [2003, с. 40, 42]. Они могли бы стать аргументом для отнесения памятника к числу захоронений, но настораживает одно обстоятельство: в статье О.Н. Корочкивой отсутствует фамилия автора антропологических определений [2011Б].

Вместе с тем наличие в культурном слое костей человека ничуть не меняет культового характера памятника. В письменных источниках неоднократно упоминаются факты человеческих жертвоприношений на святилищах рр. Сосьва и Пелым. В одном случае для этих целей был куплен *«самоедский малый»* [Бахрушин, 1935, с. 14, 26, 29, 70].

Среди других находок ею отмечены обломки пластинок с отверстиями, пластинка с гравировкой, ~50 фрагментов от сосудов, найденных еще в 1986 г., обломок формы для отливки «украшения» с антропоморфным образом. Особое внимание обращает на себя массивное изделие овальной формы размером 95 × 75 × 40 мм. Одна его сторона *«плоская, вторая куполообразная с широким неглубоким желобком наискосок. В центре просверлено круглое отверстие диаметром 2,5 см. На самом деле изделие больше похоже на булаву чем на грузило. Для грузил не характерна такая правильная форма и такие большие отверстия»* [Корочкива, 2003, с. 42].

Глава 5. ОБСУЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Древности бронзового века, рассмотренные в предшествующей главе, включают разновременные комплексы, бытовавшие от рубежа III–II тыс. до н.э. до VIII–VII вв. до н.э. Отсчет эпохи бронзы на севере Западной Сибири следует вести с появления ранних полымьятских поселений, с которыми связаны первые свидетельства местного металлопроизводства и предметы из бронзы.

Наиболее подробная хронологическая градация памятников этого времени выстраивается на материалах Кондинской низменности. Материалы с этой территории, с одной стороны, демонстрируют эволюцию культуры таежного населения, а с другой, неплохо коррелируют с находками с Нижнего Приобья, со Среднего Урала, с Тюменского Притобоя и из других районов. Археологические источники Конды позволяют наметить три периода бронзового века. Есть все основания оставить за ними определения, прочно и обоснованно закрепившиеся в научной литературе: досейминский, сейминский и постсейминский. С учетом региональной специфики к первому периоду следует отнести ранние и поздние полымьятские поселения бассейна р. Конды, ко второму – объекты с варпаульской посудой, а к третьему – памятники с керамикой лозьвинского типа в ее раннем и позднем вариантах и атлымскую культуру. Перейдем к анализу имеющихся источников, а также обоснованию их хронологии и региональной периодизации.

5.1. Памятники досейминского времени

Представление о культуре населения, заселявшего бассейн р. Конды в начале бронзового века, дают археологические памятники с керамикой полымьятского типа, выделенного по материалам поселения Пашкин Бор I в конце 1980-х гг. [Стефанова, Кокшаров, 1988; Стефанова, 1998Б, с. 124; Она же, 1998А, с. 393; Кокшаров, 2011Б, с. 81]. По всему течению реки учтено 109 таких пунктов (рис. 254). К важнейшим отнесены поселения, исследованные раскопками: Геологическое III, VII, XVI, Большая Умытья 28 (Верхняя Конда), Лева VIII, X, XII, Талья I (Средняя Конда), Волвонча I и Пашкин Бор I (Нижняя Конда). Материалы демонстрируют не только преемственность в эволюции культуры таежного населения от переходного времени к бронзовому веку, но и особенности хозяйственной деятельности оставившего их населения. К настоящему времени обнаружено лишь одно достоверное погребение с полымьятской керамикой. Это могила 11, перекрытая погребением 9 с варпаульским сосудом, на некрополе Сатыга XVI [Кокшаров, 1992, с. 124; Он же, 2011А, с. 180; Он же, 2013Б, с. 135–136].

Неизменность хозяйственного уклада таежных охотников и рыболовов обусловила сохранение видов поселений, известных с переходного времени от неолита к бронзовому веку. Это базовые поселки в местах проживания крупных общин и сезонные лагеря в районах традиционных промыслов (верховья небольших рек).

К первым относятся Волвонча I и Пашкин Бор I (Нижняя Конда). Здесь исследованы остатки крупных домов с котлованами площадью от 115,6 до 200 м². Эти объекты окружены расплывшимися валообразными насыпями и внешними рвами [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 161–162, рис. 1; Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 63, рис. 1Б]. Подобное сооружение известно также на поселении Большая Умытья 28, но оно пока не раскопано [Зыков и др., 2006, с. 222, ил. 1].

Строительство больших домов, окруженных валообразными насыпями и внешними рвами, началось в переходное время от неолита к бронзовому веку (см. главы 2, 3) и получило широкое распространение в бронзовом веке не только в Кондинском бассейне, но и далеко за его пределами. Они были изучены раскопками на поселениях Барсова Гора II/16 (92,9 м²), II/22 (~240 м²), Балинское I (252 м²), Быстрый Кульёган 38 (260 м²) в северной части Среднего Приобья [Зыков, 1987; Баранов, 2006–2006А; Борзунов и др., 2010, с. 196, рис. 4–5; Борзунов и др., 2011, с. 59, рис. 3], Щетнмато-лор (126,5 м²) в Надым-Пуровском междуречье [Косинская, 2000, с. 15–16, рис. 2, 3; Она же, 2010, с. 56–57]. Постройка площадью 93 м² исследована на поселении Тух-Сигат IV в бассейне р. Васюган. Состав находок навел Ю.Ф. Кирюшина на мысль, что она могла быть связана «с культом бронзолитейного производства или огня» [Кирюшин, 1983, с. 115; Он же, 2004, с. 81]. К крупным сооружениям относится жилище на поселении Сартынья I в бассейне Северной Сосьвы (~145 м²) [Васильев, 1983, рис. 2]. Большая постройка, окруженная валом и рвом, открыта на Ендырском VIII поселении в южной части Нижнего Приобья, но она не раскопана [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 112, рис. 1Б].

Включение Волвончи I в число базовых поселков не согласуется на первый взгляд с количеством найденной бытовой керамики (12 сосудов). Однако сходная картина прослежена на Балинском I поселении, в коллекцию которого входит «не менее 10 сосудов бытового назначения» [Баранов, 2006А], и Щетнмато-лор (~40 емкостей). Вероятно, количество находок отражает кратковременность функционирования жилищ. С ними диссонирует долговременный поселок Большая Умытья 28 с коллекцией из ~340 сосудов.

Большие укрепленные дома севера Западной Сибири неоднократно привлекали к себе внимание В.А. Борзунова [1995Б, с. 211–213; Он же, 1999; Борзунов и др., 2011, с. 67]. По его подсчетам, к началу 2000-х гг. в данном регионе открыто и исследовано раскопками

более двух десятков подобных объектов, датируемых ранним и средним бронзовым веком [1999, с. 5; рис. 1]. Исследователь отнес их к укрепленным жилищам второго варианта, заметив, что их распространение на р. Конде и в Приобье не было реакцией на внешнеполитическую ситуацию, например, на расселение СТ металлургов-коневодов, поскольку «открытого противостояния Леса и Степи в эту эпоху еще не наблюдалось» [Там же, с. 20]. Возросшая плотность таежного населения и межобщинная борьба за промысловые угодья вели к постоянным конфронтациям коллективов охотников/рыболовов и основной причиной появления подобных построек стало внутреннее социально-экономическое развитие таежных коллективов. Укрепленные жилища служили местами постоянного обитания и жизнедеятельности небольших (15–60 человек) коллективов, состоявших из одной или нескольких больших семей, а также были социально-экономическими центрами общинных территорий [Там же].

Почти со всеми рассмотренными жилищами связаны следы металлопроизводства (капли и сплески металла, технологическая керамика в виде тиглей, форм, льячек, сопел). Особенно много таких остатков обнаружено на поселениях Пашкин Бор I [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 170, рис. 7, 1–6], Тух-Сигат IV [Кирюшин, 2004, рис. 125], в меньшем количестве – на поселении Балинское I [Баранов, 2006А], Волвонча I [Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 65, рис. 3, 3А–3Б], Барсова Гора II/8 [Чемякин, 2008, с. 45, рис. 29, 2, 3, 7] и II/22 [Борзунов и др., 2010, с. 197, 199], Щетнмато-лор [Косинская, 2000, с. 18, рис. 4, 8; 5, 20]. Находки красноречиво свидетельствуют о знакомстве местного населения с металлообработкой.

Приведенные факты не означают, что литье металла было сосредоточено только в крупных помещениях, где проживали общины. Работа, требовавшая особых мер предосторожности, могла осуществляться и за их стенами, например, на оборудованных площадках (Лева III, раскоп II) или в специально возведенных для этих целей сооружениях (мастерская на Ендырском VIII поселении).

На поселении Лева VIII (рис. 160) изучена производственная площадка с примитивной печью для плавки металла, располагавшаяся под открытым небом (или под навесом) в непосредственной близости от дома. Ендырская мастерская, напротив, размещалась в постройке площадью 41,4 м² (рис. 189), удаленной от общинного дома почти на 30 м. Здесь обрабатывались металл и камень [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 112]. Материалы свидетельствуют, что выявление производственных объектов возможно при раскопках большими площадями.

Стоянки и сооружения, связанные с промысловой деятельностью, изучены в верховьях р. Конды. Сезонные лагеря рыбаков и охотников выдаются топография памятников, незначительный культурный слой в жилищах, состав находок, представленных керамикой, грузилами для рыболовных сетей, каменными орудиями и фаунистическими остатками. Речь идет о поселениях Геологическое III, VII и XVI, где исследовано в общей сложности 13 построек. Симптоматично, что для некоторых домов использовались впадины, возникшие на месте ранних жилищ. Площадь сооружений, изученных на памятниках, составляет 21,1–68,6 м² (в среднем 38,3 м²), что сближает их с волончинскими сооружениями того же микрорайона (см. главы 2, 3).

На поселении Геологическое VII находилось одно сооружение, с которым связаны обломки четырех поздних полымьятских стандартных сосудов, одного ладьевидного и внушительная коллекция каменных предметов (3483 ед.) (*табл. 8*). На промысловую деятельность обитателей жилища указывают кости бобра. Они лежали в яме на полу жилища, дно которой посыпано охрой. Напомню, что сходный культовый комплекс зафиксирован в жилище промыслового поселения Атымья VII переходного времени [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 52; Кокшаров, 2009А, с. 14–15, 22]. Бережное отношение к костям животного и скульптурное изображение головы бобра, найденное на поселении Геологическое III [Зыков и др., 1994, с. 129, кат. № 32], указывают на неординарное отношение к водяному грызуну, культ которого сохранился до наших дней [Кокшаров, 1992А, с. 7–9].

На поселении Геологическое XVI исследованы остатки 4 сооружений с керамикой раннего полымьятского облика. Судя по количеству находок, постройки различались по назначению и времени функционирования.

Более половины сосудов с поселения (25) сосредоточено в раскопе IV, в жилище 3 и вокруг него. В коллекции довольно много невысоких чаш индивидуального назначения. На полу жилища отмечены скопления расколотых трубчатых костей животных: трех лосей и бобра (*табл. 9*). Эти факты и наличие центрального очага свидетельствуют о том, что объект площадью ~47 м² был жилым и функционировал продолжительный период. Судя по обломкам некоторых сосудов, с этим домом связана постройка 4, расположенная в 5,6 м к СЗ. Ее можно отнести к числу наземных хозяйственных сооружений (28,8 м²). В ней найдены небольшой целый сосуд (рис. 141, 11), обломки 4 емкостей крупных размеров, шлифовальная плита (рис. 146, 7), лежавшая возле центрального очага, а также отходы производства каменных орудий (*табл. 10*).

На жилой характер построек 1А и 2 в раскопах I, III указывают очаги и находки. Последние представлены сосудами (5 и 7 экз. соотв.), керамическими грузилами для сетей (17 и 9). Скопления последних указывают на места, где были брошены или оставлены рыболовные снасти. Промысловики, находившиеся вдали от базовых поселков, находили время для изготовления орудий из металла и камня. В жилище 1А найдено керамическое сопло (рис. 143, 11), а на полу жилища 2 зафиксирована производственная площадка № 4 по обработке кварца (табл. 10). Количество находок свидетельствует о кратковременности обоих сооружений.

С поселения Геологическое XVI происходит большое количество отремонтированных сосудов с перфорированными стенками (22 экз. или 47%). В волончинских комплексах Геологического III и XVI этот показатель существенно ниже (30%). На то, что промысловики занимались лепкой посуды, указывает гребенчатый штамп из жилища 2 (рис. 143, 7).

Обитатели поселка ловили рыбу, промышленляли лося, бобра и выдру. Скопление зубов и костей бобра рядом с жилищем 1 (уч. Л–М/63, ур. –64 см), свидетельствует о желании сберечь останки зверя от растаскивания другими животными.

На поселении Геологическое III раскопаны остатки 7 сооружений, связанных с коллекциями ранней и поздней полымьятской керамики.

Объекты с архаичной посудой расположены в прибрежной части памятника, где заложены раскопы III–IV. Сооружение 1 (раскоп IV) площадью ~68,6 м² имело центральный очаг, т.е. было жилым. Постройка 4 (раскоп III) могла быть хозяйственной, так как в ней отсутствовал очаг. Эти сооружения различаются размерами (68,6 и 45,1 м² соотв.) и сохранностью в них керамического материала. Если с жилищем связаны 37 фрагментированных сосудов (рис. 122, 1, 3–5, 8–9; 123–125), то в хозяйственной постройке лежали развалы 7 емкостей (рис. 112; 114, 1–2; 115, 17; 116, 8). Фаунистические остатки из раскопов III–IV представлены костями лося, северного оленя, бобра, выдры, птицы и рыб (табл. 9). Часть костей лежала в сосуде (рис. 112, 2), вкопанном в пол постройки 4.

Любопытно, что количество ранней полымьятской керамики на поселении Геологическое III, связанной с двумя рассмотренными постройками, вдвое превышает коллекцию поселения Геологического XVI, где раскопаны 4 сооружения. При этом количество отремонтированных емкостей на первом памятнике почти вдвое меньше (28,6%).

Промысловая деятельность обитателей позднеполымьятского поселения Геологическое III отражена в фаунистическом материале, обнаруженном в яме VIII. В ней

лежали кости 13 северных оленей, забитых примерно в одно время, в конце лета–осенью [Кокшаров, 1992А, с. 7]. Кроме промыслов обитатели поселка обрабатывали камень, ремонтировали керамику и занимались литейным делом. На это указывают большой валун со следами пришлифовки на одной из плоскостей в жилище 1 раскопа I, почти треть сосудов с перфорированными стенками (27,2%), открытые литейные формы для производства слитков-полуфабрикатов (рис. 120, 3, 6). Спекшиеся кусочки ортзанда, напоминающие шлаки, могут указывать на производство минерального пигмента – охры.

Особенности памятников Верхней Конды, а именно: расположение в верховьях малых рек, ручьев и притоков, небольшая мощность культурных слоев, размеры находившихся здесь построек, специфический набор изделий, включая рыболовные грузила, и малочисленность керамической посуды – позволяют распознавать промысловые стоянки в других частях западносибирской тайги. К числу таковых можно отнести стоянки Атымья IA (жилище площадью 55,3 м²), Малая Моховая (16 и 32,5 м²) и Чернореченское поселение (32,5 и 41,3 м²) в Сургутском Приобье и некоторые объекты в бассейне Васюгана.

Инвентарь полымьятских поселений Верхней Конды наглядно демонстрирует преемственность в сфере камнеобработки, которая проявляется в широком использовании кварцевого сырья из местных галечников и сохранении техники контрударного расщепления. Эти материалы подтверждают правильность вывода о глубокой традиционности обработки камня у таежного населения региона [Стефанов и др., 2005, с. 77, 80]. По наблюдению А.А. Погодина, на севере Сибири *«на всем хронологическом отрезке от мезолита до бронзового века техника первичного расщепления кварцевого сырья не претерпевает существенных изменений»* [1999, с. 38]. С ним солидарна Л.Л. Косинская: *«...уже в неолите местные культуры почти полностью утрачивают технику призматического расщепления и формируют традицию кварцево-сланцевых индустрий, существовавшую до эпохи железа»* [2011, с. 50].

Полный цикл расщепления камня отражен в коллекции поселения Геологическое VII. Она имеет наибольшее соответствие с материалами переходного времени данного района как по составу сырья с доминантой кварца, так и по набору предметов (отходы производства, орудийный набор). Перемешанность слоев затрудняет вычленение каменного инвентаря бронзового века на поселениях Геологическое III и XVI, но на факт изготовления орудий на обоих промысловых памятниках указывает макроинструмент в виде абразивных плит, найденных внутри жилищ и хозяйственных построек. Иная картина наблюдается на поселениях Нижней Конды, где каменные предметы малочисленны и отсутствуют следы обработки камня. В этой связи необходимо указать на закономерность:

количество каменных орудий и отходов их производства заметно преобладает на памятниках, находящихся в непосредственной близости к Уралу, Северососьвинской возвышенности и Сибирским Увалам, где имеются выходы необходимого сырья, и, напротив, снижается в Среднем Приобье, где таковые отсутствуют.

Набор морфологически выраженных орудий на полымьятских поселениях также сближается с материалами переходного времени. Это двусторонне ретушированные наконечники стрел, скребки, пластины, шлифованные подвески, тесла и песты.

Наконечники стрел не образуют крупных серий и сохраняются нередко в обломках (рис. 133, 7; 147, 9–10). Перемешанность культурных напластований на многослойных памятниках не позволяет однозначно отнести некоторые наконечники к полымьятским комплексам (рис. 133, 2–7). Один из таких предметов с поселения Геологическое III листовидной формы, с расширением при переходе от насада к острию, с выемкой и асимметричным шипом в основании (рис. 133, 5) почти идентичен предмету из волвончинского объекта на поселении Геологическое XVI (раскоп I) (рис. 43, 7). Другие изделия можно разделить на три типа.

Тип I. Наконечники листовидной формы, расширяющиеся в средней части при переходе от тела к острию, с жальцами и выемкой в основании. Происходят из позднего полымьятского жилища 2 (раскоп V) поселения Геологическое III (рис. 133, 1, 8). Подобное изделие, найденное на I Береговой стоянке на Среднем Зауралье, отнесено П.А.Дмитриевым к северному типу [1951Б, с. 42, рис. 1, 17]. Ю.Б. Сериков определил его как «рыбковидный наконечник», видя в нем разновидность кремневой пластики [2010, с. 71, рис. 1, 6]. Другие аналогичные предметы обнаружены при раскопках II и VI Береговых стоянок того же микрорайона [Рыжкова, 2004, с. 62, рис. 10, 8; Арефьев, Рыжкова, 2010, рис. 7, 4–6]. К западу от Урала наконечники сходных форм, правда укороченных пропорций, известны на прикамских гаринско-борских памятниках Прикамья [Бадер, 1961А, рис. 17, 6, 8, 11, 16; 31, 1, 4], на торфяниковом поселении Вис I [Буров, 1967, табл. XV, 74], в жилище 7 поселения Ошчой I чойновтинской культуры [Стоколос, 1988, табл. 13, 49], на поселении Войяты II коршаковской культуры [Там же, табл. 50, 15].

Тип II. Наконечники с прямоугольным телом, сужающимся к острию, и прямым основанием. Единственный предмет найден в позднем полымьятском жилище 3 (раскоп V) поселения Геологическое III (рис. 132, 1). Параллели подобным изделиям известны на многих памятниках позднего бронзового века Урала и по обе стороны от хребта. Они присутствуют в погребально-поселенческих комплексах синташтинской и петровской культур: в погребениях 3, 12, 39 Синташтинского большого грунтового могильника [Генинг

и др., 1992, рис. 49, 1; 79, 6; 126, 5, 12], погребении 6 кургана VI (С I) Синташтинского некрополя [Там же, рис. 161, 1], в погребениях 6 и 8 кургана 2 могильника каменный Амбар-5 [Епимахов, 2005, ил. 25, 10 и 30, 3], в яме 5 могильника Бестамак [Калиева, Логвин, 2008, рис. 16, 10] и в слое поселения Новоникольское I [Зданович, 1983, рис. 3, 11]. Наконечники данного типа имеются на поселении кротовской культуры Преображенка-3 [Молодин, 1985, рис. 16, 12] и в насыпи кургана 25 той же культуры могильника Сопка-2 [Там же, рис. 16, 11]. Сходные предметы найдены в погребении литейщика могильника Сопка-2 [Молодин, 1983, рис. 6, 2], в погребениях 10, 34 могильника Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 24, 1, 7; 72, 6–7], в могильниках Решное [Бадер, Черников, 1978, рис. 1, 2], Турбино и Сейма (основной турбинский тип – первый тип, по О.Н. Бадеру) [Бадер, 1964, рис. 90, Е; 1970А:рис. 60, 4, с. 121], в могильнике Сатыга XVI (4 вариант, по Л.Л.Косинской) [2011, с. 45, рис. 4.4.1, 9, 24–26] и в Канинской пещере [Канивец, 1964, рис. 14, 11]. Курган 20 Большеказакбаевского 2 могильника – единственный алакульско-федоровский объект, в котором обнаружен наконечник данного типа [Корякова и др., 2005, с. 152, рис. 2, 1]. Поселение Паром 1 является самым северным памятником, где найден похожий предмет [Зах, 1997А, рис. 7, 4].

Тип III. Черешковые наконечники листовидной формы с выступающими жальцами. Происходят из поздних полымьятских слоев поселений Пашкин Бор I и Большая Умытъя 28 (рис. 154, 1, 2; 170, 1, 5), а также с многослойного объекта Чертова Гора [Сладкова, 2008, рис. 8, 12, 17], с поселений Большая Умытъя 31 и Лемья 5.5 (разведочные сборы А.Е. Старкова и Е.М. Беспрозванного).

Черешковые двусторонне ретушированные наконечники стрел, определенные как «сейминские» [Бадер, 1964, с. 98; Он же, 1970, с. 121], частая находка на памятниках бронзового века, расположенных по обе стороны от Уральских гор. По замечанию М.Ф. Косарева, они бытовали в Западной Сибири в самусьско-сейминский период [1981, с. 107]. Эти изделия известны на поселениях Большой Ларьяк II в Среднем Приобье [Косарев, 1987, рис. 97, 1], Ташково II и ЮАО-ХIII ташковской культуры Нижнего Притоболъя [Ковалева, 1988, рис. 8, 3; Она же, 1997, с. 37, рис. 53, 6, 9–11; 54, 2–4, 10; Ковалева и др., 2000, с. 61, рис. 48, 5–7], в одинавском погребении 24 комплекса Преображенка-6 [Молодин, 2013, рис. 2, 4], на поселениях Черноозерье IV, VI, Преображенка-3, Саранин II, в погребении 33 кургана 25 могильника Сопка-2 кротовской культуры в Прииртышье [Генинг, Стефанова, 1982, рис. 4, 17; Стефанова, 1988, рис. 5, 4; Молодин, 1985, рис. 16, 14–16; Глушков, 1984, рис. 1, 2–5]. На упомянутой Сопке-2 черешковый наконечник (правда, без выраженных жалец) встречен в погребении литейщика, отнесенном к позднему этапу той же

археологической культуры [Молодин, 1983, с. 96, рис. 6, 3]. Черешковые наконечники обнаружены на поселениях самусьской культуры Самусь IV [Матющенко, 1973А, рис. 2, 35] и Крохалевка-1 [Молодин, Глушков, 1989, рис. 15, 1, 4], а также в могильнике Ростовка СТ времени [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 36, 1; 45, 5; 58, 5]. Схожие наконечники распространены также на территории Южной Сибири, на памятниках елунинской культуры. Речь идет о погребениях 1, 5 могильника Цыганкова Сопка 2 [Кирюшин, 1987, с. 113, рис. 3, 1, 3], поселении Березовая Лука [Кирюшин и др., 2004, рис. 65, 13, 15; 66, 1-2, 7-9; Кирюшин и др., 2011, с. 64, фото 15; рис. 33, 11; 35, 1, 3], о могиле 1 и межмогильном пространстве поминально-погребального комплекса Телеутский Взвоз-I [Кирюшин и др., 2003, с. 99, рис. 7, 5; 13, 2].

Они встречены в синташтинских комплексах Южного Урала, в частности в погребениях 4–5, 24, 30 Синташтинского большого грунтового могильника [Генинг и др., 1992, рис. 51, 7, 11; 58, 8, 18; 101, 2–6; 113, 2–3], в насыпи кургана VI (С I) того же некрополя [Там же, рис. 153, 12], в погребении 7 малого грунтового могильника (С II) [Там же, рис. 185, 6, 7], в погребениях 5 и 15 кургана 2 могильника Каменный Амбар-5 [Епимахов, 2005, ил. 20, 7; 48, 3], в погребениях 15, 21, 22, 33 кургана 7 могильника Танаберген II [Ткачев, 2007, рис. 3а; 8е; 9е, и, к, м, н; 17, 10]. С.С. Калиева и В.Н. Логвин сообщают о подобных наконечниках, содержащихся в петровско-синташтинском некрополе Бестамак (захоронения в ямах 35 и 40) [2008, рис. 9, 3, 9; 13, 5].

В Северном Приуралье черешковые наконечники отмечены на памятниках атаманнюрской культуры: в жилищах 5–6, 8 поселения Атаман-Нюр I, в жилищах 1–2 поселения Топыд-Нюр XIII, на поселении Адзъва II [Стоколос, 1988, табл. 24, 1, 18, 21; 27, 16; 30, 1; 31, 2; 35, 8–9], а также в культурно не атрибутированных отложениях Канинской пещеры [Канивец, 1964, рис. 15, 10, 13]. На территории Восточной Европы черешковые наконечники известны на могильниках Турбино [Бадер, 1964, с. 98, рис. 91в], Сейма [Бадер, 1970А, с. 121, рис. 59, 5–7; 60, 1–3], на памятниках фатьяновской, абашевской, поздняяковской и других культур бронзового века [Крайнов, 1987, с. 67, рис. 27, 1–4; Пряхин, Халиков, 1987, с. 125, рис. 60г; 63, 3; Бадер, Попова, 1987, с. 138, рис. 67, 4, 11–16, 18–19; Бочкарев, 2010, рис. 7, 2–3].

Среди кремневых скребков, имеющих подобно орудиям переходного времени, минимальную вторичную обработку, выделяется серия микроизделий позднего полымьятского поселения Геологическое VII. Для них подобрано особое сырье – качественный розовый и серый кремль. У специалистов расходятся во мнениях о происхождении этого сырья в таежных памятниках Западной Сибири. Оно рассматривается

либо в качестве привозного, поступавшего на север в виде изделий и заготовок в процессе обменов [Сергеев, Погодин, 2008, с. 192], либо в качестве местного, извлекавшегося из галечников [Косинская, 2010, с. 58].

Не исключено, что с поздним полымьятским жилищем Пашкиного Бора I связаны пластины из кремня [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 69].

На поздних полымьятских поселениях Геологическое VII (жилище 3) и Пашкин Бор I (рис. 137, 1; 154, 5) встречены каменные подвески. Заготовка такого предмета в виде плитки подовальной формы со следами сверления под отверстие имеется на поселении Геологическое III (рис. 131, 7). Изделия данной категории существенно варьируют по форме и размерам. Их сближает плоское основание и отверстия, расположенное на стороне противоположной выступающей.

Подвески из камня, сопоставимые с рассмотренными выше, характерны для многих памятников бронзового века Сибири. Они обнаружены при раскопках приобских поселений Самусь IV [Матющенко, 1973А, с. 23, рис. 5, 6, 7, 8, 9, 13; Есин, 2009, табл. 6, 1–7, 9–10], Быстрый Кульёган 38 [Борзунов и др., 2011, с. 66, рис. 10, 5], Вара-Хадыта II [Косинская, 2010, фото на с. 139], Сартынья I [Васильев, 1983, с. 56, рис. 8, 8–9] и на ряде некрополей Прииртышья: в кротовских погребениях 13 (курган 6) и 13 (курган 22) могильника Сопка-2/4, а также в могиле 677 могильника Сопка-2/3А [Молодин, 1985, с. 43–44, рис. 18, 6–9, 11–13; Он же, 2001, с. 103, рис. 37, 1], в погребениях 409, 381 могильника Тартас-1 [Молодин и др., 2011, с. 52–53, 55, рис. 29, 1, 6; рис. 34, 3] и в могиле 168 (вторая группа захоронений) некрополя Татарский Увал [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 22–23, рис. 14, 3; рис. 45, 9]. Каменные подвески известны и в памятниках окуневской культуры более восточных районов Сибири: они встречены в могиле 21 кургана 8 могильника Черновая VIII [Вадецкая и др., 1980, с. 24, табл. XXIII, 3] и в погребении 1 (ограда 5) могильника Усть-Бюрь [Кызласов, 1986, с. 277, рис. 188, 1–2].

По наблюдениям В.И. Молодина, расположение подобных вещей в могилах кротовской культуры дает основания для отнесения их к деталям головных уборов [1985, с. 43; Он же, 2001, с. 103]. Вместе с тем исследователи поднимают вопрос о культовом назначении подобных вещей. В их числе подвески досамусьско-кротовского времени из захоронения 677 грунтового могильника Сопка-2/3А [Молодин, 2001, с. 103] и могильника Черновая VIII [Вадецкая и др., 1980, с. 10, 24], отнесенного к поздним окуневским некрополям [Хаврин, 2006, с. 242]. Ю.Н. Есин называет подвески с отверстиями «сегментовидными предметами» и указывает на их сходство с жатвенными ножами, отмечая, что они исчезают с завершением СТ эпохи [2010, с. 98–99, 201].

Преемственность в развитии культуры кондинского населения в переходное время и бронзовом веке прослеживается по такой категории вещей как керамические рыболовные грузила. Г.П. Визгалов и Е.Г. Фильчаков отнесли изделия с полымьятских памятников к III типу, отделив их от биконических и сигаровидных I–II типов периода энеолита [1988, с. 23–24]. При этом обоснованно было указано на отличия грузил бронзового века: они имеют либо раздвоенные, либо Т-образные концы. Учитывая изложенные нюансы и новые находки, можно выделить два типа полымьятских грузил и наметить их варианты.

Тип I представлен керамическими палочками с раздвоенными концами. По оформлению торцевых частей можно наметить три варианта изделий.

Вариант А (рис. 142, 3, 5, 7, 9 и др.; 143, 8) включает поделки, у которых ушки намечены неглубоким желобком и направлены вдоль длинной оси предмета (Геологическое XVI, Торн I). Схожее грузило обнаружено на притобольском поселении Липихинское 5, и связано оно, возможно, с ямочно-текстильной керамикой имбиряйского типа начала бронзового века [Волков, Чикунова, 2006, с. 44, рис. 7, 2]. Значительно больше таких поделок на поселении Тух-Сигат IV ЭРМ в бассейне р. Васюган [Кирюшин, 2004, рис. 68, 5; 69, 1–3, 7; 102, 1–3, 5, 7–8]. Правда, датирование васюганских находок энеолитом вызывает сомнения. Намеченные желобки на торцах имеют также предметы с кульёганского поселения Коим II, снабжавшиеся для надежности крепления отверстиями возле концов [Сергеев, Погодин, 2008, рис. 14, 1–2; 15, 1].

Вариант Б (рис. 131, 1; 142, 1–2, 4, 6 и др.; 143, 9–10) представлен грузилами с разведенными У-образными концами или рожками. Они найдены на поселениях Геологическое III, XVI, Лева VIII, XII [Визгалов, 1988, с. 51, рис. 1, 5–8; Визгалов, Фильчаков, 1988, с. 23], Сумпанья IV [Ковалева и др., 1984, рис. 6], Большая Умытья 31 (сборы А.Е. Старкова), Турсунка II, Устье Аха II, на северном берегу оз. Арантур. В археологической литературе за ними закрепилось определение грузила-моталки [Стефанова, 1991Б, с. 19; Ковалева, 1997, с. 31]. Грузила этого варианта встречены на поселениях Нижнего Притоболья Байрык IB [Косарев, 1979, с. 17, рис. 1, 6–8], Роза Ветров I, где ошибочно отнесены к неолиту [Ткачева, 2004, с. 214, рис. 1, 8], Имбиряй-1, с которого происходит ямочно-текстильная плоскодонная керамика начала бронзового века [Волков, 2004, с. 35–36, рис. 4, 1–2, 4], Курья 1 [Волков, 2010, с. 24, рис. 5, 22–23]; на памятниках ташковской культуры Ташково II [Ковалева, 1997, с. 31, 34, рис. 47, 8–9], ЮАО–XIII [Ковалева и др., 2000, с. 54, рис. 47, 1–3], Ук III [Стефанова, 1991Б, с. 19–20, рис. 6, 9–10]; на прииртышском поселении Танатово, где найдена керамика, сопоставимая с ташковской или кротовской [Тихонов, Татауров, 2002, с. 123, рис. 5, 14–15]; на поселении кротовской

культуры Инберень X [Стефанова, 1988, с. 67, рис. 5, 12] и поселении Вишневка I в Северном Казахстане [Косарев, 1981, с. 43].

Вариант В (рис. 154, 3) отличает Т-образное или уплощенное сечковидное оформление концов (Пашкин Бор I, Большая Умытъя 28). Такие грузила встречены в Нижнем Притоболье на X участке ЮАО с керамикой логиновского типа [Юровская, 1973, рис. 4, б] и в ташковском слое поселения Ук III [Стефанова, 1991Б, с.19–20, рис. 8].

Тип II (рис. 131, 2–6; 169, 1–3) можно рассматривать как своеобразную реминисценцию биконических грузил переходного времени. Отличие от этих предметов проявляется в их укороченности, овально-приостренном оформлении концов и, иногда, сильно провисающем брюшке. Такие грузила входят в поздние полымьятские комплексы поселений Геологическое III и Большая Умытъя 28.

Особого рассмотрения требует керамика бронзового века досейминского времени из бассейна Конды, отнесенная к полымьятскому типу. Она была атрибутирована по материалам поселения Пашкин Бор I [Стефанова, Кокшаров, 1988; Стефанова, 1998Б, с. 393]. Г.П. Визгалов, изучавший ранние полымьятские памятники Средней Конды, рассматривал найденную на них посуду как особый, леушинский, тип, который, по его представлениям, не имел местных корней [1988, с. 52]. Находка на поселении Лева VIII сосуда с ямочной орнаментацией, напоминающего керамику андреевской культуры (рис. 158, 13), была объяснена связями обитателей Конды и Тюменского Притоболья [Там же, с. 53, рис. 2, 10]. В дальнейшем он не возвращался к поднятой им теме, а понятие «леушинский тип», как, впрочем, и взгляд исследователя на генезис полымьятских древностей, не получили распространения среди специалистов.

Позже керамика полымьятского типа была обнаружена по всему Кондинской низменности. Выяснилось также, что она разновременна и делится на архаичную или раннюю (далее – РПК), и позднюю (ППК), обладая при этом локальными особенностями [Кокшаров, 1991В, с. 95, 97; Он же, 2006А, с. 48–51; Он же, 2011Б, с. 81]. Наличие последних нисколько не удивляет, ведь площадь Кондинского бассейна почти 70000 км². М.Ф. Косарев, ознакомившийся с кондинской керамикой, также не исключил «элементов генетической близости» ранних и поздних полымьятских памятников [1993, с. 86]. Свою позицию к керамике полымьятских поселений Конды обозначил С.А. Григорьев. Не придав значения отличиям ранних и поздних коллекций, он решил, что полымьятская (или леушинская, по С.А. Григорьеву) посуда происходит из могильника Сатыга XVI [Григорьев, 1999, с. 194], относящегося на самом деле к следующему (сейминскому)

периоду бронзового века. По его мнению, она не схожа с кротовской, но ей присущи кротовские проявления в виде налепных валиков под венчиком [Там же, с. 192, 207].

Хронологические различия полымьятских комплексов отражены в морфологии сосудов. Для коллекций РПК обычны банки открытой и закрытой формы с круглым дном, число которых со временем снижается. В коллекциях ППК банки по-прежнему абсолютно доминируют, а на севере Конды довольно многочисленны индивидуальные емкости овальной и подчетырехугольной формы, определяемые как ладьевидные. В этой хронологической группе известны сосуды с выраженным переходом от тулова к дну (ребром) и также появляются редкие горшки с короткой шейкой.

По наблюдениям Н.Ю. Адамовой, полымьятская посуда формовалась нетолстыми жгутами или неширокими лентами [1991, с. 67–72]. Для нее характерна формовка с устья, что является зауральской традицией [Она же, 1999, с. 55], хотя большие сосуды изготавливались с днища [Глушков, 1996, с. 104]. Материалы свидетельствуют об изменениях в формовке полымьятской керамики в зависимости от времени ее изготовления.

Существенные вариации наблюдаются в конструировании днищ. Оно могло вкладываться в последнюю очередь в уже готовую (или полуготовую) емкость и затем разравниваться твердым орудием как изнутри, так и снаружи емкости [Адамова, 1991, с. 68, рис. 1А, 3; Глушков, 1996, с. 104]. Встречается также внешняя примазка днища с последующим выравниванием стыков [Адамова, 1991, с. 68, рис. 1Б, 4]. Один из поздних полымьятских сосудов лепился из двух частей (рис. 151, 7): после изготовления тулова и придонной части в последнюю было вложено и примазано дно, а затем обе половины были соединены друг с другом. В месте стыка снаружи нанесен поясok из ямок, имевших, вероятно, технологическую функцию [Там же, с. 69]. Если часть РПК посуды изготовлена методом выколотки, то небольшое число ППК емкостей (~7%) с поселений Геологическое III, VII, Большая Умытъя 28 формовалось на опрокинутых горшках-шаблонах. На это указывают отпечатки основы, сохранившиеся внутри новых емкостей.

Сравнение полымьятской керамики по составу формовочных масс повторяет картину, отслеженную на коллекциях предшествующего (переходного) времени. В керамике с поселений, расположенных в истоках Конды, чаще присутствуют добавки из различных видов дресвы (27% в РПК и 37,1% в ППК с Геологического III; 37% в РПК с Геологического XVI; 28,2% в ППК с Большой Умытъя 28). В керамике с поселений Нижней Конды абсолютно доминируют составы с шамотом (Пашкин Бор I, Волвонча I и Чилимка II, IV, VI, X [Глушков, Соболюникова, 2005, с. 48, 53, 60; Глушков, 2005, с. 34, 38]).

Несмотря на разновременность полымьятских коллекций, их объединяет печатная и шагающая техника нанесения орнамента гребенчатыми орнаментирами [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 167–169, рис. 3, 1, 3, 4, 5; 4, 1, 3–8; 5; Кокшаров, 1991В, с. 95, рис. 1, 41–53; Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 65, рис. 6; Стефанова, 1998А, с. 124]. Своеобразный облик РПК придают сосуды, украшенные штампами в виде волны, гребенчатыми орнаментирами (рис. 122, 1; 158, 1, 3; 161, 1) [Визгалов, 1988, рис. 2, 6, 8; Кокшаров, 2011Б, рис. 2, 1, 3–4], зубцы которых представляют взаимопроникающие треугольники (рис. 112, 1; 123, 11; 144, 2, 6; 158, 10), а также с глубокими наколами гребенчатого штампа, напоминающими волвончинские (рис. 112, 1; 115, 8, 10, 12; 116, 3, 9; 122, 9; 125, 4, 6, 9–10; 140, 5, 7; 141, 8, 11; 145, 1–2, 6, 10). В нижнекондинском варианте ППК выделяются емкости, декорированные в необычной для таежной зоны технике проташенной гребенки (рис. 150, 3, 6) [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 168, рис. 3, 3, 6]. Если на ранней посуде доминируют монотонные узоры, то на поздней отмечается расцвет т.н. сетчатого геометризма, включая такую его разновидность, как сотовый орнамент. Геометризм ярче выражен в верховьях Конды, граничащих с южными притоками Северной Сосьвы (Геологическое III, Большая Умытья 28), и приглушен или отсутствует вовсе на позднеполымьятских материалах Нижней Конды (Волвонча I, Пашкин Бор I). Нарядность посуде придают мотивы в виде лент, ленточных зигзагов/волн, бордюры из рассеченных сеток (с ромбическими или шестиугольными ячейками). Некоторые зигзаги и волны усложнены ответвлениями, размещенными на изломах лент или гребнях волн. Независимо от возраста полымьятской керамики ее локальные отличия проявляются в частоте использования ямок. Если на северных памятниках количество узоров, выполненных концом круглой палочки, варьирует в интервале 10,6–18,6%, то на памятниках среднего и нижнего течения – в пределах 23,1–34,3% (табл. 16).

РПК с Верхней и Средней Конды (поселения Геологическое III, XVI, Лева VIII, XII, Леуши XIX, Талья I) с преобладающими в ее композициях монотонными линейными узорами удивительно схожа по орнаментальным мотивам (табл. 18). Самые сильные связи по технике орнаментации выявлены между материалами соседних верхнекондинских поселений Геологическое III и XVI (80,6%), а также между поселениями Геологическое III и Лева VIII, XII, Леуши XIX, Талья I – 73,1%. По данному признаку РПК Геологического III обнаруживает самое сильное сходство и с другими сравниваемыми комплексами (66,8% или ранг 1). Сходная картина наблюдается и при сравнении РПК по орнаментальным мотивам (табл. 17).

РПК керамика Верхней Конды (Геологическое III) обнаруживает максимальную степень сходства (64,7%, или ранг 1) с остальными полымьятскими материалами. Единственное исключение представляет собой ППК того же памятника, имеющая наименьшие показатели сходства (всего 48,7%) не только с одновременными материалами Нижней Конды, но и, как ожидалось, с ранними памятниками всех исследованных микрорайонов (50,6%, или ранг 6). На сходство ППК с нижнекондинских поселений Чилимка II, VII XVIII и Геологического III вплоть до отдельных узоров (геометрических фигур, сот) указывают другие археологи [Собольникова, 1999, с. 19; Глушков, Собольникова, 2005, с. 61].

В полымьятских слоях неизменно присутствует инокультурная керамика, отражающая направления обменных (культурных) связей местного населения с соседями. Ценность этих находок существенно возрастает при очерчивании круга синхронных древностей, находящихся за пределами Кондинского бассейна.

Западная линия контактов устанавливается по обломку сосуда уральского происхождения с примесью талька с поселении Пашкин Бор VI (рис. 155, 1). Это банка с прямыми стенками, с плоским венчиком и карнизиком, обращенным внутрь емкости. Она украшена от горловины наклонными отпечатками длинной гребенки и двумя (?) поясками ямок. К сожалению, культурная принадлежность сосуда не установлена.

Население Конды сохраняет связи с северными соседями. Не исключено, что в верховья Конды и ее притоков проникали обитатели Северной Сосьвы и Нижней Оби. Эти проникновения отражены в материалах поселений Геологическое III и XVI.

На первом памятнике инокультурная керамика происходит из раскопов III и IV. В раскопе III с перекопом в западной части раннего полымьятского жилища 4 связаны фрагменты трех необычных сосудов (рис. 113, 2, 5–6). Это небольшая банка закрытой формы и две ладьевидные емкости прямоугольной формы. Посуда отличается от кондинской тонкостенностью. Черепки заложены с обеих сторон, в тесте нет видимых примесей, кроме блесток слюды, входившей, по-видимому, в исходное сырье. Сосуды украшены нетипичными для Конды штампами в виде гладких скобок и рельефным (резным) орнаментом. Из раннего полымьятского жилища 1 в раскопе IV происходит небольшой баночный сосуд из глины с примесью песка, украшенный гребенчатым штампом в технике печати и шага (рис. 123, 9). Не исключено северососьвинское происхождение находки (ранний сартыньинский комплекс?).

На поселении Геологическое XVI обнаружены фрагменты двух инокультурных сосудов. В раскопе I найдена небольшая ладья овальной формы с невысоким выступом в узкой части (рис. 141, 6). Ее стенки тщательно заглажены, для лепки использована хорошо отмученная глина без видимых примесей. Внешняя поверхность сосуда украшена гладкими скобками. В раскопе III найден открытый сосуд стандартной формы, сходный по составу формовочной массы и обработке с описанным выше (рис. 141, 7). Его горловина, обжатая с обеих сторон треугольными вдавлениями гребенки, приобрела волнистую форму; внешняя сторона украшена отпечатками косо поставленного гребенчатого штампа и одинарными поясками гребенчатой качалки.

Рассмотренные материалы по тщательной обработке поверхности стенок и орнаменту, выполненному скобками и шпателями, обнаруживают самое полное сходство с нижнеобскими керамическими комплексами вары-хадыта [Васильев, 2000Б, с. 28–29, рис. 2, 2, 4–6; 5, 12, 14; Он же, 2000А, с. 264, фото на с. 266 и 274; Он же, 2011, с. 12–213; Мошинская, 1953, с. 184, табл. IV, 1; V, 9, 13; Кудрич, 2010, с. 193, рис. 1, 1–2, 4–5; 2, 1; Она же, 2011, с. 233, рис. 1, 1]. Следует отметить, что посуда, украшенная идентичным образом, обнаружена к северу от Конды, на поселении Малая Сосьва II (бассейн Северной Сосьвы). Керамика с отпечатками гладких скобок встречена и на других памятниках севера Западной Сибири. Чашечка, украшенная уголковыми вдавлениями, найдена на раннем полымьятском поселении Леуши XIX (Средняя Конда). Обломки банок, внешние стенки которых покрыты теми же отпечатками, обнаружены на поселениях Ай-Камчин-ягун IV [Косинская, Федорова, 1994, с. 83, 96, рис. 3, 6] и Пякупур 3 [Пошехонова, Скочина, 2012, с. 3, 7].

Полымьятские поселения любопытны тем, что с ними связаны самые ранние свидетельства обработки металла. Это важное подтверждение более молодого возраста данных объектов по отношению к памятникам переходного времени от неолита к бронзовому веку. Имеющиеся материалы позволяют судить о различиях и сходстве ранних и поздних полымьятских памятников, а также о локальных особенностях последних в пределах бассейна Конды. Находки представлены технологической керамикой (литейные формы, тигли, сопло) и предметами из металла.

На производственной площадке раннего полымьятского поселения Лева VIII, где зафиксированы остатки примитивной печи, обнаружены открытые литейные формы двух типов. В первых (рис. 120, 4; 159, 3) отливались удлиненные слитки в виде эллипсов линзовидного сечения размером $32 \times 15 \times 4$ мм, во вторых – трапециевидные заготовки с основаниями 74 и 42 мм, высотой 74 мм и толщиной 5–7 мм (рис. 120, 12; 159, 1). Судя по

обломку еще одной формы второго типа, в ней получали еще более массивные изделия (толщина до 17 мм) (рис. 120, 9; 159, 2). С.В. Кузьминых, ознакомившийся с материалами, заметил, что в коллекции присутствуют обломки односторчатых литейных форм досейминского периода, служивших для заготовок-болванок, которые ковкой доводились до нужной формы [Визгалов, 1988, с. 51, 53].

С другого полымьятского поселения, Геологического III (раскопы III и V), происходят обломки четырех односторонних матриц [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 109]. Их отличия от материалов Левы VIII проявляются лишь в фактуре глиняного теста и, судя по негативам, в массе получаемых отливок. Предметы с Верхней Конды выполнены из тонкодисперсной глины, напоминающей опоку, без добавления песка и кальцинированных костей. В форме первого типа (рис. 120, 3), связанной с поздним полымьятским жилищем 2 в раскопе V, отливались заготовки в виде овальных брусков размером $36 \times 16 \times 8$ мм. По толщине и весу они превосходили отливки с Левы почти вдвое. В форме второго типа (рис. 120, 6), обломки которой собраны в межжилищном пространстве раскопа III, изготавливались слитки в виде равнобедренной трапеции с основаниями ~65 и 45 мм, высотой 65 (?) мм и толщиной 15–17 мм. По размеру они незначительно уступали отливкам из сохранившейся матрицы Левы VIII, но по толщине превосходили их почти в два раза.

Матрицы обоих типов обнаружены в единых комплексах и на других археологических объектах, расположенных от левобережья Нижней Оби на востоке до Среднего Урала на западе, в частности, на поселениях Ендырское VIII и Палатки I.

Три литейные формы из мастерской Ендырского VIII поселения сближаются с технологической керамикой Левы по составу формовочных масс (примесь песка) [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 105, рис. 7, 1–3]. Они служили для производства толстых массивных предметов, как на поселении Геологическое III (рис. 120, 5, 7–8). Размер слитков в формах первого типа составлял $\sim 50 \times 17 \times 14$ мм, а заготовки второго типа представляли собой трапеции с основаниями ~72 и 42 мм, высотой ~63 мм и толщиной 15 мм. Бытовая посуда, связанная с мастерской, имеет соответствия по форме и орнаментации с ППК.

Три односторонние литейные формы, в том числе первого и второго типов, обнаружены на разновременном поселении Палатки I, расположенном в верховьях р. Исеть (Средний Урал). Одна из поделок второго типа опубликована [Викторова, 2008, с. 32, рис. 2, 4]. Это керамическая плитка подпрямоугольно-овальной формы размером 95×83 мм. В центре изделия подготовлено подтрапециевидное углубление с размером оснований ~40 и ~37, высота ~54 и толщина 9,5 мм. Его окружал по периметру лепной валик высотой 12 мм (рис. 120, 10). Примечательно, что из культурного слоя поселения происходит слиток

«чистой» меди весом 92 г, повторяющий по конфигурации емкость. С.В. Кузьминых, проводивший химический анализ металла, отнес предмет (а, следовательно, и саму литейную форму) к железному веку, связав его, по необъяснимым причинам, с иткульским металлургическим комплексом Палаток [2001, с. 108].

На р. Конде открытые литейные формы из керамики найдены и на других поселениях. В слое с архаичной полымьятской керамикой [Каменский, 2006, рис. 73, 1–3, 5; 74, 2–5], подстилающем средневековое городище Евра 25, найдена глиняная матрица первого типа [Там же, рис. 70, 5]. Из-за небольшого размера ($30 \times 15 \times 10,5$ мм) и миниатюрной полости ($14 \times 3 \times 3$ мм) ее можно отнести к числу вотивных (рис. 120, 1). На других памятниках технологическая керамика сохранилась неудовлетворительно, и не поддается восстановлению. Так, например, на позднем полымьятском поселении Большая Умытья 28 встречены обломки двух открытых литейных форм (рис. 120, 2, 11). С уверенностью можно говорить только о толщине отливок: она составляла 15 мм и более 10 мм, соответственно.

Открытые керамические формы для производства несложных металлических предметов обнаружены на более южных памятниках Западной Сибири.

Представление о сортаменте продукции, производившейся в односторонних формах первого типа, дает слиток размером $20 \times 10 \times 5$ мм с поселения Щетнматолор. К сожалению, его состав не определен [Косинская, 2000, с. 18, рис. 5, 20].

Односторонние литейные формы встречены на поселениях Инберень X [Стефанова, 1985, с. 57, рис. 2, 8], Венгерovo-2 и Преображенка-3, относящихся к кротовской культуре. В венгеровской форме изготавливались шилья, а в четырех преображенских – стержни и скобки, которыми можно было скреплять стенки керамических сосудов [Молодин, 1977, табл. LXI, 1–2, LXII, 2; Он же, 1985, с. 58, 86, рис. 28, 3–4, 8–9]. Некоторые из матриц выполнены на фрагментах бытовой керамики. Мнение В.И. Молодина об архаичности комплексов Венгерovo-2 и Преображенка-3 разделяют Н.А. и А.А. Ткачевы [2008, с. 276]. Тигли (?) подпрямоугольной формы, напоминающие отдаленно полымьятские матрицы второго типа, обнаружены на поселениях одиновской культуры Марково-2 и Тартас-1 в Барабинской лесостепи [Молодин, 1981, с. 70, рис. 9, 1; Он же, 2008:10].

Керамическая форма в виде прямоугольной плитки, на одной из плоскостей которой имеются два негатива для производства подпрямоугольных слитков (стержней) происходит из могильной ямы 7 синташтинско-петровского могильника Бестамак (р. Убаган, Притоболье) [Калиева, Логвин, 2008, с. 46, рис. 12, 3].

На поселении Иня-2, одном из ранних памятников крохалевской культуры, обнаружен предмет из сланца, атрибутированный Е.И. Сидоровым как льячка [Зах, 1997Б, с. 25, рис. 12, 27]. Вместе с тем конфигурация полости позволяет отнести находку к открытым формам для литья стержней (прутков) сегментовидного сечения.

Односторонние формы для изготовления ножей и шильев встречены при раскопках поселения Самусь IV [Матющенко, 1973А, с. 72, рис. 7, 3, 9; 11, 3–4]. Однако не исключено, что они могли иметь плоские крышки, т.е. быть двухстворчатыми и тогда их следовало бы исключить из перечня сопоставлений. Наиболее полным аналогом самусьских матриц является керамическая форма для отливки длинного стержня, прямоугольного в поперечном сечении, найденная С.А. Мызниковым на поселении Савкинская Речка 1 [Мызников и др., 2012, с. 62–63, рис. 4, 1–2]. К сожалению, недостаточно сведений о характере литейной формы для отливки наконечника стрелы с поселения Серебрянка 1 [Панфилов, 1993, с. 43, рис. 18, 9]. В.А. Зах связывает матрицу с керамикой одиновского типа и настаивает на том, что форма была двусоставной, не уточняя, правда, облик второй створки: являлась ли она крышкой или была подобием первой, придавая отливке симметричность [2008, с. 132]. По этой причине сложно судить о морфологической близости отливки и ножей с намечающимся перекрестием (срубных), которую отмечает исследователь [Зах, 2009, с. 244, 246].

Представительные серии односторонних матриц получены при раскопках памятников Кавказа и Восточной Европы, входивших в зону ЦМП [Черных, 2007, с. 37–39, рис. 3.1; Он же, 2009, с. 216, рис. 11.1]. Интересующие нас находки можно встретить на объектах куро-аракской культуры, занимавшей значительную часть Южного Кавказа [Кушнарева, 1993, рис. 31, 6–8, 13, 16]. Матрицы для отливки плоских тесел с расширяющимися гранями, заготовки в виде брусков и эллипсов происходят из погребений литейщиков новотитаровской, катакомбной и полтавкинской культур [Гей, 1986, с. 19, рис. 7, 5; 8, 1; 7, 6; 8, 2; 9, 1; Кубышев, Черняков, 1985, рис. 7, 1–9; Шилов, 1959, с. 19, рис. 6, 1]. Любопытна литейная форма для тесла, выполненная в плоском основании каменного утюжка (?), найденная случайно на территории Северного Казахстана [Erste Pferdezüchter und Metallurgen, 2013, с. 176, № 51]. К северу от перечисленных степных культур, в лесной зоне Восточной Европы, литейные формы открытого типа встречаются крайне редко. Исключением является, пожалуй, предмет из песчаниковой породы для отливки крупного стержня из культурного слоя Русско-Азиевской стоянки (Нижняя Кама). Судя по полости, он имел подпрямоугольную форму, скругленные торцы и прямоугольное поперечное сечение, а его размер составлял $133 \times 45\text{--}48 \times 21$ мм. Стенки и дно емкости покрывал

беловатый налет каолиновой огнеупорной глины. С.В. Кузьминых указал на отсутствие аналогичных форм на гаринско-борских поселениях [1977, с. 27, рис. 7].

Исследователи древнего металлопроизводства объясняют литье стандартной продукции в виде слитков-заготовок популярностью у мастеров ЦМП технологических схем, по которым заготовки, полученные в открытых и не полностью закрытых емкостях, подвергались последующей формующей ковке [Григорьев, 1999, с. 82; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 109, 136; Дегтярева и др., 2001, с. 49]. Е.Н. Черных обращает внимание на то, что распадавшаяся ЦМП оставила после себя многочисленные следы воздействия на технологии металлургического производства в пределах Западноазиатской (Евразийской) провинции в виде прямых или косвенных «наследников» своего разветвленного производственного стандарта [2007, с. 71; Он же, 2013, с. 390]. Сохранение традиций ЦМП в металлообработке начала позднего бронзового века отмечают и другие исследователи. По наблюдениям А.Д. Дегтяревой, примерно в трети случаев синташтинские литейщики использовали схему предварительной отливки предметов в форме и последующей их проковки в сочетании со средней степенью обжатия до 60–70% (тесла, ножи) [2008, с. 301]. Исследовательница расценивает как реминисценции ЦМП в синташтинском металлопроизводстве сохранение в последнем тесел с параллельными и расширяющимися гранями. Такие орудия рассматриваются ей как свидетельство возможной преемственности катакомбной и синташтинской металлообработки [Там же, с. 299]. Обнаружение открытых литейных форм на разновременных полымьятских памятниках Конды лишь подтверждает выводы о существовании традиций в металлопроизводстве.

В формах второго типа могли отливаться плоские топоры-тесла с расширяющимися гранями. Такие орудия, происходящие с территории Восточной Европы и Средней Азии, привлекли внимание специалистов, полагавших, что эти изделия представляют собой подражание орудиям каменного века и являются наиболее ранними [Тихонов, 1960, с. 65; Кирчо, 1980, с. 171, 173]. Они отмечены на среднем этапе трипольской культуры [Тихонов, 1960, с. 65]. К названным изделиям относятся орудия из деревни Муллино Республики Татарстан [Там же, с. 65, табл. XXV, 22] и из погребения у села Колтубанка Оренбургской области [Там же, с. 65; Шилов, 1975, с. 101, рис. 47, 2]. Тесла укороченных пропорций с расширяющимся лезвием происходят также из волосовских слоев поселений Уржумкинское, Волосово, Кинема, с Панфиловской и Пировской стоянки [Кузьминых, 1977, с. 26, рис. 3, 1]. К востоку от Урала такие вещи единичны. Возможно, к ним относится обломок тесла с Аятского озера (Среднее Зауралье) [Черных, 1970А, рис. 52, 2] и орудие из Денисовской пещеры (Южная Сибирь) [Деревянко, Молодин, 1994, с. 110, рис. 84, 1].

территории Средней Азии обломки плоских тесел с расширяющимися гранями найдены на Ялангач-депе (слой IV тыс. до н.э.) [Кузьмина, 1966, с. 16, табл. III, 11] и в отложениях Намазга V на Алтын-депе [Кирчо, 1980, рис. 2, 1–2].

С металлообработкой связана еще одна группа технологической керамики – тигли. Они обнаружены на производственной площадке раннеполымьятского поселения Лева VIII и в позднем полымьятском жилище поселения Пашкин Бор I.

В поиске аналогов ранних полымьятских тиглей обращают на себя внимание материалы ташковской культуры Нижнего Притоболья. Сходство тех и других изделий отмечалось С.А. Григорьевым [1999, с. 79]. Ташковские тигли, различающиеся размерами и конфигурацией емкостей для расплавленного металла, изготовлены по одной схеме. Для них подбирались крупные фрагменты бытовой керамики, служившие в качестве основы-днища, на краях которых фиксировались лепные бортики [Ковалева, 1988, с. 39, рис. 6, 7; Она же, 1997, с. 42, рис. 48, 2; 49, 11; Ковалева, Штадлер, 1989, рис. 3, 7; Ковалева, Рыжкова, 1991, рис. 2, 9–10; Ковалева и др., 2000, с. 69, рис. 12, 3; 35, 2; Стефанова, 1991Б, с. 19, рис. 6, 1]. Однако по особенностям формовки эти тигли ближе односторонним литейным формам Палаток, чем материалам Средней Конды. С другой стороны, тигли ташковской культуры и Левы объединяет широкое основание и овально-подпрямоугольная форма полостей. Сравнимые предметы сближает состав глиняного теста, включающего песок и измельченные кальцинированные кости.

Широкое основание имеют тигли кротовского поселения Преображенка-3. Судя по профилям, они формовались на плоской основе (кусках бытовой керамики?), однако указания по этому поводу в литературе не приводятся [Молодин, 1977, с. 63, табл. LXII, 1, 4]. Изделиям придана каплевидная в плане форма.

Сохранность позднеполымьятских тиглей оставляет желать лучшего. Они отличаются от ранних аккуратностью в изготовлении и обтекаемостью. Один из тиглей представляет собой плоскодонное изделие с полусферической (?) емкостью (рис. 153, 5). Однако воссоздать его первоначальный облик сложно. От другого тигля, отличавшегося крупными размерами, сохранился сужающийся край с желобком, направлявшим металл в полость (рис. 153, 6). По приземистости и наличию сужающихся сливов эти вещи должны иметь определенное сходство с тиглями, происходящими из погребения литейщика на могильнике Сопка-2 [Молодин, 1983, с. 98, рис. 3, 1; 4, 5; 5, 3]. Тигель из кротовского слоя с поселения Черноозерье VI также имеет овально-асимметричную в плане форму, но его отличает массивный поддон с поперечным сквозным отверстием для крепления рукояти

[Стефанова, 1988, с. 66, рис. 6, 4]. Овальная форма и наличие слива отмечено у тиглей с поселения Самусь IV, но они круглодонные [Есин, 2009, табл. 2, 3].

На раннем полымьятском поселении Геологическое XVI обнаружено керамическое сопло (рис. 143, 11). Это коническая трубка, один из концов которой ошлакован и оформлен раструбом. Длина предмета 145 мм, внешний диаметр 31 мм, внутренний 11–12 мм. Внешняя поверхность покрыта продольными гребенчатыми поясками, чередующимися с гребенчатыми зигзагами. На севере Западной Сибири это не единственное найденное изделие подобного рода (рис. 255А–Б).

Керамические сопла обнаружены в южном ареале распространения памятников сартыньинской культуры в Нижнем Приобье [Васильев, 1989, с. 17; Он же, 2000Г, с. 69; Морозов, 1995, с. 26], на кульёганском (?) поселении Балинское I [Баранов, 2006, рис. 116]. Сопло найдено на поселении Пякупур 3 на Сибирских Увалах [Пошехонова, Скочина, 2012, с. 33, рис. 3, 11]. Принадлежность этого памятника к бронзовому веку устанавливается по сосуду, сформованному на горшке-шаблоне [Там же, с. 33, рис. 3, 10, 12], и по емкостям с узорами из гладких скобок, характерных для посуды йоркутинского и вары-хадыта типов [Там же, с. 33, рис. 2, 14; 3, 7]. О двух соплах с кульёганского поселения Нёх-Урий (среднее течение р. Аган) сообщает В.И. Стефанов⁷ [см. обзор находок: Кокшаров, 2014, с. 78–87].

На Урале и юге Западной Сибири таких предметов значительно больше. По С.А. Григорьеву, они широко использовались синташтинскими металлургами в печах по выплавке меди [1998, с. 178]. Сопла обнаружены на поселениях Аркаим [Зданович, 1997, с. 54; Зданович, Батанина, 2007, рис. 3, 26-27], на поселениях Куйсак [Зданович и др., 2003, с. 199, рис. 62, 6] и Каменный Амбар (Ольгино) [Molchanov, 2013, fig. 11, 8; Krause, 2013, fig. 10]. Однако на этих памятниках имеются также находки и отложения более поздних культур бронзового века, поэтому нельзя безоговорочно говорить о принадлежности сопел к аркаимо-синташтинским слоям. Керамические сопла, включая орнаментированные, происходят из погребения в яме 7 синташтинско-петровского могильника Бестамак [Калиева, Логвин, 2008, с. 41, 43, рис. 10, 2; Logvin Ševnina, 2013, abb. 11; Status durch glänzende Bronze, 2013, № 84–89]. Керамическое сопло найдено на поселении Липовая Курья, с которого происходят коллекции керамики аятской, коптыковской, черкаскульской, гамаюнской и иткульской культур [Хлобыстин, 1976, с. 14, 37, рис. 15, 4]. Его принадлежность к черкаскульскому комплексу не установлена.

⁷ В.И. Стефанов уточняет, что находка с поселения Барсова гора II/19, определенная авторами раскопок как сопло, оказалась керамическим грузилом [Дубовцева, Юдина, 2010, с. 232].

Сланцевое сопло (трубка для направления металла в форму?) обнаружено в погребении литейщика на могильнике Сопка-2 [Молодин, 1983, с. 104, рис. 5, 2]. Исследователи расходятся в определении культурной принадлежности захоронения. Если одни археологи относят его к позднему этапу кротовской культуры [Там же, с. 96], то другие связывают объект с мигрирующими СТ группами [Черных, Кузьминых, 1989, с. 26].

К западу от Среднего Урала сопла встречены в жилище 3 поселения Басенький Борок в Среднем Прикамье, но принадлежность находок к какому-либо керамическому комплексу не выяснена [Бадер, 1961А, с. 151, 157, рис. 109, 1–4]. Эти атрибуты металлопроизводства присутствуют в слоях древнеямной и катакомбной культур [Шилов, 1966, с. 89, рис. 39, 1–3; Кубышев, Черняков, 1985, с. 44, рис. 6, 7–8; Вальков, Кузьминых, 2000, с. 76; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 107, 109]. В работе Д.В. Валькова и С.В. Кузьминых отмечена тенденция постепенного сокращения количества сопел в слоях археологических памятников от раннего к позднему бронзовому веку при параллельном перемещении этих вещей из погребальных комплексов на поселенческие объекты [2000, с. 76]. Не исключено, что использование сопел в металлургическом процессе зависело от территориально-климатических условий. Малое число этих вещей на поселении срубной культуры Горный 1 объяснено преобладающими ветрами в южноуральских степях, обеспечивавшими достаточную тягу даже в низинах [Там же, с. 77].

Поздние полымьятские поселения Пашкин Бор I и Волвонча I отличаются от одновременных верхнекондинских тем, что здесь встречены керамические матрицы и сердечники для производства принципиально иных изделий – втульчатых орудий и оружия (кельты, долота или некрупные копья). Эти материалы демонстрируют приобщение части таежных литейщиков к технологиям позднего бронзового века. Несмотря на новшества, рецептура технологической керамики не изменилась: она по-прежнему содержит кальцинированную кость, что сближает ее с материалами поселения Лева VIII. Известно, что измельченная жженая кость добавлялась в тигли и бытовую керамику ташковской [Ковалева, 1988, с. 39; Стефанова, 1991Б, с. 18], стефановской [Кирышин, Малолетко, 1979, с. 67] и кротовской культур [Стефанова, 1985, с. 60; Она же, 1988, с. 60, табл. 2].

Судя по негативам, кельты с полымьятских поселений имели укороченные пропорции (рис. 153, 4, 8), овальную (не шестигранную!) форму в поперечном сечении (рис. 153, 4, 8–9) втулки, а экземпляр из Волвончи отличало сечкообразное лезвие (рис. 153, 9А–9В). Если на Пашкином Бору отливали орудия без декора, то на Волвонче – кельты, украшенные (усиленные?) валиком в верхней части втулки, от которого свисали взаимопроникающие треугольники (?). Продукция литейщиков Конды отнесена

специалистами к разрядам К-38, К-42 самусьского типа [Черных, Кузьминых, 1989, с. 148, 152, рис. 75, 3, 5; 77, 6]. По словам специалистов, разряд К-38 включает *«неорнаментированные овально-шестигранные»* (здесь и далее подчеркнуто мною. – С. К.) *в сечении кельты без ясно выраженной фаски»,* а разряд К-42 – *«кельты в сечении овально-шестигранные, без четко выраженной фаски, украшенные под венчиком горизонтальными линиями с примыкающими к ним небольшими треугольниками»* [Там же]. В этой связи еще раз отмечу, что на кондинских памятниках производили предметы с овальным поперечным сечением, что исключает наличие каких-либо граней и фасок, столь характерных для СТ и СК кельтов [Там же, с. 38 и 147]. На резонный вопрос коллег, к какому же типу следует относить кельты с кондинских поселений [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 71], замечу, что Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых указывают на них только как на *«сходные с самусьскими типами»* [1989, с. 145], не ведя речи об идентичности. По М.Ф. Косареву, эти нюансы несущественны, и он относит продукцию кондинских литейщиков к самусьско-сейминским образцам [1993, с. 86].

Формы для кельтов с овальным туловом без фасок найдены на поселениях самусьской культуры⁸ Крохалевка I [Молодин, Глушков, 1989, с. 52, рис. 25, 5] и Чекист [Матющенко, 1974Б, с. 48-49, рис. 1, 2]. Правда, в первом случае орудие имело валик, с которого свисают треугольники. Ребра жесткости отсутствуют на некоторых кельтах с культового комплекса Шайтанское озеро II [Кузьминых, Стефанов, 2012, рис. 2, 8] и Турбинского I могильника [Бадер, 1964, рис. 42, 54, 57]. У 7 орудий с последнего памятника отсутствует орнамент [Там же, с. 76, рис. 42–45]. Самые полные соответствия специфическому изделию с Волвончи I имеются в материалах жилища 4 поселения Тух-

⁸ Обращаясь к остаткам металлопроизводства с поселения Самусь IV, следует иметь в виду, что с памятника происходит не только керамика самусьской культуры. Около трети коллекции составляет гребенчато-ямочная посуда, не имеющая отношения к самусьскому культурному комплексу [Посредников, 1972, с. 29]. Археологи обособляют ее от собственно самусьской, относя к самостоятельной 2-й группе, или группе А (II тип) [Молодин, Глушков, 1989, с. 106, 129], или группе 3 [Васильев, 2001Б, с. 25–26]. Кроме того, предложено различать раннюю (степановскую или вызывающую степановские ассоциации) и позднюю гребенчато-ямочную посуду [Молодин, Глушков, 1989, с. 129; Васильев, 2001Б, с. 25]. Сравнимые материалы отличает не только декор, но и технологические характеристики. Поздняя гребенчато-ямочная керамика с поселения Самусь IV обнаруживает совершенно определенные параллели с материалами Томского могильника андроновского времени, исходя из чего она и была датирована XV–XIV вв. до н.э. [Посредников, 1972, с. 30–31, 35]. Эту керамику предложено именовать раннееловской или протоеловской, что не меняет ее соподчиненности более поздней еловской археологической культуре [Там же, с. 41; Васильев, 2001Б, с. 25].

Присутствие в слое поселения Самусь IV трех групп керамики предполагает дифференцированный подход к остаткам литейного производства с этого памятника [Молодин, Глушков, 1989, с. 108], хотя проблема разграничения литейных форм с него на собственно самусьские и гребенчато-ямочные комплексы более чем очевидна.

Носители самусьской культуры действительно владели литьем кельтов и копий весьма оригинального облика, отличных от СТ и СК серий предметов, о чем свидетельствуют материалы Крохалевки-1 [Глушков, 1983, рис. 1, 7; 2, 4].

Сигат IV. Здесь найдены створки для отливки одного-двух кельтов, втулка которых укреплялась по краю валиком. Одна из матриц имела расширение в лезвийной части, придававшее лезвию сечковидную форму [Кирюшин, 2004, рис. 125, 7, 11]. К сожалению, отсутствие сечений не позволяет судить о конфигурации изделия в поперечнике. Ю.Ф.Кирюшин датировал жилище андроновским временем, отнеся его предварительно к раннееловской культуре. Основание тому бронзовые височные кольца, напоминающие андроновские, и ^{14}C дата (табл. 20), полученная по углю из столбовой ямы: 3300 ± 90 л.н., или 1350 г. до н.э. (SOAN-1696) [Там же, с. 82–83, 87]. Однако предложенная датировка представляется существенно омоложенной, и к этому вопросу вернемся ниже.

Учитывая небольшой размер изделий с Пашкиного Бора I, а также отсутствие в коллекции сердечников, соответствующих матрицам по размеру и облику, можно допустить, что в некоторых небольших формах получали цельнолитые предметы без втулок, напоминавшие кельты только внешне. Это нисколько не исключает параллельного производства настоящих кельтов более крупных размеров, на что указывает один из керамических сердечников (рис. 153, 1). Не исключено также, что материалы Пашкиного Бора I и Волвончи I отражают начальный этап освоения таежным населением технологий позднего бронзового века, когда для получения почти готовых (не требующих существенной доработки) топоров использовались двусторонние формы и сердечники, позволявшие, кроме того, существенно экономить металл. Правомерно допустить, что этот процесс шел от более простых турбинских орудий к сейминским, а не наоборот, как полагают некоторые специалисты [Тихонов, 1960, с. 40; Черных, 1970А, с. 94].

Исследователи неоднократно выстраивали эволюционные ряды кельтов, прогнозируя возможный облик ранних и поздних орудий. Они сходились во мнении, что в начале рядов должны находиться орудия с обедненным орнаментом, не осложненные выступами-ушками, к которым и относятся изделия турбинского облика. М.Ф. Косарев, сопоставлявший орнаменты на керамической посуде и кельтах, отнес последние к четырем хронологическим группам, разместив в начале эволюционной цепочки самусьские кельты с валиками на боковых гранях и по краю втулки [1963, с. 24, рис. 1, 1–3, 7]. С.В. Зотова также отмечала отсутствие древнейших образцов среди имеющихся кельтов СТ типа, поскольку *«все наличные экземпляры представляют собой изделия очень совершенных форм...»* [1964, с. 63]. По мнению О.Н. Бадера, *«... эволюция сейминско-турбинских кельтов представляется как развитие от простой клиновидной, сравнительно короткой, неорнаментированной формы (рис. 42–44) к простым кельтам с орнаментальными поясками (основной турбинский тип, рис. 47–58). Наиболее короткая форма этого типа*

(рис. 55), встреченная и в Сейме и является одной из позднейших» [1964, с. 150]. Взгляды с М.Ф. Косарева и О.Н. Бадера, как более логичные и лучше согласующиеся с другими материалами, разделяет В.С. Бочкарев. Он полагает, что поздние варианты турбинских кельтов (усложненные ушками) могли сосуществовать с сейминскими «по крайней мере в лесной полосе Западной Сибири» [2010, с. 70–72].

С поселения Пашкин Бор I происходят керамические сердечники для оформления втулок других изделий. Один из них, служивший для отливки небольшого копья, сохранился полностью. Это конус длиной 121 мм и диаметром 27 мм. У других сердечников удалось установить лишь диаметры, составляющие 15,5 и 24,5 мм (рис. 153, 2–3, 7). Возможно, они использовались при изготовлении долот. К сожалению, облик самих отливок неясен, так как матрицы не сохранились.

Представления о металлопроизводстве кондинского населения и возможных источниках поступления сырья расширяют немногочисленные изделия из металла и их обломки. Вещи, их обломки и капли металла обнаружены при раскопках верхнекондинских поселений Геологическое III и XVI⁹ [Кокшаров, 2009А, с. 31–32, 59].

С Геологического III происходят 6 металлических предметов. Это обломок ножа из позднего полымьятского жилища 1 в раскопе I, пластина из ранней полымьятской постройки 4 и стержень из межжилищного пространства в раскопе III, подвеска-лунница, шило и расплющенная капля из раннеполымьятского жилища 1 в раскопе IV. В жилище 1А (раскоп I) раннеполымьятского поселения Геологическое XVI связаны пронизка и две небольшие пластинки (см. табл. 7 и 11).

Из перечисленных находок объяснимый интерес представляют обломок ножа и украшение в виде лунницы. Их морфологическое своеобразие позволяет наметить параллели среди древностей сопредельных и весьма отдаленных территорий. Что же касается пронизки и шила, то они относятся к числу массового материала, характерного для памятников эпохи раннего металла. Вместе с тем, независимо от типологической выраженности и сохранности находок, состав микропримесей в металле, позволяет установить его возможное происхождение. Рассмотрим предметы более детально.

Первоначальная форма ножа неизвестна (рис. 110, 7). Нельзя сказать ничего определенного о черешке (разумеется, если таковой имелся) и об оформлении перехода от

⁹ Перечень находок можно было бы дополнить каплями металла, обнаруженными Г.П. Визгаловым при изучении раннего полымьятского поселения Лева VIII [1986, с. 29, 31], но информация о составе найденного металла нигде не публиковалась.

лезвия к насаду. Между тем эти детали весьма существенны для определения типа и относительного возраста орудия.

Нож с Геологического III отличает асимметричность, проявляющаяся в наличии продольного ребра жесткости на одной из сторон лезвия. Ребро указывает на особенности изготовления предмета, в частности на отливку орудия в односторонней форме, имевшей, вероятно, плоскую крышку. В результате лезвие приобрело треугольное поперечное сечение, а не ромбическое, как, например, у абашевских (баланбашских) и срубно-андроновских ножей, образующих представительные серии [Черных, 1970А, рис. 56–58; Он же, 1978:75, рис. 10, 8, 34, 49, 52 и др.; Черных, Кузьминых, 1989, с. 95]. Если мы имеем дело не с каким-то локальным своеобразием, то морфологическая особенность изделия позволяет рассматривать его в качестве образца орудий переходного типа – от ножей с пластинчатым и линзовидным сечением клинка к ножам с ромбическим сечением. Не исключено, что по мере накопления источников эта деталь будет рассматриваться в качестве хронологически значимого признака.

В поиске параллелей публикуемой находке пришлось столкнуться с некоторыми проблемами. Прежде всего обращают на себя внимание отсутствие детальных описаний находок и низкое качество рисунков, приводимых в публикациях. Последнее проявляется в небрежности прорисовки поперечных профилей клинков или в полном отсутствии таковых. Проведенная работа все же дала определенные результаты. Выяснилось, что асимметричные ножи присутствуют на ряде памятников синташтинской культуры.

Двулезвийный нож с игловидным черешком и односторонним ребром по лезвию, имеющему в поперечном сечении треугольную форму, найден в большом Синташтинском грунтовом могильнике. А.Д. Дегтярева отнесла его к ножам первого типа [2010, с. 103, рис. 46, 7], хотя в первой публикации находка атрибутирована как наконечник дротика [Генинг и др., 1992, с. 219, рис. 105, 7].

Бронзовый двулезвийный нож с намечающимся перекрестием и ромбической пяткой черенка, с продольным ребром на одной из плоскостей лезвия происходит из погребения 17 (курган 7) могильника Танаберген II [Ткачев, 2007, с. 22, рис. 5, 1]. В.В. Ткачев отнес его к типу 1-1 [Там же, с. 182, 184, рис. 54, 2].

Он же приводит рисунок еще одного двулезвийного ножа из погребения 6 (курган 1) могильника Жаман-Каргала I. Орудие имеет удлиненное острое лезвие и асимметричную форму из-за одностороннего ребра. В поперечном сечении клинок треугольной формы [Там же, с. 56, рис. 26, 5]. Предмет отнесен к ножам типа 3-2 [Там же, с. 184, рис. 54, 4].

Разночтения возникают при выяснении морфологических деталей бронзового ножа из могилы 12 кургана 2 могильника Каменный Амбар-5. А.Д. Дегтярева сочла возможным отнести его к пятому типу ножей синташтинской культуры, подчеркнув наличие у изделия продольного ребра, проходящего от черенка до кончика лезвия [2010, с. 106, рис. 48, б]. Однако на рисунке предмета, выполненном автором раскопок А.В. Епимаховым, поперечное сечение лезвия и черешка – линзовидные [2005, илл. 42, 1].

А.Д. Дегтярева приводит рисунок двулезвийного ножа с односторонним ребром из погребения 6 (курган 10) могильника Кривое Озеро [2010, с. 101, рис. 43, 7]. Он снабжен выделенной прямой рукоятью и получен из полосы-заготовки в процессе формообразующейковки. При этом были произведены вытяжка, заострение рабочей части и плющение рукояти. Предмет отнесен к двулезвийным ножам с прямой рукоятью и клинком листовидной формы. Правда, из описания остается неясной причина появления ребра жесткости: возникло ли оно в процессековки или, все же это результат литья в форме.

Химический состав металла, использованного при изготовлении ножа с поселения Геологическое III, также не противоречит намеченным параллелям в синташтинской культуре. Это трехкомпонентный сплав на основе меди с такими легирующими добавками, как Sn и As (табл. 7). Подобные сплавы относятся к оловянно-мышьяковым бронзам, в которых второй компонент всегда уступает первому [Черных, Кузьминых, 1989, с. 167].

В зависимости от количества олова и мышьяка в медных соединениях различаются низко-, средне- и высоколегированные сплавы. Так, например, в качестве нижнего порога среднелегированных оловянных бронз рассматриваются сплавы, в которых доля олова не превышает 3,6% [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 37, 42]. Говоря о мышьяке, А.Д. Дегтярева относит к низколегированным соединениям те, где его примесь не превышает 1,5% [2010, с. 83, 87–88]. Вместе с тем концентрация As >0,20–0,25% статистически определяется в качестве нижнего порога оловянно-мышьяковых сплавов [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 39]. А.Д. Дегтярева, изучившая 95 предметов из синташтинских могильников Синташта II, Кривое Озеро, Каменный Амбар-5 и Герасимовка 2, установила, что группа оловянно-мышьяковых бронз в ней весьма невелика и представлена только четырьмя предметами: ножом, двумя браслетами, иглой (4,2% от общего числа). Судя по приведенным данным, концентрация Sn в металле варьирует в интервале 0,4–6,5%, а As – в интервале 0,12–2,2% [Дегтярева, 2010, с. 87 и табл. 10]. По содержанию олова и мышьяка (1,5% и 0,24%, соотв.) кондинский нож укладывается в обозначенный диапазон.

Вместе с тем оловянно-мышьяковые бронзы присутствуют не только в синташтинских, но и в петровских и СТ коллекциях.

При обработке 65 предметов с поселения петровского (или петровско-алакульского) типа Кулевчи 3 установлено, что комплексные оловянно-мышьяковые сплавы здесь также немногочисленны и занимают подчиненное положение. Они представлены четырьмя изделиями (6,2%), что объяснено специалистами ориентацией металлургов на южноуральские, северо- или центральноказахстанские источники сырья. Концентрация олова в соединениях варьирует в пределах 2,2–6%, мышьяка – 0,6–1,5%, при обязательном условии, что примесь последнего не должна быть меньше 0,2% [Дегтярева и др., 2001, с. 24, 34, табл. 7]. Металл, использованный для ножа с Геологического III, содержит меньшую примесь олова, но по нижнему порогу мышьяка почти сопоставим с кулевчинским.

Несмотря на неполное соответствие по составу металла, выстраиваемая параллель с петровскими древностями представляется перспективной. Дело в том, что с Кулевчей 3 происходит один любопытный предмет – тесло с продольным ребром жесткости на одной из плоскостей. Специалисты особо отмечают его асимметричность, приданную при литье, а не ковкой. С одной стороны, эта деталь выделяет орудие в большой серии евразийских тесел эпохи раннего металла [Там же, с. 27, рис. 2, 13], а с другой, несомненно, сближает его с рассмотренными синташтинскими ножами и находкой с Геологического III.

Характеризуя СТ металлопроизводство, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых предложили рассматривать Cu+Sn+As и Cu+Sn бронзы в ряде случаев как родственные, противостоящие сплавам, в которых характер легирующих примесей (искусственный или естественный) до конца неясен [1989, с. 170]. Из 353 образцов СТ металла к оловянно-мышьяковым сплавам отнесены 83 находки (23,5%) [Там же, с. 166, табл. 9, рис. 90]. Однако представительность последних не является достаточным основанием для отнесения кондинского ножа к СТ вещам. Дело в том, что изделия с асимметричным лезвием не фигурируют в сводках СТ ножей и кинжалов [Там же, рис. 51, 53–58, 60–68]. Впрочем, если придерживаться культурологической модели СТ феномена, предложенной Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, то этот факт не должен удивлять. Стремительно продвигавшееся по Евразии СТ население – носитель передовых для своего времени технологий в производстве металлических орудий и оружия – не могло столь быстро утратить свое мастерство и отказаться от выработанных стереотипов, перейдя к изготовлению более простых и примитивных изделий, подобных кондинскому.

Замечу, наконец, что С.В. Кузьминых, проводивший спектроаналитическое исследование ножа с Конды, допускает как алтайское, так и центральноказахстанское происхождение его металла [Кокшаров, 2011Б, с. 88].

Подвеска-лунница (рис. 110, 2) имеет очень условное сходство с предметами, найденными на гаринско-борских¹⁰, волосовских и катакомбных памятниках (рис. 256, 2–5, 7). В типологическом отношении она ближе всего подвескам из Галичского клада. Правда, и в этом случае не приходится говорить о полном тождестве сравниваемых изделий.

Коллекция металлических предметов, известная под собирательным названием «Галичский клад», найдена у села Туровское Костромской области. А.А. Спицын и В.А.Городцов первыми обратили внимание на присутствие среди вещей клада больших ланцетов с двумя изогнутыми остриями (рис. 256, 6, 8), отнесенных впоследствии к подвескам-лунницам [Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 128, рис. 2, 1; 4, 15]. Нетрудно заметить, что находки Галича и Конды объединяют серповидная форма, наличие отверстий для крепления и симметрично размещенные выступы. Правда, на кондинской луннице выступ прямоугольный и расположен по внешнему контуру серпа, тогда как на галичских изделиях выступы подтреугольные, в виде язычков, помещенные между опущенными концами-лопастями. Наконец, сибирский предмет в разы меньше галичских, длина которых достигает 155–160 мм.

Проблема культурной принадлежности Галичского клада, тесно связанная с определением его возраста, неоднократно поднималась в археологической литературе и до сих пор не решена. Одни археологи настаивают на абашевском облике галичского металла [Сальников, 1967, с. 45–46; Пряхин, Халиков, 1987, с. 128], другие говорят о многокомпонентности коллекции, включающей материалы нескольких культур (абашевской, баланбашской, турбинских древностях) [Бадер, 1964, с. 142–143]. Второй взгляд разделял Е.Н. Черных, опирающийся на результаты спектрального анализа металла. Им определен химический состав шести предметов, отнесенных к группам МП и ТК. По заключению исследователя, обе группы металла характерны исключительно для баланбашской, абашевской культур и отчасти для Турбинского могильника [Черных, 1970А, с. 110–111, табл. XII, ан. 406, 643–647]. Примечательно, что в более поздних работах Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых клад не фигурирует в списке СТ памятников, а упоминается лишь в связи с распространением единичных изделий СТ типа. К ним отнесен, например, кинжал, рукоять которого украшена головой змеи с открытой пастью [Черных, Кузьминых, 1987, карта 14; Они же, 1989, с. 108, 110, 297–298, рис. 62, 3].

¹⁰ Нахождение пластинчатых металлических лунниц в Прикамье и на Конде рассматривалось ранее как свидетельство связей восточноевропейского и сибирского населения [см.: Кокшаров, 1992А, с. 15–16].

В свое время А.А. Спицын отметил желтый цвет некоторых галичских вещей, в том числе одной лунницы. По предположению С.В. Кузьминых, они могли быть изготовлены из «оловянных и/или оловянно-мышьяковых бронз... восходящих к рудным источникам Алтая или Восточного Казахстана» [Студизцкая, Кузьминых, 2001, с. 138]. Приведенное допущение позволило исследователю дистанцироваться от прежней оценки галичской коллекции. Присутствие упомянутого кинжала, ярчайшего атрибута воинской элиты, дополненное спектроаналитическим изучением образцов металла, послужило достаточным основанием для отнесения клада к ритуально-культурному комплексу, который «самым естественным образом «вписывается» в воинскую культуру СТ популяций» [Там же, с. 138, 155–156]. В следующей работе галичская коллекция проинтерпретирована как погребение шамана, или кенотаф, включающий вещи из шаманского комплекта [Кузьминых, Дегтярева, 2006А, с. 233, 237]. В связи с обращением специалистов к химическому составу металла замечу, что кинжал изучался дважды и полученные ими данные значительно расходятся. Повторный анализ показал пониженное содержание в металле таких примесей как Sn, Pb, Fe, Au и, напротив, повышенную концентрацию As (4% против 0,85%) и Ag (0,2% против 0,03%) [Черных, 1970А, табл. XII, с. 164, 167, анализ № 643; Черных, Кузьминых, 1989, с. 297, 298, анализ № 35091].

Разумеется, версия об СТ принадлежности Галичской коллекции и соотношении последней с шаманской атрибутикой заслуживает внимания. Однако вряд ли она должна рассматриваться как единственная и безальтернативная.

Вряд ли нам удастся выяснить истинные обстоятельства возникновения уникального клада. Вместе с тем если допустить, что он включает предметы разных археологических культур, то не исключено его длительное формирование (на протяжении не одного, а нескольких столетий) и, следовательно, присутствие в собрании разновременных вещей. В этом случае клад может интерпретироваться, скорее, не как ритуально-культурный комплекс сибирских мигрантов, на чем настаивает С.В. Кузьминых, а в качестве долговременного периодически пополняемого святилища восточноевропейских аборигенов. Для убедительности высказанного тезиса приведу пример из сибирской этнографии.

Несочетаемое на первый взгляд собрание вещей предстало перед Л.Р. Шульцем, изучавшим в начале XX в. культуру хантов р. Салым (Среднее Приобье). На святилище аборигенов приносились разнообразные пожертвования покровителю – громовержцу *Тохтан ика*. В арсенал небожителя попали бронзовый однолезвийный нож с литой рукоятью (почему бы и не СТ или карасукского облика?), железный двулезвийный кинжал с долами – желобками для стока крови (похоже, сарматского времени) и русский бердыш

XVII в. [Кокшаров, 2000, с. 42–43, рис. 1]. Грудь духа защищал «доспех» в виде оловянного блюда (или таза), а его голову покрывали три шапки – нижняя войлочная и верхняя – детский суконный картуз. Почитатели оставляли на святилище отрезки тканей, русские монеты, жертвовали животных [Шульц, 1924, с. 193–195]. Археологизация подобного объекта и последующие раскопки в месте его расположения при отсутствии информаторов, несомненно, затруднили бы интерпретацию памятника.

Приведенный факт позволяет предположить одновременность вещей Галичского собрания и усомниться в гипотезе о СТ принадлежности археологического памятника. С другой стороны, возникает необходимость в решении другой сложной задачи – по установлению возраста отдельных категорий находок. В полной мере это касается датировки галичских лунниц. Вместе с тем подвеска с Геологического III, имеющая типологическую близость с последними, ни в коем случае не может быть соотнесена и синхронизирована с СТ древностями.

Изделие с верховьев р. Конды указывает на существование опосредованных трансуральских связей в досинташтинское время, благодаря которым металл и вещи, произведенные абашевскими металлургами и литейщиками, могли поступать даже на север Западной Сибири. В качестве посредников, распространявших эту продукцию, могло выступать население как горно-лесного Урала, с которым связаны объекты карасьеозерского типа [Чаиркина, 2005, с. 297–298, рис. 33; 2011:153–154, рис. 12], так и Прикамья, оставившее гаринско-борские памятники.

Пронизка (рис. 110, 1) по своей форме ничем не выделяется среди подобных изделий на многочисленных памятниках бронзового века [Сорокин, 1962, с. 56, табл. XXXVII, 26, XLI, 13–15; Черных, 1970А, с. 73, рис. 62, 29; Потемкина, 1985, с. 227–228, рис. 88, 7; Молодин, 1985, с. 67, рис. рис. 33, 5–6; Матющенко, Сеницына, 1988, с. 81, рис. 7, 12; Матвеев, 1998, с. 250–251, рис. 51, 8, 10, 12; 54, 21; Ткачев, 2007, с. 195, 298, рис. 58, 17; Грушин и др., 2009, с. 115, рис. 20, 12–15; Дегтярева, 2010, с. 42, рис. 13, 16–19 и др.]. Вместе с тем ее значимость повышается, если принять во внимание принадлежность предмета к раннему полымьятскому жилищу и учесть состав примесей в металле.

Пронизка отличается от медных пластинок из того же раскопа желтым цветом и твердостью. Ее облик и прочность обусловлены присутствием мышьяка (0,1%).

Е.Н. Черных относит сплавы меди с мышьяком (0,04–2,5%), или мышьяковистую медь, к группе ТК, и рассматривает их как естественные. По его мнению, сырье для получения этого металла добывалось населением уральской абашевской (баланбашской) культуры на южноуральском месторождении Таш-Казган. Он полагает, что эксплуатация

рудника могла прекратиться с концом бытования данной культуры [Черных, 1970А, с. 26, 92, 109–110]. Позже Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых откорректировали свой взгляд на Cu+As сплавы группы ТК, отнеся их к мышьяковой меди, или к условным мышьяковым бронзам [1987, с. 93; Они же, 1989, с. 172; Черных, 2007, с. 82], связав эксплуатацию Таш-Казгана с населением абашево-синташтинской общности.

В 2010 г. к проблеме атрибуции мышьяковых бронз обратилась А.Д. Дегтярева. Проанализировав существующие мнения, она приняла в качестве нижнего порога легирования As условную величину $>0,1\%$, а к низколегированным соединениям отнесла те из них, где примесь мышьяка не превышает $1,5\%$ [2010, с. 83, 87–88]. Следуя ее выводам, пронизку с Геологического III следует отнести к изделиям из меди с естественным повышенным содержанием мышьяка. Связь предмета с архаичным полымьятским комплексом может являться еще одним свидетельством распространения на севере Сибири металла, произведенного абашевскими металлургами.

Шило (рис. 110, б) не имеет морфологических особенностей, выделяющих его из подобных изделий бронзового века сопредельных территорий [Черных, 1970А, рис. 60, 1–34; Дегтярева, 2010, рис. 58, 1–36, 38–41]. Предмет изготовлен из металлургически чистой меди. Для нее обычны микропримеси от сотых до десятитысячных долей и *«характерно отсутствие явных признаков легирования посторонними примесями; присутствие химических элементов, чье происхождение в меди должно быть связано либо с их переходом в металл из руд (специалистами предложено обозначение Cu), либо за счет примешивания к чистой меди некоторого количества бронзового лома»* или скрапа (Cu*) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 166; Черных, 2007, с. 80; Дегтярева, 2010, с. 27]. Происхождение такого металла установить достаточно сложно, поскольку исходным сырьем для него могла быть руда из различных месторождений. В этой связи обращают на себя внимание окисленные руды с широко распространенными малахитом, азуридом, купритом и даже самородной медью в верхних горизонтах почти всех восточноуральских месторождений Среднего и Южного Урала [Дегтярева, 2010, с. 20–23, рис. 6].

В свое время Е.Н. Черных локализовал к востоку от хребта немногочисленную группу меди без значительных примесей, определенную как ЗаУ (зауральская) [1970А, с. 34, рис. 31; Он же, 2007, с. 82]. Однако он отмечал, что разработка зауральских месторождений началась несколько позже, чем приуральских, привязанных к многочисленным медистым песчаникам, дававшим *чистую* медь группы МП [1970А, с. 122]. На добычу именно этого сырья было ориентировано прикамское население, оставившее памятники гаринско-борской культуры [Там же, с. 34, 108, табл. 5]. Согласно

опубликованным данным, с территории Камско-Вятского междуречья происходит ~60% уценных находок из металла, из которых 45% связано с гаринскими объектами, что в разы превышает коллекции с карельских (22%), волго-окских (15%) и зауральских памятников [Черных и др., 2011, с. 29, табл. 1]. Не случайно специалисты связывают распространение металла в безрудных районах Восточной Европы с функционированием камских мастерских [Там же, с. 29]. Наконец, происхождение металла группы МП может быть напрямую связано с деятельностью ямных горняков, приступивших к разработке южноуральского Каргалинского месторождения [Черных, 2007, с. 80, рис. 5.6; Дегтярева, 2010, с. 20–21, 27–28].

Исследования показали, что преобладание меди МП характерно для ранней стадии развития древнеуральской металлургии [Черных, 1970, с. 122; Кузьминых, 1983Б, с. 27; Кузьминых, Агапов, 1989, с. 178–197]. В более позднее время ее использование постепенно идет на убыль, но не прекращается совсем [Черных, Кузьминых, 1989, табл. 9]. Е.Н. Черных отмечает преобладание песчаниковой меди группы МП на памятниках абашевской культуры (или абашево-синташтинской общности) Поволжья и Приуралья [1970А, с. 34, рис. 26, табл. 5; Он же, 2007, с. 82, рис. 5.6; Он же, 2009, с. 51], хотя до сих пор следы деятельности абашевцев на Каргалинском рудном поле не выявлены [Он же, 2007, с. 84].

Результаты атомно-эмиссионного спектрометрического и спектрального анализов металла свидетельствуют, что мастера абашевской и синташтинской культур изготавливали шилья из меди с повышенными концентрациями As [Черных, 1970А, табл. VIII, № 471, 478; Дегтярева, 2010, с. 117, табл. 10, № 275, 276, 38507, 288, 292, 293, 116, 117, 122, 140, 143, 149]. «Чистая» же медь использовалась для производства шильев населением ямной и гаринско-борской культур [Дегтярева, 2010, с. 45, 63, табл. 4 № 042, 050–051, 310, 053, 065; табл. 6 № 305, 27868; Черных, 1970А, табл. XI, № 1493, 1497, 1511, 4583].

Исследуя химический состав металла с поселения Геологическое III, С.В.Кузьминых обратил внимание на такую его особенность как повышенное содержание серебра – 0,13–0,43% (табл. 7). В письме, сопровождающем таблицу с результатами анализов, он указал на уральское происхождение металла, затруднившись, правда, с локализацией месторождений. Позднее примесь Ag, достигающая десятых долей, была зафиксирована и в двух образцах с поселения Геологическое XVI (табл. 11).

Чистая медь с включениями Ag в 0,15% уже привлекала внимание археологов. С.В.Богданов определил ее как «серебристую», связав с медистыми песчаниками Нижнекамского металлургического района, которые разрабатывались населением волосово-гаринской общности. По его мнению, из этого металла изготовлены тесло и шило,

найденные в позднеямном комплексе кургана 1 Утевского I могильника [Богданов, 2006, с. 351; Кореневский, 1977, с. 52, с. 52–53, табл. 3; рис. 1, 2, 5]. Однако медь с десятыми долями Ag могла быть получена не только из медистых песчаников Нижнего Прикамья, но и из других рудопроявлений Урало-Поволжья. Присутствие Ag отмечено в металле группы МП средневожской абашевской культуры [Черных, 1970А, табл. VIII, № 194, 206–207, 213–214, 216–217, 476–477, 480], в изделиях гаринско-борских мастеров [Там же, табл. XI, № 1495, 1498–1499, 1501–1502, 1504, 1509–1511, 1513, 4575–4576, 4615], в образцах группы ЗаУ [Там же, табл. X, № 6511; табл. XII, № 3292, 4796], в случайных находках из Поволжья и Приуралья [Там же, табл. XII, № 406, 644, 4646, 4661, 4665–4667, 4847, 4858], в ямном металле Болдыревского I могильника [Орловская, 1994, с. 112–113, табл. 3; Дегтярева, 2010, с. 45, табл. 4, № 35738, 35740–35741, 35743–35744], в предметах балановской и фатьяновской культур [Черных, 1963, с. 364, табл. на с. 366; Пестрикова, 1979, с. 108–109, табл. I] и в других находках Урало-Поволжья [Кузьминых, Черных, 1976, с. 53].

Приведенные факты и наблюдения позволяют признать мнение С.В. Кузьминых по происхождению «серебристой» меди как наиболее взвешенное и корректное. Вместе с тем приведу еще одну точку зрения, объясняющую присутствие благородного металла в гаринско-борском металле. Она принадлежит пермскому геологу Ю.А. Нечаеву и приведена в монографии О.Н. Бадера: *«Образцы ... в которых много серебра, но нет других элементов, представляют собой переплавленную (переочищенную) медь, все остальные элементы которой удалены в шлак или ушли с газами»* [1961Б, с. 260, табл. 40].

Металл из месторождений Волго-Камья и Южного Зауралья мог поступать и на север Западной Сибири, например, на Южный Ямал [Черных, 2007, с. 38–39, карта 3.1] и в бассейн Северной Сосьвы [Васильев, 1983, с. 53; Он же, 1989, с. 7; Он же, 2000Г, с. 69].

5.1.1. Замечания к хронологической позиции полымьятских памятников

Археологи неоднократно обращались к проблеме хронологии памятников полымьятского типа. Одним из первых ее затронул С.В. Кузьминых, когда ознакомился с остатками литейного производства поселения Лева VIII. Со слов Г.П. Визгалова, он заметил, что в коллекции присутствуют обломки одностворчатых литейных форм досейминского периода, служивших для изготовления заготовок-болванок, которые ковкой доводились до нужной формы [Визгалов, 1988, с. 51, 53].

Через непродолжительное время исследователь вновь обратился к неординарным материалам поселения Лева VIII, но уже с откорректированной оценкой находок. Вопрос о досейминском возрасте коллекции уже не поднимался, а все памятники, где были

обнаружены подобные вещи, предложено было отнести к периоду квазиэнеолита [Кузьминых, 1993, с. 117–118]. В новой концепции предусматривался скачкообразный переход таежного населения непосредственно из квазиэнеолита в поздний бронзовый век [Там же, с. 118–119]. Разумеется, предложение объединить в рамках данного периода объекты, датируемые с разбросом в более чем тысячу лет, вызывает естественное возражение. Тем более, что часть из перечисленных материалов занимает совершенно четкие позиции в типолого-хронологических схемах, разработанных для Урала и Западной Сибири [Кокшаров, 2006А, с. 44-45].

Новый подход С.В. Кузьминых к определению хронологической принадлежности поселения Лева VIII может показаться неожиданным. Однако его позиция становится объяснимой, если принять во внимание выход в 1987 и 1989 гг. работ Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, где рассмотрен обширный круг памятников позднего бронзового века и подняты проблемы, связанные с изучением СТ древностей. Они предложили оригинальную культурологическую модель СТ феномена, призванную объяснить стремительное распространение на территории Северной Евразии передовых технологий литья позднего бронзового века, оловянистых бронз, комплекса металлического и каменного инвентаря с выраженным транскультурным обликом. Перечисленные явления связываются со стремительным переселением СТ популяций металлургов-коневодов из районов Южной и Восточной Сибири [Черных, Кузьминых, 1987, с. 84–105; Они же, 1989, с. 269–277]. Они распространяли в ходе миграций новые технологии обработки металла, приобщая к ним аборигенов Северной Евразии. Именно внешний культурный толчок мог привести к сложению на севере Западной Сибири собственного производства, ориентированного на литье изделий СК облика.

Действительно, в предложенную модель хорошо вписывается образ отсталых (постнеолитических, по С.В. Кузьминых) культур таежных рыболовов и охотников Урала Западной Сибири, пребывавших в состоянии длительной стагнации и полной изоляции от окружающего мира и познакомившихся с секретами металлообработки от мигрирующих металлургов-коневодов.

Примечательно, что у исследователей отсутствует единое мнение о времени существования полымьятских древностей р. Конды. Памятники, где найдены литейные формы кельтов (Пашкин Бор I и Волвонча I), фигурируют в сводках СК объектов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 145, 148, 152]. Следуя же концепции СТ феномена, СК серии вещей должны быть производными от СТ металла и появиться лишь в ПБВ-3 [Черных и др., 1990, с. 34–37]. Похоже, подобная оценка не во всем устраивает сторонников СТ феномена

О.Н.Корочкову и В.И. Стефанова, полагающих, что поздние полымьятские поселения Конды возникли во время продвижений в таежную зону СТ мигрантов в период ПБВ-1 [Корочкова, 2010А, с. 86; Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 85]. Вслед за С.А. Григорьевым они не видят оснований для хронологического разграничения полымьятской и варпаульской керамики, объясняя своеобразие обоих комплексов характером памятников: первые соотносятся с поселениями, а вторые с погребально-культурными объектами [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 85]. Не видя различий ранних и поздних полымьятских памятников и синхронизируя полымьятские и варпаульские древности досейминского и сейминского периодов, коллеги выстраивают не бесспорные и противоречивые модели исторических процессов.

Остановимся более детально на хронологии разновременных полымьятских объектов. Это позволяет выйти на соответствующие культурно-хронологические горизонты, сменяющие друг друга в бронзовом веке на Урале и в Западной Сибири.

5.1.1.1. Время бытования ранних полымьятских памятников

Для обоснования хронологии памятников полымьятского типа следует обратиться к стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям, вещевому материалу (изменению облика технологической и бытовой керамики, сопутствующим предметам из камня, глины, металла) и имеющимся ¹⁴С датам.

Смена культурных напластований переходного времени от неолита к бронзовому веку полымьятскими прослежена по стратиграфии поселений Геологическое III, XVI, Лева VIII, Пашкин Бор I и Волвонча I. Кроме того, на поселении Геологическое III установлено соотношение ранних (архаичных) и поздних полымьятских объектов.

На поселении Геологическое III, в раскопе III, отмечено перекрытие волвончинского жилища 3 сооружением 4 с РПК (рис. 111) [Кокшаров, 2009А, с. 33, рис. 19; Он же, 2011Б, с. 86]. Аналогичная ситуация зафиксирована на поселении Геологическое XVI, в раскопе I, где котлован волвончинского жилища 1 находится под ранним полымьятским сооружением 1А [Кокшаров, 2009А, с. 59, 241; Он же, 2011Б, с. 86]. На том же памятнике, в раскопах III–IV, отмечены разрушения атымьинских слоев ранними полымьятскими [Кокшаров, 2009А, с. 81, 89]. Прорезание слоя переходного времени (судя по отчету, с волвончинской керамикой) ранним полымьятским отмечено Г.П. Визгаловым на поселении Лева VIII [1986; Он же, 1988, с. 52]. При возведении позднего полымьятского жилища на поселении Пашкин Бор I был разрушен подстилающий культурный слой с керамикой атымьинского типа [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 166], а на Волвонче I над

большим сооружением с волвончинской керамикой находился котлован позднеполымьятской постройки [Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 63].

С другой стороны, на поселении Геологическое III дважды прослежено стратиграфическое соотношение ранних и поздних полымьятских объектов. Западная часть ранней полымьятской постройки 4 в раскопе III уничтожена ямой с ППК (см. сев. профиль уч. Д/19 на рис. 121) [Кокшаров, 2011Б, с. 87], а западная часть раннего полымьятского жилища 1 в раскопе IV прокопана ниже уровня пола ямой с баночным сосудом, сформованным на горшке-шаблоне (рис. 122, 10) [Там же, с. 79, рис. 2, 10].

В облике РПК отчетливо просматривается ее преемственность по отношению к волвончинской посуде предшествующего времени. Это проявляется в сохранении круглодонных сосудов баночных форм, гребенчато-ямочной орнаментации и частом использовании зубчатых штампов с косой нарезкой зубцов, в наличии на орнаментальном поле разделительных поясков из подтреугольно-овальных глубоких вдавлений, нанесенных гребенчатыми штампами. На некоторых емкостях сохраняется вертикальная разбивка орнаментального поля при доминировании монотонно-линейные композиций. Схожесть сравниваемых материалов проявляется также в наличии на стенках сосудов антропо- и зооморфных изображений [Собольникова, Глушков, 2005, рис. 10, 1].

В зоне под венчиком у РПК помещаются треугольные вдавления, выполненные углом гребенчатых штампов. Ей свойственен еще один признак, который можно отнести к числу хронологических. В коллекциях поселений Геологическое III, XVI, Чилимка IV, X, Болчары и Кама II, расположенных по всему течению Конды от ее истоков до устья, присутствует небольшая группа сосудов (~7%) со следами выбивки стенок колотушкой, оставлявшей т.н. псевдотекстильные отпечатки (рис. 123, 6, 8; 141, 1, 3, 12) [Молодин и др., 1991, с. 7–8, рис. 3, 6; Глушкова, 1993, с. 63; Собольникова, 1999, с. 19–20; Глушков, 2005, с. 34, 36, 38, 42, рис. 5; Глушков, Собольникова, 2005, с. 56, 61; Глушков, Глушкова, 2009, с. 51–52].

Использование в качестве декора отпечатков ткани или обработка стенок специальной колотушкой под «текстиль» известны по керамике начала бронзового века Нижнего Приобья [Кокшаров и др., 2012, с. 341], поздней барсовогорской керамике [Чемякин, 2008, с. 38, рис. 27, 15], по кульёганской посуде Сургутского Приобья [Сергеев, Погодин, 2008, рис. 13, 3; Мызников и др., 2012, с. 66, рис. 5, 9], по васюганским материалам [Кирюшин, 2004, с. 49], но чаще всего такое оформление встречается в южных районах Западной Сибири на материалах одиновской и крохалевской культур начала бронзового века [Крижевская, 1977, с. 89, табл. XXI, 5, 7; Молодин, 1981, с. 66–67, 70, 72, рис. 5; 6, 5–

6, 11; Полосьмак, 1978, с. 36, 38, 43, рис. 5, 3; 7; Молодин, Глушков, 1989, с. 112; Ламина, Добрецов, 1990, с. 55]. Ранее уже отмечалось, что применение термина «лесное Одино» [Корочкова и др., 1991, с. 74] по отношению к материалам кондинских и других северных памятников представляется неуместным по причине удаленности от них эпонимного приишимского поселения Одино [Кокшаров, 2011Б, с. 5].

Н.В. Полосьмак и В.И. Молодин не исключают, что более раннее население, оставившее памятники одиновской и крохалевской культур, могло какое-то время сосуществовать с кротовскими и самусьскими племенами [Полосьмак, 1978, с. 45; Молодин, 1981, с. 74–75; Он же, 1985, с. 34]. В совместной работе В.И. Молодина и И.Г. Глушкова вопрос о возрасте крохалевской керамики оставлен открытым, хотя авторы отметили на поселении Крохалевка-4 обломок литейной шишки для копья, омолаживающей памятник [1989, с. 112].

По мнению Т.М. Потемкиной, одиновско-крохалевский пласт памятников ранней бронзы, укладываемый между концом III – началом II тыс. до н.э., должен быть синхронен кротовским и вишневым поселениям, но предшествовать появлению андроновской общности [1985, с. 277, 279]. Изучая «текстильную» керамику поселения Верхняя Алабуга в Притоболье, она отметила общие черты этой посуды по форме, пропорциям и орнаменту с ранней полтавкинской посудой Нижнего и Среднего Поволжья, предположив синхронность сравниваемых коллекций. Архаичность «текстильному» керамическому комплексу Верхней Алабуги придают фрагменты сосудов гаринско-борского облика, легко распознаваемые по многочисленным кавернам от выгоревших растительных примесей [Там же]. Если «текстильная» и пористая керамика этого притобольского памятника действительно образуют единый комплекс, то перед нами одно из свидетельств трансуральских связей, которые поддерживало восточноевропейское (видимо, прикамское) и сибирское население. В свою очередь, на синхронность гаринско-борских, фатьяновских и абашевских объектов, а также на возможные контакты их носителей указывал Е.Н. Черных [1970А, с.107, 124].

К проблеме хронологической принадлежности одиновско-крохалевских объектов неоднократно обращался М.Ф. Косарев. Он рассматривал текстильные отпечатки как определенный хронологический репер, указывая на раннебронзовый возраст одиновской и крохалевской культур, которые хронологически следует помещать между энеолитическими и самусьско-сейминскими комплексами [1987Б, с. 264; Он же, 1993, с. 70–71, 73–75].

И.Г. Глушков, пристально изучавший в 2000-е гг. «текстильную» керамику Конды, отметил сравнительную малочисленность таких сосудов в коллекциях [2005, с. 34]. Их

присутствие в чилимских поселениях послужило основанием для включения нижнекондинских объектов в круг древностей одиновско-крохалевского культурно-хронологического горизонта, где ложнотекстильная керамика не является редкостью. Т.Н.Собольникова и И.Г. Глушков предложили объединить упомянутые древности в рамках одной общности [Собольникова, 1999, с. 9, 19; Глушков, 2005, с. 42, 44], занимающей в хронологическом отношении диапазон между екатерининскими (гребенчато-ямочными) памятниками и кротовско-елунинско-ташковско-степановскими, керамика которых украшена «движущейся» гребенкой [Глушков, Глушкова, 2009, с. 109].

В последние годы наметилась тенденция к расширению временных границ одиновских и крохалевских древностей. В.И. Молодин, привлекая ^{14}C даты, удревняет одиновскую культуру до первой половины III тыс. до н.э. [2008, с. 12; Он же, 2011, с. 254]. Несмотря на факты перекрытия одиновских захоронений 382–384, 410 кротовскими погребениями 381 и 409 на могильнике Тартас-1 [Молодин и др., 2011, с. 53, 55, рис. 2], он допускает тем не менее параллельное бытование одиновских/крохалевских памятников и объектов с СТ металлом (например, кротовских). Правда, во втором случае, при обсуждении находок из Мундыбаша-1, Долгой-1 и Преображенки-6, подчеркивается отсутствие достоверных сведений, указывающих на однозначную синхронизацию названных материалов [Бобров, 2000, с. 78; Ковтун, Марочкин, 2011, с. 74] или акцентируется внимание на наличии разновременных объектов на памятниках [Молодин, 2008, с. 11; Молодин, Чемякина, 2009, с. 620].

Недавно опубликованные данные указывают на наличие в одиновских захоронениях могильников Преображенка-6 (погребение 24) и Тартас-1 (погребение 487) СТ копья и кельта [Молодин, 2013, с. 310–321, рис. 3–4; 13, 3]. Таким образом, позиция сторонников синхронизации памятников Одино–Кротово–СТ получает как будто серьезные аргументы. Вместе с тем ряд обстоятельств требует дальнейшей проработки. Во-первых, в упомянутых могилах отсутствует керамика одиновского облика, что, на мой взгляд, затрудняет культурную атрибуцию объектов. Во-вторых, требует объяснения архаичный облик металлопроизводства на одиновских поселениях при наличии орудий и оружия СТ облика в погребениях. В-третьих, совершенный облик металла не сочетается с архаичным каменным инвентарем одиновских поселений.

Спектр мнений, затрагивающих проблему хронологии крохалевско-одиновских комплексов начала бронзового века, дополняют попытки связать исчезновение крохалевских памятников в Приобье с приходом носителей федоровской культуры [Зах, 1997Б, с. 26], отнести одиновские древности к постташковскому времени [Он же, 2009, с.

282] или рассматривать древности «лесного Одино» в контексте с СК металлом Тюменского Притоболья [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 88, 90]. Напомню, что, по мнению специалистов, СК серии предметов должны появиться в Западной Сибири не ранее XIV вв. до н.э. или во время переоформления и распада ЕАМП (ПБВ-3), одновременно с оформлением общности культур валиковой керамики [Черных и др., 1990, с. 36].

Говоря иначе, археологи констатируют отсутствие «чистых» памятников с ложнотекстильной керамикой и приходят к выводу о корректности объяснения культурно-хронологической позиции комплексов, аналогичных одиновско-крохалевским [Стефанова, Стефанов, 2007, с. 93]. Проблемная ситуация сложилась во многом из-за разброса радиоуглеродных дат, полученных как для одиновских комплексов [Крижевская, 1977, с. 91–92; Молодин, 2008, с. 12], так и для СТ [Епимахов и др., 2005, с. 97, 99, табл. 3; Юнгер, Карпелан, 2005, с. 112; Черных, 2008, с. 262]. Это неизбежное следствие абсолютизации возможностей ^{14}C метода, ведущего, как отмечалось выше, к неизбежной синхронизации древностей при том, что задокументированы случаи перекрывания одиновских погребений кротовскими (Тартас-1) [Молодин и др., 2011, с. 55, рис. 2]. Не удивительно, что специалисты предпочитают уклоняться от комментариев по поводу чрезмерной архаизации одиновских комплексов [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 73].

Сложившаяся ситуация действительно неоднозначна, и было бы неразумно игнорировать кондинские материалы, занимающие совершенно определенную хронологическую позицию среди древностей ЭРМ Западной Сибири.

Отнесение ранних полымьятских комплексов с псевдотекстильной керамикой к началу бронзового века по региональной периодизации или позднему периоду ЦМП по североевразийской схеме Е.Н. Черных не только устанавливается по стратиграфическим наблюдениям на кондинских памятниках, но и согласуется с обликом остального инвентаря (прежде всего это остатки литейного производства и изделия из металла), а также с химическим составом металла.

На правомерность отнесения ранних полымьятских памятников к самому началу бронзового века указывают подвеска-лунница из $\text{Cu}+\text{Ag}$ сплава (Геологическое III) – рис. 110, 2; пронизка с микропримесью мышьяка (Геологическое XVI) – рис. 110, 1; предметы из меди групп МП или ЗаУ [Кокшаров, 1999, с. 64] и архаичные литейные формы для слитков-полуфабрикатов (Лева VIII) – рис. 120, 4, 9, 12.

Об относительном возрасте подвески свидетельствуют материалы раскопа IV. Как отмечалось, она лежала в очаге раннеполымьятского жилища 1. Западная часть котлована жилища разрушена ямой, заполненной подзолом, в которой находился сосуд позднего

полымьятского облика. Примечательно, что последний изготовлен на горшке-шаблоне [Кокшаров, 2011Б, с. 79, рис. 2, 10], т.е. по технологии, распространенной среди синташтинских и петровских мастеров. Стратиграфия исключает отнесение лунницы к позднеполымьятскому керамическому комплексу поселения Геологическое III, который обнаруживает параллели в аркаимо-синташтинских и петровских памятниках. Таким образом, лунница может датироваться началом бронзового века по региональной периодизации и быть синхронна памятникам средней бронзы Восточной Европы поздней фазы ЦМП [Кокшаров, 2006А, с. 49; Он же, 2011Б, с. 86-87; Он же, 2012В].

Такой вывод согласуется с химическим составом металла подвески, в котором отмечено повышенное содержание серебра (1,6%). Сейчас сложно судить о том, является ли это соединение естественным, т.е. обусловленным изначально высоким содержанием в медной руде благородного металла (на это, правда, может указывать сопутствующий Pb), или это искусственный сплав – бронза, полученная древним литейщиком путем смешивания двух исходных компонентов – меди и серебра. Вероятно, подобные соединения имеют в виду Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, когда ведут речь о сплавах с неясным характером легирующих примесей [1989, с. 170].

Исключительная редкость медно-серебряных и серебряных изделий на археологических памятниках бронзового века севера Западной Сибири вынуждает обратиться к материалам территорий, на которых они известны с древности.

Медно-серебряные сплавы производили металлурги, знакомые в равной степени с месторождениями меди и серебра. В археологической литературе неоднократно указывалось на присутствие серебра в некоторых медных месторождениях Урала и происхождение Cu+Ag и Ag+Cu сплавов связывалось именно с Уральской горно-металлургической областью [Тихонов, 1960, с. 8–10; Черных, Кузьминых, 1987, с. 95]. По мнению Е.Н. Черных, близкие характеристики серебра, входящего в состав турбинского и абашевского металла, могут указывать на единый источник сырья у носителей обеих культур [1970Б, с. 161]. В связи с этим он и его коллеги акцентируют внимание на уникальном месторождении Никольское с высоким, нехарактерным для уральских руд, содержанием серебра. Допускается также, что древние горняки могли разрабатывать в Никольском самородный металл, или так называемые «серебросодержащие жилы», из которого выплавлялось серебро с высоким содержанием меди, находимое на баланбашских, абашевских памятниках и Турбинском могильнике [1970А, с. 42; Он же, 2009, с. 280; Кузьминых, Агапов, 1989, с. 194; Черных, Кузьминых, 1989, с. 172]. Говоря о производстве биллонов, серебра и мышьяковистой меди, специалисты указывают на

зауральский абашевский металлургический очаг [Черных, Кузьминых, 1989, с. 172, 220; Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 137]. При таком подходе было бы логично рассматривать медно-серебряную подвеску с Геологического III в качестве абашевского импорта.

Вместе с тем в работах Е.Н. Черных, опирающегося на ^{14}C даты, конструируется обширная абашево-синташтинская общность, относимая к первой фазе ПБВ [Черных и др., 2002, рис. 16; Черных, 2007, с. 75, 78, 86, рис. 5.10; Он же, 2009, с. 278–279]. Говоря о деятельности мастеров абашево-синташтинских производственных центров, он подразумевает синхронную эксплуатацию ими Никольского рудника и расположенного в 1,5 км от него Таш-Казганского месторождения, руда которого отличается повышенным содержанием As [Черных, 2007, с. 78, 81, 83–84]. Идея существования общности поддержана С.В. Кузьминых, указывающим на абашево-сейминское или абашево-синташтинское происхождение металла с повышенным содержанием Ag, из которого выполнена подвеска в 1,5 оборота с Пяку-то I [Косинская, 2010, с. 59]. Концепция абашевско-синташтинской общности и времени ее существования, предложенная Е.Н. Черных, активно поддержаны О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым [2011Б, с. 72], считавшими ранее, что хронология Абашева – «*вопрос отнюдь не закрытый*» [2000, с. 82]. Однако было бы опрометчиво упрощать обозначенную проблему и разделять оптимизм О.Н. Корочковой, уверенной в исчерпанности дискуссии о хронологическом соотношении абашевских и синташтинских древностей [2012А, с. 26, 28; Она же, 2012Б, с. 144].

Нельзя не заметить, что в рассуждениях Е.Н. Черных и его сторонников не конкретизировано одно очень важное обстоятельство: они ведут речь о полной или частичной синхронизации Абашева и Синташты? Совершенно очевидно желание коллег рассматривать обе культуры наряду с СТ комплексами в рамках первой фазы позднего бронзового века, хотя продолжительность или, напротив, скоротечность ПБВ-1 опять-таки не оговаривается. Данный подход представляется излишне прямолинейным, не учитывающим некоторые важные нюансы.

Многие специалисты отводят существованию синташтинских памятников достаточно узкий временной диапазон [Генинг и др., 1992, с. 376; Горбунов В. С., Горбунов Ю. В., 2010, с. 29; Епимахов, 2010, с. 51; Мочалов, 2010, с. 79; Виноградов, 2011, с. 93–94, 147 и др.], тогда как ситуация с абашевской культурой выглядит диаметрально противоположной [Тихонов, 1978, с. 89–90; Пряхин, 1980, с. 19–23; Пряхин, Халиков, 1987, с. 125; Ткачев, 2007, с. 245; Кузьмина, 2010, с. 57–58 и др.]. На самом деле хронологическое соотношение абашевских и синташтинских древностей является нерешенной проблемой, поскольку сходство материалов обеих культур оценивается двояко: либо как результат

происхождения синташтинских традиций из абашевских, либо как свидетельство их синхронности [Епимахов и др., 2005, с. 93; Виноградов, 2011, с. 7]. Эта тема поднималась и широко обсуждалась на круглом столе, проведенном в 2005 г. в Челябинске [Происхождение и хронология..., 2010, с. 133–184]. Один из участников дискуссии, М.В.Халяпин, подготовил соответствующий историографический очерк, в котором изложил основные взгляды, оформившиеся по данному вопросу. Речь идет либо о полной синхронизации памятников (по крайней мере, уральского Абашева), либо об абсолютном хронологическом приоритете первых над вторыми, либо о частичной синхронизации поздних абашевских и синташтинских памятников. М.В. Халяпин склоняется к двум последним позициям, подкрепляя рассуждения материалами могильника у горы Березовой, где абашевская ограда прорезана синташтинскими могилами [2010, с. 107–108]¹¹.

Наблюдения М.В. Халяпина на южноуральском памятнике, указывающие на одновременность абашевских и синташтинских объектов, получают неожиданное подтверждение в материалах поселения Геологическое III. Если верен вывод об абашевской принадлежности лунницы из Cu+Ag сплава, происходящей из раннего полымьятского жилища в раскопе IV, то факт его прорезания ямой с сосудом позднего полымьятского облика, изготовленным на горшке-шаблоне, дает основания для синхронизации поздних полымьятских слоев с синташтинско-петровскими древностями.

Условия залегания лунницы с Геологического III и особенности состава металла дают основания для отнесения находки к среднему бронзовому веку и включения ее в состав очень редкого для данной территории абашевского импорта. При этом карта распространения абашевского металла в Западной Сибири резко контрастирует с той картиной, которая вырисовывается в Восточной Европе [Пряхин, Халиков, 1987, с. 124].

Иного взгляда на подвеску с Геологического III придерживаются О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов, апеллирующие к мнению С.В. Кузьминых. С их слов, Сергей Владимирович не исключает будто бы, что медная пластина с посеребрением отнесена к бронзовому веку по недоразумению [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 66]. Приведенная оценка (разумеется, если она не искажена по каким-то причинам О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым) действительно выглядит довольно странной и требующей пояснений.

Во-первых, заключение о посеребрении должно основываться на металлографическом микроструктурном исследовании предмета, но такой анализ,

¹¹ С.В. Кузьминых, относящий этот могильник к числу абашевско-синташтинских [2011Б, с. 36], склонен, на мой взгляд, упрощать прослеженную стратиграфическую ситуацию.

насколько мне известно, не проводился. Если бы он и состоялся, то вряд ли бы удалось получить искомый результат. Дело в том, что снаружи изделие просто «съедено» зеленью окислов и от поверхностного покрытия серебром – будь оно на самом деле – не осталось бы очевидных следов.

Во-вторых, вызывает сомнение, что С.В. Кузьминых, проводивший спектральный анализ металла, отнес бы к медным изделие, включающее 1,6% серебра. В этой связи укажу на сходный по содержанию благородного металла предмет с поселения Пяку-то I, расположенного в ~600 км северо-восточнее Геологического III. Это подвеска в 1,5 оборота из медно-серебряного сплава (Ag 2%), определенного С.В. Кузьминых как бронза [Косинская, 2010, с. 59, рис. 41, 10].

В-третьих, складывается впечатление, что О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов, разделяющие концепцию о культуртрегерской миссии СТ металлургов в распространении металлообработки на севере Сибири, пытаются снизить источниковую значимость найденного предмета, переведя его в разряд второстепенных или спорных в хронологическом отношении. Парадоксальность ситуации придает факт личного участия В.И. Стефанова в раскопках Геологического III в 1986 г., когда была найдена лунница. На тот момент у него отсутствовали какие-либо возражения по поводу составленной мною отчетной документации [см.: Кокшаров, 1987, с. 18, рис. 51].

Выше обращалось внимание на сходство кондинской лунницы с украшениями из Галичского клада, с гаринско-борскими изделиями и материалами катакомбных памятников (рис. 256). Параллели с последними достаточно неожиданны и любопытны. Дело в том, что лунница с Геологического III может рассматриваться как значительно упрощенная и уменьшенная вариация украшений-букраний, характерных для памятников катакомбной общности Нижнего Подонья, Южной Калмыкии и Средней Кубани рубежа раннего и позднего этапов СБВ [Гак, 2011, с. 80, рис. 6, 1–2]. Обнаружение на раннем полымьятском поселении керамического сопла (Геологическое XVI) и односторонних форм для отливки стержней и заготовок плоских тесел с расширяющимися гранями (Лева VIII), имеющих определенные соответствия в катакомбных комплексах, только подогревает интерес к проблеме опосредованного влияния южных производственных центров на северные районы не только Восточной Европы, но и севера Сибири.

Тема металлопроизводства северного населения и его связей с ближними и дальними соседями является одной слабоизученных и не удивительно, что специалисты в области древних технологий внимательно отслеживают новые материалы, постоянно корректируя свою позицию.

С.В. Кузьминых одним из первых сформулировал свое отношение к феномену металлопроизводства у лесного населения Восточной Европы. По его мнению, *«лесные и лесостепные культуры с примитивным металлопроизводством ориентировались не на центральные, ведущие очаги этой провинции, а на краевые; непосредственно в ЦМП они не входили. Эти культуры образуют своеобразную вуаль или пограничный шлейф ЦМП»* [1993, с. 117–118]. Позже он с коллегами солидарно оценили материалы культур охотников и рыболовов, расселенных от Урала до Скандинавии. Они свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь ясных следов воздействий развитой металлургии ЦМП на северное лесное металлопроизводство [Черных и др., 2002, с. 17].

Через непродолжительное время исследователи существенно пересмотрели прежнюю точку зрения, увязав лесную металлообработку с центрами ЦМП. Например, в работе С.В. Кузьминых и А.Д. Дегтяревой отмечено, что *«волосовский и гаринский (очаги. – С. К.) сформировались под воздействием производящих центров Циркумпонтийской провинции – ямно-полтавкинских и особенно фатьяново-балановских. Волосовская и гаринская металлообработка на финале своего развития испытала также влияние абашевской металлургии»* [2006Б, с. 210]. Через год к ним примкнула Л.И. Авилова, указавшая что *«лишь в Волго-Камье, в контактной зоне взаимодействия пришлых скотоводческих групп и местных охотников и рыболовов, заметно влияние производства ЦМП»* [2007, с. 8]. Наконец, в 2007 г. свое отношение к проблеме высказал Е.Н. Черных: *«...с северными окраинами ЦМП и ареалом фатьяново-балановской общности связаны культурно чуждые последней селища некоторых лесных металлоносных сообществ»*. Правда, он уточняет, что северное *«металлопроизводство не отвечало стандартам ЦМП»* [2007, с. 41].

Специалисты действительно правы в том, что влияние металлургических и металлообрабатывающих очагов ЦМП на северные лесные металлоносные сообщества Восточной Европы (добавлю: и, тем более, на север Западной Сибири) носило ограниченный характер, а продукция последних не отвечала в полной мере стандартам ЦМП [Черных, 2007, с. 41; Черных, Орловская, 2009, с. 39]. Недавно они уточнили, что следует избегать поспешных выводов, вытекающих из калиброванных ¹⁴C дат, и необходимо привлечение надежных данных об относительной хронологии лесных металлоносных культур [Черных и др., 2011, с. 35], что многие вопросы, касающиеся древнего металлопроизводства, *«тока подвисяют в воздухе»* [Черных, 2013, с. 399].

Материалы Конды свидетельствуют, что таежные литейщики освоили и применяли не все технологические схемы, а лишь те, которые были востребованы. Таковым оказалось

литье заготовок заданной конфигурации и параметров в открытые формы, столь популярные у мастеров ЦМП.

Возраст ранних полымьятских памятников может конкретизировать дата, полученная по костям животных из жилища 3 поселения Геологическое XVI: 4080 ± 90 л.н., или 2900–2350 (95,4%) гг. до н.э. (*табл. 20*). Отсутствие какого-либо разрыва между ней и калиброванными датами поселения Волвонча I (*табл. 19*) не противоречит в целом стратиграфии Геологического III и XVI, где ранние полымьятские слои лежат непосредственно над волвончинскими. Вместе с тем, не исключено, что архаичность даты с Геологического XVI обусловлена загрязнением образца органикой из слоев мезолита и неолита, потревоженных жилищем 3 с РПК. Учитывая приведенные обстоятельства, приоритет в установлении нижней хронологической границы полымьятских поселений Конды следует отдать стратиграфическим данным. Существование ранних полымьятских комплексов следует отнести к концу III тыс. до н.э., возможно, рубежу III–II тыс. до н.э., но в любом случае к досинташтинскому времени.

На территории Западной Сибири ранние полымьятские поселения Конды укладываются в один горизонт с комплексами одиновско-крохалевского круга, древностями типа Барсовой горы I/3А в Сургутском Приобье [Чемякин, 2008, рис. 27, 15] и Йоркута-яха на Южном Ямале [Королев, Хлобыстин, 1969, рис. 32–33], ранними сартыньинскими объектами [Васильев, 1983, рис. 6а, 8; 6б, 16–18; 6в, 22, 24] и, возможно, Амней II на Казыме [Стефанов, 2001Б, с. 38–39, рис.3, 4–6]. На трех последних имеется круглодонная керамика, украшенная вертикальными колонками «шагающей» гребенки, что сближает ее с инокультурным сосудом с поселения Геологическое III (рис. 123, 9). Встречаемость в ранних полымьятских слоях черепков с угловыми отпечатками может свидетельствовать об одновременности кондинских памятников древностям йоркутинского типа (рис. 225, 17). Керамика, сопоставимая с архаичной полымьятской по форме и орнаменту (пояса из «шагающей» гребенки), известна на поселениях р. Тавды (Сотниково, Тыня VIII, XVI, XXI, Осья I, Западноурайское, Тондол II, Рыбацкое), а в горной части Урала ей близка посуда карасьеозерского типа [Рыжкова, 2004, с. 60, рис. 6, 5; Чаиркина, 2005, с. 297, рис. 33; Она же, 2010, с. 153, рис. 12 и 16]. Ведя речь о региональной периодизации, перечисленные памятники следует отнести к началу бронзового века (раннему бронзовому веку). При обращении к евразийской схеме Е.Н. Черных, было бы верно синхронизировать эти древности с поздними памятниками ЦМП среднего бронзового века.

5.1.1.2. Возраст поздних полымьятских памятников

Хронологическая позиция поздних полымьятских слоев по отношению к ранним устанавливается не только по стратиграфии раскопов III–IV поселения Геологическое III, о чем упоминалось выше. На том же памятнике хорошо видна т.н. «горизонтальная» стратиграфия, которая проявляется в преимущественном расположении поздних построек и сооружений в глубине берега (раскопы I–II, V). Береговая линия, изрытая ямами и котлованами ранних жилищ, по-видимому, не устраивала жителей позднего полымьятского поселка, предпочитавших застраивать ровные участки, удаленные от воды. Эти люди использовали также для каких-то целей и котлованы ранних жилищ. ППК встречена во всех раскопах (табл. 6), то есть по всей береговой террасе. Так, например, верхняя часть банки, вкопанной в раннее полымьятское жилище 1 в раскопе IV, была найдена в жилище 2 раскопа V, находившегося почти в 30 м (рис. 122, 10 и 128, 9).

Молодой возраст ППК выдают преобладание в коллекциях преимущественно плоскодонных сосудов, часть из которых имела четко выраженный ребристый переход от тулова к придонной части (рис. 150, 4; 151, 5, 7; 155, 3;), появление банок с отогнутым наружу венчиком (рис. 156, 4–5), присутствие ладьевидных емкостей, в том числе с зооморфными налестками (рис. 109, 4; 113, 1А–1В). На поселениях Верхней Конды впервые отмечены сосуды, формованные на опрокинутых горшках-шаблонах (рис. 128, 4, 8, 9; 137, 14), при отсутствии сосудов с отпечатками псевдотекстиля, характерных для РПК.

Применение шаблонов в виде опрокинутых горшков известно за пределами Конды. Подобную лепку вели обитатели таких западносибирских поселений, как Белая Гора I, Хостортур, Пякупур 3, Рыбный Сор I, Тух-Сигат IV, раскинувшихся с запада на восток от Кондо-Сосьвинского водораздела до Васюганья (рис. 257). Крайний северный и южный пункты, где прослежено применение подобной технологии, – поселения Пякупур 3 на Сибирских Увалах и Ташково II в Нижнем Притоболье [Кокшаров, 2011А, с. 175, рис. 1].

Формы-модели и формы-емкости для лепки посуды были известны еще на раннем (хвалыинском) этапе ямной культуры [Салугина, 2011, с. 8, 91, 93]. Однако чаще всего к шаблонам обращались гончары синташтинской, петровской и алакульской культур Южного Урала и Северного Казахстана [Зданович, 1983, с. 61, 65; Виноградов, Мухина, 1985; Григорьев, 1999, с. 87]. На популярность этой технологии у синташтинцев указывает следующий факт: на форме-основе было изготовлено 96–97% керамики поселения Аркаим [Гутков, 1995, с. 139; Малютина, Зданович, 2004, с. 69]. Е.Е. Кузьмина оспорила мнение Г.Б. Здановича о ее утрате в более позднее время [Зданович, 1983, с. 61, 65]. Она привела в

пример алакульские материалы, правда, не подкрепив их соответствующими цифрами [Кузьмина, 1994, с. 108, 110].

Специалисты относят синташтинскую, петровскую и алакульскую культуры к разным периодам позднего бронзового века. Две первые связываются с фазой сложения ЕАМП (ПБВ-1), а третья – с ее стабилизацией (ПБВ-2), т.е. речь идет о XVII–XIV вв. до н.э. [Черных и др., 1990, с. 34–36]. После получения представительной серии калиброванных ¹⁴C дат было уточнено хронологическое соотношение перечисленных комплексов, а время их бытования пересмотрено в сторону удревнения. Выяснился хронологический приоритет синташтинских объектов по отношению к петровским, а тех, в свою очередь, – по отношению к алакульским. Сложение ЕАМП и, соответственно, функционирование синташтинских и петровских памятников отнесено к XX–XVIII вв. до н.э., а стабилизация провинции, когда появляется алакульская культура, – к XVIII–XVI вв. до н.э. [Епимахов и др., 2005, с. 99–100]. С предложенными датами согласен в целом Е.Н. Черных. Он относит время сложения абашево-синташтинско-петровской общности к раннему периоду Западноазиатской (Евразийской) МП (XXII/XXI–XVIII/XVII вв. до н.э.), а срубную и андроновскую – к ее второму этапу, периоду стабилизации (XIX/XVII–XIV/XIII вв. до н.э.) [2013, с. 390–391].

Использование единой технологии в изготовлении посуды на значительной территории от Южного Урала и Северного Казахстана до Северо-Сосьвинской возвышенности, Сибирских Увалов и Васюганья нельзя объяснить продвижением группы гончаров, знакомивших с нею местное население по мере своего проникновения на север Сибири. Скорее всего, перед нами еще одно эпохальное явление, сопоставимое по характеру с распространением в керамическом производстве технологии армирующего шнура накануне бронзового века [Кокшаров, 2009А, с. 248–249] или выбивки под текстиль в его начале, о чем говорилось выше. Если приведенные рассуждения верны, то можно ставить вопрос о синхронизации поселений р. Конды с синташтинскими, петровскими и, вероятно, с какой-то частью алакульских. Этому выводу не противоречат морфологические особенности ППК (наличие ребристого перехода от тулова к придонной части) и орнамент в технике проташенной гребенки (Пашкин Бор I, Панькино I).

Орнамент ППК Нижней Конды привлек внимание В.И. Молодина и И.Г. Глушкова, отметивших сходство материалов Пашкиного Бора I с посудой степановского типа. Речь идет о сосудах, украшенных «шагающей» гребенкой в сочетании с ямками, гребенчатыми зигзагами и косо поставленными штампами [1989, с. 106]. Эта мысль развита М.Ф. Косаревым, связавшим появление полымьятских поселений Нижней Конды в третьей

четверти II тыс. до н.э. с расселением степановского, или степановско-кротовского, населения [1993, с. 86]. Исследователи полагают, что степановские древности Васюганья и Прииртышья следует датировать первой половиной [Глушков, Петров, 1984, с. 24; Молодин, Глушков, 1989, с. 106] или второй–третьей четвертями II тыс. до н.э. [Косарев, 1993, с. 86]. Этим выводам не противоречит как будто облик сопутствующего материала: тигли, матрицы для кельтов и небольших копий, грузила для сетей в виде керамических стержней [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 159; Кирюшин, 2004, с. 65, 74–75, рис. 101, 8; 102, 1, 3, 7–8; 104, 1, 3; 105–106]. Однако предложенные интерпретации не согласуются с датировками и взглядами на генезис степановской культуры, опубликованными в последнее время Ю.Ф. Кирюшиным. Он относит ее сложение к XVIII–XVII вв. до н.э., когда в Васюганье мигрировало население из приуральских районов Западной Сибири [2004, с. 76], т.е. ведет речь о перемещениях прямо противоположного направления¹².

Монотонные узоры из плотно поставленной «шагающей» гребенки сближают кондинские материалы не только со степановскими, но и с ташковскими, кротовскими и елунинскими. Исследователи полагают, что есть достаточные основания для помещения перечисленных памятников в один хронологический пласт, сменяющий во времени одиновско-крохалевские древности [Косарев, 1993, с. 84–92; Соболюникова, 1999, с. 9; Глушков, Глушкова, 2009, с. 109].

ППК в ее северном варианте украшена нередко узорами, построенными на сетчатой основе. Особое внимание привлекают композиции с крестами, шестиугольными ячейками, получившими название сотовых фигур или сот, а также их варианты. Эти признаки сближают кондинские материалы с поздней посудой сартыньинской культуры Северной Сосьвы и Нижнего Приобья [Васильев, 1983, с. 51, рис. 6а, 1–4; 6б, 13; Он же, 1984, рис. 2; Окладников и др., 1979, табл. I, 1–3; II, 1, 3, 5, 11–12; III, 1–2, 6–7, 13]. Упомянутые коллекции объединяет также присутствие ладьевидных сосудов [Васильев, 1984, рис. 1–3]. На значительное сходство находок с полымьятских поселений Чилимка II, Геологическое III и керамики сартыньинского типа с Северной Сосьвы указывает Т.Н. Соболюникова [1999, с.19]. Сартыньинские памятники датированы в интервале с XVIII по XIII в. до н.э., хотя весомых аргументов по этому поводу не приводится [Васильев, 2000Г, с. 69].

¹² Ситуация с хронологией васюганских памятников, относимых к ранней (степановские комплексы) и развитой бронзе (раннееловские), представляется неоднозначной из-за отсутствия необходимых стратиграфических наблюдений. По Ю.Ф. Кирюшину, те и другие встречены с литейными формами кельтов «турбинско-сейминского» облика.

Сосуд, декорированный оригинальной сотовой сеткой, обнаружен далеко к востоку от Конды и Нижней Оби, в жилище 4 поселения Тух-Сигат IV в бассейне Васюгана [Кирюшин, 2004, рис .113, 1]. Сооружение любопытно тем, что с ним связаны остатки литейных форм кельта и не крупного копья, имевшего ромбическое сечение в средней части¹³, а также обломки самого копья (фрагменты втулки и боковые перья) и бронзовые височные кольца [Там же, с. 80, 87]. По углю из жилища получена ¹⁴C дата: 3390±90 л.н., 1690–1460 (68,2%) или 1880–1400 (95,4%) гг. до н.э. (СОАН-1696). Исходя из ее некалиброванного значения (1350 г. до н.э.) и наличия в слое колец-украшений, Ю.Ф. Кирюшин отнес жилище 4 к раннееловским объектам, предположив, что население, оставившее памятник, испытало сильное андроновское влияние или было смешано с пришлым андроновидным населением [Там же, с. 81, 84, 87]. Омоложение васюганского комплекса до андроновского времени не представляется убедительным. Этому выводу противоречит облик кельта, отливавшегося в тух-сигатской форме, декор на керамической посуде и сопутствующие ей рыболовные грузила.

Судя по матрице, кельт не относится к СТ типам. Он имел валик для укрепления втулки (или для фиксации сердечника?), овальное поперечное сечение и сечкообразное лезвие, т.е. признаки, сближающие его с орудием из Волвончи I (рис. 153, 9B). Последнее, как отмечалось ранее, не соответствовало СТ и СК стандартам, как, впрочем, и полымьятские кельты с Пашкиного Бора I [Кокшаров, 1999, с. 64–65; Он же, 2006А, с. 49]. Сходная продукция, реконструируемая по формам кельтов, может свидетельствовать о правомерности синхронизации не только Волвончи I и жилища 4 поселения Тух-Сигат IV. Матрица для отливки кельта с близкими характеристиками (без ребер жесткости, фасок, украшенного валиком и зигзагом ниже втулки), найдена на самусьском поселении Крохалевка-1 [Молодин, Глушков, 1989, с. 52, рис. 25, 5]. Отсюда же происходят створки формы для изготовления наконечника копья, похожего на пику [Глушков, 1983, рис. 2, 4]). Последнее изделие настолько оригинально [Молодин, Глушков, 1989, с. 51, рис. 25, 1], что не фигурирует ни в СТ, ни СК сводках металла. Таким образом, количество неординарных материалов, отличных от привычных СТ и СК серий, постепенно пополняется, и они нуждаются в ином, непротиворечивом объяснении.

На доандоновский возраст жилища 4 поселения Тух-Сигат IV могут указывать также сосуды с многоугольным дном [Кирюшин, 2004, рис. 120, 4; 121, 9; 122, 2], которые

¹³ Эта находка упоминается Ю.Ф. Кирюшиным и при рассмотрении материалов степановской культуры [2004, с. 68, рис. 106].

являются специфической чертой самусьской керамики [Матющенко, 1973А, 34, рис. 19; Глушков, 1983, с. 143], банки, украшенные шестиугольными (сотовыми) сетками, что сближает их с сартыньинской и ППК.

Кроме того, в качестве варианта рассеченных сотовых фигур на ППК можно рассматривать бордюры из лент или волны с короткими выступами на углах (рис. 119, 5; 128, 9; 130, 8–9; 152, 5; 165, 13; 167, 2–3, 9). Эти мотивы широко представлены на керамике доандроновского времени таежной зоны Западной Сибири. Они используются на поздней сартыньинской посуде [Васильев, 1983, рис. 6а, 4, 7], в керамике типа вары-хадыта [Он же, 2000Б, рис. 5, 14], материалах с поселения Паром 1 (рис. 226, 10) и кульёганских сосудах Сургутского Приобья и Надым-Пуровского междуречья. В последнем случае они выполнены нередко ямками [Косинская, 2000, рис. 4, 2; Борзунов и др., 2010, ил. 15, 1, 3–4; 16, 2–3; Борзунов и др., 2011, рис. 9, 4–6, 10, 1, 4, 8]. Подобные узоры не замечены в предшествующее и последующее время и поэтому могут рассматриваться в качестве своеобразного хрономаркера.

Наконец, отнесению жилища 4 поселения Тух-Сигат IV к андроновскому времени противоречит облик рыболовных грузил [Кирюшин, 2004, рис. 123, 4, 10–12]. Они сближаются по форме с полымьятскими (тип I, вариант А), а также с васюганскими материалами ЭРМ [Там же, рис. 69, 1–4, 7; 70, 3; 88, 4; 98, 8; 102 и др.]. В этом отношении интерес представляют и кульёганские памятники, на которых найдены керамические грузила для сетей в виде стержней [Сергеев, Погодин, 2008, рис. 14, 1–2; 15, 1; Борзунов и др., 2010, с. 201, ил. 26]. Для андроновского и постандроновского времени характерны изделия совершенно иной формы – округло-овальные, снабженные одним или двумя желобками для крепления к сети [Косарев, 1979, с. 23, рис. 2, 1–10].

По вопросу датировки самусьской культуры отсутствует единое мнение [Есин, 2009, с. 25–26]. По мнению одних специалистов, она прекращает свое существование в XIV–XIII в. до н.э. с приходом андроновского населения на юг Западной Сибири [Матющенко, 1973А, с. 124; Косарев, 1981, с. 106]. Другие археологи полагают, что верхняя граница самусьских памятников может совпадать с началом андроновской экспансии, или XIII–XII вв. до н.э. [Молодин, Глушков, 1989, с. 163]. К этому выводу склоняется Ю.Ф. Кирюшин, датирующий самусьскую культуру серединой II тыс. до н.э. – XIII/XII вв. до н.э. В период своего формирования она сосуществовала с елунинской и отчасти с кротовской, а ее расцвет приходится на время сосуществования с андроновской культурой [2004, с. 40–41]. Кроме того, наметилась тенденция к удревнению самусьской культуры до XVII в. до н.э. [Васильев, 2001А, с. 127; Молодин, 2007, с. 413]. Столь ранние датировки вступают в

естественное противоречие с первоначальной концепцией СТ феномена, согласно которой СК бронзы должны появиться во время существования в Западной Сибири андроновидных культур – в XIV–XIII–XII вв. до н.э., или ПБВ-3 [Черных и др., 1990, с. 36–37].

Параллели, просматривающиеся между кульёганской и ППК в форме сосудов и орнаменте, наличие в обоих комплексах грузил в виде керамических стержней и подвесок из камня, позволяют привлечь калиброванные радиоуглеродные даты кульёганских памятников для выяснения возраста интересующих нас поздних полымьятских объектов. Обращаясь к кульёганским материалам Сургутского Приобья и Пур-Надымского междуречья, следует учитывать, что их внутренняя хронология не разработана, и они могли существовать продолжительное время. Свидетельство тому – значительный разброс радиоуглеродных дат, смыкающихся в ряде случаев с энеолитическими [Мызников и др., 2012, с. 68] (ср. *табл. 19–20*). В целом же исследователи сходятся во мнении, что комплексы кульёганского типа существовали в первой половине или первой трети II тыс. до н.э. [Косинская, 2000, с. 18; Борзунов и др., 2010, с. 218] и могут входить в один хронологический горизонт с синташтинско-петровскими памятниками Южного Урала [Косинская и др., 2002, с. 144]. Напомню, что в первую треть II тыс. до н.э. укладываются калиброванные даты жилища 4 поселения Тух-Сигат IV, Пякупур 3 и образец из поздней полымьятской ямы VIII (раскоп V) поселения Геологическое III (*табл. 20*)

Правомерность синхронизации поздних полымьятских поселений Верхней и Нижней Конды (Геологическое VII, Большая Умытья 28 и Пашкин Бор I) с западносибирскими памятниками сартыньинской культуры, кульёганскими, степановскими, самусьскими, елунинскими и, отчасти, кротовскими комплексами подтверждается не только чертами сходства, наблюдаемыми в керамике, но и найденными на этих памятниках каменными луновидными подвесками. Кроме того, на некоторых из перечисленных объектов имеются черешковые наконечники стрел из кремня. Последние известны также на синташтинских и петровских памятниках. Если принять во внимание особенности формовки ППК на горшках-шаблонах, морфологию бронзового ножа с поселения Геологическое III и химический состав его металла (Cu+Sn+As), то синташтинско-петровские параллели становятся еще более обоснованными. Таким образом, с учетом изложенного выше правомерна синхронизация поздних полымьятских памятников Конды с синташтинской и петровской культурами начала позднего бронзового века (ПБВ-1, по Е.Н. Черных).

5.2. Памятники сейминского времени

Это время на севере Западной Сибири отмечено появлением археологических памятников, содержащих керамику варпаульского типа и сопутствующие ей остатки металлообработки, которые по традиции именуется СТ или СК [Черных, Кузьминых, 1989, с. 31, 94, 101, 148, 152; Косарев, 1993, с. 98; Кузьминых, 2011А, с. 30–32 и др.]. Наиболее полно эти материалы представлены на раскопанных объектах. Речь идет о поселении Ленино I, о могильниках Сатыга XVI на р. Конде и Товкуртлор 3 в бассейне р. Казым и о культовом комплексе Сайгатино VI в Сургутском Приобье. Карта памятников постоянно пополняется единичными находками изделий из металла (кельты из Самарова и с Андреевского озера), асимметричными ножами из кремня (рр. Сыня, Щекурья и верховья Конды). Сейчас учтено 29 пунктов, где встречена либо керамика варпаульского типа, либо сопутствующие ей вещи индивидуального облика (рис. 258). Наибольшее количество памятников (16) зафиксировано в Кондинском бассейне.

Варпаульская керамика была обособлена от иных керамических комплексов бронзового века по материалам могильника Сатыга XVI. Это название дано по нежилым мансийским юртам Варпауль, расположенным неподалеку от некрополя бронзового века [Кокшаров, 1991В, с. 98, 101; Он же, 1993В, с. 11–12, 17].

Мнения археологов в отношении варпаульских комплексов Конды существенно разнятся. А.В. Расторопов, изучавший Ленино I, ошибочно датировал керамику бронзового века поселения Ленино I неолитом–энеолитом [1985, с. 237–238]. О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов, опирающиеся на описания А.В. Расторопова и опубликованные прорисовки сосудов [Кокшаров, 1991В, рис. 2, 34–35, 38–41; Он же, 2006А, рис. 3, 30, 40, 42, 44–45], констатировали вслед за мною «сопоставимость» керамических коллекций Ленино I и Сатыги XVI [2011Б, с. 73]. С другой стороны, они без всяких на то оснований включили в основной (варпаульский) комплекс могильника полымьятский сосуд из раннего погребения 11, перекопанного варпаульской могилкой 9 [Беспрозванный и др., 2011А, с. 20, рис. 2.41. – 3 и 4.5.3. – 4; Стефанов, 2011, с. 53]. Ранее аналогичный подход продемонстрировал С.А. Григорьев. Он не видел отличий варпаульской керамики Сатыги XVI и ранней полымьятской (леушинской, по С.А. Григорьеву) посуды и полагал, что могильник связан именно с последней [1999, с. 194]. Его мысль была подхвачена частью екатеринбуржцев, рассматривающих ППК поселений Пашкин Бор I, Волвонча I и варпаульскую керамику Сатыги XVI в качестве одновременных (однокультурных) комплексов. Различия же сравниваемых материалов объяснены функциональным назначением находок (поселенческая и погребальная керамика) [Стефанов, 2011, с. 54, 56; Корочкова, Стефанов,

2011Б, с. 85]. К сожалению, это оригинальное предположение не проработано, поскольку обоим типам керамики сопутствуют совершенно определенные вещи из камня, металла, керамики, кости. На близость варпаульской посуды Сатыги XVI с кротовской указывают С.В. Кузьминых и А.Д. Дегтярёва [2006А, с. 238].

Ареал, занимаемый памятниками с варпаульской керамикой, значительно сдвинулся на восток после обнаружения и раскопок в 1986 г. культового комплекса Сайгатино VI. В публикации, посвященной этому неординарному археологическому объекту, обращено внимание на удивительное сходство найденной здесь керамической посуды с основным керамическим комплексом Сатыги XVI [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 51]. Наконец, по прошествии 20 лет В.И. Стефанов констатировал, что керамика Сайгатино VI «*принципиально близка сатыгинской*» [2011, с. 55].

Ленино I является единственным раскопанным поселением, связанным с варпаульской керамикой. Несмотря на значительную изученную площадь, здесь не отмечены остатки построек, поэтому сложно сказать что-то определенное об их конструкции. Можно лишь полагать, что они были наземными или слабо углубленными. В ином случае они попали бы в поле зрения А.В. Расторопова, руководившего исследованиями. Коллекция керамики включает фрагменты не менее 20 плоскодонных сосудов, делящихся на емкости стандартных форм (13) и четырехугольные (3).

9 из графически реконструируемых сосудов представлены горшками различной степени профилированности (рис. 173, 2–5; 174, 1; 175, 3). Примечательно, что у части горшков максимальный диаметр приходится на раздутое тулово, а не на венчик. Среди прочих емкостей обращает на себя внимание прямостенная банка с ребристым переходом от тулова к придонной части (рис. 174, б), что сближает ее с некоторыми позднеполымьятскими формами. Диаметр венчиков восстановлен у 5 экземпляров, он варьирует в интервале 16–29,5 см (среднее значение – 24,8 см). Судя по фрагментам, сосуды индивидуальной формы представляли собой четырехугольные чашки открытой формы, высота которых доходила до 6 см (рис. 173, 1; 174, 2; 175, 2).

Основная примесь к глине – шамот. Он редко сочетается с лимонитом и в одном случае встречен с кальцинированной костью (?). Исследуя посуду поселения Ленино I, специалисты обратили внимание на такую ее характерную черту, как расслоение по спаям. При толщине стенок 7–8 мм ширина спая достигает 2–3 см. На нижнем участке спая видны отпечатки пальцев. Видимо, после примазки очередного жгута мастер расформовывал руками верхний край жгута и какое-то время подсушивал его, чтобы избежать деформации придонной части сосуда. Пересушка отдельных участков приводила к наблюдаемому

расслоению [Адамова, 1991, с. 68]. На днища с приплюснутыми краями накладывались жгуты, обеспечивавшие сочленение стык в стык. В одном случае днище приложено к тулову и изнутри примазано к стенке [Там же, с. 69]. Внешние стенки сосудов хорошо заглажены, чем они и отличаются от внутренних со следами зачистки гребенчатым штампом и деревянной щепой [Там же, с. 70].

В орнаментации посуды с Ленино I использовались гребенчатые штампы с различной конфигурацией зубцов, круглая палочка, оставлявшая ямки, единичны резные линии (рис. 175, 3–4). Узоры представлены преимущественно линейными мотивами. Монотонность декора прерывают горизонтальные линии, чередующиеся с наклонными поясками штампов, невысокими колонками (рис. 173, 4–5), линейными зигзагами (рис. 175, 5; 174, 2; 175, 5), ромбами (рис. 174, 3), треугольниками (?) (рис. 175, 3), крестами (рис. 174, 4; 175, 4). Вертикальные колонки отмечены на 4-угольном сосуде (рис. 175, 2). В нескольких случаях тулово сосудов не декорировано или имеет зоны без орнамента (рис. 173, 2–3; 174, 6). Ямки помещены в зоне под венчиком и единично – на тулове [Адамова, 1991, рис. 2]. Они отсутствуют на нестандартных сосудах (рис. 173, 1; 174, 2) и небольшом горшке (рис. 175, 3).

В коллекции встречен обломок глиняной литейной формы для кельта (рис. 175, 1). В тесте содержится примесь песка и небольшие каверны, указывающие на органические добавки. Размер находки $42 \times 28 \times 23$ мм. Судя по боковой грани и канавке, ограничивающей ее от широкой плоскости, кельт был шестигранным в поперечном сечении и имел ребра жесткости. На внешней боковой стороне матрицы видны две бороздки, помогавшие подобрать вторую створку.

Среди материалов поселения Ленино I имеется также рыболовное грузило от сети с одним перехватом [Кокшаров, 1992, с. 77]. Если учесть сообщение А.В. Расторопова, что второй керамический комплекс Ленино I датирован эпохой железа [1985, с. 238], то принадлежность грузила к варпаульской коллекции вполне логична.

Незначительное количество поселений сейминского времени вовсе не означает, что таковые отсутствовали, а другие одновременные памятники (некрополи Сатыга и Товкуртлор) следует связывать исключительно с предполагаемыми СТ мигрантами, на чем настаивают некоторые специалисты [Черных, Кузьминых, 1989, с. 22–23, 275; Григорьев, 1999, с. 192; Кузьминых, Дегтярева, 2006А, с. 233; Стефанов, 2011, с. 54, 56; Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 85]. Ситуация, отмечаемая в Западной Сибири, может быть схожа с той, что прослежена в Прикамье, где длительное время не удавалось заполнить лакуну между гаринскими и лугавскими, раннеерзовскими древностями. Положение стало меняться после

более тщательного изучения памятников, которые удалось связать с СТ могильниками [Денисов и др., 2011, с. 107].

Представления о культуре таежного населения Западной Сибири в сейминское время существенно расширяют материалы могильников Сатыга XVI, Товкуртлор 3 и культового комплекса Сайгатино VI.

Сатыга XVI – интереснейший объект бронзового века Западной Сибири, привлечший внимание специалистов с момента его открытия. Достаточно сказать, что находки с некрополя сразу вошли в обобщающую монографию Е.Н. Черных и С.В.Кузьминых, отнесших памятник к СТ древностям [1989, с. 22–23, 275]. Их мнение поддержали и другие исследователи (см. выше).

В 1987–1988 гг. могильник изучал Е.М. Беспрозванный, применивший индивидуальную фиксацию находок и промывку культурного слоя. Участвуя в 1988 г. в раскопках Сатыги XVI, я лично убедился в эффективности сочетания данных методик. Трудоемкая процедура промывки (просеивания) позволяла отследить даже мельчайший антропологический материал, например, эмаль зубов. По моим подсчетам, человеческие останки были зафиксированы в 2/3 изученных могил. Значимость этих находок была очевидна, благодаря им сокращалось количество символических захоронений (кенотафов), являющихся характерной чертой СТ некрополей [Черных, Кузьминых, 1987, с. 84, 87; Они же, 1989, с. 5; Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 133–134]. Раскопки Сатыги позволили со значительной степенью уверенности говорить, что большое количество т. н. «кенотафов» на СТ памятниках объясняется не столько особенностями погребального обряда, сколько плохой сохранностью костей и, к сожалению, невысоким качеством полевых исследований [Кокшаров, 2013Б, с. 133, 137].

С чертежами и находками 1987–1988 гг. мне довелось ознакомиться при подготовке кандидатской диссертации. Параллельно мною и моими коллегами рисовались вещи: бытовая и технологическая керамика (посуда, литейные формы), изделия из металла, камня и кости. Тогда же посчастливилось ассистировать В.А. Дремову, любезно согласившемуся осмотреть «сверхплановую» антропологическую коллекцию Сатыги.

Материалы могильника опубликованы в коллективной монографии, и нет необходимости в повторном рассмотрении каждого из выявленных погребений, детальном описании всех находок. К тому же мною опубликована рецензия на упомянутое издание, где обстоятельно рассмотрены узловые сюжеты, связанные с изучением некрополя [Кокшаров, 2013Б, с. 133–149].

В заключительной, пятой главе монографии О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов изложили свой взгляд на место могильника в свите иных культур и памятников бронзового века Западно-Сибирского региона. Исходная позиция авторов заключается в признании СТ принадлежности раскопанного могильника, хотя они здесь же оговариваются, что проблема культурной принадлежности могильника не решена [2011Б, с. 61]. Справедливо подчеркивается, что в модель подвижности и динамичности СТ групп не вписываются крупные размеры кладбища, наличие захоронений женщин и детей, перекрывание могил и облик керамической посуды¹⁴ [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 84]. Связывая памятник с одной из групп СТ мигрантов, авторы книги сопоставляют его с некрополями СТ времени по топографии и инвентарному комплексу [Корочкова, Стефанов, 2011А, с. 21]. Наличие «специфических изделий из металла и камня» выдает СТ принадлежность кондинского некрополя [Там же, с. 25]. Действительно, с могильником связаны ножи турбинского типа, ножи-скобели и долота из металла, наконечники стрел и асимметричные ножи из кремня, которые характерны для памятников СТ типа.

О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов предпочитают не говорить о проникновении в таежные районы Западной Сибири (на Конду, в частности) двух исходных СТ групп, определяемых специалистами как алтайский и саянский компоненты [Черных, Кузьминых, 1989, с. 270]. В качестве возможных ретрансляторов позднебронзовых технологий в металлопроизводстве и бронзовых орудий СТ облика они называют прииртышское население, оставившее памятники степановской и кротовской культур [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 81], а сам могильник, по мнению авторов, отражает контакты СТ популяций (каких именно: групп, племен, племенных группировок – к сожалению, не уточняется) среднеиртышского происхождения [Там же, с. 85]. Из логики рассуждений следует, что на смену исходной саяно-алтайской СТ группировке приходит другая – иртышская, но отсутствуют какие-либо пояснения о судьбе первой популяции в Прииртышье (если она достигла данной территории) и какая из названных групп (а может быть, обе?!) пересекла Урал, оставив по ходу движения Турбино, Сейму и другие объекты.

Первоочередное внимание авторов обращено на особенности кондинского могильника. С одной стороны, отмечено отсутствие на нем эффектных изделий из металла и нефрита, известных по другим СТ памятникам, а с другой, указано на наличие здесь

¹⁴ Замечу, что во всех главах, за исключением пятой, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов избегают определения «варпаульский тип керамики», предложенного в 1991 г. для обозначения основного комплекса могильника Сатыга XVI [Кокшаров, 1991Б, с. 68; Он же, 1991В, с. 98, рис. 2; Он же, 1993В, с. 11–12; Он же, 2006А, с. 51–53; Он же, 2011А, с. 180].

многочисленной керамической посуды и большого количества могил, свидетельствующих о долговременности некрополя.

Действительно, в Сатыге нет «исконно “этнического”» или «этнически знакового», по определению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, СТ бронзового оружия совершенных форм – наконечников копий с вильчатым стержнем, кельтов и кинжалов с металлическими рукоятями [1987, с. 84, 105]. Последним отведено особое место, так как они рассматриваются как оружие исключительно «княжеского» ранга, социально более значимое, чем наконечники копий и кельты. Наличие парадных кинжалов в коллекциях признается достаточным основанием для определения СТ принадлежности памятников, на которых они были найдены (Сейма, Турбино, Ростовка, Елунино, Галичский клад) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 108–110; Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 134; Черных, 2009, с. 270–271, 273]. Отсутствие престижных металлоемких вещей на кондинском могильнике объяснено нехваткой металла у мигрантов, оказавшихся вдали от источников сырья, и экономным расходом металла. Однако подобные рассуждения являются интерпретациями, которые, как известно, вторичны по отношению к фактам (археологическим источникам).

Пластинчатые ножи, долота из металла, наконечники стрел и ножи из кремня, костяные пластины с отверстиями, найденные на Сатыге, имеют транскультурный облик и вполне могут быть атрибутированы как синхронизмы. В связи с этим любопытны разногласия О.Н. Корочкиной и В.И. Стефанова с С.В. Кузьминых в отношении культурной принадлежности западносибирского могильника Товкуртлор 3 (бассейн р. Казым). Этот памятник сближается с Сатыгой XVI по облику кремневых наконечников стрел [Косинская, 2011, с. 50] и наличию ножей-скобелей разряда НК-24 [Кузьминых, 2011Б, с. 35]. Екатеринбургцы предполагают, что некрополь оставлен таежными аборигенами [Корочкова, Стефанов, 2011А, с. 29], тогда как их коллега включил его в базу данных СТ древностей, связав с южносибирскими мигрантами [Кузьминых, 2011В, с. 245]. Судя по всему, соавторы монографии «Сатыга XVI» так и не определились с СТ или СК принадлежностью Товкуртлора 3, пойдя на компромисс, отраженный в публикуемых картах [Сатыга XVI, 2011, сравн. рис. 5.1.1 и 5.1.2].

В публикации памятника верно подмечены такие признаки, как концентрация захоронений в центральной, наиболее возвышенной части могильника и отчетливые ряды, образуемые некоторыми погребениями (рис. 231). К сожалению, в более ранних статьях [Корочкова и др. 2002: 428–430] и в самой монографии «Сатыга XVI» отсутствуют сведения о применении в 2001 г. промывки и просеивания грунта из погребений, что естественно

вызывает вопросы среди специалистов. Судя по костям, погребения совершались по обряду ингумации. Параметры могильных ям, наличие останков умерших, предполагаемый возраст и пол последних и состав сопроводительного инвентаря на изученных объектах отражены в подготовленной мною *табл. 13*.

За истекшие годы материалы могильника успели, что называется, «отлежаться», а после небольших раскопок 2001 г. они даже пополнились [Корочкова и др., 2002, с. 428–430]. С течением времени изменилось отношение исследователей к некоторым источникам. Например, кремированные человеческие останки, датировавшиеся прежде мезолитом [Беспрозванный, Погодин, 1998, с. 48–62], предложено связать с некрополем бронзового века [Корочкова, Стефанов, 2011А, с. 24–25; Они же, 2011Б, прим. на с. 60], то есть имеет место неоднозначная оценка находок [Беспрозванный и др., 2011Б, с 5].

Монография «Сатыга XVI» ценна не столько интерпретациями, предлагаемыми коллегами, сколько публикацией материалов и находок. В связи с этим обращает на себя внимание подача одного из узловых, на мой взгляд, фактов. Речь идет о соотношении погребений 9 и 11 (уч. Ж–3/9–10).

Восточная часть могильной ямы 11, дно которой засыпано слоем охры, прокопана до материка могилкой 9, на основании чего следовало бы говорить о одновременности объектов (рис. 242). Вряд ли надо объяснять значимость подобных фактов при установлении последовательности погребений, например, при раскопках курганов, когда появляется великолепная возможность для выяснения относительной хронологии инокультурных комплексов. Однако О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов незамедлительно интерпретируют факт перекрывания захоронений как результат некоего загадочно-интригующего действия – «как проявление намеренных акций, о смысле которых можно только догадываться» [2011А, с. 23].

Причина, повлиявшая на отход от предметного обсуждения стратиграфической ситуации, лежит, что называется, «на поверхности». Соавторы позиционируют себя сторонниками культурологической модели СТ феномена, предложенной Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых в конце 1980-х гг. [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 77–78]. Они соглашаются, что могильник Сатыга XVI оставлен одной из северных групп СТ мигрантов, двигавшихся к Уралу в сторону р. Печоры и Канинской пещеры, которая оказалась в инокультурной среде [Черных, Кузьминых, 1989, с. 275]. Предполагаемая стремительность продвижений СТ популяций, занявших ~100–200 лет [Там же, с. 261, 276; Черных, Кузьминых, 1987, с. 105], исключает долговременное функционирование Сатыги XVI и, соответственно, сколько-нибудь существенный хронологический разрыв между могилами

9 и 11. В данном случае отрицается первичность источника и археологический факт (разновременность погребений) преподнесен второстепенным по отношению к неоднозначно воспринимаемой модели СТ передвижений в Северной Евразии.

Наблюдаемая стратиграфия, напротив, заслуживает самого пристального и детального рассмотрения.

Прежде всего, хочу обратить внимание на расхождения в планах обоих погребений, представленных в отчете Е.М. Беспрозванного [1988, с. 9, рис. 12] и опубликованных в монографии «Сатыга XVI». Так, например, на план могилы 9 вынесены не все фрагменты бересты, найденные в северной и центральной части могилы, а в захоронении 11 две из четырех горелых плах (ур. –70...–72 см) обозначены как береста [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. – 1]. Между тем эти конструкции достаточно крупные, хорошо читаемые в плане и поперечном разрезе могилы 11, который почему-то не включен в публикацию [Беспрозванный, 1988, рис. 12, профиль В–В']. Согласно тексту отчета, в могиле 9 лежал развал сосуда [Там же, с. 9], но в книге он обозначен как простое скопление керамики [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. – 1]. На плане могилы 11 в книге отсутствует кость, лежавшая среди обломков сосуда. Она подменена фрагментом керамики. Не исключая, что «невнимательность» Е.М. Беспрозванного, заинтересованного, казалось бы, в максимально точном воспроизведении отчетной документации, объясняется его формальным участием в создании монографии. Этот вывод подкрепляется и нижеследующими наблюдениями.

В книге довольно странно рассмотрена керамика из обеих могил. Находки упомянуты в тексте и даже обозначены на планах [Беспрозванный и др., 2011А, с. 13–14, рис. 2.10. – 1], однако на иллюстрациях фигурирует лишь один из сосудов. Это емкость варпаульского типа, происходящая, по уверению авторов, из частично разрушенной ранней могилы 11 [Там же, с. 14, рис. 2.10. – 2]. Прорисовка сосуда из погребения 9 не дана, как, впрочем, и не приводится его описание. Отсутствие рисунка и поясняющего текста по данному поводу настораживает и вызывает неподдельное недоумение, поскольку сопроводительный инвентарь принято освещать в полном объеме.

Разновременность погребений 9 и 11 и особенности связанной с ними посуды привлекли мое внимание еще в конце 80-х гг., когда я имел доступ к коллекции могильника, работая над диссертацией. Стратиграфия и планиграфия обоих объектов свидетельствовали не только об их очевидной разновременности, но и о том, что захоронения совершены через продолжительный временной интервал, в течение которого могильная яма 11 должна была заплывть и стать мало заметной с поверхности террасы. Что касается поздней могилы 9, то

она хорошо выстраивается в один ряд с другими варпаульскими погребениями – 4, 12, 24, 27 [Сатыга XVI, 2011, рис. 1.5].

На хронологический разрыв между погребениями 9 и 11 указывал также и облик связанной с ними керамической посуды.

Захоронение 11 было одним из немногих объектов, в заполнении которого находился почти полный развал сосуда, но совершенно не того, на который указывают авторы «Сатыги XVI». Это толстостенная банка, фигурирующая в монографии на рис. 2.41. – 3 и 4.5.3. – 4. Она имеет открытую форму и украшена печатной гребенкой, образующей в верхней части сосуда вертикальные колонки, пространство между которыми заполнено горизонтальными параллельными поясками (рис. 242, 2). Эта зона отделена от придонной части горизонтальной «волной» в виде двух параллельных поясков из отпечатков штампов. Декоративно-морфологические особенности сосуда позволили отнести его к керамике полымьятского типа. В.И. Стефанов также выделяет данную находку из основной коллекции могильника, обращая внимание на толщину стенок емкости и ее оригинальный декор [2011, с. 53]. Однако не может не удивлять перемещение данного сосуда в пределах уч. Е/9 – из могилы 11 в условное «погребение» 43 [Беспрозванный и др., 2011А, с. 20, рис. 2.41. – 3 и 4.5.3. – 4]. Наряду с этим горшечно-баночный сосуд варпаульского типа (рис. 242, 1) из заполнения более позднего погребения 9, оказался перемещенным в захоронение 11 [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. – 2 и 4.5.6. – 3].

Факт перекрывания погребений с полымьятской и варпаульской керамикой на могильнике Сатыга XVI отмечался мною в рукописи кандидатской диссертации [Кокшаров, 1992, с. 124] и в одной из статей [Он же, 2011А, с. 180]. Однако О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов сочли достаточным ограничиться только одной работой конспективного содержания [Кокшаров, 1991В, с. 98], безапелляционно подытожив: факты стратиграфии полымьятских и варпаульских объектов неизвестны и вряд ли существуют [2011Б, с. 75].

Изложенное выше однозначно свидетельствует о том, что соавторы не смогли в силу каких-то обстоятельств разобраться с распределением материала в пределах уч. 3/9. Одна из возможных причин случившегося – неоднократный перенос коллекций действующего археологического хранилища из-за частых его подтоплений (просп. Ленина, 51). В результате могли быть потеряны не только отдельные вещи, но и шифры, нанесенные на предметы. Кстати сказать, на неоднократные перемещения вещей и утрату их деталей указывает С.В. Кузьминых [2011Б, с. 33]. Это заметно и по некоторым рисункам вещей, например, реконструкциям кельтов (см. ниже).

Любопытна сатыгинская коллекция металлических изделий (рис. 235). К числу ее особенностей относятся: низкая степень легированности металла Sn и низкое его содержание в сплавах (0,8–3,6%), отливка орудий без последующей кузнечной обработки (47%), полное отсутствие таких способов получения орудий, как формообразующаяковка, сварка, редкое использование упрочняющего наклепа на лезвиях [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 40, 42–44]. Эта коллекция стоит особняком по отношению к синташтинским и петровским материалам, среди которых крайне редко встречаются литые готовые формы или литые в сочетании с небольшими степенями деформации металла [Там же, с. 44].

Примечателен вывод А.Д. Дегтяревой и С.В. Кузьминых о наибольшей близости металлических изделий Сатыги (по некоторым традициям и навыкам) к коллекциям ямных памятников Приуралья, где хорошо представлены медные отливки в формах в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части при средних степенях обжаривания [Там же]. Это суждение довольно интересно, так как свидетельствует о сохранении у таежных литейщиков традиций (или, может быть, пережитков?) в сфере металлообработки, подмечаемых другими специалистами [Черных, Орловская, 2009, с. 39]. Выше указывалось, что в начале бронзового века на Конде было налажено литье заготовок в открытых формах, обрабатывавшихся впоследствии ковкой. Это производство возникло, скорее всего, не конвергентно, а в результате опосредованного влияния металлургических и металлообрабатывающих очагов ЦМП на позднем этапе ее существования [Кокшаров, 2011В, с. 129] и сохранялось до начала позднего бронзового века в верхнем течении Конды и южной части Нижнего Приобья [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 109–110].

Казалось бы, при скрупулезности описательной части в монографии «Сатыга XVI» не должно остаться существенных пробелов в освещении материалов, но неудовлетворительная сохранность находок обусловила неоднозначность восприятия авторами некоторых вещей. Соглашусь с С.В. Кузьминых, что состояние матриц, особенно для изготовления кельтов, оставляет желать лучшего. В связи с этим обращу внимание на расхождения в реконструкции литейных форм для кельтов и ножа из погребения литейщика, опубликованных в книге и полученных мною в 1980-х гг.

После первого знакомства с находками Сатыги Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отнесли «*обломки от трех-четырех глиняных матриц*» к негативам кельтов разряда К-10 [1989, с. 46]. Однако в 2011 г. С.В. Кузьминых существенно откорректировал прежнюю оценку [2011В, с. 244], считая теперь, что речь может идти о реконструируемых кельтах двух типов. В одной из матриц могли отливаться орудия разряда К-14 или К-18, в другой – изделия разряда К-10 или, с меньшей вероятностью, К-16 [2011А с. 30–31]. Опираясь на

иллюстрации В.И. Стефанова, С.В. Кузьминых сосредоточился на вероятном облике отливок и их параметрах. Между тем в реконструкциях В.И. Стефанова видны не только перемещения фрагментов от различных форм, но даже утраты отдельных обломков. Не ставя под сомнение его выводы о принадлежности отливок к обозначенным разрядам, сфокусирую внимание на нюансах в передаче некоторых деталей публикуемых материалов.

Обломки матриц действительно принадлежат двум формам для изготовления кельтов. Подбор и последующее склеивание фрагментов позволили мне получить графические реконструкции, отличающиеся в деталях от тех, которые фигурируют в книге [Кузьминых, 2011А, с. 30–31]. Чтобы не быть голословным, приведу собственные рисунки обеих матриц (рис. 232).

Работая над их реконструкциями в 1980-х гг., я обратил внимание на такие признаки, как толщина стенок створок в местах их совмещения, глубина канавок, оформлявших ребра жесткости, и наличие параллельных и пересекающихся пропилов, позволявших безошибочно собрать форму.

У матрицы кельта разряда К-10 (К-16) уплощенное основание, максимальная толщина боковых стенок наблюдается в верхней части изделия, ближе к устью – 6,5–8 мм, а минимальная в нижней части – 4,5 мм (рис. 232, 1А–1Е). В противоположной части изделия ширина бортика между полостью, оформлявшей лезвие кельта, и торцом матрицы еще меньше, ~2,5–3 мм. Канавка, опускающаяся почти до угла лезвия, широкая и глубокая [Кокшаров, 2006А, рис. 3, 16]. Предполагаемые длина кельта, ширина лезвия, длина и ширина втулки 106, 51 и 45 × 31 мм соответственно.

Форма для кельтов К-14 (К-18) имеет, скорее, округло-уплощенное основание, ширина бортиков в устьевой части чуть меньше и составляет ~5,5–6 мм, сужаясь у лезвия до 4,5 мм (рис. 232, 2А, 2В, 2Г). Наибольшая ширина бортика в торцевой части формы, 5 мм, т.е. почти в два раза больше, чем у первого изделия. Канавка, упирающаяся в угол, образуемый боковой гранью и лезвием орудия, почти вдвое уже и не столь глубока, как в первом случае. Предполагаемые размеры отливки: длина 109 мм, ширина лезвия 60 мм, длина и ширина втулки 49 × 37 мм.

Другое замечание касается облика пластинчатого ножа, литейная форма которого найдена в погребении литейщика. Сначала Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых сочли возможным отнести клинок к разряду НК-6 [1989, с. 94, примечание]. Впоследствии перечень разрядов был расширен до НК-2, 4, 6 и было уточнено, что изделия приобретали окончательный облик после кузнечнойковки [Кузьминых, 2011В, с. 244].

Ножи разрядов НК-2, 4 и 6 отнесены к диагностическим СТ типам ножей [Черных, Кузьминых, 1989, с. 91]. С.В. Кузьминых поясняет, что при определении типологической принадлежности получаемой отливки следует обратить внимание на расширение лезвия в средней ее части (или близко к ней), что присуще изделиям разряда НК-4, имеющимся на могильнике [Кузьминых, 2011А, с. 31]. Правда, он не настаивает на этом выводе. В параграфе 4.3, подготовленном совместно с А.Д. Дегтяревой, отмечается, что в двусторонних (матрица с негативом ножа и плоской крышкой) литейных формах с литниковым каналом производились изделия типов НК-2 и 4 [2011, с. 40–41].

Некатегоричность суждений исследователей вполне объяснима. Конфигурация негатива может действительно указывать на оригинальность отливки, имевшей облик, отличный от того, на который указывают специалисты (орудия типов НК-2, 4, 6) [Кокшаров, 2013А]. На стороне, противоположной литнику, наблюдается отчетливое сужение полости, после чего она меняет под прямым углом направление, подходя к самому краю (?) формы (рис. 233). Изгиб позволял получать пластинчатые двулезвийные ножи размером 11 (?) × 2–24 × 3 мм со специфическим L-образно загнутым острием.

Ножи с клювовидным концом (ножи-пилки) фигурируют в сводках СТ металла под разрядами НК-18, НК-20 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101, 103, рис. 60, 4, 6]. Один из них, крепившийся в костяной рукояти, происходит из погребения 20 могильника Ростовка. В.И. Матющенко и Г.В. Сеницына отнесли его к VIII классу ножей [1988, с. 30, 80, рис. 35, 1; 80, VIII]. Первоначально Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых включили ростовкинский экземпляр в условно выделенный разряд НК-28 [1989, с. 105]. Вещи данного типа с Сатыги XVI определены как ножи-вкладыши и рассматриваются в качестве характерных орудий восточной зоны распространения СТ-памятников [Кузьминых, 2011Б, с. 36–37]. В качестве еще одного аналога можно привести изделие с Шайтанского озера II [Сериков и др., 2008, рис. 3, 29; Сериков и др., 2009, рис. 4, 11]. Правда, судя по рисунку, крюк оформлен не на острие, а на насаде. Окончательный вывод о выделении ножей с крюком (или клювовидным концом) в отдельный тип может быть сделан лишь после микроструктурного металлографического анализа, в ходе которого будет установлена технология оформления изгиба лезвия (ковка или литье).

С.В. Кузьминых справедливо отметил неместное происхождение ножа разряда НК-16 из могилы 3 [2011Б, с. 34]. находка (рис. 235, 11), отнесенная к числу ножей срубно-андроновского типа, неоднократно упоминалась в связи с синхронизацией варпаульских комплексов Западной Сибири (Сатыга XVI, Сайгатино VI, Товкуртлор 3) с черноозерско-томскими древностями АКИО [Кокшаров, 1991В, с. 98, рис. 2, 27; Он же, 2006А, рис. 3, 8;

Он же, 2011А, с. 180]. Правда, А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых видят в нем импорт «из петровской среды» [2011, с. 44], указывая на отсутствие примеси As, что указывало бы на его абашево-синташтинское происхождение [Там же, с. 39].

В анализе каменного инвентаря Сатыги XVI (рис. 234; 236–238; 239, 1–8, 11), подготовленном Л.Л. Косинской, хотел бы обратить внимание на один из поспешных выводов автора, касающийся чужеродности кремневого комплекса могильника в бассейне Конды. Опираясь на собственные наблюдения, исследовательница указывает, что «уже в неолите местные культуры почти полностью утрачивают технику призматического расщепления и формируют традицию кварцево-сланцевых индустрий, существовавшую до эпохи железа» [2011, с. 50]. Однако представленная ею картина не столь однозначна. На севере Западной Сибири известны археологические памятники, на которых обнаружены скребки, пластины, наконечники стрел и отходы их производства из качественного кремня светлых оттенков (Вар-бор I, Леуши I, IV, Геологическое VII на Конде, Пяку-то I в Надым-Пуровском междуречье). По А.А. Погодину, в результате обменов на север региона могло поступать не исходное сырье (например, розовый кремень), а готовые изделия и сколы-заготовки [Сергеев, Погодин, 2008, с. 192]. В одной из работ Л.Л. Косинской отмечается местное происхождение светлого кремневого сырья, орудия из которого найдены на поселении Пяку-то I [2010, с. 58]. Таким образом, вопрос о СТ принадлежности кремневых наконечников и пластин (рис. 239, 1–8, 11), найденных на Сатыге, остается открытым.

Керамическая коллекция Сатыги XVI обстоятельно разобрана В.И. Стефановым. Он приводит детальное описание находок, вплоть до характеристики отдельных емкостей, например, банки из разрушенного полымьятского погребения (см. выше). Можно согласиться с выделением двух морфологических групп посуды – стандартных (рис. 240) и индивидуальных форм (рис. 241), но, как отмечалось выше, я не вижу никаких оснований для объединения в одном комплексе разновременной керамики полымьятского и варпаульского типов.

Естественное возражение вызывает также вывод о функциональном назначении керамики варпаульского типа могильника Сатыга XVI. По О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов говорят о «замечательной» серии погребальной посуды (55 экз.), из которой более десятка развалов находились в межмогильном пространстве [Корочкова, Стефанов, 2011А, с. 21, 26; Стефанов, 2011, с. 51]. Предложение связать вне могильные сосуды с поминальными церемониями вполне резонно, но оно порождает естественный вопрос: насколько правомерно отнесение поминальной керамики к сопроводительному (погребальному) инвентарю? К сожалению, у нас нет соответствующих данных из сибирской этнографии, и

можно лишь предполагать, что вряд ли для поминальных целей изготавливались какие-то особые емкости. Не исключено, что родственники усопших, посещавшие кладбище через какое-то время, приносили и оставляли здесь обычную кухонную или поселенческую посуду. Это замечание представляется важным, поскольку керамика некрополя рассматривается в качестве единого культурно-хронологического комплекса [Стефанов, 2011, с. 54], из чего следует, что отсутствуют принципиальные различия погребальной и поминальной (или поселенческой) посуды. Это делает беспредметными все последующие рассуждения о различиях керамики из захоронений и поселений, а также неприемлемыми предложения по синхронизации варпаульских памятников сейминского времени и полымьятских/кульёганских объектов досейминского периода [Стефанов, 2011, с. 54, 56; Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 85].

Представление об особенностях погребального обряда северотаежного населения Западной Сибири сейминского времени расширяют материалы могильника Товкуртлор 3.

Здесь раскопано 11 погребений и две условные могилы. Памятник находится в мысовой части увала, тянущегося вдоль берега озера (рис. 243). Исходя из сохранности и облика костей, можно констатировать, что захоронения совершались по обряду трупоположения. Кроме одиночных погребений, выделяются два, в которых находились останки двух индивидуумов. В могильной яме 5 могло иметь место подзахоронение ребенка. Не исключено, что над могилами возводились деревянные конструкции, установка которых до сих пор практикуется местным населением.

Тела укладывались в ямы прямоугольной формы глубиной до 0,5 м. Судя по остаткам конструкций, стенки ям укреплялись обшивкой из плах, а на дне помещались жердевые настилы и береста. Человеческие останки обнаружены в 5 могилах (табл. 14).

В сравнении с Сатыгой XVI сопроводительный инвентарь могильника Товкуртлор 3 крайне беден: он включает единственное бронзовое изделие – нож-скобель (рис. 244, 3), каменный инвентарь, обломки керамической посуды, фигурку из керамики, несколько кальцинированных косточек. Почти 75% находок происходит из могил 2, 3, 5 и 6.

Изделия из камня (рис. 244, 4; 245) представлены наконечниками стрел (10 экз.), скребками (10 экз.), асимметричным ножом и более чем 20-ю отщепами и чешуйками. К числу единичных находок из камня относятся нуклеус, отбойник, абразив, подвеска, стержень и обломок поделки из талька.

Коллекция керамики включает обломки ~20 сосудов, происходящих из 9 захоронений (рис. 244). Больше всего фрагментов связано с могилами 2, 3 и 5. Среди сосудов имеются слабопрофилированные горшки и банки закрытой и открытой формы, а

также одна овальная миска (рис. 244, 13). В комплексе представлены горшечные, баночные формы и индивидуальные емкости, украшенные монотонными орнаментальными мотивами, характерными для посуды варпаульского типа [Жокшаров, 2006А, с. 51, рис. 3, 21–22, 24, 31, 37]. Какая-то часть этой керамики, может быть, связана с поминальными церемониями и принесена, по-видимому, с поселений. На проведение постпохоронных действий указывают, возможно, остатки двух кострищ, обнаруженных в межмогильном пространстве. В одном из них вместе с черепками бронзового века лежал отщеп. Еще одна приметная черта памятника – это большое количество сломанных и испорченных предметов [Стефанов, 2006, с. 52–53, 55].

Северные древности сейминского времени существенно дополняются материалами культового комплекса Сайгатино VI. Еще до публикации этих материалов литейные формы кельтов с памятника были включены в обобщающую работу Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых¹⁵. Авторы отнесли их к самусьскому (матрица из глины) и кижировскому (створка из талькохлорита) типам, то есть к разрядам К-36 и К-46 [1989:148, 152, рис. 75, 1–2; 77, 7]. По наличию боковых ушек и пояску из взаимопроникающих заштрихованных треугольников наиболее полные соответствия кельту, отливавшемуся в каменной форме, имеются среди находок с северного берега Андреевского озера [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 5, 11], связанных, по-видимому, с керамикой коптяковского облика, и на культовом комплексе коптяковской культуры Шайтанское озеро II [Сериков, 2009, рис. 4, 1–3; Сериков и др., 2008, рис. 1, 10; Сериков и др., 2009, рис. 7, 11]. Сосредоточившись на этих материалах, специалисты не уделили должного внимания другой важной находке – двустворчатой форме для отливки кольца, с помещенным внутрь антропоморфным изображением (рис. 251, 2, 2А-2В). Она имеет ключевое значение для выяснения возраста памятников с варпаульской керамикой.

В 1988 и 2002 гг. раскопки Сайгатино VI вела О.Н. Корочкова. Насколько мне известно, отчет по первому году ее раскопок не составлен. В информации, представленной по ФЦП «Интеграция» в 2002 г., среди находок упомянут каменный предмет, напоминающий, скорее, каменную булаву, чем рыболовное грузило [2003, с. 40, 42]. Здесь же, а также в отчете в ОПИ ИА РАН и кратком сообщении о результатах раскопок обращено

¹⁵ В работе Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых комплекс Сайгатино VI фигурирует под названием Остяцкий Живец VI [1989, с. 148, 152].

внимание на наличие в слое Сайгатино VI кремнированных останков человека [Корочкова, 2003, с. 42; Она же, 2004, с. 4; Она же, 2004А, с. 322].

5.2.1. Хронология памятников варпаульского типа

Сопроводительный инвентарь могильников Сатыга XVI, Товкуртлор 3, вещи с поселения Ленино I и культового комплекса Сайгатино VI имеют явные соответствия в материалах СТ и СК типов Евразии, что неоднократно отмечалось в литературе. Это дает основания для их синхронизации с такими объектами как Сейма, Турбино, Ростовка, с частью материалов поселения Самусь IV, могильника Сопка-2, а также комплексом Шайтанское озеро II и другими памятниками [Кокшаров, 1991В, с. 98; Он же, 1993, с. 11–12; Он же, 2006А, с. 52; Он же, 2011А, с. 180; Он же, 2011Б, с. 88; Он же, 2012Б, с. 39; Он же, 2013Б, с. 143].

Проблема хронологии памятников, содержащих вещи СТ типа, возникла с момента обнаружения этих древностей в начале XX в. и не может быть признана исчерпанной до настоящего времени. Историография вопроса достаточно полно рассмотрена в целом ряде работ, посвященных изучению древнего металла и металлопроизводства, поэтому нет необходимости излагать ее вновь [Бадер, 1964, с. 5–10; Он же, 1970, с. 4–20; Кузьмина, 1973, с. 31–39; Матющенко, Синецына, 1988, с. 126–133; Черных, Кузьминых, 1987, с. 84–86; Они же, 1989, с. 5–8, 256–259; Бочкарев, 2010, с. 60–80 и др.].

За истекшие десятилетия значительное внимание этому вопросу уделено в работах Е.Н. Черных и его коллег, обратившихся к преимуществам естественно-научных методов исследования археологического материала. Изучение морфологических и декоративных особенностей металлических изделий, состава их сырья и привлечение радиоуглеродных дат позволили археологам предложить концепцию СТ транскультурного феномена, с которым неразрывно связано становление и функционирование ЕАМП. Согласно историческим интерпретациям, металлические изделия СТ и СК облика диахронны. Вторые априори производны (более молодые) по отношению к исходным СТ сериям вещей [Черных, Кузьминых, 1987, с. 85, 92, 105; Они же, 1989, с. 144, 146, 183; Черных, 2009, с. 280]. Замечено, что предметы СК типа никогда не встречались в одних комплексах с предметами СТ облика и, кроме того, они распространялись в более северных районах Западной Сибири и Зауралья [Черных, Кузьминых, 1989, с. 183]. Схема СТ феномена постоянно дополняется и корректируется. Обратимся к основным эпизодам формирования концепции.

Вначале в формировании ЕАМП выделялись две стадии: ранняя и поздняя. Они охватывали XVII/ XVI–XIV вв. до н.э. и XIII–X/IX вв. до н.э. соответственно. Каждая из

этих стадий подразделена на две последовательные фазы [Черных и др., 1989, с. 6–7]. В первой фазе ранней стадии решающее значение для становления ЕАМП имели два встречных и, получается, синхронных миграционных потока: западный (абашевский) и восточный (СТ) [Там же]. На второй фазе той же стадии произошла стабилизация производственных центров и значительной унификации продукции в основных регионах ЕАМП [Там же, с. 8]. Во второй же стадии проявились признаки распада ЕАМП [Там же, с. 9]. В это время *«в лесостепной и степной полосах Евразии формируется общность культур с т.н. “валиковой” керамикой (глиняные сосуды, украшенные по плечикам или горлу налепным валиком). Среди металлургических и металлообрабатывающих очагов культур с “валиковой” керамикой выделяются европейская и азиатская зоны. В лесном Волго-Камье возникает предананьинская общность культур (приказанская, межовская и др.). Лесная область к востоку от Урала занята своеобразными культурами, представленными памятниками типа Самусь-4, Сопка-2, Еловка и др.»* [Черных и др., 1989, с. 6].

Уже через год предложенная схема получила классическое эволюционное оформление. В ней были намечены три периода: первый – сложение ЕАМП (ПБВ-1, XVII–XVI вв. до н.э.), второй – стабилизация провинции (ПБВ-2, XV–XIV вв. до н.э.), третий – ее переоформление и деструкция (ПБВ-3, XIV/XIII–X/IX вв. до н.э.) [Черных и др., 1990, с. 34]. Интерпретационная часть работы также подверглась корректировке. На первом этапе СТ группы, стремительно продвигавшиеся по лесостепной зоне на северо-запад, столкнулись с петровскими и абашевскими популяциями и вынуждены были двигаться в западном направлении по северным лесным пространствам [Там же, с. 35]. Предполагаемые СТ популяции были носителями новой для того времени технологии – отливки тонкостенного втульчатого оружия: кельтов, наконечников копий, и, кроме того, крупных однолезвийных кинжалов-ножей. Истоки этой технологии загадочны, поскольку в предшествующее время на Алтае и в прилегающих регионах сходные приемы не были известны. СТ население использовало исключительно оловянные бронзы.

Период стабилизации ЕАМП отмечен резким расширением ее территории и значительной унификацией продукции. В азиатской части провинции складывается *«алакульская общность»*, металлообработка которой *«основывается на производстве стереотипов, принципиально восходящих к абашевским категориям и видам инвентаря»*. В эту пору население севера лесостепи и тайги Западной Сибири, в отличие от степных племен, имеет крайне малое количество металла.

Наконец, во время переоформления и распада ЕАМП запоздало сказывается воздействие исходного СТ импульса, отраженное в увеличении количества тонкостенных

отливок (кельтов, наконечников копий, долот, стрел): 2/3 находок из металла азиатской зоны ЕАМП произведено мастерами андроновских культур южнотаежной и лесостепной зоны Западной Сибири. На этом фоне «...своеобразно выглядят таежные памятники типа Самусь IV» [Там же, с. 36–37].

В 2006 г. С.В. Кузьминых и А.Д. Дегтярева уточнили хронологические рамки ЕАМП. Ее сложению отведены XVIII/XVII–XVI вв. до н.э.: формирование срубно-андоновских культур и стабилизация основных производственных центров приходится на XVI/XV–XIV вв. до н.э.; перестройка культур срубно-андоновского мира и передислокация основных очагов металлообработки в лесную и лесостепную зоны охватили XV/XIV–XII/XI вв. до н.э.; наконец, деструкция и распад ЕАМП заняли XII/XI–IX/VIII вв. до н.э. [2006А, с. 224].

В настоящее время наметилась тенденция значительного удреждения археологических объектов с СТ сериями вещей. В 2013 г. Е.Н. Черных провел очередную коррекцию схемы. Исследователь отодвинул нижнюю границу формирования ЕАМП (Западно-азиатской МП) до XXII/XXI–XVIII/XVII вв. до н.э., а плавную стабилизацию провинции связал с периодом XIX/XVII–XIV/XIII вв. до н.э.; отсчет последней стадии, по его мнению, надо вести с XIV/XIII вв. до н.э. и завершается она с началом раннего железного века [2013, с. 390–395]. В.И. Молодин, опирающийся на новые серии ¹⁴C дат для погребений одиновской и кротовской культур с изделиями СТ типов, говорит о синхронизации обеих культур с конца второй четверти – конца последней четверти III тыс. до н.э. [2008, с. :12; Он же, 2013, с. 321]. Однако часть специалистов не готова к столь радикальной архаизации одиновских памятников [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 73].

При выяснении хронологической принадлежности могильника Сатыга XVI О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов сопоставили его материалы с иными древностями бронзового века севера Западной Сибири, решая обозначенную проблему с позиций СТ транскультурного феномена [2011Б, с. 60–85]. Некритичное отношение к концепции Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, предупреждавших, кстати, о возможных отступлениях в предложенных ими исторических реконструкциях «от стиля строгих доказательств» и своей склонности «к свободному изложению гипотез»¹⁶ [1989, с. 269], привело екатеринбуржцев к неутешительным выводам. Они констатируют явный переизбыток культур и памятников ПБВ-1 и отсутствие древностей ПБВ-2 на севере Западной Сибири,

¹⁶ Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых выражают надежду, что «определенная доля фантазии и вольных ассоциаций ... не смутит читателей» [1989, с. 269].

а также импортного металла южного (срубно-андроновского) происхождения на рассматриваемой территории [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 83; Корочкова, 2012Б, с. 140]. О.Н. Корочкова заключает, что *«бурный период начала бронзового века (ПБВ-1. – С. К.) в тайге сменяется в некотором роде безметаллическим временем»* [2010А, с. 86; Она же, 2010Б, с. 101]. Вместе с тем, анализируя имеющиеся материалы, археологи приходят к высказанному мною ранее выводу о хронологическом сближении СТ и СК комплексов (вплоть до их смыкания) [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 79]. Это порождает закономерный вопрос: а остается ли после этого в схеме СТ транскультурного феномена место для древностей ПБВ-2 и насколько она совершенна? Не желая того, екатеринбуржцы обозначают очередной изъян предложенной модели. Впрочем, Е.Н. Черных также констатирует дефицит ^{14}C дат для памятников СТ типа, конкретизирующих хронологическую позицию последних [2008, с. 49].

Нелогичность рассуждений В.И. Стефанова и О.Н. Корочковой проявляется также в одинаковой атрибуции памятников с СК металлом Нижнего Притоболья [2000, с. 89–90, рис. 5, 11], чем вносится еще большая путаница в хронологию бронзового века [Кокшаров, 2011Б, с. 86]. Исследователи предлагают стереть грань между древностями ПБВ-1 и ПБВ-3 в районе Западной Сибири, где древности андроновского времени (ПБВ-2) давно известны. Даже не стороннику СТ миграций трудно согласится с синхронизацией одинаковых памятников доандроновского времени с изделиями СК облика постсейминского периода. Следуя схеме Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, СК комплексы сменяют СТ, являясь производными от них, и должны датироваться не ранее XIV в. до н.э.

О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов, апеллирующие к модели СТ феномена, следуют аксиоме, проводимой Е.Н. Черных и его коллегами, о хронологическом приоритете металлических вещей СТ облика по отношению к СК инвентарю [2011Б, с. 64, 68, 74, 76]. Правда, оговорки о невозможности доказать стремительный характер передвижения СТ племен в Северной Евразии, отмечаемая непродолжительность существования СТ феномена, а также выводы о хронологическом сближении СТ и СК комплексов вплоть до смыкания [Там же, с. 78–79, 85] вызывают естественное недоверие к концепции московских коллег. При этом не поясняются причины, по которым локальные и региональные периодизации ЭРМ, предложенные для севера Западной Сибири М.Ф. Косаревым [1993], Ю.П. Чемякиным, К.Г. Карачаровым [2002] и автором данной работы [Кокшаров, 1991В; Он же, 1993В; Он же, 2006А], не вписывающиеся в концепцию СТ транскультурного феномена, отнесены к разряду несовершенных, имеющих хронологические «провалы» [Корочкова, 2012Б, с. 143].

При определении возраста варпаульских комплексов сейминского времени необходимо учитывать прежде всего перекрывание полымьятской могилы 11 захоронением 9 с варпаульским сосудом на Сатыге XVI [Кокшаров, 1992, с. 124; Он же, 2011А, с. 180; Он же, 2013Б, с. 135–136], а также облик варпаульской керамики и сопутствующего ей инвентаря.

По мнению М.Ф. Косарева, коллекция варпаульской керамики из Сайгатино VI более всего напоминает раннееловскую и ненарядную посуду черноозерско-томского варианта федоровской культуры, включающую и такие специфические изделия, как квадратные блюбочки [1993, с. 98]. Однако поздний облик варпаульских комплексов керамики становится очевидным при сравнении их с полымьятскими. Для первых характерно наличие выраженных горшечных форм, лучше всего представленных в Ленино I, доминирование в декоре монотонных горизонтальных мотивов и почти полное отсутствие вертикальной разбивки орнаментального поля, а также наличие на тулове сосудов зон, свободных от узоров (рис. 173, 2–3; 174, 6; 175, 3, 5–6). Последний признак может рассматриваться в качестве хронологического, так как его нет у поздней полымьятской керамики (синхронной синташтинским и петровским материалам), но он обычен для алакульской [Хлобыстин, 1976, с. 56; Потемкина, 1985, рис. 107, 148, 150, 152–153; 183–184, 186; Кузьмина, 1994, рис. 15, 7, 13, 21, 25, 27; 16, 1–4 и др.], нарядной и ненарядной федоровской (бишкульской) посуды [Матющенко, 1973Б, :рис. 2, 7; 5, 1–6, 8–13, 17 и др.; Максименков, 1978, табл. XLIII, 2–3, 5, 9–11, 15; XLIV, 6–8 и др.; Кузьмина, 1994, рис. 20а, 4, 10, 17, 20, 25, 28; Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 57, 9–14]. Параллели варпаульских и андроновских коллекций намечаются и по наличию в них четырехугольных емкостей [Максименков, 1978, табл. XLV, 14–16; XLVIII, 9; L, 2–3; Кузьмина, 1994, рис. 19, 13, 20; Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 34, 5–6; 35, 1, 4; 36, 9, 11], хотя о полном тождестве сравниваемых материалов говорить не приходится.

По высоким плавно профилированным шейкам и доминированию монотонных линейных узоров, выполненных углом гребенки, и тем же инструментом с широкими плотно поставленными зубцами, напоминающими прокатанные, горшки с поселения Ленино I схожи с материалами раскопа 5 поселения ЮАО-VI [Юрковская, 1973, с. 13–17, рис. 6, 1–16]. Керамика этого притобольского памятника и сопровождающий ее инвентарь (крючок, обломки серпа и ножа из бронзы, керамические грузила с перехватом) отнесены к одной из культур андроновского круга [Там же, с. 13–17; Корочкова и др., 1991, с. 76]. При этом специалисты проводят параллели между коллекцией раскопа 5 поселения ЮАО-VI и коптяковскими древностями Среднего Урала [Хлобыстин, 1976, с. 58; Стефанов,

Корочкова, 2000, с. 17; Викторова, 2011, с. 105], хотя следует отметить, что для последних характерен геометрический стиль орнаментации.

Отчетливые параллели коптяковским древностям намечаются на территории Пермского Прикамья. Речь идет о прикамских поселениях Заосиново VII, Непряха VII и Партизаны IV, на которых обнаружена керамика, сопоставимая по облику с коптяковской, и кремневые наконечники стрел сейминского типа [Денисов, Мельничук, 1991, с. 102–113; Мельничук, 2007, с. 160–161; Денисов и др., 2011, с. 113]. Они важны тем, что, во-первых, заполняют лауну между энеолитическими (гаринскими) и позднебронзовыми (луговскими и ерзовскими) памятниками, а во-вторых, образуют единый хронологический пласт вместе с хорошо известными СТ объектами Прикамья (Турбино I, II, Усть-Гайва, Заосиново VII, Бор-Лёнва, Усть-Щугор) [Денисов и др., 2011, с. 107, 113]. Если говорить по существу, то речь идет о привязке СТ некрополей к прикамским поселениям и, следовательно, о местных корнях оставившего их населения. Выстраиваемая автохтонная концепция не оставляет места для миграций СТ групп. По мнению пермских коллег, Заосиново–Непряха–Партизаны образуют единый культурно-хронологический пласт с коптяковскими древностями Урала, который может быть определен как самусьско-сейминский или самусьско-ростовкинский [Там же, с. 115]. Обнаружение на хорошо изученной территории Прикамья поселений, связанных с СТ могильниками, вселяет надежду на выявление на обширных пространствах Обь-Иртышья новых объектов, синхронных с варпаульскими комплексами Сайгатино VI, Сатыга XVI и Товкуртлор 3.

Интерес к коптяковской культуре возрос после обнаружения культового комплекса Шайтанское озеро II на Среднем Урале, с которым связаны коллекция коптяковской посуды, изделия из камня, металла и кости. Исследователи вновь обратились к проблеме генезиса этой культуры. Один из ключевых вопросов, интересующих специалистов, касается участия в ее сложении южных групп населения. По Е.М. Берс и Л.П. Хлобыстину, в коптяковской керамике виден сплав двух традиций: местной и привнесенной извне – алакульской [Берс, 1963; Хлобыстин, 1976, с. 57; Викторова, 2011, с. 98]. Сейчас эта идея востребована вновь, и сегодня функционирование памятника Шайтанское озеро II относят ко времени сложения алакульской культуры, когда активируются северные связи степного населения [Сериков и др., 2008, с. 346].

Единое мнение в отношении возраста коптяковской культуры отсутствует. Исследователи, привлекаяющие ¹⁴C даты, удревняют ее до рубежа III–II тыс. до н.э., предлагая различать в ней ранний и поздний этапы [Викторова, 2011, с. 98–106; Викторова, Ченченкова, 2011, с. 221; Зах, 2012, с. 39]. Другие специалисты, не склонные доверять

абсолютным датам, предусмотрительно датируют коптяковскую культуру «в пределах середины II тыс. до н.э.» [Ткачев, 2012, с. 176].

Коптяковские параллели, отмечаемые для варпаульских комплексов, заслуживают внимания в связи с находкой на Сайгатино VI створки формы из талькохлоритового сланца. Говоря об этой находке, специалисты замечают: «окажись она на Шайтанском озере, у нас не возникло бы ... сомнения в ее непричастности к коллекции» [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 76]. Отливка по ней сближается также по пропорциям, наличию ушек и декоративному оформлению с кельтом, найденным на северном берегу Андреевского озера [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 5, 11], который, как отмечалось выше, связывается с СК группой металла. На синхронность сравниваемых коллекций из Западной Сибири и горно-лесной зоны Урала могут указывать двулезвийные пластинчатые ножи, ножи-скобели, каменный инвентарь и костяные пластины с просверленными отверстиями [Там же].

Вряд ли удачны попытки В.И. Стефанова синхронизировать варпаульскую керамику из могильника Товкуртлор 3 с восточноевропейскими и западносибирскими коллекциями по такому элементу декора, как валики (см. рис. 244, б) [Стефанов, 2006, с. 55, рис. 6, 11]. Дело в том, что валики встречаются на посуде, датируемой от эпохи неолита [Хлобыстин, 1993, с. 30, рис. 1, 7–8; 2, 1–2] до финала бронзового века, например, на барсовской и атлымской керамике [Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 117; Они же, 1991, с. 112, рис. 1, 12; Чемякин, 1996, с. 68; Кокшаров, 2007, с. 55, рис. 4, 2]. С другой стороны, о более позднем возрасте варпаульских сосудов могут свидетельствовать прокатанные гребенчатые отпечатки (рис. 244, 5), а также фигурные оттиски (рис. 244, 11). Первые известны по посуде коптяковского облика Нижнего Притоболья [Викторова, 2011, с. 105] и сотниковской керамике Тавды [Викторова, 1970, с. 256–257, табл. 1, б], а вторые – по горшкам лозьвинского и барсовского типов.

На синхронизацию варпаульских комплексов с андроновскими древностями может указывать керамическое грузило с перехватом, найденное в культурном слое поселения Ленино I. По наблюдениям М.Ф. Косарева, подобные утяжелители для сетей появляются именно в андроновское время [1981, рис. 50, 13, 16–19]. Грузила с одним-двумя перехватами найдены на поселениях федоровской культуры Черемуховый Куст [Зах, 1995, с. 61–62, рис. 40, 1–2, 9–12] и Дуванское XVII [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 28, 5, 14].

При выяснении возраста варпаульских комплексов необходимо принять во внимание изделия из камня.

Примечателен каменный штамп с Сайгатино VI (рис. 252, 7). По форме, наличию отверстия он напоминает керамические штампы-пинтадеры с лозьвинских и гамаюнских

поселений приуральских районов Западной Сибири [Сладкова, 2003, с. 80; Борзунов, 1992, рис. 24, 1–7, 9–10]. Однако их бытование относится к более позднему периоду.

На памятниках с варпаульской керамикой не представлены черешковые формы наконечников с жальцами, найденные/обнаруженные на поздних полымьятских поселениях (Пашкин Бор I, Большая Умытья 28). Из могильников Сатыга XVI и Товкуртлор 3 происходят наконечники только подтреугольной формы с прямым основанием. Подобные типы изделий бытовали в широком временном интервале вплоть до конца бронзового века, и, будучи изъяты из контекста конкретных культурных слоев, непригодны для датировок. Несколько иначе обстоит дело с асимметричными ножами из кремня, хотя неявные соответствия им известны в атлымской и гамаюнской культурах [Берс, 1963, с. 70, рис. 15; Кокшаров, 2007, с. 57–58, рис. 6, 1, 3; Борзунов, 1992, рис. 21, 28–29].

Устанавливая время бытования варпаульских памятников, особое внимание следует обратить на нож разряда НК-16 из погребения 3. Специалисты подчеркивают, что эти ножи, относящиеся к евразийскому компоненту металла, встречаются на большом числе памятников и культур ЕАМП, представляя собой меньшую часть находок в составе СТ комплексов [Черных, Кузьминых, 1987, с. 98, 99].

А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых расценивают указанный нож как импорт «из петровской среды» [2011, с. 44], отмечая в его металле отсутствие примеси As, что указывало бы на абашево-синташтинское происхождение [Там же, с. 39]. Подобный подход означает удревнение находки, что по логике авторов вполне соответствовало бы синхронизации петровских и СТ комплексов металла в рамках ПБВ-1. О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов высказываются более осторожно. По их мнению, нож вызывает петровские/раннеалакульские ассоциации [2011Б, с. 84]. Совершенно очевидно желание исследователей архаизировать предмет, выведя из числа параллелей к нему алакульские и федоровские ножи, хотя они не исключают возможность синхронизации СТ металла и андроновских древностей вовсе [Там же, с. 63].

Иной взгляд на эволюцию ножей с перекрестьем и перехватом изложен в работах Е.Е. Кузьминой. По ее схеме, петровские ножи образуют раннюю группу евразийских степных ножей с выделенным перекрестием, предшествуя типологически алакульским изделиям [2008, с. 104]. Ножи с широкой пяткой, напоминающие сатыгинский нож, отнесены Е.Е. Кузьминой ко II типу. Особенно они характерны для андроновской культуры (алакульские и кожумбердынские объекты) [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 35, 37, рис. 10; Кузьмина, 1994, рис. 29]. Незначительное грибовидное расширение насада, указывающее на, казалось бы, ранний возраст сатыгинского предмета, оформлено не литьем, а ковкой.

Однако механическая деформация черешка могла произойти когда угодно. Как при изготовлении ножа в мастерской литейщика, следовавшего, возможно, определенной традиции, так и после, когда орудие попало на север. Поэтому представляется неверным рассматривать данный признак в качестве удревняющего.

Нож из погребения 3, отнесенный к числу ножей срубно-андроновского типа, неоднократно упоминался в связи с синхронизацией варпаульских комплексов металла Западной Сибири (Сатыга XVI, Сайгатино VI, Товкуртлор 3) с черноозерско-томскими древностями АКЮ [Кокшаров, 1991В, с. 98, рис. 2, 27; Он же, 2006А, рис. 3, 8; Он же, 2011А, с. 180]. Наиболее полные соответствия ему по конфигурации перекрестья, расширяющемуся в нижней трети лезвию и ромбическому поперечному сечению клинка имеются среди вещей, найденных в погребении 3 алакульского кургана 18 могильника Субботино [Потемкина, 1973, с. 56, рис. 4, 2; Она же, 1985, с. 242, 249, рис. 101, 1], в алакульском погребении 7 Царева кургана [Сальников, 1967, рис. 51, 11], погребении 131 Черноозерского I могильника [Генинг, Стефанова, 1994, с. 55, рис. 21, 1], на поселении Аркаим [Зданович, Батанина, 2007, рис. 3, 3]. Правда, в последнем случае не указана привязка предмета к конкретному культурному слою (синташтинскому или алакульскому). Нож с Сатыги близок клинку с Шайтанского озера II, но его раскованный черешок не столь широкий [Кузьминых, Стефанов, 2012, рис. 2, 9].

Синхронизация варпаульских объектов с СТ и СК металлом из таежного Обь-Иртышья с андроновскими памятниками надежно устанавливается по керамической форме для литья ажурных колец с помещенным внутрь антропоморфным изображением (рис. 251, 2–2В), происходящей с Сайгатино VI. Оригинальные отливки колец являются одним из ярких атрибутов черноозерских памятников АКЮ, происходят они из могильников Черноозерье I и Боровлянка XVII [Стефанов, 2004, с. 114, рис. 1, 1–2, Погодин и др., 2008, с. 202, рис. 1, 2–3; 2, 1–2; 4, 4; 5, 3–4]. Об актуальности черноозерско-сатыгинских параллелей информируют Н.К. и В.И. Стефановы [2007, с. 89].

Хотя мысль об одновременности СТ, срубных и андроновских (алакульских и федоровских) памятников не нова и неоднократно поднималась в работах исследователей [Федорова-Давыдова, 1960, с. 56–57, рис. 2, 1; Зотова, 1964, с. 60; Мерперт, 1966, с. 132; Сальников, 1967, с. 222, 223, 317–318; Черных, 1970, с. 95; Зудина, 1981, с. 102–103; Агапов и др., 1983, с. 22–24; Чемякин, 1998, с. 277; Парцингер, 2000, с. 68; Кузьмина, 2001, с. 88; Она же, 1994, с. 42; Она же, 2008, с. 157; Линдафф, 2005, с. 29; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 118; Бочкарев, 2010, с. 72, 74, 80 и др.], она и сейчас не теряет своей актуальности, находя подтверждение в рассматриваемых материалах.

При выяснении возраста варпаульских комплексов таежного Обь-Иртышья нельзя обойти вниманием единственную дату по ^{14}C , полученную по костям человека из погребения 39 могильника Сатыга: 3655 ± 29 ВР. Ее калиброванные значения составляют 2130–1960 ВС (68,2%) и 2140–1940 ВС (95,4%). Она неизменно приводится в трудах В.И. Стефанова, отстаивающего ранний возраст Сатыги XVI [Стефанов, 2006, с. 57; Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 74; Мызников и др., 2012, с. 70]. Однако еще ранее специалисты вынесли по ней свое заключение: она *«не может быть откомментирована должным образом в силу единичности»* [Епимахов и др., 2005, с. 99, табл. 3 на с. 97].

Приведенная цитата отражает наиболее взвешенную позицию, поскольку не критичное отношение к названной дате противоречит стратиграфии Сатыги XVI, свидетельствующей о хронологическом приоритете полымьятского захоронения 11 по отношению к варпаульскому погребению 9. Наблюдения на Сатыге не противоречат типолого-хронологической схеме, разработанной для бассейна Конды, согласно которой варпаульские комплексы не могут быть древнее, полымьятских поселений [Кокшаров, 1991В, с. 98; Он же, 1993В, с. 17–19; Он же, 2006А, с. 51–53; Он же, 2011А, с. 180; Он же, 2012Б, с. 37; Он же, 2013Б, с. 133–149]. Замечу, что схожая картина фиксируется восточнее Конды, на территории Сургутского Приобья. Археологи отмечают более поздний возраст культового комплекса Сайгатино VI по отношению к кульганским древностям, синхронизируя их с поздними полымьятскими [Чемякин, 2008, с. 45–46, 48; Стефанов, 2002, с. 111; Сергеев, Погодин, 2008, с. 191–192]. Если говорить о территории Нижнего Приобья, то здесь комплекс Товкуртлора 3 должен сменять во времени поздние памятники сартыньинского типа. Варпаульские объекты на территории Нижнего Приобья не единичны, как это может показаться на первый взгляд, и следует ожидать увеличения их количества. На это указывают асимметричные кремневые ножи, случайно найденные на реках Щекурья [Кокшаров, 2008А, с. 28–29] и Сыня (поселение Ямгорт I) [Кочегов, Федорова, 1995, с. 8, рис. 23], а также керамика варпаульского облика с поселений Перегребное XIII (рис. 259, 1, 3, 5–6, 12) и Нангакорка (рис. 259, 2, 4, 11).

Стабилизация, установившаяся на территории Северной Евразии в постсинташтинское время (ПБВ-2, по Е.Н. Черных), привела к формированию двух крупных общностей позднего бронзового века: срубной и андроновской. Их носители обеспечили устойчивые связи и обменные процессы, нивелировавшие облик материальной культуры. В результате получили распространение сходные типы металлического, каменного и костяного инвентаря, а также технологии их производства. Интересующая нас территория не осталась в стороне от процессов, интегрирующих евразийское пространство.

Население южной тайги, проживавшее в бассейне Васюгана и Конды, приобщаясь к производящему хозяйству, воспринимало не только некоторые из ведущих типов металлических орудий СТ и СК облика и технологии их производства, но и содействовало распространению связанных с литейным делом предметов, например, талькосодержащих пород камня уральского происхождения. Последние демонстрирует направление обменных связей урало-сибирского населения сейминского времени [Кокшаров, 2006А, с. 52] (могильник Товкуртлор 3 [Погодин, 2002, с. 248], Сайгатино VI [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 46], Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 87, рис. 38, 1; 36, 2] и Сопка-2 [Молодин, 1983, с. 101, рис. 4, 2; 5, 1]). Возросшая значимость металлопроизводства привела к сходным изменениям структуры общин скотоводов/земледельцев и рыболовов/охотников. В южных и некоторых северных сообществах Западной Сибири произошло разделение труда с выделением мастеров-литейщиков, отразившееся в погребальной и культовой практике (Ростовка, Сопка-2, Сатыга XVI, Сайгатино VI).

5.3. Памятники постсейминского периода

В качестве синонимов постсейминского времени для южных районов Западной Сибири используются обычно термины «андроновская эпоха», «эпоха поздней бронзы» и «переходное время от бронзового века к железному» [Косарев, 1981, с. 111, 162; Он же, 1993, с. 94, 104, 110; Молодин, 1985, с. 117, 155]. Исходя из синхронности древностей сейминского круга с андроновскими (алакульскими и федоровскими), о чем свидетельствуют материалы варпаульских памятников, понятие «постсейминский период» правильнее соотносить с существованием различных андронидных культур. Такой подход представляется более логичным, поскольку он отражает технологический принцип и согласуется с периодизацией эпохи палеометалла Северной Евразии. По определению Е.Н. Черных и его коллег, это период ПБВ-3, когда сосуществуют разнопорядковые андронидные образования. В их числе, например, пахомовская и сузгунская¹⁷ культуры на территории подтаежного Тоболо-Иртышья, общность культур валиковой керамики [Черных и др., 1990, с. 34, 36–37; Косарев, 1993, с. 99–101; Матвеев и др., 1995, с. 169–171; Полеводов, 2003, с. 17; Зах, Зимина, 2008, с. 146; Корочкова, 2011А, с. 18–20], черкаскульская¹⁸ и межовская культуры в Зауралье [Шорин, Обыденнов, 1994, с. 32–37;

¹⁷ Уже более 20 лет остается нерешенным вопрос соотношения пахомовской и сузгунской культур – отражают ли они этапы одной культуры или это различные культуры [Корочкова и др., 1991, с. 84; Корочкова, 2010А, с. 72–73, 85; Она же, 2011А, с. 29].

¹⁸ М.Ф. Косарев исключил черкаскульские древности из числа андронидных образований, отнеся их к андроновской (черкаскульско-федоровской) общности [1993, с. 94, 96].

Косарев, 1981, с. 132–141; Он же, 1993, с. 104–105], еловско-ирменская культура [Матющенко, 1974А, с. 5, 70–80] или самостоятельные еловская и ирменская культуры в лесостепном Приобье [Косарев, 1974, с. 95–120; Он же, 1981, с. 145–162; Он же, 1993:105–108; Молодин, 1985, с. 117–143; Борзунов, 1995А, с. 139]. Этнокультурную картину Тоболо-Исетья дополняют памятники бархатовского¹⁹ типа, синхронные сузгунским, межовским и ирменским [Корочкова и др., 1991, с. 85–87; Матвеев, 1994, с. 18–19; Костомаров, 2008, с. 31; Зими́на, Зах, 2009, с. 136–141; Матвеев, Оношко, 2009, с. 190–191, 201–203, 310–311; Корочкова, 2011А, с. 31–32], а также смешанные комплексы: сузгунско-бархатовские [Зах, Зими́на, 2008, с. 156], бархатовско-гамаюньские [Зими́на, Зах, 2009, с. 141–143, 145], сузгунско-лозьвинские [Галкин, 1991Б, с. 17] и др. Таким образом, речь идет о сменяющих друг друга во времени культурах, вобравших в себя в различной степени наследие андроновской эпохи и испытавших влияние таежного населения Обь-Иртышья.

Севернее андронидного ареала достаточно четко проявляется лесные и тундровые древности постсейминского времени, однако вовсе не тех, на которые указывают коллеги (например, таежные памятники типа Самусь IV [Черных и др., 1990, с. 37]). Памятники объединяет фоновый хронологический признак – керамика с фигурно-штамповой орнаментацией, выполненной орнаментами в виде волны (змейки) и креста (прямого и косо́го). Несмотря на отмечаемое единство в декоре посуды, здесь наблюдается не менее мозаичная картина, чем на юге региона. Прежде всего речь идет о лозьвинском, атлымском и барсовском керамических комплексах, а также о древностях, в которых сочетаются особенности перечисленных собраний (рис. 260). Например, в Чилимском микрорайоне Нижней Конды отмечаются памятники с синкретичной гребенчато-ямочной керамикой (Чилимка I, III, VII–VIII, XIX–XXII [Глушков, Захожая, 2000, с. 57–73, 75–82]), сопоставимой с материалами барсовской культуры [Глушков, 1996, с. 109]. На сходство последних с керамикой поселения Белая гора III (бассейн Северной Сосьвы) указывает Ю.П. Чемякин [1996, с. 65]. В районах западносибирского Заполярья открыты поселения с керамикой хэяхинского типа [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 46–49, рис. 3; Васильев, 2000А, с. 273–274; Косинская, Федорова, 1994, с. 20–21; Косинская, 2010, с. 60]. На некоторых памятниках Северной Сосьвы (Сартынья I) [Васильев, 1983, с. 53, рис. 7], Ямала (Хадыта-яха) и приуральских тундр (Мой-ярей, Сандибей VI) обнаружена керамика коршаковской культуры [Стоколос, 1992, с. 21–22]. По наличию узоров, нанесенных прокатанными штампами, она вызывает явные ассоциации с лозьвинскими коллекциями рр. Тавды и

¹⁹ М.Ф. Косарев рассматривает бархатовские памятники как вариант межовской культуры [1993, с. 104–105].

Конды [Канивец, 1974, с. 124–125; Стоколос, 1997, с. 261]. В.А. Борзунов и Ю.П. Чемякин рассматривают коршаковские памятники Северной Сосьвы (Сартынья I) и Большеземельской тундры в качестве вариантов лозьвинских [1995, с. 177].

Принимая во внимание единую технологию изготовления керамики лозьвинского и коршаковского типов (выбивка), выводы екатеринбуржцев представляются логичными. С другой стороны, любопытны исторические интерпретации археологического материала, предлагаемые В.С. Стоколосом. Исследователь указывает на возможные восточно-сибирские истоки коршаковской орнаментальной традиции (Таймыр и смежные районы), разделяя по существу, гипотезу об эпизодическом и кратковременном проникновении в Северное Приуралье населения из арктических широт Сибири [2000, с. 20–21]. Впервые эту версию выдвинули Л.П. Лашук и Л.П. Хлобыстин, когда подняли вопрос о расселении одной из групп палеоазиатов – носителей ымыяхтахской культуры, продвигавшихся в западном направлении по евразийскому Заполярью на рубеже II–I тыс. до н.э. [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 49]. К сожалению, работа с материалами постсейминского времени севера Западной Сибири осложняется отсутствием исчерпывающих публикаций памятников или малой информативностью статей при одновременном увлечении археологов реконструкциями исторических процессов конца бронзового века, среди которых неизменно преобладают миграционные построения [Кокшаров, 2006А, с. 43].

Традиционность хозяйства различных групп северного населения обусловила сохранение у них поселений и типов жилищ, известных по памятникам предшествующего времени. Это стационарные поселки с остатками крупных укрепленных домов и сезонные промысловые лагеря с небольшими по площади сооружениями, функционировавшими преимущественно в теплое время года. В конце постсейминского периода появляются городища²⁰, ставшие обычным видом поселений в раннем железном веке. При этом в тайге Западной Сибири не прослежена какая-либо преемственность между городищами эпох неолита и бронзы [Борзунов, 2012, с. 14].

Топографическая привязка лозьвинских поселений разнообразна, но преобладает тенденция привязки памятников к водоемам. Исследователи разделяют их на стационарные (зимники) и временные (сезонные стоянки и стойбища), относя к первым поселения с большим одиночным домом, окруженным обваловкой из грунта и рвами (Денисово I,

²⁰ Определение «первые» условно, поскольку самым ранним городищем в изучаемом регионе является Амня I, датированное неолитом [Стефанов, Морозов, 1993, с. 168–169].

Олымья III–IV, VIII), а ко вторым – местонахождения лозьвинской керамики без четко выраженного культурного слоя и остатков жилищ [Борзунов, Чемякин, 1995, с. 178].

На стационарных лозьвинских поселениях отмечены жилища двух основных типов. К первому отнесены сооружения со слабо углубленными котлованами (Низямы VIII, Талья I), ко второму – одиночные дома большой площади [Там же, с. 179–181]. В.А. Борзунов учел в бассейне Конды не менее 12 поселений с укрепленными большими жилищами, среди которых фигурируют Денисово I [Борзунов, 1992, с. 42; Он же, 1999, рис. 1], Лемья 1.1, 1.6, 5.3, Ах II, Енья 19, Большая Умытья VIII, Супра XVIII, Олымья 3, 4, Большая Учinya XII [Борзунов, 1995Б, с. 224–225, рис. 12, 1–3; Он же, 1999, рис. 1, 30–32, 36–41, 49]. В Нижнем Приобье к подобным памятникам относятся поселение Ендырское VIII [Борзунов, 1999, рис. 1, 6; Кокшаров, 2007, с. 61], в Сургутском Приобье – поселения Сырой Аган I и Соровское XI (атлымская культура) [Борзунов, 1999, рис. 1, 62].

В Сургутском Приобье интерес представляют остатки больших домов без следов укреплений. К ним относится жилище 107 на Барсовой горе, связанное с атлымской культурой. Неординарность сооружения выдает не только площадь (~300 м²), но и найденная в его пределах булава из белого кварца [Елькина, 1977, с. 109, рис. 4, 1]. Не исключено, что помещение служило для общественных целей, а булава указывает на высокий социальный статус его обитателя (обитателей?). Сходное по конструкции сооружение (~225 м²) раскопано на поселении Барсова гора I/50, относящемся к барсовской культуре [Чемякин, 1996, с. 66, рис. 1].

Большие укрепленные дома изучены к юго-западу от Нижнего Приобья, в ареале гамаюнской культуры. Речь идет о нижнем и верхнем жилищах Туманского поселения, поселениях Илюшинское IV, Усть-Вагильское и нижним горизонте Оськинского [Борзунов, 1999, рис. 1, 63–67], а в горно-лесной зоне Урала локализованы укрепленные дома Шайдуринского (нижний горизонт) и Палкинского (Чудского) поселений [Там же, рис. 1, 68–69]. По мнению В.А. Борзунова, факт появления укрепленных жилищ на севере Западной Сибири – явление уникальное, так как возведение оборонительных систем связано с деятельностью населения, ориентированного на присваивающие формы хозяйства [Там же, с. 19].

Имеющиеся факты свидетельствуют о значимости больших домов, возводившихся коллективными усилиями таежного населения Обь-Иртышья. Они использовались не только для проживания общин и укрытия людей во время опасности. Исходя из фольклора южных хантов, собранного в конце XIX в., в больших общественных зданиях из 800 жердей проводились собрания. Согласно сказаниям, народ набивался в помещения «как окуни и

плотва в морды» [Косарев, 1991, с. 108–109]. К сожалению, понимание специфики базовых поселений невозможно из-за отсутствия полностью раскопанных поселений. Варианты реконструкций позднебронзовых укрепленных жилищ, предложенные В.А. Борзуновым, действительно демонстрируют неординарность таежной архитектуры [1990, рис. 4А–Б; Он же, 1999, рис. 9–10].

Явный дефицит информации о долговременных населенных пунктах компенсируется в определенной степени материалами поселения атлымской культуры Ендырское VIII. Крупное укрепленное жилище (не изученное, к сожалению, раскопками) было не единственным в пределах базового поселка. В 12 м к ЮЗ от него располагалось наземное сооружение площадью ~17 м² с остатками кострища. В нем была сосредоточена какая-то хозяйственная деятельность, возможно, хранилось вышедшее из употребления имущество и эпизодически плавился металл, о чем свидетельствуют развалы и обломки 18 сосудов, фрагменты двух тиглей, единичные изделия из камня и капли металла [Кокшаров, 2007, с. 55, 61]. В ~24 м к ССЗ от большого дома находился еще один наземный хозяйственный объект, от которого сохранился настил размером 2,3 × 1,26 м из обгоревших жердей и кусочки от 7–8 атлымских сосудов. Ендырские материалы свидетельствуют, что понимание поселенческих комплексов возможно при максимально полной изученности культурного слоя.

Вывод В.А. Борзунова и Ю.П. Чемякина об отнесении малых лозьвинских жилищ исключительно к стационарным поселениям (например, Талья I) небесспорен. Л.Н.Сладкова убеждена в привязке исследованных ею поселков к местам промыслов, хотя обилие керамического материала как будто бы противоречит ее выводам [Сладкова 2003, с. 76]. Стабильность хозяйственного уклада таежного населения обусловила сохранение поселений в местах рыбалки и охоты. Здесь возводились 1–2 постройки небольшой площади. В зависимости от объекта промысла поселения размещались на берегах некрупных рек, впадающих в более крупные водотоки, либо в отдалении от кромки берега магистральной реки. К таковым относятся жилища с гребенчато-ямочной, лозьвинской и атлымской керамикой, открытые на поселениях Конды и Оби: Чилимка I и III (52,5 м² и 36 м²), Чилимка VII и VIII (30 м² и 42 м²) [Глушков, Захожая, 2000, с. 192–193], Талья I (48 м²) [Сладкова, 1987], Сатыга (~40 м²) [Сладкова, 2003, с. 76; Она же, 2007А, с. 164], Низямы VIII (46 м² и 43 м²), Лов-Санг-Хум III (39 м²) [Рудковский, 2012, с. 160–165].

Городища постсейминского периода на изучаемой территории связаны исключительно с носителями атлымской культуры [Борзунов, 1995Б, с. 223]. Однако

сложившееся мнение о многочисленности городищ на изучаемой территории не соответствует действительности и требует существенной корректировки.

Изучение стратиграфии культурного слоя городища Малоатлымское II, давшего название эпонимной археологической культуре [Васильев, 2004, с. 107–108], позволяет усомниться в позднебронзовом возрасте остатков выявленных фортификаций [Зыков, Кокшаров, 2000, с. 119–121, рис. 103; Кокшаров, 2009А, с. 227, рис. 96]. Кстати сказать, Е.А. Васильев, изучавший памятник, высказывал сомнения в правильности своих же выводов относительно времени возведения укреплений на городище: “...связывая весь комплекс эпохи бронзы на Малом Атлыме с городищем, мы делаем это несколько условно” [1982, с. 7]. Неопределенность времени возведения укреплений данного памятника отмечалась также В.А. Борзуновым [1984, с. 104]. Значительный объем земляных работ при возведении средневековых фортификаций городища Малый Атлым II привел к разрушению подстилающего культурного слоя, содержащего артефакты мезолита, неолита, эпохи раннего металла (рис. 102). Следовательно, говорить о залегании находок бронзового века *in situ* вряд ли возможно. Исходя из этого, следует более внимательно относиться к картине распределения разнотипной атлымской посуды в культурном слое памятника. Вместе с тем, несмотря на переотложенность материала, нельзя игнорировать полученные радиоуглеродные даты. В любом случае они конкретизируют время существования атлымских древностей в Нижнем Приобье.

Неудачна подборка других укрепленных поселений, оставленных, по мнению Е.А.Васильева, «носителями крестовой керамики»: Барсов городок I/10 и Молчановская Остяцкая гора [1982, с. 14]. Если говорить о Барсовом городке I/10, то его фортификации связаны со слоями железного века и с керамикой белоярского типа VII–VI вв. до н.э. [Чемякин, Коротаев, 1976, с. 49–62]. Укрепления Молчановской Остяцкой горы также не могут быть однозначно соотнесены со слоями бронзового века, поскольку характер памятника оказывается сложнее. В описаниях М.Ф. Косарева, приводимых Е.А. Васильевым, говорится, во-первых, о наличии за пределами площадки двойной эшелонированной оборонительной системы, характерной для позднесредневековых городищ Обь-Иртышья; во-вторых, о раскопанной двухкамерной землянке с печью-чувалом (такие сооружения появляются в конце XV–XVI вв., после установления теснейших связей угров и сибирских татар) [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 202]; в третьих, о найденной на памятнике коллекции средневековой керамики [Косарев, 1974, с. 123–124]. Городища атлымской культуры действительно существовали (Чилимка 9) [Борзунов, Чемякин, 1995, с. 183], но внешне они напоминают аналогичные памятники начала

железного века: их объединяют пологие неглубокие рвы глубиной 0,3–0,6 м при ширине 1,7–1,5 м (Чилимка XIII и XXIII) [Глушков, Захожая, 1996, с. 49–50]. Выразительные остатки фортификаций городища Малоатлымское II с фрагментами деревянной стены, никак не вписываются в приведенные параметры. Это замечание представляется очень важным, так как некоторые археологи по-прежнему полагают, что городища являются одной из характернейших черт атлымской культуры [Борзунов, 1995Б, с. 223–225, 231; Матвеев, Матвеева, 1995, с. 53; Потемкина и др., 1995, с. 79].

К постсейминскому времени относятся некоторые из промысловых сооружений, представляющие собой системы ловчих ям для промысла крупных млекопитающих. С конца 1980-х гг. и до настоящего времени они неизменно попадают в поле зрения археологов (рис. 247–248) [Кокшаров, 1991А, с. 53–54; Он же, 1993Б, с. 162–169; Кокшаров, Морозов, 1998, с. 143–144; Косинская, 1998; Она же, 1999; Она же, 2000, с. 21–23; Ковригин и др., 2004, с. 302–317; Дубовцева, Ковригин, 2009, с. 260–270]. Аналогичные объекты идентифицированы и в горно-лесном Зауралье [Сериков, 2007, с. 114–123]. Обычное место расположения ловушек – возвышенности и суходолы, ограниченные крупными и малыми водотоками, пойменными и верховыми болотами. Меньшая часть промысловых сооружений, напротив, локализована в пределах хорошо дренированных логов, плавно переходящих в верховые болота или выходящих к реке. Это, например, Геологическое XVII в верховьях Конды [Кокшаров, 1993Б, с. 162–163] или Запрудное в Среднем Зауралье [Сериков, 2007, с. 122]. Топография нового вида археологических памятников свидетельствует о дисперсности населения на опромышляемой территории и об отсутствии у него домашнего оленеводства, что вполне соответствовало образу жизни местного населения. На возраст промысловых объектов указывает вещевой материал и ^{14}C даты.

В заполнении ям-ловушек промыслового комплекса Геологическое I были обнаружены фрагменты керамики лозьвинского и атлымского типов конца бронзового века (рис. 249, 1, 4, 7). Однако отдельные ловушки датированы рубежом мезолита–неолита (комплекс Харампур 4 на р. Пякупур) [Косинская, 2010, с. 31–32], а другие объекты, напротив, функционировали еще в середине XX в. [Кокшаров, 1992А, с. 6]. Рассматриваемые промысловые объекты отражены также в наскальных рисунках Урала. На них обратил внимание В.Н. Чернецов, привлечший в качестве аналогий скандинавские петроглифы, данные этнографии и сведения ученых, посетивших Урал в XVIII в. [Чернецов, 1971, с. 73–75]. Приведенная информация, а также факт подновления ловчих ям на Геологическом XVII, где прослежены две погребенные почвы, свидетельствуют о традиционности данного вида охоты на изучаемой территории.

Несмотря на доминирование присваивающих форм хозяйства²¹, определивших во многом облик археологических памятников (поселений, остатков жилищ), и наличие схожей, казалось бы, фигурно-штамповой орнаментации в декоре керамики, северное население Западной Сибири не представляло ожидаемого единства, как может показаться на первый взгляд. Локальные особенности северных сообществ отражены в керамическом материале и сопутствующих ему находках. На севере Западной Сибири самыми многочисленными являются лозьвинские и атлымские керамические комплексы.

Керамика *лозьвинского* типа и эпонимные памятники были открыты В.Д. Викторовой [1970, с. 257; Кокшаров, 1998, с. 312–313]. Отсутствие исчерпывающих публикаций упомянутых древностей и, прежде всего, коллекций керамики [Борзунов, Чемякин, 1995, с. 177–178] уже давно не смущает исследователей, активно оперирующих дефиницией «лозьвинская культура» [Борзунов, 1992, с. 57; Он же, 1994, с. 139; Косарев, 1993, с. 109, 118; Потемкина и др., 1995, с. 103; Кокшаров, 1997, с. 145; Захожая, 1999, с. 74–76; Глушков, Захожая, 2000, с. 36, 38; Сладкова, 2007А, с. 164–167; Чемякин, 2008, с. 59; Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 82; Рудковский, 2012, с. 164]. Это тот случай, когда с легкостью открывается новая археологическая культура, не обеспеченная надлежащими источниками [Матющенко, 2001, с. 89]. Единичные и далеко не исчерпывающие публикации лозьвинских материалов подготовлены Л.Н. Сладковой и Ю.П. Чемякиным, а технологический анализ керамики проведен И.Г. Глушковым и Т.М. Захожей. Вместе с тем до настоящего времени отсутствуют специальные исследования, посвященные содержательной характеристике керамических комплексов лозьвинского типа.

С лозьвинских памятников Конды (~170 пунктов) происходят хорошо профилированные сосуды горшковидной и баночной формы с круглыми и плоскими днищами (рис. 148; 183, 1–7; 184–185). Они изготавливались преимущественно из лент шириной от 40 до 70 мм при ширине спаев 10–30 мм. Древние гончары применяли внешний и внутренний подлеп, с преобладанием последнего. По заключению И.Г. Глушкова, в коллекциях поселений Талья I и Сатыга есть сосуды, изготовленные как с устья, так и с днища. Заметную роль в формовке играла выбивка, после которой толщина стенок составляла 3–4 мм при объеме 6 и более литров [1996, с. 109]. В качестве наковаленки применялась, вероятно, гладкая галька или фрагмент керамики. По наблюдениям

²¹ Абсолютное доминирование присваивающих форм хозяйства вовсе не исключает существенной вариативности промысловой деятельности у населения севера Сибири [Головнев, 1993, с. 13, 121–122].

специалистов, лозьвинские традиции формовки посуды существенно отличались от лепки атлымских и барсовских (гребенчато-ямочных) керамики, обнаруживающих между собой значительное сходство [Там же; Захожая, 1999, с. 75–76].

В орнаментации лозьвинской посуды широко использовались оригинальные прокатанные штампы-пинтадеры из керамики [Кокшаров, 2006А, с. 53, рис. 4, 15], снабженные нередко отверстиями для подвешивания (рис. 211, 1–6; 9–13). Эта категория находок, обнаруженная на памятниках от Нижнего Приобья до Урала, неизменно сопутствует керамике сотниковского, лозьвинского и вагильского типов [Берс, 1963, рис. 18, 4; Викторова, 1970, с. 256–257, 263, табл. 1, 6–7, 11, 13; Борзунов, 1984, с. 99, рис. 5, 26–27; Сладкова, 2007А, рис. 1, 7, 15, 21–24]. Примечательно, что такие штампы не известны по памятникам других синхронных культур Сургутского Приобья и юга региона. В.А. Борзунов рассматривает их как «чисто зауральские», тогда как родиной крестового штампа считает в Нижнее Приобье [1990, с. 21].

Штампы-пинтадеры имеют форму окружностей, усеченных овалов, сердечек и печатей (рис. 211, 1–13). Рабочие плоскости орнаментированных оставляли негативные отпечатки в виде сетки, широкой гребенки с узкими зубцами, змейки или прямого креста. Группа археологов под руководством И.Г. Глушкова, использовавшая материалы Л.Н. Сладковой, провела успешное моделирование лозьвинского декора [Глушков, 1996, с. 73–74].

Кроме фигурных отпечатков штампов на внешних стенках посуды – от шейки до дна – много вдавлений круглой палочки, оставлявшей на внутренней стороне выступы-жемчужины. В зоне под венчиком, на переходе от шейки к тулову, нередко встречаются налепные валики и пальцевые защипы. В верхней части некоторых емкостей отмечаются желобки.

В лозьвинской керамике поселения Талья I Л.Н. Сладкова наметила четыре орнаментальные группы. К первой отнесена посуда с ямочно-волнистыми узорами; ко второй – с ямочно-крестовыми; к третьей – с ямочно-сетчатыми; к четвертой – с ямочно-гребенчатыми [1991, с. 30, рис. 1; Она же, 2007А, с. 166]. По ее мнению, процентное соотношение выделенных групп керамики на памятниках различное и может указывать на время существования объектов, на которых она была найдена. На поселении Талья I преобладает, например, группа 1, сохранившаяся к тому же в лучшей степени (восстановлено 24 сосуда). Группа 2 представлена семью восстановленными емкостями, а в группах 3–4 нет ни одного реконструированного образца [1991, с. 30]. На поселении найден горшок, сопоставимый по форме шейки и узорам, нанесенным косым крестовым штампом, с посудой второго типа атлымской культуры (рис. 183, 8).

На поселении Сатыга коллекция керамики представлена ~50 сосудами, среди которых преобладают емкости 1-ой 2-ой групп, тогда как керамика 3-ей и 4-ой групп находится во фрагментарном состоянии [Сладкова, 2003, с. 79]. В отличие от керамики поселений Талья I и Пашня посуду этой коллекции крайне редко украшают меандры (меандроиды) или сгруппированные по три и более ямки. Ее орнамент отличается обедненностью и монотонностью, то есть чертами, присущими гамаюнским комплексам второго типа [Борзунов, 1986, с. 59].

Интерес представляет предварительная публикация керамической коллекции поселения Ахтымья 1 (Средняя Конда) [Чемякин, 2012, с. 97–101]. Посуда включает емкости разных размеров: от до миниатюрных до очень крупных (с диаметром по венчику 30–40 см), у последних отмечается овальное устье. Горшки отличает степень профилированности шеек – от наклоненных внутрь до отогнутых наружу с плавным изгибом.

Статистический анализ техники орнаментации показал, что количественно на шейках, плечиках и стенках посуды абсолютно преобладают гребенчатые отпечатки: чаще – печатные, реже – прокатанные, исполненные пинтадерами. Затем, по частоте использования в сторону убывания следуют штампы в виде волны, креста, сетки («вафельный» штамп) и гладкие отпечатки [Чемякин, 2012, с. 99]. Орнаментальные композиции разнообразятся широкими желобками и единичными валиками, орнаментальные зоны разрежены поясками из ямок, сгруппированными по 2–3 и более. На более чем 20 сосудах встречены меандры [Там же, с. 100].

Меандр придает особый колорит всем лозьвинским коллекциям (рис. 183, 3, 5; 185, 3, 6, 8–9). Включенный в орнамент, он скрашивает его монотонность. Самые ранние образцы меандра, встреченного на лозьвинской керамике, известны на алакульской, федоровской и амангельдинской посуде [Сорокин, 1962, табл. IV, 74; Стоколос, 1972, рис. 25, 3; Зданович, 1973, рис. 4, 4]. Он образован лентами-отрезками, которые выполнены проташенной или печатной гребенкой. Позднее они встречаются на керамике андронидных культур – пахомовской и сузгунской [Галкин, 1989, рис. 1, 1, 6; Корочкова и др., 1991, рис. 3, 7, 17; Глушков, 1991, рис. 2, 3, 5; Глушков, Захожая, 2000, рис. 48, 7], в орнаменте сосудов лучкинского типа [Глушков, Захожая, 2000, с. 101, рис. 40, 2–4; 46, 4], но в отличие от лозьвинских узоров они проступают на негативе орнаментального поля из гребенчатых лент и отрезков с симметричными ответвлениями от них. Подобный меандр, выполненный отдельными отпечатками гладкого и волнистого штампов, т.е. аналогично лозьвинским, встречен на черкаскульской керамике могильника Березки Vг [Крутских,

Шорин, 1984, рис. 3, 8] и на одной из керамических тарелок той же культуры из разреза VI Горбуновского торфяника [Хлобыстин, 1976, рис. 17, 2]. Этот выразительный узор привлек внимание М.П. Грязнова, зафиксировавшего его на посуде позднего бронзового века от Кавказа до енисейских степей [1966, рис. 10, 2, 11, 18]. Идентичные меандры сохранились до наших дней у северных народов Сибири под названиями «уши зайца» [Хомич, 1966, табл. X, 1, 4] и «щучьи зубы» [Лукина, 1979, рис. 71, 1].

В отдельную орнаментальную зону выделены днища (в коллекции ~50 экз.). Здесь помещены концентрически расположенные ямки, крестовидные фигуры, сетки, редко – стилизованные антропоморфные изображения [Чемякин, 2012, с. 101, рис. 2, 7–8].

Среди находок Ахтымь I имеется инокультурная керамика, сопоставимая по уголковым вдавлениям и широким желобкам с сузгунскими материалами [Там же].

В лозьвинских комплексах встречаются не только штампы-пинтадеры, но и керамические *рыболовные грузила* [Кокшаров, 1992, рис. 78, 1–5; Сладкова, 2007А, рис. 1, 16–17]. Они делятся на два типа по способу крепления к снасти.

Первый тип (рис. 211, 19–22) – грузила с перехватом. В зависимости от количества перехватов (один или два) делятся на два подтипа. На лозьвинскую принадлежность некоторых предметов указывает орнамент, выполненный штампами в виде змейки или сгруппированными ямками (рис. 211, 20–21). Однако об этих изделиях правильнее говорить как о транскультурном явлении, поскольку они характерны для комплексов андроновского и постандроновского времени [Косарев, 1979, с. 23, рис. 2, 3, 6–10]. Грузила с одним-двумя перехватами найдены на памятниках федоровской (Черемуховый куст) [Зах, 1995, с. 61, рис. 40, 1–2, 9–12; Костомарова, 2008, с. 44], пахомовской (Ново-Шадрино VII, Ук VI) [Корочкова, 2010А, с. 71, рис. 8, 10, 13, 14–15, 21; 11, 10], сузгунской (Красная Гора) культур [Галкин, 1991А, с. 92, рис. 3, 5]. Они найдены на сузгунско-бархатовском городище Чеганово-3 [Зах, Зимица, 2008, с. 147, рис. 39, 4–5, 8], на Красногорском и Коловском городищах бархатовской культуры [Матвеев, Оношко, 2009, рис. 11, 4; 19, 11–13; 92, 8, 10–11], на селищах Щетково 2 и Заводоуковское 9 [Там же, рис. 39, 8, 10, 13, 16; 53, 9–11; 67, 5–6], относимых ко щетковскому и красногорскому этапам той же культуры последней четверти II и начала I тыс. до н.э. [Там же, 2009, рис. 126, 4–5, 10, 51–52], а также известны по переходным бархатовско-байтовским комплексам [Там же, рис. 126, 78].

Второй тип (рис. 211, 14–18) представлен изделиями призматической формы с продольным отверстием. Длина сохранившихся предметов достигает 39–57 мм. Обломок четырехгранного призматического грузила найден на поселении Шапкуль VI [Косарев, 1979, рис. 2, 11]. Данному типу близко грузило с Оськинского I городища гамаюнской

культуры [Борзунов, 1992, рис. 24, 26]. Оно снабжено продольным отверстием, покрыто зубчатыми отпечатками, но в поперечном сечении имеет форму неправильного овала.

Весьма необычный предмет – пустотелая *керамическая погремушка* (колокольчик?) с отверстием для подвешивания – происходит с поселения Олымья IV. Лозьвинскую принадлежность изделия выдает характерный орнамент, покрывающий его поверхность. Аналоги поделки известны далеко за пределами Западной Сибири – на полях погребальных урн на территории Австрии, Германии, Польши, Чехии и Северной Венгрии [Нидерле, 1898, с. 317–318, 414–415].

Население, оставившее лозьвинские поселения, знало и металлопроизводство, о чем свидетельствуют тигли с поселений Талья I и Сатыга. Они имеют в плане каплевидную форму, плоское дно и слив в сужающейся части емкости (рис. 211, 23–24). Предметы близки типологически тиглям атлымской культуры финала бронзового века, изделиям с памятников белоярской, калинкинской и кулайской культур Сургутского Приобья [Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 122, рис. 5, 8–9; Чемякин, 1989, рис. 2, 17; Борзунов, Чемякин, 2006, рис. 5, 31; 9, 10; 15, 49–50; Чемякин, 2008, рис. 44, 13–14; 58, 27; 67, 11; 78, 1–10] и иткульских объектов Притоболья [Зимица, 2009, рис. 35, 7] раннего железного века.

Отсутствие самих металлических предметов и капель металла осложняет установление источников поступления сырья лозьвинскому населению. Представление же о металлических изделиях этой поры дают материалы, полученные В.Т. Галкиным при раскопках памятника Сузгун Па, на котором найдена керамика сузгунско-лозьвинского облика [Галкин, 1989, с. 129–130, рис. 1, 2]. Это три вотивные поделки из керамики [Там же, рис. 2, 1, 3, 5], представляющие собой уменьшенные копии кельтов с лобным ушком и копья с прорезным пером (рис. 261, 1–3). Не исключена лозьвинская принадлежность двухстворчатой керамической формы с сердечником для отливки втульчатого долота (рис. 261, 7А–Д), найденная А.В. Растороповым на поселении Старый Катыш.

Среди находок с лозьвинских поселений р. Конды упоминаются также каменные вещи: двусторонне ретушированные наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием, скребки и подпятники [Сладкова, 2007А, с. 164, рис. 1, 1–6, 8–13]. Представление о камнеобработке дают материалы поселения Низямы VIII (рис. 209–210). Они свидетельствуют о том, что нижнеобское население дольше кондинского сохраняло традицию контрударного расщепления камня. По использованию галечникового сырья, включающего значительное количество кварца (~50%), отщеповой технике расщепления камня, изготовлению орудий на отщепах, гальках, плитках при минимальной вторичной обработке низямская коллекция сопоставима более всего с инвентарем

позднеполымьятских поселений Геологическое III, VII (табл. 8). Сходство проявляется также в ассортименте орудий, среди которых преобладают скребки, скобели, долотовидные орудия и абразивы.

Теснейшим образом с лозьвинскими памятниками Зауралья связаны поселения *атлымской* культуры Нижнего Приобья. Это предположение, высказанное в свое время В.Д. Викторовой [1970, с. 256–260], поддержали В.А. Борзунов и Ю.П. Чемякин [1995, с. 176]. Со временем было предложено различать нижнеобский и сургутский локальные варианты атлымской культуры [Матвеев, Матвеева, 1995, с. 59]. Изучению декоративно-морфологических особенностей атлымской керамики обоих микрорайонов посвящены исследования Ю.В. Рогозинниковой [2003, с. 189–191] и С.И. Рудковского [2013, с. 269].

Атлымская культура получила свое название по городищу, открытому в 1970 г. в черте поселка Малый Атлым [Окладников и др., 1979, с. 118, 125]. Е.А. Васильев приступил к его раскопкам, исследуя культурный слой условными горизонтами по 10 см, и получил коллекцию атлымской керамики, включающую обломки ~80–90 сосудов. Он разделил ее на два типа, проследив их соотношение по уровням [1982, с. 7–14].

К посуде I исследователь отнес горшки с прямыми слабо- и сильно профилированными шейками, украшенные ямками и различными вариантами оттисков крестового штампа (рис. 214, 1–5, 7–12). Орнаментальные мотивы представлены ритмично чередующимися поясами плотно поставленных отпечатков крестового штампа и круглых ямок. Часто ряды ямок заменены рядами зигзагов, треугольников, ромбов, выполненных крестовым штампом. В верхней части некоторых горшков отмечены пальцевые зацепы. Орнаментальное поле разделено на горизонтальные зоны.

Второй тип сосудов представлен плоскодонными горшками с дуговидной шейкой, имеющей четкий переход к плечу. Для них характерно увеличение количества элементов орнамента (за счет различных видов гребенчатого штампа) и орнаментальных мотивов. Геометрические узоры в виде одно- и многорядных зигзагов, треугольников, ромбов, нанесенных крестовыми штампами, дополнены «елочными» композициями, выполненными гребенкой (рис. 215, 1–2, 4, 6). На самых поздних сосудах появляется орнамент в виде взаимопроникающих фигур. Горизонтальная зональность орнаментальных композиций подчеркнута несколькими резными или гребенчатыми поясами.

Е.А. Васильев наметил эволюцию атлымской керамики от ранней (I тип) к поздней (II тип), тем самым отразив тенденции керамического производства на севере Западной Сибири в переходное время от бронзового века к железному. Однако эта схема, как любая

другая, призвана обратить внимание лишь на особенности, которые, на взгляд археолога, выделяют данный комплекс среди материалов других культур. В ней не предусмотрено никаких исключений, например, присутствие сосудов индивидуальных форм (миниатюрных, нестандартных), не учитываются экземпляры переходного облика, не укладываемые в жесткие рамки типологии. Перечисленные «отклонения» можно наблюдать в другой атлымской коллекции, полученной при раскопках поселения Ендырское VIII [Кокшаров, 2007, с. 53–62].

На этом нижнеобском памятнике получена коллекция из ~30 сосудов, которые в целом вписываются в намеченную типологию атлымской керамики. Новые материалы дополняют характеристики последней. Здесь представлена посуда, не соответствующая по декоративным и морфологическим признакам ни одному из типов. Это горшок, украшенный только поясками ямок (рис. 198, 1), подчетыреугольная чашечка со сливом, декорированная лунками (рис. 199, 3), сосуд, в плоском дне которого намеренно сделаны отверстия. С поселения происходит целая группа сосудов, относящихся по оформлению шеек к обоим типам, но практически идентичных по характеру нанесенного на них орнамента (сравни рис. 197, 1 и 198, 3, 4, 8, 10 с рис. 197, 5 и 198, 5). Такие находки позволяют корректировать заключение об «устойчивости» сочетаний формы и орнамента атлымской посуды различного типа [Васильев, 1982, с. 7; Он же, 2004, с. 108].

Перечисленные несоответствия не дают оснований рассматривать керамический комплекс поселения Ендырское VIII в качестве некоего деривата классической атлымской керамики, найденной в слое Малоатлымского II городища. Во-первых, расстояние между обоими памятниками по сибирским меркам минимальное, а следовательно, нельзя говорить о локальных различиях. Во-вторых, ендырская коллекция связана с жилищем, куда маловероятно массовое попадание разновременной и инокультурной керамики. В-третьих, следует учитывать факты совместного залегания разнотипной атлымской керамики не только на Ендыре, но и на других поселениях таежного Приобья, например, на поселении Барсова Гора II/16а [Матвеев, Матвеева, 1995, рис. 2]. Немногочисленные сосуды, обладающие характеристиками керамики I типа, неизменно объявляются гамаюнскими, правда, без уточнения, к какому из семи локальных вариантов этой культуры они относятся [Там же, с. 61; Кузьминых, Чемякин, 1998, с. 114; Чемякин, Карачаров, 2002, с. 34].

Гамаюнская посуда уральского происхождения действительно известна в Сургутском Приобье. Она происходит из раннего (атлымского) слоя Барсова городка I/10, отличаясь примесью талька в глине [Чемякин, Кортаев, 1976, с. 53, 55, рис. 2, 1]. Однако тальк не известен в посуде северного варианта гамаюнской культуры – вагильского. По

наблюдениям В.А. Борзунова, вагильская керамика имеет столь значительное сходство с частью посуды лозьвинского типа, что они становятся трудноотличимы друг от друга [1992, с. 90]. Таким образом, намечается еще одна нерешенная проблема – отсутствие критериев для разграничения вагильских и лозьвинских керамических комплексов в приуральских районах Западной Сибири.

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: а следует ли относить к атлымской культуре посуду I типа, которая, как выясняется, близка гамаюнской (в вагильском варианте) и лозьвинской? Думается, что да. Доказательство тому – присутствие и одновременное существование обоих типов керамики в составе изученного ендырского жилищного комплекса. Складывается впечатление, что чем дальше от условного «эпицентра культуры» находится тот или иной памятник, тем большим своеобразием обладает связанный с ним керамический комплекс. На этом фоне диагностирующие признаки культур (а речь идет прежде всего о керамике) оказываются размытыми, а ареалы – аморфными. Присутствие на городище Малоатлымское II и поселении Ендырское VIII обоих типов керамики, а также посуды синкретичного облика, может свидетельствовать об очень тесных контактах населения севера Западной Сибири, оставившего памятники лозьвинского и атлымского типов.

Существование широтных и меридиональных связей таежных рыболовов и охотников Урала и Западной Сибири прослежено не только по находкам гамаюнской керамики на Барсовой горе, но и оловянно-мышьяково-сурьмянистым бронзам группы ВК²² с атлымских поселений Сургутского Приобья (Барсова Гора III, объект 107, Барсова Гора II/16) [Кузьминых, Чемякин, 1998, с. 114], а также по горшку лучкинского типа с поселения Ендырское VIII (рис. 199, 5).

Атлымской керамике второго типа обычно сопутствуют каменные бруски с пазами у торцов на одной из широких плоскостей, но это не означает исключительно атлымской принадлежности этих находок. В Нижнем Приобье такие бруски найдены на памятнике Низямы VIII [Кокшаров, 1991В, с. 99, рис. 2, 46] и Малоатлымском II городище [Васильев, 1982, рис. 3, 1, 2]; в Среднем Приобье – на памятниках барсовской и атлымской культур в урочище Барсова гора (Барсова Гора, объект 107 [Елькина, 1977, рис. 4, 2, 3], поселения Барсова Гора I/40 [Чемякин, Кокшаров, 1984, рис. 5, 10–13], I/50 [Чемякин, 1996, рис. 4, 8, 12], II/16а [Матвеев, Матвеева, 1995, рис. 2, 3], атлымское жилище в Барсовом городке I/10

²² В настоящее время не исключается алтайское происхождение металла группы ВК [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 39].

[Чемякин, Коротаев, 1976, рис. 2, 8]). В настоящее время существуют два взгляда на назначение подобных вещей. Г.Ф. Коробкова рассматривала их в качестве оселков для заточки и правки ножей, шильев, легких молоточков для холоднойковки металла, обработки других каменных предметов, а также для размельчения и растирания краски [Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 122, 129]. Затем они были отнесены к числу рыболовных грузил [Кокшаров, 1991В, с. 99]. Это мнение было поддержано позднее Ю.Б. Сериковым [см.: Чемякин, 1996, с. 70].

5.3.1. Датировка лозьвинских и атлымских памятников

Состояние источниковой базы позволяет лишь наметить локальные варианты лозьвинских древностей и вопросы их внутренней хронологии [Чемякин, 2008, с. 59].

Рассматривая первую проблему, необходимо учесть общую тенденцию в развитии гребенчато-ямочной керамики севера Западной Сибири в постсейминское время, проявляющуюся в снижении гребенчатой орнаментации и увеличении фигурно-штампованных узоров (змейка, крест) в приуральской части Западной Сибири [Викторова, 1970], в Сургутском Приобье [Елькина, 1977, с. 108–109, рис. 3; Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 117, 119, рис. 2; Троицкая, 1985, с. 64], в южнотаежной зоне Западной Сибири [Косарев, 1981, рис. 58, 4, 7, 8, 18; Матвеев, Матвеева, 1995, с. 59–60]. Таким образом, соотношение в коллекциях сосудов, украшенных гребенчатыми и фигурными штампами, позволяет дифференцировать раннюю и позднюю лозьвинскую керамику.

В качестве переходных форм от керамики сейминского времени (варпаульской) к постсейминской (лозьвинской) следует рассматривать комплексы сотниковского типа, открытые В.Д. Викторовой на р. Тавда. Для декора последних характерны орнаменты, выполненные прокатанными гребенчатыми орнаментами. Исследовательница проследила преемственность между сотниковской и лозьвинской керамикой [1970, с. 257–258, табл. 1, 6]. Тенденция постепенного перехода от печатно-гребенчатой орнаментации к фигурно-штампованной на поздних этапах бронзового века, подмеченная в свое время В.Д. Викторовой, хорошо иллюстрируется материалами поселений Низямы VIII (рис. 204–208) и Нангакорка (рис. 259, 2, 4, 8, 11), исследованных В.М. Морозовым в Нижнем Приобье. С обоих объектов происходит керамика, сопоставимая по горшковидной форме, наличию прямоугольных емкостей, чашек и по гребенчатому линейному орнаменту с варпаульскими коллекциями Сатыги XVI, Ленино I, Товкуртлора 3, Сайгатино VI и с сотниковской посудой с рр. Тавды и Конды (рис. 204, 1–2; 205, 8–9; 206, 3, 5, 8, 16; 208, 5–7; 259, 4, 8, 11). С другой стороны, нижеобские памятники сближаются с лозьвинскими,

барсовскими и ранними атлымскими по посуде, украшенной фигурными отпечатками в виде змейки и креста (рис. 204, 4, 7–8; 205, 1, 4, 7, 10; 206, 6, 11–14; 207, 1, 6, 13, 16, 17, 20; 208, 6–7; 259, 9). К числу керамических коллекций переходного от варпаульских к сотниковским облика можно отнести предварительно материалы многослойного памятника Неушья 1.2 (Кондинский бассейн) [Беспрозванный, Козеко, 2008, с. 249, рис. 11].

Близость некоторых низямских и нангакорских сосудов с варпаульскими дает основание считать нижнеобские памятники наиболее ранними из числа лозьвинских древностей. Примечательно, что отчетливые варпаульские параллели имеются в составе коллекции с поселения Барцевка IV, одного из ранних памятников барсовской культуры, что может свидетельствовать о сходных механизмах трансформации гребенчато-ямочной керамики Сургутском Приобье [Чемякин, Кокшаров, 1991, рис. 1, 3; 3, 1–2, 5–6, 8]. Изложенные наблюдения позволяют допустить частичную синхронизацию сотниковских и ранних лозьвинских керамических комплексов и отнести их к началу постсейминского периода.

Для выяснения возраста поздних лозьвинских памятников необходимо учесть также материалы сынского типа с поселения Лов-Санг-Хум III, обладающие признаками лозьвинской, барсовской и ранней атлымской керамики [Рудковский, 2012, с. 163]. Для этого синкретичного на первый взгляд комплекса получены две ^{14}C даты по углю от сгоревших деревянных конструкций: 2720 ± 80 лет (Le-8263), или 1120–760 гг. до н.э. и 2850 ± 35 лет (Le-8264), или 1130–910 гг. до н.э. (табл. 20). Их калиброванные значения составляют соотв.: 970–800 (68,2%) ВС, 1120–760 (95,4%) ВС и 1060–930 (68,2%) ВС, 1130–910 (95,4%) ВС. По мнению С.И. Рудковского, вторая из дат хорошо соотносится с имеющимся образцом для раннеатлымской керамики [Там же, с. 164; Рудковский, 2010, с. 135; Археологическая карта, 2011, с. 93–94]. Безусловно близки, но не идентичны сынским находкам материалы хэяхинского облика, открытые Л.П. Лашуком и Л.П. Хлобыстиным [1986]. К сожалению, эти древности лишь продекларированы и до сих пор не получили детальной характеристики (не известно количество объектов и занимаемая ими территория).

Другая часть поздних лозьвинских поселений может быть омоложена в еще большей степени. На их сосуществование с атлымскими поселениями X–VIII вв. до н.э. указывают сосуды второго типа с характерной дуговидной шейкой, найденные в культурных слоях поселений Талья I (рис. 183, 8) и Неушья [Беспрозванный, Козеко, 2008, с. 249, 252, рис. 12, 3–4]. На Конде учтено 38 пунктов с крестовой (атлымской или вагильской) керамикой.

Отнесение лозьвинских памятников к переходному от бронзового века к железному времени согласуется с обликом votивных предметов: керамических кельтов с лобным ушком и наконечника копья с прорезными перьями – с Сузгуна Па (рис. 261, 1–3), которые связаны с посудой лозьвинского или лучкинского типа, и долота, восстановленного по матрице со Старого Катыша. Находки отражают основные морфологические особенности металлических орудий постсейминского периода.

По заключению Е.Н. Черных, кельты с лобным ушком и копья с прорезами в перьях изготавливались самостоятельно или под внешними воздействиями в пределах приказанского металлургического очага, превратившегося в предананьинское время в едва ли не самый мощный в Приуралье [1970А, с. 116]. Б.Г. Тихонов датирует ранние типы кельтов с лобным ушком и наконечники с прорезным пером рубежом II–I тыс. до н.э. [1960, с. 36, 40]. А.Х. Халикова конкретизирует эту датировку, соотнося названные изделия с атабаевским и маклашеевским этапами приказанской культуры (XII–IX вв. до н.э.) [1987, с. 140, 143]. Е.Н. Черных, напротив, омолаживает находки, предлагая отодвинуть верхнюю границу их бытования к VIII–VII вв. до н.э. [1970А, с. 102–103]. Кельты с лобным ушком, встреченные в ананьинских комплексах, отличаются от позднебронзовых небрежностью изготовления и воспринимаются как анахронизм [Халиков, 1977, с. 112; Кузьминых, 1983А, с. 63–64]. Следует заметить, что с широкими датировками упомянутых вещей согласуются выводы относительно времени существования сузгунской культуры [Косарев, 1981, с. 162; Корочкова, 1987, с. 19, 25].

Полные аналоги литейной форме со Старого Катыша для отливки втульчатого асимметричного долота не известны (рис. 261, 7), хотя они представляют достаточно многочисленную и разнообразную категорию металлического инвентаря эпохи бронзы. В нее входят предметы с желобчатым и прямым лезвием, с уступом при переходе от втулки к лезвию и без такового, с валиком по краю втулки и без валика, орудия копьевидной формы.

Изготовление втульчатых долот, правда, с желобчатым лезвием велось в сейминское время документируют материалы погребения 21 могильника Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 30–31, рис. 38]. Вместе с тем, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отмечают, что сами втульчатые долота не встречены в СТ некрополях, но характерны для объектов более позднего времени [1989, с. 129–130, рис. 23, 3–5]. Речь идет об археологических памятниках третьего этапа бронзового века Европейской, Центральноазиатской и поздней фазы ЕАМП, включавших такие металлургические и металлообрабатывающие очаги как ингуло-красноярский, заводо-лобойковский, кардашинский, приказанский [Черных, 1978, с. 75–77; рис. 11, 7, 20, 32, 44], казахстанский [Рындина, Дегтярева, 2002, с. 204] или

сары-аркинский [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 54], алтайский, семиреченский [Там же, с. 55–56], саргаринско-алексеевский [Грушин и др., 2009, с. 130, рис. 5, 1, 5, 6] и другие.

Прежде Е.Н. Черных определял данный период как предананьинский [1970А, табл. Г, с. 93–94, 103] или постсейминский [Он же, 1983, с. 95], ограничивая его XIII (XII) – XI/X (IX) вв. до н.э. Правда, исследователь допускал удревнение нижнего рубежа до XV–XIV вв. до н.э. [Там же]. Кроме того, было предложено связать обозначенный хронологический горизонт с существованием общности культур валиковой керамики (ОКВК), занимавшей обширную территорию от Алтая на востоке до северо-востока Балкан, Нижнего Дуная и Восточных Карпат на западе; от восточно-европейской и западносибирской лесостепи на севере вплоть до Крыма и низовьев Дона, среднеазиатских пустынь и предгорий, Северного Афганистана и, видимо, северо-восточного Ирана [Там же, с. 82, 95, рис. 1]. В последующих работах исследователь неоднократно возвращался к проблеме формирования ОКВК, выясняя причины возникновения «моды» на изготовление валиковой керамики в степном коридоре Евразии, а отсчет третьей заключительной стадии Евразийской металлургической провинции ведется с XIV–XIII вв. до н.э. [Черных, 2009, с. 259–261; Он же, 2013, с. 395–396]. Устойчивый интерес к обозначенной теме проявляют и другие специалисты, изучающие особенности древнего металлопроизводства [Черных, Агапов, Кузьминых, 1990, с. 36–37; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 203; Кузьминых, Дегтярева, 2006А, с. 264, 267; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 44–46].

Группы населения, оставившие памятники ОКВК, поддерживали прямые и опосредованные связи с соседями. Особенно отчетливо это проявляется в распространении металла и ведущих типов металлического инвентаря. Примечательно, что на третьем периоде в азиатской зоне ЕАМП отмечается падение металлопроизводства в степи и его плавное нарастание в лесостепи и лесной зоне [Черных, Агапов, Кузьминых, 1990, с. 37]. В этом ракурсе следует подходить, вероятно, и к появлению литейной формы на Старом Катыше, являющейся на сегодняшний день самой северной находкой подобного рода. Однако, вряд ли, население ОКВК и рыболовы/охотники Кондинской низменности контактировали непосредственно. Свообразными ретрансляторами новаций степных народов и стереотипов производимой ими продукции могли выступать носители андронидных сузгунской и бархатовской культур, памятники которых расположены в подтаежной зоне Тоболо-Иртышья [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 129–132; Матвеев, Аношко, 2009, с. 356; Корочкова, 2011А, с. 19–20, 30–31]. При этом ареал, занимаемый сузгунскими древностями, лежит к северу от бархатовского. Сузгунские

объекты отнесены к XII/XI–VIII вв. до н.э. [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 133], а бархатовские датируются XI/X–VIII/VII вв. до н.э. [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 87] или последней четвертью II– началом I тыс. до н.э. [Матвеев, Аношко, 2009, с. 354–357, рис. 126]. На синхронность обеих культур могут указывать памятники синкретичного облика (Кучум-Гора, Чупинское селище) [Там же, с. 355].

Находка со Старого Катыша и колокольчик с Олымьи IV свидетельствуют о вовлечении части таежного населения в систему евразийских связей заключительного этапа бронзового века (ПБВ-3). Дополнительное тому подтверждение – появление синкретичных сузгунско-лозьвинских [Галкин, 1987, с. 28] или лучкинских, по И.Г. Глушкову [1991, с. 101], комплексов на территории Тобольского Прииртышья. Предложение И.Г. Глушкова о синхронизации лучкинских объектов на Иртыше и лозьвинских на Конде представляется правомерным и вполне взвешенным. Они образуют *«один культурно-типологический горизонт, вытянутый в широтном направлении... южнее которого»* (подчеркнуто мной – С.К.) *расположен еловско-сузгунский типологический горизонт, синхронный по времени таежному»* [Там же, с. 101–102]. Отсутствие валика на втулке отливавшегося долота не исключает относительно раннего возраста изделия и его принадлежности к ранним лозьвинским комплексам, относящимся предварительно к последней четверти II тыс. до н.э.

Учитывая особенности керамики лучкинского типа, декоративные особенности лозьвинской посуды и сопутствующих ей находок, а также морфологические особенности вотивных изделий с Сузгуна Па и параллели долоту со Старого Катыша, обнаруживаемые среди изделий ОКВК, лозьвинские памятники Конды и Нижней Оби (без разделения на ранние и поздние) можно отнести к последней четверти II – началу I тыс. до н.э. [Кокшаров, 1993В, с. 18]. По мнению специалистов, население, оставившее лозьвинские поселения, приняло участие в сложении другой культуры кануна железного века – гамаюнской [Борзунов, 1992, с. 90; Косарев, 1993, с. 118].

В установлении хронологии атлымской культуры важное значение приобретают не только облик керамической посуды и факты ее сосуществования с поздней лозьвинской, но и свидетельства металлопроизводства, а также калиброванные ^{14}C даты по углю.

Почти в каждом атлымском жилище найдены обломки технологической керамики (тигли), ошлакованные черепки, капли и сплески металла, указывающие на широкое распространение литейного дела у значительной части населения. Однако до сих пор облик продукции атлымцев не известен. Изделия литейщиков этого времени лучше известны на более южных территориях, где существовали археологические культуры, опосредованно связанные с таежной атлымской.

Великолепная серия вещей, демонстрирующих спектр отливаемых и используемых изделий, получена при раскопках городища Инберень VI в лесостепном Прииртышье, относимого к красноозерской культуре. Ее происхождение связано с северным населением, оставившим поселения атлымской культуры [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 117–123, рис. 8; 9; 10, 9]. Инберенские мастера изготавливали кельты близкие раннеананьинским, отнесенным к виду I 2B [Халиков, 1977, рис. 41], а также наконечники стрел, характерные для предскифского и раннескифского времени. Это изделия с ромбовидной головкой и боковым шипом или предметы листовидной формы с короткой выступающей втулкой и шипом. В составе комплекса есть матрицы для изготовления крупных оригинальных подтреугольных наконечников стрел, в которых В.И. Стефанов видит прообразы изделий кулайского типа раннего железного века. Здесь же найден клинок бронзового кинжала с утраченной рукоятью, имеющий ближайшие аналогии среди карасукского оружия Алтая и «карсук-тагарских» кинжалов Минусинской котловины [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 123, рис. 9, 1а, 9а, 9б, 11–13, 10, 9].

При определении возраста атлымских памятников следует учитывать также разновременность атлымских комплексов, схожесть первого типа атлымской керамики с лозьвинской, факты нахождения атлымских сосудов второго типа в составе лозьвинских комплексов (Неушья, Талья I), наличие гамаюнских сосудов в атлымских жилищах Сургутского Приобья (Барсов Городок I/10 и II/16а), присутствие лучкинского (сузгунско-лозьвинского) горшка на поселении Ендырское VIII.

К сказанному можно добавить, что допускается существование опосредованных контактов носителей сузгунской и атлымской культур на рубеже II–I – в начале I тыс. до н.э. [Косарев, 1993, с. 110; Потемкина и др., 1995, с. 131], бархатовского населения и носителей керамики с крестовым орнаментом на территории от Приишимья до границ Челябинской области [Матвеев, Панфилов, 1995, с. 175–176].

В определении возраста атлымской культуры можно обратиться к семи ^{14}C датам, полученным для городища Малоатлымское II [Ковалюх, 1980, с. 18], с поселений Барсова гора I/22а [Чемякин, Кокшаров, 1984, с. 126, 129], Барцевка XII [Борзунов и др., 2006] и Сырой Аган VI. Однако их калиброванные значения укладываются в очень широком временном интервале от XIX до IX вв. до н.э. (табл. 20). Если удревнение даты с Малого Атлыма (Ki-991) можно связать с наличием на этом памятнике ранних культурных наслоений, то ранний возраст всех образцов Сырого Агана VI не поддается объяснению. В целом исследователи достаточно единодушны в отнесении атлымских памятников к переходному времени от бронзового века к железному [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 49;

Косарев, 1987Г, с. 295–296; Борзунов, 1992, с. 130; Чемякин, 2008, с. 58–59]. Следуя евразийской периодизации ЭРМ, разработанной Е.Н. Черных, это время совпадает с заключительной фазой позднего бронзового века (ПБВ-3).

Завершение эпохи бронзы на изучаемой территории связано с появлением комплексов кульминского типов. Они синхронны в целом ранним белоярским памятникам Сургутского Приобья, иткульским поселениям Нижнего Притоболья и ранним (журавлевским) объектам богочановской культуры южнотаежного Прииртышья начала железного века [Чемякин, 2008, с. 60–61; Зимина, Зах, 2009, с. 211–213, рис. 111; Данченко, 1991, с. 17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании рассмотрены и проанализированы археологические материалы, отражающие развитие культуры населения севера Западной Сибири в ЭРМ. Основное внимание уделено археологическим памятникам Кондинской низменности и Нижнего Приобья, обнаруживающим, несмотря на локальные особенности, отчетливые параллели с древностями Урала, Притоболья, Прииртышья и европейского Северо-Востока. Это проявляется в распространении сходных категорий вещей из камня, металла, кости и керамической посуды. Стратиграфические наблюдения и калиброванные ^{14}C даты позволили установить возраст ключевых объектов и выявить соответствующие хрономаркеры в археологическом материале. Обобщенные данные положены в основу региональной периодизации ЭРМ, учитывающей действующие на сегодняшний день схемы. Наличие упорядоченных во времени археологических источников является важнейшим условием моделирования исторических процессов, протекавших в прошлом.

ЭРМ на изучаемой территории разделена на два этапа: переходное время от каменного к бронзовому веку и собственно бронзовый век.

На поселениях и могильниках первого этапа отсутствуют следы обработки металла (исключение составляет, может быть, Ясунское поселение) и медные изделия, т.е. нет оснований для оперирования понятием «энеолит». Вместе с тем северные памятники синхронны энеолитическим поселениям Нижнего Притоболья, Южного и Среднего Урала, Среднего Прикамья, обитатели которых уже владели навыками металлопроизводства и использовали медные вещи. По мнению многих специалистов, сходные декоративные особенности керамической посуды северных и южных районов той поры свидетельствуют об одновременности сравниваемых материалов, что позволяет начать ЭРМ в обширной зоне Сибири, подходящей к восточным склонам Урала.

Дробная градация памятников переходного времени намечена в пределах Кондинской низменности. Она отражена в смене четырех типов керамики, давших названия эпонимным поселениям и соответствующим стадиям в рамках первого этапа.

Многочисленные памятники рр. Тавды и Конды достаточно информативны. Они представлены остатками промысловых лагерей и базовых поселений, грунтовыми могильниками, отдельными погребениями людей и животных, указывающими на оседлость таежных рыболовов и охотников. Сохранение традиционного хозяйственного уклада у населения таежной зоны Западной Сибири почти не сказалось на ощутимых изменениях в характере перечисленных археологических памятников. Однако совершенно иная картина

наблюдается при обращении к вещевому материалу, который демонстрирует спектр широтных и меридиональных связей.

Первая стадия (рис. 262) связана с функционированием поселений, на которых найдена керамика ушьинского типа. Несмотря на слабую изученность археологических объектов, картографирование показало их представительность в пределах Кондинского бассейна. Они хорошо укладываются в один хронологический пласт с памятниками ницинского типа р. Туры, а также с шапкульской и шувакишской культурами Притоболья и Среднего Урала, для которых характерны пластинчатая техника расщепления камня и использование наконечников стрел кельтеминарского типа. На мой взгляд, шапкульские, шувакишские и ушьинские памятники отражают один из ранних этапов восточноуральской историко-культурной области, который можно было бы определить как шапкульский. ¹⁴C даты, полученные для урало-притобольских объектов позволяют ограничить время существования ушьинских памятников Конды и, соответственно, первую стадию последней третью IV– началом III тыс. до н.э.

Вторая стадия переходного этапа (рис. 263) соответствует появлению в Кондинском бассейне поселений с керамикой еныйского типа. По декоративно-морфологическим показателям эта посуда занимает срединное положение между ушьинскими и атымьинскими древностями. К сожалению, она не имеет столь очевидных параллелей на сопредельных территориях, что, конечно же, затрудняет очерчивание круга синхронных ей комплексов. Возможно, в один хронологический горизонт с кондинскими поселениями войдут объекты близкие «VIII пункту» на оз. Андреевском в Притоболье, определенная часть липчинских памятников Урала и комплексы типа Каксинской Горы 3 на Нижней Оби. В определении возраста еныйских памятников следует учесть наличие в их слоях шлифованных наконечников с шипами, при отсутствии архаичных кельтеминарских наконечников и керамических грузил, появляющихся уже на следующей стадии. Исходя из имеющихся стратиграфических наблюдений и калиброванных радиоуглеродных дат, еныйские объекты второй стадии можно отнести к первой трети III тыс. до н.э.

На третьей стадии переходного времени (рис. 264) появляются памятники атымьинского типа, представляющие собой северо-восточную периферию восточноуральской историко-культурной области на липчинском этапе ее развития. Ее ядро образуют липчинские, ранние аятские и кысыкульско-суртандинские поселения Среднего Урала, а также объекты с крупнонакольчатой керамикой Тюменского Притоболья. Юго-восточная граница области проходит по Приишимью, где локализуются поселения ботайской культуры первой хронологической группы. Примечательно, что на памятниках

Южного и Среднего Урала обнаружены самые ранние изделия из меди и следы ее обработки.

В атымьинских материалах Верхней Конды отражены контакты и проникновения в южную часть Северо-Сосьвинской возвышенности отдельных нижеобских популяций, оставивших ранние (?) комплексы пернашорского типа. С другой стороны, памятники пернашорского типа Нижней Оби и европейского Северо-Востока свидетельствуют о доминировании широтных связей, поддерживавшихся восточноевропейским и сибирским населением через Приполярный и Полярный Урал. Специфический облик нижеобской керамики и ее локальные отличия пока не дают оснований для однозначного отнесения нижеобских поселений к восточноуральской историко-культурной области на ее липчинском этапе. Не исключено, что к северу от последней, в циркумполярной зоне, существовала еще одна историко-культурная область – трансуральская, включающая пернашорские (ясунские, по Е.А. Васильеву и И.П. Глызину) и чужьяельские комплексы. Стратиграфическая позиция атымьинских древностей, облик керамики, сопутствующего вещевого материала и калиброванные ^{14}C даты позволяют отнести объекты третьей стадии переходного времени ко второй трети III тыс. до н.э.

Четвертая стадия (рис. 265) завершает первый этап ЭРМ в Кондинском бассейне. Это время появления поселений с керамикой волвончинского типа, имеющей самые полные соответствия в материалах андреевской культуры, носители которой владели литейным делом. Древности волвончинских и андреевских поселений демонстрируют синхронные изменения в культуре населения Кондинской низменности и Нижнего Притоболья, что отражено не только в облике посуды, но и в распространении сходных типов кремневых наконечников стрел и рыболовных грузил. К числу синхронных памятников и объектов на сопредельных территориях можно отнести поздние аятские комплексы Среднего Урала, ботайские поселения второй хронологической группы и, вероятно, поздние пернашорские объекты типа Амни IA и Ясунского поселения.

На сохранение в это время восточноуральской историко-культурной области (речь может идти о ее заключительном этапе ее существования) указывают не только схожесть материалов волвончинских и андреевских поселений, но и сюжетные рисунки с каноничными антропоморфными образами на керамике Кондинской низменности и писаницах Среднего Урала [Кокшаров, 2010]. Принимая во внимание поздний облик волвончинской посуды, сопутствующих ей вещей, калиброванные радиоуглеродные даты, случаи горизонтальной стратиграфии атымьинских и волвончинских объектов, а также перекрывание волвончинских жилищ слоями начала бронзового века, хронологические

рамки четвертой стадии переходного этапа следует ограничить последней третью III тыс. до н.э.

На втором этапе ЭРМ, или в бронзовом веке, население севера Западной Сибири включается в сложную систему широтно-меридиональных обменных связей Северной Евразии, по которым распространялись не только медь и ее сплавы, но и технологии обработки металла. Понимание характера взаимоотношений, установившихся между древними восточноевропейцами и сибиряками, возможно при тщательной проработке поздних исторических сведений, этнографических источников и данных фольклора, касающихся изучаемого региона, что выходит за рамки данной работы [Кокшаров 1992А; Он же, 2009; Он же, 2011Б, с. 83; Он же, 2013Б, с. 146].

Несмотря на отсутствие рудной базы и периферийное расположение региона, мастера-литейщики севера Западной Сибири следовали трендам в обработке металла, которые определялись производственными центрами ЦМП и ЕАМП. В качестве рубежного пункта в градации бронзового века рассматривается появление в Евразии памятников с металлом СТ облика и сопутствующими вещами. Этот подход, предложенный Е.Н. Черных, представляется оптимальным, и бронзовый век изучаемой территории разделен на три периода: досейминский, сейминский и постсейминский.

В рамках досейминского периода намечаются две фазы, соответствующие существованию ранних и поздних памятников полымьятского типа. Ранние комплексы демонстрируют архаичные технологии литья заготовок в открытые формы, поздние – производство втульчатых предметов, которые хронологически предшествуют изделиям СТ серий. Полымьятские памятники связаны генетически с предшествующими волончинскими древностями по характеру поселений и их топографии, по особенностям керамической посуды и сопутствующих ей находок, что исключает возможные миграции и смену населения.

В первой фазе досейминского периода (рис. 266) отмечено использование керамических сопел и открытых литейных форм для производства полуфабрикатов плоских тесел укороченных пропорций с расширяющимися гранями и других орудий. Данная технология соответствует приемам, распространенным у литейщиков поздней фазы ЦМП, сохраняясь в начале позднего бронзового века (ПБВ-1). Состав используемого металла (металлургически «чистая» медь и подвеска из Cu+Ag сплава) указывает на юго-западные уральские (?) связи. Наиболее вероятные поставщики металла – население гаринско-борской культуры Прикамья, ранние абашевцы и другие популяции, имевшие доступ к медным и медно-серебряным месторождениям Урала и Прикамья. Металл поступал на

север Западной Сибири опосредованно – либо через древних уральцев, либо через южных соседей.

Встреченная на ранних полымьятских поселениях керамика с текстильными отпечатками – своеобразный маркер, позволяющий синхронизировать западносибирские древности в рамках одиновско-крохалевского хронологического горизонта. В рамках региональной западносибирской периодизации, речь может вестись о раннем бронзовом веке. Тем же временем должна датироваться определенная часть гаринско-борских памятников Прикамья, ассоциируемых обычно с т.н. пористой керамикой. С другой стороны, придерживаясь евразийской периодизации, правильнее говорить о поздней фазе среднего бронзового века, времени существования памятников ЦМП. Если принять во внимание верхнюю дату волвончинских комплексов четвертой стадии и факты их перекрытия ранними полымьятскими отложениями, то появление последних следует ожидать в рамках той же последней трети III тыс. до н.э. Ранние полымьятские комплексы следует соотнести по времени с архаичными сартыньинскими памятниками Нижней Оби и Северной Сосьвы и, вероятно, с объектами йоркутинского типа полуострова Ямал. В Сургутском Приобье им должны быть одновременны комплексы типа Барсовой горы I/3. Допустимо включение в данный хронологический горизонт казымского поселения Амня II.

Во второй фазе досейминского периода (рис. 267) наблюдается внедрение технологии втульчатого литья и начало производства кельтов, копий и других изделий. Литье втульчатых предметов велось не только на поздних полымьятских поселениях Нижней Конды (Волвонча I, Пашкин Бор I), но и в Васюганье (степановское поселение Тух-Сигат IV) и Верхнем Приобье (самусьское поселение Крохалевка-1). Эта продукция отличается от серийных СТ и СК вещей морфологическим своеобразием. Она отражает приобщение местных литейщиков к технологиям позднего бронзового века, распространявшимся среди групп родственного южно-таежного населения Западной Сибири. Молниеносный переход к втульчатому литью был предопределен не мигрирующими металлургами и литейщиками, а знакомством местного населения с обработкой металла в предшествующее время. Мастера, освоившие новые технологические схемы, получали совершенные и морфологически своеобразные втульчатые предметы, экономя при этом ценное сырье. Вместе с тем, в водоразделе Конды и Северной Сосьвы, в южной части Нижнего Приобья сохранялись архаичные приемы обработки металла и литье в открытые формы (Геологическое III, Ендырское VIII).

В это время на север Западной Сибири попадал металл различного состава и происхождения. Это биллоны, производившиеся, предположительно, синаштинскими

металлургами (Пяку-то I), Cu+Sn+Ag сплавы (Геологическое III), соединения группы ВК (Сартынья I), источники которых до конца не установлены: они могли поступать опосредованно с территории Центрального Казахстана, Волго-Камья и даже с Алтая. На активные межобщинные обмены и синхронность поздних полымьятских памятников с синташтинскими и, видимо, петровскими указывает бронзовый асимметричный нож с поселения Геологическое III и бытовая посуда, лепившаяся с использованием опрокинутых горшков-шаблонов. Есть все основания для отнесения поздних полымьятских комплексов, наряду с синташтинско-петровскими, к ПБВ-I с включением в данный хронологический горизонт арктических поселений типа Вары-Хадыта II и Горный Самотнёл I, поздних сартыньинских объектов Нижней Оби, объекта Пякупур 3, части кульёганских поселений (Щетнмато-лор, Быстрый Кульёган 38, Балинское I, Савкинская Речка и др.), ташковских, степановских, ранних кротовских, самусьских и елунинских древностей. Учитывая более высокую стратиграфическую позицию поздних полымьятских слоев по отношению к ранним и калиброванные ¹⁴C даты с поселения Геологическое III и кульёганских памятников Сургутского Приобья, время существования Волвончи I, Пашкиного Бора I и синхронных им объектов следует отнести к концу III– началу II тыс. до н.э. Это соответствует в целом интервалу, отводимому исследователями синташтинским и сменяющим их петровским памятникам, которые предшествуют срубной и андроновской общностям, – XXII (XXI) – XVIII (XVII) вв. до н.э., или ПБВ-1 [Епимахов и др., 2005, с. 99; Черных, 2013, с. 390].

В сейминский период на севере Западной Сибири появляются объекты с керамикой варпаульского типа, в одних комплексах с которой встречены орудия СТ и СК типов, а также характерные изделия из камня и кости (рис. 268). Эти факты свидетельствуют об актуальности понятия «самусьско-сейминская эпоха»²³, которым оперировал ранее М.Ф. Косарев [1981, с. 76–77] и поддержанном другими специалистами [Корочкова, Стефанов, 2011Б, с. 85]. Северные материалы не дают оснований для жесткого разграничения во времени СТ и СК металла, на чем настаивает часть археологов. Эти различия могут отражать не столько диахронность, сколько локальные особенности, например, сохранение в Кондинском бассейне архаичного производства – литья орудий с последующей кузнечной обработкой рабочей части при средней степени обжата, характерного для ямного населения Приуралья [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 44]. Возросшая значимость

²³ В данном случае определение «самусьский» должно ассоциироваться не с самусьской археологической культурой, а с металлом СК облика.

металлопроизводства повлекла сходные изменения в социальной структуре южного и северного населения Сибири и Урала. В общинах, ориентированных на производящие и присваивающие формы хозяйства, выделились мастера-литейщики, что нашло отражение в погребальной и культовой практике (Ростовка, Сопка-2, Сатыга XVI, Сайгатино VI, Шайтанское озеро II).

Хронологические рамки сейминского периода на изучаемой территории совпадают со временем бытования андроновских памятников, относимых М.Ф. Косаревым к черноозерскому варианту АКЮ. Об этом свидетельствуют отмечаемое сходство по форме и орнаменту варпаульской и черноозерской керамики, нож срубно-андроновского типа с могильника Сатыга XVI и двухстворчатая литейная форма для ажурной подвески в виде фигурки «человека в круге» с Сайгатино VI, имеющая прямые соответствия в могильниках Черноозерье и Боровлянка XVII. Археологи помещают срубные и андроновские памятники в хронологическом диапазоне между XIX (XVII) и XIV (XIII) вв. до н.э. [Епимахов и др., 2005, с. 99; Черных, 2013, с. 391]. Этот период связывается обычно с фазой стабилизации ЕАМП, приходящейся на ПБВ-2 [Черных и др., 1990, с. 35–36].

Постсейминский период (рис. 269) совпадает с появлением памятников, в культурных слоях которых содержится керамика с фигурно-штампованными и прокатанными узорами. Речь идет о лозьвинских памятниках рр. Тавды, Конды, Нижней Оби, об атлымских поселениях Нижнего и Среднего Приобья, о «синкретичных» комплексах типа Хэ-яха, Лов-Санг-Хум III, сузгунско-лозьвинских (лучкинских) и барсовских объектах. В это время на изучаемой территории наблюдается оформление новой традиции – строительство укрепленных поселений, или городищ. Она просуществовала почти две с половиной тысячи лет, исчезнув лишь после вхождения региона в состав Московского государства. Перечисленные древности следует отнести к одному культурно-хронологическому горизонту, хотя необходимо помнить, что внутренняя градация лозьвинских и атлымских памятников нуждается в дальнейшей проработке. К югу от мира таежных рыболовов и охотников, в лесостепной зоне региона, должны локализоваться бархатовская и сузгунская культуры, синхронные ОКВК. Северное и южное население Западной Сибири переходит к производству и использованию втульчатых долот, кельтов с ушком на широкой плоскости и наконечников копий с прорезными перьями. Если опираться на евразийскую периодизацию, то речь должна идти о периоде ПБВ-3, отсчет которого ведется с конца XV или XIV (XIII) в. до н.э. и завершается в I тыс. до н.э. с появлением культур раннего железного века [Епимахов и др., 2005, с. 100; Черных и др., 1990, с. 36–37; Черных, 2013, с. 395–397].

Изученные материалы ЭРМ свидетельствуют, что отсутствие собственной рудной базы лишь на время сдержало наступление бронзового века на севере Западной Сибири. Новая эпоха ознаменовалась сложением местного металлообрабатывающего очага в Кондинской низменности. Его возникновение было обусловлено двумя взаимосвязанными факторами: близостью рудного Урала и Прикамья и наличием традиционных связей между древними уральцами и сибиряками, которые существовали в предшествующее энеолитическое время, когда оформилась восточно-уральская историко-культурная область [Кокшаров, 2012, с. 38], и сохранялись на протяжении всего бронзового века. Таким образом, очевидна несостоятельность утверждений об отсутствии условий для возникновения собственного металлопроизводства у сибирских аборигенов в досейминское время. Недооценивая коммуникативные возможности и традиционные связи лесных сообществ Северной Евразии, некоторые исследователи склонны преувеличивать значимость миграционных процессов в распространении металла и навыков его обработки. Межобщинные контакты северных популяций объясняют появление в таежном Обь-Иртышье металлических вещей абашевского, синташтинско-петровского облика, уральской керамики с примесью талька и предметов из этого минерала, технологий лепки керамики, синхронное распространение на севере и юге сходных типов металлических, каменных и костяных изделий. Вступление в бронзовый век привело к установлению новых систем связей, которые привели к качественным изменениям внутри некоторых таежных общин в сейминское время и оформлению традиции строительства городищ в постсейминский период.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Алексахенко Н.А. Раскопки поселения Пашкин Бор VI в 1980 г. // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 349.

Баранов М.Ю. Отчет о НИР: Археологические раскопки памятников археологии поселения Балинское 1 и городища Балинское 2 в Ханты-Мансийском районе ХМАО–Югры Тюменской области в 2005 г. Текст, текстовые и фотоприложения: в 2-х книгах. Кн. 2. Нефтеюганск, 2006 // Личный архив М.Ю. Баранова.

Беспрозванный Е.М. Отчет об исследовании могильника Сатыга XVI в Кондинском районе Тюменской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12289.

Беспрозванный Е.М. Отчет об исследовании могильника Сатыга XVI в Кондинском районе Тюменской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13363.

Беспрозванный Е.М. Отчет об археологической разведке в Советском районе Тюменской области, проведенной летом 1991 г. – Екатеринбург, 1992 // Архив НПЦ «Наследие». № 4862, 4864, 4865.

Бессмертных А.А. Отчет об археологических работах в бассейне р. Конда на территории Советского и Кондинского районов Ханты-Мансийского АО Тюменской области в зонах хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз», ООО «Лукойл – Западная Сибирь» и ООО «Шаймгеонефть», проведенных летом 2000 г. Т. 1–2 // Архив НПЦ «Наследие». № 2643, 2646.

Брусницына А.Г. Отчет о раскопках поселения Вары-Хадыта II в Ямальском районе Ямало-Ненецкого округа летом 2000 года. – Салехард, 2001 // УНИЦ-2001. Д. 7.

Васильев Е.А. Отчет о полевых исследованиях в Березовском и Октябрьском районах ХМАО летом 1997 г. – Томск, 2001 // Личный архив автора.

Васильев Е.А. Отчет о раскопках поселения Вары-Хадыта II на полуострове Ямал в 2001 г. – Томск, 2003 // Архив ИА РАН. Р-1. № 23389.

Визгалов Г.П. Отчет о раскопках поселений Леуши XIX и Лева VIII в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области в 1985 г. – Тобольск, 1986 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15630.

Викторова В.Д. Археологическая карта рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников): рукопись дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. – Свердловск, 1967 // Архив КА УрГУ. Ф. III. Д. 127.

Галкин В.Т. Отчет о полевых работах Юкондинского отряда Тобольской археологической экспедиции в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10063.

Зыков А.П. Отчет об исследовании археологических памятников в урочище Барсова гора у пос. Барсово Сургутского района Тюменской области летом 1987 г. Т. I // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 448.

Зыков А.П. Отчет о НИР: Раскопки Ендырского II могильника и Ендырского VIII повеления в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2003 году. – Екатеринбург, 2004 // УНИЦ-2004. Д. 11.

Зыков А.П. Отчет о НИР: Раскопки Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2004 г. – Екатеринбург, 2005 // УНИЦ-2005. Д. 12.

Каменский С.Ю. Отчет о НИР: Археологические раскопки и разведки в Кондинском районе ХМАО–Югры Тюменской области, проведенные в 2005 г. – Екатеринбург, 2006 // УНИЦ-2006. Д. 22.

Кокшаров С.Ф. Отчет о раскопках пос. Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1986 г. // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 431.

Кокшаров С.Ф. Отчет об археологических работах в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1987 г. // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 450.

Кокшаров С.Ф. Отчет о раскопках поселения Геологическое VII и археологической разведке в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1988 г. – Свердловск, 1989 // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 454.

Кокшаров С.Ф. Отчет об археологических исследованиях в Советском районе Тюменской области в 1990 г. – Свердловск, 1991 // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 487.

Кокшаров С.Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: рукопись дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1992 // АКА УрГУ. Ф. III. Д. 349.

Кокшаров С.Ф. Отчет об археологических работах, проведенных на территории ХМАО в 1992 г. – Екатеринбург, 1993 // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 514.

Кокшаров С.Ф. Отчет о НИР: Раскопки археологических памятников в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2001 году. – Екатеринбург, 2002 // Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 86.

Кокшаров С.Ф. Отчет о НИР: Раскопки поселения Геологическое XVI в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2002 году. – Екатеринбург, 2003 // Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 101.

Кокшаров С.Ф. Отчет о НИР: Археологические раскопки в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2003 г. – Екатеринбург, 2004 // УНИЦ-2004. Д. 10.

Кокшаров С.Ф. Отчет о НИР: Археологические работы в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2004 г. – Екатеринбург, 2005 // УНИЦ-2005. Д. 13.

Кокшаров С.Ф. Отчет о НИР: Археологические работы в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2005 г. – Екатеринбург, 2006 // Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 161.

Кокшаров С.Ф. Отчет о НИР: Археологические раскопки в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2007 г. – Екатеринбург, 2008 // УНИЦ-2008. Д. 25.

Корочкова О.Н. Раскопки культового места Сайгатино VI // Отчет о выполнении работ в сезоне 2003 года по ФЦП «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 2002–2006 гг.». Книга 3: Поддержка экспедиционных и полевых исследований с целью проведения комплексных геологических, биологических, археологических, биолого-археологических, археографических работ с участием студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей и ученых ВУЗов и институтов УрО РАН. – Екатеринбург, 2003 // УНИЦ-2003. Д. 9.

Корочкова О.Н. Отчет о рекогносцировочных раскопках в 2003 г. местонахождения Сайгатино VI в Сургутском районе ХМАО. – Екатеринбург, 2004 // Архив НПЦ «Наследие». № 4809.

Кочегов Е.И., Федорова Н.В. Отчет об археологической разведке в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого округа (р. Войкар – оз. Войкарский Сор). – Екатеринбург, 1993 // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 553.

Морозов В.М. Отчет о работах Северного отряда УАЭ на трассе газопровода «Надым-Пунга-Ивдель» в окрестностях п. Перегребное Октябрьского района Тюменской области. – Свердловск, 1981 // Архив КА УрГУ. Ф. II Д. 344.

Морозов В.М. Отчет об исследовании могильника Исетское XIII и городищ Низямы II, IV–V. – Свердловск, 1984 // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 389.

Морозов В.М. Отчет об исследовании памятников в районе дер. Низямы в Октябрьском районе и в верховьях р. Эсс в Советском районе Тюменской области в 1985 г. // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 422.

Панфилов А.Н. Отчет о работах третьего отряда Тюменской археологической экспедиции в Березовском районе Тюменской области в 1989 г. – Тюмень, 1990 // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 503.

Петров А.И. Отчет о полевых работах Среднеиртышской археологической экспедиции Омского государственного университета летом 1978 года в Тарском, Тевризском, Исилькульском районе Омской области и Кондинском районах Тюменской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 7162, 7162а.

Плешкова Л.А. Отчет о разведках в Советском районе Тюменской области в 1994 г. // Архив НПЦ «Наследие». № 1170–1171.

Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках пос. Талья и пос. Пашня в Кондинском районе Тюменской области, произведенных в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12263.

Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике Чертова гора в Кондинском районе ХМАО Тюменской области, произведенных летом 2003 г. // Архив НПЦ «Наследие». № 4684, 4687.

Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике Чертова гора в Кондинском районе ХМАО Тюменской области, произведенных летом 2004 г. // Архив НПЦ «Наследие». № 5085–5086.

Старков А.Е. Отчет о разведочных работах в Советском районе Тюменской области в 1993 г. – Екатеринбург, 1994 // Архив НПЦ «Наследие». № 4870–4871.

Старков А.Е. Отчет о разведочных работах в Советском районе Тюменской области в 1994 г. – Екатеринбург, 1995 // Архив НПЦ «Наследие». № 1184.

Стефанова Н.К. Отчет об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в зоне строительства Кондинского рыбопитомника. – Свердловск, 1979 // Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 320.

Хлобыстин Л.П. Отчет о работах Заполярной экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9939.

Цеменков А.Е. Отчет о разведочных работах в Советском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области в 1995 г. – Екатеринбург, 1996 // Архив НПЦ «Наследие». № 1176, 1188.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.

Авилова Л.И. Развитие металлопроизводства в эпоху раннего металла (энеолит – поздний бронзовый век). Состояние проблемы и перспективы исследований // Режим доступа: www.rfbr.ru/rffi/ru/journal/o_12712

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1990. – 160 с.

Адамова Н.Ю. Моделирование некоторых сторон гончарной традиции (на материалах таежных памятников развитой бронзы) // Экспериментальная археология. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991. – Вып. 1. – С. 67–72.

Адамова Н.Ю. Особенности керамического производства эпохи ранней–развитой бронзы таежного Обь-Иртышья // XIV Урал. археол. совещ.: тез. докл., Челябинск, 21–24 апреля 1999 г. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 54–56.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1983. – С. 6–58.

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // ВААЭ. – 2012. – № 3 (3). – С. 44–59.

Алексащенко Н.А., Викторова В.Д. Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 161–183.

Алексащенко Н.А., Паутова Т.П. Неолитическое жилище на северном берегу Андреевского озера // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1979. – Вып. 2. – С. 51–59.

Арефьев В.А., Рыжкова О.В. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике 1989–1991 гг. // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2010. – Вып. 6. – С. 76–97.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Информ. справ. «Наследие». – Екатеринбург: [б. и.], 2011. – 128 с.

Асташкин В.И., Асташкина О.В., Дрябина Л.А. Энеолитические комплексы поселения Велижаны I // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 29–38.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. – 1961А. – №99. – 199 с.

Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР. – М.: Главиздат МК РСФСР, 1961Б. – Вып. 2. – С. 110–271.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970А. – 176 с.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. – 1970Б. – № 166. – С.157–171.

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 131–135 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Бадер О.Н., Черников В.Ф. Новые находки сейменского типа у с. Решное на Оке // Вопросы археологии древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 130–132.

Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006А. – Т. I. – С. 343–346.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. – Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1963. – 116 с.

Берс Е.М. Поздненеолитическое погребение на р. Аять // СА. – 1976. – № 4. – С. 190–200.

Беспрозванный Е.М., Козеко О.Е. Могильник Неушья 1.2 – источник по истории Кондинского края // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 239–261.

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Описание исследованных объектов некрополя Сатыга XVI // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011А. – С. 11–20.

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Предисловие // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011Б. – С. 4–7.

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI: общие сведения о памятнике // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011В. – С. 8–10.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 48–62.

Беспрозванный Е.М., Старостина Е.Е. Погребение в Нижнем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1986. – С. 33–38.

Бобров В.В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 76–79.

Бобров В.В. «Энеолит» Западной Сибири // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 347–349.

Бобров В.В. Периодизация эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 288–290.

Богданов С.В. Генезис позднеямных памятников степного Приуралья // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 350–352.

Борзунов В.А. Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 90–105.

Борзунов В.А. Сравнительный анализ зауральской и западносибирской культур крестовой керамики // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1986. – С. 47–63.

Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры // СА. – 1990. – № 1. – С. 15–33.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. – 188 с.

Борзунов В.А. Общая характеристика и хронологические рамки периода // Очерки культуuroгенеза народов Западной Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. 1. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995А. – С. 138–143.

Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культуuroгенеза народов Западной Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. 1. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995Б. – С. 203–233.

Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. – 1999. – № 4. – С. 5–23.

Борзунов В.А. Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья // ВААЭ. – 2012. – № 4 (19). – С. 4–16.

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 184–220.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 2 (46). – С. 55–69.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Поселения и постройки культур эпохи поздней бронзы северной тайги Западной Сибири // Очерки культуuroгенеза народов Западной Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. 1. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – С. 176–190.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 68–108.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П., Фефилова Л.Ю. Охранные раскопки на речке Барцевке в урочище Барсова гора // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 84–107.

Бочкарев В.С. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Культуuroгенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб.: Инфо Ол, 2010. – С. 60–80.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Бунятян Е.П. Проблема периодизации первобытности по материалам могильников (к вопросу о родовой теории) // Проблемная ситуация в современной археологии. – Киев: Наук. думка, 1988. – С. 197–241.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). – М.: Наука, 1967. – 220 с.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – 148 с.

Вальков Д.В., Кузьминых С.В. Сопла Евразийской металлургической провинции // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск: Ин-т Евраз. исслед., Ин-т степи УрО РАН, 2000. – С. 73–77.

Васильев Е.А. Миграционные процессы в таежной части Обского бассейна в эпоху бронзы // Вопросы этнокультурной истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 3–10.

Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1982. – С. 3–14.

Васильев Е.А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – С. 40–62.

Васильев Е.А. Ладьевидные сосуды эпохи ранней бронзы из Нижнего Приобья // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – С. 5–17.

Васильев Е.А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 21 с.

Васильев Е.А. Погребальные комплексы Ясунского озера // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – С. 36–46.

Васильев Е.А. Обретение прошлого или в поисках легендарных сихиртя // Ямал: грань веков и тысячелетий. – Салехард; СПб.: Рус. коллекция, 2000А. – С. 254–274.

Васильев Е.А. Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исслед. 1999 г. – Салехард: Красный Север, 2000Б. – С. 24–31.

Васильев Е.А. Поселение Хулюм-сунт // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000В. – Вып. 1. – С. 59–71.

Васильев Е.А. Сартыннинская культура // Югория: Энциклопедия ХМАО. Т. 3: Р–Я. – Ханты-Мансийск: АО «Неогеография», 2000г. – С. 69–70.

Васильев Е.А. Самусьская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001А. – С. 127–129.

Васильев Е.А. Феномен поселения Самусь IV в самусьской культуре // XII Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001Б. – С. 24–26.

Васильев Е.А. Атлымская культура // Большая Тюменская энциклопедия. – Т. I: А–Я. – Тюмень: ИД Сократ, 2004. – С. 107–108.

Васильев Е.А. Культура вары-хадыта и проблемы культуругенеза Северо-Западной Сибири // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Вел. Новгород: ОАО «Новгородский технопарк», 2011. – Т. II. – С. 212–214.

Васильев Е.А., Глызин И.П. Ясунское поселение – памятник энеолитического времени на севере Западной Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 97–117.

Васильев Е.А., Глызин И.П. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 121–124.

Васильев Е.А., Мец Ф.И. Памятники игрековского типа в Среднем Приобье // Сургут, Сибирь, Россия: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута, 22–25 марта 1994 г. – Екатеринбург: [б. и.], 1994. – С. 35–38.

Визгалов Г.П. О характеристике погребений энеолита – бронзового века таежной зоны Западной Сибири // Роль Тобольска в освоении Сибири: тез. конф., посвящ. 400-летию Тобольска, Тобольск, 3–5 июня 1987 г. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1987. – С. 13–15.

Визгалов Г.П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 47–53.

Визгалов Г.П., Фильчаков Е.Г. О рыболовстве древнего населения бассейна Конды эпохи раннего металла // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1988. – С. 20–25.

Викторова В.Д. Сосновый остров – стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. – 1968. – № 4. – С. 161–173.

Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // ПХКПАПЗС: материалы совещ., Томск, 25–31 мая 1970 г. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 254–270.

Викторова В.Д. Северная дорога контактов и миграций // Научный вестник. Обдорья: История, культура, современность. – Салехард: Красный Север, 2005. – Вып. 4 (35). – С. 19–30.

Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // НАУКА. ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК: Вестн. Урал. отд-ния РАН. – 2008. – № 1 (23). – С. 31–45.

Викторова В.Д. Генезис коптяковской культуры // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. – С. 98–106.

Викторова В.Д., Ченченкова О.П. Погребение эпохи бронзы в горнолесном Зауралье // Маргулановские чтения – 2011: материалы междунар. археол. конф., Астана, 20–22 апреля 2011 г. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 219–222.

Виноградов А.В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. – М: Наука, 1979. – С. 3–10.

Виноградов Н.Б. Страницы древней истории Южного Урала. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1997. – 160 с.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск: Абрис, 2011. – 176 с.

Виноградов Н.Б., Мухина М.А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев: Изд-во Куйб. гос. ун-та, 1985. – С. 79–84.

Волков Е.Н. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // ВААЭ. – 2002. – № 4. – С. 57–70.

Волков Е.Н. Поселение Имбиряй-1 // ВААЭ. – 2004. – № 5. – С. 32–37.

Волков Е.Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // ВААЭ. – 2006. – Вып. 7. – С. 22–35.

Волков Е.Н. Формирование раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья // ВААЭ. – 2007. – Вып. 8. – С. 9–17.

Волков Е.Н. Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 2 // ВААЭ. – 2010. – № 1 (12). – С. 15–26.

Волков Е.Н., Чикунова И.Ю. Поселение Липихинское 5 // ВААЭ. – 2006. – №. 7. – С. 36–48.

Гаджиева Е.А., Кокшаров С.Ф. О раскопках поселения Геологическое VII // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 143–145.

Гак И.Е. Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // КСИА. – 2011. – Вып. 225. – С. 69–87.

Гей А.Н. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. – М.: Наука, 1986. – Вып. 1. – С. 13–32.

Галкин В.Т. Этапы миграции населения Нижнего Притоболья в эпоху поздней бронзы // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – С. 27–29.

Галкин В.Т. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1989. – С. 129–136.

Галкин В.Т. Поселение Красная Гора (предварительное сообщение) // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1991А. – С. 86–93.

Галкин В.Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южнотаежном Тоболо-Иртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991Б. – 21 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–136.

Генинг В.Ф. Проблема теоретизации научного знания в археологии // Новые методы археологических исследований. – Киев: Наук. Думка, 1982. – С. 6–22.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – 408 с.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроновидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1991. – С. 52–60.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – С. 53–64.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Препр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994. – 67 с.

Глушков И.Г. Бронзолитейный комплекс поселения Крохалевка I // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 139–143.

Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1984. – С. 33–57.

Глушков И.Г. Поселение Лучкино I – памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1991. – С. 93–103.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Глушков И.Г. Характеристика текстильной керамики Чилимского микрорайона (низовья Конды) // Источники по археологии Западной Сибири. – Сургут: РИО СурГПУ, 2005. – С. 34–44.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). – Сургут: РИО СурГПУ, 2009. – 190 с.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Памятники атлымской культуры Нижнего Прииртышья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – С. 47–63.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. – Сургут: РИЦ СурГПИ, 2000. – 201 с.

Глушков И.Г., Петров А.И. Памятники самусьско-сейминской эпохи в лесном Прииртышье // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1984. – С. 21–33.

Глушков И.Г., Соболяникова Т.Н. Керамические комплексы низовий Конды эпохи ранней бронзы: анализ и интерпретация декоративных и технологических стандартов // Источники по археологии Западной Сибири. – Сургут: РИО СурГПУ, 2005. – С. 45–65.

Глушкова Т.Н. Общие тенденции развития ткацкого дела в Сибири в древности // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск: ИА АН РК, 1993. – С. 57–71.

Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 204 с.

Горбунов В.С., Горбунов Ю.В. О некоторых проблемах культурогенеза населения Южного Урала в эпоху бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 21–31.

Григорьев С.А. Технология древнего производства меди в Зауралье // Вопросы археологии Казахстана: Сб. науч. ст. – Алматы; М.: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 178–180.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: ООО АНТ, 1999. – 444 с.

Грушин С.П. Основные концепции археологической периодизации памятников эпохи бронзы юга Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина: материалы Всерос. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 84–88.

Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 392–395.

Грушин С.П. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века: монография / С.П. Грушин, Д.В. Папин, О.А. Позднякова, Е.А. Тюрина, А.С. Федорук, С.В. Хаврин. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 122–131.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века: монография / С.П. Грушин, Д.В. Папин, О.А. Позднякова, Е.А. Тюрина, А.С. Федорук, С.В. Хаврин. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 160 с.

Грязнов М.П. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы // КСИА. – 1966. – Вып. 108. – С. 31–34.

Гусенцова Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980. – С. 70–95.

Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Творч. об-ние «Каменный пояс», 1995. – С. 135–146.

Данченко Е.М. Ранний железный век южнотаежного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 21 с.

Дегтярева А.Д. Основные черты синташтинского металлопроизводства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 299–301.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 2010. – 162 с.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Результаты аналитического изучения металлических изделий // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. – С. 37–44.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен // ВААЭ. – 2001. – № 3. – С. 23–54.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР: материалы симпозиума. В сб. Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола: Госкомиздат Марийской ССР, 1991. – Вып. 19. – С. 102–113.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. – С. 107–116.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Ч. I. – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1994. – 262 с.

Дмитриев П.А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. – 1951А. – № 21. – С. 7–27.

Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. – 1951Б. – № 21. – С. 28–93.

Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю. Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО РАН, 1991. – С. 100–111.

Дубовцева Е.Н., Ковригин А.А. Раскопки объектов охотничье-промыслового назначения в Сургутском районе ХМАО–Югры // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 260–270.

Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульгганского типа селища Барсова Гора II/19 // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 211–240.

Елькина М.В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1977. – С. 104–118.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. – Кн. 5. – 192 с.

Епимахов А.В. Синташтинская радиоуглеродная хронология // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 49–51.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92–102.

Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура // Труды Музея археологии и этнографии Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – Т. II. – 526 с.

Есин Ю.Н. Предметы сегментовидной формы поселения Самусь-4 из коллекции МАЭС ТГУ и их аналоги: материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии // Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Т. III, вып. 1. – С. 90–104.

Зайтов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ) // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1985. – С. 17–33.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Изд-во «Наука» РК, 1993. – 246 с.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. – 96 с.

Зах В.А. Многослойное поселение Паром 1 у Салехарда // ВААЭ. – 1997А. – Вып. № 1. – С. 24–34.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997Б. – 132 с.

Зах В.А. Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // ВААЭ. – 2002. – № 4. – С. 25–36.

Зах В.А. Эпоха раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 55 с.

Зах В.А. Эпоха доандроновской бронзы // Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 127–134.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // ВААЭ. – 2012. – № 2 (17). – С. 29–40.

Зах В.А., Зимина О.Ю. Скотоводческие культуры эпохи бронзы // Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 135–158.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1991. – С. 13–42.

Зах В.А., Матвеева Н.П. Поселение «8-пункт» на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // ВААЭ. – 1997. – № 1. – С. 3–8.

Зах В.А., Скочина С.Н. Раскопки многослойного поселения Чепкуль 20 // ВААЭ. – 2006. – № 7. – С. 231–234.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // ВААЭ. – 2005. – № 6. – С. 24–41.

Зах В.А., Фомина Е.А. К вопросу о происхождении андреевской культуры // ВААЭ. – 1999. – № 2. – С. 14–21.

Захожая Т.М. Бронзолитейное производство в эпоху поздней бронзы (по материалам Нижней Конды) // Тобольский исторический сборник. Археология и этнология. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1994. – Ч. I. – С. 3–6.

Захожая Т.М. Лозьвинская культура таежной зоны Зауралья: Основные характеристики // XIV Урал. археол. совещ.: тез. докл., Челябинск, 21–24 апреля 1999 г. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 74–76.

Захожая Т.М. Чилимка III – памятник гребенчато-ямочной культурной традиции эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: РИО СурГПИ, 2001. – С. 58–64.

Захожая Т.М. Поселение Чилимка I – памятник эпохи поздней бронзы низовий Иртыша // Новое в археологии Среднего Прииртышья. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2003. – С. 105–114.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1973. – Вып. 12. – С. 21–43.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1983. – С. 48–68.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. – 1997. – № 2. – С. 47–62.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). – Челябинск: Крокос; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 260 с.

Зими́на О.Ю. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 232 с.

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 232 с.

Зотова С.В. О сибирских кельтах сейминско-турбинского типа // КСИА. – 1964. – Вып. 101. – С. 59–63.

Зудина В.Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. – Куйбышев: Обл. тип. им. Мяги, 1981. – С. 88–107.

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. – 232 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Атлымские городища // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – С. 106–123.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Волот, 2001. – 320 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 114–134.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытья 28 // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та. – Вып. 3. – С. 211–229.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета: коллектив. монография. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.

Зырянова С.Ю., Шаманаев А.В. Энеолитический комплекс стоянки ЮАО-ХШ-А // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2001. – Вып. 4. – С. 60–71.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 282 с.

Кайзер Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // КСИА. – 2011. – Вып. 225. – С. 15–27.

Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 24 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай I. – Алматы: АО «Костанайский печатный двор», 1998. – 255 с.

Калиева С.С. О зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 154–156.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Культурогенетические процессы III тыс. до н.э. в степях Зауралья и Северного Казахстана // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2006. – Т. I. – С. 380–382.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак // ВААЭ. – 2008. – №9. – С. 32–58.

Каменский С.Ю. Раскопки поселения Ендырское VIII в Октябрьском районе ХМАО – Югры в 2007 г. // ХМАО в зеркале прошлого. – Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во «РИФ» КоЛеСо», 2008. – Вып. 6. – С. 171–172.

Канивец В.И. Канинская пещера. – М.: Наука, 1964. – 136 с.

Канивец В.И. Печорское Приполярье в эпоху раннего металла. – М.: Наука, 1974. – 150 с.

Кардаш О.В. Раскопки стоянки Салехард 1 (Обской городок) в 1946 и 2000 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф.,

посвящ. 100-летию со дня рожд. В.Н. Чернецова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 17–20.

Кирчо Л.Б. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе // СА. – 1980. – № 1. – С. 158–173.

Кирюшин Ю.Ф. Изображения птиц и животных на керамической посуде из южнотаежного Приобья // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. – С. 112–116.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. – С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 295 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1): коллектив. монография. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Кельтеминарские наконечники стрел с поселения Тыткескень 2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 359–363.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – 183.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи: коллектив. монография. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Т. I. – 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи: коллектив. монография. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – Т. II. – 171 с.

Классен Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспектива эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Логос, 2000. – С. 6–23.

Ковалева В.Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1977. – С. 89–103.

Ковалева В.Т. Андреевская группа памятников в Нижнем Притоболье // ВАП. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1979. – Вып. 2. – С. 60–72.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 29-47.

Ковалева В.Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. – Препринт. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. – 62 с.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. – 131 с.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // ВАП. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1976. – Вып. 1. – С. 21–29.

Ковалева В.Т., Клементьева Т.Ю. История изучения аятской культуры // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 12–22.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В. Проблема перехода от энеолита к бронзовому веку в лесном Зауралье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР: материалы симпозиума. В сб. Археология и этнография Марийского края. Вып. 19. – Йошкар-Ола: Госкомиздат Марийской ССР, 1991. – С. 24–41.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 160 с.

Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 32–44.

Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – Вып. 20. – С. 45–70.

Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 153–164.

Ковалюх И.И. Абсолютные даты по ¹⁴C Института геохимии и физики минералов АН УССР // Вопросы этнокультурной истории Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1980. – С. 14–18.

Ковригин А.А., Морозов В.М., Погодин А.А., Сергеев А.С. Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // ХМАО в

зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 302–317.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1 (45). – С. 69–76.

Кокшаров С.Ф. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Препринт. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – С. 4–28.

Кокшаров С.Ф. Изучение ловчих ям таежных охотников на северо-западе Сибири // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: тез. докл. конф. – Сыктывкар: КНЦ АН СССР, 1991А. – С. 53–54.

Кокшаров С.Ф. Памятники позднего бронзового века р. Конды // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. – Уфа, 1991Б. – С. 66–69.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991В. – Вып. 20. – С. 92–101.

Кокшаров С.Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите – бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992А. – С. 3–17.

Кокшаров С.Ф. Восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез. докл. XII Урал. археол. совещ., Екатеринбург, 19–22 апреля 1993 г. – Екатеринбург: Полиграфист, 1993А. – С. 88–90.

Кокшаров С.Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УрО РАН, 1993Б. – С. 162–169.

Кокшаров С.Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1993В. – 23 с.

Кокшаров С.Ф. Тоболо-Иртышское междуречье в позднем бронзовом веке // УИВ. – 1997. – № 4. – С. 143–146. – Рец. на кн.: Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: ПАИМС, 1995. – 208 с.

Кокшаров С.Ф. Лозьвинского типа памятники // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1998. – С. 312–313.

Кокшаров С.Ф. Металлообработка на реке Конде в бронзовом веке // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: материалы науч. конф. – Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. — С. 64–65.

Кокшаров С.Ф. Громовержцы обских угров // Историческая наука на рубеже веков: статьи и материалы конф., посвящ. 60-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького). – Екатеринбург: Волот, 2000. – С. 40–56.

Кокшаров С.Ф. Предварительные итоги изучения поселения Геологическое XVI на Верхней Конде // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: тез. окруж. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Сургут. краевед. музея, Сургут, 24–27 ноября 2003 г. – Сургут: Дефис, 2003А. – С. 19–21.

Кокшаров С.Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры: пленарный доклад II Сев. археол. конгресса, Ханты-Мансийск, 24–30 сентября 2006 г. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006А. – С. 41–67.

Кокшаров С.Ф. Памятник атлымской культуры на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3 (31). – С. 53–62.

Кокшаров С.Ф. Березовский край в эпоху камня и раннего металла // Березово: очерки истории с древности до наших дней: коллектив. монография. – Екатеринбург: ИД Сократ, 2008А. – С. 22–29.

Кокшаров С.Ф. Некоторые проблемы изучения липчинской культуры // Россия и мир: Панорама исторического развития: сб. ст., посвящ. 70-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького. – Екатеринбург: Волот, 2008Б. – С. 141–153.

Кокшаров С.Ф. Раскопки поселения-могильника Большая Умытья 28 // ХМАО в зеркале прошлого. – Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во «РИФ» КоЛеСо», 2008В. – Вып. 6. – С. 124–127.

Кокшаров С.Ф. Из ранней истории Ломбовожа // УИВ. – 2009. – № 2 (23). – С. 67–74.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Волот, 2009А. – 272 с.

Кокшаров С.Ф. Энеолитические комплексы поселения Геологическое III // Человек и Север: Антропология, археология и экология: материалы Всеросс. конф., г. Тюмень, 24–26 марта 2009 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009Б. – С. 78–81.

Кокшаров С.Ф. Об истоках антропоморфных образов на керамике самусьской культуры // УИВ. – 2010. – № 1 (26). – С. 15–20.

Кокшаров С.Ф. Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. – С. 175–182.

Кокшаров С.Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011Б. – С. 75–90.

Кокшаров С.Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // УИВ. – 2011В. – № 1 (30). – С. 122–130.

Кокшаров С.Ф. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения севера Западной Сибири // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого: к 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. – Томск: Аграф-Пресс, 2012А. – С. 138–140.

Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды // ВААЭ. – 2012Б. – № 4 (19). – С. 27–42.

Кокшаров С.Ф. Подвеска-лунница с верховьев Конды (к проблеме трансуральских связей начала бронзового века) // УИВ. – 2012В. – № 3 (36). – С. 131–138.

Кокшаров С.Ф. Литейная форма ножа с могильника Сатыга XVI // Вестник Том. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2013. – № 3 (23). – С. 235–239.

Кокшаров С.Ф. Факты, комментарии, интерпретации // ВААЭ. – 2013Б. – № 2 (21). – С. 133–149. – Рец. на кн.: Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. – 192 с.

Кокшаров С.Ф. Сопла бронзового века с севера Западной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2014. Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. – С. 78–87.

Кокшаров С.Ф., Ермакова Н.Н. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атлымского типов // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – С. 12–21.

Кокшаров С.Ф., Зимин А.Н., Казанцева А.И., Кочнев А.В., Мотус А.И. Изучение Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО – Югры // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 264–267.

Кокшаров С.Ф., Зимин А.Н., Казанцева А.И., Мотус А.И. Археологические раскопки на поселении Ендырское VIII в Октябрьском районе ХМАО – Югры // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 340–342.

Кокшаров С.Ф., Морозов В.М. Геологическое // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1998. – С. 143–144.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // РА. – 2000. – № 4. – С. 109–127.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Северной Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 100–113.

Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. – С. 54–67.

Комарова М.Н. Томский могильник – памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1952. – № 24. – С. 7–50.

Корневский С.Н. О древнем металле бассейна р. Самары // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев: Изд-во Куйб. гос. ун-та, 1977. – С. 44–65.

Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. – 1969. – Вып. 115. – С. 79–83.

Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2003. – 287 с.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 26 с.

Корочкова О.Н. Самусьско-кижировский комплекс у д. Сайгатино ХМАО // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004А. – Вып. 2. – С. 318–323.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010А. – 104 с.

Корочкова О.Н. Первый металл в культуре таежных аборигенов Западной Сибири // III Северный археологический конгресс: тез. докл., Ханты-Мансийск, 8–13 ноября 2010 г. – Екатеринбург: ИД «ИздатНаукаСервис», 2010Б. – С. 100–102.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2011А. – 38 с.

Корочкова О.Н. Погребение литейщика в таежном Приобье // Археология Южной Сибири: к 80-летию Я.А. Шера. – Кемерово: РИО Кемер. гос. ун-та, 2011Б. – Вып. 25. – С. 129–136.

Корочкова О.Н. Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры // ВААЭ. – 2012А. – № 3. – С. 24–33.

Корочкова О.Н. Первый металл в культуре таежных аборигенов Западной Сибири и Среднего Урала // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012Б. Том 11, выпуск 3: Археология и этнография. – С. 137–147.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Погребальный обряд // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011А. – С. 21–29.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011Б. – С. 60–85.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Погодин А.А. Раскопки сейминско-турбинского могильника в Западной Сибири // АО – 2001. – М.: ИА РАН, 2002. – С. 428–430.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – Вып. 20. – С. 70–92.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Микрюкова О.В., Берсенева Н.А., Шарапова С.В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири: к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – С. 147–161.

Косарев М.Ф. Среднеобской центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии // СА. – 1963. – № 4. – С. 20–26.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья – М.: Наука, 1974. – 218 с.

Косарев М.Ф. Разведки по Иртышу и Конде // АО – 1976. – М.: Наука, 1977. – С. 208.

Косарев М.Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – С. 15–25.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 246 с.

Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987А. – С. 276–288 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987Б. – С. 252–267 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Косарев М.Ф. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987В. – С. 268–275 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987Г. – С. 289–304 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – Вып. 4. – 283 с.

Косинская Л.Л. Археологические памятники севера Западной Сибири. – Сургут: ИИЦ Сург. гос. ун-та, 1998. – 39 с.

Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // 120 лет археологии восточного склона Урала: первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. – Ч. 2: новейшие открытия уральских археологов. Материалы конф., Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. – С. 93–98.

Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исслед. 1999 г. – Салехард: Красный Север, 2000. – Вып. 3. – С. 13–23.

Косинская Л.Л. Комплекс эпохи бронзы поселения Пяку-то I // Самодийцы: материалы IV Сиб. симпоз. «Культурное наследие народов Западной Сибири», Тобольск, 10–12 декабря 2001 г. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. – С. 46–50.

Косинская Л.Л. Энеолит и эпоха бронзы // История Ямала: в 2 т. – Т. I: Ямал традиционный, кн. 1: Древние культуры и коренные народы. – Екатеринбург: Баско, 2010. – С. 47–60.

Косинская Л.Л. Каменный инвентарь // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. – С. 44–51.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 114 с.

Косинская Л.Л., Чемякин Ю.П., Зайцева Г.И. Радиоуглеродные даты с археологических памятников из окрестностей Сургута // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. – С. 141–146.

Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М. Радиоуглеродная хронология археологических памятников таежной зоны Западной Сибири // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 17–32.

Костомаров В.М. Андронидная общность в контексте проблем пахомовской культуры: историографический аспект // АВ ORIGINE: проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Три Т, 2008. – Вып. 2. – С. 6–35.

Костомарова Ю.В. Хозяйственная деятельность населения бронзового века Тоболо-Исетского междуречья: итоги и проблемы изучения // AD ORIGINE: проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Три Т, 2008. – Вып. 2. – С. 36–57.

Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 58–76 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 160 с.

Крижевская Л.Я. Тенденции развития каменного инвентаря Южного Зауралья в посленеолитическую эпоху // Энеолит лесного Урала и Поволжья: материалы II полевого симпозиума по проблемам археологии эпохи камня – бронзы лесной полосы европейской части СССР. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – С. 132–139.

Крутских Н.А., Шорин А.Ф. Черкаскульские могильники в Челябинской области // СА. – 1984. – № 4. – С. 150–162.

Кубышев А.И., Черняков И.Т. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. – 1985. – № 1. – С. 39–54.

Кудрич О.С. Керамика поселения Горный Сомотнёл как компонент формирования культуры населения низовьев Оби в эпоху энеолита–бронзы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 192–194.

Кудрич О.С. Север Западной Сибири: новые источники по энеолиту – раннему бронзовому веку низовий Оби // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Вел. Новгород: ОАО «Новгородский технопарк», 2011. – Т. II. – С. 233–234.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – 1966. – В4-9. – 120 с.

Кузьмина Е.Е. Об аньянской линии синхронизации сибирских бронз // Из истории Сибири. – Материалы совещ. по проблемам культур. и этнич. принадлежности археол. памятников Зап. Сибири, Томск, 15–19 мая 1972 г. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Вып. 7. – С. 31–39.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – М.: Восточная литература, 1994. – 464с.

Кузьмина Е.Е. Место андроновской культурной общности в Евразии // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докладов междунар. науч. конф. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. – С. 87–90.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: краев. зап. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – Вып. XV. – С. 56–63.

Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. – 1977. – № 2. – С. 20–34.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. – М.: Наука, 1983А. – 257 с.

Кузьминых С.В. Приуральские медистые песчаники и их использование в древности // Использование методов естественных и точных наук для изучения древней истории Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ; Алт. гос. ун-т, 1983Б. – С. 26–28.

Кузьминых С.В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: Проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез. докл. XII Урал. археол. совещ., Екатеринбург, 19–22 апреля 1993 г. – Екатеринбург: Полиграфист, 1993. – С. 116–119.

Кузьминых С.В. О металле эпохи бронзы поселения Палатки 1-2 // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2001. – Вып. 4. – С. 108–113.

Кузьминых С.В. Литейные формы // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011А. – С. 30–32.

Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011Б. – С. 32–37.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. – 2011В. – Вып. 225. – С. 240–263.

Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УрО РАН, 1989. – С. 178–197.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: учебник / под ред. акад. В.Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 2006А. – С. 219–270.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Эпоха раннего металла вне пределов Циркумпонтийской металлургической провинции // Археология: учебник / под ред. акад. В.Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 2006Б. – С. 205–219.

Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Втульчатые чеканы эпохи бронзы: истоки многовековой традиции // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого: к 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. – Томск: Аграф-Пресс, 2012. – С. 143–148.

Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: материалы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – С. 113–116.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Анализы меди и бронз с поселений Нижнего Прикамья эпохи раннего металла // Из истории Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. – С. 47–54.

Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тысячелетиях до н.э.: этапы культурного и социально-экономического развития. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1993. – 312с.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакассия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 294 с.

Лamina Е.В., Добрецов Н.Н. Технологические особенности керамики крохалевского типа // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 54–63.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. – 1986. – Вып. 185. – С. 43–50.

Линдафф К.М. Как далеко на восток распространялась Евразийская металлургическая традиция // РА. – 2005. – № 4. – С. 25–35.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Погребения каменного века могильника Бестатак // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. – С. 142–151.

Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – 240 с.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. – 191 с.

Малышкин А.В. Исследования на р. Конде в Тюменской области // АО – 1977. – М.: Наука, 1978. – С. 252.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. – 2004. – № 4. – С. 67–82.

Массон В.М. Введение // Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 5–8 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Матвеев А.В. О происхождении и начальном этапе истории саргатской культуры // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1988. – С. 56–65.

Матвеев А.В. Древние и средние века // Очерки истории Тюменской области. – Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. – С. 13–30.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. – 417 с.

Матвеев А.В., Волков Е.Н. Исследование не- и энеолитических памятников в Ингальской долине // ВААЭ. – 1999. – № 2. – С. 124–125.

Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине // ВААЭ. – 1997. – № 1. – С. 156–158.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Новый памятник переходного периода от бронзового века к железному в Сургутском Приобье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 53–63.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А. Археологическое наследие Тюменской области: памятники лесостепи и подтаежной полосы. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. – 240 с.

Матвеев А.В., Оношко О.М. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. – Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2009. – 416 с.

Матвеев А.В., Панфилов А.Н. Бронзовый век // Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной зоны. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1995. – С. 160–177.

Матвеева Н.П. Первые погребения переходного периода от бронзового века к железному в лесостепном Приишимье // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1991. – С. 78–84.

Матюшин Г.Н. О наконечниках кельтеминарского типа на Урале, в Предуралье и Западной Сибири // Памятники древнейшей истории Евразии. – М.: Наука, 1975. – С. 143–151.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 328 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973А. – Вып. 10. – 141 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Ч. 3: Андроновская культура // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973Б. – Вып. 11. – 150 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Ч. 4: Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974А. – Вып. 12. – 196 с.

Матющенко В.И. Этапы развития бронзолитейного производства в лесостепном Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974Б. – С. 47–54.

Матющенко В.И. Древняя история Западной Сибири: учеб. пособие. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 232 с.

Матющенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2001. – Том. II. – 173 с.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1994. – 223 с.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовки вблизи Омска. – Омск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье. – Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – С. 97–104.

Мельничук А.Ф. Верхнее Прикамье в эпоху бронзы // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф., Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 160–161.

Мерперт Н.Я. К вопросу о термине энеолит и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1981. – С. 4–21.

Мерперт Н.Я. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы // КСИА. – 1966. – Вып. 108. – С. 132–134.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ие, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ие, 1981. – С. 63–75.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 96–109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ие, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И. Победа бронзы // Сибирь: Атлас Азиатской России. – Новосибирск; Москва: Феория, 2007. – С. 412–413.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 8–13.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию акад. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 309–324.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Глушкова Т.Н., Глушков И.Г. Эксперимент в изучении текстильной керамики // Экспериментальная археология. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991. – Вып. 1. – С. 5–14.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3 (47). – С. 40–56.

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 325–328.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Работы на памятнике Преображенка 6 в Барабинской лесостепи // АО – 2006. – М.: Наука, 2009. – С. 619–621.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – 220 с.

Морозов В.М. Древние люди Нижней Оби // Очерки истории Коды. – Екатеринбург: Волот, 1995. – С. 5–27.

Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I – древнейшее городище Евразии? // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. – Вып. 21. – С. 143–170.

Морозов В.М., Стефанов В.И., Погодин А.А. Древнее поселение в бассейне Казыма // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: РИО СурГПИ, 2001. – С. 26–34.

Морозов В.М., Стефанов В.И., Федорова Н.В. Работы Северного отряда // АО – 1978. – М.: Наука, 1979. – С. 258.

Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск: Изд-во Южноурал. гос. ун-та, 2000. – С. 21–240 (Сер. «Этногенез уральских народов»).

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2003. – 220 с.

Мосин В.С. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. — № 2 (18). – С. 79–93.

Мосин В.С. Мезолит – энеолит Южного Зауралья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 56 с.

Мосин В.С. Центральный Урал в IV–III тыс. до н.э. // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007. – Вып. 25. – С. 150–173.

Мосин В.С. Центральный Урал в IV–III тыс. до н.э. // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 159–174.

Мочалов О.Д. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 78–89.

Мошинская В.И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // МИА. – 1953. – № 35. – С. 175–188.

Мошинская В.И., Лукина Н.В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1982. – С. 46–60.

Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // ВААЭ. – 2012. – № 3 (18). – С. 60–72.

Наговицын Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1984. – С. 89–123.

Наговицын Л.А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья. – Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – С. 82–96.

Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. – СПб.: Изд-ние Л.Ф. Пантелеева, 1898. – 656 с.

Носкова Л.В., Карачаров К.Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. – С. 146–169.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. – 184 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I–II // МИА. – 1950. – № 18. – 412 с.

Окладников А.П., Молодин В.И., Волков И.А. Памятник у села Атлым на реке Оби // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 118–125.

Орловская Л.Б. Цветной металл Болдыревского I могильника: приложение 1 // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнейшей культуры на Илеке. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. – С. 112–115.

Ошибкина С.В. Поселение Юртик // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980. – С. 29–66.

Панфилов А.Н. Новый тип памятников раннего бронзового века в южнотаежном Тоболо-Иртыше // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1989. – С. 150–157.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье (препринт). – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. – 80 с.

Панюшкина И.П., Усманова Э.Р., Миллс Б. Коррекция возраста Алакульской и Федоровской культур в Северном Казахстане по дендрохронологическим датам могильника Лисаковский // Маргулановские чтения – 2011: материалы междунар. археол. конф., Астана, 20–22 апреля 2011 г. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 431–434.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 66–75.

Пестрикова В.И. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979. – С. 99–110.

Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртыше // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1987. – С. 4–20.

Петров А.И. Неолит и ранняя бронза // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2. – С. 34–72.

Побережников И.В. Введение // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVII – начало XX в.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – С. 4–22.

Погодин А.А. Кварцевая индустрия на Севере Западной Сибири // XIV Урал. археол. совещ.: тез. докл., Челябинск, 21–24 апреля 1999 г. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 37–38.

Погодин А.А. Техничко-функциональная характеристика каменного инвентаря могильника Товкуртлор 3 // Северный Археологический Конгресс: тез. докл., Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 247–248.

Погодин А.А., Миронов П.А. Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО – Югры (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // ХМАО в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 132–167.

Погодин Л.И., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровлянка XVII // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. – С. 195–205.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири. Предтаежное и южно-таежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалевка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. – С. 36–46.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 104 с.

Посредников В.А. Культурно-хронологическое место комплексов поселения Самусь IV и некоторых других памятников Приобья // СА. – 1972. – № 2. – С. 28–41.

Посредников В.А. О культурно-хронологической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье (эпоха бронзы) // Из истории Сибири. – Материалы совещ. по проблемам культур. и этнич. принадлежности археол. памятников Зап. Сибири, Томск, 15–19 мая 1972 г. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Вып. 7. – С. 95–107.

Потемкина Т.М. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов // Из истории Сибири. – Материалы совещ. по проблемам культур. и этнич. принадлежности археол. памятников Зап. Сибири, Томск, 15–19 мая 1972 г. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. – 1973. – Вып. 7. – С. 53–64.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: ПАИМС, 2005. – 208 с.

Пошехонова О.Е. Памятник досейминского периода бронзового века в бассейне р. Пякупур // III Северный археологический конгресс: тез. докл., Ханты-Мансийск, 8–13 ноября 2010 г. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИД «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 130–131.

Пошехонова О.Е., Скочина С.Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Пякупур 3 в северотаежной зоне Западной Сибири // ВААЭ. – 2012. – № 1 (16). – С. 31–41.

Происхождение и хронология синташтинской культуры (материалы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь 2005 г.) // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 133–184.

Пряхин А.Д. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. – С. 7–32.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 124–131 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Пядышев Н.П., Хлобыстин Л.П. Новая стоянка в Печорском Заполярье // КСИА. – 1962. – Вып. 92. – С. 71–75.

Райнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. – М.: Изд-во мед. лит., 1955. – 640 с.

Расторопов А.В. Исследования в Кондинском районе Тюменской области // АО – 1983. – М.: Наука, 1985. – С. 237–238.

Рогозинникова Ю.В. Атлымские керамические комплексы Барсовой горы и Нижней Оби: Опыт сравнительного анализа // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы Всерос. (с междунар. участием) 43-й археол.-этногр. конф. молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – С. 189–191.

Рудковский С.И. Север Нижнего Приобья в период поздней бронзы // III Северный археологический конгресс: тез. докл., Ханты-Мансийск, 8–13 ноября 2010 г. – Екатеринбург: ИД «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 135–136.

Рудковский С.И. Особенности периода поздней бронзы в бассейне р. Сыня (по материалам поселения Лов-Санг-Хум III) // Вестн. Том. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2012. – № 2 (18). – С. 160–165.

Рудковский С.И. Региональные и хронологические особенности керамических комплексов атлымской культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2013. № 3 (23). – С. 266–270.

Рудковский С.И., Глызин И.П. Раскопки поселения Лов-Санг-Хум II // АО – 2005. – М.: Наука, 2007. – С. 509–511.

Рудометов П.Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: тез. докл. и сообщ. к конф. – Барнаул: [б. и.], 1991. – С. 44–47.

Рыжкова О.В. Ташковская культура в Нижнем Притоболье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1994. – 18 с.

Рыжкова О.В. Стоянка Береговая II Горбуновского торфяника: Итоги раскопок 1991–1992 гг. // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 59–75.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 226 с.

Салинз М. Экономика каменного века. – М.: ОГИ, 1999. – 296 с.

Салугина Н.П. Результаты изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 2 (46). – С. 82–94.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. – 192 с.

Сергеев А.С., Погодин А.А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. – С.170–194.

Серигов Ю.Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых дисков // СА. – 1977. – № 2. – С. 210–215.

Серигов Ю.Б. Работы Нижнетагильского отряда // АО – М.: Наука, 1983. – С. 173–174.

Серигов Ю.Б. Новые памятники Горбуновского торфяника // СА. – 1984. – № 2. – С. 102–114.

Серигов Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 29–47.

Серигов Ю.Б. Подвески и нашивки энеолитической эпохи (по материалам культового центра Шайтанского озера) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. – С. 100–108.

Серигов Ю.Б. Ловчие ямы в каменном веке Среднего Зауралья // Охранные археологические исследования на Урале. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2007. – Вып. 5. – С. 114–123.

Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – «святое» озеро древности // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. III. – С. 159–173.

Сериков Ю.Б. Неординарные и малоизвестные находки с памятников Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2010. – Вып. 6. – С. 67–75.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 341–346.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2 (38). – С. 67–77.

Скочина С.Н. Особенности каменной индустрии в эпоху энеолита на территории Притоболья // Человек и Север: Антропология, археология и экология: материалы Всерос. конф., Тюмень, 24–26 марта 2009 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. – С. 97–101.

Сладкова Л.Н. Модель культурной стратиграфии поселения Талья (поздний бронзовый век) // Экспериментальная археология. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991. – Вып. 1. – С. 29–33.

Сладкова Л.Н. Поселение Сатыга – памятник позднего бронзового века в верховьях Конды // Ежегодник-2002 Тобольского музея-заповедника. – 2003. – № 1 // Режим доступа: www.tobolsk-expedition.ru/autor/sladkova/sladkova_03.pdf

Сладкова Л.Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таежного Зауралья – Западной Сибири // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф., Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007А. – С. 164–167.

Сладкова Л.Н. Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007Б. – Вып. 25. – С. 134–149.

Сладкова Л.Н. Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 147–158.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: Наука, 1977. – 84 с.

Собольникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита – ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1999. – 22 с.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА. – 1962. – № 120. – 207 с.

Старков В.Ф. К вопросу о периодизации зауральского неолита // ПХКПАПЗС: материалы совещ., Томск, 25–31 мая 1970 г. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970А. – С. 1–11.

Старков В.Ф. Кокшарово I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. – 1970Б. – № 1. – С. 97–108.

Старков В.Ф. Стоянка Шапкуль и особенности энеолита в лесном Зауралье // ВАП. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1976. – Вып. 1. – С. 38–48.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 220 с.

Старков В.Ф. Культуры периода раннего металла // Вопросы археологии Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1981. – Вып. 15. – С. 66–70.

Стефанов В.И. Сузгунские погребения на Потчеваше // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1979. – Вып. 2. – С. 82–90.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО РАН, 1991. – С. 144–160.

Стефанов В.И. Древняя стоянка в Северном Зауралье // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2001А. – Вып. 4. – С. 72–77.

Стефанов В.И. Новые материалы по энеолиту Приказымыя // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: РИО СурГПИ, 2001Б. – С. 35–42.

Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. – С. 97–112.

Стефанов В.И. Забытая находка из Черноозерского могильника // РА. – 2004. – № 4. – С. 114–118.

Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. – 2006. – № 1. – С. 44–58.

Стефанов В.И. Керамика // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллектив. монография. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. – С. 51–56.

Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. – 1990. – № 3. – С. 44–65.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 79–90.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 108 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. – 160 с.

Стефанов В.И., Морозов В.М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казым // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1992. – С. 77–91.

Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н., Беспрозванный Е.М. Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита – энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири: к 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – С. 48–86.

Стефанова Н.К. Исследования в Кондинском районе // АО – 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 235.

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – С. 54–62.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 53–75.

Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО РАН, 1991А. – С. 132–143.

Стефанова Н.К. Ташковский культурно-хронологический комплекс // Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. – Препр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991Б. – С. 16–22.

Стефанова Н.К. Волвонча I // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1998А. – С. 124.

Стефанова Н.К. Пашкин Бор // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1998Б. – С. 393.

Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Археология таежного Обь-Иртышья (хроника полевых исследований на территории ХМАО). – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – 136 с.

Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. – 1988. – № 3. – С. 161–174.

Стефанова Н.К., Стефанов В.И. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: к 70-летию Т.М. Потемкиной. – Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2007. – С. 84–94.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М.: Наука, 1972. – 168 с.

Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. – М.: Наука, 1986. – 192 с.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. – М.: Наука, 1988. – 256 с.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век Северного Приуралья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1992. – 40 с.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. – М.: Изд-во «ДиК», 1997. – С. 213–313.

Стоколос В.С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 6–24.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад»: к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: ТОО «Старый сад», 2001. – С. 123–165.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 242–357.

Титаренко Ю.А. Лепестковидные подвески из камня на территории Среднего Прииртышья // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: материалы XLVIII регион. (IV Всерос. с междунар. участием) археол.-этногр. конф., Барнаул, 21–24 апреля 2008 г. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 96–97.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. – 1960. – № 90. – С. 5–115.

Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона // Проблемы советской археологии. – М.: Наука, 1978. – С. 86–93.

Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Поселение Танатово-IX // Новое в археологии Среднего Прииртышья. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. – С. 121–129.

Ткачев А.А. Погребение каменного века из Верхнего Прииртышья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 111–115.

Ткачев А.А. Комплексы эпохи бронзы поселения Оськино Болото // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы Всерос. конф., Тюмень, 26–30 марта 2012 г. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. – Вып. 2. – С. 174–178.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.

Ткачева Н.А. Исследование поселения Роза Ветров I на оз. Сингуль // ВААЭ. – 2004. – № 5. – С. 214–218.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Новые исследования на поселении Роза Ветров 2 // ВААЭ. – 2006. – № 7. – С. 235–240.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 304 с.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1985. – С. 54–69.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Орнаментальные традиции гончарства населения севера Западной Сибири в эпоху энеолита (по материалам поселения Горный Самотнёл 1) // Переходные эпохи в археологии: материалы Всерос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание», Сыктывкар, 11–17 ноября 2103 г. – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2013. – С. 50–52.

Тупота А.В. Энеолитическая керамика поселения Геологическое XVI // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности): материалы XLIV регион. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студ. и молодых ученых, Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2004 г. – Кемерово: [б.и.], 2004. – С. 120–121.

Тупота А.В. Комплексы энеолитической керамики поселения Ушья // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археол. студ. конф., Астрахань, 31 января – 3 февраля 2006 г. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. – С. 80–82.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитической керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 116–133.

Фаган Б., ДеКорс К. Археология. В начале. – М.: Техносфера, 2007. – 592 с.

Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV–XIII вв. до н.э. (к вопросу о периодизации андроновской культуры) // Тр. ГИМ. – 1960. – Вып. 37. – С. 56–59.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М. Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.

Фильчаков Е.Г. Гончарные традиции древнего населения бассейна р. Конды // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1989. – С. 3–12.

Хаврин С.В. Металлические изделия окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура и окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – Вып. 2. – С. 242–244.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. – М.: Наука, 1977. – 262 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 139–146 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Халяпин М.В. К вопросу о хронологическом соотношении абашевских и синташтинских памятников (историографический аспект) // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та, 2010. – С. 106–111.

Хвостов В.А. Захоронения эпохи энеолита могильника Боровлянка-XVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 134–139.

Хлобыстин Л.П. Исследования на севере Западной Сибири // АО – 1966. – М.: Наука, 1967. – С. 147–149.

Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. – 1973. – № 172. – С. 54–65.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – 65 с.

Хлобыстин Л.П. Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad Polus: Археологические изыскания. – СПб.: Фарн, 1993. – Вып. 10. – С. 29–35.

Хомич Л.В. Ненцы. – М.; Л.: Наука, 1966. – 330 с.

Чаиркина Н.М. Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого

Урала: тез. докл. XII Урал. археол. совещ., Екатеринбург, 19–22 апреля 1993 г. – Екатеринбург: УрО РАН, 1993. – С. 216–217.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 21 с.

Чаиркина Н.М. Зауральско-североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита // Уральский исторический вестник. Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – Вып. 4. – С. 26–39.

Чаиркина Н.М. Липчинский тип памятников // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1998. – С. 308–309.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 313 с.

Чаиркина Н.М. Археологическое исследование стоянки VI Разрез Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2010. – Вып. 6. – С. 134–156.

Челякин Ю.П. Новый могильник в Сургутском Приобье // СА. – 1980. – № 3. – С. 276–280.

Челякин Ю.П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1989. – С. 60–74.

Челякин Ю.П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1994. – 21 с.

Челякин Ю.П. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – С. 64–76.

Челякин Ю.П. Коркино I // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во "Екатеринбург", 1998. – С. 277.

Челякин Ю.П. Кульминский комплекс на поселении Геологическое III // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф., Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 208–213.

Челякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

Чемякин Ю.П. Лозьвинская керамика (по материалам поселения Ахтымья 1) // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. науч. ст. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. – Ч. 3. – С. 97–101.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 7–74.

Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Поселение начала I тысячелетия до н.э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 115–130.

Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Новое поселение барсовской культуры (предварительное сообщение) // Жилища народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – С. 106–114.

Чемякин Ю.П., Коротяев В.П. Многослойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // ВАП. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1976. – Вып. 1. – С. 49–62.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 7–71.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–245.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. – 1971. – Вып. В4-12. – 120 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – 1960. – № 88. – 272 с.

Черных Е.Н. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов: приложение // Бадер О.Н. Балановский могильник. – М.: АН СССР, 1963. – С. 363–369.

Черных Е.Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. – 1965. – № 129. – С. 96–110.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. – 1970А. – № 172. – 180 с.

Черных Е.Н. Спектроаналитическое изучение металла Сеймы и Турбина: приложение // Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970Б. – С. 155–173.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. – 1978. – № 4. – С. 53–82.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1983. – С. 81–99.

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М.: Языки славян. культуры, 2007. – 200 с.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 36–53.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. – М: Рукоп. памятники Древ. Руси, 2009. – 624 с.

Черных Е.Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию акад. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 386–400.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. – 2002. – № 1. – С. 5–23.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя (информационные материалы). – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 5–10.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: тез. докл. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 34–37.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 84–105 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной полосы вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тысячелетий до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. – М.: ИА РАН, 2011. – Вып. 2. – С. 24–62.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Базы данных радиоуглеродных датировок и коррективы релятивной хронологии Эпохи Раннего Металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: ИА РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 26–40.

Чикунова И.Ю. Комплекс археологических памятников на р. Иске // ВИАЭ. – 2004. – № 5. – С. 207–213.

Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. – 1959. – № 60. – С. 11–38.

Шилов В.П. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. – 1966. – Вып. 106. – С. 88–91.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – 208 с.

Шорин А.Ф. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. – Вып. 21. – С. 84–93.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий (проблемы культурогенеза): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск: АОТ «Полиграфист», 1995. – 48 с.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999А. – 182 с.

Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 1999Б. – 92 с.

Шорин А.Ф., Обыденнов М.Ф. История изучения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. – Препр. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 51 с.

Шульц Л.Р. Очерк Кондинского района // Урал. Техн.-экон. сб. – Вып. 8: Уральский Север. – Свердловск, 1926. – Ч. 2. – С. 19–58.

Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. – М.: КомКнига, 2005. – 192 с.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. – М.: Изд-ие ГИМ, 1940. – 104 с. (Тр. ГИМ. Вып. X).

Югорск: От легенды до точки на карте : монография / Н.Н. Баранов, С.В. Горшков, А.П. Зыков, В.В. Каплюков, С.Ф. Кокшаров, Н.А. Миненко, В.М. Морозов, А.Т. Шашков. – Екатеринбург: Волот, 1997. – 158 с.

Юнгер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Велужского могильника // РА. – 2005. – № 4. – С. 112.

Юровская В.Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // Вопросы археологии Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1973. – Вып. 12. – С. 3–20.

Юровская В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов мыс I // Вопросы археологии Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1975. – Вып. 13. – С. 86–91.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. – Cambridge: Univ. press, 1992. – 335p.

Erste Pferdezüchter und Metallurgen // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. – B. I: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau – Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. – Bochum: Grafisches Centrum Cuno GmbH & Co. KG, Calbe, 2013. – S. 168–179.

Krause R. The metallurgy of Kamennyi Ambar – settlement and semetry // Multidisciplinary investigation of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) // Frankfurter Archäologische Schriften. – B. 23. – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt. GmbH, 2013. – S. 203–231.

Logvin A., Ševnina I. Die Nekropole von Bestamak // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. – B. I: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau – Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. – Bochum: Grafisches Centrum Cuno GmbH & Co. KG, Calbe, 2013. – S. 231–244.

Molchanov I. Inventory of small finds // Multidisciplinary investigation of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) // Frankfurter Archäologische Schriften. – B. 23. – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt. GmbH, 2013. – S. 147–169.

Ortner D., Putschar W. G. J. Identification of Patological Conditions in Human Skeletal Remains. – Wash.: Smitsonian Institution Press, 1985. – 488 p.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad: Aurora, 1986. – 184 p.

Status durch glänzende Bronze // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. – B. I: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau – Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. – Bochum: Grafisches Centrum Cuno GmbH & Co. KG, Calbe, 2013. – S. 260–283.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКА УрГУ – Архив кабинета археологии Уральского госуниверситета (сейчас архив ПНИАЛ ИГНИ УрФУ)

АО – Археологические открытия

ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии

ГИМ – Государственный исторический музей

ГПИ – государственный педагогический институт

ГУП – государственное унитарное предприятие

ЕНУ – Евразийский национальный университет

ИА АН РК – Институт археологии Академии наук Республики Казахстан

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии (СО РАН)

ИГНИ – Институт гуманитарных наук и искусств

ИД – издательский дом

ИИА – Институт истории и археологии (УрО РАН)

ИИФИФ – Институт истории, философии и филологии

ИИЦ – Информационно-издательский центр

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам

ИПОС – Институт проблем освоения Севера (СО РАН)

ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР

КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт

КИО – культурно-историческая область

КНЦ – Коми научный центр (УрО РАН)

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МУ ИКНЦП – Муниципальное учреждение историко-культурный научно-производственный центр

НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт

НИИ при СМ УАССР – Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской Автономной Советской Социалистической республики

НПМП – научно-производственное многопрофильное предприятие
ОАО – открытое акционерное общество
ОКВК – общность культур валиковой керамики
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ООО – общество с ограниченной ответственностью
ПНИАЛ – Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
(ИГНИ УрФУ)
ППК – поздняя полымьятская керамика
ПХКПАПЗС – проблемы хронологии и культурной принадлежности
археологических памятников Западной Сибири
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РИО СурГПИ (У) – редакционно-издательский отдел Сургутского государственного
педагогического института (университета)
РИЦ – редакционно-издательский центр
РПК – ранняя полымьятская керамика
РЭ – Российский этнограф
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САО – северный берег оз. Андреевского
СК – самусьско-кижировский
СТ – сейминско-турбинский
ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
ТОО – товарищество с ограниченной ответственностью
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы (УрО РАН)
УИФ – Уральская издательская фирма
УНИЦ – Угорский научно-исследовательский центр (ИГНИ УрФУ)
УрО – Уральское отделение
УрФУ – Уральский федеральный университет
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЭРМ – эпоха раннего металла
ЮАО – южный берег оз. Андреевского
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ